РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЗАВЕТНЫЕ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ СЛАВЯН

ФРИДРИХ С. КРАУСС

Заветные истории южных славян

В двух томах

Том I

Издание подготовил
Л.В. Бессмертных

Научно-издательский центр
«ЛАДОМИР»
Москва

Составитель издания, подготовитель текстов,
научный редактор переводов, составитель примечаний,
указателей и библиографических описаний
Л.В. Бессмертных

Авторы статей
Раймонд Л. Бёрт, Михаэль Мартишниг

Переводчик
с южнославянских языков и их диалектов
Г.Ф. Дунда

Переводчики с немецкого
А.Г. Москвин, А.В. Фролов

Рецензент
А.Г. Москвин

На форзаце и нахзаце — рисунки Ф.-С. Краусса

© Бессмертных Л.В., составление, подготовка текстов, примечания, указатели, библиографические описания, 2009.
© Дунда Г.Ф., перевод, 2009.
© Фролов А.В., перевод, 2009.
© Москвин А.Г., перевод, 2009.
© Научно-издательский центр «Ладомир», 2009.

ISBN 978-5-86218-424-2 (Т. 1)

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без договора с издательством запрещается

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В 2009 году исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося еврейско-хорватского фольклориста, литератора и сексолога Фридриха Саломо Краусса (1859–1938). Отечественному читателю наследие австрийского ученого практически неизвестно, хотя его уникальное собрание эротического фольклора южнославянских народов Австро-Венгерской империи, сложившееся по преимуществу во время экспедиции Краусса 1884–1885 годов в Боснию, Герцеговину, Славонию и Далмацию, может быть поставлено в один ряд со знаменитыми «Народными русскими сказками не для печати» А.Н. Афанасьева и «Байками не для печати» В.Н. Гнатюка.

Настоящее русское издание «Заветных историй южных славян» предварено тремя статьями – первые две, сугубо историко-биографического характера, были опубликованы Австрийской академией наук в составе тома, посвященного пятидесятилетию со дня смерти Ф.-С. Краусса, третья – открывает сборник «Народные предания южных славян», подготовленный на основе краусовских архивов и выпущенный в Вене в 2002 году. Помещаемые вместе, статьи позволяют составить масштабное представление о личности автора данной книги.

ÖSTERREICHISCHE AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN
PHILOSOPHISCH-HISTORISCHE KLASSE
SITZUNGSBERICHTE, 549. BAND

MITTEILUNGEN DES INSTITUTS FÜR GEGENWARTSVOLKSKUNDE
SONDERBAND 3

RAYMOND L. BURT

FRIEDRICH SALOMO KRAUSS (1859–1938)

Selbstzeugnisse und Materialien zur
Biobibliographie des Volkskundlers,
Literaten und Sexualforschers mit einem Nachlaßverzeichnis

Mit dem Beitrag von MICHAEL MARTISCHNIG

„Zum 50. Todestag von Friedrich Salomo Krauss
(Salomon Friedrich Krauss). Eine Nachlese."

VERLAG
DER ÖSTERREICHISCHEN AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN
WIEN 1990

*Раймонд Л. Бёрт**

ФРИДРИХ САЛОМО КРАУСС (1859–1938)
АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ И ДОКУМЕНТЫ ПО БИОБИБЛИОГРАФИИ ФОЛЬКЛОРИСТА, ЛИТЕРАТОРА И СЕКСОЛОГА**

Предварение

В начале 1980-х годов я, студент германистики и фольклора (Folklore) Калифорнийского университета (Лос-Анджелес), участвовал в работе семинара профессора д-ра Дональда Уорда Хэнда (Donald Ward Hand). Занимаясь балладами, я случайно узнал от профессора, д-ра Уэйланда Хэнда (Wayland Hand), что в библиотеке университета трудился до самой своей смерти в 1968 году Вильгельм Краусс, сын Фридриха Саломо Краусса. Профессор [У.] Хэнд лично знал Вильгельма и в начале 50-х годов помог ему твердо стать на ноги в Лос-Анджелесе. Не обнаружив в архиве биб-

---

* Бёрт, Раймонд Л. (род. 1951, г. Ро́ли, шт. Сев. Каролина, США) – д-р филологии, ассистент заведующего кафедрой современного языка в частном иезуитском римско-католическом университете Лойолы Мэримаунта (Лос-Анджелес, шт. Калифорния). Образование получил в Австрии и Германии, специалист по австрийской литературе XX в. В 1981 г. обнаружил архив Ф.-С. Краусса в библиотеке Калифорнийского университета. С тех пор занимается изучением биографии и наследия этого ученого. Подготовил издания ранее не опубликованного двухтомника «Тысяча преданий и сказок южных славян» (совместно с Дональдом Уордом) и собрания песен гусляров (совместно с Питером Хорвотом).

** Библиографическое описание немецкого издания, по которому осуществлен перевод этой и следующих статей, см. в заметке «От составителя» наст. изд. При ссылках на немецкий оригинал этой статьи будем пользоваться сокращением «Burt 1990», на русский перевод – «Бёрт». В связи с тем, что Ф.-С. Краусс и Р.-Л. Бёрт использовали один и тот же термин «Volkskunde» (букв.: «народные вести») в разных зна-

лиотеки никаких документальных зацепок, я решил выяснить, кто работал здесь дольше всего, и в результате вышел на тогдашнего заведующего отделом рукописей, который еще мог помнить Вильгельма Краусса. Во время нашего разговора он среди прочего упомянул, что Вильгельм передал в дар библиотеке несколько коробок с рукописями. Выяснилось, что речь идет о наследии его отца Фридриха Саломо Краусса. В 13 коробках*, хранившихся под чужим именем, в полном беспорядке лежали какие-то бумаги. В дальнейшем администрация библиотеки поручила мне просмотреть и упорядочить архив, а затем составить его опись.

Ненадолго остановившись в Вене летом 1982 года в поисках документов по биографии Ф.-С. Краусса, я посетил Австрийский музей фольклористики (Österreichische Museum für Volkskunde). Там я познакомился с его директором надворным советником д-ром Клаусом Байтлем (Klaus Beitl), который всерьез заинтересовался моей работой и архивными разысканиями. В мое распоряжение он предоставил имеющиеся в научно-историческом архиве Института современной фольклористики (Instituts für Gegenwartsvolkskunde) биографические заметки и поддержал меня в моих начинаниях.

Чтобы иметь возможность проводить более интенсивные поиски документов о жизни и деятельности Ф.-С. Краусса, я добился получения стипендии Фонда Фулбрайта, которая при поддержке Австро-американской комиссии по образованию позволила мне провести 1983/84 академический год в Вене. Всё это время, равно как и в мои дальнейшие ежегодные пребывания там д-р [К.] Байтль консультировал меня и оказывал всяческое содействие, за что я обязан выразить ему глубокую признательность. Благодарю также Еву Каузель (Eva Kausel) из Института современной фольклористики за помощь и сотрудничество.

Данная публикация задумана как мозаика автобиографических пассажей в том виде, в каком они встречаются почти во всех опуб-

---

чениях — то как «фольклор» (т. е. произведения устного народного творчества), то как «фольклористика» (т. е. наука о фольклоре), будем переводить его в зависимости от контекста, приводя в скобках его написание на языке оригинала. То же самое относится и к случаям употребления англоязычной фольклористической и сексологической терминологии. Немецкие термины «Volksforschung» и «Volk<s>forscher» переводятся соответственно как «изучение фольклора» и «исследователь фольклора» (в смысле «энтузиаст-любитель»). Здесь и далее дополнения в тексте и в «Примечаниях», взятые в квадратные скобки, а также постраничные сноски принадлежат Л.В. Бессмертных.

* В описи архива — 15 коробок.

ликованных трудах Ф.-С. Краусса. Цитаты из его богатой корреспонденции дополнят картину. По-видимому, наш герой когда-то сам составил свою автобиографию, ее даже цитировали его современники, но пока, к сожалению, она не обнаружена. <...>

Течения в духовной и культурной жизни Вены рубежа 19–20-го столетий, зарождающийся антисемитизм, ростки стремления женщин к эмансипации, возникновение сексологии (Sexualwissenschaft) и достижения [Зигмунда] Фрейда образуют тот фон, на котором следует рассматривать творчество Фридриха Саломо Краусса. Это период угасания монархии, укрепления национального самосознания, институционализации предмета фольклористики (Volkskunde) благодаря основанию Общества (Verein)* и Австрийского музея фольклористики (1894–1895). Несомненно, место нашего героя в истории австрийской фольклористики еще предстоит осветить подробнее. Специфические аспекты его деятельности рассмотрел Кристоф Даксельмюллер в «Венской еврейской фольклористике»**, но многое еще осталось не в фокусе внимания.

В написании настоящей статьи неоценимую помощь оказал Йесс Ниренберг (Jess Nierenberg), позволивший ознакомиться с библиографией Краусса. Выражаю благодарность библиотекам и архивам, из фондов которых приводятся выписки:

- Австрийской национальной библиотеке, Вена (Österreichische Nationalbibliothek, Wien);
- Архиву фотодокументов Австрийской национальной библиотеки, Вена (Bildararchiv der Österreichische Nationalbibliothek, Wien);
- Собранию рукописей Университетской библиотеки, Бонн (Handschriftensammlung der Universitätsbibliothek, Bonn);
- Немецкому литературному архиву Национального музея Шиллера, Марбах-на-Неккаре (Deutsches Literaturarchiv im Schiller-Nationalmuseum, Marbach a. N.);
- Баварской государственной библиотеке, Мюнхен (Bayerische Staatsbibliothek, München);
- Университетской библиотеке, Мюнхен (Universitätsbibliothek, München);
- Специальной коллекции Университетской научной библиотеки, UCLA, Лос-Анджелес (Special Collections, University Research Library, UCLA, Los Angeles).

---

* Австрийское общество фольклора (Österreichische Verein für Volkskunde).

** См.: *Daxelmüller, Christoph.* Wiener jüdische Volkskunde // Österreichische Zeitschrift für Volkskunde. Wien, 1987. Bd. 90/41. S. 209–230.

Детство и юность

В общих чертах жизнь Фридриха Саломо Краусса (1859–1938) типична для еврея-интеллигента его поколения. Он вырос в небольшом селе на юго-восточной окраине Габсбургской империи и в молодые годы, в надежде на лучшую жизнь, переселился в столицу – Вену, желая повысить свое образование.

Фридрих родился 7 октября 1859 года в Бурназовица-Броде (Burnazovica-Brod), в то время турецком селении, под Пожегой (Požega)* в Славонии. Единственный сын торговца мануфактурными товарами Вильгельма Вольфганга Краусса (Krauss, Wilhelm Wolfgang) (17.09.1813, Боньхад (Bonyhád), Венгрия – 27.11.1890, Вена) и Эрнестины-Евы Херцог (Herzog, Ernestine Eva; 1817–1888, Плетерница), наш герой, по-видимому, имел двух сестер, одну из которых звали Амалия. Больше о составе его семьи ничего не известно.

Его отец говорил на пяти языках и был чрезвычайно начитан, но не состоялся как ученый, не сумев по финансовым причинам получить основательного образования. В дальнейшем он жил у своего сына в Вене.

Мать пробудила в маленьком Фридрихе любовь к фольклору (Volkskunde) и вплоть до своей смерти собирала материал для его исследований:

«Восемьдесят лет назад (в 1803 г.) отец моей матери поселился в Дрлис-Вальде (Drlis-Walde) под Гаем (Gaj) в Хорватии, в новом селе угольщиков. Мой дедушка должен был содержать девять детей и больную жену. Поэтому ему приходилось много работать. Всю неделю он бродил по окрестностям, торгуя вразнос, и, когда в пятницу вечером приходил домой, у него почти не оставалось времени на воспитание детей. Поэтому его маленькая дочь не выучилась ни читать, ни писать. Предоставленная сама себе, она росла, как цветок на пустыре, среди простого крестьянского люда и полностью переняла его обычаи и взгляды. Поэтому образованная публика моего родного городка прозвала ее с иронией "старухой-колдуньей" ("бабой-врачарой"). Моя мать – кудесница, иначе как объяснить тот факт, что я – всецело во власти ее чар? Она – источник моих лучших мыслей, и всё мое весьма скромное остроумие – от нее»[1].

«Моя мать выросла <...> среди земледельцев и, одаренная отличной наблюдательностью и великолепной памятью, свыклась с мыслями и чувствами южнославянских крестьян. В детстве она

---

* В наст. время – в Хорватии, в 1921–1991 гг. – Славонска-Пожега. Ср. в наст. изд.: Мартишниг. Примеч. 23. (См. ** на с. 136.)

рассказывала мне легенды, сказки, пела песни, знакомила со всякого рода народными традициями, в то время как отец, начитанный в иудейской литературе, рассказывал мне чудеснейшие еврейские истории и прилежно знакомил с мудростью Востока. Не мне судить, удалось ли ему это и, если «да», то насколько. Зато рассказы матери оставили глубокий отпечаток на моем сердце и в моей голове. Сам я с большой любовью наблюдал за жизнью южных славян во всех ее проявлениях и, поскольку не мог полагаться только на свою память, записывал всё представлявшееся ценным.

Обладая живым, проницательным умом, мягким характером и добрейшей душой, моя мать всегда была готова помочь и творила только добро. Касательно непонятного народного кудесничества, которое отец не считал достойным внимания, она обычно говорила мне: "Человек должен уметь всё и ни в чем не нуждаться. Не важно, будешь ты зарабатывать себе на хлеб как сельский трудяга или станешь гаоном*, как наш предок Меир Ротенбургский (Meïr der Rothenburger), или учителем, как прадеды рабби Аншель (Anschel), рабби Симон (Simon), рабби Йоссель (Jossel), рабби Шломо (Schlomo), или станешь таким же умным, как бабушка Реле (Rehle), – изучай людей, которые тебя окружают, не благоволи плохим, но люби хороших и своим примером учи их бескорыстно помогать другим". Сама она отличалась невероятной скромностью и правдивостью. Мать никогда не нежничала со мной, хотя возлагала на меня большие надежды. Она лишь щедро делилась своими богатыми воспоминаниями, чтобы развеселить меня.

Приятное она соединяла с полезным. Любила рассказывать о вилах (лесных девах, лесных духах), ведьмах, вампирах, оборотнях, привидениях и ужасных колдовских штучках, которым, по ее мнению, народ верил больше, чем священному христианскому учению. При этом всякий раз она добавляла, что мне не суждено увидеть эти ужасы и никакое колдовство мне не навредит, ибо я рожден в пятницу и у меня рыжие кудри. Я верил ей и постепенно приобрел бесстрашие и уверенность в жизни. Даже педагоги гимназии, не останавливавшиеся и перед телесными наказаниями, не говоря о некоторых чванливых профессорах университета, не внушали страха. Они казались мне пугалами, обтянутыми человеческой кожей, не способными объяснить, почему я так уж неуязвим для вил и волшебства»[2].

---

* Га́он (букв.: «величие», «гордость») – титул глав еврейских академий в Вавилонии VI–XI вв. Позже, утратив значение официального титула, термин употреблялся в качестве почетного эпитета, отличающего выдающегося знатока и толкователя Закона (Торы).

О том, насколько наш герой почитал свою мать, можно узнать из писем, написанных им вскоре после ее смерти:

«Меня и, увы, нашу науку постиг суровый удар. 12 числа сего месяца в Плетернице (Pleternica), Славония, умерла моя любимая мать, самый большой знаток души южнославянского народа. Я не нахожу утешения, душа моя страждет. Только упорный труд может спасти меня. Покойная матушка собрала для меня сведения по народным поверьям южных славян примерно на два толстых тома. Это едва ли не самый лучший и ценный материал такого рода, коим я обладаю»[3].

«Мой отец, напротив, был полон зрелой, мрачной житейской мудрости Горация. Она лучше всего выражалась в убеждении, что мир населен плутами и висельниками, разного рода разбойниками, которые все стремятся к одному: любыми способами обобрать честного человека. Самое лучшее для мудреца – отстраниться от всего, отказаться от должностей, наград, титулов и званий и жить самому по себе, вдали от суетного мира, который уже не исправить. Этим премудростям мог бы последовать потерпевший кораблекрушение на одиночном коралловом рифе в южном море, для меня же они не годились, ведь сам я при всех моих очень скромных потребностях вынужден был заботиться о своих престарелых родителях и сестрах»[4].

«Семьей я* был предрасположен и предопределен к тому, чтобы избрать карьеру ученого. Жизненная необходимость заставила его (Вильгельма Краусса. – *Р.Б.*) стать торговцем, но от науки он не отказался. Мой отец хорошо знал еврейскую и немецкую классическую литературу и при этом был необыкновенно честным и добрым человеком. <...> Многие годы он писал о еврейском народе для "Всеобщей еврейской газеты"** и словом и делом помогал мне в изучении фольклора славянских народов (Slavischen Volksforschungen)»[5].

«С детских лет отец и мать учили меня быть независимым от мнения толпы и воспитали во мне настойчивость. <...> Им я обязан своим до сих пор не пошатнувшимся здоровьем, веселым нравом, самодисциплиной, терпением, позволяющим давать отпор всем противникам. Но прежде всего – образом мыслей, свободным от всякого мистицизма и давшим почву моей склонности к изучению

---

* Р.-Л. Бёрт приводит цитату из «Некролога» 1891 г., написанного Ф.-С. Краусом в связи с кончиной его отца – Вильгельма. В первой же строке Ф.-С. Краусс говорит о себе, далее – речь только об отце.

** Allgemeine Zeitung des Judenthums: Ein unparteiisches Organ für alles jüdische Interesse... Leipzig: Baumgärtner's Buchhandlung, 1837–1922. Букв. пер.: «Всеобщая газета еврейства».

фольклора. Пристрастие это берет свое начало во впечатлениях моей юности, которыми я опять же обязан своим родителям. Оба были чудесными рассказчиками сказок и преданий, и этим скрасили мои детские годы»[6].

«Восьмилетним мальчиком я увлекся изготовлением бумажных змеев, охладев к волнующей игре в «разбойники», «пристенки*, «свайку»**, ловле пиявок на загородных болотах и даже обследованию колоколен в поисках летучих мышей. И, поскольку это выпадало на время каникул, когда основная масса моих сверстников была за городом, а остальные оказывались в моем безусловном подчинении, то с ними даже подраться было немыслимо. Чтобы произвести впечатление на свою свиту, я изготовил необычного змея, который был настолько длинным <...> и широким, что выглядел уродцем. Каркас был сделан из тонких ивовых прутьев, на которые я натянул бумагу для рисования, а физиономию нарисовал сапожной ваксой. Для балансировки змей был снабжен двумя хвостами, на каждом болталось по метелке из перьев. Нить для змея я раздобыл, отвязав на складе бечевку от пакетов со слабоскрученной уточиной*** пряжей, ватой, нитками для вязания, связал куски бечевки вместе и смотал в клубок. С этим толстым клубком я возглавлял шествие, следом за мной два оруженосца несли чудовище: переднюю часть – Перица Коневич (Perica Konjević)[4*],

---

* «Пристéнка» (*нем.* «Anmäuerln») – детская игра с камешками (бабками); первоначально была с монетами, бросавшимися о стену, причем удачность и характер падения решали в пользу выигрыша или проигрыша. Игроки бросают, например, монету, большим пальцем о стену. Тот, чей брошенный объект упадет ближе всего к стене, получает все брошенные монеты. Игра родилась после 1464 г., когда постоянно нуждавшийся в деньгах Фридрих IV разрешил своим кредиторам в большом количестве чеканить монеты, чтобы хоть как-то покрыть долги. Появившиеся таким образом монеты были настолько обесценены, что дети даже придумывали игры с выброшенными металлическими деньгами.

** «Свáйка» («Bleipecken») – игра, родственная русской забаве в свайку: соревнование на точность попадания острым металлическим стержнем в кольцо.

*** Утóчина – поперечная нить ткани, расположенная перпендикулярно к нитям основы.

4* Публикуя фрагменты автобиографических заметок Краусса, Р.-Л. Бёрт все сербохорватские личные имена, фамилии и топонимы воспроизводит без учета надстрочных (диакритических) знаков латинской графики сербохорватского алфавита. В наст. изд. все имена и географические названия перепроверены по сербохорватским биографическим, библиографическим и картографическим справочникам.

который спустя 15 лет передал сербскому литературному обществу в Нови-Саде (Neusatz) 30 000 флоринов на нужды народного образования, заднюю часть нес Эзау (Esau), обжора, в настоящее время – побирушка; одну метелку из перьев нес Пепи К. (Pepi K.), сидящий сейчас в сумасшедшем доме, поскольку возомнил себя первобытным хорватом (Urchrowote), другую – дворянин Бенчетич (Benćetić), который уже женат, тачает крестьянские сапоги, ваяет детей и производит сладкое вино. Итак, мы бесстрашно поднимались на Шлоссберг (Schlossberg) к развалинам замка турка Шестокриловича (Sestokrilović), владевшего когда-то тринадцатью языками лучше, чем боснийским, но не сумевшего вовремя конвертировать свое имущество в облигации государственного займа.

В тот знойный день, в его второй половине, веял легкий ветерок, и мой змей упрямился и не хотел подниматься в небо. Чтобы заставить его взмыть вверх, мне пришлось основательно побегать и размотать большую нить. Постепенно бечевка начала всё сильнее врезаться в нежную мякоть моих детских рук; выпускать ее я не хотел, но и плакать не имел права, иначе подмокла бы моя репутация.

Про себя я горько винил свою манию величия, ибо резь была нестерпимой.

Но уже близилось избавление в лице враждебно настроенного уличного мальчишки. Полный коварства, он поднял с земли камень и швырнул его змею в нарисованную ваксой пасть. Это не понравилось чудовищу. Он дважды кувыркнулся в воздухе и грохнулся на черепичную крышу мезонина адвоката Нойнфингера* (у него было девять пальцев) – звали его Ковачевич (Kovačević) – и сорвал несколько черепиц. На месте чрезвычайного происшествия немедленно появилась одноглазая Энихен, словоохотливая управляющая старого холостяка, в сопровождении ручной откормленной свиньи, трусившей за нею, подобно собачонке, и собралась было прочитать нам длинную нотацию. Я услышал только вступление: "Проклятая ребятня!" Бросив на произвол судьбы обломки змея и веревку, я стремглав помчался вниз на Лёвенгассе (Löwengasse), где немедля после катастрофы укрылись мои верные приятели»[7].

«Славонский городок Пожега к тому времени, когда я посещал здесь школу, по переписи населения насчитывал 2800 жителей»[8].

«Беда моя была в том, что в школе за меня взялся один учитель – воплощение садизма. Так, уже восьмилетним ребенком, я стал догадываться о связи жестокости и сладострастия.

---

* Но́йнфингер (Neunfinger) – букв.: «девять пальцев», «девятипалый».

В первом классе гимназии у меня было три с половиной десятка одноклассников. Я был спокойным, тихим мальчиком, который предавался мечтаниям и никого не трогал. Чтобы, с одной стороны, иметь повод для наказаний, а с другой — развлечь моих одноклассников, учителя натравливали их на меня. Я был самым младшим в классе, мне было неполных девять лет, тогда как остальным — по одиннадцать–пятнадцать. От учителей мне приходилось всё сносить, зато от одноклассников я отбивался. У меня были острые ногти на руках, отличные зубы и крепкие ноги. На том, кто поднимал на меня руку, я вымещал злость, царапая и кусая неприятеля до крови.

Это состояние войны длилось почти два года, пока каждый из учеников не обзавелся возлюбленной и они не погрузились в сердечные дела. Питая к соученикам лютую ненависть, я прислушивался к их куцым историям. То, что я слышал, вызывало лишь ненависть, презирал я и водившихся с парнями девок, и эротику, с которой таким образом ближе познакомился»[9].

«Одним из моих товарищей по гимназии был цыган, довольно способный, смышленый мальчик, тихий и печальный, ибо бедность порождает смирение. Он умер молодым от бесчисленных толчков, ударов в ребра и пинков ногами своих светлокожих товарищей по учебе»[10].

«Уже гимназистом я видел это произведение ("Южнославянские орнаменты" Феликса Лая*, он же — Сречко Лай (Srećko Lay)), и не мог надивиться превосходным "южнославянским" узорам, совсем мне незнакомым; ведь, будучи сыном торговца, из года в год продававшего крестьянкам центнеры шерсти для вышивания, я знал запросы крестьян, по крайней мере, в Славонии и понимал, что достижимо для крестьянки, а что нет»[11].

«Меня удивлял тот факт, что в четвертом классе я был единственным примерным учеником, превосходившим всех остальных. Те, казалось, лишились памяти. Из-за женщин они совершенно перестали развиваться, начали глупеть и тупеть. Боясь провалиться, одноклассники были искренне рады, что могли списывать у

---

* *Lay, Felix*. Ornamenti jugoslovenske domaće i umjetne obrtnosti / sabrao i izdao Srećko Lay; Ornamente südslavischer nationaler Haus-und-Kunst-Industrie, / gesammelt und hrsg. von Felix Lay in Argam; Ornaments des arts et metiers des Slaves du sud. Wien, 1875–1884.

Idem. Die Verbreitung und Cultur der Südslaven: Ihre Poesie, Hausindustrie, Ornamentik etc. nebst einem Costümbilde (in Holzschn.), Literarische Beilage und erläutern der Text zu dem Werke: Südslavische Ornamente / gesammelt und hrsg. von Felix Lay; gezeichnet von Friedrich Fischbach. Essegg: F. Lay; Hanau: F. Fischbach, [1871]. 27 S., 21 Bl. Ill.

меня домашние и контрольные задания. Поэтому крайне редко кто-либо из них нападал на меня. Впрочем, я ни с кем не разговаривал и лишь кратко и, как правило, вежливо отвечал на вопросы.

В пятом классе нас было восемнадцать учеников. Однажды, вскоре после Дня всех святых, ко мне обратился один из товарищей по школе: "Сулейман (так они называли меня, если чего-то хотели), сегодня вечером в гостинице "У золотого ягненка" состоится бал. Мы все туда идем, и ты тоже ступай с нами. Мы тебя приглашаем!" — "Спасибо, не хочу!" — "Ну пойдем же, мы сняли Кату (Kata) до полуночи, и во время танца в зале каждый по очереди будет заходить к ней в комнату. Если хочешь, тебя мы пустим к ней первым". — "Я без гроша". — "Будь же благоразумным. У нас уже есть для нее три гульдена, тебе не придется платить".

С этой Катой, женщиной легкого поведения из гостиницы, я уже имел дело восемь дней назад, и она, вероятно, еще не забыла наших, во всяком случае несколько поверхностных, отношений. Тогда, во второй половине дня, она пришла к нам в магазин и попросила необжаренного кофе на сорок крейцеров. Моя мать бросила на нее презрительный взгляд, а отец сказал мне: "Фриц, обслужи ее, чтобы она поскорей выметалась отсюда!" Я отвесил женщине кофе, а когда она уходила, отец несколько резко повторил ей, что будет лучше, если в следующий раз свои покупки она сделает в другом месте. Обратившись ко мне, он заметил: "Этот двуногий чумной бубон приперся сюда только ради тебя — приманить и совратить. Ее хозяин не наш клиент и наверняка не посылал ее сюда". Примерно через полчаса, держа перед собой кулек, с дикими воплями Ката ворвалась в магазин: "Кофе червивый. Вы обманули меня!" Я осмотрел кофейные зерна; конечно, никакими червями там и не пахло. Я сказал ей об этом. Но вопреки всему ей непременно хотелось перечить, и она закричала: "Я требую назад свои деньги, обманщик!" В тот же миг я схватил тяжелую дубовую линейку и дважды хватил ее по рукам. Третий удар, который сгодился бы для мула, пришелся ей по спине, когда она выбегала за порог.

И это была та самая героиня, ради которой мои однокашники жертвовали собой на вечернем балу?

На следующий день "представитель класса" потребовал объяснений: "Отчего ты не появился?" Я молчал. "Было так хорошо, — продолжал он, — мы чудно развлеклись. Поскольку ты не пришел, тебя заменил наш учитель!" — "Для него сгодится и Ката!" — хмыкнул я.

Примерно через неделю в поведении моих соучеников случилась разительная перемена. Они открыли, что поражены страш-

ной венерической болезнью, и вскоре после этого все их разговоры закрутились вокруг испытанных домашних средств, о которых они узнавали у старых, знающих толк в медицине крестьянок, у подмастерьев и прочих осведомленных людей. Я слушал и записывал рецепты. Вот так скромно начиналась "Антропофитея" ("Anthropophyteia").

Постепенно состояние парней настолько ухудшилось, что, то один, то другой, они стали посещать двух врачей нашего городка. Неизвестно, смогли бы эти официальные представители искусства врачевания, с момента получения медицинского диплома не державшие в руках ни одной книги, ни одного журнала по специальности, вылечить моих захворавших одноклассников, даже если бы те обратились за помощью сразу после заражения. Несколькими месяцами спустя в тесной школьной комнате пахло столь дурно, что я не раз испытывал приступы тошноты. Самые несчастные душераздирающе стонали, их жалкие физиономии вызывали во мне глубочайшее чувство сострадания. Трое учеников, сидевших до этого со мной за первой партой, перебрались назад, и до окончания гимназии только я один сохранял за собой первую парту. Некоторые из больных заразили еще и своих домочадцев. В течение трех лет меня не покидало чувство ужаса и страха; одни из моих однокашников покончили жизнь самоубийством, другие — умерли от паралича, и даже тот учитель скончался паралитиком в сумасшедшем доме [г.] Граца (Graz).

Случившееся отрезвило мой разум и сделало недоступным для всех прелестей эротики. С содроганием я узнавал о тех ужасах, кои могут таить в себе милые взгляды и очаровательные улыбки. Желая докопаться до сути, я всегда прислушивался, когда люди рассказывали эротические истории, беспрестанно наблюдал за каждым, даже самым незаметным действием любовников, охваченных страстью, и отмечал всё казавшееся мне достойным записи»[12].

«В школе многое зависело от памяти, поскольку учителя были вовсе не наставниками, а контролерами или капканщиками, ради своего удовольствия сопровождавшими проверку палочными ударами, тумаками, таскáнием за уши, пинками, заставлявшими стоять коленями на кукурузных зернах и наказывавшими долгим сидением взаперти. На подобные ежечасные наказания мы, мальчишки, отвечали ревом».

«Это было также 8 лет назад. Тогда я ходил в седьмой класс гимназии. Весной каждую среду я обычно отправлялся после обеда на прогулку за город с моим одноклассником Х., славным парнем. Однажды нам навстречу вышла симпатичная шестнадцати-

летняя девушка-брюнетка, дочь мастера, делавшего о́панки*, о которой я знал, что она по уши влюблена в моего товарища. Она протянула ему красную розу и предложила ее понюхать. Он сделал это и передал цветок мне. Я вдохнул и замер, совершенно одурманенный, сознавая, что вот-вот повалюсь от тошнотворного удушья. Мой приятель грубо схватил девушку за шею и закричал: "Признавайся! Ты пропитала розу, чтобы околдовать меня?" Он душил ее с такой силой, что она с трудом могла сказать: "Немой за Бога (Nemoj za Boga)! (Не надо, ради Бога!)" В гневе он швырнул ее на землю и заставил розу съесть. Таким образом, думал он на полном серьезе, чары исчезнут. Я пытался защитить девушку от ярости товарища, то есть держал ее, а он начал бить. Как сильно он ее ни колотил, девушка не издала ни звука. У нас троих было достаточно оснований, чтобы не растрезвонивать об этом случае. Я вспоминаю о нем только потому, что девушка действительно призналась: с помощью специально обработанной розы ей хотелось приворожить парня»[13].

«В первое воскресенье августа 1877 года в Плетернице портной Мика Гаврич (Mika Gavrić) сказал мне: "Пойдем со мной в горы, в Заградже (Zagragje). Там появилась новая колдунья (врачара), которая абсолютно верно всё предсказывает". Мы стали подниматься по крутой тропе через Ферклеви (Ferkljevi) и Кадановци (Kadanovci) и через три часа были на месте. Женщина оказалась вдовой, принявшей в дом зятя. Ее дом состоял из пары комнат, разделенных кухней. В большой комнате, растянувшись на высокой кровати городского типа, лежала крестьянка. На потолочных балках висело несколько копченых свиных окороков, большой кусок шпика, на жердях — масса расшитых полотенец, а на столе высились три большие, сплетенные из соломы корзины для хлеба, одна — наполненная крейцерами, другая — мелкой серебряной монетой, а третья — крупной серебряной монетой; исключительно дары благочестивых посетителей. Воздух в комнате был невероятно спертый и затхлый. Крестьянка казалась очень утомленной. На вид ей было лет пятьдесят. По чистой случайности в это время она не спала. Отвечая на вопросы, она городила всякую чепуху. Заметив меня, она велела посетителям выйти и оставить нас наедине. "Ах, дорогой мой Фрича, — сказала она, — и ты оказал мне любезность своим визитом! Подумать только, я была так бедна, что мне приходилось голодать и плакать, я была последней в деревне. Но теперь Бог и Пресвятая Богородица мне так помогли, что за голодание и побои я сторицей получаю воздаяние. Не выставляй меня на посме-

* О́панки (ед. ч. опанок) — простая крестьянская кожаная обувь.

шище перед своими родителями, выбери себе какой-нибудь подарок, какой только приглянется, и похвали меня людям!" Чтобы ее не обидеть, я взял полотенце и сказал ждавшим на улице посетителям: "Действительно, она сказала мне чистую правду!" (Рассказ об этом посещении стал моей первой литературной работой, написанной по-немецки, но газеты отклонили ее как "неактуальную".)»[14]

Экзамен на аттестат зрелости Ф.-С. Краусс сдал 26 июля 1877 года в Пожеге.

Годы учебы в Вене

«Восемнадцать лет назад мне пришлось распродать свои книги за бесценок, чтобы после сдачи выпускного экзамена покрыть путевые издержки на переезд из Пожеги в Вену. Директор школы насмехался надо мной: "Через шесть недель ты пешком притопаешь обратно". У меня еще было одиннадцать крон, когда я прибыл в Вену, но с Божьей помощью нашел выход из положения и с оценкой "отлично" получил диплом со степенью доктора»[15].

В Венском университете Краусс учился с 1877 по 1881 год. Его учебной специальностью были классическая филология и история. Семья не могла позволить себе оплачивать его учебу в столице, поэтому ему приходилось уповать на меценатство состоятельных покровителей.

Сначала он жил в Вене на Шёнбергтассе, 9, а во время летнего семестра – на Пратерштрассе, 6/3. В первый год обучения он посещал занятия по греческой грамматике, латинской стилистике и семинары по Вергилию, Платону, Аристотелю и Феокриту.

В начале второго года обучения наш герой указал изменение профессии своего отца: вместо «торговца в Пожеге» тот стал «землевладельцем в Нова-Градишке (Bauernwirth in Neugnadizka)». Фридрих переехал на новую квартиру по Пратерштрассе, 7, но уже весной переселился в I район на Габсбургергассе, 3.

Уже в первый год учебы в университете Краусс начал собирать статьи по «эротическому» фольклору («erotischen» Volkskunde).

«Летом 1879 года, как обычно, в субботу, я зашел в небольшую кофейню "У шмаусваберль*" ("Zum Schmauswaberl") на Иезуитенплатц во Внутреннем городе Вены, чтобы почитать штутгартский еженедельный журнал по географии и этнографии "Зарубежье" ("Das Ausland"). Там я наткнулся и на статью "Флора японика" г-жи

---

* Шмаусваберль – легковерная, прямодушная женщина (когда-то этим словом обозначали продавщиц остатков блюд с придворного стола).

фон Кудряффски ("Flora Japonica" der Frau [Eufemia] von Kudriaffsky [1820–1881]). Ее работа захватила меня. Я вдруг понял сущность, власть и силу вил (лесных духов), обитающих как в диком лесу, так и в любом цветке. Журнальное сообщение дало мне полное понимание народных торжеств южнославянских крестьян, аналогичных японским праздникам цветов. Поскольку человек по сути все-таки существо половое (Geschlechtwesen), всё, чем он занимается, так или иначе связано с его половым влечением (Geschlechtlichkeit), и поскольку я не дал запутать себя призраками салонной науки, но принял народ (Volktum) таким, каков он есть, а не таким, каким, по мнению некоторых преобразователей мира, должен быть, то я прежде всего собирал всё, что касалось проявления полового инстинкта (Geschlechttriebes)»[16].

На третьем и четвертом году учебы в университете возрос интерес нашего героя к оккультизму:

«В 1880–1881 годах мне выпало удовольствие присутствовать на некоторых "сеансах" одного из самых одиозных англо-американских спиритов и собраниях высокородных венских представителей "науки о духах" ("Odwissenschaft"). Господа занимались этим точно так же, как заклинатель из Славонии. Приготовлены были всякие вещи, чтобы духи четвертого измерения лучше могли подвергнуться процессу "материализации". Медиум хлопал в ладоши и заклинал духов. У присутствующих, не исключая и меня, ему удалось вызвать галлюцинации»[17].

Весной 1880 года, когда Фридрих посещал курс психологии у д-ра Роберта Циммермана (Zimmermann, Robert [1824–1898]), он впервые записался на семинар не по специальности.

На последнем году обучения в университете Краусс снова назвал в качестве адреса своего отца Плетернищу в Славонии. У профессора Фридриха Мюллера (Müller, Friedrich [1834–1898]) он также записался на один год санскрита. 9 марта 1882 года, по окончании восьми семестров, он сдавал экзамен профессорам Теодору Гомперцу (Gomperz, Theodor [1832–1912]) и Карлу Шенклю (Schenkl, Karl [1827–1900]). Экзамен по основному предмету проходил с 11.00 до 13.00, и его принимали профессора [Т.] Гомперц, [К.] Шенкль, Отто Хиршфельд (Hirschfeld, Otto [1843–1922]) и [Юлиус] Визнер (Wiesner[, Julius; 1838–1916]). Наш герой выдержал его на «adprobatus per unanimia»*. Экзамен по второстепенному предмету, философии, последовал 28 марта и длился всего час.

Профессора Р. Циммерман, [Ю.] Визнер и [Теодор] Фогт (Vogt[, Theodor; 1835–1906]) выставили ему оценку «adprobatus per majo-

* Одобрено единогласно (*лат.*).

га»* — Р. Циммерман** проголосовал отрицательно. [В 1881 году] Краусс опубликовал свой перевод и комментарий к «Символике снов» Артемидора Далдийского (II в. до н. э.; и это первое произведение посвятил своим покровителям Эмилю Скариа (Scaria, Emil [1836–1886]) и Максу Нойде (Neuda, Max [1831–1911]). Перевод консультировал профессор [К.] Шенкль, а помогал править друг Краусса, студент филологии Герман Драйкурс (Dreikurs, Hermann).

Свою диссертацию «De praepositionum usu apud sex scriptores historiae Augustae»*** Фридрих представил на рассмотрение в 1882 году [опубликована: Wien, Pest und Leipzig, 1882]. В июле того же года при содействии своего бывшего учителя профессора Фридриха Мюллера Краусс работал над «Картиной» Кебеса (1890)[4*]. В октябре 1882 года он подготовил к печати первый том «Преданий и сказок южных славян»[5*], но в поисках издателя столкнулся с трудностями и обратился за помощью к боннскому профессору Г.[-К.] Узенеру (Usener [, Hermann Karl; 1834–1905]).

В это время Краусс проживал в VII районе на Циглергассе, 2, 2 подъезд, 3 этаж, дверь 16. В 1883 году, на 24 году жизни, он перебирается в VII район на Зигмундсгассе, 13. В тот год он изменил и направление своих исследований, переключившись на славянский фольклор. На жизнь же продолжал зарабатывать судебными переводами и этой профессии отдал еще многие годы жизни. Тогда же он познакомился с Феликсом фон Лушаном (Luschan, Felix von [1854–1924]), впоследствии экспертом Берлинского суда на процессе против Краусса.

Фольклорные материалы наш герой получал из различных источников: от своего бывшего учителя, профессора Франца Кошчала (Franz Košćal)[6*], коллеги, д-ра Филиппа Лёва (Löw, Philipp),

---

* Одобрено большинством голосов (*лат.*).

** В оригинале вместо Р. Циммермана в последних двух случаях ошибочно упомянут Wutteronz.

*** «О предлогах, использованных шестью авторами истории Августа» (*лат.*).

[4*] То есть переводил с древнегреческого сочинение Кебеса из Фив (Kebes, Cebes), ученика Сократа, «Картина»; 1-е изд., с дополнением (переводом с арабского Ф. Мюллера) — 1882 г.; 2-е изд., с изменением заглавия и дополнением (другим переводом с арабского и испанского) — 1890 г.; см. их описания в «Библиографическом списке...»: Krauss. Cebes 1882; Krauss. Cebes 1890. В немецком оригинале ошибки: заглавие указано как «Картина Кребеса» и о дате 2-го издания сообщается: «"Das Gemälde von Krebea" (1890)».

[5*] См.: Krauss 1883/1.

[6*] Так в изд.: Krauss 1885; возможно, это Франц Кос (1853–1924).

от друзей – Вида Вулетича Вукасовича (Vid Vuletić Vukasović [Vukasović-Vuletić, Vid или Vuletić-Vukasović, Vid; 1853–1939]) и Николы Тординца[18], а также черпал из журналов, книг для народного чтения и газет. О своей деятельности в это время Краусс сообщил в [печатном] посвящении барону [Фердинанду фон] Андриан-Вербургу:[19]

«В мае прошлого (1883) года я пришел с рекомендациями от моего глубокоуважаемого учителя, профессора Фридриха Мюллера, и <...> от фон Хохштеттера (Hochstetter [, Ferdinand von; 1829–1884, геолог]), Вашего друга, к Вашему Высокопревосходительству, президенту Венского антропологического общества (Anthropologischen Gesellschaft in Wien). Я намеревался совершить этнологическую (ethnolographische) научную поездку к южным славянам и просил о рекомендательном письме от общества. Ваше Высокопревосходительство вступили со мной в разговор о целях моих исследований и поручили мне написать работу об обычном праве южных славян. Мне, специалисту по южнославянскому фольклору, пришлась по душе мысль о создании такого труда, меня приятно удивило и обрадовало то доверие, что было оказано мне столь авторитетной стороной. Всем сердцем я откликнулся на поручение и отложил свою поездку до окончания его исполнения. Почти пять месяцев я провел рядом с Вами в Альт-Аусзее (Alt-Aussee), с раннего утра и до позднего вечера отдаваясь исключительно работе. Вы по-отечески заботились обо мне, доставали необходимые вспомогательные средства и поддерживали советом. Каждая строка вдумчиво прочитывалась и обсуждалась. Мои мысли прояснились, усердие росло с каждым днем и часом. Такого наставника у меня не было за все годы учебы, вплоть до Фридриха Мюллера. За этот короткий промежуток времени я духовно возмужал на пять лет»[20].

В 1884 году наш герой писал о своей жизни в Вене:

«Старое и верное наблюдение – нигде не живешь так спокойно и незаметно, как в большом городе. Наша старинная Вена с ее миллионом жителей являет собой в этом отношении самые удивительные противоречия. В одном ряду домов жизнь кипит и царит оживление, толчея, суета, а в переулке – воскресная тишина и покой. Мы живем на тихой улочке, дома тесно прижаты друг к другу, один похож на другой, четырехэтажные, без украшений, невыразительные, унылые, одним словом, доходные дома. В заднем корпусе одной из таких построек на уровне земли расположена моя рабочая комнатушка. Двор, часть которого я наблюдаю, сидя за бюро, составляет в ширину примерно 10 метров, а в длину – в четыре раза больше. Днем взрослые обитатели дома, как правило,

отсутствуют. Каждый занят своим делом. Только у окна напротив меня сидит молодая девушка, швея. С раннего утра и до позднего вечера она сидит там и всё шьет и шьет. Когда утром она распахивает окна, я киваю головой, приветствуя ее, она с улыбкой благодарит, и больше мы не мешаем друг другу. Ведь мы в большом городе. Иногда перед моим окном резвятся милые малыши жильцов дома. Я с большой охотой наблюдаю за ними, и они тоже смотрят на меня с не меньшим удовольствием. Порой рассказываю какую-нибудь сказку бедным пленникам, не знающим, как цветет пшеница, где зреет айва.

Пожалуй, сострадание к детишкам побудило владельцев дома прошлой весной посадить во дворе несколько кустов сирени и две тонкие липы. С этого момента началась новая жизнь. Когда перед моим окном была посажена первая липа, я послал за границу первый том своих "Преданий и сказок южных славян". Тогда я подумал: "А ведь эта липа – древо жизни моего труда, она будет его символом". Мысль пришла кстати. Весна согрела землю, деревце окрепло и, к моей большой радости, вместе с ним – и мое произведение.

Успех первого тома – поистине блестящий для условий Германии. Как писал мне мой славный издатель, тираж в тысячу экземпляров почти распродан. За год мне попалось на глаза более 17 рецензий на мою книгу. Самые авторитетные знатоки и исследователи фольклора (Gebiete der Volkskunde), такие как Либрехт (Liebrecht [, Felix; 1812–1890]), Кох (Koch [, Theodor; 1847–1927]), фон Шуленбург (Schulenburg [, Wilibald von; 1847–1934]), Гачет (Gatschet [, Albert; 1832–1907]), Хаттала (Hattala [, Martin; 1821–1903]), Гебауер (Gebauer [, Johann; 1838–1907]), Богишич (Bogisić) [Bogišić, Valtazar = Богишић, Валтазар; 1834–1908] и другие и прежде всего Вы, мой учитель (Фридрих Мюллер. – *Р.Б.*), высказались самым благоприятным образом об этой работе. Но больше всего меня радует то, что мои старания увенчались всеобщим успехом даже на моей родине. Число моих сотрудников и помощников увеличивается с каждым днем и часом. Отовсюду ко мне в изобилии поступают новые, ранее неизвестные и весьма ценные материалы. Тонкий стволик превращается в сильный ствол.

Но полностью откровенным было признание только некоторых компетентных людей. Другие даже находили, что покритиковать. Своими замечаниями о важности и значении исследования преданий я нажил себе массу открытых и тайных врагов. Мне следовало бы, пожалуй, поступить по наставлению одного из самых оригинальных наших поэтов:

Tausend Sagen & Märchen

DER

SÜDSLAVEN

Gesammelt und verdeutscht von

Dr Friedrich S. Krauss.

Leipzig. Ethnologischer Verlag.

Bücher schreiben,	Хватит писать книги,
Das laß bleiben,	Этим наживаешь
Das macht Feinde dir fürs Leben.	Себе врагов на всю жизнь.
Laß die Mucken,	Оставь причуды
Das zu drucken,	Печатать то,
Was der Geist dir eingegeben.	Что внушил тебе разум.
Mit dem Lobe	За похвалой
Kommt das grobe	Следует грубая
Zeterschrei'n nach alter Weise,	Ругань, как прежде,
Denn verschieden	Ибо в этом мире
Ist hienieden	Вкусы у читателей
Der Geschmack der Leserkreise.	Разные.

Но не стоит жалеть о том, что произошло. Какой бы злой и суровой ни была чья-то критика, до тех пор, пока она основана на фактах, я чувствую себя обязанным выразить критику мою искреннюю признательность, ведь:

Teuer ist mir der Freund, doch auch den Feind kann ich nützen.
Zeigt mir der Freund, was ich kann,
lehrt mich der Feind, was ich soll*.

Мне дорог друг, но и без врага не обойтись.
Друг говорит мне о том, что могу,
враг же учит тому, что я должен».

Научная поездка
(1884–1885 годы)

Интерес Ф.-С. Краусса сосредоточился на фольклоре, и он стал основным объектом его исследовательской работы. Очень скоро дело дошло до издания части собрания, посвященного славянским народам (slavishen Volkskums), над которым он трудился с детства (1883). Двухтомные «Предания и сказки южных славян»** получили признание кронпринца Рудольфа***. При посредничестве

---

* Источник цитирования Р.-Л. Бёртом не указан, но письмо, несомненно, адресовано Фердинанду фон Андриан-Вербургу.

** См.: Krauss 1883–1884.

*** Рудольф Франц-Карл Иосиф (1858–1889) – эрцгерцог и кронпринц австрийский, единственный сын императора Франца-Иосифа. Получил прекрасное образование, владел почти всеми языками народов Австро-Венгрии, способствовал процветанию наук и искусств. Покончил с собой вместе со своей возлюбленной из-за невозможности развода с женой.

друзей из Венского антропологического общества нашему герою была оказана поддержка этого общества в научной поездке по Герцеговине и Боснии. Лишь позднее, в докладе 10 марта 1887 года перед Научным клубом, он впервые упомянул о содействии его поездке кронпринца Рудольфа. Путешествие продлилось с марта 1884 года по август 1885-го и послужило трамплином для академической карьеры Краусса. По возвращении он благодаря своим докладам и публикациям в рамках Антропологического общества был признан экспертом по южнославянскому фольклору, но одновременно с этим приобрел лютых врагов в академических кругах Сербии, а в Вене потерял расположение маститых ученых.

Десятого февраля 1884 года была учреждена Этнографическая комиссия (Ethnographische Commission), и Краусс был избран ее членом. Целью комиссии стало собирание «также материалов для этнографического исследования как нашей страны, так и соседнего Балканского полуострова»[21], для чего ею было поддержано распространение «Анкеты по этнографии южных словян» («Fragebögen über die Ethnographie der Südslaven»), составленной Ф.-С. Крауссом*. В 1884 году вышла статья под заглавием «Южнославянские предания о ведьмах»** [, объединенная общим замыслом с опубликованной ранее, в 1883 году, другой статьей:] «Южнославянские предания о чуме»*** [, причем обе были напечатаны в одном и том же журнале].

«В мае 1884 года по инициативе г-на барона [Фердинанда] фон Андриан-Вербурга и по поручению Венского антропологического общества я отправился в Боснию и Герцеговину с целью сбора на месте этнографических данных. К этой поездке я подготовился благодаря обстоятельному изучению южнославянских народов, результаты коего [впоследствии] опубликовал в нескольких трудах.

Вскоре после первого знакомства со страной я заметил, что в народных устах еще живет великое множество эпических песен древности. Поначалу я пробовал заняться католическими певцами, затем – староверами, впрочем, особо не выигрывая от этого. Только после того, как я свыкся с образом жизни славянских мусульман и эти мусульмане стали видеть во мне себе подобного,

---

* См.: *Krauss, F.S.* Ethnographische Fragebögen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. I. Südslaven / von Friedrich S. Krauss. Wien: A. Hölder, 1884. VI, 48 S.

** См.: *Krauss, F.S.* Südslavische Hexensagen / von F.S. Krauss // Mittheilungen Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Wien, 1884. Bd. XIV. S. 13–48.

*** См.: Krauss 1883a.

передо мной буквально раскрылись шлюзы богатейшей эпической народной поэзии.

Удивителен тот факт, что в полутора днях езды по железной дороге от Вены проживает близкое немцам славянское племя, в котором простые, неграмотные люди могут читать наизусть длиннейшие эпические стихи. Говоря о народном эпосе, отметим, что греки находились на этой стадии культурного развития примерно в VII веке до Рождества Христова, а германцы — отчасти еще во времена первых Каролингов»*. [22].

Следующее описание поездки Краусса содержится в статье д-ра [Альфреда] Кинда:

«Чтобы не быть убитым первой же бандой разбойников, Краусу приходилось совершать рискованные поездки чуть ли не в облачении самого жалкого бродяги. Ведь в этих небезопасных местах ему нельзя было вызывать ни малейшего подозрения и ни в коем случае будить недоверие крестьян; работа ведь заключалась в том, чтобы подслушивать рассказы этих людей и точно, зачастую тайком, записывать на бумагу все эти бесконечные песни, изречения, смешные рассказы и т. д. Денег он с собой не носил и, когда не мог ночевать в душных и вонючих хатах, то холодными горными ночами устраивался прямо на улице, на земле; охранял его только верный слуга гусляр Милован Илия Црлич Мартинович Рговлянин (Milovan Ilija Crljić Martinović Rgovljanin).

Тягот было не меньше, чем при какой-нибудь поездке в глубь Африки. Не каждый сможет не мыться порой по шесть недель или, превозмогая себя, давиться затхлой кислой капустой с тараканами, в то время как пули осаждающих разбойников залетают через сквозные проемы в стенах пещеры»[23].

Сам Краусс описывает свое путешествие следующим образом:

«Когда я, собравшись в научную поездку, находился в пути, то почти всегда оказывался предметом насмешек и издевательств со стороны "образованных", считавших меня обреченным и отказывавших мне в праве на существование. Со временем все они изменили свое мнение»[24].

«Я путешествовал лишь затем, чтобы собрать и сберечь этнографический материал. Это было тяжелое, самоотверженное странствование от хижины к хижине, из деревни в деревню, летом и зимой, и кроме того, целыми днями мне приходилось сидеть в наполненных табачным дымом, тесных, зловонных помещениях и с раннего утра и до поздней ночи усердно записывать правой рукой

---

* Королевская (с 751 г.) и императорская (с 800 г.) династия во Франкском государстве.

на левом колене песни гусляров и прочие народные предания. Кроме того, надо было внимательно наблюдать за нравами и обычаями, снова писать и задавать вопросы»[25].

«В поездке мне помогали сердечной дружбой испанские евреи. Они считали меня настоящим славянином и признавали за своего, несмотря даже на мое немецкое имя»[26].

«Путешествуя, я предпочитал, завернувшись в конскую попону, ночевать иной раз под открытым небом даже зимой, чем в грязи, вони и с паразитами в боснийской крестьянской избе. Мои заметки я тоже чаще делал на открытом воздухе, сидя во дворе или на улице. Одного очень хорошего гусляра, крестьянина Муйо Сеферовича (Mujo Seferović) из Сепака (Sepak), я спросил, есть ли у него свой дом. Он ответил: "У меня маленький домик, так, кровля одна". Из присущего мне любопытства я поднялся к нему в горы, чтобы посмотреть на его жилище, надеясь, честно говоря, утолить у него голод. Высокая крыша, покрытая гнилой соломой, и вместо стен из камня или кирпича – плетень из хвороста, обмазанный глиной! Хлеба и мяса в любезном доме не оказалось. Мое посещение он и его семья почли за большую честь и чувствовали себя крайне польщенными. Хозяйка, которая так и не появилась, прислала мне через сынишку брынзу и маринованную паприку. К еде были поданы обжигающий кофе и медовый напиток»[27].

Первого сентября 1884 года Краусс – в Нови-Микановцах (Novi Mikanovci).

«Я отправился прямиком к последнему строению в деревне, зданию школы, расположенному на пригорке, где восседает голубоглазая светлокудрая королева из Микановцов (Mikanovci). Она собрала около 1600 народных песен, преданий, сказок, загадок, пословиц и небольших заметок по народным поверьям и передала это сокровище в подарок нашему Антропологическому обществу. Как его посланец я поблагодарил г-жу Клотильду Кучеру (Klothilde Kučera) сообразно древнему южнославянскому обычаю и следуя указанию народного поэта: "Сними шапку и поклонись до самой земли" ("Zieh' die Mütze und verneig' dich bis zur schwarzen Erde")»[28].

Двадцать второго сентября 1884 года наш герой достиг города Брод * на р. Саве (Brod an der Save), где написал предисловие к «Нравам и обычаям южных славян» (1885) **. Книгу он посвятил барону Фердинанду фон Андриан-Вербургу. На следующее утро Фридрих отправился дальше, в Боснию.

---

* Соврем. название: Славонски-Брод (Хорватия).

** См.: Krauss 1885.

«В 1884 году в г. Сараево я посетил его высокопреосвященство епископа д-ра Йозефа Штадлера (Josef Stadler [, Josephus; 1843–1918]), чтобы засвидетельствовать свое почтение старинному другу моих родителей. Он охотно вспомнил прекрасное время молодости, когда, будучи духовным лицом, часто пользовался гостеприимством моей родни, и пригласил меня к столу. Епископ проявил большое участие к моим исследованиям и, желая хоть чем-то помочь, выдал мне без всякой просьбы с моей стороны открытое рекомендательное письмо ко всем францисканцам его епархии. Правда, он не скрывал, что, возможно, оно мало пригодится, поскольку монахи не любили своего архиерея. Впоследствии я узнал, что их антипатия была вовсе небезосновательной, пусть даже и несправедливой, ведь он строжайше запретил им изготовление амулетов и торговлю ими, а также знахарство, лишив их тем самым одного из самых прибыльных источников дохода»[29].

«Зимой 1884 года я достиг Дубравы (Dubrava) в боснийском Посавье (Savelande). Случайно в доме пастора я встретил тогдашнего настоятеля ордена францисканцев брата Илию Цавора (Ilija Cavor) и его секретаря. Ужин был роскошным, вино – приятным. Завязался веселый разговор. Говорили в основном о целях моей поездки. Его преосвященство, разносторонне образованный и очень доброжелательный человек, смеясь, откровенно выразил свое удовольствие по поводу больших и маленьких небылиц, которые я, по видимости, привезу немцам из Боснии. "Ученый человек – превратный человек (Ein Gelehrter, ein Verkehrter)", – остроумно заметил он. При таком условии я бы, конечно, отказался от звания ученого»[30].

В начале декабря 1884 года «мой друг, гусляр из Черногории Илия Милошевич (Ilija Milošević) расхваливал мне в Тутневцах (Tutnjevci) [одного гусляра, жителя Корая]. <...> В тот же день, после обеда, под моросящим дождем я поскакал в Корай (Koraj) и разыскал бека*, который как раз сидел в кофейне с себе подобными. Под «кафаной» («Kavhana») в Корае понимают узкую, грязную, мазанную глиной лачугу без окон с одной-единственной мебелью: низкой скамейкой у стены – и от этой хибары широким медленным потоком ползет вонючая навозная жижа из выходящих на улицу уборных и хлевов. Узнав о моей просьбе, дворяне многозначительно переглянулись и решили, что перед ними невменяемый. Но я всё же уговорил бека немедленно послать за Ибрахимом (Ibrahim), находившимся в ту пору в лесу; впрочем, никто не мог дать мне приюта. Закуток для пристанища я выпросил у одного мо-

* Бек (бег) – турецкий господин.

лодого сербского учителя во вновь построенном доме церковной общины. Место было бы вовсе неплохим, если бы я только мог выносить миазмы, источавшиеся сырыми стенами. Терпел я это полтора дня, да еще и при весьма скудном пропитании, но этого оказалось достаточно, чтобы подружиться с Ибро (Ibro)»[31].

Двадцатого декабря 1884 года Фридрих остановился в Горня-Тузле (Gornja Tuzla). Компанию ему составил гусляр Стево (Stevo), который приехал в Тузлу за солью.

В письме барону Фердинанду фон Андриан-Вербургу от 26 декабря 1884 года из Сребреницы (Srebrnik) наш герой сообщал:

«Я, наверное, написал бы Вам уже раз двадцать, не доведись мне перенести столь тяжкие физические страдания. Я испытал достаточно мук, ночуя на сквозняках в зловонных крестьянских домах, и теперь уже почти привык. Собранный богатый материал с избытком вознаградит меня за мои усилия. Мой покровитель будет, вероятно, доволен.

В том, что я послал Вам такое короткое письмо, виноват только г-н Сомваци (Szomvatzy) [Szomvathy, Josef (1853–?), антрополог]. Он внушил мне, что я должен изъясняться по возможности более кратко. Пока у меня выдалось немного свободного времени, пишу подробнее. Я бы мог написать целую книгу, а не только сообщение. Сейчас я объезжаю бывшую бановину* Сребреницу (Srebrnik). Там, на высокогорье, где нет ни улиц, ни почтовых отделений, сербский народ пребывает в отменной сохранности. Ныне 10 ночей подряд я провел в комнатах, где прядут женщины. Слутой ко мне нанялся один из самых известных музыкантов исполнителей на гу́сле**. Он знает наизусть около 50 тысяч стихов героического эпоса. У него удивительный альт. Этого человека я возьму с собой в Вену и представлю обществу. За всю жизнь я не слышал более совершенного мастера игры на гу́сле. Он соединил в себе добродетели всех гусляров.

Удалось раздобыть еще несколько этнографических достопримечательностей, которыми я собираюсь Вас немного порадовать.

Мое сердце гнетет тяжелое беспокойство. Избавьте меня от унизительного нищенствования, иначе я перестану испытывать

---

* Ба́новина — здесь: речь идет о средневековом феодальном Боснийском княжестве (с XII в.) во главе с баном — Босанской бановине, — предшествовавшем образованию королевства Босния (в XIV в.), в которое вошла и Герцеговина.

** Гу́сле — балканский народный музыкальный инструмент, родственный итальянской лютне, украинской кобзе, гитаре, ближневосточному ребабу.

удовольствие от собирательства и творчества. А ведь речь идет о сущем пустяке. Моей работой я смогу тысячекратно возместить государству небольшие траты»[32].

«Третьего января 1885 года примерно в три часа пополудни я заехал на постоялый двор на берегу реки Спречи (Spreća), что в нескольких часах езды от Долня-Тузлы (Dolnja Tuzla). Хозяин был христианином-католиком, и у него в коптильне или комнате для приезжающих расселись вокруг дымящегося очага в отверстии пола трое мужчин — один пожилой и два молодых остолопа. Следом за мной вошел мой слуга гусляр Милован Мартинович. По боснийскому обычаю, я поприветствовал каждого из четырех совершенно незнакомых мне до этого господ общепринятыми фразами, подробно расспросил о самочувствии (но не узнал имен) и каждому по очереди дал не менее детальные, приемлемые в рамках вежливости разъяснения относительно моего самочувствия. Потом я спрашиваю хозяина: "Водка у тебя есть?" — "Есть". — "А кофе?" — "Есть". С притворной яростью я набрасываюсь на него: "Ах ты, несчастный! Да как ты смеешь заставлять меня и моих друзей томиться от жажды? Сегодня все пьют даром, я угощаю. Если хоть один из этих славных парней умрет от сухости во рту, ты возместишь мне траты!" Под общий смех хозяин принял шутку, сделал вид, что испугался, обслужил людей и при этом не забыл сам смочить горло. Я продолжил "допрос": "Есть ли у тебя хлеб?" — "Нет". — "А мука?" — "Слава Богу, немного найдется!" — "Тогда замеси тесто, растопи печь и испеки для нашей компании лепешку. Поторопись, иначе мы привяжем тебя к хвостам лошадей и случится то, о чем поколения людей будут рассказывать легенды!" Меж тем я накинул свою шубу на дымовую трубу, и, когда хозяин замесил тесто для лепешки, попросил всунуть в печь и всю свою нательную одежду, которую я снял вместе с рубашкой и остальными вещами, всё повесив на ивовом пруте. Я стоял, дрожа от холода, в костюме купающегося негра и растирал эпидермис. То, что оставалось в руке, я бросал в очаг. Гревшийся у огня старик вдруг сказал: "Послушай, господин, ты пришел издалека. Может, и ты слышал об одном чудаке-швабе, который ходит по горам и записывает песни гусляров?" — "Пожалуй, но чудаком я его не считаю". — "Третьегодни я прознал, что он направляется в Тузлу, и я вместе с сыновьями засобирался в путь, желая перехватить его с тем, чтобы он принял и мою песню и занес ее в свою книгу. Со вчерашнего дня мы здесь в ожидании. Что скажешь, появится он али нет?" — "Нет". — "Н-да, так ты его знаешь?" — "Почему бы и нет? Удача знает его так, как я знаю единственного сына моей матери и как я непременно хотел разыскать тебя, гусляра, брат Марко (Marko).

Мне тебя порекомендовали". Недолго думая, мы побратались, и он приступил к исполнению песен под аккомпанемент моей гу́сле. По вкусу мне пришлась только первая песня, однако я, даже облачившись в свое продезинфицированное белье, настолько промерз, что не мог писать. Тогда я велел моему Милована записывать, а Марко еще раз исполнить песню. На следующий день в гостинице Доня-Тузлы я переписал ее под диктовку Милована»[33].

Восьмого января 1885 года Краусс находился в селе Яблаица (Jablanica) под Мачковцом (Mačkovac) в горах Маевицы (Majevica) в Боснии, где среди прочего он внимал речитативу гусляра Джоко Поповича (Gjoko Popović):[34]

«Наконец третья песня принадлежала католику по имени Илия Херцеговац (Ilija Hercegovac). Я записал ее в Биелине (Bijelina) в январе 1885 года. Этот человек был поденщиком или, быть может, вовсе лодырем, как попрекал его обретавшийся тут же мусульманин. Эти двое знали друг друга, по-видимому, еще раньше. Они поссорились, и в конце концов хозяин выталкал обоих на улицу»[35].

«Когда в январе 1885 года я собирал фольклор неподалеку от Горня-Тузлы в Боснии, меня пригласил в гости к себе в усадьбу дворянин лет сорока. Он щедро угощал меня жареной бараниной, свежими хлебными лепешками и водкой. Там я встретил симпатичную голубоглазую блондинку, чешку примерно двадцати трех лет, которая изрядно хлопотала и с большим интересом беседовала со мной. После обеда, когда я остался наедине с беком, он рассказал, что никак не может отделаться от этой проклятой бабы и что из-за нее у него постоянные неприятности с его законными женами. По его словам, прошлым летом она появилась в Горня-Тузле с группой чешских бродячих музыкантов, приглянулась ему, и, чтобы добиться своего, он пригласил музыкантов на праздник урожая. "По обычаю, жнецы вместе со жницами скатываются с горки, и я предложил ей вместе со мной последовать примеру остальных. Ничего не подозревая и немного навеселе от водки, как была, она включилась в игру, и в удобный момент я одурачил ее и совратил. С тех пор она не отступает от меня и утверждает, что забеременела. Я не могу использовать против нее силу, иначе мне придется иметь дело с судами. Освободи меня от нее, и я подарю тебе дукат". — "Что я должен сделать?" — "Заночуй у меня, позови ее ночью к себе, я застану вас и потом выкину обоих на улицу!" Спустя час уже и духу моего в доме бека не было. Я сидел у какого-то крестьянина и старательно записывал очередную песню. Удалось ли беку отвязаться от чешки, и, если да, то как, не знаю, зато подтверждение обычаю жнецов я встретил также и в другом месте»[36].

Третьего февраля 1885 года Краусс достиг горной деревушки Роцевица (Rocevic) под Козлуком (Kozluk).

«Вторую песню я записал 12 февраля 1885 года в Любвие (Ljubvija). Я сидел на свежем воздухе за столом под деревом и заносил в тетрадь песни. Вокруг расположилось 5–6 человек, которых я велел угостить кофе и табаком. Один сербский паромщик любопытства ради переправился к нам через Дрину (Drina) и поинтересовался, чем я занимаюсь. Я объяснил, что собираю древние предания, чтобы напечатать их и таким образом уберечь от забвения. На это он попросил меня записать ради него и его песню, чтобы она "вошла в книгу". Желая избавиться от него, я сделал ему одолжение. Люди называли его Перо-дереглияс (Петер-лодочник). Родом он был из местности Лозница (Loznica) в Сербии»[37].

«Это было в 10.30 утра 27 февраля 1885 года. Ранним утром я отправился в путь из ущелья Сребреницы (Srebrenica) и как раз ехал по просеке через гребень покрытой снегом планины* Трескавицы (Treskavic<a>). За мной в полусотне шагов ехал рысцой на коне мой слуга, гусляр Милован. В пути мы никогда не разговаривали, каждый следил за собой и за дорогой, погрузившись в собственные раздумья. В тот момент мысли мои были заняты только тем, как уберечь нос от обморожения. Но, конечно же, могучий мир гор не мог не заставить вострепетать мое сердце. Я обычно не восторгаюсь ни мелкими морозными желваками, ни огромными горбами на лике земли, и тем не менее тихое великолепие не тронутого человеком зимнего высокогорного ландшафта исполнило меня величественным благоговением. Вдруг Милован крикнул: "Постой, хозяин, я хочу тебя кое о чем спросить!" – "Говори!" – "Брат (он имел в виду монаха из Посавья, к приходу которого принадлежал сам) не советовал мне ездить с тобой, так как ты, сказал он, – еретик". – "Отчего же ты не послушался?! – вспыхнул я. – Я не просил тебя о сопровождении. Ты сам ко мне пристал. Уже несколько месяцев ты пользуешься моим хорошим к тебе расположением, сидя на моей шее и ничего не давая взамен. Холостяку не пристало иметь прислугу! Я оплачу тебе потраченное время, а ты отправляйся своей дорогой и больше меня не беспокой!" – "Хозяин, я совсем не то хотел сказать. Позволь мне объясниться!" – "Довольно, уже всё сказано!" – бросил я и пришпорил свою сивку, переходя на резвую рысь.

Дорога вилась вниз, в долину, образуя красивые, услужливо склонявшиеся изгибы. Наверху под копытами лошадей еще хрустел заледенелый, проламывающийся снег, вскоре он пропал, и

---

* Планина – лесистая гора.

даже тропа не скользила. А когда примерно в четыре часа пополудни я спустился в глубокую низину, к берегу реки Дринячи ([Drinjača]; Drinaca), вместе со снегом сошел и мой гнев. Какое чудо! В разгар зимы оказаться в приятной, напитавшейся теплом весенней долине, услаждающей чувства, с великолепием пахнущих цветов, с прохладой листвы и изобильными лугами! Пару часов пути в длину и местами полчаса — в ширину, это самое приятное место Боснии, заботливо укрытое от ветра и непогоды вздымающимися к небу и покрытыми лесом склонами и щедро орошаемое зеленоватыми, богатыми форелью и совсем не шумными водами Дринячи. На водяной мельнице, где древнеримский надгробный камень отчасти служил порогом, я нашел любезно предоставленный мне приют у мельника-мусульманина.

Первым делом я скинул шубу, каракулевую шапку и остальное, стянул гамаши вместе с ботинками и развалился на зеленой лужайке. Двум рыжеволосым, голубоглазым сыновьям мельника я показал, как надо кувыркаться, и попробовал встать на голову. Увы, это мне не удалось! Старший мальчик умел это делать много лучше меня. Он перекувыркнулся девять раз, а на десятый и вовсе остался стоять на голове, и при этом скрестил руки на груди! Младший, правда, пока не достиг такого мастерства, но его честолюбие уже было задето. Короче говоря, мы веселились по-царски, совершая кульбиты и ликуя, пока не появился мельник с вестью, что молоко уже готово и яйца сварились. Между тем собрались местные жители, и я стал рассказывать о героях былых времен и о том, как отправился в путь, чтобы записать их деяния для швабов.

Некоторые мои коллеги по фольклору (Folklore), собирая сведения в экспедициях, считают необходимым "притворяться", для чего используют всевозможные уловки, чтобы выведывать и выманивать у "знающих людей" их сокровенное. Я не разбираюсь в таких вещах, и это мне не по нутру. На мой взгляд, целесообразно ясно и кратко — много говорить я не привык — излагать людям в их манере выражения то, что мне от них нужно. В крайнем случае, я располагаю к себе человека своим веселым нравом и щедростью. Но было и так, что за четырнадцать месяцев путешествия со мной не случалось ни одного достойного рассказа приключения.

Темной ночью прискакал Милован и тоже остановился на мельнице. Я сделал вид, что не вижу и не слышу его, хотя больше на своего спутника не сердился. Он подсел ко мне и начал: "Хозяин, я всего-то и хотел сказать тебе, что за человек этот монах. Племянница моего крестного отца должна была венчаться в церкви, но он сначала потребовал от семьи уплаты старых церковных сборов — сто тридцать гульденов. Денег у них не было, поэтому им пришлось

согласиться с тем, чтобы девушка вошла в дом жениха без свадебной процессии и благословения, подобно той, которая сама навязывается мужчине. Так они и живут в свободном браке. Ребенка-то их ему всё же пришлось крестить, и притом даром, поскольку власти запретили поступать иначе. Когда я из чувства симпатии последовал за тобой, он предостерегал меня. Вскоре я понял, что твое отношение ко мне даже лучше родительского, как поется в песне о Любовиче (Ljubović) и его брате по духу Майковиче (Majković). Один из них был турок, а другой – христианин, и, несмотря на это, они были как братья, рожденные от одной матери. Вот всё, что я хотел сказать тебе там, на горной вершине, ведь мы были одни и в моей душе жила память о твоих благодеяниях. Я не хотел задевать твою веру". – "Милован, ты выбрал по меньшей мере неподходящее время и место для своих откровений. <...> Когда мы были в горном лесу, тебе следовало держать язык за зубами. <...> И никогда не напоминай мне больше о твоей и моей вере. Ты христианин для себя, а я верующий для себя. Позаботься лучше о благополучии наших лошадей, а не о спасении моей души. Теперь утоли свой голод и пропой мне песню, на которую ты намекал". – "Как мне петь, если я так и не услышал от тебя, что ты больше не злишься?" – "Не выводи меня снова из себя! Когда же ты угомонишься <...>?! Пой! Доставай из рюкзака свою гу́сле и поте́шь общество, иначе я привяжу тебя к коням за хвосты, и тебя разорвут, и придется другому гусляру слагать о тебе песни!"

Замечу, что ни один из присутствующих (сплошные мусульмане) не вмешивался в разговор. Дело в том, что у крестьян-мусульман считается в высшей степени неприличным говорить при посторонних как о супруге, так и о ее вероисповедании. А вот что касается любовных дел, то эти люди, носящие шаровары, еще слишком неотесанны и далеки от культуры, чтобы не считать возможным выставлять эту сторону своей жизни на всеобщее обозрение.

Слушатели приняли песню с одобрением, затем я попросил продиктовать ее мне. Люди терпеливо ждали и молча наблюдали, пока я не записал последнюю букву, а уж когда слово за слово я снова зачитал ее, то собравшиеся, придя в неописуемый восторг, решили, что я заслуживаю доброго подарка. Мельник не взял с меня никакой платы. Он почел за честь, что я остановился у него, и это было дороже всяких денег»[38].

Третьего марта 1885 года в Вученице (Vučenić) «в получасе пути от Кладаня (Kladanj) (Босния)» Краусс записал песню «в исполнении гусляра Йово Благоевича (Jovo Blagojević)».

«Четвертого марта 1885 года я заехал на хутор крестьянина-католика Марко Митровича (Marko Mitrović) близ села Айданови-

ца (Ajdanovic) округа Олово (Olovo) в Боснии. Сруб притаился глубоко в еловом лесу, на большом удалении от остальных хуторов, которых я, впрочем, вообще не видел. Один гусляр из Кладаня рассказал мне про Марко, что тот прекрасный певец, вот я и разыскал его. Завидев меня, Марко до смерти перепугался, решив, как он признался потом, когда мы познакомились ближе, что я прислан властями арестовать его. Из его рассказа следовало, что во время восстания три разбойника сделали его своим слугой, вынудив скитаться с их обозом по стране. Когда троица была убита, он вернулся домой и с тех пор мирно живет. <...> За исполнение песен он не взял с меня платы, однако был очень рад принесенной мной свежей козлятине»[39].

Один эпос Краусс записал «в марте 1885 года в Ясенице (Jasenica), Герцеговина, в трех с половиной часах пути от левого берега Неретвы (Neretva), в горах, в исполнении гусляра Марко (Marko)»[40].

«<...> восьмого марта 1885 года напротив меня на постоялом дворе расположился старый холостяк Омер Шестанович (Omer Sestanović) и делился своей историей. Он и остальные праздно сидевшие на корточках курили мой табак и за мой счет наслаждались сербом (Serbe) — напитком кофейного цвета, сладковатым и простым, вызывавшим у меня глубокое отвращение. Несмотря на свои восемьдесят лет, старичок был очень живым, у него были густые волосы на голове и хорошо ухоженная длинная седая борода. Его светло-голубые глазки смотрели так весело и довольно, как у гнома из книжки с немецкими сказками. Он удивился, что я еще холост, и заметил, что обеспечил всех своих детей, а совсем недавно, после смерти его второй жены, привел домой двадцатидвухлетнюю девушку. На это я коротко сказал: "Пеке!" ("Прекрасно!") Он усмотрел в этом иронию и добавил, что еще хорош в супружеских обязанностях и ему долго не понадобится сосед. На это я сказал: "Может быть, ей?" Всеобщий оглушительный смех, к которому добродушно присоединился Омер, был ответом на мою необдуманную реплику. "Ну, опасение излишне. Если до этого дойдет, я поступлю как старый капитан Филдус (Fildus)". <...> Присутствующие заверили меня, что это лучшая песня Омера. Одним словом, старик был готов, не откладывая, пропеть мне эту песню. Когда я предложил ему свою гу́сле, он отказался, так как, по его словам, всегда декламирует песни без инструментального сопровождения. <...> Он помогал себе искусным движением горизонтально вытянутой левой руки и выразительной мимикой. В заключение я прочел ему свою запись. Его детский восторг был неопи-

суем, особенно когда я обещал, что в Белой Вене* переведу его песню на немецкий язык и опубликую для ученых мужей. После мы перешли на "ты", и я купил для его жены пару посеребренных серег ценой в гульден — от меня, как от своего сердечного друга, он не хотел брать денег».

«С гусляром Илией Крстичем Юкичем (Ilija Krstić Jukić) я общался 17 и 18 марта 1885 года в Осове (Osovi). <...> Во время его декламаций меня сопровождал мой слуга гусляр Милован из Рговви (Rgovi) в Боснии. Он присутствовал в качестве моего чибукдзии (ćibukdžija, "слуги, набивающего трубку"). Тридцать лет назад Милован, был камердинером Омер-паши (Omer Paša) и потому отлично знал, как надлежит прислуживать вельможе. Издавна я был сам себе слугой, но во время моего путешествия мой хвастун, проводник Милован был весьма кстати. Напуская на себя важный вид, он производил на людей нужное впечатление; он знал, как поднять статус хозяина. У Милована превосходная память. Если иной раз у меня не хватало времени или желания записать песню гусляра, то достаточно было попросить: "Милован, послушай его, а утром пропоешь мне песню, чтобы я записал ее. Запомни, брат, все особенности языка, для меня это очень важно"»[41].

«Примерно в 1860 году Милован был личным конюхом Османа-паши (Osman Paša), когда тот воевал против черногорцев. У паши "украли" лошадей. Пришлось Милована с товарищами подобру-поздорову уносить ноги. До самой смерти Османа-паши он скрывался в горах»[42].

Двадцать шестого апреля 1885 года Краусс со своим слугой гостил у осербившегося татарского цыгана Алии Циго (Alija Cigo) в Пазаричах (Pazarići), Босния[43].

«На кухне одного крестьянского дома я повстречал девушку, сидевшую перед очагом и, казалось, бесцельно шевелившую угли. Она не ответила на мое приветствие и не удостоила меня взглядом. Уже во дворе я заметил прохаживавшегося под сливовыми деревьями из стороны в сторону широкими шагами статного юношу. На меня, посетителя, он не обращал ни малейшего внимания. Услышав голоса, доносившиеся из жилой комнаты, я, недолго ду-

---

* Краусс неоднократно использует это название. Возможно, оно связано с тем, что при перестройке Вены в XIX в., особенно во второй половине позапрошлого столетия, в городе появилось много дворцов, жилых и общественных зданий светлой, в том числе белой, окраски. До неграмотных жителей темных, закопченных лачуг доходили рассказы о сказочной Вене с ее белокаменными дворцами.

мая, вошел, сняв шапку. "Да помогут тебе Бог и святой Иоанн (Iohannes)! Хозяин, как дела?" На мое приветствие поднялись все присутствующие — мужчины, женщины и дети, человек девять. Хозяин, мужчина лет сорока, протянул мне руку и поприветствовал: "Пусть Бог помогает вовремя, дела идут хуже некуда!" — "Худое пусть превратится в камень. Что у тебя хорошего?" — "Тут одно проклятое создание пристало к моему сыну и сидит там, у камина. Черт ее побери! Если мы ее оставим, то все ее родственники сядут нам на шею, а выгнать ее нам не позволяет честь".

Я понял. Девушка шуровала раскаленные угли в очаге, наслаждаясь, таким образом, неприкосновенным правом убежища.

Чтобы привлечь к себе внимание на манер некоторых известных балканских этнографов (Ethnographen), мне следовало бы теперь подробно сообщить о том, как благодаря моему решительному и осмотрительному посредничеству спор был разрешен и девушка была душевно принята всеми как невестка. Каждый может вообразить себе это в самых любезных своему сердцу красках. В действительности же через некоторое время в комнату вошел юноша и угрюмо спросил: "Вы согласны или нет? Коли *да*, то и я согласен, ежели же *нет*, то я сбегу с моей Н. в Турцию, и вы никогда больше меня не увидите. Говорите, я не намерен больше ждать!" Отец, мать и братья с сестрами громко кричали и шумели, невеста словно воды в рот набрала. Конец же этой песни был таков: все мы уселись за вечернюю трапезу на кухне. После молодая сноха сняла тестю опанки и направилась со своим избранником в помещение рядом с хлевом на отдых. Я ночевал с остальными членами семьи на полу в комнате, но заснуть не мог, так как компания беспрестанно ругала самодошлу (samodošla — «пришедшую сама по себе»), в то время как множество блох заботилось о том, чтобы я не тратил времени даром и не терял бдительности.

Рано утром, еще до того как жених и невеста проснулись, глава семьи взял плоский деревянный кувшин, полный водки, и отправился в другую деревню к родителям снохи, ругая на чем свет стоит сына и невестку. Около полудня он опять появился, с новой компанией, все сильно подвыпившие, и они еще пили друг за друга, наверное, до беспамятства. Больше я ничего не знаю, так как вовремя улизнул вместе с моим проводником гусляром Милованом, чтобы они не заставили меня упиваться вместе с ними»[44].

«Сны, которые гость, оказавшийся в чужом доме, видит в первую ночь, истолковываются как вещие — к добру или несчастью. Хотя от усталости я не видел в поездках никаких снов, утром обычно рассказывал хозяевам, что в их доме бил чистый горный родник, из которого я с наслаждением напился. Рассказ о добром

сне доставлял людям радость. Как-то, после многих часов пути, одна девушка преподнесла мне завязанные в шаль фрукты. На вопрос, что ее побудило к этому, она сказала, что ей приснилось, будто я спал с ней, и теперь она преподносит этот любовный дар, чтобы мы стали духовной родней. Не долго думая, я исполнил это ее желание»[45].

Девятого мая 1885 года Краусс посетил гусляра Халила Марича (Halil Marić) в селе Равчичи (Ravčići) под Мостаром (Mostar). «[Ему] я обязан также первой редакцией "Девушек из Канижи" ("Fräuleins von Kanizca (*sic*!)")*. <...> позднее я пригласил его в Мостар, где в отеле, сидя по-нашему удобно за столом, записал его неспешное декламирование».

«Во второй половине дня 11 мая 1885 года я сидел в комнате моего "друга и брата по духу" гусляра Алии (Alija) Марича в мусульманском селе Равчичи под Мостаром. За полтора дня я записал несколько тысяч стихов его песен, и теперь, отдыхая, он курил мой, а я — его табак. Милован старательно подливал нам в небольшие чашки кофе. Было очень уютно. Алил (Alil) рассказывал о военной службе в Албании, Черногории и на персидской границе и показывал боевые отметины — зарубцевавшиеся раны различной величины. Алил — высокорослый, сильный мужчина, который был бы пригоден и для императорской лейб-гвардии. Я, в свою очередь, поведал о том, что пережил в западных странах и, так как никогда не упускал из виду мою цель, — о турецком господстве в Венгрии. Я сказал, что вырос в городке Пожега, в Славонии. Там, вторгшаяся в долину, стоит лысая гора с еще сохранившимися руинами большой турецкой крепости. Часто ребенком я играл в видавших виды стенах и размышлял, кто мог быть хозяином этой цитадели»[46].

«Май 1885 года начался сильной жарой на юге. Я с моим провожатым, другом и слугой находился тогда в долине Рамы (Rama), однако был вынужден следовать дальше, ибо в селах возле речушки Брегавы (Bregava) свирепствовал голодный тиф**, и мне надо было объехать стороной опасный район. Когда начало смеркаться, мы отправились в путь и по новой военной дороге двинулись через Ябланицу (Jablanica) в направлении к Герцеговине. Заглядывая в поселки и села по правую и по левую руку, мы, минуя водораздел, только на третий день путешествия достигли Коница

---

* См. описание этой статьи Ф.-С. Краусса в дополненном нами примеч. 46. В основном тексте вместо правильного «Kanizsa» напечатано ошибочное «Kanizca».

** Голодный тиф — одно из синонимичных названий сыпного тифа.

(Konjica*) на реке Неретве** и пришли в городок или село, где в домах безраздельно хозяйничают постельные клопы величиной с ноготь большого пальца. Оттуда мы поднялись в горы, в Борки (Borki), где прекрасное горное озеро и местность вокруг принадлежали одному беку, превосходному гусляру, одарившему меня песнями о деяниях своего славного предка Силы Османбека (Sil Osmanbeg). <...> Добрый бек проникся ко мне столь большой симпатией, что даже собрался поженить меня на своей очаровательной младшей дочери. Воспользуйся я тогда этим, то стал бы богачом и мне не пришлось бы ломать голову, как заработать. После двухдневной остановки мы снова спустились в долину реки Неретвы. Начиналась сильная жара. Так что на второй день после четырехчасового марша нам пришлось уже примерно в восемь часов утра сделать вынужденный привал у парома вблизи расположенной на карстовой равнине деревушки Почеле (Pocelje), чтобы до наступления вечера защитить себя в каменной хижине колесного мастера Цубелы (Cubela) от стрел вил, как здесь величают солнечный удар. Низкий домик из одного-единственного помещения площадью примерно в шестнадцать квадратных метров и высотой метра два, сложенного циклопической кладкой и облицованного плоским камнем, хранил прохладу. В нем хозяйничала худощавая, лет сорока жена крестьянина, покидавшего свою, построенную в карстовой яме хижину только в благоприятное время года, чтобы на лодке за небольшую плату обеспечивать переправу через проворно бегущий горный поток. Прадед, дед и отец Цубелы занимались здесь тем же делом. <...> Цубеле было пятьдесят с лишком лет. Он был среднего роста, прямые, каштанового цвета жидкие волосы, небольшие усы, гладко выбритый подбородок отличали его загоревшее лицо. Зоркие, темные, небольшие глаза говорили о человеке, привыкшем быть внимательным и прислушиваться. Я поприветствовал его по их крестьянскому обычаю как старого доброго приятеля и обменялся полагающимися в таких случаях обстоятельными вопросами и ответами, затем устроился против него возле очага, располагавшегося в углублении пола, и погрузился в наблюдение за тем, как он готовил для нас кофе. Между тем на задворках хижины его жена замесила тесто, раскатала его в плоскую круглую лепешку и положила выпекаться в горячую древесную золу. У колесных дел мастера достаточно древесины. Река то и дело выносит из леса какое-нибудь дерево, прибивает его к берегу, и тогда колесный мастер или его жена вытаскивает бревно,

* Соврем. название: г. Коньиц (Герцеговина).

** У Краусса – итальянское название реки: Нарента (Narenta).

цепляя длинным багром. Вечером каждому из нас хозяин дал по небольшому горшку меда и предложил мешочек, наполненный мелко нарезанным табаком из венериного волоса* (Frauenhaar). Наполнив мне чибук (chibuk)**, он положил сверху тлеющий уголь, в то время как мой слуга крутил себе одну цигарку за другой. Через некоторое время Цубела поднялся, спустился к реке и принес из лодки, накрытой доской с отверстиями, форель, которая весила, пожалуй, килограмма два. Трепещущую рыбу он передал жене, та разделала ее и кусками выложила на сковороду, чтобы потушить в свежем овечьем масле. Тем временем лепешка поспела. Женщина вынула ее из золы и обмела метелкой из гусиных перьев.

Помолчав, Цубела сказал: "О тебе, брат, мне частенько передавали путники. Целый год ходишь по стране и записываешь наши песни и рассказы, чтобы поместить их в книгу. Ты человек из Белой Вены. Я тебя сразу узнал. Ты для меня желанный гость. На твою долю выпало счастье. Каждому, с кем ты общаешься, ты приносишь удачу. Я уже давно ждал тебя. Здесь проходит каждый, кто желает попасть из Боснии в Сараево".

Он говорил вполголоса, будто взвешивая каждое слово, и не сводил с меня взгляда. Я тихо внимал ему и думал, что на этом месте те же обязанности выполняли сотни его предшественников. А река всё так же несла свои желтые воды. Она знала иллирийцев, эллинов, римлян, турок, арабов, персов, когда-то она видела готов, затем – славян, мадьяр и наконец немцев; но колесных дел мастер остался прежним, как в незапамятные времена. Я подумал: в этом невзрачном человеке говорит живая древность, часть человеческой истории, первобытный человек, культурная реликвия, свидетель, который со своими потомками переживет всех нас, так быстро изматывающихся в мирской суете.

Цубела продолжил: "Вчера вечером курьер бека из Борков (Borki) побежал к моему духовному побратиму Маричу (Marić) в Равчичи, гусляру, чтобы с приветом от бека возвестить ему о твоем прибытии и чтобы тот был готов спеть. Обычно мусульмане не жалуют это, поскольку ненавидят швабов (немцев)".

Я заметил: "Благодарю доброго бека. Прощаясь, бек предложил мне навестить своего придворного певца Халила (Halil), но не сказал, что подготовит его к моему визиту. Я люблю записывать песни мусульман, которые еще никто не собирал, так как прежде этим занимались не расположенные к мусульманам христиане,

---

* Венерин волос, он же адиантум – один из видов папоротников.

** Чибук – курительная трубка, чубук.

сербы и хорваты". — "А разве ты, брат мой, не христианин?" — спросил Цубела с удивлением. "Нет. Я — еврей, которому не по пути с ненавистниками и который никого не презирает и не преследует из-за веры". — "Одни называют меня кршчанин (Kršćanin), другие — ришчани (Risćani) (христианин)*. Единственное различие между нами в том, что меня навещает фратар, а других — калуджер (kalugjer)**. У турок попрошайничают дервиши, и им подают милостыню. Для меня все эти люди одинаковы, потому что они всегда спешат, и никто из них не платит за перевоз. Евреев я не знаю. Мне рассказывали, что два или три года назад в Мостаре на Чаршии (Čaršija) (торговой улице) поселились два еврея. Фра Мико (Miko) недавно открыл здесь нам, что проклятые евреи распяли на кресте нашего дорогого Исуса пейгумбера (Pejgumber)*** (пророка Иисуса). А ты, друг, не слыхал об этом?" — "Слышал, поговаривают о чем-то подобном. Но меня при этом не было <...>. Может быть, фра сам ошибся". — "Пусть его унесет река. Католиком он оттуда пришел, католиком и ушел. От других людей я слышал, что в далекой московитской империи есть будто бы большие города и деревни, где живут одни евреи. Ты образованный человек, много путешествовал, известно ли тебе что-нибудь об этом?" — "Конечно. На севере, как и на западе, невыгодно быть евреем, так же, как здесь быть герцеговинцем". — "Ты говорил, что собираешь песни мусульман, потому что они еще не были записаны. Я знаю много таких хороших песен. Запиши их и включи в книгу, дабы и обо мне сохранилась память. <...>" — "Спой их мне, чтобы я посмотрел, нет ли у меня таких же от других гусляров". — "Хорошо, но давай сначала немного перекусим. Впереди долгий день. На пустой желудок плохо поется".

Нам с Милованом рыба очень понравилась. Жена мастеровито обложила ее артишоками. Трапеза удовлетворила бы повара парижского или венского архиепископа и пришлась бы по вкусу святым гурманам. Затем хозяйка подала нам корзину со свежим инжиром, апельсинами, миндалем, орехами, грушами, яблоками и изюмом. Цубела предложил мне выпить темное, густое вино. Я с благодарностью отказался — в гнетущую жару хотелось освежаться холодной, чистой водой из карстового ручья. <...>

---

* Разница заключается в хорватском (католическом) и сербском (православном) произношении, хотя в последнем случае литературная норма — хришчанин.

** Фратар (фра) — хорватское название католических монахов; калуджер — заимствованное сербами из греческой церковной терминологии обозначение православного монаха.

*** Испорченное турецкое peygamber («пророк»).

Под вечер пришел сын Цубелы, угрюмый, невзрачный парень лет восемнадцати, с шестью овцами. Мать их сразу напоила, омыла попутно вымя и сдоила молоко в чан. Юноша вел себя неприветливо и, ругаясь, бормотал себе под нос: "Опять эти песни о разбойниках и убийцах!" Одет сей критик был в короткую куртку и брюки до колен из грубой ткани, которые, судя по всему, некогда были белыми. Ворча, он сел напротив меня возле топки, при этом раскрылась прореха на брюках. Машинально я оторвал глаза от листа и, к своему несказанному изумлению, узрел женское срамное место. "Ой, паренек, — воскликнул я в удивлении, — да ты, оказывается, девушка". Она недовольно подтянула прореху повыше на живот и ответила: "Тебя что, кто-то просил глядеть туда, раз тебе это не нравится?" — "Не обращай внимания. Пускай себе ворчит, — примиряюще сказал мне отец. — Мы считаем ее сыном, потому что у нас нет других детей, кроме нее одной. Она получше многих пастухов стережет овец в скалах". Когда девушка узнала, что я не принадлежу к числу ненавистных господ, но, напротив, человек из Белой Вены, она стала пожирать меня глазами и совсем уже доверилась, когда я украдкой сунул ей в руку новый серебряный гульден. Хозяева решительно отказались принять от меня, их дорогого гостя, деньги в подарок. Оттовариваясь, глава дома сказал мне: "Ты, брат, странствующий человек, и тебе пригодятся деньги в дороге, а я у себя дома и имею всё, чего душе угодно. К тому же немного денег я зарабатываю как колесный мастер. Пускай они не текут, но всегда капают. Сделай мне только одно одолжение: если мои песни войдут в книгу, то дай и мне их на память, чтобы я и мои потомки могли вспоминать тебя".

От шумящего потока медленно поднимался вечер к усеянному звездами ночному небу. С карстовых вершин в ущелье проникал прохладный ветерок. Мы двинулись в путь. Цубела проводил нас до постоялого двора в Равчичах на реке Неретве, где уже с полудня меня ждал Марич, известный певец»[47].

Летом 1885 года Краусс снова вернулся в Брод-на-Саве*.

«Четырнадцать месяцев кряду я бороздил Боснию, Герцеговину и частично Славонию с Далмацией в поисках этнографического материала. За такой короткий промежуток времени абсолютно немыслимо в одиночку изучить нравы и обычаи народа. Но из этого затруднительного положения я выбирался самым незамысловатым способом: стремился получить по возможности больше самых ярких зарисовок из жизни народа. И что может быть лучше для этого, как не песни гусляров? А посему всюду я справлялся

* Соврем. название: Славонски-Брод (Хорватия).

у тех, у кого можно было бы предположить интерес к такому виду поэзии — у дворян, священников, торговцев вразнос, крестьян, цыган, нищих и у самих гусляров, о наиболее выдающихся певцах округи и не жалел сил, чтобы разыскать рекомендованного исполнителя, а также любезности и средств, чтобы расположить его к себе. В общем, я выслушал 127 гусляров. Во всем сербском народе едва ли отыщется в три раза больше гусляров, достойных внимания. У каждого певца я обычно осведомлялся, когда, где, каким образом и от кого он получил ту часть духовного богатства, что я записывал. <...>

Поскольку непосредственно во время поездки у меня не было времени, чтобы основательно заниматься каждым гусляром и предавать бумаге весь его репертуар, я вынужден был ограничиваться тем, чтобы во время разговора касаться определенных тем и этим побуждать гусляра исполнить соответствующие песни, если таковые были у него в запасе. Если с кем-то из них я уже был в дружественных отношениях и перешел на "ты", то просил исполнить его самую лучшую песню. <...> Гусляров я встречал среди местного городского населения в Високо (Visoko) и Маглае (Maglaj), в Биелине и Зворнике (Zvornik), в Сараево и Мостаре <...>»[48].

В Вену Краусс вернулся с гусляром Милованом. Надо было записать оставшиеся песни.

«Я взял его с собой в Вену, и четыре месяца он жил в одной немецкой семье. За это время он не запомнил и двух десятков немецких слов, зато обе дочки его хозяев уже могли кое-как изъясняться с ним по-сербски»[49].

«Я обещал показать ему белый каменный город и императорский дворец. Когда по вечерам мы вдвоем собирались в моей комнате, я любил освежать в памяти воспоминания о поездке. Милован был моим живым дневником».

Краусс утверждал, что благодаря ему словосочетание «гуслярские песни» («Guslarenlieder») вошло в оборот на территории распространения немецкого языка. 19 августа 1885 года он писал:

«Это новое слово я впервые употребил в моем докладе, с которым выступил в августе 1885 года на съезде антропологов в Клагенфурте (Klagenfurt), делая предварительное сообщение о результатах моей научной поездки»[50].

«Четвертого октября 1885 года, приводя в порядок записи, среди прочего я наткнулся на песню [И.К.] Юкича (Jukics). <...> "Эй, дорогой мой, — сказал я своему слуге. — Тот, в Осове, спел нам все-таки трогательную песню о Тешани (Tešanj), не так ли?" — "Слушай, оставь меня в покое. Он ничего не знает и никогда ничего не понимал. Да и вообще ни на что не годится". Резкость Милована

в отношении Юкича огорчила меня, тем более что тот вел себя с нами предельно обходительно и покладисто. Немного уязвленный, я сказал Милована: "А по мне, его песня всё же очень милая. Ты разве можешь исполнить ее лучше?" – "Думаю, да". – "Так ты, поди, прежде уже слышал ее еще от кого-то, более умелого певца?" – "Нет, от Юкича впервые. Кому же, как не ему, знать все песни, что распеваются в Боснии. Но ту песню я могу исполнить лучше". Я взял перо и бумагу и сказал: "Ну тогда я хотел бы ее услышать. Давай-ка зафиксируем ее". Милован схватил гу́сле со смычком* и запел»[51].

О встрече в Вене с Павлиновичем (Pavlinović [, Mijo; 1831–1887]) Краусс вспоминал следующее:

«Сколь напыщенным и высокопарным представал он в своих статьях, таким же оказался и при очном знакомстве – фанатиком исконно хорватских манер и языка. <...> Как бы невзначай я перевел разговор на его собрание слов, о котором сказал, что слышал якобы очень много похвального. Эта тема мигом свела его с ума. "Да, – заметил он с горечью, – я передал Академии мое собрание из четырех тысяч новых слов и получил за это жалкие сто гульденов. Такая низость, если подумать, сколько лет я отдал этому". Затем он попросил меня дозволить моему слуге и проводнику, боснийскому гусляру Милована, навестить его следующим днем. Я не возражал.

Из гостей слуга вернулся домой в прекрасном расположении духа и сказал мне, смеясь: "Большего дурака, чем этот священник, я еще не видел". – "Послушай, не богохульствуй! Что же ты видел?" – "Представьте себе, хозяин! Он поставил бутылку вина, заставил меня выпить и предложил, чтобы я продиктовал ему какие-нибудь уж совсем необычные слова. Я не мог взять в толк, чего он от меня хотел. Тогда, чтобы как-то меня расшевелить, он подарил мне пятьдесят крейцеров. Ну, так я и выдумал (smislijo) словечки, о которых еще никто не слышал". – "Милован, ты пройдоха. Если он догадается о твоем плутовстве, то подумает плохое и про меня, а я ведь ему так тебя расхваливал". – "Хозяин, он не может думать о тебе хуже того, что уже думает. Если бы ты только знал, на что он считает тебя способным". – "И на что же?" – "Знаешь, он спросил меня, часто ли твой господин имел дело с женщинами?" – "И что ты ответил?" – "Я сказал: преподобный отец, я не знаю, было такое или нет. По моему убеждению, даже кухарка священника не более целомудренна, чем мой повелитель!" – "Чтоб ты

---

* Речь идет о сербской разновидности гусле: струнном смычковом инструменте.

лопнул, Милован, ты еще подмочишь мне репутацию!" — "Хозяин, не гневайся за это! Черной я нашел рясу, черной ее и оставил".

Я решил больше никуда не отпускать своего слугу, хотя был уверен, что он не мог научиться у меня ничему дурному, и в отношении женщин тоже. <...>

Впрочем рассказ весьма позабавил меня, и на следующий день я посетил [М.] Павлиновича, чтобы подробнее разузнать о "словах". Тот не жалел похвал моему слуге. "Подумать только, — взахлеб говорил он, — за один час шестнадцать совершенно новых слов!" — "Не изволите ли, ваше преподобие, показать их мне?" — "Ну нет, так мы не договаривались, — возразил хозяин дома с миной превосходства. — Если хотите знать слова, извольте сами о сем позаботиться. Впрочем, в свое время вы и без того найдете их в Академическом лексиконе". Вскоре после этого случилась ссора и разрыв наших отношений.

У него была привычка выступать в парламенте только по-хорватски, ибо он считал, что всем нам, страстно желающим познакомиться с его убеждениями, следует выучить хорватский язык. На самом же деле депутаты, стенографисты и журналисты дружно ретировались из зала заседаний, стоило ему открыть рот. Лишь президент, седой поляк, пользовался удобным случаем, чтобы немного вздремнуть. Павлинович знал, что я хорошо стенографирую хорватскую речь, и попросил меня из патриотизма, соответственно, записать его выступление и передать в газеты в немецком переводе. Тут, к его огорчению, ему пришлось узнать, что мой патриотизм далеко не соответствует его ожиданиям. В наказание он отказался возместить мне сумму в тринадцать гульденов, которую незадолго до этого я выложил ему наличными. Своих денег обратно я так никогда и не получил»[52].

Десятого ноября 1885 года на ежемесячном собрании Антропологического общества Краусс читал доклад о «Праве опеки» («Mundschaftsrecht»). Там же, в Вене, он наконец опубликовал «Нравы и обычаи южных славян»*, которые были готовы для печати еще до поездки. Его первой публикацией из вновь собранного материала стали «Три эпоса герцеговинцев»**. Перед Антропологическим обществом он зачитал также доклад о своем путешествии:

«Недавно завершил свою поездку. Я обошел часть Славонии и Далмации, но главным образом оккупированную область, Боснию и Герцеговину.

---

* См.: Krauss 1885.

** *Krauss, F.S.* Tri riječi hercegovca / zabilježio dr. Friedrich S. Krauss. U Mostaru: Tiskom i nakladom don F. Milićevića, 1885. XII, 39, 3 s.

Пройденный мной путь — не более трех тысяч километров. На первый взгляд это мало в сравнении с потраченным временем. Но в спешке нельзя добиться значительных этнографических результатов, необходимо постоянное наблюдение. Тайны народной жизни надо выведывать, ими невозможно овладеть второпях.

Я объездил бассейн реки Босны (Bosna) с ее главными притоками Бобовацей (Bobovaca), Лашвой (Lašva), Тешанькой (Tešanjka) и Спречей (Spreća), затем — поречья Дрины (Drina) и Дринячи (Drinaća), Врбаса (Vrbas), Неретвы (Neretva) и Рамы (Rama), Цетины (Cetina) и значительную часть равнинного боснийского Посавья.

На это было свое достаточное основание, поскольку вдоль рек население всегда более плотное и зажиточное, занимающееся земледелием; народный дух у него выражен куда ярче, нежели у живущих в уединении высоко в горах пастухов. Я обследовал также весь высокогорный массив Маевицы и горы Трескавицы (Treskavica), далее, на юге, я побывал в Прологе (Prolog) и из Ливно (Livno), минуя плоскогорье Малован (Malovan), двинулся на север и дошел до отрогов Кунара (Kunar), Виторога (Vitorog), Отросы (Otrosa) и Ораховицы (Orahovica)»[53].

В другом докладе говорилось:

«Я посетил около сотни населенных пунктов, из них главные: Тешань (Tešanj), Сишса (Sivša), Добой (Doboj), Грачаница (Gračanica), Ргови (Rgovi), Дубраве (Dubrave), Шпионица (Špionica), Сребреница, Ясеница (Jasenica), Бреска (Breska), Горня-Тузла и Дольна-Тузла (Tuzla gornja и doljna), Мачковац (Mačkovac), Яблаиица (Jablanica), Лопаре (Lopare), Пушковац (Puškovac), Корай (Koraj), Забрдже (Zabrdje; Драгалевци, Dragaljevci), Биелина, Яня (Janja), Тавна (Tavna), Баница (Banjica), Скочич (Skočić), Козлук (Kozluk) и Зворник (Zvornik)»[54].

Позднее Краусс упомянул, что собирал также эротический фольклор (erotische Volkskunde):

«В своих изыскательских поездках я обращал внимание на все явления южнославянской народной жизни, особенно на те, что мне разрешалось открыто, безбоязненно обсуждать. К тому же собирание текстов и рассказов о половой (Geschlechtsleben) жизни не было главным моим делом — полевыми исследованиями я занимался по собственной инициативе, теша свою научную любознательность. Несмотря на мою тогдашнюю молодость, я был достаточно образован в естественных науках, чтобы относиться к данной стороне жизни без предубежденности. Это оказалось как нельзя кстати, помогло не увлечься романтизмом в фольклоре и непредвзято размышлять о действительности и условиях жизни народа. И всё же, честно сознаюсь, я не уговаривал людей делить-

ся со мной такими историями. В моем присутствии их рассказывали другим, и я потом тщательно записывал или же кто-то незаметно записывал их для меня. Другими словами, мне не требовалось выуживать чужих тайн, я обнародую только то, что без всякой задней мысли произносилось в присутствии детей, девушек и женщин. У южных славян сохранилось еще то, что называется "naturalia non turpia" ("естественное не безобразно")»[55].

Научная карьера

Хотя в Венском университете Краусс защищался по классической филологии, все его труды на почве данной дисциплины свелись к переводу «Символики снов» Артемидора Далдийского (II в. до н. э.)*. Взамен он обратился к предмету своих подлинных интересов – фольклористике (Volkskunde), в то время еще не признанной академической наукой.

Своего рода трамплином в область исследования славянского фольклора (slavischen Volkskunde) послужила научная поездка по Герцеговине, Боснии и Далмации, предпринятая нашим героем в 1884–1885 годах при поддержке Венского антропологического общества.

По ее окончании Краусс снова стал участвовать в заседаниях Общества. Он не раз ссылался на свою ценную коллекцию гуслярских песен, эпических сербских песен, опубликовал в «Сообщениях» («Mittheilungen») Общества несколько образчиков на немецком и сербском языках.

В 1886 году Фридриху было 27 лет, и он определял себя как слависта и писателя. Приступив к обработке собранного материала, он опубликовал «Право опеки мужа над женой у южных славян»** и «Срећа: счастье и судьба в поверьях южных славян»***. 15 апреля 1886 года наш собиратель выступил с докладом в Научном клубе, упомянув барона [Фердинанда] фон Андриан-Вербурга как своего попечителя. В том же году вышел «Смаилагич Мехо»[4]*.

---

* См.: Krauss 1881.

** См.: *Krauss, F.S.* Das Mundschaftsrecht des Mannes über die Ehefrau bei den Südslaven // Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Wien, 1885. Bd. XV. S. 101–110; Ibid. Separatdruck (= отд. оттиск). Wien, 1886.

*** См.: Krauss 1886.

[4]* См.: Krauss. Smailagić Meho 1886. Это песни гусляра Смаилагича Мехо, записанные Ф.-С. Крауссом.

«В одном из докладов о поездке 1885 года я отметил, что записал ряд длинных мусульманских песен гусляров, которые сами по себе образовывали якобы эпический цикл. Ставший впоследствии моим задушевным другом, краковский профессор д-р Изидор Коперницки (Kopernicki, Isidor [Isydor; 1825–1891]) попросил у меня мои записи, чтобы почитать их на Рождество. Южнославянский фольклор (südslavischer Volkskunde) входил в круг его профессиональных интересов. Я незамедлительно отправил их ему. В январе 1886 года ко мне вернулась моя стопка листков с записями эпоса, примерно 26 тысяч строк, сопровожденная пространным письмом, в котором Исидор допускал, что большинство песен принадлежит к наиболее замечательным творениям народной поэзии, но ни в коем случае не образует цикла, как считал я. Дело показалось ему настолько важным, что, желая обсудить со мной этот вопрос, несколькими месяцами спустя он приехал в Вену. Но и в этот раз мне не удалось убедить его в правильности моего взгляда. Эталонными ему представлялись два цикла — Гомеров и связанный с Нибелунгами»[56].

В 1887 году Краусс собирал фольклор главным образом через переписку. 8 марта 1887 года на ежемесячном собрании Антропологического общества он сделал доклад «Жертва, приносимая южными славянами при строительстве дома» («Das Bauopfer bei den Südslaven»). 8 ноября его доклад был посвящен «Медицинским заговорам из Славонии, Боснии, Герцеговины и Далмации» («Medizinische Zaubersprüche aus Slavonien, Bosnien, der Hercegovina und Dalmatien»). В тот же год он опубликовал упомянутую «Жертву» («Das Bauopfer»*) и «Братьев по духу» («Wahlbrüder» [Wien, 1887]).

«Осенью 1887 года я посетил в Вене единственную дочь Вука [Караджича][57], вдову Мину Вукаманович. Из-за тяжелого недуга она была в скверном настроении, но, несмотря на это, приняла меня очень радушно, как родного. Я позволил себе осведомиться о местонахождении коллекции эротических народных рассказов (Sammlung erotischer Volkserzählungen) ее отца. Она ответила, что их забрал у нее профессор Валтазар Богишич [1834–1908], служивший в то время в к<айзеровско>-к<оролевской> придворной библиотеке. Позднее Богишич подтвердил мне это»[58].

На ежегодном, 1887 года, собрании Венского антропологического общества Краусса поблагодарили за сотрудничество.

«"Этнографическая анкета Общества", распространявшаяся среди южных славян, стала широко известна. По сообщению г-на профессора, д-ра Фридриха Мюллера Лондонское антропологи-

* См. примеч. 41.

ческое общество приспосабливает нашу анкету для исследования индийского народа (indischen Volksthums). Секретарь этого Общества писал г-ну профессору Мюллеру, что наша анкета — превосходнейшая из работ этого рода»[59].

Анкета была переведена на многие языки.

«В 1887 году я подал заявление в сенат кайзеровско-королевского университета о предоставлении мне venia legendi [права преподавания], сопроводив заявление семнадцатью моими работами. Рассматривали его почти год, и философский факультет единогласно отклонил мою кандидатуру, потому что "бабские истории и песни нищих" (т. е. песни гусляров) не предмет науки. Кроме того, я уже доказал якобы мою бесхарактерность, бродяжничая с цыганами и имея звание Vir illustrissimus Венского университета. В университетских кругах даже обсуждалось, не отобрать ли у меня титул doctor philosophiae»[60].

Архивы университета свидетельствуют, что дело нашего героя рассматривалось 9 июля 1887 года.

«Доклад комиссии о получении д-ром Фридрихом С. Крауссом доцентуры (Habilitationsgesuch) по современной славянской литературе. Заключение комиссии зачитывает ее референт профессор д-р Ягич [Jagić, Vatroslav; 1838–1923]* и в связи с единогласным решением предлагает факультету отклонить прошение д-ра Крусса о получении доцентуры. Предложение единодушно принимается»[61].

Тринадцатого июля 1888 года комиссией университета было рассмотрено прошение Фридриха о преподавании:

«Доклад комиссии по поводу ходатайства д-ра Фр. Крауссa о должности преподавателя южнославянских языков. Профессор Ягич зачитывает доклад, в котором сформулированы рекомендации, выработанные комиссией в составе профессоров Ягича, Фр. Мюллера и Хайнцеля [Heinzel, Richard; 1838–1905]** на заседании 2 июля под председательством декана. После обсуждения с участием профессоров Хайнцеля [Heinzel, Richard]***, Д.-Г. Мюллера (Müller, D.G. [, David Heinrich; 1846–1912]), фон Хартеля [Hartel, Wilhelm, Ritter von; 1839–1907]4*, Пенка (Penck [, Albrecht; 1858–1945]), Шиппера (Schipper [, Jakob; 1842–1915]) и докладчика почти единогласно было принято внесенное надворным советником Бенндорфом (Benndorf [, Friedrich August Otto; 1838–?]) предложение о возврате в комиссию с поручением о доработке доклада».

---

* В оригинале ошибка: Загич (Zagić).

** В оригинале ошибка: Хайнкель (Heinkel).

*** В оригинале ошибка: Гайнцель (Geinzel).

4* В оригинале ошибка: Гартель (Gartel).

Позднее Краусс опишет атмосферу того времени:

«Будучи объявлен хорватским трибуналом вне закона и отвергнут всеми университетами, я был лишен доступа и к крупным, широко читаемым журналам, поэтому многие из своих работ был вынужден размещать в небольших, малочитаемых специальных периодических изданиях, которые предоставляли мне убежище из милости, сострадания и обычной пустоты издательского портфеля. О составлении цельного руководства по введению в изучение грамматики южнославянских народов, а не в болтовню о них, нельзя было и думать – буйно помешанные на славистике считали меня недостойным этого <...>»[62].

В 1889 году, вероятно из-за растущей оппозиции, ученый вышел из Антропологического общества.

Потерпев крах на академическом поприще, наш герой посвятил себя исключительно публикации своих работ. Он стал также редактировать журнал «Ам Урдс-бруннен» («Am Urds-brunnen»; 1888–1889) под новым заглавием «Ам Ур-квелл: Монатсшрифт фюр Фолькскунде» («Am Ur-quell: Monatsschrift für Volkskunde»* («Из первоисточника: ежемесячный журнал по фольклору»; 1890–1896); в 1897–1898: «Дер Уркквелл: Айне монатсшрифт...» («Der Urquell: Eine Monatsschrift...»))** и из регионального немецкого издания превратил его в рупор по исследованию фольклора (Volkskundeforschung) международного значения. Теперь у него был орган, в котором он мог публиковать свои песни гусляров. Кроме того, он получил возможность утвердить свое ведущее положение в науке, ведь этот журнал был одним из первых современных периодических немецкоязычных изданий по фольклору (Volkskundezeitschriften).

Переписка Фридриха с фольклористом (Folkloristen) Отто Шеллом (Schell, Otto [1859–1930]), сотрудником «Уркквелла», дает представление о деятельности Краусса как редактора этого раннего журнала по фольклору:

«Прошу Вас позаботиться и о том, чтобы наш небольшой журнал по фольклору нашел своего подписчика в Вашем большом и богатом промышленном городе. <...> Используйте ваше влияние во благо народа (Volktums). Это необходимо для нашего святого дела»[63].

---

* В оригинале – ошибка в сведениях, относящихся к заглавию журнала: вместо «...für Völkerkunde» (что в XIX в. было бы переведено как «по народоведению», а в XX – «по этнографии»; «по этнологии»); должно быть: «...für Volkskunde» (так на титульной странице журнала), что переводится как «по фольклору».

** См.: Der Urquell 1881–1898.

«Фольклористика (Volkskunde) — наука интернациональная <...> "Урквелл" распространяется далеко за пределами страны и является своего рода выразителем немецкой научности»[64].

«Ваше письмо вместе с двумя марками будет немедленно переправлено [К.-Г.-В.] Карстенсу (Carstens)[65], который займется всеми формальностями. Лишь из любви к делу я продолжаю оставаться редактором и трачу на [К.-Г.-В.] Карстенса свои время, труд и, к сожалению, деньги ради нашего общего дела — поставить в Германии фольклористику (Volkskunde) в центр внимания. К работе в журнале мне удалось привлечь весьма именитых зарубежных исследователей»[66].

Двадцать седьмого ноября 1890 года умер Вильгельм Краусс. В некрологе, напечатанном в «Ам Урквелл» [1891. Bd. II, Heft IV. S. 84], Фридрих написал о влиянии на него отца:

«Был уничтожен не один набросок, если оный не находил его одобрения, и за последние пять лет я не опубликовал ни одной своей строчки, заранее не узнав его мнения. В моем небольшом исследовании "Хорватия и Славония"* ему принадлежит раздел о развитии торговли; страну, в которой он прожил 53 года, он знал вдоль и поперек. Ему я обязан также многочисленными, нигде ранее не публиковавшимися сведениями в издании "Народные верования и религиозные обряды южных славян"**, которыми владел только он, очевидец многих событий. Его зрелое мнение весьма способствовало моим устремлениям. Именно по его настоянию я возглавил данный журнал».

В переписке с [О.] Шеллом Краусс среди прочих указывает на трудности финансового свойства, касающиеся издания его журнала:

«В 11-м номере — настоящий еврейский немецкий язык. С нетерпением жду вашего мнения о содержании моего детища. Прилагаю все усилия, чтобы сделать журнал интересным и хорошим. Но, к моему глубокому сожалению, не могу пока обеспечить ему удовлетворительный сбыт. Читатели нашлись бы, но кто из них готов платить?»[67]

В августе 1892 года Фридрих писал:

«За друзей "Урквелла" я всякий раз безоговорочно заступаюсь, ибо намерен поднять фольклористику (Volkskunde) в Германии. С теми, кто помогает мне в этом, я обращаюсь как с родными братьями»[68].

Двадцать восьмого декабря 1893 года Краусс писал [О.] Шеллу:

---

* См. точное заглавие: Krauss 1889a.

** См.: Krauss 1890.

«<...> надеюсь, что Вы, как доверенное лицо исторического объединения, будете избавлены от той череды невзгод, которые мне как "независимому" редактору "Урквелла" уже пришлось пройти. Впрочем, благодаря новому тому "Урквелл" переживает настоящий подъем».

1894 год начался для «Урквелла» с надежд.

«Сегодня я получил 12 флоринов, так что теперь в сберегательной кассе почтового ведомства (у нас) 327 флоринов. Процентами с этой суммы выплатим гонорар нашим сотрудникам и, кроме того, поддержим исследователей фольклора (Volk<skunde>forscher). Моя главная задача – поднять научный уровень журнала. Это труднее всего»[69].

Но в марте журнал снова попал в затруднительное положение. Много абонементов оказалось не оплачено. В августе Отто Шелл основал свой собственный журнал, и Краусс вызвался написать введение. В сентябре он повторил свое предложение, и оно было принято.

В отличие от первых выпусков «Урквелла», пятый том почти не содержит статей нашего героя, что можно расценивать как знак его отдаления.

1895 год обернулся новыми заботами о финансовом положении журнала. Хотя аудитория была многочисленной, но платили лишь немногие. В июне ученый решил, что больше не станет тянуть лямку редактора, к тому же у него начались трения с [К.-Г.-В.] Карстенсом.

В 1896 году отношения между ними не улучшились:

«Три месяца кряду Карстенс оставляет мои письма без ответа. Он недоволен моим отказом подчиниться его беззастенчивому требованию погасить за него долги. В его журнал я внес 1800 флоринов, он же и гроша ломаного не пожертвовал, зато совершенно не занимался финансами. В конце концов ему пришлось поплатиться за это»[70].

«Господин Карстенс валит всё на меня, чтобы оправдать безответственное ведение им дел. Как редактор я каждый год на протяжении шести лет жертвовал на журнал по 300 флоринов (500 райхсмарок), не извлекая из этого никакой выгоды. К<арстенс> загребал деньги подписчиков и использовал их большей частью на свои личные нужды. Подсчитав, что за $2^1/_2$ листа (= 40 страниц) "Урквелл" должен выплатить 700 райхсмарок, и обнаружив, таким образом, дефицит в 1600 райхсмарок, он потребовал от меня растратить доверенные мне деньги из фонда журнала и передать ему для оплаты его долгов. Хороший друг одурачил меня во всех отношениях. Хотя его игра была для меня как на ладони, я не подавал ви-

ду, поскольку всегда считал для себя самым важным поддержку фольклористики (Volkskunde). Между тем в Германии и Австро-Венгрии в основном благодаря моей деятельности появились двенадцать или шестнадцать фольклорных обществ (Folklore-Vereine), и потому, думаю, можно считать, что просуществовавшим по сию пору "Уркведлом" я достаточно многого добился. Хватит водить себя за нос. Но, быть может, рано или поздно я сам запущу новый и много лучший журнал, вдали от К(арстенса) и ему подобных»[71].

На исходе года Краусс взвалил на себя финансовые и редакционные обязательства по выпуску «Уркведла», даже выразил надежду на успех:

«Для нового "Уркведла" я за 20 дней получил от 39 коллег отчасти самые почтенные заверения в дальнейшем сотрудничестве. Обещают присоединиться и некоторые новые специалисты. Теперь научный уровень журнала обеспечен превосходно»[72].

В июле наш герой пообещал подготовить введение к книге [Отто] Шелла. В декабре он писал:

«Для "Уркведла II" я получил великолепные статьи. Если дело пойдет так и дальше, то по качеству и значению наш журнал превзойдет все остальные, по меньшей мере аналогичные, немецкие журналы. Можете считать, что я в хорошем настроении»[73].

«Прошу Вашего брата посетить меня в моем бюро I на Вайбургассе, 10, 1 этаж (Израил<ьтянский> альянс (Israel. Allianz)), ибо я холост, не веду хозяйства и меня трудно застать дома».

Отчаяние по поводу «Уркведла» достигло высшей точки:

«Надо приставлять к груди пистолет и отбирать у них деньги за подписку. Иначе никак не получается! Необходимо спасать от гибели старейший немецкий журнал по фольклору, для чего следует применить силу»[74].

Последний выпуск «Уркведла» появился в 1898 году.

К тому времени [1889 году] Краусс написал работы: «Королевство Хорватии и Славонии»*, «Хозяйка замка Прессбург» («Das Burgfräulein von Pressburg»**), «Конец короля Бонапарта» («La fin du Roi Bonaparte»***) и «Орлович, бургграф фон Рааб»[4*].

---

* См. точное заглавие: Krauss 1889a.

** В изд.: Ethnologische Mittheilungen aus Ungarn: [in 9 Bd.]. Budapest: Buchdruckerei «Thalia» [etc.], 1889. Bd. II. S. 5–54.

*** Полное заглавие статьи: La fin du Roi Bonaparte: Chanson des Guslars orthodoxes de la Bosnie et Hercegovine // Revue des Traditions populaires: recueil mensuel de mythologie, littérature orale, ethnographie traditionnelle et art populaire / publ. by Société des traditions populaires. Paris, 1889. Vol. IV. P. 1–9, 146–157.

[4*] См.: Krauss 1889.

Затем Краусс опубликовал перевод «Смаилагича Мехо» или «Поездки невесты Мехмеда» («Mehmeds [*sic*!] Brautfahrt»)*, а также более крупное произведение – «Народные верования и религиозные обряды южных славян»**, посвященное им своей матери. К 75-летию отца был переиздан ранний краussовский [перевод с древнегреческого] сочинения Кебеса «Картина в храме Кроноса»***. В предисловии Фридрих сообщал: «Впервые "Картину..." я редактировал девять лет назад, будучи классическим филологом. Но с тех пор занимаюсь только фольклористикой, этнографией (Volks- und Völkerkunde) и славянской филологией»[75].

В письме от 27 февраля 1891 года Краусс пригласил Карла фон Амиру посетить его в Вене:

«С тех пор, как умер мой отец, упокой, Господи, его душу, я – одинокий и покинутый человек. Я больше не держу слуг и не могу принять у себя гостя, тем паче что мне, как судебному переводчику, постоянно мешают жильцы, так что мой дом – самое неподходящее место, чтобы иметь возможность спокойно с кем-то поговорить. Откровенно говоря, я рад личному знакомству с настоящим немецким ученым. С научным миром я общаюсь только по переписке, лицом к лицу встречался лишь с немногими. В компаниях я, к сожалению, фигура чужая – играть не умею, ни пива, ни вина не пью и ем ровно столько, сколько необходимо для утоления голода. К такому образу жизни я привык на Востоке, таким и остался».

Четырнадцатого апреля 1891 года в почтовой открытке, адресованной профессору [Карлу] фон Амире, Краусс жаловался:

«Я лишен возможности проводить такие глубокие сравнительные изыскания (как Вы, профессор [К.] Амира), поскольку являюсь главным образом филологом, а как этнограф (Ethnograph) я лишь слуга. Уже с этим мне хватает дел. Сейчас я работаю над Hendiadgion†* в славянских языках. Если бы я только знал, кто

---

* См.: Krauss. Smailagić Meho 1890. Песни гусляра Смаилагича Мехо Ф.-С. Краусс записал и опубликовал в 1886 г., а в 1890-м песни этого гусляра в записи Ф.-С. Краусса и в переводе на немецкий язык Карла Грёбера (Carl Gröber) вышли под другим заглавием в Вене. Р.-Л. Бёрт неточен.

** См.: Krauss 1890.

*** См.: Krauss. Cebes 1890.

†* Hendiadion (от *греч.*, *лат.* hendiadys, точнее: hen dia dyoîn) – грамматическое «гендиадис» («одно через два»), т. е. фигура, выражающая односложное понятие двумя словами, из которых одно или служит определением к другому, или просто усиливает его смысл. Речь, видимо, идет об изд.: *Krauss, F.S.* und *Fischer.* Leitfaden der serbischen und deutschen Conversations-Sprache: ethnographische Gespräche über Reisen, Eisen-

возьмется напечатать эту вещь за свой счет! Мой Körgrülü* подвигается, как и "Исследование славянского фольклора"**. На службе тоже очень много дел».

Двадцать второго апреля 1892 года Краусс писал Отто Шеллу:

«У меня в наличии 190 тысяч стихов ненапечатанных гуслярских песен, но нет средств для их публикации. <...> В академических кругах не уделяют должного внимания нашим устремлениям. Но, посвящая себя работе, мы выстоим, создав почву для лучших времен»[76].

Одиннадцатого мая 1893 года Краусс вступил в союз журналистов «Конкордия» («Concordia»), в котором до рубежа веков состояло не более 350 членов.

В мае 1895 года Фридрих посетил друзей в Мюнхене и познакомился там с профессором Карлом фон Райнхардштётнером (Reinhardstöttner, Karl von [1847–1909]). Тот расспросил Крауссa о его исследованиях и попросил подготовить статью для издаваемого им журнала – [«Ежегодника по истории Мюнхена» (Jahrbuch für Münchener Geschichte / begründet und hrsg. von Karl von Reinhardstöttner und Karl Trautmann. München [etc.], 1887–1894. Bd. 1–5)].

Пятнадцатого мая 1895 года Краусс писал профессору [К.] фон Амире:

«Уже целых пять лет я на службе у филантропии, лично общаюсь почти исключительно с очень богатыми людьми, но еще больше – с самыми несчастными и покинутыми, о состоянии которых принужден справляться, дабы помочь им по мере возможности. Лишь в редкие часы досуга, вдали от бед страждущих, занимаюсь своими исследованиями. Наложение одних дел на другие стало угнетать меня. Я решил взять отпуск на 12 дней, чтобы наконец увидеть Германию, страну моей страсти и любви, и лично познакомиться с моими друзьями по переписке. По пути из Гёрлица в Мюнхен со мной творились просто чудеса. Все восемь дней друзья не позволяли мне раскрыть кошелек. За меня везде платили как за брата и оказывали всяческие почести. Больше всего меня обрадовало, что Вы удостоили меня визитом в гостинице и даже хотели, чтобы я погостил у Вас. Хочу поблагодарить Вас за добрую память. Из-за многолетних конфессиональных и иных преследований сделавшись запуганным и осторожным, я не решался переслать Вам

---

bahnen, Dampfschifffahrt [etc.]. Zum Gebrauch für Reisende und diejenige, welche diese Sprache erlernen wollen. Leipzig, 1892. V. 246 S., 1 Tab.

* Будет опубликован в 1894 г.; см.: Krauss 1894a: Wie Mohammed Körrülü...

** Будет опубликовано в 1908 г.; см.: Krauss 1908.

какую-нибудь из моих небольших работ, чтобы ни в коей мере не показаться назойливым. Ваша искренняя речь в субботу дала мне понять, сколь сильно я Вас обидел. Чтобы хоть как-то загладить свою вину, прошу принять прибывающие к Вам сегодня бандеролью три мои небольшие вещицы: 1) "Кёпрюлю"*, "Новак, героический старец"**, "Божество стрижки овец [у южных славян]"***. <...> Я проникся к Вам, г-н профессор, бесконечным доверием и только от Вас взыскую получить отцовский совет и помощь на мой конфиденциальный запрос – они помогут мне выйти из затруднительного положения и решат мое будущее. Господин профессор д-р фон [Карл] Райнхардштётнер, у которого я, кажется, вызываю особую симпатию, и мой превосходный верный друг д-р Шерман (Scherman [, Lucian; 1864–1946]) убедили меня ходатайствовать о получении доцентуры по славистике в Мюнхенском университете. Это, наверное, соответствует моему желанию целиком посвятить себя науке, тем паче я и сам думаю, что в этой области смогу достигнуть большего, нежели на почве филантропии, но я совершенно не владею ситуацией в Мюнхене и не представляю, как факультетом будет воспринято мое заявление. Меня пугает также мучительная процедура государственного экзамена, какой она обычно бывает. В гимназии я всегда был первым да и в [университете экзамен] на степень доктора выдержал с отличной оценкой (summa cum laude), но тогда я хоть примерно знал, о чем меня будут экзаменовать, теперь же, будучи 35-летним мужчиной, боюсь такого испытания. Поражение было бы для меня достаточной причиной для самоубийства. Тем не менее мысль о том, что мне будет позволено учиться и преподавать в многообещающем Мюнхенском университете, чрезвычайно заманчива; так что мне приходится собирать всё свое мужество, чтобы просить Вас, не соизволили бы Вы скрытно разузнать у авторитетных лиц в Мюнхенском университете и в королевском министерстве, могу ли я и при каких условиях рассчитывать на получение доцентуры по славянской филологии и этнографии. Чтобы не оставлять Вас в неведении относительно моих финансовых возможностей, отмечаю, что располагаю суммой в 8600 флоринов наличными, а также ценной библиотекой из 2000 томов и рукописей (славянских, турецких и арабских) стоимостью 30–50 тысяч флоринов в австрийской валюте. Такое состояние вкупе с моим усердием позволяет не сомневаться, что, сделавшись приват-доцентом, я никого не введу в тяготы».

---

* См.: Krauss 1894a: Wie Mohammed Köprülü...

** См.: Krauss 1894б.

*** См.: Krauss 1894.

Однако 23 мая 1895 года Фридрих снова пишет [К.] Амире:

«Мои предки обычно говаривали: "Им ар кемах, ар тора (Im ar Kemach, ar thora)", "где нет хлеба, там нет и науки". А посему, пока я не обеспечу себя финансово, я не смогу облечь себя обязанностями приват-доцента. Я не делец и не имею шансов вскорости разбогатеть спекуляциями, только чудо может помочь мне поставить свое дарование исключительно на службу науке. Антисемитизм — беда не только для меня одного, лишившегося из-за этого своей карьеры; но в моем случае это и удар по всей немецкой науке. В моей статье Вы обнаружили так много удивительного сходства с германскими обстоятельствами, что благодаря этому мы, может быть, станем лучше понимать сущность древних германцев. Столь же ценно и всё остальное, собранное и накопленное мной в поездках. У меня набралось материала на три сотни таких статей, но написать их на должном уровне сможет только тот, кто, как и я, знаком с южнославянскими диалектами, для понимания которых словари мало что дают, и при этом владеет этнологическим методом. Если упомянутое чудо не случится, то именно мои исследования останутся большей частью не опубликованными. Пусть ответственность за это несут те, кто не хотят, чтобы я, будучи евреем, делал карьеру. Только ведя поистине турецкий невзыскательный образ жизни, мне удалось сохранить тот вклад, который, на мой взгляд, представляет собой большое богатство, но, по-вашему, что, наверное, справедливо, является весьма скромным. Я никогда не занимался собственно заколачиванием денег. Это противоречит моей душевной направленности и моим скромным потребностям. Только когда возникает желание облагодетельствовать кого-то, я вдруг чувствую, что нахожусь без средств, как и теперь, когда намереваюсь получить доцентуру в Мюнхенском университете. Мне не составило бы особого труда представить факультету хорошую, еще не напечатанную работу и выступить с по-настоящему достойным внимания докладом. Только собеседование пугает меня. Мне не по нраву позволять проверять себя "методом тыка". Такого рода экзамен не лучше лотереи. Нельзя ли склонить факультет к отказу от собеседования, оценив взамен мою прежнюю литературную деятельность? Возможно ли скомбинировать его с пробной лекцией таким образом, чтобы экзамен был связан с темой лекции».

«Летом 1895 года во второй половине дня у меня в гостях были книготорговец и ученый из Малороссии. Тогда ко мне пришла еще и симпатичная, изящная девушка лет 25-ти, представилась учительницей и сказала, что уже давно восторгается мной и т. д. Она, наверное, не чувствовала смехотворность положения, в которое меня поставила, и я не знал, как мне, не нарушая приличия, избавить-

ся от нее. В дверь снова позвонили, и вошел новый искуситель. Он представился: Йозеф Надь (Josef Nágy), литератор из Будапешта. Это был человек лет тридцати шести, приятной наружности, в очках, с густыми волосами и очень живой мимикой и жестикуляцией. Я поинтересовался, не родственник ли он своему однофамильцу [Nágy, Jósef; 1832–1909], известному мне редактору венгерского иллюстрированного журнала. "Я не родня ослу. Это настоящий болван". – "Но позвольте, такого впечатления он на меня не произвел. То, что я читал из его произведений, было совсем недурно, и к тому же он человек светски образованный. А о чем пишете вы, господин Надь?" – "О фольклористике (Volkskunde)". – "Неужто?! Но я даже не слышал о фольклористе (Folklorist) по имени Надь, хотя мне известны все мало-мальски заявившие о себе в этой сфере". – "Тут и удивляться нечему, ведь вы принадлежите к шайке мошенников – Хермана (Hermann [, Antal; 1851–1926]), Катоны (Katona [, Lajos; 1862–1910]), Влислоцки (Wlislocki [, Henrich von; 1856–1907]) и прочих и вас не волнуют остальные". – "Что вы такое говорите?!" – "Несомненно, главный махинатор – Влислоцки, обманщик и негодяй <...>". – "Вы слишком много себе позволяете <...>". – "Да что там, парень заставляет Штрауса (Strausz [, Adolf; 1853/1854–1944]) писать за него книги и водит людей за нос". Разгневанный, я поднялся и сказал: "Кто вы и что собой представляете, я не знаю, но должен сказать, что не вам судить о Влислоцки, и ваше поведение вынуждает меня вступиться за оклеветанного человека. К счастью, я в состоянии на месте привести полное доказательство того, что Влислоцки является автором книг Адольфа Штрауса. Мне нет дела до этого обмана, но я знаю, что Влислоцки – необыкновенно талантливый писатель, а у Штрауса тщетно было бы искать талант <...>".

Первый посетитель был ошеломлен услышанным, девушка же звонко смеялась от удовольствия. Умей я взглядом выгонять на улицу, дамочка на пару с Надем вмиг оказалась бы за порогом. Тогда поднялся и Надь: "От всей души благодарю за хорошее обо мне мнение. А ведь я и есть тот самый Влислоцки, а это моя жена".

Так я лично познакомился с сотрудником "Уркведла"»[77].

Двадцать пятого февраля 1896 года Краусс писал профессору [К.] фон Амире:

«Памятуя, что в письмах Вы неоднократно высказывались с одобрением о важности моих исследований по специальным разделам немецкой культурологии и юриспруденции, я на прошлой неделе позволил себе выслать Вам экземпляр моего "Боягича"*.

* См.: Krauss 1896a.

Так что на этот раз осмелюсь попросить Вас оказать мне любезность и, используя влияние Вашего наилучшим образом зарекомендовавшего себя в научном мире имени, замолвить слово в одном из доступных Вам журналов в пользу опубликования моих статей. Ибо я не знаю другого пути, как способствовать тому, чтобы мои работы получили заслуженное, как я полагаю, признание, другими словами, как найти хорошего издателя для моих дальнейших публикаций. До сих пор почти все мои книги и исследования оставались практически не замеченными, и в отношении издания и продажи моих работ я, как писатель и ученый, продвинулся не дальше 1883 года, когда впервые взялся за перо, чтобы попробовать себя в литературе. По песням гусляров у меня есть еще записи примерно для трехсот научных статей. Будьте любезны ради науки помочь мне, дабы у меня хватило мужества продолжить работу. Ведь совсем нелегкое дело — корпеть из года в год, не покладая рук и не получая хоть сколько-нибудь заметного литературного признания, несмотря на полный и, к сожалению, как бы само собой разумеющийся отказ от всякого денежного вознаграждения. Мое положение просто и понятно. Пока молод и здоров, я могу сносить лишения, используя сбережения от моей обыденной работы на потребу моей ученой страсти. Но я с тревогой предвижу тот день, когда вынужден буду сказать себе, что, учитывая свой возраст и моих нуждающихся в помощи братьев и сестер, не могу и не смею долее вести такое хозяйство».

Еще раньше на просьбу о дружеской рецензии наш герой получил краткий и довольно резкий ответ профессора [К.] Амиры, что ему лучше обратиться в «Геттингенский вестник ученых» («Göttinger Gelehrten Anzeiger»). 14 мая 1896 года Краусс написал:

«От этой идеи я отказался, ибо как ученый и ревностный писатель, имеющий достаточно опыта, не придаю большого значения заурядным рецензиям. Для моего продвижения вперед они ничего не значат. Когда же я просил Вас о рецензии, то полагал, что Ваше влияние и авторитет помогут мне не столько в отношении поиска издателя, сколько положением, которое позволило бы мне уделять бóльшую часть суток научной деятельности; в то время как ныне день за днем я не занимаюсь больше ничем иным, кроме досадной филантропии. Я изматываюсь на ничтожной службе, вынужденный распылять свое духовное дарование и труд, в то время как неотложные научные задачи, с которыми благодаря моим особым наклонностям и моим собраниям призван справиться я один, остаются нерешенными. Это навредит *немецкой науке* много больше, чем мне. Вместо двух жалких исследований я мог бы из года в год выдавать по двадцать добротных работ, так как у меня есть еще более 175 тысяч стихов чудесных, ценнейших песен гусляров,

а также прозы на несколько томов. Здесь хватит материала примерно для трехсот оригинальных исследований. <...> Я не питаю иллюзий по поводу реального положения вещей. Сегодня над немецкой стороной витает дух болванов и редакторов "Отечества" Зигеля (Sigel'schen "Vaterlandes"). Сегодня содрогаются сильнейшие мужи, когда лицемеры вызывают у них страх перед евреями; подобно тому, как страшной вереницей мчатся прочь телята, если сербский пастух делает круговой мах своей трещоткой. <...> Правда, я и сегодня нахожусь в весьма затруднительном положении и пока не представляю, как мне из него выпутаться, но одно знаю наверняка: Бог Израиля мне поможет. Придет время, когда я смогу без забот неустанно и преданно служить науке. Тогда Вы, господин профессор, вероятно, прославите себя, как мой прежний школьный директор, тем, что, когда однажды я пришел к Вам с просьбой, Вы отказались что-нибудь сделать для меня».

В 1899 году, когда Фридриху было сорок лет, он совместно с профессором, д-ром Луцианом Шерманом, директором мюнхенского Этнографического музея (Ethnographischen Museum), опубликовал свое главное произведение по фольклористике «Общая методика фольклористики»*. Тогда же он приступил к анонимной публикации серии статей под общим названием «Зачатие в нравах, обычаях и верованиях южных славян»**. Это произведение ознаменовало начало его сексуально-научной (sexualwissenschaftlichen) деятельности.

В 1890 году Краусс опубликовал «Народные верования и религиозные обряды южных славян»***.

В обзоре исследований по фольклору (Volkskundeforschung), вышедшем в 1903 году, профессор Кайндл (Kaindl [, Raimund Friedrich; 1866–1930]), говоря о главных направлениях, опирался в основных пунктах на опубликованные исследования Крауса и приводил из них цитаты. Книга даже заканчивается девизом «Уркелла» Крауса: «Своеобычность народа есть источник его молодости» («Das Volkstum ist der Völker Jungbrunnen»)[78].

Двенадцатого ноября 1903 года Краусс, возмущенный требованием [О.] Шелла уплатить вступительный взнос в основанное им фольклорное общество (Folkloreverein)[4*], написал:

---

* См.: *Krauss, F.S., Schermann, Lucian* (1864–1946). Allgemeine Methodik der Volkskunde: Berichte über Erscheinungen in den Jahren 1890–1897 / von Lucian Scherman und Friedrich S. Krauss. Erlangen: F. Junge, 1899. 4, 134 S.

** См.: [Krauss] 1899–1902.

*** См.: Krauss 1890. У Р.-Л. Бёрта дата издания неточна: 1900.

[4*] Verein für Volkskunde, Berlin. Выпускался свой журнал, см. ниже примеч. 100.

«С 1881 года я неустанно тружусь на ниве фольклора (Folklore), невероятно многим пожертвовал для пробуждения интереса к фольклористике (Folkloristik), а теперь должен платить, чтобы стать членом фольклорного общества! Nota bene*, общества, во главе которого стоят Сартори (Sartori [, Paul: 1857–?]), Видеман (Wiedemann [, Alfred; 1856–1936]) и Вы».

Плата составляла три марки, маркой меньше «несчастных четырех марок», необходимых для подписки на журнал «Уркведл».

Четырнадцатого февраля 1905 года ученому было присвоено звание почетного члена Вашингтонского антропологического общества (Anthropological Society of Washington).

У Краусса были помощники в его деятельности. Он упоминал Владимира Чоровича (Corović [Ćorović], Vladimir [1885–1941]), работавшего у него в 1906–1907 годах «переписчиком». На берлинском процессе тот выступал свидетелем от государства.

«В 1906–1907 годах Чорович служил у меня в Вене как переписчик – разумеется, ловко используя это в своих интересах. Он вел себя так, что счел уместным убраться из Вены, не попрощавшись со мной. Позднее во всякого рода сомнительных боснийских и сербских газетенках он обратил на себя внимание как злобный рецензент»[79].

Краусс упоминал также своего «студента» Отто Гольдштайна (Goldstein, Otto [1859–?]), «который под моим руководством учится на фольклориста (Folkloristen) и, вероятно, когда-нибудь добьется чего-то дельного». Летом 1907 года Отто Гольдштайн совершил научную поездку в Славонию и кое-что собирал для патрона.

К несчастью, в 1913 году произошло событие, которое бросило тень на остаток жизни и творчества нашего героя, привело его к финансовому краху и ожесточило. Несмотря на то, что «Антропофитея» продавалась только ученым и только по подписке, на ежегодник обратило внимание берлинское правосудие и потребовало через суд конфискации некоторых томов. Судебные разбирательства состоялись в Лейпциге и Берлине, и Краусс был больше не в силах бороться с цензурой. С этого момента во всех его публикациях, начиная с полемического сочинения «Берлинский эротоманско-маниакально-бредовый процесс 1913 года»**, обнаруживаются признаки тех ран, которые были нанесены его репутации и финансовым средствам. Наконец, его публикации были конфискованы (наложен арест) (beschlagnahmt), почтовые отправления задерживались, а основанное им издательство обанкротилось.

---

* Букв.: «заметь хорошо» (*лат.*) – отметка на полях книги или документа (обычно: N.B.).

** См.: Krauss 1913.

С началом Первой мировой войны Фридрих стал директором и профессором венской Школы инвалидов войны. В этот период он снова занимается славянским фольклором и выпускает первый том запланированного им восьмитомника «Тысяча преданий и сказок южных славян»*. Правда, остальным семи томам так никогда и не суждено было появиться.

По окончании войны, когда Краусу было уже за шестьдесят, ему пришлось думать о выживании. Во время голода 1920–1923 годов ему помогали зарубежные друзья и различные учреждения, такие как Смитсоновский институт**. В 1921 году наш герой в очередной раз пострадал от цензуры и преследований.

В августе 1924 года он получил письмо от танцовщицы Люси Кизельхаузен (Kieselhausen, Lucy [1900–1926]) с ее заметками для его работы о танце. Он также переписывался с д-ром Йоханном Пильцем (Pilz, Johann [1885–1958]) из Вены, швейцарцем Й.Й. Майерсом (Meyers, J<ohann> J<akob> [1870–?]) и аргентинцем Робертом Леман-Нитше (Lehmann-Nitsche, Robert [1872–1938]).

В 1927 году ученый работал по меньшей мере над шестью рукописями, которые так никогда и не были опубликованы: вторым томом «Тысячи преданий и сказок южных славян», исследованиями «Корсет в нравах, обычаях и обычном праве народов» («Das Mieder in Sitte, Brauch und Gewohnheitsrecht der Völker»), «Славянский характер» («Slavenart»), «Танец» («Der Tanz»), «Положение женщины» («Die Stellung der Frau»), «Эротическая привлекательность как первородный инстинкт» («Erotische Anziehung als Urtrieb»)[80].

Письмо одного друга из Страсбурга, написанное в 1927 году, указывало на то, что «Корсет» не был опубликован и что Краусс еще собирал материал о танце.

Девятнадцатого мая 1927 года он писал надворному советнику Михаэлю Хольцману (Holzmann, Michael [1860–1930]):

«Если Вам позволяет состояние здоровья, то почел бы за честь посетить Вас как-нибудь вечером, чтобы для начала в устной форме снабдить Вас любой доступной мне информацией. Заранее сердечно благодарю за обещанное мне лестное упоминание в Вашем новом произведении. Вы лучше поняли бы меня, если бы знали, сколь скромно мое честолюбие. Хотя я был и остаюсь чрезвычайно трудолюбивым, но только потому, что размышление с пером в руках доставляет мне удовольствие и помогает справиться с тем,

---

* См.: Krauss 1914.

** Смитсоновский институт (Smithsonian Institution) – один из крупнейших научных и культурных центров США, основан в 1846 г. в Вашингтоне специальным решением Конгресса на средства (по завещанию) английского химика и минеролога Дж. Смитсона (1765–1829).

Tausend Sagen & Märchen der Südslaven.

Gesammelt und verdeutscht von

Dr. Friedrich S. Krauss.

Mit Bildern von Janko Koganowsky, Rudolf Singer u. A.

Leipzig. Ethnologischer Verlag.

что из-за моей принадлежности к еврейству я ничего не достиг в государстве. Особо благодарю за Вашу работу о моем друге [Э.] Кульке[81], трудов которого я намерен издать еще три тома <...>»[82].

В 1930 году наш герой в качестве члена Всемирной лиги сексуальных реформ (Weltliga für Sexualreform) принял участие в IV Международном конгрессе сексуальных реформ в Вене.

В 1930–1932 годах Краусс состоял в переписке с писателем Стефанусом Фабияновичем (Fabijanović, Stephanus), жившим в Америке.

В 1935 году в [журнале] «Имаго» [З.] Фрейда появилась статья Краусса «Легенда об Эдипе в южнославянском предании»*.

«Написать ее мне помогла моя удивительно способная ученица по части сербского фольклора (Folklore) и психоанализа, занимающаяся толкованием южнославянских народных преданий, госпожа Аннемари Хлебовицка»[83].

Позднее Краусс запишет:

«С моей ученицей я обсудил, таким образом, полторы сотни преданий и пытался приучить ее к использованию этого метода рассмотрения».

1937 год отмечен последней прижизненной публикацией Краусса: «Тесей в гуслярской песне» («Theseus im Guslarenlied: Ein gerzogländisches Guslarenlied»). Статья появилась в журнале «Laographia»** и датирована 2 июля 1934 года.

В последние годы жизни Краусс принимал активное участие в борьбе против сексуального угнетения и цензуры, которые в его глазах были тесно связаны с национал-социалистической идеологией, и готовил к печати свое монументальное собрание под названием «Международная сексуально-научная библиотека» («Internationale sexualwissenschaftliche Bibliothek»), желая сделать его достоянием общественности.

Научные дискуссии

В общем и целом ранние славянские исследования Краусса были приняты тепло. Как в ежедневной газете «Новая свободная

---

* *Krauss, F.S.* Die Ödipussage in südslavischen Volksüberlieferungen // Imago: Zeitschrift für anwendung der psychoanalyse auf die geisteswissenschaften / Hrsg. Sigmund Freud. Leipzig und Wien: H. Heller & cie., 1935. Bd. XI. S. 358–367. Нижеследующую цитату, источник которой Р.-Л. Бёртом не указан, см. на с. 367 указ. изд.

** Laographikon Archeion / Akadēmia Athēnōn. Thessaloniku, 1937. T. XI. P. 338–345.

пресса» («Neue Freie Presse» [Wien]), так и в «Архиве славянской филологии» («Archiv für slavische Philologie»), ведущем славистическом немецкоязычном органе, появились вполне доброжелательные рецензии. «Предания и сказки южных славян»* вызвали интерес редактора «Архива» Ватрослава Ягича, который тем не менее отметил в своем примечании [к рецензии А.Н. Веселовского на эту книгу]: «Выходит, он (Краусс) <...> и не пытался исполнять роль добросовестного переводчика, а был скорее вольным пересказчиком»[84].

Краусс оценил внимание к себе и признал авторитет [В.] Ягича в области славянской филологии, однако подчеркивал необходимость особого отношения к фольклористике (Volkskunde) как области исследования. Он соглашался, что местами несколько «подправил» оригинальный текст, но всё же настаивал, что в своих вмешательствах опирался на народную мудрость:

«Я допускал вольности и иного плана, вставляя порой подлинно народные выражения и высказывания, если они представлялись мне подходящими, чтобы позволить немецкому читателю лучше понять мировоззрение южных славян. На мой взгляд, такой подход вполне оправдан»[85].

Уникальный багаж наблюдений, полученный Краусом в молодые годы, никогда не использовался им для приукрашивания своих историй, но лишь затем, чтобы рельефнее передать образ народной души. Это, по его мнению, никоим образом не подпадало под понятие «фальсификация», а выполняло функцию дополнения оригинала истинно народными элементами. Собиратель полагал, что такие вставки существенно важны для ученого, задача которого — выразить подлинную душу народа.

«<...> если исследователь в душе своей не обладает силой художественного выражения, — писал наш герой, — или, по крайней мере, творческими задатками, то ни самые добрые намерения, ни упорный труд не помогут преодолеть заурядность»[86].

Вера Фридриха в «ученого поэта» оказалась одним из главных препятствий для полного признания его работы. Краусс даже утверждал, что купирование таких дополнений равноценно цензуре, ибо тем самым скрывается настоящая народная речь:

«Многие стремятся к тому, чтобы представить народ в выгодном свете, забывая, что сами к нему принадлежат. В угоду этому заглушаются некоторые ядреные, но весьма показательные для способа выражения и мышления народа обороты. Такого рода соображениями не должен руководствоваться человек науки»[87].

---

* См.: Krauss 1883/1.

Под этим девизом Краусс вскоре объявил войну так называемым «хорватским академикам», и позднее это решение служило ему оправданием для собирания эротического фольклора. Однако эмоциональность, с какой он реагировал на критику в свой адрес, производила отталкивающее действие[88].

Его вражда с [В.] Ягичем обострилась. Являвшийся также членом Антропологического общества, [В.] Ягич резко критиковал первые публикации песен гусляров из собрания Краусса[89]. Упрек в «приукрашивании» нес скорее личностный оттенок:

«Я подозреваю, что он (Краусс. – *Р.Б.*) сам тому виной, поскольку, к сожалению, вынужден добавить, всем своим поведением не производит впечатления надежного и правдивого наблюдателя»[90].

Тем не менее Ягич в конце концов признал, что переводы Краусса были хотя и не дословными, но зато создавали хорошее «поэтическое впечатление». Оппонент нашего героя всё же не смог удержаться от того, чтобы не посмеяться над попыткой Фридриха передать во время доклада пение гусляров:

«Неужели эти завывания и рыкания, что он воспроизвел перед слушателями, и есть обычная манера исполнения сербских народных песен <...>?»[91]

1889 год ознаменовал конец участия Краусса в Антропологическом обществе. Возможно, причиной тому – уход из жизни его мецената кронпринца Рудольфа или возрастающие трудности, порождаемые его недоброжелателями в Обществе, число которых росло, в особенности [В.] Ягичем и Михаэлем Хаберландом[92].

Новых врагов он нажил и за пределами академических кругов. У балканских славян не было политической автономии, они были разрознены, а их страна поделена между монархией Габсбургов, русскими и турками. Носителем национального самосознания была интеллигенция. Филология, литературоведение и фольклористика (Volkskunde) должны были бы служить укреплению национальных движений. Анонимная статья, в которой Краусс называет себя «немцем, открывающим для немцев сербов», была опубликована в 1885–1886 годах в газете «Strazilovo, List za zubavu»*.

Краусс, считавший себя немцем, уже на заре своей карьеры встал на сторону Габсбургской монархии. В Заключении его труда «Королевство Хорватии и Славонии», вышедшего в серии «Зе́мли Австро-Венгрии в описаниях и иллюстрациях»**, говорится:

---

* Стражилово: лист за забаву, поуку и уметност / уређује Јован Грчић. У Новом Саду: Издање дружине око «Стражилова», 1885. Год I, број 1–45; 1886. Год II, број 1–52. Страница и номер Р.-Л. Бёртом не указаны.

** См.: Krauss 1889a.

«Живя вдали и не добиваясь благосклонности от политиканствующих хорватских партий и тем не менее благодаря своим исследованиям находясь в постоянном соприкосновении с народом, изучение души которого для меня – дело жизни, я мог и должен был честно следовать одной только правде. <...> Исследователь народного характера (Volksthums-er-forscher) отмечает явления народной жизни и пытается их объяснить. Ему не подобает что-либо приукрашивать, да это и не принесет никакой пользы. <...> Будущее Славонии и Хорватии будет определять не хорватская политика, а народное образование. Пусть мои соотечественники имеют в виду: не их политика и не громкие слова, а работа и образование делают народ свободным, но первое условие при этом – верность королю и империи!»[93]

Заняв означенную позицию, наш герой противопоставил себя тем, кто пытался использовать фольклористику (Volkskunde) для возбуждения националистических настроений, доказывая с ее помощью мифическое общее прошлое народов.

Этот тезис противоречил позиции Краусса, пытавшегося прежде всего отыскать общие черты в фольклоре различных культур:

«<...> фольклористика (Volkskunde) [является] национальной только как специальное исследование, но по сути своей в результате исследований она становится общечеловеческой. Это пробный камень ее научности»[94].

Позднее Краусс так прокомментировал этот аргумент:

«Если объяснять, к примеру, соответствие общественных учреждений и воззрений человечества в целом единой традицией, или кровным родством, или совместной политической историей, то можно остаться привязанным к ложным доказательствам и предположениям и ничего толком не объяснить. Если же осознать одинаковость духовных задатков у человека, где бы он ни появлялся, и его способность по необходимости приспосабливаться к окружению, то само по себе отпадает любое серьезное препятствие к пониманию настоящего и прошлого»[95].

Тем не менее ученый не вмешивался в политику, но видел свою задачу в том, чтобы уберечь фольклористику (Volkskunde) от злоупотребления:

«Здесь мы стараемся держаться вдали от политических распрей. Но если политическая спекуляция захочет сколотить себе агитационный капитал на базе сфальсифицированного фольклора из нашей области исследований, то мы тоже, конечно, должны будем занять свою позицию, встав на сторону истины, сторону науки»[96].

Критика частично состояла из упреков в адрес Краусса по поводу того, что он передавал язык народа в неверном освещении.

В ответ Крусс подчеркивал, что собиратель ни в коем случае не должен приукрашивать [фольклорные] материалы:

«Малейшее вмешательство редактора означало бы для меня безответственную фальсификацию. Этим принципом я руководствовался, когда публиковал славянские тексты из моих собраний и, к сожалению, подвергался резким нападкам чаще всего личного свойства со стороны славянских филологов или, скорее, некоторых лиц, которые ведут себя как глобальные арендаторы славянской филологии. Один полагал, что народ не может говорить так сумбурно и неряшливо, как это следует из моих записей. "У этого Краусса нет ни капли понимания славянской филологии!" — выразительно восклицал любезный господин в заключение. Другой, еще более строгий судья-филолог, осмелился даже утверждать, что было бы много лучше, если бы я вообще не собирал памятники [устного творчества] южнославянских народов, чем издавать их в столь неупорядоченной форме»[97].

Понимание сущности фольклора подвигло ученого к активному неприятию манипулирования этой дисциплиной в националистических целях, что в последние годы XIX века часто использовалось как пропагандистский маневр. Громогласная критика нашим героем таких методов сделала его мишенью растущего числа недоброжелателей.

Поначалу в книге «Народные верования и религиозные обряды южных славян» (1890) он выступил против тогдашних споров о солярной мифологии, резко отозвавшись о специфически славянской мифологии: «Это не научная проблема»[98]. В частности, он критиковал «Религию хорватов и сербов» («Religion der Kroaten und Serben») профессора Нодило* как «скопление невероятнейших фантазий и взбалмошных мечтаний»[99], хотя в научных журналах того времени это исследование снискало положительные отзывы.

Резко критически, в сатирической тональности Крусс высказался в книге «Богемские кораллы из мира богов: Фольклористические спекуляции на рынке богов и мифов»:**

«Вам, продажным пустомелям, "кабинетным славистам", антисемитам, "истинным хорватам", патентованным патриотам-бумагомарателям, с благодарностью за многие часы безудержного веселья, что вы доставили и еще доставите богам и людям, от современника посвящается».

---

* *Nodilo, Natko* (1834—1912). Religija Srba i Hrvata: na glavnoj osnovi pjesama, priča i govora narodnog / napisao Natko Nodili. Agram, 1886.

** См.: Krauss 1891—1893.

Как это было уже в «Народных верованиях...», Краусс обрушился с критикой на попытки искусственного конструирования фольклористики (Volkskunde). Но на этот раз вместо доказательства важности собирания аутентичных материалов он «проехался» по персонам своих врагов. Объектами значительной части сей сатиры (более 100 страниц) оказались профессор университета [г.] Граца д-р Грегор Крек (Krek, Gregor [1840–1905]), с которым ее автор как-то раз публично поспорил по поводу рецензии в «Журнале сравнительной истории литературы и ренессансной литературы» («Zeitschrift für vergleichende Literatur-geschichte und Renaissance-literatur»* [Berlin, 1887–1891]). Можно предположить, что столь резкие личные нападки на человека из академических кругов не могли остаться для автора без последствий. В самом деле, «Богемские кораллы...» снискали сдержанную рецензию в «Журнале общества фольклора»[100] [Карла] Вайнхольда (1823–1901), однако в «Фольклоре» («Die Volkskunde») [Р.] Кайндла книга упоминалась как верное средство против опрометчивых ошибок в практике фольклористики (Volkskunde-praxis)[101].

В письмах к [О.] Шеллу Краусс просил его поддержать свою книгу:

«В интересах нашей науки освещать поступки и взгляды фабрикантов богов так, как они того заслуживают, и как раз эта книга не лишена преднамеренно устрашающего воздействия. Дорогу [нам] надо освобождать»[102].

«Нам не следует допускать, чтобы кто-то веселился за счет нас и нашей науки. Свежо и бодро нанесем ответный удар. Как правило, это помогает сдвинуть дело с мертвой точки. Поэтому прошу Вас, если хоть как-то позволяет время, написать о "Кораллах" и в других печатных изданиях лишь для того, чтобы поддержать всеобщий живой интерес. Для меня возможная продажа книги почти не имеет значения. Но слово из "Богемских кораллов" должно стать крылатым и грозным для дилетантов и фальсификаторов»[103].

«"Богемские кораллы" — это, так сказать, воинственный клич к тому, чтобы разбудить спящие умы. То, что большинство редакторов не хочет попадаться на удочку, вполне понятно; но мы должны неустанно использовать всё возможное, чтобы одолеть это сопротивление»[104].

«[Хорватский академик, археолог и непревзойденный изобретатель разных великих деяний старохорватских династий, каноник профессор Шиме Любич (Ljubić, Sime [1822–1896])]** здесь, в Ве-

---

* В оригинале название журнала дано неточно.

** Здесь текст во внешних квадратных скобках — Р.-Л. Бёрта.

не, изводил меня попреками по поводу моей литературной деятельности. "Ты (по старинному хорватскому обычаю, в доверительной беседе мы обращались друг к другу на "ты"), — сказал он, — нарушитель общественного спокойствия, предатель родины, насмешник, для которого не свят ни один авторитет. Твоя критика разлагающая, саркастическая, как это свойственно евреям, и у тебя нет ничего, что ты мог бы противопоставить достижениям других". На это я невозмутимо заметил: "Брось, не ворчи, старина. Кто тебе внушил такие мысли? Ты просто не понимаешь, что несешь". — "Что ты городишь, чертов нигилист? Я, мол, не понимаю! Ну и как же сие надлежит понимать?" Смягчившись, я объяснил: "Послушай, простофиля, история не такая уж и плохая. Например, у кого-то чесотка. Тогда приходит врач и вылечивает его. Обязательно ли ему взамен чесотки напускать вшей? Нельзя ли обойтись без чесотки?" Тут мой академик по-настоящему рассвирепел и рявкнул, угрожающе потрясая рукой, будто норовил влепить мне пощечину: "Только попробуй сунуться в Аграм*, мы снесем тебе башку!"»[105]

Краусс рассказывал, что на него было совершено даже покушение:

«В полдень 3 декабря 1911 года здесь, в Вене, прямо на улице один сербский злодей пустил в меня пулю, но только легко ранил»[106].

Все неприятности, связанные с судом, наш герой приписывал своим сербским недоброжелателям:

«Более удачными (чем попытка убийства в 1911 году) были два процесса, проведенные против меня при частичном пособничестве двух сербских преступников 12-й судебной коллегией по уголовным делам Берлинского королевского земельного суда и заклеймившие меня как одного из самых злостных погубителей человечества. Суды лишили меня большей части моего честно нажитого имущества»[107].

«Нельзя не упомянуть о том, что меня боялись настолько, что фракция южных славян австрийского рейхсрата, состоящая из 15 человек и возглавляемая чешским профессором университета д-ром Мáсариком (Másaryk [, Tomaš Garrique; 1850—1937), сразу после начала мировой войны укрывшимся в Швейцарии, д-ром Анте Трумбичем (Trumbić, Ante [1864—1938]), в то время предводителем кружка южнославянских заговорщиков в Лондоне, и д-ром Анте Тресич-Павичичем (Tresić-Pavičić, Ante [1867—1949]), уже больше года сидящим в тюрьме, умудрилась отправить министру юстиции

* Немецкое историческое название хорватского г. Загреба.

запрос насчет меня, "известного врага сербов", и провела против ненавистного "врага" дисциплинарное расследование»[108].

Верил ли Краусс в заговор или только хотел вызвать своей бдительностью симпатию у немцев, из доступных нам источников выяснить не удается.

В немецких академических кругах он нажил себе немало врагов благодаря своим взглядам и сочинениям о фольклоре. По его мнению, изучая, как тот или иной народ модифицирует известный сюжет, можно было сделать об этом народе определенные выводы. Решив эту задачу, Краусс надеялся понять душу этого народа, что казалось ему самым главным и побуждало к критике «собирателей вариантов»:

«Исследователи сказок слишком часто довольствуются скорее рутинной, нежели напряженной умственной работой, извлекая варианты предания из письменных источников и выявляя те или иные особенности. <...> Но представляется, что именно при таком подходе исследование может пойти по ложному пути. Пришло время, когда исследователи <...> должны не допускать опасной вульгаризации. Надо стремиться к тому, чтобы до конца исследовать каждое предание во всех его вариантах в пределах одного определенного народа и объяснить его в границах более узкой сферы. Таким образом, можно выяснить, каким изменениям подвергся один и тот же сюжет у одного и того же народа. Так мы научимся распознавать дополнительные включения как таковые и выявлять истинное зерно предания»[109].

Понимание роли фольклористики (Volkskunde) как метода познания психологии народа подвигло нашего героя к деятельному участию в работе новой психоаналитической школы. Вывод [Зигмунда] Фрейда о том, что сексуальность играет существенную роль в развитии индивидуума, имел решающее значение для переориентации направления исследований Краусса. Теперь его интерес к эротическому фольклору и собирание с раннего детства материалов по славянской народной эротике были узаконены и оправданы как важное научное направление. Наконец он смог соединить тягу к исследованиям со своим подлинным пристрастием. Это, несомненно, явилось поворотным моментом, дарующим свободу. Краусс считал себя первым фольклористом «первородного инстинкта» (Urtriebsfolklorist), исследователем основной сущности (Grundwesen) народа. Этот рискованный поворот в научной деятельности всё больше отдалял его от академических кругов славистов, ведь он не только отрицал старательно выстраиваемый ими образ идеального народа, но и «осквернял» его.

Наконец он оказался один, без поддержки коллег, когда по поступившей жалобе против него было возбуждено уголовное дело по обвинению в распространении порнографических сочинений. После Первой мировой войны из-за борьбы с цензурой его конфликты в сфере науки отступили на второй план. В своем бедственном положении Краусс винил частично берлинского фольклориста (Folkloristen) д-ра Йоханнеса Больте[110]. Тот выступал в качестве эксперта на берлинском процессе 1913 года по делу об «Антропофитее». Впоследствии Краусс охарактеризовал его имя и работы как «болтеазм», имея в виду «мелочную придирчивость к названиям книг и вырванных из контекста отрывкам»[111].

«Уже юношей в предисловии к первому тому моих «Преданий и сказок южных славян» [1883] я дал оценку тому деловитому рвению искателей параллелей, которое затем переросло в "болтеазм", в опошление и выхолащивание фольклорных исследований (Folklorestudien). Дальнейшее развитие фольклористики (Folkloristik) сможет оправдать себя лишь при вникании в суть обычаев, обрядов, верований, права и экономики народов и наряду с этим — языков как средства выражения фольклора (Folklore), что становится возможным благодаря народным преданиям»[112].

Поначалу Краусс лично выступал против своих врагов. Он не чурался в своих фольклористических (folkloristischen) сугубо научных статьях самых суровых и резких выражений. Так, например, в «Антропофитее» он опубликовал критическое письмо некоего корреспондента в адрес издательства, выпускавшего означенный ежегодник, и подверг сомнению искренность автора послания. Возможно, избранная ученым тактика имела целью выставить на посмешище его врагов и вместе с тем заставить их умолкнуть. Иногда он упрекал своих противников в извращениях и уголовщине, как, например, в одном примечании в «Антропофитее», где было высказано предположение, что нападки на него объясняются его отказом участвовать в их сексуальных извращениях (sexuellen Perversionen)[113]. Такая непрофессиональная реакция привела к тому, что от него отдалились его друзья и, с другой стороны, подстегнуло его недоброжелателей.

Супруг и отец

В 1913 году Краусс женился на Мари Рёзлер (Maria Rösler), сотруднице его журнала «Ам Урквелл». Она родилась 23 марта 1866 года в городке Нойштатль округа Фридланд, Богемия. Ее родители были католиками, но в 1913 году, чтобы стать женой Краусса,

ей пришлось выйти из Католической Церкви. Фридриху она родила сына и дочь. В память его родителей детей назвали Вильгельмом и Евой.

Хотя в своих сочинениях Краусс часто допускал отступления автобиографического характера, в них, как ни странно, почти не встречается каких-либо заметных упоминаний о его семейной жизни. Из его эпистолярного наследия мы узнаём, что примерно в 1910 году семья ученого гостила у его тети в Богемии. После войны Мари с детьми жила в Вене, но не в том районе, где сам Краусс.

Архив содержит несколько открыток и писем к нему Мари и сына. Первое датировано 20 июля 1904 года. Путешествуя в Нойштатль-ан-дер-Тафельфихте (Богемия), Мари и Вильгельм остановились у его тети в Райхенберге. 23 августа Мари писала из Нойштатля, что скоро возвращается в Вену.

В 1906 году родилась дочь Эрнестина-Ева, домашние ее звали Эрной.

В 1909 году Крауссу исполнилось 50 лет. Его жена Мари, сын Вилли и дочь Эрна жили в Нойштатле, в пяти часах езды на поезде от Дрездена. В архиве сохранились письма, указывающие на то, что Краусс отослал Мари. Жизнь вдали от мужа давалась ей нелегко. Вилли писал:

«Мама опять здорова, но только иногда жалуется, что ты удалил ее от себя. <...> Мы часто думаем о тебе и с радостью ждем той минуты, когда ты появишься у нас. На этой неделе мама поставит еще одну кровать, чтобы ты тоже мог спать у нас. Она купила посуду и теперь сможет вкусно готовить для тебя, так что ты будешь чувствовать себя здесь вполне уютно».

Краусс посылал им денег, узнавал новости об их самочувствии, получал советы насчет одежды и домашних дел, информировал о своем финансовом состоянии и по меньшей мере один раз навестил их. Июльские письма касались приобретения фотоаппарата для мальчика.

Мари писала о детях:

«Пока Вилли не думает ни о чем, кроме фотографирования, и рад, если удается побродить по лесу. Нынче он очень послушный. Первая половина дня занята Эрной. Пока я готовлю и убираюсь, он гуляет с ней и так заботится о ней, что даже посторонние рассказывают мне об этом и поздравляют с таким хорошим сыном. Он делает для меня всё возможное. Эрна — милая крошка; уже больше говорит и становится самостоятельней среди остальных детей, но не проходит и дня, чтобы она не плакала и не требовала отправиться в Вену, иногда с ней просто му́ка <...>: "Хочу ехать, к папе хочу! — ужасно кричит, страшно. — Собирайся, собирайся,

поезд скоро отходит!" — ревет она. Дочь очень хорошо выглядит, и ее глаза искрятся жизнерадостностью, кушает она тоже хорошо. Надеюсь, ты в полном здравии. То, что ты не приезжаешь, задевает меня до глубины души, даже не знаю, насколько».

Четвертого августа 1909 года она писала:

«Прочла оба твои письма, на первое рассердилась, второму — обрадовалась. Зачем тебе получать товары для обеспечения нашего требования? И где будет храниться этот товар, и когда ты получишь номера "Антропофитеи", которые еще находятся под залогом? Когда же мы наконец освободимся от этого грязного дела Рудольфа [(Rudolf, Theodor), нойхаузского книготорговца. — *Р.Б.*] и у нас будет собственное дело? Доживу ли я до этого? А журнал (Tagebuch)? Когда я думаю об этом, то часто не могу уснуть всю ночь <...>».

Видимо, отношения супругов были натянутыми, поскольку по прибытии в Вену Мари не надеялась, что Краусс встретит ее на вокзале или вообще будет ждать. «Я всё подсчитала, — сообщала она в письме от 17 августа 1909 года, — и обнаружила, что за четыре года мы внесли 37 тысяч марок наличными, включая вознаграждение, так что никому нисколько не должны. По какой цене нам достались книги, по продажной или по себестоимости, и можно ли на них заработать? Не могу понять. Если что-то выгорит, тогда остается пока сохранять спокойствие в надежде: быть может, Бог поможет нам со временем распродать товар со склада, так что в будущем, Бог даст, снова появятся деньги; но впредь ты будешь издавать только свои книги. Думаю, тебе уже хватит спекулировать. Всё же твои книги идут лучше всего. Должна же наконец прекратиться эта нескончаемая трата денег. При таких расходах совсем невозможно жить».

Из открыток от сына, отправленных летом 1909 года из Хайнерсдорфа (округ Фридланд, Богемия), Фридрих узнал, что Эрна участвовала в детском празднике. Вилли просил денег на одежду и рассказывал о своих горных походах. В сентябре он писал открытки уже на французском, благодарил отца за деньги и сообщал, что приедет в Вену 9 сентября. Встречать себя на вокзале он не считал нужным и ставил отца в известность, что через несколько дней приедет Мари.

Шестого августа 1910 года Вилли написал из Нойштатля о своем путешествии и о дальнейших планах поездок:

«Везде меня принимали тепло. Но было все-таки очень жаль, что я не владею ни одним славянским языком. За тот год, пока я буду учить латынь, хочу освоить сербский язык. Надо съездить когда-нибудь в Боснию и Герцеговину».

Сын описал приготовления к домашнему торжеству и добавил:

«Мы все совершенно здоровы. Эрна дала мне лоскут вуали, который я должен подарить тебе. Она еще хочет преподнести тебе цветы и попросила передать большой привет. Мы с мамой присоединяемся».

Четвертого сентября 1910 года Мари писала:

«Твое письмо от 1.09 <...> мы получили. Думаю, если бы от тебя были известия, у Вилли не пропали бы эти каникулы. Тебе нет необходимости быть таким злым».

Шестого сентября семья поехала в Вену. Их сопровождали г-жа Эмилия Лукс и ее жених. Через несколько дней Мари отправилась назад, а Вилли остался до 10 сентября.

Двадцать седьмого июля 1914 года Вилли писал:

«Дорогой отец, сходи, пожалуйста, к г-же Райнер, заплати за квартиру и сразу же зарегистрируй меня на фамилию Краусс. Ведь если вмешается Россия, тогда мобилизуют и ландштурм*, к которому принадлежу и я, и тогда у меня могут возникнуть проблемы. По этой же причине прошу тебя пойти в нижнеавстрийскую городскую управу в IX районе на Тюркенштрассе и ходатайствовать о безотлагательной выдаче мне удостоверения личности».

Шестого августа Мари писала:

«Мы были так взволнованы и расстроены, что сегодня, после твоих успокаивающих слов, легли спать после обеда и наконец выспались. Здесь постоянно охотятся за автомашинами, которые перевозят французские деньги в Россию. Местная охрана была вынуждена закрыть границу и установить посты. Все дороги через границу заблокированы глубокими рвами и цепями, всякая езда на автомобиле запрещена. Отсюда, как и из Фридланда, не ходит ни один поезд, кроме почтового – в 1 час 10 минут ночи и вечером. В Галицию через Гёрлиц** и Райхенберг*** непрерывно движутся немецкие войска. Чешские полки снова должны переходить в Комуссен. Мы пока не получили ни одной сегодняшней газеты. Вчера вечером всё было ужасно, когда говорили, что Англия объявила войну. Почему ты совсем не пишешь о магазине? Я хочу знать, что ты сейчас делаешь и как идут дела».

---

* Ландштурм – так в Австрии называлось ополчение, куда (по закону 1886 г.) зачислялись не подлежащие призыву на общих основаниях годные к воинской службе мужчины в возрасте 19–42 лет и офицеры запаса в возрасте до 60 лет; в случае надобности контингент ландштурма мог быть включен в состав сухопутных войск (ландвера).

** Гёрлиц – город на р. Нейссе (Нысе); с 1945 – пограничный и самый восточный город Германии.

*** Райхенберг – соврем. г. Либерец, Чехия.

«Голодные венские годы» (1920–1923 гг.) Краусу и его семье помогли перенести заграничные друзья и различные объединения. В посвящении к [невышедшему] сочинению, озаглавленному «О танце» («Vom Tanz»; 1926), он в числе прочих благодарил Американское фольклорное общество Кембриджа, штат Массачусетс (American Folklore Society of Cambridge, Massachusetts), Американское философское общество в Филадельфии (American Philosophical Society in Philadelphia), Аргентино-австрийскую вспомогательную организацию Еврейского объединенного комитета (Argentinisch-Österreichischen Hilfswerk des Jewisch Joint Committees), Смитсоновский институт и Бюро этнологии (Bureau of Ethnology)[114].

В январе 1922 года профессор Герман Лундборг (Lundborg, Herman [Bernhard; 1868–1943]) основал при университете в Упсале (Uppsala) первый Институт расовой биологии (Institut für Rassenbiologie), и Краусс гордился тем, что его сын принимал участие «в качестве антрополога в развитии новой, по-видимому когда-нибудь действительно станущей важной, дисциплины для новых общественных образований»[115].

Двенадцатого апреля 1928 года в 14.30 в больнице Вильгельмины XVI района умерла в возрасте 62 лет Мари Рёзлер-Краусс. Ее сын, д-р Вильгельм Краусс, был назван «полномочным пользователем». Спустя два дня она была похоронена на центральном кладбище.

Обоим детям удалось выехать в Америку и тем самым спастись от последствий аншлюса.

Ф.-С. Краусс и еврейство

Как и многие его венские единоверцы на рубеже веков, Краусс стремился к общественному признанию и полной ассимиляции[116]. Сионизм в форме радикального выпячивания культурных особенностей он решительно отвергал:

«По большому счету, сионизм — спорт для горе-евреев, которые никогда не понимали религиозной сути еврейства и кичились своим невежеством»[117].

Но ему, как и многим его единоверцам, приходилось тем не менее часто страдать от предрассудков и антисемитизма. Его публикации признавались лишь с колебаниями и оговорками, а попытки составить себе имя в ученой среде не удавались, в частности, из-за принадлежности к еврейству. Это нашло выражение в апологии нашего героя, принадлежащей перу д-ра Альфреда Кинда:

«Работы по этнологии (Ethnologie) и фольклору (Folklore) южных славян отчасти полностью распроданы, они, как антикварные

редкости, высоко ценятся и сделали его имя не только известным, но и снискали ему почетное членство самых статусных академий мира. Причина того, что он не стал кайзеровско-королевским надворным советником, кайзеровско-королевским профессором и кавалером высоких орденов, кроется в том, что он с тем же обилием юмора, сколь и желчи, расправлялся с чрезмерно патриотичными историческими легендами хорватских академиков ("Богемские кораллы..."), а также в том, что он происходит из старинного рода раввинов, а для земель Габсбургов такие сюжеты – поныне "прескверная история"»[118].

«Осенью 1888 года я состоял в переписке с "д-ром" Фекенштетом (Veckenstedt[, Edmund; 1840–1903]). Каждую неделю он адресовал мне по меньшей мере три письма объемом от 16 до 24 страниц, рассчитывая на мою тайную помощь в очищении этнографии (Ethnographie) от евреев. Я зачитал курьезное послание своему отцу, который, мигом возмутившись, посоветовал мне прекратить всякие отношения с "д-ром" [Э.] Фекенштетом. Уговорами я настроил отца на более мирный лад. Было же интересно узнать, какими средствами "доктор" намерен загрязнить кошерную науку. Я не мог отказать себе в удовольствии дать ему себя скомпрометировать. Мне очень жаль, что я не сделал копии моих забавных писем, отправленных [Э.] Фекенштету. Короче говоря, в результате он объявил меня сокровищем своей любви и посвятил в свои планы. Он переслал мне списки подлежащих осуждению лиц, которых всеми возможными средствами – в "борьбе" дозволено всё – следовало лишить репутации и погубить их души. Среди таковых значились господа: Штайнталь (Steinthal[, Heymann; 1823–1899]), Лазарус (Lazarus[, Moritz; 1824–1903]), Вайнхольд (Weinhold[, Karl; 1823–1901]), В. фон Шуленбург (Schulenburg, W<illibald> von; [1847–1934]), У. Ян (Jahn, U<lrich> [1861–1900]), Ф. Фрайтаг (Freytag, F<riedrich> [1853–?]), Г. Карстенс (Carstens, H<einrich> [1849–1910]), Гайдоц (Gaidoz[, Henri; 1842–1932]), Бессенбергер (Bessenberger*), Вольтер (Wolter[, Eugen; 1855–?]), Карловиц (Karlowicz[, Jan; 1836–1903]) и т. д. Не хватало только моего имени.

Постепенно моя веселость от этой забавы сошла на нет, и я потерял к ней интерес, когда [Э.] Фекенштет в свойственной ему манере начал выказывать мне благодарность, то есть самым бесцеремонным образом расхваливать меня словно своего подмастерья. Меня успокаивал тот факт, что его газетенка выходила, так сказать, "при закрытых дверях". Между тем он всё более настойчиво требовал активных действий в надежде, что я наконец докажу свои

* В немецкой книжной библиографии такое имя не обнаружено.

способности, растоптав чье-то честное имя и обратив тем самым на себя внимание. Иногда я уже жалел о том, что не последовал совету моего отца».

Краусс был «спасен» одним «венским юным литературным шалопаем», который упрекнул [Э.] Фекенштета: «Как Вы могли связаться с евреем?!»

«[Э.] Фекенштет писал мне об этом в полной безутешности и отчаянии, ошибочно полагая до сегодняшнего момента, что я — христианин. Его разочарование не знало предела, в "докторе" кипела ярость, он клялся вечно ненавидеть меня и занес мое имя в свой список. Так я тактично отделался от его дружбы и похвал»[119].

Краусс участвовал в жизни еврейской общины, будучи секретарем Венского (Австрийского) альянса (союза) израэлитов (1891–1901). Альянс оказывал помощь жертвам еврейских преследований и погромов, прежде всего в славянских странах. 12 июля 1891 года наш герой писал О. Шеллу, что завален работой. В июне он отправился в Париж с д-ром Артуром Курандой (Kuranda, Arthur), начальником и вторым вице-президентом Альянса, на встречу с Изидором Лёбом (Loeb, Isidore [1839–1892]), чтобы «обменяться мнениями в связи с учреждением организации по оказанию помощи русским евреям»[120]. Дело в том, что из Москвы было выслано четыре тысячи еврейских семей.

«Вскоре родственный нам французский союз созвал в Париже конференцию всех заинтересованных кругов, на которую мы делегировали г-на д-ра Артура Куранду и секретаря нашего союза, г-на д-ра Ф.-С. Краусса. Было принято решение <...> считать эту акцию по оказанию помощи общим делом всех центральноевропейских и американских еврейских гуманитарных союзов и комитетов и тех, что еще предстоит основать, и сообразно этому начинать действовать»[121].

Двадцать седьмого декабря 1891 года Краусс писал профессору [К.] Амире:

«Г-н д-р Фридрих Пфафф (Pfaff, Friedrich [1855–1917]) поделился со мной недавно: "Надеюсь, Вы тоже не еврей!" Пока я оставляю его в этом заблуждении и не хочу рушить его надежд, но меня берет досада от того, что такой способный ученый не может избавиться от нелепого предрассудка по поводу инакомыслящих. К сожалению, с г-ном профессором Харди (Hardy [? Edmund; 1852–1904]) я уже поссорился из-за всего еврейства. А ведь мы были на пути к дружбе! Его замечание в отношении Вас о том, что "ему уже и без того хватает пропаганды", а потому ему, мол, не до пребывающих в тяжкой нужде католиков царской империи, меня весьма огорчает. Я, бедный еврей, рискнул поставить на кон собственное сущест-

вование, чтобы предоставить защиту и оказать помощь Альянса и беглым католикам. И хотя мое начинание увенчалось успехом, наших скудных средств для этого не хватит. Святая обязанность католических священников задействовать все рычаги, чтобы избавить от мытарств бедных, безмерно обремененных страданием католиков России. Как Вы посмотрите на то, чтобы взяться за это дело? Создайте комитет помощи русским католикам по образцу существующего комитета по делам русских евреев. Пользуясь моим опытом в этой благотворительной организации, с охотой помогу Вам словом и делом. С 4—5 миллионами марок Вы могли бы сотворить чудо. Отовсюду Вам будут поступать деньги. Принимайтесь за дело, ведь каждый день голод сводит в могилу тысячи католиков!»

«Еще в 1893 году в венской "Свободной газете" ("Freies Blatt") я назвал сионизм перевернутым антисемитизмом»[122].

Поскольку антисемитизм оказался причиной исключения нашего героя из университета — так, по крайней мере, считал он сам, — свой писательский талант он поставил на службу «Свободной газете». Ее задачей было «подвергнуть серьезному, свободному от предрассудков освещению и изучению реальные экономические и социальные условия проживания городского среднего слоя, к которым антисемиты то и дело обращаются, злоупотребляя вниманием к ним в самых бесчестных агитационных целях, и укоренить в нем идею социальной реформы, основанной на солидарной взаимопомощи, по мере возможности пропагандировать ее»[123].

Как фольклорист (Volkskundler) Краусс демонстрировал незаурядную активность. В одном из примечаний к первому тому «Уркведла» он писал:

«Один известный оксфордский библиограф, для которого книга не только начинается с названия, но и заканчивается им, недавно трепался по поводу еврейского народа; среди остальных мыслей он выпалил и такую, что у евреев якобы нет колыбельных песен. Стало скверной модой порочить еврейку, и я не удивлюсь, если затем он будет отрицать у нее наличие материнской любви. Некоторые немецкие еврейские еженедельники доверчиво перепечатали этот образчик шарлатанства, при этом ни одному редактору не пришло в голову, хотя бы принимая во внимание опубликованные в "Уркведле" тексты — их можно найти и в других местах, — поместить опровержение. Дело в том, что для большинства так называемых еврейских газет еврейский фольклор столь же малозначим, сколь и наш "Уркведл". Сдается, смысл своего существования они усматривают в том, чтобы неутомимо копошиться в смердящем болоте пожирающей евреев прессы и расхваливать врагов

моего народа. Такая слепота нередка среди евреев. Обладай "Уркведл" хотя бы десятой долей той суммы, какую евреи тратят на закупки антисемитской стряпни, в скором времени еврейский народ сделался бы предметом всеобщего научного интереса и почитания, и люди, что болтают о еврейском фольклоре, не имея даже смутного представления о еврейской нации, были бы заслуженно выставлены на посмешище.

Порой меня огорчал и возмущал уже и тот факт, что иной еврей, претендующий на образованность и ученость, сочился ненавистью и презрением — иногда в очень непристойной форме — по поводу моего рвения заниматься в "Уркведле" еврейским народом. Будучи редактором журнала по фольклору и специалистом в этой области, я настолько хорошо сознаю свои задачи, что не нуждаюсь в одобрении своей деятельности отдельными, рассудительными исследователями, изъявляющими готовность поддержать меня в возделывании столь сильно запущенной отрасли науки. Но я благодарен каждому, кто обогащает "Уркведл" статьями о еврейском фольклоре»[124].

Целью фольклористических устремлений (Volkskundebestrebungen) нашего героя был, однако, путь ассимиляции еврейского фольклора со всеобщим фольклором. Краусс решительно не хотел признавать организаций и объединений, которые занимались исключительно еврейским фольклором, по тем же причинам, по которым он не признавал «хорватское» манипулирование фольклором. Обособление какой-либо одной группы людей — злоупотребление наукой, особенно если самобытность этой группы рассматривается как исключительная. Согласно Крауссу, фольклор универсален как связанный с культурой феномен, глубоко укоренившийся в человеческой сущности и не зависящий от национальных или религиозных различий.

В середине августа 1897 года Краусс по поручению Альянса отправился на восток и передал 445 ограбленным еврейским семьям 47 тысяч гульденов:

«Первое крупное распределение средств состоялось в середине августа прямо на месте с участием секретаря нашего союза (Крауса) и второго доверенного лица, господина Франца Фишера (Fischer, Frahz). Благодарность за это выражаем прежде всего председателю, господину Вильгельму Паппенхайму (Pappenheim, Wilhelm), не пожалевшему сил объехать разграбленную местность и лично убедиться в бедствии, не менее того — секретарю Альянса, д-ру Фридриху С. Крауссу, и доверенному лицу, г-ну Францу Фишеру, которые благородно исполнили свою миссию, всякий раз сопровождая раздачу ободряющими словами утешения»[125].

И всё же в сионистском движении Краусс не видел решения проблемы преследования евреев, но считал его скорее угрозой для ассимиляции и замаскированным антисемитизмом:

«Но где же ныне на земле существует еврейский народ? Разве что в фантазиях сионистов, которые, как перевертыши-антисемиты, не признают самую суть еврейского народа, его исключительно общественно-религиозное значение»[126].

Эти взгляды стоили ему должности секретаря, когда в споре с Альянсом победил Теодор Герцль (Herzl, Theodor [1860–1904]). Дневники последнего подтверждают конфликт с Альянсом. 15 мая 1900 года он выступал перед Альянсом с речью о сионизме. Противостояние закончилось 27 ноября победой [Т.] Герцля. Он потребовал отставки многих членов правления и смог добиться своего в начале 1901 года[127]. В письме [Ф.] Лушану[128] от 1907 года Краусс заявил: «Семь лет назад меня изгнали из рядов евреев или, вернее, исключили». Не приемлевший сионизм, наш герой, вероятно, стал жертвой этого конфликта.

Разочарованный, он отступил и обратился к интеллектуальным кругам кофеен:

«Застенчивые бедняки скорее лишат себя жизни, нежели воспользуются услугами позорящих их еврейских приютов для бедных. Система – не что иное, как банальная халтура. Книга Йозефа Поппера "Право жить и обязанность умереть"* учит, как можно было бы им помочь»[129].

Хотя активное участие ученого в жизни еврейской общины завершилось, свою научную деятельность он считал продолжением работы во имя еврейского народа:

«Когда еще совсем недавно на немецкой земле полным ходом шла травля евреев, против них охотно приводили доводы о том, что они всё и вся критикуют, что для них ничто не свято, мне, с детства вовсе не склонному к мистицизму, этот упрек показался наивысшей похвалой и величайшим признанием, которое можно было бы высказать евреям. Критика – это начало, середина и конец любой науки, в то время как религиозность держит умы в плену и может дать только одно знание, чаще всего о вещах, о которых ничего определенного не известно – почему они существуют, где берут начало и к чему приводят»[130].

---

* *Popper, Josef* (1838–1921). Das Recht zu leben und die Pflicht zu sterben: Socialphilosophische Betrachtungen: Anknüpfend an die Bedeutung Voltaires für die neuere Zeit. 3. Auflage. Dresden und Leipzig: C. Reissner, 1903. XII, 245 S.

Между положением в обществе евреев и женщин Краусс усматривал параллели и верил, что его работа будет способствовать улучшению их общественного статуса:

«Снова и снова я задавался вопросом, почему самые обделенные — в то же время и самые привилегированные из всего человечества. <...> Выяснить причину этого было и остается моей задачей и целью моей науки, до тех пор пока она вообще заслуживает такого названия. Даже если я сам не смогу извлечь из нее ту пользу, какая позволила бы мне существовать более достойно, своими исследованиями я хотел бы по меньшей мере сделать всё возможное для построения нового общества»[131].

Цензура порнографии являлась в глазах нашего героя, по сути, лишь методом сохранения порабощенного положения женщин (рáвно и евреев). Для Краусса это означало, что его старания во имя науки, которые совпадали с его собственными интересами, на самом деле были продолжением его вовлеченности в политику и споры вокруг антисемитизма.

Ф.-С. Краусс как литератор

Третьего мая 1895 года Краусс писал профессору [К.] Амире:

«Ощущаю себя чрезвычайно плодовитым писателем, хотя для литературных устремлений у меня остается слишком мало времени, свободного от научной работы. Если изменение моего положения не приведет одновременно к его улучшению, то к чему перемены? В настоящее время я уже достаточно поработал над новым текстом и надеюсь, что без особых усилий смогу завершить его этим летом. Кроме того, я задумал еще три другие хорошие публикации. Ради денег усердно сочиняю также для газет».

В августе 1895 года Краусс написал проникнутую популярными народными (Volkstümlichen) мотивами комедию «Разборчивые невесты»*. [О.] Шеллу он сообщал:

«Нижайше прошу выразить Ваше искреннее восхищение “Разборчивыми невестами” в прессе и прямо и косвенно использовать свое влияние на дирекцию театра в Эльберфельде (Elberfeld), чтобы комедия была принята к постановке. <...> В случае хоть какого-то успеха я насочиняю еще 30 таких пьес, одну веселей другой, исключительно этнографические вещицы»[132].

Краусс написал также водевиль «Невесте полагается быть справедливой»**. В феврале 1903 года он упомянул, что его пьеса была

---

* *Krauss, F.S.* Billige Braeute: Lustspiel. Wien: C. Graeser, 1895. 64 S.

** См.: Krauss 1903–1905.

поставлена в театре и что он занят сочинением еще четырех пьес. Профессору [Э.-В.-А.] Куну (Kuhn) он писал:

«За этот год я выпустил три вещи развлекательного плана, я создал их только затем, чтобы немного подзаработать. Хотя всё это чепуха, позволю себе выслать Вам по экземпляру каждого сочинения».

«Был бы Вам весьма признателен, если бы Вы соблаговолили <...> написать где-нибудь о моих опытах в художественной литературе и что-то порекомендовать. Я вынужден заниматься также и беллетристикой, чтобы заработать себе на хлеб насущный, и мне очень важно, чтобы мои вещицы имели большой рынок сбыта. Люди читают более низкопробную литературу, чем то, что произвожу я; так почему бы именно моей продукции не найти покупателя?»

Самая успешная в финансовом плане публикация, «Прогулки по царству женской красоты»*, появилась в 1903 году. «Три недели назад [издатель] Шуман (Schumann [, Alfred; 1877–?]) сообщил мне, что у него уже две тысячи постоянных подписчиков на это произведение»[133]. [А.] Шуман увеличил гонорар с полутора до двух тысяч марок и заодно купил и водевиль.

В феврале 1903 года Краусс разослал экземпляры водевиля «Невесте полагается быть справедливой» по четырем сотням театров. Полный оптимизма в отношении своего писательского поприща, он радовался: «Сербская пресса превозносит мою работу до небес»[134].

К писательской деятельности его подтолкнули художественные переводы и издание литературных сборников. Часто таким отвлечением от прямых научных занятий были совместные труды с друзьями, особенно с сербским фольклористом (Folkloristen) Тихомиром Р. Джорджевичем (Gjorgjević, Tihomir R. [Đorđević, Tihomir R.; Ђорђевић, Тихомир Р.; 1868–1944]) и Эдуардом Кульке.

В мае 1902 года Краусс встречался с Тихомиром. Оба работали ежевечерне по 4–5 часов на протяжении пяти месяцев. 23 сентября 1902 года в отзыве о [Т.] Джорджевиче Краусс написал профессору [Э.-В.-А.] Куну в Мюнхен:

«<...> он <...> — *исследователь* в нашем духе. Джорджевич хотел получить диплом со степенью доктора на основании своей работы о цыганах. Мой Джорджевич — я говорю "мой", потому что уже много лет мы с ним родственные души — в то же время чрезвычайно *порядочный* человек, для которого отвратительна любая ложь, даже в форме шутки. Поэтому я люблю его как родного брата»[135].

---

* См.: Krauss 1903a.

Краусс был рад успеху работ [Т.] Джорджевича в Мюнхене:

«Если бы всё было так, как я хотел, он сделал бы намного больше. Его возражение насчет того, что большинство народных текстов наполнено бессмысленно глупой скабрезностью (Unflätigkeit), представляется мне несостоятельным. Если мы и вправду хотим понять народы, то нам следует принимать их такими, какие они есть, и не позволять своим моральным принципам давать о себе знать при установлении фактов. Ведь наши фольклористические (folkloristishen) труды адресованы исключительно исследователям. Джорджевич согласился со мной и обещал восполнить недостающее у меня в сербском издании»[136].

Десятого ноября [Т.] Джорджевич вернулся домой и занял место директора гимназии и учителя.

По итогам совместной работы с ним Краусс издал в 1903–[1906] годах [шеститомную] «Библиотеку избранных сербских шедевров»*. 18 февраля им был подписан договор на выпуск серии «Мастера романского рассказа»**, а также нескольких сочинений [Э.] Кульке, что позволило заработать 25 тысяч марок. Гонорар был выплачен не наличными, а акциями Немецкого книгоиздательского акционерного общества (Deutschen Verlagsactiengesellschaft).

«С (Эдуардом) Кульке я случайно познакомился в ноябре 1893 года, и с первого часа и до конца его жизни это знакомство, переросшее в дружбу, не прерывалось, и я до конца своей жизни хранил ей верность».

В 1905 году Краусс и [Э.] Кульке выпустили написанный в соавторстве роман:

«Роман Кульке из времен Ренессанса "Ради благосклонности милых дам!"***, в создании которого я принимал участие, представляет собой, собственно говоря, уранический (uranischer) роман. Но этого не замечают гетеросексуалы, застревающие на весьма откровенных эротических гетеросексуальных описаниях. К тому же я

---

* См.: Bibliothek ausgewählter serbischer Meisterwerke: mit literarhistorischen Einleitungen / hrsg. von Friedrich S. Krauss: in 6 Bd. Leipzig: Bibliographische Anstalt Adolph Schumann, 1903–1906. Bd. I–VI.

** Romanische Meistererzähler: [in 11 Bd.] / unter Mitwirkung von Dr. K. Gruber..., Dr. G. Hartmann..., Dr. E. Herzog... [u. a.]; hrsg. von Dr. Friedrich S. Krauss...Leipzig: Deutsche Verlagsactiengesellschaft, 1905–1906. Bd. I–XI.

*** *Kulke, Eduard* (1831–1897), *Krauss, F.S.* Um holder Frauen Gunst!: Ein Künstlerroman aus dem Rinascimento, / von Eduard Kulke und Friedrich S. Krauss. Leipzig: Deutsche Verlagsactiengesellschaft, 1905. 401 S.

как соавтор и редактор настолько смягчил уранические места, что они становятся понятными лишь эксперту»[137].

Двадцать пятого ноября 1906 года ученый писал [О.] Шеллу: «Прилежнее изучайте "Критику..." ("Kritik") Кульке. Произведение его освободит Вас от многих суеверий ученых».

«Мне и в голову не приходило, откуда у Кульке такая склонность (к гомосексуальности). Он был моим другом, а честному, заслуживающему уважения другу я многое прощаю в сексуальном отношении, хотя был бы очень недоволен подобными поступками посторонних мне людей. Впрочем, его склонность мне ничуть не мешала. Ее природу я постиг только после кончины Эдуарда, в процессе чтения его "Критики философии прекрасного"*, которую я опубликовал осенью 1906 года в Лейпциге. Этот шедевр философской проницательности мог написать только настоящий урнинг (Uranier). То, что естественнонаучным образом пробовали доказать в "Ежегоднике" [М.] Хиршфельд[138], Карш (Karsch[, Ferdinant; 1853–1936]), фон Рёмер (Römer[, L.S.A.M.] von), Нума Преториус (Numa Praetorius [pseud.]) и др., Кульке изложил очень глубоко: равноправие чувств. Он решительно борется против общепринятой эстетики и эстетической морали. Он не употреблял сло́ва, означающего однополую любовь ("gleichgeschlechtlichen Liebe"), но здесь уместна поговорка: "Наказывают дочь, думают о снохе" ("Die Tochter straft man, die Schnur meint man").

Я обратился с просьбой к проф. Эрнсту Маху (Mach, Ernst [1838–1916]) предпослать "Критике..." жизнеописание Кульке. Самому мне было неприятно это делать, поскольку я знаком с дневниками Эдуарда, из которых видна трагичность его жизни, обусловленная его природной наклонностью. Он любил женщин, но в большей степени – мужчин. С мужчинами ему не везло. Я имею в виду тех, с которыми он встречался в расцвете своих сил и которым дарил свое сердце, но не говорю о себе, его последнем любимце»[139].

«Преклонный возраст и хроническая болезнь Кульке, естественно, гнали прочь всякую мысль о половых актах с кем-либо; при всем том его восторженная симпатия ко мне переходила всякие границы обычной дружбы и выражалась в том, что всякий раз, посещая меня, что случалось весьма часто, он выказывал мне много знаков внимания подобно тому, как это обычно делает влюбленный по отношению к своей возлюбленной, притом что я почти

---

* *Kulke, Eduard* (1831–1897). Kritik der Philosophie des Schönen / von Eduard Kulke; mit Geleitbriefen von Prof. Dr. Ernst Mach und Prof. Dr. Friedrich Jodl; hrsg. von Dr. Friedrich S. Krauss. Leipzig, 1906. XV, 343 S., 1 Bl. portr.

никогда не наносил ему ответного визита, поскольку не приветствую встреч с друзьями у себя дома, чтобы не отвлекаться от своих исследований; приходил он неизменно в парадном костюме и приносил с собой в подарок цветок, или книгу, или картину. Можно сказать, что он выводил меня гулять, и всякий раз мне стоило больших усилий удержать его от оплаты моих счетов»[140].

«За год до своей смерти в один ненастный ноябрьский день он зашел после обеда за мной. Нынче мы наверняка пойдем на смотрины, сказал я в шутку, имея в виду его праздничный костюм и букетик цветов, который он с собой принес. Он весело хмыкнул, но вдруг посерьезнел и заметил: "Я хочу с вами поговорить и кое о чем попросить".

Возможность разговора о кредите я исключил с самого начала. Обуздав любопытство, я прихватил зимнее пальто и отправился с ним. Мы зашли в два кафе, три ресторана, говорили о литературе и науке и еще много о чем. Наконец в половине третьего ночи я, так и не услышав от него обещанного, прямо спросил, чего же он хочет. Какое-то мгновение он смотрел на меня, затем схватил мою руку и сказал: "Издайте мои сочинения!" Не в силах совладать с вдруг охватившей меня веселостью, я рассмеялся ему в лицо. Да что он себе позволяет! "Мне издавать ваши труды?! Вы же еще, слава Богу, живы!" — "Через год меня уже не будет. Вот тогда и позаботьтесь об издании!" Я напомнил ему о ряде его старых друзей, иной из которых, писатель да еще и с видным общественным положением, был выше меня, но Кульке отмахнулся: "У них у всех свои дела. Они друзья лишь когда можно поесть и выпить и способны только обещать. Вы — мой *единственный* друг. Только вам я доверяю".

Я задумался. Отцу Кульке было 96, его дед дожил до 90 лет и сам он мог еще пережить меня, его предчувствие приближения смерти казалось мне лишенным всяких оснований. В три часа пополуночи перед воротами его дома я дал ему слово. Он обнял меня и трижды поцеловал.

С тех пор я бывал у него каждую среду во второй половине дня, чтобы взять у него очередную порцию рукописей и, прочитав их, получить точное представление о том, как он пишет, чтобы подготовить себя к выполнению навязанного мне задания. Он старался узнать мое мнение о каждом из его рассказов. Особенно ему хотелось знать, что я думаю о "Девочке Самуиле" («Samuel Mädchen»), новелле из его книги, вышедшей в Гамбурге у Рихтера*.

---

* См.: *Kulke, Eduard* (1831–1897). Aus dem jüdischen Volksleben. Geschichten. Hamburg: Richter, 1869. 170, 69, 99 S.

Это история об одном еврейском юноше, который любил выполнять женскую работу и поэтому получил прозвище Девочка. У немецких евреев Моравии и Богемии урнинг (Uranier) такого рода называется "Schlages Schmul Mad (Maid)"*. Я сказал Кульке: "Эту историю вы рассказали, как всегда, превосходно, но ее окончание мне не нравится". — "Почему же?!" — "Потому что Шмуль-Мад (Schmul Mad) не женится!" — "А что ему помешает?" — "Да ведь это не *он*, а *она*. Шмуль-Мад останется холостым". Кульке засмеялся и заметил: "Шмуль-Мад может и должен жениться, он даже может иметь детей, но в глубине души он будет любить мужчину, поэтому одновременно он и девушка (Mad)".

Это был единственный раз, когда мы говорили о гомосексуальности. Мне, по природе гетеросексуалу, сама эта тема была тогда совсем безразлична, и я уклонился от дальнейших обсуждений, чтобы не обидеть друга, о бисексуальности которого я догадывался. Он понял вопрос с позиции своей личной наклонности, он отлично разбирался в Платоне (428/427–348/347 до н. э.) и [Артуре] Шопенгауэре (1788–1860), я же, как это можно понять из опубликованных к тому времени четырех томов "Антропофитеи", знавал хорватских, сербских и болгарских гомосексуалов, да еще и таких субъектов, которые стремятся к мужской любви (Männerlieb) из озорства. Это было моей собственной невзгодой: ко мне приставали обиралы из Аграма, Карловица (Karlowitz)** и Нойзатца (Neusatz)***, продажные мальчики для развлечений, просто по безрассудству, так как борьба со мной, на которую они были натравлены низким, развращенным хорватом, доставляла им немного удовольствия. Из-за ненависти к этим парням и от огорчения, вызванного нанесенным мне ущербом, я не мог беспристрастно судить о гомосексуальности, хотя меня могли бы просветить на сей счет мои собственные фольклористические (folkloristishen) собрания. Разъяснение я почерпнул только из "Ежегодника" [М.] Хиршфельда и трудов [Ф.] Карша. Так что честно признаю свою давнюю ошибку»[141].

В 1903 году наш герой опубликовал свое самое удачное в финансовом плане произведение «Прогулки по царству женской красоты». Это не знающее чувства меры сочинение автор украсил фотографиями женщин, в том числе многих обнаженных, чтобы

---

* Примерный перевод с нем.: «Голубая девушка (дева) — обманщица».

** Соврем. название: Сремеки-Кароловци (Сербия). См. приложения Ф.-С. Краусса к тем же сюжетам в историях № 457 и 612.

*** Соврем. название: Нови-Сад (Сербия).

показать «типы красоты» со всего света. В следующем году он издал продолжение — «Грациозность женских тел»*, снабженное гораздо большей подборкой фотографий. 8 мая 1903 года в Лейпциге его «Прогулки...» оказались в затруднительном положении из-за правовых осложнений:

«<...> высокодостопочтенная, заботливо охраняющая добродетель саксонского народа королевская прокуратура <...> конфисковала книгу из-за некоторых содержащихся в ней "развратных" ("unzüchtiger") фотографий! Однако между тем около 5000 экземпляров уже разошлись по рукам, и в июле будет выпущен новый тираж (6000–10 000)»[142].

Двадцать четвертого сентября 1903 года Краусс написал [О.] Шеллу:

«Сам я больше не принадлежу к пролетариям благодаря успеху моих "Прогулок...", коих уже десятая тысяча поступила в продажу, и благодаря "Грациозности...", выпущенной издателем также десятитысячным тиражом. В прошлую пятницу премьера "В бескрайнем море"** на придворной сцене в Шверине также увенчалась блестящим успехом. В ближайшее время пьесу поставят еще три первоклассных театра. Вашему театру в Эльберфельде я выслал эту и еще две другие пьесы — "Проделка гения"*** и "Кровь художника"**** , но не получил ответа».

Пятого октября 1903 года Фридрих пишет:

«Отказ директора Вашего театра в связи с наличием в моей пьесе австрицизмов неоснователен. <...> Шверин лежит севернее Эльберфельда, и за все те десять дней здесь дважды ставили "В бескрайнем море"; северная Рига также наслаждается драмой. <...>

---

* См.: Krauss 1904.

** *Nušić, Branislav* (Нушић, Бранислав; 1864–1938). Auf uferloser See: Drama in vier Aufzügen / von Branislav Gj. Nušić; Deutsch von Dr. Friedrich S. Krauss. Leipzig: Bibliographische Anstalt Adolph Schumann, 1903. XXVIII, [4], 112, [2] S. (Bibliothek ausgewählter serbischer Meisterwerke: mit literarhistorischen Einleitungen: [in 6 Bd.]; Bd. I). На с. III–XXVIII: [Einleitung] / Friedrich S. Krauss.

*** *Glišić, Milovan Đ.* (Глишић, Милован Ђ.; 1847–1908). Ein Geniestreich: Volksstück in fünf Aufzügen oder neun Bildern / von Milovan Gj. Glišić; Deutsch von Dr. Friedrich S. Krauss; mit echten serbischen Sang-und zigeunerischen Spielweisen von Vladimir R. Gjorgjević. Leipzig: Bibliographische Anstalt Adolph Schumann, 1903. [2], XXII, 192, [2] S.: not. (Bibliothek ausgewählter serbischer Meisterwerke: mit literarhistorischen Einleitungen: [in 6 Bd.]; Bd. II). На с. I–XX: [Einleitung] / Friedrich S. Krauss.

**** *Krauss, F.S.* Künstlerblut!: ein Schauspiel in vier Aufzügen / von Friedrich S. Krauss und Leo Norberg. Leipzig: A. Schumann, 1903. V, 152 S.

В Кёльн и Дюссельдорф тоже отосланы по три пьесы, но ответа пока никакого».

Двадцать третьего ноября 1903 года Краусс написал:

«Вопреки "довольно большому успеху" книги "Грациозность женских тел" я продвинулся не слишком далеко; привыкнув как ученый не получать никаких или лишь нищенские гонорары, обе книги о женщинах я отдал дешево, так что получил умеренную прибыль, хотя 17 000 экземпляров их обеих уже распроданы. <...>

Если бы я хотел осквернить себя половой связью с хорватским пугалом, то стал бы зятем славистики и сделал бы блестящую академическую карьеру. Ну а теперь я обречен на дискредитацию; больше всего меня удручает то, что немецкие университетские профессора, сыновья немецких отцов и матерей, готовы ради гнусного хорвата исполнять роль палача по отношению ко мне, немцу. Дабы найти средства к существованию и продолжать заниматься своими этнологическими (ethnlogischen) исследованиями, я попробовал себя в художественной литературе. [М.] Бартельс[143] в "Zeitschrift für Ethnologie", [Дж.] Питре[144] в "Archivio"*, Фрэнсис Алекс<андр> Чемберлен (Chamberlain, Alex<ander> Francis; [1865–1914]) в "Journal of Am<erican> Folk-Lore"**, [Дж.] Муни[145] в "Anthropologist"***, Л. Фрайтаг (Freitag, L.) в "Paedagog. Archiv"[4*] и многие-многие другие в еженедельниках и ежедневных газетах хвалили мои усилия и даже признавали высоконаучный и художественный уровень моих работ. Пока они воодушевляют людей на приобретение моих книг, они обеспечивают мне гражданское существование и спасают от гибели, которую уготовил мне хорват»[146].

Фольклорно-театральные эксперименты Краусса не нашли отклика, зато двумя книгами о женщинах он добился неплохого финансового успеха. Это обстоятельство, пожалуй, подкрепило его усилия по исследованию запретной области — «сексуального фольклора» («Sexualvolkskunde»).

---

* Archivio per lo studio delle tradizioni popolari/rivista trimestrale diretta da G. Pitré e S. Salomone-Marino. Palermo: L.P. Lauriel [etc.], 1882–1892; Torino-Palermo: C. Clausen [etc.], 1893–[1909?]. V. 1–24.

** Journal of American Folk-Lore. Philadelphia [etc.]: American Folk-Lore Society, 1888–.

*** The ANTHROPOLOGIST: a journal of thinkers. Boston, may 1890–apr. 1891. V. 1, № 1–12.

4* Pädagogisches Archiv: Monatsschrift für Erziehung, Unterricht und Wissenschaft... Leipzig: Quelle & Meyer, 1897–1914. Vol. 39–56.

Сексолог

Социально-политические и экономические перемены в Вене рубежа столетий сказались и на эротике. Особенным образом это коснулось социального и общественного положения женщин. Изменившиеся экономические условия угрожали поставить под сомнение традиционное представление о роли полов. Вытекающая из этого неопределенность вызывала одновременно страх и очарование и привела в движение волну дискуссий о различии полов.

Кульминационные моменты в культуре того времени известны всем нам Сецессионом*, венским модерном и теоретическими построениями психоаналитической школы. Представить во всей полноте эти дискуссии мы можем сегодня благодаря переизданиям книг того времени[147].

В этих дебатах Краусс играл оспариваемую (umstrittene) и единственную в своем роде роль. Будучи добросовестным ученым, он на протяжении почти всей жизни собирал эротический фольклор (erotischen Volkskunde), но лишь в 1899 году отважился предать гласности свои исследования. Как-то он упомянул в письме:

«Давеча <...> мне писал из Мариенбада мой <...> друг, профессор Изидор Коперницки о том, что он сотрудничает в "Криптадиях" ("Kryptadien")**, издаваемых в то время братьями Хеннингерами в Хайльбронне***. Он пригласил меня принять в этом участие, а пока готов дать почитать уже вышедшие тома. Я от всего отказался, не желая подпасть под влияние чьих-то предубеждений. Зная, что я, как собиратель, скрупулезно занимаюсь такого рода вещами, он попросил у меня записи, и я предоставил ему на время полторы сотни двусмысленных и грубых загадок да порядка трех десятков песен, о дальнейшем местонахождении которых я с тех пор так ничего и не знаю»[148].

Однако накануне анонимного начала публикации в «Криптадиях» исследования «Зачатие в нравах, обычаях и верованиях южных славян»[4*] Краусс объявил себя его автором[149].

Постепенно утратив репутацию ведущего эксперта по славянскому фольклору, Краусс осмелился – в созвучии с процветавшей

---

* Сецессио́н (*нем.* Sezession, от *лат.* secessio – «уход») – название объединений художников Мюнхена (1892), Вены (1897), Берлина (1899), ниспровергавших академические доктрины, выступавших провозвестниками нового стиля «модерн».

** См.: КРУПТАДІА 1883–1911/I–XII.

*** Хайльбронн – город в Германии, земля Баден-Вюртемберг.

[4*] См.: [Krauss] 1899–1902.

ΚΡΥΠΤΑΔΙΑ

RECUEIL DE DOCUMENTS POUR SERVIR

À L'ÉTUDE

DES TRADITIONS POPULAIRES

VOL. V

PARIS

H. WELTER, ÉDITEUR

59, RUE BONAPARTE, 59

1898.

Tous droits reservés.

психоаналитической школой — испытать себя в области исследований сексуальности (Sexualität) и «первородного инстинкта».

Двадцатого марта 1904 года он пишет [О.] Шеллу:

«С изрядной долей уверенности тщу себя надеждой, что 5 апреля буду иметь удовольствие встретиться с Вами в Лейпциге. Я намерен предложить в дар конгрессу масштабное, с размахом, фольклористическое начинание (folkloristischen Unternehmen) и обеспечить его кадрами. Оно проторит совершенно новое направление в изучении фольклора. Дело достойно Вашего живого интереса».

Речь шла о новом периодическом издании — «АНТРОПОФИТЕЯ: Ежегодник фольклористических сведений и исследований по истории развития половой морали» («Anthropophyteia. Jahrbuch für folkloristische Erhebungen und Forschungen zur Entwicklunggeschichte der geschlechtlichen Moral») (1904–1913)*, вызвавшем живой интерес у авторитетных коллег по всему миру и побудившем их к сотрудничеству. Этим ежегодником Краусс сделал свое имя международно известным и обеспечил себе достойное место в истории фольклористики (Volkskunde).

Двадцать четвертого августа 1904 года он написал предисловие [S. VII–XXI] к первому тому «Антропофитеи»: «Южнославянские народные предания, относящиеся к половому сношению»:

«"Антропофитея" выходит не будучи предназначенной для открытой книжной торговли, она адресована исключительно исследователям с научной подготовкой и в силу этого обладающих той беспристрастностью, какая является необходимым условием для чисто прагматичной оценки явлений природы. Мне и моему издательству довелось повидать людей, которые, даже получив сносное образование в школе, по окончании ее превращаются в простых обывателей. Кроме рассылки проспектов, нет другой возможности уведомить заинтересованных лиц о сборнике. Издательство разослало порядка двадцати тысяч извещений с бланками заказа по такому же количеству адресов членам научных объединений, прежде всего профессорам».

Ответы были разные, от осуждений до похвалы. Краусс стал одним из первооткрывателей в этой новой области исследований — «сексологии» («Sexualwissenschaft»)[150]. Подчеркивая достижения ученого, его часто цитировал д-р Иван Блох в «Половой жизни нашего времени...»[151]. В 1907 году вышла в свет «Половая жизнь японцев» («Das Geschlechtsleben der Japaner»)**, а на следующий год

---

* См. описание всех томов в заметке «От составителя» наст. изд.

** См. описание (1907 г): Kraus 1907–1911. Перевод полного заглавия: «Половая жизнь в верованиях, нравах и обычаях японцев».

’ΑΝΘΡΩΠΟΦΥΤΕΙΑ

Jahrbücher

für

Folkloristische Erhebungen und Forschungen

zur

Entwicklunggeschichte der geschlechtlichen Moral

herausgegeben

von

Dr. Friedrich S. Krauss

in Wien VII/2, Neustiftgasse 12

unter redaktioneller Mitwirkung von Prof. Dr. Thomas Achelis, Herausgeber des Archivs für Religionswissenschaft in Bremen, Dr. Iwan Bloch, Arzt für Haut- und Sexualleiden in Berlin, Prof. Dr. Franz Boas, Direktor des ethnographischen Museums in Neu York V.S.N., Prof. Dr. Anton Herrmann, Herausgeber der Ethnologischen Mitteilungen aus Ungarn, in Budapest, Prof. Dr. med. Bernhard Hermann Obst, Direktor des Museums für Völkerkunde in Leipzig, Dr. Giuseppe Pitrè, Herausgeber des Archivio per lo studio delle tradizioni popolari in Palermo, Dr. med. Isak Robinsohn in Wien und anderen Gelehrten

---

I. Band.

Südslavische Volksüberlieferungen, die sich auf den Geschlechtsverkehr beziehen. I. Erzählungen. Gesammelt, verdeutscht und erläutert von Dr. Friedrich S. Krauss

Leipzig,

Deutsche Verlag-Aktien-Gesellschaft

1904

Bezugpreis für jeden Band 30 Mk.

Краусс совместно с Магнусом Хиршфельдом и Германом Роледером (Rohleder, Hermann [Oskar; 1866–1934]) выпустил в Лейпциге первый «Журнал по сексологии» («Zeitschrift für Sexualwissenschaft»*). Кроме того, он продолжил деятельность в качестве сотрудника журнала «Сексуальные проблемы» («Sexual-Probleme»**).

Наш герой снова видел себя новатором научной фольклористики (Volkskunde):

«Тот, кто занимается изучением фольклора, должен самым тщательным образом ознакомиться с историей развития половых нравов и обычаев и основанных на них правовых и религиозных взглядов»[152].

Эта методика действенна не только для фольклора, но и служит основой для всей гуманитарной науки, опираясь на главную идею:

«Наиболее известные мифы народов, религии и культы своим происхождением самым тесным образом связаны с зачатием (Zeugung)»[153].

Восьмого июня 1910 года Краусс впервые стал гостем «Психологических вечеров по средам» («Psychologischer Mittwochgesellschaft») [З.] Фрейда, а 15 марта 1911*** года на 23-м заседании Венского психоаналитического общества выступил с докладом «Корсет в нравах и обычаях народов» («Das Mieder in Sitte und Brauch der Völker»)[154].

Первого апреля 1928 года Краусс был избран почетным членом Всемирной лиги сексуальных реформ и включен в ее учредительный комитет (Gründungsausschuß) наряду с такими знаменитостями, как Роза Мейредер (Mayreder [-Obermayer], Rosa [1864–1937]), Хэвлок Эллис (Ellis, Henry Havelock [1859–1939]) и Магнус Хиршфельд.

С 16 по 23 сентября [1930 года] Фридрих участвовал в работе IV конгресса лиги (Kongreß der Weltliga für Sexual-Reform)[4*] в Вене.

---

* Zeitschrift für Sexualwissenschaft / unter redaktioneller Mitwirkung von Dr. F.S. Krauss (Wien) und Dr. H. Rohleder (Leipzig); hrsg. von Dr. Magnus Hirschfeld. Leipzig: Verlag Georg H. Wigand, 1908. Jan.–Dez., Heft. 1–12. 736 S.

**

*** В статье М. Мартишнига дата доклада другая: 15 мая. У Р.-Л. Бёрта не указана страница цитирования (см. примеч. 154).

[4*] Ф.-С. Краусс сделал доклад: *Krauss, F.S.* Geruchssinn und Sexualität // World League for Sexual Reform. 4th Congress (Vienna, 1930). Sexualnot und sexualreform. Verhandlungen der Weltliga für Sexualreform. IV Kongress, abgehalten zu Wien vom 16. bis 23. September 1930 / redigiert vom Dr. Herbert Steiner. Wien: Elbemühl-Verlag, 1931. L., 693, [1] S.

В 1931 году в Лейпциге вышла «Половая жизнь японского народа» («Das Geschlechtsleben des japanischen Volkes») как тома 1 и 2 серии «Приложение к секуально-научному фольклористическому журналу "Антропофитея"» («Beiwerke zu der sexualwissenschaftlich volkskundlichen Zeitscherift Anthropophyteia»)*. В предисловии Краусс говорит о своих собраниях фольклорных документов сексуального характера (Sammlungen volkskundlicher Belege sexuellen Inhaltes):

«Эти собрания показались мне самыми важными, поскольку в отсутствие знания такого рода невозможно достичь полного понимания преданий, сказок, песен гусляров и социального устройства. В не столь отдаленном будущем я естественнонаучно, то есть на фольклорной (folklorisch) основе, докажу это большой серией уже подготовленных трудов, посвященных общественной жизни южнославянского народа, зарождению насилия, власти и государств. Принудительно вдолбленное нам светское и литературное "высшее" образование, затемненное слишком большим числом расплывчатых понятий, затрудняет получение ясного представления о связи полового инстинкта со стремлением человека к тщеславию через применение силы и власти. Я добился ясности в этих вещах, и мне хотелось бы донести ее также и до моего читателя. Почерпнет ли он из этого пользу для ума и сердца, и какую – его дело. "Optime vixit, qui sibi vixit"** – полагал Гораций, я же говорю, поправляя его: "Qui humanitati vivit, optime vivit"***, делая акцент на современности. <...>

Наш социальный беспорядок, красиво называемый экономикой и государством, основан на взаимном надувательстве, сплошном обмане и насилии над слабыми, сиречь женщинами и детьми. Следует раскрыть источники силы и власти и дать уразуметь народам, что им не нужно позволять мелочно опекать и закабалять себя. <...>

Первородный инстинкт неизменно владеет всеми растительными и животными существами. Кажется, только человеку дано оставлять за собой право подавлять его, дабы использовать еще и в других целях, нежели просто ради извлечения удовольствия. <...> Только человеку свойственно предпочтение высказываться о своем инстинкте на понятном языке. Он не воздерживается от этого, хотя и стремится по возможности скрыть свои чувства. Ясно одно: все его устремления находятся под влиянием полового инстинкта,

---

* Библиографическое описание обоих томов см.: Krauss 1931.

** Лучше всего живет тот, кто живет для себя (*лат.*).

*** Живущий просвещенным, живет лучше всех (*лат.*).

сознает он это или нет. Если называть этот инстинкт плохим или хорошим, приличным или неприличным, божественным или дьявольским, то тем самым привносить в него то, что в нем отсутствует, ибо по сути своей он — нечто безобидное, само собой разумеющееся, простая природная потребность. Тот, кто взваливает ответственность за это на меня или другого исследователя первородного инстинкта (Urtriebforscher), поступает глупо, или по недопониманию, или потому, что ему не по нутру разоблачение его сокровенного, или из-за злобы. Поэтому все выдвинутые против меня резкие обвинения и вынесенные мне приговоры — не что иное, как покушение на свободу исследований, которые невозможно остановить никакими уголовными или судебными постановлениями. Очевидно, мои собрания также поспособствовали этому и еще будут способствовать, и то, что я, несмотря на все преследования и обирания, пережил это, является одной из немногих радостей в моей жизни, в финансовом отношении растоптанной мужланством ненавистников»[155].

В 1932 году Краусс задумал составить из своей коллекции «Международную сексуально-научную библиотеку». Хотя в его наследии обнаружен машинописный текст ее состава, пока неизвестно, была ли таковая когда-либо основана.

Цензура и суд

Уже при издании своей первой книги, перевода «Символики снов» Артемидора Далдийского, Краусс столкнулся с цензурой. И еще в 1881 году Теодор Гомперц пытался в одной из рецензий посоветовать молодому Крауссу на «случай, если его работа переживет второе издание, быть более строгим, чем до сих пор, в вымарывании "грязных" мест <...>. Исключенные места всё же можно дать в подстрочном примечании в латинском переводе. Но неужели подобная книга, предназначенная широкому кругу ученых, должна содержать места, которые необходимо с опаской скрывать от взглядов любой порядочной женщины?»[156]

Но трудности на пути нашего героя проистекали не только из академических кругов. В начале нового века по Европе снова прокатилась волна цензурных преследований. Были основаны общества по защите нравственности (Gesellschaften zum Schutz der Sittlichkeit), введены новые законы с целью защиты молодежи и народа в целом от развращающих (unzüchtigen) публикаций и отвратительных произведений искусства[157].

«Ссылаясь на мою работу, на меня как на порнографа, желая навредить мне, донес один мелкий венский адвокатишко. Наши

BEIWERKE

ZUM

STUDIUM DER ANTHROPOPHYTEIA

HERAUSGEGEBEN

VON

Dr. FRIEDRICH S. KRAUSS.
Wien VII/2, Neustiftgasse 12.

I. BAND:

DIE ZEUGUNG IN GLAUBEN, SITTEN UND BRÄUCHEN DER VÖLKER.

Bezugpreis für jeden Band dreissig Mark.

DIE ZEUGUNG

IN

GLAUBEN, SITTEN UND BRÄUCHEN DER VÖLKER

VON

JAKOB ANTON DULAURE.

VERDEUTSCHT UND ERGÄNZT

VON

FRIEDRICH S. KRAUSS UND KARL REISKEL.

Mit Nachträgen von H. IHM, einem Nachwort von ALFRED KIND
und mit 314 ABBILDUNGEN AUF TAFELN.

LEIPZIG.
DEUTSCHE VERLAGAKTIENGESELLSCHAFT.
1909.

рассудительные власти никак не отреагировали на это, и книгу по-прежнему можно приобрести в венских магазинах. В Австрии научные исследования до сих пор остаются свободными»[158].

В 1910 году начался первый из ряда серьезных судебных процессов над основными произведениями Краусса.

«Десятого апреля 1910 года палата по уголовным делам I земельного суда Берлина объявила, что "Антропофитея" представляет собой собрание совершенно безнравственных вещей. Мол, это не тот случай, когда преследуются научные цели, разве только допустить, что это собрание научного мусора. Поэтому ее следует привлечь. 17 апреля 1910 года прокурор при том же I земельном суде заявил по поводу другого обвинения, что из предъявленных к рассмотрению лишь "Антропофитея" и публикация Рамиро (Ramiro)* не подлежат привлечению как развращающие»[159].

Краусс с гордостью сообщал о «судебном решении X коллегии по уголовным делам I Королевского (Kdl.) земельного суда от 17 мая 1910 года, объявившей, что мои произведения имеют "научную и художественную ценность", ""Антропофитея", несомненно, — великий труд, а ее редактор, д-р Краусс из Вены, — признанный первый исследователь в фольклористической области (folkloristischem Gebiet)". Королевская прокуратура Бреслау**, Королевский высший административный суд и Королевский земельный суд Лейпцига, Герцогский земельный суд, 2-я судебная палата по уголовным делам Альтенбурга (С<аксония>-А<нгальт>), и Имперский суд Лейпцига присоединились к этой благоприятной оценке»[160].

1911 год принес Краусу новые судебные неприятности в Лейпциге, а в июле были конфискованы (наложен арест) некоторые его книги.

«23 апреля 1912 года я предстал перед Имперским судом Лейпцига, чтобы защищать "Антропофитею". После вступительных фраз меня перебил председатель г-н д-р Райхард (Reichardt), задав вопрос: "Как долго вы намереваетесь говорить?" Я ответил: "Примерно три часа, чтобы изложить все цели этнологических сексуальных исследований (ethnologischer Sexualforschung)". — "Столько времени у нас нет. Сегодня нам предстоит еще решить одиннадцать дел. Скажите кратко: для душевно здорового человека эти

---

* *Ramiro, Erasténe* (1853—?) (pseud.; наст. имя: Rodrigues, Eugéne). Félicien Rops / par Erasténe Ramiro [pseud.]. Paris: G. Pellet, 1905. 215 p.: ill. (Eduds sur quelques artistes originaux). Ропс, Фелисьен (Rops, Félicien Victor Joseph; 1833—1898) — бельгийский художник, прославившийся своими эротическими гравюрами; см.: Das erotische Werk des Felicien Rops.

** Бреслау — немецкое название польского г. Вроцлава.

вещи могут быть шокирующими?" Я уверенно ответил: "Для душевно здорового – нет". – "Довольно на этом!" – заключил г-н председатель»[161].

Хотя Краусс был оправдан, это не смогло предотвратить последующие, более суровые процессы.

В Австрии он пробовал отмежеваться от порнографической литературы[162]. Но ему не удалось провести четкую разделительную черту между его сочинениями и теми изданиями, которые обычно именуют бульварными. Защитительная речь адвоката д-ра Вальтера Роде (Rode, Walter [1876–1934]) перед одним венским судом дает представление, с какими проблемами в этом плане столкнулся ученый:

«В наше время так называемых сексуально-научных сочинений не приходится удивляться появлению трудов, предмет которых таков, что их, не рискуя ошибиться, можно охарактеризовать как не отличающиеся от книг, проходящих по делу. Взять хотя бы знаменитую "Антропофитею" венского ученого д-ра Фридриха С. Крауссa, книгу, документирующую глупейшие эманации половой души (Geschlechtssule) человека, собрание самых низменных проявлений человеческого пола (Geschlechtsäußerungen). И если подобные последней вещи разрешено писать и распространять, ссылаясь на науку, то как можно упрекать книготорговца, издающего эротику, в том, что он не всегда сознает, где заканчивается наука и начинается порнография?!»[163]

Как порнография, так и наука отрицают утверждение о том, что сам по себе документ (stoff) оказывает соблазнительное воздействие и поэтому вызывает у читателя аморальное возбуждение. Единственным, на что Краусс мог сослаться в качестве доказательства чисто научных целей своего собрания, являлся тот факт, что «Антропофитею» нельзя было купить в книжных магазинах и она была доступна только серьезным ученым.

Именно этот пункт стал роковым для нашего героя на берлинском процессе 1913 года. Прокурор предъявил обвинение в том, что «Антропофитея» всё же продавалась в одном книжном магазине. Проигрыш процесса означал для ученого не только потерю репутации, но и разорение.

Ближайшей союзницей Крауссa была психоаналитическая школа. Вероятно, он разделял многие ее постулаты. Его вклад в это новое направление был признан д-ром Вильгельмом Штекелем (Stekel, Wilhelm [1868–1940]):

«То, что мы совершаем ради человека, Краусс и его сотрудники делают ради человечества. Вместе мы боремся за правдивое, неприукрашенное понимание жизни и ее проявлений»[164].

За Краусса заступился также Зигмунд Фрейд. Он защищал его от обвинения в порнографии. В предисловии к одному из издававшихся Крауссом журналов* он писал:

«Психоанализ и фольклористика (folkloristik) не стали обращать внимание на нарушение и этих запретов (против открытого обсуждения сексуальной функции человека. – *Р.Б.*) и могут научить нас тому многому, что необходимо для понимания человека»[165].

Карл Абрахам (Abraham, Karl [1877–1925]), выступавший в качестве эксперта на берлинском процессе против Краусса, в письме [З.] Фрейду сообщал, однако, о своих сомнениях по поводу подсудимого[166]. В то время молодое психоаналитическое движение само боролось за признание в академических кругах и поэтому устранилось от защиты обвиняемого[167].

Берлинский процесс Краусс описал в «Берлинском эротоманско-маниакально-бредовом процессе»:

«26 мая 1913 года я отправился во Дворец юстиции, в Моабит, чтобы поговорить с прокурором, г-ном д-ром Хайнтцманом (Heintzmann [, Egmont; 1854–1926]), но застал только его заместителя г-на Клизера (Klieser). Когда я представился, тот воскликнул: "Ага, так это вы! Зачем пожаловали?" Я скромно ответил, что хотел бы поговорить с г-ном д-ром Хайнтцманом и узнать, почему он решил конфисковать мою "Антропофитею". Г-н Клизер принял самодовольный вид и пафосно повысил голос: "Мы должны защитить от вас немецкий народ!" – "Как это? – спросил я удивленно. – Прежде мне казалось, что немецкий народ бросил меня на произвол судьбы. Ему нет дела до меня и моих работ. Зачем же его тогда защищать?.. И все-таки мне хотелось бы поговорить с г-ном д-ром Хайнтцманом!" – "Сегодня он в Королевской картинной галерее. Надо определить, какие картины разрешается репродуцировать. Не ждите его. И можете не приходить на слушание дела. Конфискация – вопрос решенный". – "В таком случае прежде я хотел бы все-таки поговорить с г-дами председателями суда". – "Вам не полагается с ними общаться. Позвольте откланяться. Более я вас не задерживаю!" – "Но я хочу привлечь к делу экспертов". – "Оставьте, у нас уже есть свои эксперты".

На своей просьбе я всё же настоял и занес фамилию своего эксперта в протокол. Погруженный в раздумья, я покинул Берлин»[168].

Судебные разбирательства проходили в Берлине с 12 по 14 июня и со 2 по 16 октября [1913 года] в 12-й палате по уголовным делам I Королевского земельного суда. В качестве экспертов судом были

---

* На самом деле речь идет о предисловии Фрейда к труду Дж.-Г. Бурке, см.: Bourke 1913.

приглашены Феликс фон Лушан, Йоханнес Больте и д-р Маркузе (Marcuse [, Max; 1877–1963]).

«Я подал всесторонне обоснованное ходатайство об отводе профессора Больте, сопроводив его опубликованным в восьмом томе "Антропофитеи" на с. 481 и последующих сообщением о деятельности этого господина в качестве доносчика и о его некомпетентности*. Судебная палата не обратила ни малейшего внимания на мой протест и даже формально не отреагировала на него. Д-р Маркузе не смог явиться в суд, поскольку в это время находился в Мюнхене. В качестве других экспертов я предложил вызвать в суд г-на профессора Ф. Карша (Karsch, F<erdinant> [1853–1936]), барона О. фон Келлера (Keller, O<tto> [1838–1927]) и д-ра К. Абрахама. В начале заседания 12 июня 1913 года суд принял решение об отводе барона фон Келлера как "лица заинтересованного". Председатель г-н д-р Лилиа (Lilia) на том же основании лишил слова меня самого, тем самым исключив меня из процесса как эксперта. Лишь время от времени председательствующий позволял мне задавать вопросы приглашенным экспертам, но только такие, какие не требовали сложного ответа на них. Мне приходилось довольствоваться любым, хотя и неудовлетворительным и даже обидным ответом, ибо "никакие дебаты не допускались". Обычно председатель спрашивал: "Является ли это непристойным (obszön)?" – и каждый раз эксперты Больте и фон Лушан демонстрировали судорожные приступы отвращения. Только профессор Карш как естествоиспытатель решительно отверг такую постановку вопроса, и, как и следовало ожидать от такого видного сексуального исследователя (Sexual forscher), спокойно и деловито высказывался в защиту "Антропофитеи". Впрочем, его позиция не повлияла на ход дела.

Мое очень обстоятельное заявление против обвинения, разумеется, осталось без внимания. Не возымели действия и приложенные к нему многочисленные рецензии и письма самых именитых ученых, констатировавших большую ценность "Антропофитеи". Протест заявили также г-н профессор д-р Л. Гюнтер (Günther, L. [Günther, Georg Ludolf Louis; 1859–1943]), который, будучи преподавателем высшей школы, выпустил тысячи немецких юристов и также пострадал от обвинения, г-да Бибер[169], Им (Ihm [, Hermann]), профессор Коштиал (Koštiál [, Johann]), Карл Амраин[170] со своей хорошо обдуманной публикацией объемом в 15 страниц и генеральный

---

* См.: *Krauss, F.S.* [Ersuchen] an die löblische Kge. Sächsische Staatsanwaltschaft in Leipzig / Dr. Friedrich S. Krauss (1 Mai 1911) // 'ANTHROPOPHYTEIA. Leipzig, 1911. Bd. VIII. S. 480–483.

секретарь Научного общества им. [Т.Г.] Шевченко [, располагающегося во Львове,] Володимир [Михайлович] Гнатюк [1871–1926]. Все эти письма были оставлены без внимания, успех сопутствовал только профессору Гюнтеру, его исследование в томе IX* удостоилось милости Больте. Г-н д-р Лилиа зачитал уже было несколько страниц оттуда, пока наконец не заметил, что Больте мимикой и жестами подавал ему знаки, и тот прекратил чтение, когда Больте крикнул ему, показывая рукой: дальше, мол, не надо! Председатель щедро одаривал меня свирепыми взглядами и гримасами презрения, словно именно я – изобретатель этой самой сексуальности (Erfinder der Sexualität) и являюсь одним из самых порочных преступников на земле. На третий день совершенно неожиданно явился третий помощник прокурора, некий д-р Рихард Нойхаус (Neuhaus, Richard). Изложение своего экспертного заключения он начал с фразы, которую, обладая неприятным дискантом, буквально пропел петухом: "Я определенно не чопорный человек, но такого еще не встречал. Я был в Африке". Господа Больте и фон Лушан поносили каждого сотрудника в отдельности, однако настоящего скандала слушание дела достигло во время показаний Больте в качестве свидетеля под присягой. Для этого было недостаточно той присяги эксперта, какую он дал 12 июня. Его клятвопреступление возмутило меня до глубины души. Но г-н д-р Лилиа лишил меня слова и указал, что впереди у меня – заключительная речь»[171].

Неожиданно дело приняло новый поворот, когда г-н председатель спросил Больте: «"Что вы можете сказать о научной компетенции д-ра Краусса?" Тут поднялся и г-н прокурор и уже от себя задал вопрос: "Когда д-р Краусс выдавал себя за Христа?" Можете представить себе всеобщее сенсационное негодование! Профессор Больте сказал: "Да, Краусс фотографировался в образе Христа!" Возмущенный такой ложью, я спросил, видел ли он когда-нибудь такой снимок с соответствующей подписью. Больте ответил отрицательно, но пояснил, что снимок с моим изображением ему показывал Рихард Андре (Andree, Richard [1835–1912])[172]. На нем Краусс якобы походил головой на Христа, но в целом в фотографии много "безвкусицы". Прилагаю один экземпляр того снимка, сделанного в 1888 году, второй экземпляр я послал моему другу Андре, от которого ранее получил его фото и с которым ревностно сотрудничал в его "Глобусе" ("Globus"). Теперь судите сами,

---

* См.: *Günther, Georg Ludolf Louis* (1859–1943). Die Bezeichnungen für die Freudenmädchen im Rotwelsch und in den vermandten Geheimsprachen / von Professor. Dr. L. Gunther in Gießen // 'ANTHROPOPHYTEIA. 1912. Bd. IX. S. 1–74.

имеет ли мое по-молодому свежее лицо хоть какое-то сходство с традиционными образами Христа, и может ли кто-либо, кроме сумасшедшего, считать мою фотокарточку своего рода надругательством над Христом*.[173] Очевидно, профессор Больте информировал г-на прокурора таким образом, чтобы возбудить религиозные чувства последнего и натравить его и не в меньшей степени суд против меня как богохульника»[174].

В свою защиту Краусс цитировал авторитетных ученых, которые высоко оценивали его работу. Он заявил:

«Мои сочинения всегда обращены к духовной элите. Образованному сброду они не по вкусу. Доказательством моей научной квалификации с полным правом можно считать и то, что из моих до сих пор опубликованных работ – коих 114 – более 160 тысяч экземпляров нашли своих покупателей и что после Якоба Гримма я – наиболее часто цитируемый и самый читаемый фольклорист» (Folklorist)[175].

«Во время первого перерыва в заседании суда 12 июня ко мне в кулуарах подошел прокурор г-н д-р Хайнтцман. Со свирепым, угрожающим видом бульдога, потрясая указательным пальцем правой руки перед моим носом, он мрачно бросил: "Послушайте, я могу вас арестовать!" – "Зачем?" – не моргнув глазом спросил я. Словно не слыша, он, помолчав, продолжил: "Вы втайне продаете "Антропофитею" через одного книготорговца и платите ему двадцать пять процентов комиссионных. Этот же деятель ведет бойкую продажу искусственных половых органов и порнографических книг. У него изъяли их целую библиотеку". – "Первый раз слышу! И кто же это?" – спросил я в изумлении. Д-р Хайнтцман торжествующе вопросил: "Известен ли вам некто Теодор Рудольф из Нойхауза?" – "Как мне не знать моего бухгалтера?! Конечно, известен. Он ведет мою бухгалтерию, и за труд я вознаграждаю его процентами с оборота. Чего тут необычного? Так принято во многих магазинах. А о попутном приторговывании им порнографической литературой и искусственными половыми органами мне ничего не известно, да и вообще я не думаю, что это так. Он непременно обмолвился бы мне об этом". – "В одном только тысяча девятьсот одиннадцатом году он получил от вас семьсот марок. Вы признаёте это?" – "Из них, по крайней мере, сто шестьдесят марок составляли издержки, но меньше, чем за пятьсот сорок марок, никто не станет вести бухгалтерию, поглощающую уйму времени".

---

* См. репродукцию этой фотографии на фронтисписе т. 1 наст. изд.

Несмотря на это разъяснение, д-р Хайнтцман не побоялся в своей обвинительной речи через два дня, 14 июня, выложить судьям эти россказни.

Я спросил, благо перерыв еще не закончился, почему он отдал распоряжение конфисковать (konfisziere) второй том "Ежегодников" (D. B. der Jahrbücher) и японскую книгу*, хотя Имперский суд освободил эти произведения от обвинения. Ответ сквозил пренебрежением: "Решение Имперского суда не имеет никакого значения!" — "Вот как?!" — "У Имперского суда нет иного права, кроме подтверждения решения земельного суда".

Но тут нас снова позвали в зал заседаний. Так внезапно прервался мой первый чрезвычайно поучительный разговор с г-ном д-ром Хайнтцманом».

«Свое последнее слово я начал следующим образом:

"Мои аргументы здесь излишни, ведь решение вами уже вынесено (д-р Лилиа утвердительно кивнул). Обвиняемый не я (д-р Лилиа снова кивнул), а человеческая природа, половой инстинкт (Geschlechttrieb) (д-р Лилиа злобно зыркнул на меня). <...> Волнения и обиды, причиняемые мне повторными процессами, трата денег и времени, постоянные нападки прокуроров и газет, "награждающие" меня репутацией порнографа, причиняют мне вред во всех отношениях. Если вы лишите меня и моей собственности, то я обеднею, ведь в "Этнологическое издательство" ("Ethnogischen Verlag") вложена бóльшая часть моего имущества. Тогда я принужден буду сказать: бедным я явился в этот мир, бедным его и покину, но не без упований, ибо я основал новую науку, которая будет существовать и впредь, вопреки всем преследованиям. <...> Если приговор лишит меня нажитого, то у меня всё же останется надежда, что друзья по "Антропофитее" не оставят меня в беде".

Поскольку своим нетерпением г-н д-р Лилиа давал мне понять, что я должен сократить выступление, иначе ему придется перенести слушание, то после сорокапятиминутного изложения я завершил свою речь о пользе и целях нашей науки, будучи уверенным, что даже Бисмарк (Bismark [, Otto, Fürst von; 1815–1898]) и Гладстон (Gladstone [, William Ewart; 1809–1898]) со всем их красноречием не смогли бы заставить отказаться г-д д-ра Лилиа и прокурора д-ра Хайнтцмана от их предвзятого мнения»[176].

Двенадцатого августа Краусс написал:

«Г-н д-р Хайнтцман преследует меня с исключительной жестокостью. Волнения, которые он доставляет мне на протяжении двух лет, постоянные огорчения, причиняемые мне, сделали меня боль-

---

* Возможно, речь идет о первом и втором изданиях одного и того же произведения, см.: Krauss 1907–1911.

ным. Тем более что он лишает меня едва ли соответствующим закону путем моего честно нажитого неустанной тридцатилетней исследовательской работой состояния, со всей беспощадностью не только подвергая меня всеобщему презрению, но и обрекая меня и мою семью на нищету.

Наложив арест на мою переписку, он лишил меня возможности прямо и открыто отслеживать в Германии его действия — на почте все мои письма задерживаются и передаются ему»[177].

«На мою долю в избытке выпадает то, что в суде называют бесчестьем и нанесением морального ущерба и что благодаря газетам и всевозможным союзам стало позорным клеймом»[178].

В сентябре Краусс замечает: «Предвидя, что "Антропофитея" не избежит самых жестоких преследований, я пожертвовал большую сумму, чтобы разослать по всему миру полтора миллиона проспектов, и теперь, когда возникла реальная угроза уничтожения предприятия в Германии, найти для новой дисциплины убежище и родину в других государствах и странах мира»[179].

Пятнадцатого октября 1913 года нашему герою был вынесен приговор.

Двадцать пятого июня 1914 года ученый получил повестку о явке в суд свидетелем против двух берлинских книжных магазинов. Он не явился.

В 1914 году разбирательство дела было приостановлено, поскольку война оттеснила на второй план все остальные заботы.

В статье для «Южнонемецкого ежемесячника» (1915) Краусс представил себя жертвой сербского заговора, ибо, будучи фольклористом (Folklorist), он, по его словам, стремился лишь к тому, чтобы предостеречь немцев от коварства сербов. Эта статья, написанная в начале Первой мировой войны, выглядела отчаянной попыткой вернуть былую репутацию, при этом проблемы, связанные с берлинским процессом 1913 года, он относил на счет некоторых сербских обвинителей. Наш герой не оставил без внимания и неудавшуюся три года назад «попытку покушения» на него, когда на одной из венских улиц в него якобы стрелял и ранил некий серб[180]. По сообщениям «Новой свободной прессы», Краусс ничуть не пострадал, и неизвестно, действительно ли кто-то вообще пытался лишить его жизни[181].

Озлобленные нападки на сербов были, пожалуй, попыткой уравнять личных врагов с врагами государства и вернуть себе доброе имя. Однако после войны антикраусовские процессы возобновились.

В декабре 1921 года в книгохранилище Краусса в Галле ворвалась полиция нравов и конфисковала его книги. Как записал ученый, судья суда низшей инстанции Галле сообщил в Венский зе-

мельный суд по уголовным делам о том, что «за составление и распространение развращающих (unzüchtiger) сочинений [Краусс предан] власти берлинского прокурора»[182].

Чем обернулись эти процессы для нашего героя, можно понять из его более поздних высказываний. 29 ноября 1921 года он писал в Смитсоновский институт:

«Тяжелые раны, нанесенные мне и многим миллионам человек мировой войной, которую не заслужили ни я, ни Вы, я ощутил еще острее, когда лишился духовной общности моих высокопоставленных американских коллег. Кроме того, трудно описать, какую унизительную нужду пришлось испытать мне и моей семье, ибо до начала войны меня разграбила и подвергла опале святая берлинская инквизиция, чтобы самой обогатиться за счет добычи. После войны мне с моей семьей пришлось бы, наверное, издохнуть, как затравленному зверю, если бы некоторые известные Вам ученые из Вашего окружения в свое время по-братски не помогли бы мне продуктами.

Меж тем, после девятилетней борьбы, в высшей судебной инстанции Берлина я выиграл процесс против шайки судей-разбойников, которая способствовала разжиганию мировой войны. Моя честь была восстановлена, и моя, или наша, этнологическая дисциплина была признана законной. Я требую лишь возместить похищенное у меня имущество на сумму два миллиона марок. Получу ли я когда-нибудь какое-либо возмещение, известно, вероятно, только богам, но точно знаю, что, старея, я должен каждый день трудиться до беспамятства, чтобы как-то существовать и закончить большие, весьма объемистые произведения, над которыми я корплю уже 38 лет»[183].

В 1925 году наш герой был занят сочинением о танце. В предисловии он упомянул о переживаемых им трудностях:

«Поскольку со своими книгами я уже одиннадцать раз представал перед немецкими имперскими судами из-за сатанинских соблазнов и ужасающей дьявольщины, то в конце концов трибуналом берлинской инквизиции я был объявлен вне закона, <...> мне навсегда запретили писать, а в публичных библиотеках был наложен строжайший запрет на выдачу моих книг <...>»[184].

В 1926 году Крауссу удалось уберечь свои публикации от конфискации и порчи. Австрийский суд отклонил протесты берлинских судов, сославшись на то, что приговор против Краусса нуждался в доказательстве наличия «конкретной угрозы».

«Верховный трибунал берлинской инквизиции самым постыдным образом ограбил и подверг меня опале вопреки всякому международному праву, потому что, будучи австрийцем, я неподсуден

его высокой юрисдикции. <...> Он заклеймил меня как изобретателя половых сношений (Erfinder des Beischlafs) и разврата (Unzucht) народов и позорно донес на меня, правда безуспешно, венским властям, смешал с грязью мое честное имя и репутацию и объявил, будто я величайший порнограф всех времен из всех порнографов на свете. <...> Задачей моей "Антропофитеи" является исследование половых нравов (geschlechtlichen Sitten) народов, почему и настоящая моя книга о танце образует приложение (Beiwerk) к ней»[185].

Коллега по сексологии (Sexualwissenschaft) описал судьбу Краусса следующим образом:

«Головы профессорской гильдии ученых бюрократов, очевидно, настолько забиты, настолько пресыщены гениальной умственной работой, что для этого исторгающего вопли крикуна Фридриха С. Краусса, открывшего не только южных славян, но заодно и другие народы, если не рассматривать изучение фольклора как географическую робинзониаду, у них не осталось свободного места. Ведь для нескольких привилегированных ученых, взгромоздившихся — с Божьей помощью — на ту кафедру, которая по праву принадлежала ему, он был уже не просто горлопаном, а еще и странным, взбалмошным чудаком. В лучшем случае считалось, что он — порнограф (Pornograph), потому что жизнь, нравы, обычаи, религию народов он объяснял первородным инстинктом (Urtrieb) и сексуальностью (Sexualität) или, как говорит он сам, наблюдение за этими нравами и обычаями научили его как бы аналитически сводить их к самой простой первобытной форме (Urform). Разумеется, его публикации не годятся на роль рождественской библиотеки для молодежи. Но прокурор подал на него жалобу, в то время как издатель наживался на этом, а Краусс умирал с голоду из-за "распространения развращающих сочинений". Редактура [Ф.-С. Крауссом] "Нечистот" Бурке (Bourke [, John Gregory; 1843—1906])* настолько задела представителей правопорядка нравственного и добродетельного государства, что несколько убеленных сединами законодателей от науки предали анафеме порнографа и закрыли перед ним, губителем и развратителем человеческих душ, двери для получения должности ординарного и внештатного профессора. Фридрих С. Краусс продолжал работать над своими книгами, выстраивая их усердно в ряд, том за томом, произведение за произведением. У маститых ученых бонз это вызывало подозрения, что он просто писака-журналист. На этом с ним как ученым было покончено»[186].

---

* См.: Bourke 1913.

DER UNRAT

IN

SITTE, BRAUCH, GLAUBEN

UND

GEWOHNHEITRECHT DER VÖLKER

VON

JOHN GREGORY BOURKE

VERDEUTSCHT UND NEUBEARBEITET

VON

FRIEDRICH S. KRAUSS UND H. IHM

MIT EINEM GELEITWORT

VON

PROF. DR. SIGMUND FREUD

MIT BOURKES BILDNIS

LEIPZIG 1913
ETHNOLOGISCHER VERLAG

В 1929 году Крауссу уже 70 лет и он по-прежнему вовлечен в судебные тяжбы. В последние 10 лет своей жизни он опубликовал всего лишь несколько сочинений, и всё указывает на то, что и в Австрии он был впутан в ряд судебных процессов. Документы, которые могли бы служить тому доказательством, сгорели во время пожара во Дворце юстиции.

Годы войны

В военные годы Краусс состоял в должности директора венской Школы инвалидов войны. По вторникам, четвергам и субботам, с 13 до 15 часов, в Школе инвалидов войны при К<айзеровском> и к<оролевском> военном госпитале в XIX районе Вены, в Гринцинге (Grinzing), он давал уроки немецкого языка раненым из Хорватии, Боснии, Далмации и Славонии.

«Пятьдесят три месяца и восемнадцать дней я добровольно работал в военных госпиталях Вены учителем южнославянских раненых и попутно услышал от них невероятно много историй о совершенных ими во время войны скверных поступках, записывал их или позволял записывать самим рассказчикам. Этого материала хватит для объемистого произведения. <...> Однажды, когда в школьной комнате барака примерно сто двадцать раненых в благоговейной тишине слушали мою лекцию, один по имени Йован Лесая (Jovan Lesaja) из Карина (Karin), Далмация, неожиданно поднялся и, ко всеобщему увеселению товарищей по боям и страданиям, громко запел (эту) песенку»[187].

В своей апологии д-р [Альфред] Кинд следующим образом охарактеризовал это время:

«Бедствие войны погнало старика от тихой созидательной работы в кабинете в госпиталя. Он жертвовал последние гроши ради тех несчастных, которых там находил. Ослепшим, простреленным пулями, тем, у кого сохранились скорее лишь остатки тел, он приносил утешение, приветствуя их на родном славянском языке. Он стал не только их переводчиком, отзывчивым посредником в их языковом бессилии, но и защитником их прав в борьбе против коррупции и притеснений, скрытых под маской узаконенного грабежа и ростовщической тирании. Он упорно боролся с южнославянскими и галицийскими властями, которые на основании какой-нибудь статьи обманом лишали последних сбережений беззащитных и изгнанников; он был духовником, который не обещал рай и не призывал надеяться на лучшую загробную жизнь, а старался победить чересчур земные силы дьявола, захватившего трон

власти. Но для клейменных наукой его усердие филантропа было не чем иным, как неудобным, докучливым шутовством»[188].

«<...> моя дорогая сестра Амалия, (которая) из-за учиненного мне в Берлине разбоя лишилась всех своих сбережений, тем не менее неустанно ухаживала за ранеными вместе с нашей второй сестрой. Но в большей степени мне помогали молодые медсестры и благодетельницы, двум из которых я выражаю глубочайшую благодарность – г-же Этте Верндорф (Werndorf, Etta) <...>, г-же Елице Белович-Бернациковской (Belović-Bernadzikowska, Jelica) [Беловић-Бернациковска, Јелена; 1870–1946], выдающейся писательнице, превосходнейшей из когда-либо появлявшихся среди южных славян фольклористке (Folkloristin)».

Двадцать четвертого октября 1914 года Краусс опубликовал «Призыв к достоинству» («Aufruf zur Würde»):

«Навязанная нам борьба за мировое господство и за лидерство немецкой культуры вызвала в зарубежной прессе компанию лжи и клеветы, представляющую угрозу общественному мнению всех благовоспитанных народов. В частности, расправа надо львами и обстрел Реймского кафедрального собора*, горькая дань войне, послужили зарубежным писателям, ученым и культурным деятелям поводом для оскорбления немцев и их армии как орды варваров и гуннов. Из-за такого поведения священная борьба немецкого оружия против агрессии союзнических сил русских, англичан, французов и японцев утратит легитимность и достоинство. Самоунижение, которому подвергли себя эти чужеземные мыслители и поэты, мы воспринимаем как позор человечества. Никогда через ложь, коварство и грубые поношения не понять всю возвышенную серьезность такого события, как эта мировая война, не искажая ее истинного значения. Всё это, вероятно, приведет к такому накоплению у всех честных людей отвращения, ненависти и озлобленности, что после окончания великого спора под большой угрозой окажется исполнение самых необходимых культурных задач в Европе. Тот, кто в этот час не может или отказывается знать прав-

---

* В 1914 г., сразу после начала Первой мировой войны, германские войска стали обстреливать собор из пушек. Первый выстрел, повредивший здание, прозвучал 19 сентября 1914 г. Поскольку на одной из башен собора размещались деревянные строительные леса, вся его несущая конструкция (изготовленная из дуба) оказалась объята пламенем. Покрывавший крышу свинец расплавился и стек вниз, разрушив дворец архиепископов. В целом собор, получивший именование «собора-мученика», сильно пострадал во время той войны, что вызвало большой эмоциональный резонанс.

ду, пусть умолкнет до окончания кровавой борьбы. Поэтому мы, слуги и хранители свободной литературы, заявляем протест против лживого свидетельства вражеской прессы как прегрешения против духа нашей борьбы. Честь оружия отважного народа живет в его сердцах и умах, крепко удерживается в его собственной руке, а не в пылких заявлениях с той или другой стороны. Германия, проделавшая за столь долгое мирное время огромную и очевидную всему миру культурную работу во всех областях духовной и экономической жизни, имеет право на то, чтобы сейчас, когда балом правит Марс, зрители, равно как и соратники, воздержались бы от оценок, пока не свершится окончательное разрешение и факты не предстанут в ясном, спокойном свете; пока льется кровь, давайте воздержимся от отравляющей великий час словесной перепалки и лучше помолчим. Мы требуем это от писателей, деятелей искусства и ученых всех стран, помня слова Шиллера [из стихотворения "Художники" (1789)]:

"Der Menschheit Würde ist in eure Hand gegeben,
Bewahret sie!
Sie sinkt mit euch, Mit euch wird sie sich heben".
"Достоинство людей вам вручено судьбами!
Храните же его!
Оно и падает и возникает с вами"»[189].

(*Пер. Д.Е. Мина*)

В 1915 году Краусс еще оставался активным членом «Конкордии» («Concordia»). Он сообщал о себе, что «как представитель венгерского союза в Вене и как уполномоченный местного императорского и королевского командования гарнизона доставляет хорватские, румынские, итальянские, венгерские и словацкие книги и газеты раненым двадцати трех госпиталей, но для немецких раненых у него нет немецких книг, поэтому в клубе "Конкордия" ("Concordia-Club") было решено организовать пункт сбора книг, сдаваемых с этой целью членами клуба»[190].

Одна книжная посылка пришла из Дрездена, но офицер-инспектор императорско-королевской больницы благотворительного фонда Рудольфа (Rudolfstiftung) попросил Краусса приостановить дальнейшие поставки, ибо «скопилось уже большое количество таких отправлений, но доблестные немецкие солдаты до сих пор мало ими пользовались»[191].

Война прервала не только научную деятельность нашего героя, но и судебные преследования. Первый том «Тысячи преданий и сказок южных славян» («Tausend sagen und Märchen der Südslaven»)

вышел в июле 1914 года, но еще семь запланированных томов так никогда и не увидели свет.

В это время Краусс пробовал восстановить былую репутацию, изображая себя жертвой сербского заговора, о чем он сообщил в статье о сербах, напечатанной в южнонемецком ежемесячнике 14 августа 1915 года:

«Издатель южнонемецкого ежемесячника просил меня написать для одного из номеров статью о сербах, которая без предрассудков и без оглядки на внешнюю политику давала бы объективное представление о балканских народах, их хозяйственных и культурных отношениях. Быть объективным — значит служить истине, и здесь я должен сразу заметить, что подлинным изучением фольклора можно заниматься только как политикой (Politikon). <...> С самого начала сербы злоупотребляли своей фольклористикой (Folkloristik), используя ее как подручное средство в их политических устремлениях, и оставались на этих позициях до самого последнего момента. Мне, немецкому ученому, стремящемуся познать истину ради нее самой, с самого начала было отказано присоединиться к сербским фольклористам (Folkloristen) или, по крайней мере, довольствоваться заискивающим промежуточным положением между сербами и хорватами. Сербские фольклористы не ограничивались тем, чтобы приводить народное предание к удовлетворительной эстетической норме, но поступали много хуже, искажая факты и, более того, цинично их замалчивая или не допуская их публикации. Я никогда не руководствовался такими соображениями, и все мои находки или записи передавал точно в том виде, в каком их обнаруживал в народе. Это вызывало безграничное недовольство мной, которое слишком часто выражалось в "демонстрациях нравственного негодования" против меня, к сожалению, не только среди "обиженных" сербов, но и в берлинском суде, что для меня было более чувствительно. <...> Ясно одно: своими работами по сербскому фольклору (Folklorearbeiten) я приобрел известность в ученом мире. Но это ничтожная замена тем давно постигшим меня со стороны сербов, сербохорватов и их почитателей преследованиям, которые вынудили меня почти постоянно жить в бедности и порой даже в нужде. Почему я принял на себя груз всех этих необычных страданий? Скажу без обиняков: просто из чувства патриотизма, ведь для нас, немцев, не было ничего более важного, чем желание углубиться в изучение сербского народа и вовремя распознать опасность, которая исходила и еще исходит для нас и наших потомков от сербского народа. Папуасы, ботокуды, ведды и многие другие мелкие народы считаются самы-

ми примитивными. По сравнению с ними сербский народ имеет всё же высокоразвитую культуру. Это доказывают собранные в десяти томах моей "Антропофитеи" и в трех ее приложениях эротические народные предания, описания сербских нравов и обычаев. В современном мире они являют собой живое свидетельство первобытного состояния человечества, не имея равного себе подобия во всей этнографии (Völkerkunde). Они настолько чудовищны и мерзки, что упомянутый королевский окружной суд Берлина ясно и недвусмысленно представил их как мои выдумки и объявил меня самым ужасным порнографом в мире»*.

В 1916 году Краусу было присвоено звание профессора, вероятно, за подвижничество в больнице для инвалидов.

Ф.-С. Краусс и женский вопрос

Ответ на вопрос, почему даже в то время, когда Краусс пользовался международным признанием, он не имел доступа к австрийским научным кругам, наверное, кроется в его позиции по так называемому «женскому вопросу»[192].

Бестселлер Отто Вейнингера «Пол и характер», который только в период с 1903 по 1910 год издавался двенадцать раз**, лучше всего свидетельствует о негативном аспекте предубежденного отношения современников к «женскому вопросу». Для [О.] Вейнингера окончательным решением этой проблемы было, по-видимому, выделение особых мужских и женских качеств как основы добра и зла. Для него, как и для многих его современников, женский элемент представлял собой неизбывное зло.

Интересно, что «женский вопрос» зачастую был тесно связан с «еврейским», и оба в основном объяснялись урбанизацией и индустриализацией. Мужская часть общества в равной мере ощущала угрозу от обоих процессов, серьезно пошатнувших главенствующее экономическое положение мужчин[193]. Таким образом, работа [О.] Вейнингера и в этом отношении выступает образчиком сращивания антифеминизма и антисемитизма[194].

В преследованиях себя как еврея Краусс усматривал много общего с угнетением женщин. Его попытка с помощью фольклористики (Volkskunde) вернуть женщине ее истинную роль — не что иное, как стремление прийти к толерантному, свободному от пред-

---

* См. примеч. 180. S. 986–991.

** В России с 1907 по 1914 г. эта книга О. Вейнингера издавалась в четырех переводах тринадцать раз, см. примеч. 147.

рассудков обществу. Отсюда его мнение по поводу «"философствующего шута" Вейнингера, для которого подходит поговорка: "Один дурак сделает дураками многих" ("Ein Narr macht viele Narren"). Две его книги показались мне жалкими компиляциями сумасшедшего, который методично пытается скрыть свое слабоумие путем сильных преувеличений. Курелла (Kurealla [, Hans; 1858–1916]) когда-то сказал, что все ярые антисемиты были сифилитиками и женоненавистниками. Вейнингер – ярый противник женщин и евреев. Но сифилитик ли он?»[195]

Следующим камнем преткновения для многих современников Краусса было его положительное отношение к эротике. В то время, когда Эрос зачастую отождествлялся с Танатосом, или смертью, когда женское начало вызывало одновременно очарование и ужас, Краусс считал, что Эрос дарует только радость жизни. По его мнению, все достижения человечества стимулированы сексуальным инстинктом. В одном рукописном посвящении он говорит:

«Подобно тому, как лилия поднимается из болота, так и всё возвышающее сердце и дух человека происходит от его радостного жизнеощущения»[196].

Расцвет и падение наций Краусс считал преходящим явлением, мало влияющим на человечество. Фундаментом всех устремлений человека является семья. Недостаточная стабильность наций – это, по его мнению, продукт активности мужчин; долговечность и устойчивость семьи – заслуга женщин. В противоположность [О.] Вейнингеру, преобразующей, первичной силой (Urkraft) человечества Краусс наделял женский пол, который, умело управляя своей притягательной силой и сексуальным инстинктом, направляет хаотичную мужскую энергию и этим создает социальное ядро для всего культурного развития. Таких взглядов Краусс придерживается в своей неопубликованной работе «Положение женщины» («Die Stellung der Frau») (1927). Ему представляется, что решить вопрос можно лишь целенаправленным поднятием экономического и политического уровня:

«Я надеюсь, что наилучшим образом облегчить участь человека можно за счет подлинного признания созидательных достижений прекрасных женщин – матерей и их дочерей, мечтающих стать матерями ради создания, формирования и сохранения человеческой цивилизации. Женщины, открывающие любовь, сострадание, красоту, удовольствие, домашний быт, искусства и науку, при более благоприятных жизненных условиях, чем те, что ныне позволяет им общественный насильственный порядок, употребляли бы свойственный им талант для совершенствования условий

бытия. Но, чтобы основать новое общество, они должны сперва правильно понять свою силу и слабость чрезмерного превосходства мужчин»[197].

Такое прославление роли женщины было вопреки духу времени. Утверждение о превосходстве слабой половины человечества воспринималось отталкивающе еще и потому, что акцент делался на красоте тела. Для Краусса «красота» как первоисточник (Urquell) всякой сексуальной притягательной силы выступает основой цивилизации, при этом представление о том, что есть красота, — вещь относительная. Эту женскую притягательную силу наш герой считал достойным объектом независимого научного исследования:

«Им (ученым. — *Р.Б.*) остается бросать лишь сладострастные косые взгляды на самое прекрасное творение в мире, эталон красоты — женское тело. Рассматривать это явление с любовью предоставили художникам, скульпторам и поэтам, будто бы прелестное женское тело не годится для извлечения научных знаний. Лишь несколько десятилетий назад одна, к сожалению, слишком моральная эстетика отважилась приблизиться к женщинам да некоторые антропологи и этнологи <...> начали серьезно изучать женское тело на предмет его красоты. Будучи поклонником женской красоты и исследователем фольклора, я счел необходимым присоединиться к ним»[198].

Акцент на красоте тела породил сомнения в научной объективности и мотивации нашего героя. Однако объясняется он его позицией: ученый должен быть еще и художником. Краусс видел себя одновременно и писателем, и ученым, и полагал, что правильный подход подразумевает наличие в обеих сферах деятельности и научной беспристрастности, и поэтической интуиции. Его научные и литературные произведения неизменно сочетают в себе фольклорность (Volkskunde) и поэзию. В ранние годы его карьеры [Ватрослав] Ягич критиковал ученого за «поэтичность», что для Краусса ни в коей мере не являлось нежелательным в науке, поскольку границы между дисциплинами, на его взгляд, не должны быть столь резкими:

«Я учу их (свою читательскую аудиторию. — *Р.Б.*), что по-настоящему крупные мыслители человечества являются великими лирическими, эпическими и драматическими поэтами и что мы с глубочайшим почтением должны учиться у этих превосходнейших наблюдателей и выразителей природы. Обобщив и использовав накопленные поэтами истины и знания, мы, став благодаря им более проницательными, сможем создать свободную от пустых фантазий науку о жизни человеческой души, настоящую этноло-

гию (Völkerkunde), или исследование, о роли женщин; ибо все без исключения народы – это накопленная поэзия бесконечной череды прошлых поколений и прежде всего труд прекрасных женщин, матерей»[199].

Позитивная оценка достижений и устремленностей нашего героя в этой области появилась в 1920 году в книге «Известные» («Die Berühmten») Эгона Дитрихштайна (Dietrichstein, Egon):

«Теперь Фридрих С. Краусс снова ходатай языкознания, психологии, славистики и не указанного ни в одной грамматике волапюка всего человечества. И, поскольку его потенциал ученого не был повышен ни одной кафедрой, не был признан ни с одного амвона, он проповедует в самых отдаленных предместьях, там, "где стоят последние дома", как посланец имперского образовательного учреждения, но также и как апостол и миссионер, как почитатель и глашатай женщин, их прав и красоты, защитник матерей и жен, исследователь, просветитель и толкователь вечно женского, профессор эротики и проповедник первородного инстинкта. Этот пожилой мужчина с седой бородой патриарха, в домашнем дедовском колпаке, которого я застаю в настоящем рабочем кабинете ученого, среди гор фолиантов, рукописей и книг, этот патриарх научной эротики, платонический Дон Жуан исследования, первый специалист по женским добродетелям, женскому очарованию и женщинам вообще. Свои тайны, этнографические и телесные, он принес из самых отдаленных зарослей девственного леса в Европу, в издательства и лектории. "Женщина для меня, – говорил он мне, – экспериментальный объект. Я изучаю ее как этот лист бумаги". И тут в совершенно непринужденном, ни к чему не обязывающем разговоре я узнаю о некоторых выводах, которые обнаруживаются при микроскопии женщины. Всё развитие истории человечества, духовную и телесную культуру профессор Краусс видит в зеркале, отражающем женщину, женщину в первобытном состоянии, и поэтому, на его взгляд, – в самом выгодном свете; всё становление человеческих судеб он усматривает лишь в теле Евы, лишь в прежнем, обнаженном Рае, а всё, что наступило затем, представляется ему только регрессом, варварством. Он высмеивает европейскую культуру, преследовавшую и сжигавшую женщину как ведьму, бросавшую в костер евреев, но вместе с тем позволявшую процветать пиратам и рыцарям-разграбителям. Кто, спрашивает он, жестоко убивал девушек, считая их колдуньями, вырезал евреев, одержимый фантазией ритуальных убийц? Разве турки, азиаты? Нет, то были мы, жители Западной Европы. "Мы совершили преступление перед женщиной. Вы толь-

ко поймите, женщина всегда была капиталисткой, она ухаживала за домом, вязала, шила, готовила; мужчина же сидел в своих комнатах, охотился, воевал. Что полезного дала та охота, тот героизм рыцарей-погромщиков? Женщина же всегда была капиталисткой. Ею она остается и сейчас, хотя бы потому, что приносит с собой приданое. <...> И к тому же она — мать. Как же мы заблуждаемся, когда считаем, что говорим на родном, материнском языке. Мы говорим на языке, которому научились у посторонних людей, наш исконный язык — лепет ребенка". Эту и подобные идеи Краусс проповедовал народу, мужчинам из народного ополчения в жалких трактирах, прокуренных, пропитанных духом окружных политических собраний; в помещениях, где в сильных выражениях только лишь пропагандировались политические права женщин, их преимущество и высокая природная миссия.

Сейчас Краусс работает — или, может, лучше сказать сочиняет? — над двумя исследованиями: "Женская красота" ("Frauenschönheit") и "Корсет". Каждое из нескольких томов с описаниями любовной жизни. В глаза бросается пустое, голое жилище старика, напоминающее чулан — Венерин бугорок, вокруг письменного стола в качестве объектов научного познания невидимо пляшут любовные аномалии, иллюстрированные перерождения маркиза де Байроса*, кружит вакхическая процессия пьяных античных богинь и амазонок, простираются на дурманящих ложах тела зрелых женщин и, как растительность девственного леса, вьется хоровод отливающих бронзой австралийских негритосок, гротескных индианок, исполнительниц танца живота, и серно-желтых худых китаянок. Объекты для "бумажных" экспериментов Краусса. Прокурору они непонятны. Специалисты называют его порнографом. И вечно женское не смогло привести его ни на одну учебную кафедру»[200].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Двадцать девятого мая 1938 года в 22.30 Краусс умер естественной смертью в возрасте 79 лет в своей квартире на Нойштифтгассе в присутствии дочери. Незадолго до этого в Австрию вступили гитлеровские войска, и ученый стал свидетелем тотального крушения всех надежд и стремлений к реформам.

---

* Байрос, Франц фон (Bayros, Franz von; 1866–1924) — австрийский художник, в творчестве которого преобладали эротические мотивы.

Несмотря на многочисленные публикации и участие в развитии сексологии незаурядные достижения Фридриха Саломо Краусса лишь изредка упоминаются в современных исследованиях. Леопольд Шмидт (Schmidt, Leopold [1912–1981]) охарактеризовал нашего героя как одного из тех исследователей, подход которого помог заложить «основу для развития фольклористики на будущее»[201]. Дань Крауссу воздается в современных фольклористических исследованиях (Volkskundeforschung) Алана Дундеса, который говорит о его роли в становлении психоаналитической фольклористики[202], и Кристофа Даксельмюллера, изучающего место нашего героя в еврейской фольклористике[203].

Краусс – не первый, кто изучал сексуальность и эротику и пострадал от цензуры. Его заслуга в том, что он занялся осмыслением роли «первородного инстинкта» (Urtriebforschung) в области фольклора (Folklore). Аналитическое рассмотрение сексуальных обычаев других культур постепенно должно было привести к этнологической теории сексуальности, которая позволила бы продемонстрировать относительность сексуальных табу. То, что старания нашего героя потерпели неудачу, явилось следствием несчастливого стечения обстоятельств: заранее заданным невыгодным социальным и политическим положением и попыткой утверждения непопулярных взглядов в эпоху усиливающегося гнета. Веря в свою миссию, ученый считал себя мучеником на службе праведного стремления к истине. Лишь это наделяло его терпением сносить те позор и унижения, которые он испытал, будучи заклеймен как порнограф.

Фридрих С. Краусс не заслужил позора и презрения своего времени, как и не достоин того, чтобы быть забытым в наши дни. Его работа – часть широкого, но малоизученного потока интеллектуальных устремлений, достигших апогея в произведениях [З.] Фрейда, [Г.] Климта* и [А.] Шницлера**. К несомненным заслугам ученого относятся сбор исключительных по ценности материалов и содействие развитию фольклористики (Volkskunde) в международном масштабе. Его произведения являют собой утверждение жизни и противостоят сексуальному и политическому гнету.

---

* Климт, Густав (Klimt, Gustav; 1862–1918) – австрийский художник.

** Шницлер, Артур (Schnitzler, Artur; 1862–1885) – австрийский писатель.

ПРИМЕЧАНИЯ*

[1] Krauss 1883/1: XXVII–XXVIII.

[2] Krauss 1907–1911: 5–6.

[3] Из архива Котта (Cotta-Archiv) Немецкого литературного архива в Национальном музее Шиллера (Марбах-на-Неккаре) (Deutsches Literaturarchiv im Schiller-Nationalmuseum, Marbach a. N.).

[4] [Источник цитирования Р.-Л. Бёртом не указан.]

[5] *Krauss, F.S.* Wilhelm Krauss: [Nachruf] / Fritz S. Krauss // Am Urquell.: Monatsschrift für Volkskunde. / Herausgegeben von Friedrich S. Krauss. Hamburg: Kommissionverlag G. Kramer, 1891. Bd. II, Heft IV. S. 84. (VIII, 212 S.)

[6] Krauss 1914: XX–XXIII.

[7] Krauss 1891–1893: 32f.

[8] *Krauss, F.S.* Von der Haarfarbe der Südslaven // Das Ausland. Stuttgart, 1891. Jahrg. 64. S. 247–249 (на с. 247).

[9] *Kind, Alfred* (1876–1927). Friedrich S. Krauss: Bio-Bibliographisches // Blätter für Bibliophilen: Bibliographie der Sexualwissenschaft / Hrsg. von Willy Schindler. Wilmersdorf-Berlin: Willy Schindler (!) Verlag, 1907–1908. Jahrg. 1, Heft 3. S. 129–137 (на с. 130). [Содержание (Heft 1–4): *Kind, Alfred* Dr. Die Bedeutung der erotischen Weltliteratur für die Sexualforschung; *Idem.* Zur Psychologie des Obszönen; *Idem.* Friedrich S. Krauss; *Ostwald, Hans.* Erotische Volksunterhaltung; *Klein, Ernst.* Franz von Bayros; *Idem.* Casanova; *Idem.* Moderne deutche Erotica; *Conradt, Heinrich.* Lesbierinnen; *Semerau, Alfred* Dr. Anthoine de la Sale; Zahlreiche Bücherbesprechungen, besonders von Eroticis und sexualwissenschaftl. Werken; Wittheilungen und Berichte über Prozesse, Confiscationen, Denunciationen u. s. w.].

[10] Das Ausland. Stuttgard, 1899. Jahrg. 72. S. 819.

[11] *Krauss, F.S.* [Rez.]: «Vid Vuletić Vukasović: Srpski narodni vezovi. Pribrao ih ... Belgrad, 1891» / K. [pseud.] // Am Ur-quell: Monatschrift für Volkkunde [!]. Hamburg, 1892. Bd. III, Heft III. S. 111. (XV, [I], 346).

[12] *Kind, Alfred.* Op. cit. 1908. S. 130f.

[13] Krauss 1885: 167. [У Р.-Л. Бёрта ошибочно: «Sitte, Brauch und Gewohnheits recht der Südslaven»].

[14] Krauss 1908: 339–340.

---

* В наст. изд. примечания Р.-Л. Бёрта и М. Мартишнига отредактированы и унифицированы Л.В. Бессмертных, в них внесены изменения, отсылающие к «Библиографическому списку документов и их сокращенных названий, упоминаемых в наст. изд.».

Все библиографические описания составлены в соответствии с действующими ГОСТами и Правилами (см. заметку «От составителя»).

[15] *Краусс, Ф.-С.* Письмо Карлу фон Амире от 14.05.1896. *Амира, Карл фон* (Amira, Karl von; 8.03.1848–22.06.1930) – юрист, профессор университетов во Фрайбурге и Мюнхене.

[16] Krauss 1907–1911: 6f.

[17] Krauss 1890: 105.

[18] *Тордину*, Никола (Tordinac, Nicola; [1858]–1888) – священник, профессор, архиепископской семинарии в Джяковице (Djakovica).

[19] *Андриан-Вербург*, Фердинанд фон (Andrian-Werburg, Ferdinand Reichsfreiherr von; 20.09.1835–10.04.1914) – геолог и антрополог; президент Венского антропологического общества. [См. также примеч. 57 к статье М. Мартишнига.]

[20] *Krauss, F.S.* Herr Fred. Freih. von Andrian-Werburg in Liebe und Dankbarkeit zugeeignet: [Ein Brief an den Präsidenten der Anthropologischen Gesellschaft in Wien] / getreu ergebenen Krauss (Brod a. d. Save, den 22. Sept. 1884) // Krauss 1885: V–XXVI (цитата на с. V). [У Р.-Л. Бёрта ошибка в заглавии (см. примеч. 13) и неточная ссылка на: S. I.]

[21] *Krauss, F.S.* Ausschußsitzung am 12. Februar 1884 // Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Wien, 1884. Bd. XIV. S. 18. [У Р.-Л. Бёрта опечатка: Bd. XVI.]

[22] Monatsblätter des Wissenschaftlichen Clubs in Wien. Wien, 1884. Bd. VII, Heft 8. S. 92.

[23] *Kind, Alfred.* Friedrich S. Krauss: Bio-Bibliographisches... 1908. S. 129–137. См. выше примеч. 9.

[24] *Краусс, Ф.-С.* Письмо Карлу фон Амире от 14.05.1896.

[25] [*Krauss, F.S.* Dinarishe Wanderungen von Dr. Moriz Hoernes / F.S. Krauss //] Das Ausland. Stuttgart, 1888. Jahrg. 61. S. 368.

[26] Krauss 1894: 33.

[27] Krauss 1894a: 32.

[28] Krauss 1885: XXV.

[29] Krauss 1907c: 47–48.

[30] Krauss 1891–1893: 10.

[31] *Krauss, F.S.* Guslarenlieder / Mitteilungen von Krauss // Der Urquell: Eine Monatschrift für Volkskunde. / Herausgegeben von Friedrich S. Krauss. Hamburg: G. Kramer Verlag; Leiden: Buchhandlung u. Druckerei vormals E. J. Brill, 1897. Der neuen Folge. Bd. I. S. 39–45: Not/von Eduard Kulke (S. 45).

[32] *Краусс, Ф.-С.* Письмо барону Фердинанду фон Андриан-Вербургу от 26.12.1884.

[33] Krauss 1908: 390–391.

[34] См.: Das Ausland. Stuttgart, 1887. Jahrg. 60. S. 289.

[35] *Krauss, F.S.* Bajuwaren im Guslarenliede // Forschungen zur Kulur-und Literaturgeschichte Bayerns. Ansbach und Leipzig, 1896. Bd. IV. S. 7–101 (на с. 100).

[36] *Krauss, F.S.* Beischafausübung als Kulthandlung / Eine Umfrage von Dr. Friedrich S. Krauss // 'ΑΝΘΡΩΠΟΦΥΤΕΙΑ. Leipzig, 1906. Bd. III. S. 20–33 (на с. 29).

[37] Das Ausland. Stuttgard, 1887. Jahrg. 60. S. 100.

[38] *Krauss, F.S.* Guslarenlieder: Die Milchbrüder // Der Urquell. Hamburg, 1898. Der neuen Folge. Bd. II. S. 5–26 (на с. 21–22).

[39] *Krauss, F.S.* Eine Vila mit sechs Flügeln // Boas anniversary Volume: anthropological papers written in hohor of Franz Boas... Presented to him on the twenty-fifth anniversary of his doctorate, ninth of August, nineteen hundred and six. New York: G.E. Stechert & Co., 1906. XIX, 559 p.: ill. [Р.-Л. Бёртом страница цитирования не указана.]

[40] *Krauss, F.S.* Hercegovinisches Volksepos // Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Wien, 1886. Bd. XVI. S. 2.

[41] *Krauss, F.S.* Das Bauopfer bei den Südslaven // Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Wien, 1887. Bd. XVII. S. 16–24 (на с. 21). Вышел также отд. оттиск.

[42] Krauss 18946: 89–102.

[43] См.: Das Ausland. Stuttgart, 1887. Jahrg. 60. S. 27.

[44] Krauss 1907c: 46–47.

[45] *Krauss, F.S.* Südslavische Volk<s>überlieferungen, die sich auf den Geschlechtverkehr beziehen. (IV. Fortsetzung.) / Gesammelt, verdeutscht und erläutert von Dr. Friedrich S. Krauss // 'ΑΝΘΡΩΠΟΦΥΤΕΙΑ. Leipzig, 1908. Bd. V. Abschnitt XXVIII: Von der Defaekation in Glauben, Sitte und Brauch der Südslaven. S. 294 (№ 697: Od stracha). См. примеч. к истории № 697 [в наст. изд. – № 709: «Со страху»].

[46] *Krauss, F.S.* Das Fräulein von Kanizsa: ein Abenteuer auf der Adria: ein moslimisches Guslarenlied in zwei Fassungen / von Dr. Friedrich S. Krauss // Ethnologische Mittheilungen aus Ungarn: Illustrierte Monatsschrift für die Völkerkunde Ungarns und der damit in ethnographischen Beziehungen stehenden Länder: (Zugleich Organ für allgemeine Zigeunerkunde)... / ridigiert und hrsg. von Prof. Dr. Anton Herrmann. Budapest, 1895–1898. Bd. IV. S. 27–40, 94–109, 138–151; Bd. V. S. 26–28, 96–97, 217–218; Bd. VI. S. 34–36 (цитата на с. 29).

[47] *Krauss, F.S.* Theseus im Guslarenlied // Akadēmia Athēnōn. Laographikon Archeion. Thessaloniku, 1937. T. XI. P. 338–345.

[48] См. примеч. 45, S. 29f. (45. In: Anthropophyteia, V, 1908, S. 294). [На указанной странице данная цитата отсутствует.]

[49] Krauss 1908: 186.

[50] См. примеч. 45, S. 29f. (45. In: Anthropophyteia, V, 1908, S. 294). [На указанной странице данная цитата отсутствует.]

[51] *Krauss, F.S.* Hercegovinisches Volksepos... Wien, 1886. Bd. XVI. S. 21. См. выше примеч. 40.

[52] Krauss 1891–1893: 11–12.

[53] *Krauss, F.S.* Bericht über eine ethnographische Durchforschung Bosniens. Über seine Reise in Bosnien und der Hercegovina // Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Wien, 1885. Bd. XV. S. 84–87 (на с. 84 и 85).

[54] Ibid.

[55] *Krauss, F.S.* Vorwort / Dr. Friedrich S. Krauss // 'ΑΝΘΡΩΠΟΦΥΤΕΙΑ. Leipzig, 1904. Bd. I. S. VIII–XXI (на с. XIX).

[56] См.: Krauss 1896a: 6.

[57] *Караджич*, Вук Стефанович (1787–1864) – родоначальник новой сербской литературы и основоположник научного подхода к изучению сербского фольклора. [Его дочь, Мина (1824–1894), была замужем за профессором словесности Алексой Вукомановичем (1826–1859).]

[58] *Karadžić, Vuk Stefanović.* Erotische und skatologische Sprichwörter und Redensarten der Serben: № 1–256 / gesammelt von Vuk Stefanović Karadžić (Aus dem handschriftlichen Nachlass); [тексты в латинской транслитерации, пер. на нем. и коммент. Ф.-С. Краусса; публикация T.R. Gj (Т. Ђорђевића)] // 'ΑΝΘΡΩΠΟΦΥΤΕΙΑ. Leipzig, 1907. Bd. IV. S. 295–316 (на с. 296: Anmerkung des Übersetzers / Friedrich S. Krauss). В этом же примечании Ф.-С. Краусс далее сообщает: «Сам он так ничего и не опубликовал, только в "Kryptádia" появилась небольшая подборка рассказов из архива Вука Врчевича [Врчевић, Вук (1811–1882)]».

[59] Jahresbericht // Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Wien, 1887. Bd. XVII. S. 11.

[60] См.: Beiwerke 1929/IX: 228.

[61] Archiv der Universität Wien.

[62] Архив Ф.-С. Краусса. Коробка 6. Опись 1.

[63] *Краусс, Ф.-С.* Письмо Отто Шеллу от 15.03.1890. *Шелл*, Отто – преподаватель и этнограф.

[64] *Краусс, Ф.-С.* Письмо [О.] Шеллу от 5.04.1890.

[65] *Карстенс*, Клаус (Carstens, Claus Heinrich Wilhelm; [1849]–22.08.1894) – редактор журнала «Am Urdsbrunner».

[66] *Краусс, Ф.-С.* Письмо [О.] Шеллу от 22.05.1890.

[67] *Он же.* Письмо [О.] Шеллу от 24.11.1892.

[68] *Он же.* Письмо [О.] Шеллу от 5.08.1893.

[69] *Он же.* Письмо [О.] Шеллу от 20.01.1894.

[70] *Он же.* Письмо [О.] Шеллу от 3.03.1896.

[71] *Он же.* Письмо [Карлу] Амире от 14.05.1896.

[72] *Он же.* Письмо [О.] Шеллу от 6.01.1897.

[73] *Он же.* Письмо [О.] Шеллу от 1.12.1897.

[74] *Он же.* Письмо [О.] Шеллу от 5.02.1898.

[75] *Krauss, F.S.* [Übersetzer]. Das Gemälde im Kronostempel von Kebes. 2. Aufl. Wien, 1890. S. 3.

[76] *Краусс, Ф.-С.* Письмо [О.] Шеллу от 7.04.1893.

[77] *Краусс, Ф.-С.* Письмо Куну (Kuhn [? Ernst Wilhelm Adalbert; 1846–1920]) от 11.11.1902.

[78] *Kaindl, Raimund Friedrich* (1866–1930). Die Volkskunde: Ihre Bedeutung, ihre Ziele und ihre Methode: mit besonderer Berücksichtigung ihres Verhältnisses zu den historischen Wissenschaften: Ein Leitfaden zu Einführung in die Volksforschung, / von Dr. Raimund Friedrich Kaindl, Prof. Greznowitz; mit 50 Abbildungen. Leipzig und Wien: F. Deuticke, 1903. XI, 140 S.

[79] См.: Krauss 1913: 22–23.

[80] Рукописи хранятся в архиве Ф.-С. Краусса в Научной библиотеке Калифорнийского университета (Лос-Анджелес).

[81] *Кульке*, Эдуард (Kulke, Eduard; 28.05.1831–20.03.1897) – писатель и музыкальный критик.

[82] Венский городской и земельный архив.

[83] *Хлебовицка*, Аннемари (Hlebowicka-Wutte, Annemarie; 1903–1978) – венская продавщица ([!] Verkäuferin).

[84] *Wesselofsky, A.* [Веселовский, Александр Николаевич; 1838–1906]. [Rezension]: «Sagen und Märchen der Südslaven von Dr. Friedrich Krauss. 1. Band... Lpz. 1883» / [A. Wesselofsky] // Archiv für slavische Philologie: [in 42 Bd.] / unter Mitwirkung von A. Brückner, A. Leskien, W. Nehring; hrsg. von V. Jagić. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1883. Bd. 7, Heft 2. S. 309–312 [примеч. В. Ягича – на с. 309; А.Н. Веселовский как автор рецензии Р.-Л. Бёртом не упомянут, а сама сноска 84 дана в такой форме: «Vatroslav Jagić in: Archiv für slawische Philologie VII, Berlin 1883, S. 309»].

[85] Krauss 1884/II: XVIII.

[86] Ibid.: X.

[87] Ibid.: XIX.

[88] См.: *Polivka, Jiri* (1858–1933). [Resension]: «Tausend Sagen und Märchen der Südslaven. Gesammelt und verdeutscht von Dr. Friedrich S. Krauß. Mit vielen Bildern. Bd. 1. Leipzig. (1914)» / G. Polivka // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1916. Bd. XXXVI. S. 564–569;

Jagić, Vatroslav (1838–1923). [Rezension]: «Sitte und Brauch der Südslaven... von Dr. Friedrich S. Krauss. Wien, 1885» // Archiv für slawische Philologie. Berlin, 1886. Bd. 8, Heft 4. S. 612–632.

[89] См.: *Jagić, Vatroslav* (1838–1923). [Rezension]: «Smailagić Meho. Pjesan naših muhammedovaca, zabilježio Dr. F.S. Krauss. U Dubrovniku 1886. XV. 192» / V.J. // Archiv für slawische Philologie. Berlin, 1887. Bd. 10, drittes und viertes Heft. S. 339–346.

[90] Ibid. S. 343.

[91] Ibid. S. 346.

[92] См.: *Haberlandt, Michael* (1860–1940). Bemerkungen zu einem Vortrag von Krauss // Mittheilungen der Anthropologischen Gesell-

schaft in Wien. Wien, 1887. Bd. XVII. S. 42; См. там же дискуссию на с. 67.

[93] См.: Krauss 1889a: 131.

[94] *Krauss, F.S.* Zur deutschen Volkskunde // Neue Bahnen: Zeitschrift für Kunst und öffentliches Leben. Wien, 1905. Bd. V, Heft 6. S. 135–137 (цитата на с. 135).

[95] Архив Ф.-С. Краусса. Коробка 6. Опись 1.

[96] «Das große Sammelwerk für bulgarische Volkskunde» in: Ethnologische Mittheilungen aus Ungarn IV. 1895. S. 63. [Приведенная в основном тексте цитата, как и само произведение, отсутствует в указанном томе.]

[97] См.: Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Wien, 1887. Bd. XVII. S. 66.

[98] *Краусс, Ф.-С.* Письмо [К.] Амире от 27.12.1891.

[99] См.: Krauss 1890: XI.

[100] См.: Zeitschrift des Vereins für Volkskunde [: Neue Folge der Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, / begründet von M. Lazarus und H. Steinthal; im Auftrage des Vereins hrsg. von Karl Weinhold. Berlin: Verlag von A. Asher & Co.,] 1893. Jahrg. 3, Heft 3. S. 348 [рецензия без подписи, 7 строк].

[101] *Kaindl, R.F.* Die Volkskunde... Leipzig, 1903. S. 128. См. выше примеч. 78.

[102] *Краусс, Ф.-С.* Открытка [О.] Шеллу от 5.07.1893.

[103] *Краусс, Ф.-С.* Письмо [О.] Шеллу от 31.07.1893.

[104] *Краусс, Ф.-С.* Письмо [О.] Шеллу от 5.08.1893.

[105] Krauss 1891: 54–55.

[106] *Krauss, F.S.* Vom serbischen Volkstum // Süddeutsche Monatshefte. München und Leipzig, September 1915. S. 986–991 (на с. 986).

[107] Ibid. S. 986.

[108] Ibid. S. 986–987.

[109] См.: *Krauss, F.S., Dragićević, Thomas.* Guslarenlieder aus Bosnien und dem Herzogsland // Am Ur-quell. Hamburg, 1890. Bd. I. S. 41.

[110] *Больте*, Иоханнес (Bolte, Johannes; 12.02.1858–25.07.1937) – берлинский фольклорист и германист.

[111] Архив Ф.-С. Краусса. Коробка 2. Опись 2.

[112] Там же. Опись 1. [См. также: Krauss 1883: I–XXXII.]

[113] См.: *Krauss, F.S.* Südslavische Volksüberlieferungen die sich auf den Geschlechtsverkehr beziehen. (Fortzetzung). / Gesammelt, verdeutscht und erläutert von Dr. Friedrich S. Krauss // 'ΑΝΘΡΩΠΟΦΥΤΕΙΑ. Leipzig, 1905. Bd. II. Abschnitt XXII: Vom Missbrauch des Afters von Männern und Frauen. S. 423 (№ 457: Poklisati se). [См. примеч. к № 423: «История о том, как пикировались два парня».]

[114] Архив Ф.-С. Краусса. Коробка 2. Опись 1.

[115] *Krauss, F.S.* Streifzüge im Reiche der Frauenschönheit... 2. Aufl. Berlin, 1924. S. XVIII.

[116] См.: *Rozenblit, Marsha L.* (1950–). The Jews of Vienna, 1867–1914: assimilation and identity / Marsha L. Rozenblit. Albany (N.Y.): State University of New York Press, [cop. 1983]. XVII. 284 p.: ill. (SUNY series in modern Jewish history).

[117] *Krauss, F.S.* [Rezension]: «Archiv für Rassen-und Gesellschaftbiologie einschließlich Rassen-und Gesellschafthygiene hrg. v. Dr. Alfred Ploetz usw. III, 4–6 (1906), IV, 1–3 (1907). Berlin, Verlag d. Achivesellschaft» / Krauss // 'ΑΝΘΡΩΠΟΦΥΤΕΙΑ. Leipzig, 1907. Bd. IV. S. 443.

[118] *Kind, Alfred.* Friedrich S. Krauss: Bio-Bibliographisches... 1908. S. 130. См. выше примеч. 9.

[119] Krauss 1891–1893: 30–31.

[120] *Krauss, F.S.* Isidore Loeb: [Nachruf] / F.S. Krauss // Am Ur-quell. Hamburg, 1892. Bd. III, Heft VIII. S. 233–234. [У Р.-Л. Бёрта неточно: II, 1891.]

[121] Alliance Israélite universelle. Fünfundzwanzigster Jahresbericht der Israelitischen Allianz zu Wien: Mit einem Rückblick auf die fünfundzwanzigjährige Wirksamkeit der Israelitischen Allianz 1873–1898. Wien, 8 Mai 1898.

[122] *Краусс, Ф.-С.* Письмо [Ф.] Лушану от 2.06.1907.

[123] См.: Freies Blatt: Organ zur Abwehr des Antisemitismus. Wien, 1892–1896. Jahrg. V (1896). № 196. S. 12.

[124] *Krauss, F.S.* [Примечание к песне:] Judendeutsches Wiegenlied aus Galizien / M. Wodak (Wien) // Der Urquell. Hamburg, 1897. Der neuen Folge. Bd. I. S. 242–243.

[125] См.: Alliance Israélite universelle. Sechsundzwanzigster Jahresbericht der Israelitischen Allianz zu Wien. Wien, 25 Mai 1899. S. 11.

[126] *Krauss, F.S.* Beiträge zur Geschichte der Volkskunde / Krauss // Der Urquell. Hamburg, 1897. Der neuen Folge. Bd.I. S. 284–285 (на с. 284).

[127] *Herzl, Theodor* (1860–1904). Theodor Herzls Tagebücher, 1895–1904: [in 3 Bd.]. Berlin: Jüdischer Verlag, 1922–1923. (Запись от 1.01.1901.)

[128] *Лушан*, Феликс фон (Luschan, Felix von; 1854–1924) – профессор антропологии и этнологии Берлинского университета; директор Музея фольклористики.

[129] *Краусс, Ф.-С.* Письмо [О.] Шеллу от 24.09.1903.

[130] *Krauss, F.S.* [Rezension]: «Archiv für Rassen-und Gesellschafts-Biologie, einschließlich Rassen-und Gesellschafts-Hygiene... hrsg. von Dr. A. Ploetz, Dr. A. Nordenholz... Berlin. II. B. 944, III. B. 468 S.» / Krauß // 'ΑΝΘΡΩΠΟΦΥΤΕΙΑ. Leipzig, 1906. Bd. III. S. 448.

[131] Krauss 1907–1911: 7.

[132] *Краусс, Ф.-С.* Письмо [О.] Шеллу от 30.07.1895.

[133] *Краусс, Ф.-С.* Письмо [Э.-В.-А.] Куну от 9.02.1903.

[134] Там же.

[135] *Краусс, Ф.-С.* Письмо [Э.-В.-А.] Куну от 23.09.1902.

[136] *Краусс, Ф.-С.* Письмо [Э.-В.-А.] Куну от 11.11.1902.

[137] *Krauss, F.S.* Eduard Kulke: ein Uranier // Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen: mit besonderer Berücksichtigung der Homosexualität / hrsg. Magnus Hirschfeld. Leipzig: M. Spohr, 1908. Bd. IX. S. 313–324 (на с. 319сл.).

[138] *Хиршфельд*, Магнус (Hirschfeld, Magnus; 14.05.1868–14.05.1935) – врач и сексолог, директор берлинского Института сексологии [, редактор «Журнала по сексуальным промежуточным состояниям» (Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen: mit besonderer Berücksichtigung der Homosexualität / Hrsg. Magnus Hirschfeld. Leipzig: M. Spohr [etc.], 1899 (Jan.) – 1921 (Apr.). Jahrg. [1]–XXI. 21 Bd.).]

[139] *Krauss, F.S.* Eduard Kulke: ein Uranier... Leipzig, 1908. S. 319f.

[140] Ibid. S. 316.

[141] Ibid. S. 317f.

[142] *Краусс, Ф.-С.* Письмо [Э.-В.-А.] Куну от 14.05.1903.

[143] *Бартельс*, Макс [, Maximilian Carl August] (Bartels, Max; 1843–1904) – берлинский врач и сексолог.

[144] *Питре*, Джузеппе (Pitré, Giuseppe; 21.12.1841–10.04.1916) – сицилийский врач и фольклорист.

[145] *Муни*, Джеймс (Mooney, James; 1861–1921) – этнолог; президент Вашингтонского антропологического общества.

[146] *Краусс, Ф.-С.* Письмо [Э.-В.-А.] Куну от 23.11.1903.

[147] См.: [*Weininger, Otto* (1880–1903). Geschlecht und Charakter: Eine prinzipielle untersuchung / von Dr. Otto Weininger. Wien und Leipzig: W. Braumuller, 1903. XXIII, 599 S.; *Idem.* 8 unver. Aufl. Wien, 1906. XXII, 608 S.; *Idem.* 10 unveränderte Aufl. Wien, 1908. XXII, 608 S.]. Переизд.: *Weininger, Otto.* Geschlecht und Charakter. München, 1985.

[Переводы на русский язык:

Вейнингер, Отто (1880–1903). Пол и характер.: Теоретическое исследование. / Отто Вейнингер.; с 8 немецкаго издания перевод А.Б.; Издание Ф.И. Булгакова. С.-Петербург: Типо-литография К.К. Стефановскаго, 1907. 204 с. Текст – в 2 столбца;

Он же. Пол и характер.: Теоретическое исследование. / Отто Вейнингер; перевод с немецкаго А.М. Белова. [М.]: Издание Т-ва И.Д. Сытина, [1909] (М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1909). XXVII, [1], 527, [1] с. Без добавления и ссылок. (Кн. лет. 1909. № 8 (21 февр.), № 3186);

Он же. Пол и характер: Теоретическое исследование / перевод с немецкаго В. Лихтенштадта.; под редакцией и с предисловием. А.Л. Волынскаго [с. XIII–XXV]. СПб.: Книгоиздательство «Посев», 1908 (СПб.: Типо-литография «Печатное искусство»). XXV, [1], 484 с.; То же. [2-е изд., с портр. автора]. 1909 (СПб.: «Т-во художественной

печати»). XXVI, 428, LXVI с., 1 л. портр.; То же. [3-е изд., с портр. автора]. 1910. XXVI, 428, XCI, [I] с., 1 л. портр.;

Он же. Пол и характер: принципиальное исследование / Отто Вейнингер; Полный перевод с 10-го нем. издания С. Пресса под редакцией б. Приват-доцента Киевскаго университета А. Грена. [2-е изд.]. Москва: Книгоиздательство «Сфинкс», 1909. [2], VIII, 420, [4] с. На с. 337–420: Добавления и ссылки; То же. Изд. 3-е, (11–15 тыс.) М.: Сфинкс, 1909 (М.: Тип. М.В. Балдин). [2], VIII, 420, [2], с.; То же. 4-е изд., (15–20 тыс.). 1910. [2], VIII, 420 с.; То же. 5-е изд. [с портретом автора / пер. с нем. С. Пресса]. М.: «Наука и жизнь», 1912 (М.: Тип. «Общественная польза»). [2], IX, [I], 420 с., 1 л. портр.; То же. 6-е изд. [с портретом автора / пер. с нем. С. Пресса]. СПб.: [Б. и.], 1914. [1], VII, 359, [1] с., 1 л. портр.

Он же. Пол и характер.: принципиально-теоретическое исследование / Отто Вейнингер; перевод с последняго немецкаго издания под редакцией д-ра медицины королевского университета в Галле Г. Намиота. [СПб.: Книгоизд-во «Сотрудник», 1911?]. VIII, 296 с., 1 л. портр. (В обл.). На с. 293–296: Добавления и ссылки; То же. [Новое издание, с портретом автора]. СПб.: Книгоиздательство «Сотрудник», [1912]. VIII, 312 с., 1 л. портр. Дата изд. – на обл. (Кн. лет. 1912. № 5 (4 февр.), № 3185).]

[*Andreas-Salomé, Frau Lou* (1861–1937). Die Erotik / von Lou Andreas-Salomé. Frankfurt am Main: Literarische Anstalt Rütten & Loening, [1910]. 69 S. (Die Gesellschaft: Sammlung sozialpsychologischer Monographien...; Bd. 33)]. Переизд.: *Andreas-Salomé, Lou.* Die Erotik: Vier Aufsätze. Frankfurt, 1985;

[*Blei, Franz* (1871–1942). Porträts / hrsg. von Anne Gabrisch. (Lizenzausg.) Wien; Köln; Graz: Böhlau, 1987. 632 S. (Österreichische Bibliothek; 6)];

[*Möbius, Paul Julius August* (1853–1907). Ueber den physiologischen Schwachsinn des Weibes / von Dr. P.J. Möbius... Halle a. d. S.: C. Marhold, 1900. 26 S.; *Idem.* 7. veränd. Aufl. Halle a. d. S.: C. Marhold, 1905. 140 S.; *Idem.* 9 verm. Auflage / mit einem nachruf [von Dr. O. Feis]; und dem bildnis des Verfassers... Halle a. d. S.: C. Marhold, 1908. XI, [I], 170 S., 1 Bl. Portr. Переизд.: *Möbius, P.J.* Über den physiologischen Schwachsinn des Weibes / P.J. Möbius. Statt. e. Komm.: Die Freundinnen: e. Szene / von Lemercier de Neuville sowie drei Gedichte / von Helmut Maria Soik.-Faks. – Dr. d. 8., veränd. Aufl., Halle 1905. – München: Matthers und Seitz, 1977. 252 S.: Ill. (Kultur-Kuriosa; 3).

Перевод на русский язык: *Мёбиус, Пауль Юлиус Аугуст* (1853–1907). Физиологическое слабоумие женщины: [с портрет<ом> автора] / [соч.] Доктора П. Мёбіуса; [полный пер. с 9-го нем. изд. С. Пресс]. Москва: Книгоиздательство «Сфинксъ», 1909 (Тип. торгового дома М.В. Балдин и К°.). 187, [5] с., 1 л. портр. (В обл.).

На с. 7–9: Памяти доктора П.И. Мёбіуса / О. Фейс. Имя переводчика указано в конце, на с. [3], в рекламе изд-ва].

[148] [*Krauss, F.S.* Eine Einladung [zur Sammlung von Kryptadia] / K. [pseud.] // Der Urquell. Hamburg, 1897. Der neuen Folge. Bd. I. S. 256]; Der Urquell. Hamburg, 1898. Bd. II. S. 253.

[149] См.: *Krauss, F.S.* Ein Vorrecht der Volkskunde: Ein Bericht // Der Urquell. Hamburg, 1898. Bd. II. S. 233–239 (на с. 233).

[150] «Данный термин был введен Блохом». [См.: *Bloch, Iwan* (1872–1922). Vorrege: (zugleich Einleitung zum Handbuch der gesamten Sexualwissenschaft in Einzeldarstellungen) // Bloch, Iwan. Die Prostitution: [in 2 Bd.] / Von Dr. med. Iwan Bloch, Spizialarzt für Sexualleiden in Berlin-Charlottenburg. Verfasser von «Das Sexualleben unserer Zeit», «Ursprung der Siphilis» etc., etc. Mit einem Namen-, Lände-, Orts- und Sachregister. Berlin (SW. 61): Louis Marcus Verlagsbuchhandlung, 1912. Erster Band. Erster bis zehntes Tausend. XXXVI, 870, [2]. S. (на с. V–XXII, упоминание на с. V). (Handbuch der Gesamten Sexualwissenschaft in Einzeldarstellungen: [in 3 Bd.] / Herausgeber: Dr. med. Iwan Bloch; Bd. I: Die Prostitution I).

[Перевод на русский язык: *Блох, Иван* (1872–1922). Предисловие (одновременно и вступление к руководству по сексуологии). // Блох, Иван. История проституции / д-ра мед. I. Bloch'a.; Авторизированный перевод с немецкаго врача П.И. Лурье-Гиберман.; С алфавитным указателем. С.-Петербург: Издание К.Л. Риккера, Невский просп., 14, 1913. XXVIII, 683, [1] с. (На с. III–XVI; на с. III: «Определение и название обширной "*науки о половой жизни*", или *сексуологии* (Sexualwissenschaft), установлено и введено мною в 1906 г.»). Впервые этот термин И. Блох употребил 18 ноября 1906 г. в предисловии к изд.: *Bloch, Iwan.* Das Sexualleben unserer Zeit in seinen Beziehungen zur modernen Kultur... Berlin, 1907. S. I–VIII. В рус. изданиях 1909–1912 гг. этого произведения И. Блоха термин «Sexualwissenschaft» переводился как «наука о поле», «наука о половой жизни» (см. ниже примеч. 151). Еще до переводчика П.И. Лурье-Гибермана термин «сексология» ввел в русскоязычный научный оборот М.А. Членов в изд.: *Членов, Михаил Александрович* (1871–?). Половая перепись Московского студенчества и ея общественное значение. / М.А. Членов. Приват-Доцент Московскаго Императорскаго Университета. Москва: Издание студенческой медицинской издательской комиссии, 1909 (М.: Т-во скоропеч. А.Л. Левенсон). 104 с.; 24 × 16 см. В предисловии (с. 6) дата: 25 сент. 1908 г. (На с. 7–8: «...в научном сознании начинает всё более и более откристаллизовываться мысль о необходимости создания новой научной дисциплины – сексологии (Sexologie), т. е. науки о половой жизни, выражением которой является, между прочим, прекрасный еже-

месячный журнал: «Zeitschrift für Sexualwissenschaft», издаваемый известным специалистом по этому вопросу M. Hirschfeld'ом».)]

[151] См.: *Bloch, Iwan* (1872–1922). Das Sexualleben unserer Zeit in seinen Beziehungen zur modernen Kultur / von Dr. med. Iwan Bloch. 1.–5. Tausend. Berlin: L. Marcus, 1907. VIII, 822 S.; *Idem*. 41.–60. Tausend. 7. bis 9., um einem Anhang verm. Stereotyp-Aufl. Berlin: L. Marcus, 1909. XII, 850, XIX S.

[Переводы на русский язык:

Блох, Иван (1872–1922). Половая жизнь нашего времени и ея отношение к современной культуре. / Д-р мед. Иван Блох.; Перевод с шестого немецкаго издания Е. Гордон и Г. Вулиха.; под редакцией М. Бройдо. С.-Петербург: Типография товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39, 1909 [т. е. дек. 1908]. [4], 624 с.; 26 × 17 см. Вышла в свет в конце 1908 г. (см.: Кн. летопись. 1908. № 50 (30 дек.). № 23140. Тир. 3000 экз.);

Он же. Половая Жизнь нашего времени и ея отношение к современной культуре / Д-р мед. Иван Блох.; Перевод с шестого немецкаго издания. Е. Гордон и Г. Вулиха.; Под редакцией М. Бройдо. Издание второе. С.-Петербург: Типография товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39, 1911. [4], 624 с. Текст по набору изд. 1909 г., с новым тит. листом (см.: Кн. лет. 1911. № 14 (8 апр.). № 8468. Тир. 1500 экз.);

Он же. Половая жизнь нашего времени и ея отношения к современной культуре. / Д-р мед. Иван Блох.; Перевод с 4–6 немецкаго издания Н.А. Алексеева. С.-Петербург: [Изд-во и склад «Спб. Книжное дело»]: «Пушкинская Скоропечатня», Сайкин пер., 10, 1909. VII, [1] с., 752 стб.; 27 × 18 см. Издание вышло в 4-х отд. выпусках, в обложках. Вып. 1. 192 стб.; Вып. 2. Стб. 193–384; Вып. 3. Стб. 385–570; Вып. 4. Стб. 571–752, С. I–VII, [I] (см.: Кн. лет. 1909. № 1 (4 янв.). № 11; № 9 (28 февр.). № 3748; № 31 (8 авг.). № 15164; № 29 (25 июля). № 13693. Тир. по 3000 экз.). На с. 1 обложек: Д-р мед. И. Блох. Половая жизнь нашего времени. СПб. 1909; на с. 4 обложек указаны изд-во и тип., исключая переводчика. В конце вып. 4 прилагался вышеприведенный тит. лист и несколько предисловий, которые вклеивались подписчиками и издательством в начало вып. 1, затем все выпуски брошюровались (обложки при этом выбрасывались). В Главное управление по делам печати издание с вышеприведенным тит. листом не поступало и в «Книжной летописи» не отмечено;

Он же. Половая жизнь нашего времени и ея отношение к современной культуре / Iwan Bloch.; Перевод с 6-го [нем.] издания. Врача П.И. Лурье-Гиберман. С.-Петербург: Издание журнала «Современная Медицина и Гигиена», Литейный просп. № 33, 1910 (СПб.: Т-во

художественной печати). [2], 670, II с.; 24,5 × 15,5 см. Текст по набору журнала «Современная медицина и гигиена». СПб., 1909. № 1–21/22. Отмечена в: Кн. лет. 1910. № 6 (13 февр.). № 3300. Тир. 500 экз. Первоначально: Современная половая жизнь в связи с культурой / Д-р I. Bloch; Перев. с 6-го изд. д-ра П.И. Лурье-Гиберман // Современная медицина и гигиена,: журнал, выходящий дважды в месяц, / издаваемый под ред. проф. патологии и клиники внутр. болезней М.И. Афанасьева. С.-Петербург: Контора редакции журнала, 1909. Год XIV, № 1. С. 1–32. Предисловия. Гл. I–II. (паг. 3-я)... № 21/22. С. 593–670, II, [2]. Гл. XXXIII (паг. 1-я). В конце № 21/22 прилагался вышеприведенный тит. лист (с. [1–2]). Описано по обложкам журнала.]

[152] *Krauss, F.S.* Vorwort // 'ΑΝΘΡΩΠΟΦΥΤΕΙΑ. Leipzig, 1904. Bd. I. S. VII.

[153] Ibid. S. X.

[154] См. в «Библиографическом списке...»: Wiener Psychoanalytischen Vereinigung. Protokolle der... 1977–1981. Bd. II–IV. [Страница цитирования Р.-Л. Бёртом не указана.]

[155] Krauss [1931]: VII.

[156] Zeitschrift für die österreichischen Gymnasien (1881). Цит. по изд.: *Kann, Robert Adolf* (1906–1981) [Herausgeber]. Theodor Gomperz: ein Gelehrtenleben im Bürgertum der Franz-Josefs-Zeit: Ausw. seiner Briefe u. Aufzeichnungen, 1869–1912 / erl. u. zu einer Darstellung seines Lebens verknüpft v. Heinrich Gomperz; neubearb. u. hrsg. v. Robert A<dolf> Kann. Wien; Verl. d. Österr. Akad. d. Wiss., 1974. S. 117. (556 S., [13] Bl. Ill.)

[157] *Brunner, Julius C.* Rechtsprechung und Kunst: Ein Protest gegen die Zensur. München: Buchdr. u. Verl.-Anst. G. Birk & Co., 1914. 58 S., 12 Taf.;

Sittengeschichte des Geheimen und Verbotenen: Eine Darstellung der Geheimen und verborgen Gehaltenen Leidenschaften der Menschheit: Die Einstellung der Staatsgewalt zum Geschlechtsleben der Gesellschaft: mit zirka 200 Ein-und mehrfarbigen Illustrationen und Kunstbeilagen. Wien/Leipzig: Verlag für Kulturforschung, [cop. 1930]. 335, [1] S.: Ill.; [30] Bl. Ill. (Sittengeschichte der Kulturwelt und ihrer Entwickung in Einzeldarstellungen: [in 10 Bd.] / Herausgegeben von Leo Schidrowitz; unter Mitar. beit von Max Bauer, Eberhard Buchner [и др., всего 20 имен]; [Bd. 9]). [В сборнике 7 статей, у каждой – свой автор.]

[158] *Krauss, F.S.* Vorwort // 'ΑΝΘΡΩΠΟΦΥΤΕΙΑ. Leipzig, 1904. Bd. I. S. XV.

[159] [*Moll, Albert* (1862–1939) [Hrsg.] Handbuch der Sexualwissenschaften: [in 2 Bd.]: mit besonderer Berücksichtigung der kulturgeschichtlichen Beziehungen / unter Mitwirkung von... G. Buschan, S. Jess-

ner, Max Marcuse, Walter Schönfeld, R. Weissenberg, K. Zieler [u. a.]; hrsg. von Dr. Albert Moll... 3-te neubearb. Auflage, mit 520 Abb. und 10 Taf. [in Bd. 1–2]. Leipzig: Verlag von F.C.W. Vogel, 1926. Bd. I. XXVIII, 735, [1] S.: 422. Ill., IX Taf. (цитата на с. 688–689).]

[160] Krauss 1914: XXII.

[161] Krauss 1913: 52.

[162] In: Anthropophytheia V, 1908, S. 440. [В указанном Р.-Л. Бёртом издании нет S. 440 (Bd. V. [2], 413, [9] S., [5] Bl. Ill.).]

[163] *Rode, Walter* (1876–1934). Erotische Literatur: 2 Vertéidigungsreden. Wien: Buchh. L. Rosner & C.W. Stern, 1912. 28 S. (на с. 18).

[164] *Stekel, Wilhelm* (1868–1940) // Zentralblatt für Psychoanalyse. Medizinische Monatsschrift für Seelenkunde: Organ. d. internat. psychoanalyt. Vereinigg / Hrsg.: Sigmund Freud; Schriftl.: Wilhelm Stekel; unter Mitw. von Karl Abraham, R. G. Assagioli, Ludwig Binswanger [u. a.]. Wiesbaden: J.F. Bergmann, 1912. Jg. II. S. 52. [Полное название рецензии см. в примеч. 146 к статье М. Мартишнига.]

[165] [*Freud, Sigmund* (1856–1939). Geleiwort / von Prof. Dr. Sigm. Freud // Bourke 1913. S. V–VI (на с. VI). Страница цитирования Р.-Л. Бёртом не указана.]

[166] «К сожалению, должен признать, что некоторые авторы имеют очень низкую квалификацию в науке, и лично к Крауссу есть серьезные претензии» (из письма [К.] Абрахама к [З.] Фрейду от 26.06.1913. Опубл. в изд.: *Freud, Sigmund* [und] *Abraham, Karl*. Briefe, 1907–1926: Sigmund Freud – Karl Abraham. / [Hrsg. von Hilda C<lara> Abraham und Ernst L. Freud]. [Frankfurt a. M.]: S. Fischer, [1965]. 371 S. (на с. 141)).

[167] См.: *Reichmayr, Johannes*. Die «Sache» in Kriegswirren: Psychoanalyse 1914–1918 // Zur Geschichte der Psychoanalyse / Hrsg. Karl Fallend und Werner Keinrich. Salzburg, 1986. S. 20.

[168] Krauss 1913: 48–49.

[169] *Бибер*, Фридрих Юлиус (Bieber, Friedrich Julius; 1873–1924) – венский этнолог.

[170] *Амраин*, Карл (Amrain, Karl; [1877–1925]) – страсбургский юрист, сотрудник «Антропофитеи».

[171] Krauss 1913: 5–6.

[172] *Андре*, Рихард (Andree, Richard; 1835–1912) – географ и этнолог; редактор журнала «Глобус» («Globus»).

[173] Двадцать второго апреля 1892 г. Краусс послал Отто Шеллу «Изображение Христа» и, в отличие от своих более поздних высказываний, выразил определенную гордость своим сходством:

«Ответным подарком прилагаю свою фотографию, которая может быть Вам интересна, потому что в Зальцбурге она продается и покупается как икона. Мне часто бывает очень неловко от

моего сходства с типовыми изображениями лика Христа, ибо стóит мне где-нибудь появиться, как многие таращат на меня глаза и подолгу рассматривают».

[174] Krauss 1913: 22.

[175] Ibid. S. 36.

[176] Ibid. S. 52–53.

[177] Ibid. S. 40.

[178] Krauss 1914: XXIII.

[179] Krauss 1913: 47.

[180] См.: *Krauss, F.S.* Vom serbischen Volkstum // Süddeutsche Monatshefte. München und Leipzig, September 1915. Heft XII. S. 986.

[181] См.: Neue Freie Presse. Wien, 1911. 4 Dez. S. 7; 1911. 6 Dez. S. 12.

[182] Архив Ф.-С. Краусса. Коробка 3. Опись 1. С. XV.

[183] Из архива Бюро американской этнологии (Bureau of American Ethnology) Смитсоновского института.

[184] Архив Ф.-С. Краусса. Коробка 2. Опись 1.

[185] Там же. С. 10.

[186] *Dietrichstein, Egon.* Ein Pornograph // Dietrichstein, Egon. Die Berühmten. Wien: Wiener Literarische Anstalt, 1920. S. 128–132 (на с. 129 сл.). (239 S.)

[187] *Krauss, F.S.* Südslavische Kriegsbräuche // Hirschfeld, Magnus (1865–1935), Herausgeber. Sittengeschichte des Weltkrieges: [in 2 Bd.] / herausgegeben von Sanitätsrat Dr. Magnus Hirschfeld, Leiter der Institutes für Sexualwissenschaft in Berlin; bearbeitet von Dr. Andreas Caspar; mit Beiträgen von Dr. Paul Englisch (Berlin), Prof. Dr. Friedrich S. Krauss (Wien), Prof. Dr. Eduard von Liszt (Wien) [u. a. – всего 10 имен]. Leipzig; Wien: Verlag für Sexualwissenschaft Schneider & Co., [cop. 1930] (Wien: Druck Josep Gerstmayer). Bd. 2. [4], 445, [3] S.: [450] Ill., [24] farb. Taf. [Статья Ф.-С. Краусса – на с. 274–286, указанные цитаты – на с. 274 и 276. На с. 277 воспроизведены 20 строк сербской песни (и ее параллельный перевод на нем. язык) с обсценной лексикой; приводим начальные строки: «Knjigu piše pica runjavica, | Te je šaljen kurcu gologlavcu, | Da joj dogje na megdan junački! | Kad je kuro knjigy proučio, | Po njojzi je suze proljevao» «Письмо пишет пизда лохматая, | А ей – шутливый хуек гологлавый, | Чтобы выйти ей на поединок молодецкий! | Когда хуй письмо-то заучил, | Слезы по ней проливал»). У Р.-Л. Бёрта опечатка: вместо с. 274 и 276 стоит 286].

[188] *Dietrichstein, Egon.* Op. cit. S. 129f.

[189] Из мюнхенской муниципальной библиотеки.

[190] *Eppel, Peter.* «Concordia soll ihr Name sein...»: 125 Jahre Journalisten-u. Schriftstellerverein «Concordia»: Eine Dokumentation zur Presse-u. Zeitgeshcichte Österreichs: [mit Abb.]. Wien; Köln; Graz: Böhlau, 1984. 418 S. (на с. 171).

[191] Из архива Ф.-С. Краусса.

[192] См.: Die Frauenfrage in Deutschland: 1865–1915: Texte und Dokumente / hrsg. Elke Frederiksen. Stuttgart: Reclam, 1981. 502 S. (Universal-Bibliothek; № 7737).

[193] См.: *Dijkstra, Bram* (1938–). Idols of Perversity: fantasies of feminine evil in fin-de-siècle culture / Bram Dijkstra. New York; Oxford: Oxford University, 1986. XI, 453 p.: ill.

[194] См.: *Le Rider, Jacques.* Der Fall Otto Weininger: Wurzeln des Antifeminismus und Antisemitismus / Jacques Le Rider; mit d. Erstveröff. d. Rede auf Otto Weininger von Heimito von Doderer; [übers. aus d. Franz. u. Bearb.: Dieter Hornig]. Überarb. u. erw. dt. Ausg. Wien; München: Löcker, 1985. 292 S.

[195] *Krauss, F.S.* [Rezension]: «Hirth, Georg: Wege zur Liebe. Idealisierung der Sinne und erbliche Entlastung. Philosophie der Gesundheit-Religion der Menschlichkeit. München 1906. Verlag der "Jugend". XV, 655 S. gr. 8°» / Krauss // ΑΝΘΡΩΠΟΦΥΤΕΙΑ. Leipzig, 1907. Bd. IV. S. 441. [Р.-Л. Бёртом источник цитирования указан неточно.]

[196] Из рукописного посвящения к изд.: [*Krauss, F.S.*, Verfasser.]. Die Zeugung in Sitte, Brauch und Glauben der Südslaven. [I Teil: Lieder // ΚΡΥΠΤΑΔΙΑ. 1899–1902. Vol. VI–VIII], хранящемуся в библиотеке Этнографического музея замка Киттзее (Kittsee) (Бургенланд).

[197] Архив Ф.-С. Краусса. Коробка 6. Опись 1.

[198] Там же.

[199] Там же.

[200] *Dietrichstein, Egon.* Op. cit. S. 129–132.

[201] *Schmidt, Leopold* (1912–1981). Geschichte der österreichischen Volkskunde. Wien: Österreichischer Bundesverlag, [1951]. 205 S. (на с. 123). (Buchreihe der Österreichischen Zeitschrift für Volkskunde. N. Ser.; Bd. 2).

[202] См.: *Dundes, Alan.* Parsing through customs: essays by a Freudian folklorist / Alan Dundes. Madison (Wis.): University of Wisconsin Press, 1987. XVI, 216 p.; Oedipus: a folklore casebook / [edited by] Lowell Edmunds, Alan Dundes. N.Y.; London: Garland, [1983]. XV, 266 p. (Garland folklore casebooks; v. 4).

[203] См.: *Daxelmüller, Christoph.* Wiener jüdische Volkskunde // Österreichische Zeitschrift für Volkskunde. Wien, 1987. Bd. XLI/90. S. 209–230.

*Михаэль Мартишниг**

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ[1] ФРИДРИХА САЛОМО КРАУССА (САЛОМОНА ФРИДРИХА КРАУСА)**

Дополнение[2]

Утверждая в «Теории цивилизационных процессов», что по мере совершенствования норм поведения, ко времени позднего Средневековья «осуждаемые [социальные] явления оказались сокрыты за кулисами общественной жизни»[3], Норберт Элиас ссылался на ситуацию с исполнением повседневных обязанностей, таких как «ведение домашнего хозяйства, воспитание детей, прием пищи, умывание, сон, любовные ласки и сексуальные отношения», а равно и на «наказание преступников, уход за больными, заботы об умирающих, погребение усопших»[4], и доказал, что произошло отделение государственных и общественных отношений от преувеличенно аффектированных, обозначаемых как «интимные», сфер, чьи – ставшие осуждаемыми – внутренние процессы должны были оставаться сокрытыми. Ввиду регистрируемого в последнее время нерешительного пока «раскрытия кулис» и усиливающегося осознания необходимости изучения затемненных сторон таких вытесненных сфер обнаруживается историческое измерение, которое может оказаться поучительным и ценным, – правда, не столько в плане исторического интереса, сколько (и тем

---

* Мартишниг, Михаэль (род. 1947, Вена) – дипломированный инженер, с 1976 г. сотрудник Института современной фольклористики (Institut für Gegenwartsvolkskunde) Австрийской академии наук; автор многочисленных публикаций, прежде всего на зальцбургские и бургенландские темы, а также о социальном поведении и татуировке.

** При ссылках на немецкий оригинал этой статьи будем пользоваться сокращением «Martischnig 1990», на русский перевод – «Мартишниг».

подчеркивается его актуальность) в связи с потаенным желанием подойти к решению современных проблем при помощи анализа механизмов преодоления прошлого.

В отношении Фридриха Саломо Краусса, пятидесятилетие со дня смерти которого приходится на 29 мая 1988 года, вытеснение кажется почти удавшимся:[5] поскольку он был евреем[6], его жизненный путь в связи с антисемитскими тенденциями замалчивался и теперь реконструируется с большим трудом, его научные труды были частично конфискованы по решению суда и отвергались профессиональными оппонентами, его архив исчез и только в 1980 году был обнаружен в 14 старых коробках с неопубликованными рукописями в библиотеке Калифорнийского университета Лос-Анджелеса[7]. Однако замалчивание идет вразрез с объемом, обилием тем и значением научных достижений нашего героя, накопленным им эмпирическим материалом и необозримостью опубликованного. Замалчивание формально равнозначно табуированию: будучи независимым ученым, к чему его вынудили характер и бескомпромиссность академических крутов (попытки получить место доцента в Венском университете или хотя бы возможность читать там курс лекций неизменно оказывались тщетными), он посвятил себя изучению эротики и сексуальности народных низов, способствовал эмансипационным устремлениям женщин и являлся пионером эротической фольклористики повседневности (erotischen Volkskunde des Alltags), подпадая тем самым под общественную цензуру, а как активный член Немецкой прогрессивной партии (Deutschen Fortschrittspartei) — и под цензуру политическую.

«В заслугу ему можно поставить свободную от предрассудков манеру держать себя, тем более в то время, когда эротолог еще мог с легкостью получить репутацию эротомана. Благодаря этому Краусса наряду с такими учеными, как Блюмль (Blümml), Гугиц (Gugitz), Пахингер (Pachinger), Штерн (Штерн-Сана) (Stern, Stern-Szana), а также Вессельски (Wesselski), Говорка (Hovorka) и Кронфельд (Kronfeld), следует причислить к ведущим представителям австрийской школы этнографии и фольклористики, основавшим две новые научные дисциплины — историю нравов и сексологию (ethnographisch-folkloristisch begründeten Sittengeschichte und Sexualwissenschaft). В отличие от пришедших из медицины, неврологии или психиатрии Фрейда и Крафт-Эбинга (Krafft-Ebing), с которыми он был знаком и поддерживал многочисленные контакты, Краусс стремился дополнить круг проблем избранной им области исследований материалами и методиками гуманитарных и культурологических наук, что ставит его в один ряд с такими равными

ему по значению и влиянию исследователями, как Герман Генрих Плосс, Иван Блох (Эжен Дюрен) (Iwan Bloch (Eugen Dühren))*, Магнус Хиршфельд или Паоло Мантегацца (Paolo Mantegazza)»[8].

Считающаяся его главным трудом десятитомная «Антропофитея» — «Ежегодники фольклористических сведений и исследований по истории развития половой морали»**, «заслуживает со стороны сексологии значительно большего внимания, нежели ей уделяется ныне»;[9] к сожалению, она — вкупе с девятью***,[10] дополнительными «Приложениями для изучения антропофитеи» («Beiwerke zum Studium der Anthropophyteia») и четырьмя[11] «Историческими первоисточниками для изучения антропофитеи» («Historische Quellenschriften zum Studium der Anthropophyteia») — как в Вене, так и Лейпциге, местах их создания и издания, либо отвергалась, либо не раскупалась, да и доступ к ней пока еще весьма затруднен[12] как в Венской городской и земельной библиотеке, библиотеке Венского университета, Австрийской национальной библиотеке, так и в отделении специальной научной литературы «Эротикон» («Erotikon») Немецкого книгохранилища в Лейпциге (Abteilung für spezielle Forschungsliteratur in der Deutschen Bücherei Leipzig als «Erotikon»). С тех пор как в Берлине и других городах Краусса осудили как распространителя порнографических сочинений, рассчитывая финансово уничтожить, ярлык «порнограф» накрепко пристал к нему. Хотя ученый был высоко ценим Зигмундом Фрейдом, приглашался им к сотрудничеству и был избран почетным членом Психоаналитического общества, влияние нашего героя на психоанализ оказалось весьма незначительным, ограничившись рамками его научно-исторических разработок. Собственные наблюдения Краусса во время поездки 1884—1885 годов в Боснию и Герцеговину до сих пор ценятся за абсолютно новый подход к эмпирическим культурологическим исследованиям; в этнопсихоанализе его способ документирования и интерпретации явлений народной культуры признан новаторским[13]. До недавних времен он оставался неоспоримым специалистом[14] и осыпался почестями только вне институционализированных научных дисциплин. Иначе его просто забыли бы[15].

Фридрих Саломо Краусс, или Саломон Фридрих[16] Краус (Salomon Friedrich Kraus)[17], каково было его изначальное имя, оставил

---

* Немецкий ученый Иван Блох публиковал свои сочинения также под французским псевдонимом: Eugen Duhren.

** См. описание всех томов в заметке «От составителя» наст. изд.

*** В немецком оригинале неточно: «десять» («zehn»). См. описание в «Библиографическом списке» на: Beiwerke.

по меньшей мере двух дочерей[18], одну из которых звали Амалия[19]. Наш герой был младшим сыном вступившей уже в преклонный возраст четы Вильгельма Вольфганга Крауса[20] и Эрнестины-Евы, урожденной Херцог. Фридрих Саломо родился в пятницу[21] 7[22] октября 1859 года в Пожеге[23]-на-Орляве (Požega an der Orljava), Славония. На восьмой день от роду, 14 октября, он, по еврейскому обычаю, был обрезан Пинкасом Зингером (Pinkas Singer); кватером* (Pate) был Мукки Штернберг (Mucki Sternberg)[24]. Отец будущего ученого происходил из немецких евреев, старейшим выявленным предком его рода считается еврейский поэт Меир фон Ротенбург (Meir von Rothenburg a. d. T.; 1220–1305)[25]. Вильгельм был выходцем из г. Боньхада[26], Венгрия, но по финансовым причинам перебрался в Но́ва-Гра́дишку (Neugradiška), где занимался сначала торговлей, а потом – приусадебным хозяйством, хотя, по словам сына, был прирожденным ученым. Во «Всеобщей еврейской газете» («Allgemeine Zeitung des Judentums») он публиковал статьи о еврейском народе, был, судя по всему, весьма начитан в еврейской и немецкой литературе, владел пятью языками. Его влияние[27] на славянские публикации сына, несомненно, было довольно значительным; с 1885 года и до самой своей смерти в 1890 году он просматривал статьи Фридриха перед сдачей в печать. Увы! отец уничтожал рукописи, если не считал возможным их одобрить[28]. Мать, одна из восьмерых детей домашней хозяйки и необразованного простолюдина, навыками чтения и письма не владевшая[29], с детства пробудила в сыне интерес к народной культуре; ее влияние сказывалось во многих случаях[30].

Прежде чем приступить в зимний семестр 1877/78 года к изучению в Вене классической филологии и истории и начать подписываться «Фридрих (С.) Краусс»[31], наш герой уже получил обрывочные знания во францисканском монастыре[32] Пожеги, при котором существовала народная школа, где он страдал от учителя-садиста и «уже восьмилетним ребенком стал догадываться о связи жестокости и сладострастия»[33]. Позднее[34] ученый с благодарностью вспоминал только об учителе языков Маттеусе Гршковиче (Matthäus Grškovič) и бывшем капитане Викторе (фон) Гаши (Viktor (von) Gashy), преподававшем математику, латынь и французский язык. С ранних лет Фридрих был первым учеником в классе, за что получил прозвище Сулейман[35]. После восьми лет обучения, 26 июля

---

* Кватер – так немецкие евреи называют восприемника ребенка при обряде обрезания; правоверные евреи называют это лицо «сандак»; в тексте использовано немецкое слово «Pate», означающее «крестный отец». – *Примеч. пер.*

1877 года[36] он с отличием окончил мужскую (полную) гимназию в Пожеге, но это время, как и позднее всё свое университетское обучение, считал скорее отягощением памяти, нежели обретением знаний[37].

В пору школярства одно событие стало решающим для всей его последующей жизни:[38] в пятом классе все учившиеся вместе с ним гимназисты заразились венерической болезнью, после чего он, невольно движимый сифилисофобией, всерьез увлекся вопросами эротики и сексуальности (простого) народа.

Как Краусс без стипендии и без обращения за денежной помощью (согласно анкетным данным, начиная с зимнего семестра 1877/78 года и до окончания зимнего семестра 1880/81 года он был освобожден от уплаты налога за обучение)[39] находил в Вене средства для оплаты своей учебы[40] в 1877–1882 годах, аренды квартиры и питания, выяснить уже не удастся, но можно предположить, что он давал частные уроки, занимался переводами, а порой и исполнял обязанности синхронного переводчика, что позволяло держаться на плаву «при (моих) весьма ограниченных потребностях»[41]. Ему удавалось получать деньги то как новичку студенческой корпорации «Германия», то как члену «хорватского студенческого союза "Велебит"», то как гостю сербского студенческого союза «Зора» и т. д.[42]. Помогали и ссуды от благодетелей, таких как Максимилиан Нойда (Maximilian Neuda) и Эмиль Скариа (Emil Scaria)[43], так что «покровителям (своей) учебы» он посвятил первую печатную публикацию, которую издал в 1881 году еще будучи студентом. Это был перевод «Символики снов» Артемидора из Далдиса[44]. Хотя впоследствии эту работу Краусса называли «своего рода предшественницей Фрейда»[45], при появлении она вызвала много возмущения. Текст Артемидора вышел с цензурными сокращениями, так что Зигмунд Фрейд в первом издании своего вышедшего в последний год столетия «Толкования сновидений» («Traumdeutung») заметил:

«Мне казалось смешным нравственное негодование, которым руководился, по-видимому, переводчик "Символики сновидений" Артемидора из Далдиса, когда выпустил главу о сексуальных сновидениях»*, [46].

---

* В наст. изд. цитата З. Фрейда воспроизводится по изд.: *Фрейд, Зигмунд.* Толкование сновидений. / Проф. Зигмунд Фрейд.; Перевод с третьяго дополненнаго немецкаго издания М.К. Москва: К-во «Современныя проблемы», 1913 («Московское Печатное Произв.» Д. Венгерова и К°. Мясницкая, 20). [2], 448, VII, [1] с.; 23,5 × 15,5 см. Цитаты – в примечании на с. 437. В этом же примечании, в квадратных скобках, – до-

Одновременно Фрейд откровенно написал, «что недостаточно исчерпывающе выяснил роль сексуальных представлений в сновидении и избегал толкования сновидений с явно сексуальным содержанием» ввиду осознания того факта, «что при рассмотрении сексуальных сновидений <...> пришлось бы углубиться в далеко не решенные еще проблемы половых извращений и бисексуальности»[47]. В ответ на это Краусс объяснил, что же на самом деле произошло:

«Из рукописи издатель изъял все чересчур эротичные сны, поскольку, мол, подобные свинства в *его* издательстве появиться не могут (у него публикуются только широко известные "добродетельные сочинения", например полное собрание романов Поля де Кока*), и он вынудил меня, начинающего, горевшего желанием опубликовать свое первое произведение на любых условиях, вписать лживые, ханжеские извинения ради оправдания купюр. Я столь же мало понимал щепетильность тогда, как и сейчас, и теперь намерен в томе IX нашей "Антропофитеи" восстановить все вычеркнутые места, имеющие ценность для психоаналитика. Едва ли я испытывал особую боль из-за калечения моей работы, слыша, как мои профессора-филологи осыпают меня насмешками, издевками, презрением и прочим за выбор такого автора. Мне опротивели не только они сами, но и вся классическая филология, слишком многие представители которой трудились в Венском университете. Годами я не мог избавиться от издевательской клички Толкователь Снов, пока наконец после книги Фрейда "Толкование сновидений" имя и моего Артемидора опять вошло в моду»[48].

И хотя наш герой еще не получил известность, его финансовое положение настолько улучшилось, что уже в 1882 году он смог снять отдельную квартиру: в 1882 году он жил в VII районе Вены, на Циглергассе (Zieglergasse), 2; в 1883–1884 годах – в том же районе, на Зигмундсгассе (Sigmundsgasse), 13; а в 1885–1886 годах, на протяжении двух лет, – в том же районе, на Хофшталлыгассе (Hofstallgasse), 5; между 10 апреля и 3 мая 1887 года он наконец переехал в толь-

---

полненное замечание З. Фрейда: «[Впоследствии он (Ф.-С. Краусс. – *Л.Б.*) лично сообщил мне, что действовал так по настоянию издателя]». См.: То же: [Репринт с издания 1913 года, Издательство «Современные проблемы», Москва. Перевод с третьего немецкого издания М.К.]. New York: Chalidze Publications, 1982 (Manufactured in USA). 450, [6] с.; 18 × 10 см. В обл. Цитаты – на с. 433.

* Кок, Поль Шарль де (Cock, Charles Paul de; 1793–1871) – французский писатель, автор многочисленных произведений «фривольного» толка.

ко что отстроенное здание в VII районе, на Нойштифтгассе (Neustiftgasse), 12[49], где и провел полвека вплоть до своей кончины.

По окончании университета[50] Краусс занялся сначала изучением устных традиций южных славян и выпустил в 1883–1884 годах двухтомное собрание сказок*. Он соединил уже опубликованные записи с никогда не печатавшимися образчиками народного творчества, подлинно неисчерпаемым богатством, многие годы собиравшимся посторонними людьми, друзьями и собственной матерью. Обращаясь ко всем, кто склонен собирать, исследовать и издавать «целый вагон старославянских переводов Евангелий, проповедей, священных легенд и т. п.», Краусс констатировал:

«Я не грамматик, а историк литературы. Я прикасаюсь прежде всего к устному народному творчеству, этому самому старому и самому достоверному свидетелю. Письменные памятники древних времен рассматриваются мною только во вторую очередь»[51].

Несмотря на положительный прием книги, в которой уже обозначились психологические тенденции его научных устремлений, а скорее благодаря ему, у молодого ученого появилось много противников[52]. Но прежде всего он хотел добиться консолидации фольклористики (Volkskunde) как научной дисциплины – заменить «научную пресыщенность ученых, дышащих комнатной пылью»[53], новым, связанным с жизнью учением о повседневности. Это и завело его в почти безвыходное положение, поскольку научные исследования смешивались им с собственным творчеством. Полные горечи сатирические атаки на университетский научный персонал, особенно на «действующий в единодушии храм классической филологии»[54], без сомнения, были вызваны его позицией маргинала, а также антисемитской Веной и предупреждали его позднейшую досаду, обусловленную невозможностью начать университетскую карьеру: 10 апреля 1897 года он подал заявление на философский факультет Венского университета, чтобы venia legendi** «заняться современной славянской литературой, в особенности народной литературой»[55], и в следующем году его кандидатура на место лектора по курсу южнославянских языков была отклонена[56].

До некоторой степени Краусса удовлетворяло и было очень полезным для его будущей профессиональной деятельности членство в Венском антропологическом обществе, куда он, молодой ученый, был принят уже в 1883 году в знак признания его работ в области народной культуры, причем это отличие было получено

---

* См. точное заглавие: Krauss 1883–1884.

** Точнее: pro venia legendi (*лат.*) – «для получения права читать лекции».

благодаря содействию его учителя и друга Фридриха Мюллера, вице-президента и одного из основателей этой ассоциации. Имперский барон Фердинанд фон Андриан-Вербург[57], президент общества, уговорил Краусса отправиться в научную поездку в земли южных славян для изучения их обычного права[58] и последующего написания соответствующей монографии. Позднее барон почти полгода занимался с молодым исследователем, помогая советом и делом, чтобы он справился со столь сложной темой.

В феврале 1884 года Краусс оказался в составе только что созданной Этнографической комиссии (Ethnographische Commission), от имени которой разработал этнографическую анкету[59]. Этот документ стал основой для собирания фольклорных сведений, что Краусс и делал по указанию наследника престола эрцгерцога Рудольфа (Erzherzog Rudolf), при поддержке Антропологического общества, в Боснии и Герцеговине на протяжении 14 месяцев[60], с мая 1884-го по август 1885 года. В тяжелейших условиях ему посчастливилось записать песни гусляров[61], чего прежде еще никому не удавалось в современной этнографии. Его метод — а именно: междисциплинарно комбинировать достижения естественных и гуманитарных наук в целях исследования всевозможных проявлений человеческой натуры в ее историческом развитии[62] — не только накликал проекту новых завистников, но и, возможно, дал повод для его отторжения университетской сферой; так по меньшей мере считал сам Краусс. Объявленная непристойной (schlüpfrig) тематика некоторой части его исследований уже с самого начала была «забаллотирована» учеными, так что вызывающее несоблюдение «академического ритуала дистанцирования и объективирования»[63] вызвало общественный афронт.

«Меня часто осуждали за то, что я, не считаясь со своим (будто бы привилегированным) общественным положением, ничего не боясь, открыто поддерживал доверительные по видимости отношения со всяким сбродом; почему я это делал, читатель узнает из моих сочинений»[64].

Накапливая материал в своей эмпирической поездке, Краусс выявил преобладание общественно значимого фактора, связанного с проявлениями сексуальности, что подвигло его к основанию нового научного направления — «изучения первородного инстинкта» («Urtriebforschung»)[65], или, иными словами, к проведению «этнологических сексуальных исследований» («ethnoloischen Sexualforschung»). С наигранной шутливостью он заявил:

«Фольклористику (Folkloristik), сторонящуюся изучения половой жизни, нельзя причислять к научной этнологии, это всего лишь прекраснодушная салонная литература»[66].

При этом, в отличие от современного понимания, на взгляд нашего героя, фольклористы (Folkloristen) призваны решать иные, нежели этнологи (Ethnologen), задачи: первые закладывают основу путем методического собирания нецензурированного, то есть не подверженного давлению моральных клише, и документирования выявленного и услышанного, вторые же, этнологи, всё это обрабатывают.

«Собиратель вовсе не обязан быть ученым-филологом, историком, юристом, медиком, теологом или обладателем Золотого руна или ордена Подвязки, но ему необходимы здравый смысл и разумение естественнонаучных наблюдений, дабы он сумел провести их научную обработку. По меньшей мере ему должно быть ясно, как нужно подготавливать материалы, чтобы они нашли применение в науке в качестве опорного фундамента»[67].

А в другом месте Краусс замечает:

«Фольклорист (Folklorist) должен снова и снова собирать фактические данные, чтобы в навязчивых идеях масс найти верования, обычаи, нравы и обычное право группы, а в качестве этнолога, пользуясь сравнительным методом, вывести отсюда закономерности развития народного мышления»[68].

Что конкретно разумелось под этими словами, можно понять из зарисовки под названием «Фольклор» («Folklore»), опубликованной во «Франкфуртер цайтунг» («Frankfurter Zeitung») и перепечатанной в «Антропофитее» [1909. Bd. VI]:

«И наконец, сами по себе технические трудности, полное труда и опасностей искусство собирательства! Подлинный исследователь фольклора оставляет позади себя самого отважного детектива. Фантастика романов [Артура Конан] Дойля становится его повседневной действительностью, лишенной однако романтического блеска, но зато приносящей огромную радость удачи! Фольклорист превращается в завсегдатая самых злачных таверн, где при ссорах разгоряченных сивухой посетителей из кармана выныривает нож. Здесь изыскатель охотится за лихими матросскими историйками, здесь разыскивает эротические татуировки. Известна любовь морского народца к подобным украшательствам, характер которых всё отчетливее приобретает черты принадлежности к определенной профессии. Фольклорист познаёт бордели, как ни тягостно может быть пребывание там для благородного, тонко чувствующего человека. Его натура не поможет ему: бордели и сегодня еще остаются подлинными залежами этнологических сокровищ, минуя которые исследователь совершает преступление. В борделях расцветают, равно как и в других местах, цветы поэзии (здесь они, правда, больше похожи на бледную подвальную пле-

сень), причудливо скомканные, но не лишенные своеобразной прелести. <...>* И в этом случае татуировка играет не последнюю роль, давая место диковинным любовным чарам и древним клятвенным формулам, в ней девушки обретают цветочные имена, в которых по-новому проявляется уже подмеченная Эллисом**, Хагеном*** и др. связь между запахом и любовным влечением. Фольклористу приходится вести даже самую неаппетитную работу: посещать те неприметные уголки, называть которые в обществе считается неприличным. Скатология (Skatologie)[**] — весьма своеобразное поле для исследований. То, что процарапывают на стенах в виде стишков, песенок, загадок, куплетов, вовсе не является мелочью, а скорее, во многом способствует пониманию истории развития половой морали и к тому же нередко исключительно важно при изучении патологий»[69].

Отстраненный от университетской карьеры, не имея соответствующего академического поста, Краусс был вынужден зарабатывать на жизнь переводчиком славянских языков в суде, в чем ему помогал его исключительный языковый талант. После смерти матери[70] в 1888 году в Плетернице[71], куда престарелые родители в поисках более спокойного места перебрались в 1880 году из Но́ва-Гра́дишки, Краусс взял отца к себе, на Нойштифттассе, 12. Эта квартира, номер 24, находилась в первом дворе и на первом этаже, что соответствовало второму ярусу здания. Она состояла из одной комнаты с двумя окнами, выходившими в сад (только в 1910 году был пристроен задний двор), и узкой кухни с окном во двор соседнего дома; вода и уборная располагались в коридоре. Общая площадь составляла около 32 кв. метров. Поскольку смет квартирной платы или разъяснений по уплате налога на жилье с точными списками квартирантов не сохранилось, невозможно судить о том, снимал ли Краусс временами несколько квартир или подвалов[72].

В это время он познакомился со своей будущей супругой и матерью двух детей. Мари[73] Рёзлер[74], родившаяся 23 марта 1866 года в Нойштатле-ан-дер-Тафельфихте (Neustad(t)l an der Tafelfichte) (Нове-Место-под-Смркем (Nové Město pod Smrkem))[75], административный округ Фридланд (Friedland) северной Чехии (Nordböhmen), как законная дочь шорника и фабриканта Эдуарда (Eduard) и Марии, урожденной Эльгер[76] (Maria Elger), принимала участие в подготовке к публикации сообщений[77] со своих родных

---

* Здесь и далее сокращения в тексте принадлежат автору.

** См. «Библиографический список» на: Ellis 1907.

*** См.: Hagen 1850.

[**] Скатология (Skatologie; букв.: «говнология») — *греч.* skor (родит. падеж skatós), «кал, говно», + logos, «наука».

Изерских гор (Isergebirge) в издаваемом в 1889–1898 годах Краусс совместно с Клаусом Генрихом Вильгельмом Карстенсом (Claus Heinrich Wilhelm Carstens), учителем из Даренвурта (Dahrenwurth) под Лунденом (Lunden), что в Гольштейне, журнале «Из первоисточника: ежемесячный журнал по фольклору» («Am Ur-Quell. Monatsschrift für Volkskunde») (позднее – «Первоисточник» («Der Urquell»))*, [78]. Мари была незамужней швеей и проживала по адресу Паркгассе (Parkgasse), 1, в Хадерсдорфе (Hadersdorf), под Веной, когда 2 марта 1894 года она произвела на свет сына нашего героя – Вильгельма Вольфганга (Wilhelm Wolfgang). Исповедуя католичество, она позволила крестить его 23 марта кооператору Альфреду Хоппе[79] (Alfred Hoppe), крестной матерью[80] была акушерка Мари Лаутнер (Maria Lautner). Куда более видными оказались крестные отцы, когда в 1906 году Мари родила еще одного внебрачного ребенка, на этот раз девочку, Эрнестину-Еву[81] (Ernestine Eva), и решила крестить ее в Вене, в церкви г. Нойлерхенфельда[82] (Neulerchenfeld): оба писателя, Антон Максимилиан Пахингер[83] (Anton Maximilian Pachinger) и Вильям Годелюк[84] (William Godelück), конечно, были связаны узами дружбы с Фридрихом Саломо (оба печатали статьи в «Антропофитее») и весьма мало знали описываемую ими[85] как маленькую и полненькую фрау «Мари Рёзлер, частное лицо». Тогда она жила уже в XVI районе Вены, на Ноймайргассе, 1 (Neumayrgasse), на втором этаже, в квартире 17, довольно просторной[86], из двух светлых комнат и кухни, вместе с детьми и спутником жизни Фридрихом. Хотя, кажется, она часто, по меньшей мере в каникулы, проводила время у своих родителей во Фридланде.

Трудно объяснить, что подвигло Мари и Фридриха все-таки оформить в 1913 году (ему уже 54 года, ей – 47 лет) супружеский союз, учитывая многочисленные судебные процессы, угрожавшие самому существованию Краусса как издателя «Антропофитеи» со всеми дополнениями к ней**. Поскольку брачующиеся принадлежали к различным конфессиям, зарегистрироваться они смогли[87] (и то лишь в рамках гражданского брака[88]) только после того, как Мари в апреле 1913 года вышла из римско-католической общины[89]. Видимо, она с трудом решилась официально остаться без вероисповедания, так что родителям о своем выходе из общины она предпочла не сообщать[90]. В отношении предполагаемого вступления в брак израэлитские духовники обычно выносили формальный отказ еврейскому брачному партнеру, и это отражалось в

* См.: Der Urquell 1881–1898.

** См.: Beiwerke.

брачном свидетельстве[91]. Теперь для «спешного заключения гражданского брака» оставалось получить чрезвычайное разрешение наместничества. Свидетелями на церемонии, состоявшейся 19 сентября 1913 года, были историк культуры Антон де Майи[92], как и Краусс, отчасти занимавшийся устными преданиями славян, и Фридрих Юлиус Бибер[93], африканист; оба писали статьи для «Антропофитеи».

Краусс, разумеется, признавал своих внебрачных детей и говорил о них открыто еще в те времена, когда не был женат:

«Мой мальчик снова здоров и прилежен, как и я. В свободное время он каждую минуту посвящает чтению путевых очерков. Когда-нибудь из него получится основательно образованный этнолог»[94].

С самого начала наш герой считался их опекуном[95]. Всего через пять дней после бракосочетания он подал в магистратуру VII венского района прошение о признании легитимности рождения своих детей, причем свидетелями снова выступили Антон де Майи и Фридрих Бибер[96]. После долгого разбирательства, в ходе которого проверялись как законность заключения брака, так и гражданство, по совершенно ясно высказанному желанию отца Имперское и королевское наместничество Нижней Австрии внесло запись об отцовстве в свидетельства о рождении обоих детей, и легитимизация завершилась вынесением 21 марта 1914 года соответствующего постановления[97]. Поскольку одновременно было рекомендовано вернуться к исходному способу написания фамилии – Краус с одним «с» (Kraus)[98], – Фридрих ходатайствовал о получении соответствующего метрического свидетельства о подобном изменении. Таковое было выдано 2 октября 1914 года отделением культуры и образования королевского хорватско-славонско-далматинского земельного правительства[99].

После свадьбы ученый сразу же зарегистрировался на Ноймайргассе[100], но жить продолжал в квартире в VII районе. Основанием для продолжения найма одновременно двух квартир могло стать то обстоятельство, что в двух комнатах оказалось слишком мало места для обширной библиотеки, а также отсутствовал необходимый для научной работы покой. «Это была образованная благородная семья, которая, собственно говоря, сюда, к Оттакрингу*, не относилась»[101]. «Дела у них шли неплохо, и вели они совершенно нормальный образ жизни»[102].

---

* Оттакринг (Ottakring) – XVI район Вены, образованный в 1892 г. в западной части города, у подножия Венского Леса, на месте одноименной деревушки. – *Примеч. пер.*

В десятилетие 1891–1901 годов Краусс занимал место секретаря Венского альянса израэлитов[103], который основал в Вене в 1873 году Йозеф фон Вертхаймер (Josef Ritter von Wertheimer)[104] со следующими задачами:

«1. Добиваться национального воспитания израэлитов путем учреждения или поддержки школ и другими собственными средствами; 2. Там, где израэлиты как таковые еще находятся под притеснением, оказывать им действенную поддержку; 3. В зависимости от обстоятельств способствовать проведению статистических и исторических исследований еврейства»[105].

Краусс, наследовавший доктору Морицу Фридлендеру (Moriz Friedländer), особенно подходил для таких задач вследствие своих исключительных лингвистических способностей; он обслуживал штаб-квартиру Альянса в Вене, на Вайбургтассе, 10 (Weihburggasse), а также отделения в Бадене под Веной (Baden b. Wien), Бродах, Бориславе, Черновцах, Дрогобыче, Колине (Kolin), Коломые, Кракове, Львове (Lemberg), Пльзени (Pilsen), Праге, Пшемысле (Przemysl), Заце (Saaz (совр. Жатец, Žatec)), Станиславе, Стрые, Тернополе, Триесте и Воланке (Wolanka)*. В секретарские годы Крауса правление [Венского] филиала состояло из президента Давида фон Гутмана (David Ritter von Gutmann) и трех вице-президентов — юристов по торговым и судебным делам Альфреда Штерна (Alfred Stern) и Артура Куранды (Arthur Kuranda), а также врача Зигмунда Вармана[106] (Sigmund Wahrmann). Главная задача Фридриха состояла в оказании возможно быстрой помощи и содействии советом российским евреям, которые в то время усиленно эмигрировали, а также в координации мероприятий с парижским центром[107].

Для улучшения своих финансовых возможностей Краусс начинает писать книжные обзоры в «Нойе Фрайе Прессе» («Neue Freie Presse»), вступив при этом в журналистское объединение «Конкордия» («Concordia»). Одновременно он пробует себя в качестве драматурга и переводит пьесы своих славянских земляков, но эти сочинения лишь в отдельных случаях попадают на сцены крупных театров.

В 1903 году Краусс предпринимает издание шеститомной «Библиотеки избранных сербских шедевров», за которой с 1905 года последовали одиннадцать выпусков «Мастеров романского рассказа»**, а

---

* Воланка — маленькая деревушка в Галиции; до Первой мировой войны — в составе Австро-Венгерской империи, сейчас — в составе Украины. — *Примеч. пер.*

** См.: Бёрт: с. 85.

в 1906-м — «Еврейские повести» Эдуарда Кульке*, [108], затем подключается к выпуску «Библиотеки культурно-исторических романов и повестей» («Bibliothek kulturgeschichtlicher Romane und Novellen»).

Уже в 1904 году наш герой издает первый том солидного труда — «Антропофитея. Ежегодник фольклористических сведений и исследований по истории развития половой морали»**, который за последующие годы разростется до десяти объемистых фолиантов; anthropos означает по-гречески «человек», phytos — естественный мир растений:

«Как человек естественным образом вырастает, как бессознательно отдается "первородному инстинкту", так он и должен узнаваться и документироваться по своим жизненным проявлениям»[109].

Два года спустя Краусс начал издавать «Народные уста. Старые и новые статьи по народным исследованиям» («Der Volksmund. Alte und neue Beiträge zur Volksforschung»), уже через год выросшие до 13 томов [Leipzig, 1906–1907], где после перепечатки самых старых австрийских народных песенников[110] он при частичном участии известного исследователя народной музыки Эмиля Карла Блюмля[111] представил собрания шванков и песен, которые — как, например, составившие третий том «Аусзеер*** и ишлерская частушка» («Ausseer und Ischler Schnadahüpfl»)[112] — непременно содержали и яркие примеры табуируемой народной эротики (Volkserotik), в иных изданиях запрещенной.

Краусс уже за несколько лет до того всецело посвятил себя тематике сексуальности, причем с самого начала ему виделась своего рода сравнительная фольклористика (Volkskunde) в области эротики (Gebiet der Erotik) в масштабах нескольких регионов, а то и целых континентов. Произошло это, судя по всему, после того как он, сотрудничая в таких изданиях, как «Глобус»[113] («Der Glo-

---

* Точные выходные сведения: *Kulke, Eduard.* Eduard Kulke's Erzählende jüdische Schriften: [in 4 Bd.] / hrsg. von Friedrich S. Krauss. Leipzig: Deutsche Verlagsactiengesellschaft, 1906. 4 Bd. Слово «jüdische» М. Мартишнигом пропущено.

** См. в заметке «От составителя» наст. изд. подробное и точное описание всех томов. На тит. листах всех томов: «Jahrbücher» («Ежегодники»).

*** Аусзее, правильнее: Альтаусзее (Altaussee) — озеро и община в австрийской земле Штирия; неформально этот край красивых озер называется Аусзеер (Ausseerland). Помимо величественных горных пейзажей Аусзеер славится также народными лирическими песнями и сохранившимися до наших дней традициями народной музыки. Упоминаемая в названии ишлерская частушка, очевидно, связана с городком Бад-Ишль (Bad Ischl). — *Примеч. пер.*

bus»), «Ауслaнд»[114] («Das Ausland») и «Криптадия», обратил внимание на многочисленные сходства и неоднократные соответствия в традициях различных народов. Краусс собрал богатый фотоматериал о различных типах женщин всего мира и с большим успехом[115] (явившимся, без сомнения, причиной того, что он сам решился выпускать «Ежегодник этнологических, фольклористических и культурно-исторических сексуальных исследований» («Jahrbuch für ethnologische, folkloristische und kulturgeschichtliche Sexualforschung»*)) опубликовал в 1902 году «Прогулки по царству женской красоты»[116], а в 1903 году — «Грациозность женских тел»[117].

«Моя книга могла бы существовать наряду с сочинениями Плосса**—Бартельса*** и Штраца[4*]. Я пишу как фольклорист, психолог и учитель эстетики, пишу, чтобы поучать и развлекать. Прежде всего должны быть аутентичные иллюстрации, поскольку любое дурачество страшит меня (*sic*!). Иначе недостатка в изображениях у меня не было бы. Даже при аутентичных иллюстрациях дело сводится в конце концов к субъективному восприятию того, кто рассматривает красоту, художник или этнолог. Однако я все-таки нащупал масштаб нашего ощущения идеала красоты и сообразно ему хочу предложить свой выбор. Конечно, подле меня

---

* Сведения, относящиеся к заглавию, в такой форме присутствуют только на тит. листе последнего тома (1913. Bd. 10): «ANTRHOPOPHYTEIA» [*sic*!]. На тит. листах Bd. I–IX (1904–1912) эти сведения иные.

** Плосс, Герман Генрих (Ploss, Hermann Heinrich; 1819–1885) — врач и антрополог. См.: *Ploss, H.H.* Das Weib in der Natur- und Völkerkunde: Anthropologische Studien: [in 2 Bd.]. Leipzig, 1885; 11 Auflage: [in 3 Bd.]. Berlin, 1927. См. рус. пер.: *Плосс, Г.Г.* Женщина в естествоведении и народоведении.: антропологическое исследование. / Доктор Г. Плосс.; Перевод с 5-го немецкаго издания, дополненнаго и переработаннаго после смерти автора д-ром М. Бартельсом,; под редакциею Д-ра А.Г. Фейнберга.: [в 2 т.]. С.-Петербург: Издание Ф.В. Щепанскаго, Невский пр. 34, 1898–1900 (СПб.: Типография А.С. Суворина). 25,5 × 17 см. 1898. Том I: [Гл. I–XXXIV]. XIV, 600 с.: 237 ил., VI л. таблиц: [54] портр.; 1900. Том II: [Гл. XXXV–LXXVI]. VII, [1], 575, [1] с.: 238–397 ил., VII–IX л. таблиц: [45] портр.

*** Бартельс, Максимилиан Карл Август (Bartels, Maximilian Carl August; 1843–1904) — берлинский врач и сексолог.

4* Штрац, Карл Генрих (Stratz, Karl Heinrich; 1858–1924) — немецкий гинеколог, автор труда о красоте тела женщин, мужчин и детей разных народов. См., напр.: *Stratz, K.H.* Die Schönheit des Weiblichen Körpers: Den Müttern, Ärzten und Künstlern gewidmet / von Prof. Dr. C.H. Stratz. Achtunddreißigste und neununddreißigste Auflage (45. und 46. Tausend): Mit 350 Abbildungen und 7 Tafeln. [Stuttgart]: Verlag von Ferdinand En-

будут один или два художественных консультанта. Очень многие картины Бартельс сопровождает указанием на Берлинский музей, Штрац – на Лейденский, и мне это представляется весьма действенной рекламой обоих учреждений. <...> Для готового к жертвам издателя даже значительные расходы на печать могут не играть роли. Он хочет сколь можно обильнее снабдить книгу иллюстрациями, а потому большое значение придает публикации подлинников изображений. <...> Спорить можно бы о другом; я говорю о развитии представления о красоте, о влиянии женской красоты на мужчин и о поведении красивых женщин. Исторические факты здесь не очень пригодились бы, поскольку их воздействие более не отрицается. Моя книга многим принесет многое и все-таки останется всего лишь фрагментом, ибо главу о женщине ни один мужчина еще не исследовал и не написал до конца»[118].

А дабы никто не смог упрекнуть, что под личиной научности издатель выпустил для вуайеров (Voyeure) собрание из почти 300 фотографий голых красоток, Краусс четко изложил в предисловии свою позицию:

«Женщина – наиболее интересное существо для мужчины и, возможно, она только и должна его интересовать. <...> Например, сам я в каждой стране главное внимание уделял женщинам, прежде всего наделенным красотой, и мои самые значимые в этнологии работы посвящены правовому положению женщин. Ни о чем в жизни не размышлял я более основательно и ласково, кроме как о женщинах. Рано утром, пробуждаясь, и поздно вечером, отходя

---

ke in Stuttgart, 1923, XV, [I], 508, [12] S.: 350 ill., VII Tafel; 24,5 × 16 cm. В пер. 1-е изд. – 1898 (72 ил.), 3-е изд. – 1899, 7-е изд. – 1900 (132 ил.), 10-е изд. – 1901 (180 ил.), 17-е изд. – 1905, 22-е изд. – 1913, 25-е изд. – 1920, 30-е изд. – 1921, 38-е изд. – 1923. См. пер.: *Штрац, К.Г.* Красота женскаго тела: С 4-мя гравюрами Хелмицкаго и 131 автотипиями Ангерера и Гешеля в Вене, исполненными по фотографическим снимкам с женских моделей разных национальностей с натуры.: Посвящается художникам, врачам и матерям. / Д-р Штрац.; Полный перевод с 9-го немецкаго издания Д-ра Б.Е. Шехтера. С.-Петербург: Издание Н.С. Аскарханова 6, Троицкая улица, 6, 1901 (Текст набран в тип. д-ра Рамма (Коломенская ул., 38–41), печатан в тип. Н.П. Собко (Почтамская, 13), дозволено цензурою. СПб., 3 августа 1901 г.). VIII, 256 с.: 131 ил., IV таблицы портр.; 24 × 16,5 см. См. также: *Stratz, K.H.* Die Rassenschönheit des Weibes / von Prof. Dr. C.H. Stratz. Achtzehnte und neunzehnte Auflage: Mit vier Tafeln und 426 Textabbildungen. [Stuttgart]: Verlag von Ferdinant Enke in Stuttgart, 1923. XVI, 580, [16] S.: 426 ил., IV Tafel; 24 × 16 cm. 1-е изд. – 1901, 16/17-е изд. – 1922. Существует перевод на русский язык.

ко сну, первую и последнюю мысль свою обращал я к красивым женщинам. Только благодаря моему стремлению наблюдать за речью и поступками женщин, слишком мало еще развитому среди мужчин, фольклору (Folklore) мы обязаны среди прочего открытием древней, но еще вторгающейся в современность формы родового промискуитета у южных славян. Значение моих сообщений для науки признали профессиональные исследователи в этнологических книгах и журналах, а потому нет никакого резона отказываться от публикации моих наблюдений»[119].

Фридрих С. Краусс, как Зигмунд Фрейд и Йозеф Бройер[120], поставил под вопрос общепринятое в традиции действующей психиатрии и неврологии объяснение сексуальных отклонений (Abweichungen) наследственной или органической обусловленностью. При этом он, как и Иван Блох[121], ограничивался изучением сексуальности с антропологической, этнологической, исторической, философской и культурной точек зрения, решая способы изображения сексуального (Sexuellen) только в биолого-патологическом поле, «дабы рассматривать человека как такового».

Поскольку «определение "Psychopathia sexualis" уже содержит в себе готовый приговор, а поэтому не очень-то подходит для научных работ, <...> Крафт-Эбинг стал вскоре называть не сводящийся к производству потомства и лишь ведущий к удовлетворению своего сладострастия любой необычный способ совокупления извращенным, а Ломброзо* каждому, кто не живет строго по итальянским законам, был готов присвоить позорное имя преступника. <...> Нет, к делу надо подходить отнюдь не с односторонней или пристрастной точки зрения медика или историка медицины, *но со свободным и широким воззрением антрополога и этнолога* и со всем надлежащим научным аппаратом»[122].

И Краусс хотел этого изо всех сил. Хорошо сознавая значение этнологии, издавна полностью доверяя ее специфическим методам, он пытался зарядить своей убежденностью единомышленников:

«Кто подходит к народным преданиям с меркой доброго и злого, прекрасного и безобразного, не созрел для исследователя фольклора, тому нечего сказать в нашей науке. Глава "Ложе" моей книги "Нравы и обычаи южных славян"** принесла мне немало обид от ревнителей добродетели, хотя я, оглядываясь на прокурора, и умолчал о своеобразных способах "происходящего на

---

* Ломбро́зо, Чезаре (Lombroso, Cesare; 1835–1909) – итальянский психиатр и криминалист.

** См.: Krauss 1885: 454–465: «XX. Das Beilager. – Besuch und Gegenbesuch» («Ложе. – Визит и ответный визит»).

ложе", в сущности не рассказал ничего грубого. Поскольку фольклористика (Volkskunde) официально еще не признана, то есть она всё еще не является экзаменационным предметом, наши труды пытаются принизить, стоит нам только упомянуть о половых отношениях как неотторжимой части народных обычаев. А из этого обычно вытекает, что бóльшая часть собраний фольклора (Folklore-Sammlungen), сколь бы значительны и представительны они ни были, хранит боязливое молчание, когда сталкивается с преданиями, касающимися половой жизни. При этом многие фольклористы (Folkloristen) поступают так, словно они работают на престарелых девственниц из дворянских богаделен»[123].

Ввиду невозможности специализировать издаваемый и редактируемый Краусcом журнал «Первоисточник»* на этнологических сексуальных исследованиях (у этого выходившего в Гамбурге периодического издания то и дело возникали финансовые трудности[124]), а с другой стороны, правда, в гипотетическом аспекте, будучи секретарем Венского альянса израэлитов и часто бывая в его парижском центре и при этом имея возможность получать вновь, после девятилетней паузы, объявленный к изданию по подписке сборник «Криптадия. Собрание документов для изучения народных традиций»** (без указания имени редактора)[125], ученый стал призывать коллег к сотрудничеству в этом сексуально-научном издании:

«Чтобы мало-мальски помочь ощущаемому наукой недостатку, некоторые исследователи фольклора издают в "Криптадии" с соблюдением всех предосторожностей свои не адресованные массовому читателю собрания. Четыре тома этого сборника вышли у братьев Хеннингер, в Хайльбронне. Дальнейшие тома поступят в книжный магазин А. Вельтера в Париже, улица Бонапарта, 59. Собрания важны как в языковом отношении, так и для изучения обычаев, нравов, поговорок, загадок, народных поверий и песенного богатства. Невозможно недооценивать пользу, приносимую ими этнографии, сравнительной истории литературы, а вместе с тем и религиоведению. Приглашаем сотрудников и читателей "Первоисточника", владеющих соответствующими материалами или могущих собрать таковые, к сотрудничеству в этом издании, которое в силу природы вещей будет выходить на всех языках мира. Собиратели, разумеется, останутся неназванными»[126].

Неназванным остался и сам Краусс, когда разрешил опубликовать в «Криптадии» свою обширную, в трех частях, работу «Зача-

---

* См.: Der Urquell 1881–1898.

** См.: KRYΠΤΑΔΙΑ 1883–1911/I–XII.

тие в нравах, обычаях и верованиях южных славян»*, [127]. Чтобы уберечь авторов от шельмования в обществе, с самого начала решили не ставить имен. Но еще до появления этого первого исследования о сексуальном поведении южнославянских групп в повседневности, созданного преимущественно на основании «Хороводных песен с включением более 700 других, исполняемых под инструментальную музыку (на гуслях, саргии, тамбуре и бугарии**)» («Reigenliedern, mit Einschluss anderer über 700, die man unter Instrumentalmusik (zu den Guslen, zur Sargija, zur Tambura und Bugarija) vorträgt»)[128], Краусс не без некоторой гордости признавал свое авторство:

«Я никого не боюсь и не должен стыдиться своей работы, как бы ни казалась порой ее материя одному-другому новичку в фольклористике (Volkskunde) мерзкой и вызывающей семикратное отвращение»[129].

Ученому было известно, что «издание ограничено 150 экземплярами, так что книга не попадет в руки незрелых людей и не причинит зла. К тому же каждый экземпляр стоил [недешево —] 25 франков. Кроме того, оно предназначалось преимущественно для университетских библиотек и тех людей, которые захотят проштудировать ее в научных целях»[130]. В дополнение к этой закрытости можно сказать, что запланированные иноязычные издания так и не появились, а распространения сборника в немецком языковом пространстве, на которое надеялся автор, не произошло.

«Всё же "Криптадии" было отказано в заслуженном влиянии на формирование фольклористики (Volkskunde); ее цена (350 франков) была отнюдь не пустяком для образованного рабочего, на зарплату которого в наши дни могла бы прокормиться целая семья. Тогда Краусс решил заняться реализацией своего объемистого замысла самостоятельно. 1904 год он начал выпуском первого тома "Антропофитеи", который наполнил в основном собственными собраниями [сведений] о половой жизни южных славян. Ему помогал редакционный штаб известных исследователей».

«Мою библиотеку фольклористических сведений (folkloristischer Erhebungen) и т. п. можно бы было начать издавать только тогда, когда этнологическая корпорация будет готова взять эту инициативу под свою защиту. Мы уже настолько продвинулись, что можем свободно публиковать книги по анатомии и половым болезням, однако фольклористике (Folkloristik) еще долго не удастся

---

* См.: [Krauss] 1899–1902.

** Саргия (также: шаргия), гусле, тамбура, бугария — различные типы щипковых струнных народных инструментов южных славян (сербов, хорватов). — *Примеч. пер.*

добиться подобных прав. Мои собрания, которые могли бы разъяснить многие спорные вопросы этнологии, какой-нибудь Ягич* и его единомышленники безо всяких обиняков могут объявить порнографией. Шуман** не хочет садиться в тюрьму, а я не позволю опорочить себя. Тем временем я усердно работаю над первым т<ом>м> и надеюсь, что трудности, стоящие на пути публикации, удастся преодолеть. Шуман осознает, что на книгах, которые должны выйти, так сказать, при закрытых дверях, да еще и малыми тиражами, ничего не заработаешь, тем не менее он готов пожертвовать прибылью ради меня, и я сделаю своей работой подарок науке»[131].

Подготовку первого тома наш герой закончил 25 мая 1904 года. «Эта крайне тяжелая работа необычайно утомила меня, так что я с трудом пишу необходимые для приложения рецензии»[132], — жаловался он Бернхарду Герману Обсту[133], основателю и директору лейпцигского Музея народоведения (Museum für Völkerkunde***). Вместе с ним Краусс выпустил «Антропофитею» в свет, что, как ученый однажды заметил, в конечном счете будет содействовать раскрытию фонда музейных собраний. Тем не менее существует мнение, что именно благодаря ходатайству Обста сей вызвавший полярные оценки издательский проект оказался составной частью портфеля лейпцигского «Немецкого акционерного издательства»[134]. Но эта версия представляется несостоятельной в свете того обстоятельства, что Краусс был акционером этого издательского предприятия, а в административном плане — даже членом его наблюдательного совета. Разумеется, Обст, который великодушно предоставил Крауссу для обоих его «женских» альбомов фотоматериалы из своего музея, в частности 144 оригинальных фотоснимка обнаженных женщин со всех концов света, всеми силами содействовал начинаниям этого издательства. Первый экземпляр Краусс послал ему со следующим посвящением:

«Наша “Антропофитея”, украшенная Вашим именем, над вступлением к которой Вы немало потрудились, увидела свет благодаря Вам. Пусть же этот том принесет Вам небольшое развле-

---

* Ягич, Ватрослав (Jagić, Vatroslav; 1838–1923) — филолог-славист, академик Петербургской академии наук (с 1881 г.). По национальности — хорват.

** Schumann, Alfred (1877–?) — издатель.

*** С конца XIX в. по 20-е годы XX в. немецкий термин «Völkerkunde» переводился на русский язык словом «народоведение», затем — «этнография» и наконец — «этнология». В наст. изд. мы придерживаемся старой традиции.

чение в часы досуга. И, быть может, для второго тома Вы обрадуете меня статьей на основе материалов Вашего музея»[135].

Дабы подчеркнуть научную компетенцию сотрудников редакционного штаба «Антропофитеи», приведем имена некоторых ее членов, их ученые звания и сообщим об их (менявшемся) профессиональном статусе:

• Томас Ахелис (Thomas Achelis), профессор, доктор наук; директор гимназии в Бремене, редактор бременского «Архива религиоведения»;

• Фридрих Й. Бибер, венский этнолог;

• Иван Блох, доктор медицины; берлинский специалист по кожным и половым болезням;

• Франц Боас (Franz Boas), профессор, доктор наук; директор нью-йоркского Этнографического музея, профессор Колумбийского университета, Нью-Йорк;

• Георг Бушан (Georg Buschan), доктор медицины и философии; антрополог из Штеттина, редактор выходившего в Штеттине* «Центрального антропологического листка» («Zentralblatt für Anthropologie»);

• Альберт Эйленбург (Albert Eulenburg), тайный медицинский советник, берлинский профессор, доктор наук;

• Зигмунд Фрейд, профессор, доктор наук; профессор венского Имперского и Королевского университета;

• Антон Херрман (Anton Herrmann), профессор, доктор наук; будапештский этнолог, редактор «Этнологических сообщений из Венгрии» («Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn»);

• Володимир Гнатюк, секретарь Научного общества им. Шевченко, Лемберг**, лембергский этнолог;

• Герман Им (Hermann Ihm), историк культуры из Штадтхагена (Stadthagen), культуролог из Бармена (Barmen);

• Юлиан Яворский (Juljan Jaworskij), киевский профессор, доктор наук;

• Альфред Кинд (Alfred Kind), берлинский доктор наук;

• Александр Митрович (Alexander Mitrović), доктор наук, адвокат из Книна (Knin), позднее переселился в Херцег-Нови (Herceg Novi);

• Пауль Некке (Paul Näcke), медицинский советник, доктор наук из Хубертусбурга (Hubertusburg);

• Альберт Найссер (Albert Neisser), тайный медицинский совет-

---

* Соврем. Щецин (Польша).

** Соврем. Львов (Украина).

ник, профессор, доктор наук; профессор Королевского университета Бреслау (Breslau)*;

• Бернхард Герман Обст, профессор, доктор медицины, в прошлом – директор лейпцигского Музея народоведения;

• Джузеппе Питре, доктор наук; редактор «Архива для изучения народных традиций» («Archivio per lo studio delle tradizioni popolari»), Палермо;

• Фердинанд фон Райтценштайн (Ferdinand Freiherr von Reitzenstein), берлинский Королевский музей народоведения; председатель этнологического отдела Первой Дрезденской выставки гигиены; председатель дрезденского Этнологического музея гигиены (Ethnologisches Hygiene-Museum); дрезденский этнолог;

• Изак Робинзон (Isak Robinsohn), венский доктор медицины;

• Карл фон ден Штайнен (Karl von den Steinen), профессор, доктор наук; директор берлинского Музея народоведения (Völkerkunde);

• Джералд Кэмден Уилер (Gerald Camden Wheeler), лондонский этнолог.

Прекрасно понимая, что фольклористика (Volkskunde) постепенно обретала черты подлинно научной дисциплины, Краусс и его сотрудники ошибочно полагали, что подписанные в «Антропофитее» – в противоположность прежней «Криптадии» – полным именем статьи смогут остаться без серьезной реакции со стороны общественности. Ради предосторожности все тома нумеровались от руки и были снабжены указанием:

«Частное издание. Только для ученых, не предназначено для книготорговли. Без разрешения редактора издательство не может выслать ни одного экземпляра. Всякий открыто выставляющий "Антропофитею", или же открыто предлагающий ее в книжной лавке, либо дающий напрокат подвергается опасности преследования. Предназначено только для желающих исследовать первородный инстинкт, письменно обязавшихся не показывать издание духовно незрелым лицам».

Однако оказалось, что даже такое предупреждение не в состоянии освободить редактора от судебного преследования. Ибо Краусс уже имел печальный опыт столкновения с цензурным ведомством, которое вскоре после появления двух фотоальбомов, посвященных женской эстетике, констатировало, что издания могут спровоцировать публичный скандал, а поэтому прокурору их следует конфисковать[136]. О том, что на оба этих тома еще не раз на-

* Соврем. Вроцлав (Польша).

кладывался арест (подвергались конфискации), — как, например, в 1908 году[137], — можно еще и сегодня прочитать в [инвентарной] книге поступивших изданий в закрытое собрание «Эротика» («Erotika-Sammlung»), основанное только в 1912 году в Немецком книгохранилище г. Лейпцига. Всякий раз после полицейских мероприятий собрание это обильно пополнялось дубликатами упомянутых томов[138].

С одной стороны, руководствуясь параграфами 184 и 184а Уголовного кодекса, Высший следственный комитет (Oberprüfstelle) преследовал эротико-порнографические произведения, причем уголовное осуждение было равнозначно полному запрету печатного издания. Если же уголовное преследование не приводило к желаемому результату, то подключались представители Национального молодежного ведомства (Landesjugendämter), которые, опираясь на имперский Закон о защите юношества от порнографической и бульварной литературы[139], пытались по меньшей мере путем установления запрета на распространение произведения предотвратить доступ к нему юношества. В целях публичного оповещения название оспоренной публикации вносилось в «Перечень запрещенных книг и журналов» («Verzeichnis der verbotenen Bücher und Zeitschriften») или в так называемый «Имперский список низкосортной литературы» («Reichsschundliste»), который печатался в «Биржевом листке книготорговца» («Buchhändlerbörsenblatt») или в «Имперском вестнике» («Reichsanzeiger»), чтобы не избежали наказания те, кто «развратные сочинения, рисунки или изображения пропагандирует, продает, раздает или выставляет в общественных местах или же распространяет каким-либо иным способом, а также изготавливает с целью продажи или с той же целью хранит, дает о них объявления или их рекламирует»[140].

С растущей популярностью «Антропофитеи» всё больше медиков обращало внимание на методы и результаты этнологических сексуальных исследований:

«Вы, естествоиспытатели, являетесь нашими верными подписчиками, ведь вам для своих собственных исследований крайне важен материал наших ежегодников, да и мы, фольклористы, имеем достаточно поводов поучиться у фольклора. Вы учите нас психоаналитическому подходу к пониманию наших собственных данных»[141].

Немалое значение для психоанализа и распространения его результатов имел тесный контакт со становившейся на ноги сексологией:[142] Зигмунд Фрейд, как уже было сказано, входил с 1910 года в редакционный штаб «Антропофитеи», в которой, в рубрике «На книжном развале», в рамках бесчисленных рецензий психоанализ

выдвигался как безотказное дополнение к этнологическим сексуальным исследованиям, и занятия им «настоятельно» рекомендовались. Когда в 1908 году Краусс вместе с лейпцигским врачом Германом Роледером (Hermann Rohleder) принял редактирование основанного Магнусом Хиршфельдом «Журнала по сексологии» («Zeitschrift für Sexualwissenschaft»), первого немецкоязычного сексологического профессионального издания, он уже имел опыт сотрудничества с тем же Хиршфельдом в созданной З. Фрейдом «Центральной психоаналитической газете» («Zentralblatt für Psychoanalyse»). В рамках книжных рецензий Краусс помимо собственных комментариев и критики приводил поучительные примеры двустороннего взаимопроникновения обеих наук: так было в ходе обсуждения психотерапевтами многих новых явлений из области описания сновидений, символику и значение которого он рассматривал в «Антропофитее», начав публикацию анкеты об эротике в приснившемся; но, с другой стороны, он уже ставил на обсуждение в готовящийся том своего ежегодника работу о народной интерпретации появления вышитых платков в эротических снах[144].

Итак, психоанализ и исследование «фольклористического первородного инстинкта» («folkloristische Urtriebs»-Forschung) — в общем как для Краусса, так и для фольклористов и этнологов смысле — занимались одними и теми же материями, только объем данных был различным: в то время как психоаналитик изучал одиночные психические проявления, фольклорист пытался вычленить проявления «народной души», собрать представительное общее (Gemeinschaften), чтобы из «навязчивых идей массы» суметь выделить обычное право, формы верований и обычаев группы, после чего этнолог, используя сравнительный метод, мог попытаться обнаружить вытекающие отсюда «закономерности развития народного мышления»:

«Мы, люди от фольклора (Folklore), собираем и сортируем документы ради него самого, чтобы, исходя из него, исследовать различные начала и пути развития нравов, обычаев, верований и права; психоаналитики — это врачеватели, жаждущие подступиться к неврозам, чтобы добиться излечения»[145].

Психоаналитики полагали, что Фрейд сотоварищи стараются для людей, для отдельных индивидуумов, тогда как Краусс с единомышленниками трудились во благо всего человечества; обе группы сообща боролись за правдивое, неприукрашенное понимание жизни и ее проявлений[146]. Но, с позиций сегодняшнего дня, мы отдаем себе отчет, что «психоаналитики использовали фольклористику (Folkloristik) прежде всего как доказательство значимости символов сна, а также для утверждения теории либидо, гораздо

меньше — для релятивации теории инстинктов и учения о вытеснении или универсальности эдипова комплекса. Тем самым отношения психоанализа и этнологической сексологии отошли от первичной связи взаимного принятия и отдачи»[147].

Характер участия Фридриха С. Краусса в качестве приглашенного гостя в работах основанного в 1908 году Венского психоаналитического общества можно скрупулезно раскрыть по протоколам собраний в знаменитые вечера по средам[148]. После того как уже в апреле 1908 года бывший терапевт, а позднее руководитель психоаналитической амбулатории Эдуард Хичман (Eduard Hitschmann; 1871–1958) представил членам общества для обсуждения «Антропофитею», в декабре того же года Вильгельм Штекель (Wilhelm Stekel; 1868–1940), об исключительном даре которого толковать символы много говорили, изложил многие пассажи из замалчивавшихся текстов Артемидора, а в мае 1910 года Карл Фуртмюллер (Karl Furtmüller; 1886–1957), в последующем — реформатор школьного обучения и близкий сотрудник частнопрактикующего психолога Альфреда Адлера (Alfred Adler), еще раз указал на значение «Антропофитеи». 8 июня 1910 года Краусса в первый раз пригласили на заседание. Наш герой смог убедить Фрейда выступить с письменным обращением в поддержку «Антропофитеи»[149], а впоследствии частенько участвовал в дискуссиях. 15 мая 1911 года Фридрих выступил с докладом «Корсет в нравах и обычаях народов»:

«Докладчик исходит из того факта, что есть мужчины, которые могут вступать в половые отношения только тогда, когда женщина плотно затянута, и выносит на обсуждение факт корсетного фетишизма. Потом он отмечает, что талия вовсе не является атрибутом женственности, и доказывает на огромном материале, что всеми народами земли высоко ценится тучность и ее требуют от любимого объекта женского пола. Но точно так же гибкость женского тела, или талия, является вторым идеалом женской красоты. Эти факты подтверждаются богатым фольклористическим материалом. Так, в 16-м столетии мы встречаем в качестве женского корсажа корсет, который прежде употреблялся только в защитном снаряжении мужчин. Докладчик закончил выступление доказательством: корсет необходим не женщине, а мужчине, поскольку облачение в корсет женского тела придает ему чувственнейшим образом половой характер. Так как изготовленный по строению тела корсет не обнаруживает даже в глазах его противников подчеркнутых недостатков и вредных последствий, то можно вступиться за корсет как средство усиления женской привлекательности, а тем самым и как за фактор культуры»[150].

Сохранилась данная Краусом характеристика собраний психоаналитиков:

«Заседания официально существовавшего с 1910 года общества проходили регулярно по средам, с 9 до 12 часов вечера, в кооперативе врачей по адресу: Вена I, Ротетурмштрассе (Roteturmstraße). Председательское место занимал сам профессор д-р Фрейд. Смотря по обстоятельствам, кто-то из психоаналитиков, он или она, выступал с докладом, а потом завязывался диспут с участием почти всех присутствующих и неизменно в стиле "Антропофитеи". Профессор Больте счел для себя за благо скрыться от цинизма и вызывающей безнравственности, которые здесь процветали и считались само собой разумеющимися. В сознании Больте и обычно становящихся в позу знатоков, собрания в Психоаналитическом обществе были просто недостойными и крайне неприличными. Кроме того, каждый психоаналитик старался буквально вывернуться наизнанку, в некотором роде подвергнуться самовскрытию. Профессор Фрейд не поучал, но критически работал с другими в целях установления истины. Так вырабатывал он свой метод и готов был выслушивать возражения, что не раз заканчивалось лишь укреплением его авторитета. Мне, всегда бывшему начеку, дабы не ослабевала проницательность, каждый вечер приносил какую-то пользу. <...> Хотя меня по-прежнему не допускали до практических упражнений вместе с врачами-невропатологами в отнимающем много времени искусстве психоанализа, потому как это действительно искусство и притом такое, какому совсем нелегко научиться, тем не менее я мог внимательно наблюдать за их успехами и многое при этом перенимать. <...> Фрейд и его ученики отнюдь не выстраивали некую систему, как я свою, они даже осмотрительно уклонялись от любой методической систематизации, стесняющей свободу исследований, возможно, потому, что не считали это своевременным, или, скорее, потому, что не могли выстроить систему, понимавшуюся ими как неизбежное искусственное ограничение свободы развития явным образом не определенной научной дисциплины»[151].

Когда в 1906 году скоропостижно скончался соредактор Бернхард Герман Обст из Лейпцига, постоянно заботившийся о строгой научности публикаций в «Антропофитее»[152], для Краусса началось мучительное время, окончившееся после многочисленных процессов 1913 года и — что было несложно предвидеть — запретом цензурой некоторых ежегодников, лишением права переписки (вся корреспонденция задерживалась на почте и передавалась в суд) и финансовым крахом как издателя и редактора-составителя. Чтобы рассказать своим читателям о судебных преследовани-

ях, «махинациях правосудия», ученый воспроизвел всю документацию случившегося в своей работе «Берлинский эротоманско-маниакально-бредовый процесс 1913 года: К истории изучения антропофитеи в Германии» и даже издал ее отдельным оттиском*. Рецензируя издававшийся З. Фрейдом «Международный журнал врачебного психоанализа» («Internationale Zeitschrift für ärztliche Psychoanalyse»), наш герой не мог сдержать раздражения:

«В сравнении с нами, фольклористами, психоаналитикам повезло больше, хотя они ничуть не меньше способствовали пробуждению вызванной "Антропофитеей" ненависти. Их как врачей, использовавших свои исследования для лечебных целей, можно было бы безо всяких обиняков привлечь к суду и навязать им в качестве экспертов эстетов, чтобы конфисковать их труды и втоптать в грязь их, сотрудников и издателей, имена. <...> На первый взгляд повезло больше потому, что они не выкладывали на бумагу буквально высказываний лечившихся у них невротиков, а мы вынуждены были именно такими готовить свои публикации. Психоаналитики могли прибегать к нейтральным описаниям, тогда как мы, сохраняя аромат непосредственности народной речи, вынуждены были печатать всё дословно, иначе нас назвали бы фальсификаторами и украшателями. Впрочем, для науки было бы желательно, чтобы и психоаналитики не сдерживали себя в точности передачи эротики пациентов, сохраняя выражения последних. Письма и дневники несчастных страдальцев и больных — это и есть то, что по странности величается порнографией. Они пишут <...>, желая освободить свою исстрадавшуюся душу. Такие упражнения обычно являются не чем иным, как сексуально окрашенным поступком в целях снятия напряжения от действительного или воображаемого сознания вины»[153].

В связи со всё более усиливавшимся контролем со стороны уголовного законодательства за порнографией, низкопробной и бульварной литературой, — а соответствующий указ вышел 22 октября 1910 года, — Краусс столкнулся начиная с этого года с ростом жалоб и заявлений в суды[154], направленных не только против отдельных статей или против его «Половой жизни в верованиях, нравах и обычаях японцев»**, выпущенной в качестве второго тома «Приложений...»***, но и против отдельных иллюстраций, будто бы оскорблявших «чувство стыда и нравственности нормальных в половом отношении людей». В конце концов был даже

---

* См.: Krauss [1913].

** См.: Krauss 1907–1911.

*** См.: Beiwerke 1907–1929.

конфискован весь архив «Этнологического издательства», которое наш герой между делом и создал[155].

Поначалу состоялись судебные слушания с целью выяснения научности «Антропофитеи» и установления квалификации ее сотрудников. Заседания проходили 12–14 июня и 2–16 октября 1913 года в 12-й палате по уголовным делам I Королевского земельного суда Берлина. Они «настолько отдавали старинным своеобразием средневековых процессов над ведьмами» и сожжением книг, «что научную дисциплину – этнологические сексуальные исследования – судебным решением заклеймили как колдовство и на долгие годы лишили в Германии уважения»[156]. Судебными решениями от 29 апреля том IX «Антропофитеи», от 3 мая – ее том II, а 19 мая – все на тот момент вышедшие тома «Приложений» были запрещены к обращению и подлежали конфискации (наложению ареста). Поскольку эксперты[157] по большей части были многолетними оппонентами Краусса (он тщетно пытался дать им отвод как заинтересованным лицам, однако председатель суда вообще лишил его слова), то и их выводы, соответственно, оказались отрицательными. После двухдневного разбирательства оба тома «Антропофитеи» были спасены от угрозы уничтожения, но Краусса заклеймили как порнографа. Многочисленные репрессии и потеря всех доходов от издательской деятельности побудили его усилить степень сокрытия результатов своих исследований в области сексуальной этнологии. К сожалению, после пожара Дворца правосудия невозможно выяснить, подвергался ли Краусс судебным преследованиям также и в Австрии.

Когда летом 1914 года закрутилось великое ристалище народов, каковым стала Первая мировая война, Краусс, согласно записи в брачном свидетельстве[158], находился в Бориславе (политический округ Дрогобыч, Галиция)[159], в районе боевых действий, откуда уже осенью того года в Вену потянулся многолюдный поток беженцев. К настоящему времени не сохранилась кадастровая запись о призыве ученого на военную службу[160]. Поскольку нахождение на передовой ограничивалось возрастом 45 лет, то 55-летнего Краусса могли бы самое большее зачислить в ландштурм, причем в этом случае было совершенно безразлично, служил он прежде или нет. Последнего не могло быть[161], хотя он как вольноопределяющийся одногодичник даже при иудейском вероисповедании мог бы выдвинуться в офицеры запаса; в Австро-Венгрии доля евреев среди вольноопределяющихся одногодичников была гораздо выше, чем процентная доля этого народа в населении страны[162].

«В годину мировой войны, – писал Краусс, – я был профессором и директором Школы инвалидов войны при к<айзеровском>

и к<оролевском> военном госпитале в XIX районе Вены, Гринцинг (Grinzing), а кроме того, посещал еще 60 госпиталей в самой Вене и в ее окрестностях»[163].

«В качестве вольноопределяющегося я провел 53 месяца и 18 дней в венских военных госпиталях, исполняя обязанности учителя южнославянских раненых»[164].

Согласно полному списку подобных учебных заведений XIX района, кроме уже упомянутой[165] гринцингской Школы инвалидов войны, такие же образовательные центры существовали при доме выздоравливающих в Кобенцле (Kobenzl) и в Рудольфинерхаусе (Rudolfinerhaus). Их деятельностью руководило Объединение резервных госпиталей Красного Креста (Verein Reservespitäler vom Roten Kreuz)[166]. Самым большим учебным заведением в этом секторе была Школа инвалидов при к<айзеровском> и к<оролевском> военном госпитале № 11 в X районе Вены, на Шлайергассе (Schleiergasse), имевшая многочисленные ремесленные, общеобразовательные, лингвистические (изучались языки народностей империи) курсы, курсы машинописи и загородные лагеря для приобретения сельскохозяйственных и лесоводческих навыков. Кроме того, для инвалидов в районе имелись еще и Курсы технических специальностей на базе к<айзеровского> и к<оролевского> учебно-оздоровительного бюро для технических учебных заведений (Lehrmittelbüro für gewerbliche Unterrichtsanstalten) на Биллротштрассе (Billrothstraße), 28/30, со специальными курсами для столяров и мебельщиков, а также Курсы частных и государственных гражданских должностей (Kurse für Zivilprivat- und Staatsanstellungen) на базе к<айзеровской> и к<оролевской> Экспортной академии (Exportakademie) на Экспортакадемиштрассе (Exportakademiestraße), 1, с железнодорожным, транспортным и тарифным учебными курсами[167]. Для инвалидов войны в Военном министерстве[168] было предусмотрено собственное отделение (IX), а также служба Социального обеспечения инвалидов (Invalidenfürsorge), однако их списочный состав не содержит данных о Краусе. К<айзеровские> и к<оролевские> военные госпитали (K. u. k. Reservespitäler) также находились под контролем и управлением Военного министерства, хотя приписанные к ним протезные фабрики и школы инвалидов относились к компетенции[169] К<айзеровского> и к<оролевского> министерства общественных работ (K. k. Ministerium für öffentlichen Arbeiten)[170], так что директора, учителя и руководители мастерских назначались[171] этим ведомством[172].

«Сколь бы значим ни был успех военно-гражданского сотрудничества в деле излечения инвалидов, он всегда будет не так заметен для общественности, как достижения в сфере их обучения в

специальных школах <...>»[173]. Но в тяжелые дни войны Краусс посвящает себя не техническому преподаванию, на которое сыпались одна за другой жалобы из-за высокого расхода материалов и практической бесполезности изготавливаемой продукции[174], а психологической поддержке оказавшихся вдали от родины выздоравливающих. Помимо этого, он в качестве учителя для взрослых по заданию имперского Министерства образования читает многочисленные лекции в барачных лагерях, казармах и рабочих общежитиях[175].

Тем временем в начале 1916 года Фридрих получает профессорский титул, причем решающей заслугой, возможно, стало его участие в судьбе солдат и беженцев. 15 марта его поздравили с этим званием в Венском психоаналитическом обществе. А вот смерть своей незамужней сестры Амалии он встретил болезненно; она работала сиделкой и умерла в Вене 18 сентября 1917 года[176]. Краусс распорядился похоронить сестру в могиле отца, на Центральном венском кладбище, в еврейском секторе.

Крушение Австро-Венгерской империи и тот факт, что его родина отныне стала заграницей, явились тяжелой психической нагрузкой для Краусса. Да еще его публикации вновь стали клеймиться как порнография, возникли новые притеснения со стороны органов правосудия, которые, казалось, в конце концов окончательно измотали его. Например, в сообщении Генерального прокурора I земельного суда Берлина коллегам из Высшего апелляционного суда Пруссии (Kammergericht) «по поводу пресечения, в соответствии с указом от 22 октября 1910 года, параграф 26, регистр № 1, торговли развращающими сочинениями и изображениями» по-деловому и лапидарно говорилось:

«За исключением трудов доктора Шертеля (Schertel), следующие весьма примечательные книги были с успехом опротестованы: "Японская половая жизнь" ("Das japanische Geschlechtsleben")* – тома 1 и 2 проф<ессора> Фридриха Краусса из Вены, и "Вкус и запах" ("Der Geschmack und der Geruch") из серии "Пять чувств" ("Die fünf Sinne") венского издательства "Культур-ферлаг" ("Kultur-Verlag")»[177].

Краусс пришлось ограничить свою издательскую активность и по причине возросшей конкуренции со стороны других авторов и издательств[178], которые меньше заботились о научности, а боль-

* См.: Krauss [1931]. Речь идет о двухтомнике 1931 г., прокурор привел заглавие подсерии, указанное на титульных листах обоих томов; см. в примеч. 177 дату опротестования: 1933 г. См. также: Krauss 1907–1911.

ше исходили из спроса обывателей-вуайеров (Voyeure). Только два его фотоальбома[179] были переизданы*.

И всё же внутри научного сообщества, если не обращать внимания на старых противников, к нему, кажется, относились по-прежнему: так, он вошел в отборочный комитет Первого Международного съезда по сексуальной реформе на сексуально-научной основе (1. Internationale Tagung für Sexualreform auf sexualwissenschaftlicher Grundlage), проходившего 15–19 сентября 1921 года в залах «Вирхов-Лангенбек-хаус» («Virchow-Langenbeck-Hauses»), напротив здания Берлинского общества милосердия (Berliner Charité), под покровительством Института сексологии Хиршфельда (Hirschfelds Institut für Sexualwissenschaft)**, ул. Ин-ден-Цельтен (In den Zelten), 10, однако с докладом не выступал[180]. Его избрали почетным председателем «Клуба частных коллекционеров» («Collectionneur-Privat-Club») Шарлоттенбурга (Berlin-Charlottenburg), печатный орган которого «Эротический хоровод. Свободный этический иллюстрированный ежемесячный журнал эротического искусства и сексологии» («Eros-Reigen. Freie ethische illustrierte Monatsschrift für erotische Kunst und Sexualwissenschaft»)[181] избрал себе следующий девиз: «Тот, кто предъявляет иск любого рода к изображениям человеческой наготы, тот либо меченый, либо извращенец; он кричит по нужде, а поэтому считать его надо либо больным, либо шельмой»[182].

Хотя 6 апреля 1921 года[183] Фридрих С. Краусс выписался из семейной квартиры на Ноймайргассе и снова прописался в квартире на Нойштифтгассе, ритм его жизни не мог значительно измениться, поскольку по меньшей мере до 1927 года[184] семья, как и прежде, обедала вместе. Но вскоре после этого близких нашего героя постиг тяжелый удар: из-за хронического пиелонефрита Мари вынуждена была лечь в Вильгельминский госпиталь, где 12 апреля 1928 года умерла на 63-м году жизни[185]. Смерть эта, видимо, не была неожиданной, поскольку ее сын, учитывая серьезность положения, приехал из Швеции[186]. В свидетельство о смерти по ошибке внесли римско-католическое вероисповедание[187]. Погребение было проведено похоронной конторой Пайер и Шмутцер (Payer & Schmutzer) 14 апреля на Центральном венском кладбище в могиле[188], купленной в тот же день сыном усопшей[189].

Вильгельм, сын Крауссов, сдал экзамен на аттестат зрелости в октябре 1912 года и сразу же продолжил образование; с осени 1914 и до 1917 года он служил в армии, а в январе 1923 года закончил

---

* См.: Krauss 1903a; Krauss 1904.

** В 1920-е годы название этого института на русский язык переводилось по-разному.

учебу диссертацией на тему: «Влияние религии на состояние народов» («Der Einfluß der Religion auf die Gestaltung der Völker»)[190] и с отличными отметками, полученными у двух географов — Ойгена Оберхуммера (Eugen Oberhummer) и Эдуарда Брюкнера (Eduard Brückner), а также у преподавателя древней истории Освальда Менгина (Oswald Menghin)[191]. Уже в 1920 году Вильгельму пришлось поехать с профессором Шёгреном (Sjögren) в экспедицию в Лапландию[192]. Вероятно, с конца марта 1926 года[193] Вильгельм работал ассистентом у профессора Хермана Бернхарда Лундборга (Herman Bernhard Lundborg)[194] в основанном тем в 1921 году Шведском государственном институте расовой биологии (Schwedische Staatsinstitut für Rassenbiologie) в Упсале, ставившем задачей новое, расширенное антропологическое исследование шведского народа[195]. Знание многочисленных языков побудило сына Краусса, самое позднее в 1927 году[196], принять шведское гражданство и заниматься переводами многочисленных трудов[197] Лундборга, пока наконец, выйдя на пенсию в середине 1930-х годов, не переселиться в Гонолулу (Гавайи, США).

Дочь нашего героя, Эрнестина-Ева, получившая в июле 1926 года свидетельство об окончании двухклассной реформистской реально-гимназической школы для взрослых при Дёблингерской (Döblinger) женской школе (zweiklassige Reformrealgymnasialen Fortbildungsschule), в следующем зимнем семестре начала учебу в Венском университете на романо-германском отделении. До смерти матери она жила в квартире родителей на Ноймайргассе[198], а потом продолжила обучение в течение четырех семестров у брата в Упсале[199]. Когда в марте 1933 года она подала в Вене прошение о допуске к экзамену на звание доктора[200], ей зачли еще два семестра, проведенные в Парижском университете[201]. Ее диссертация о писателе и философе Эдуаре Эстонье (Edouard Estaunié)[202] была одобрена деканом, историком Генрихом Србиком (Heinrich Srbik), причем оба референта были романистами — Альфред Вольфганг Вурцбах (Alfred Wolfgang Wurzbach) и Карл Этмайер (Karl Ettmayer). Доказательства начала и конца обучения отсутствуют: как нет протокола устного вступительного экзамена[203], так нет и протокола о присуждении ученой степени[204]. В 1933–1937 годах она, видимо, была замужем[205] за человеком по фамилии Опитц (Opitz)[206], родом из Бодиша (Bodisch)*, округ Браунау (Braunau) (современная Чехия), поселилась на постоянное жительство в Габлонце-на-Нейсе** (Gablonz a. d. Neisse) и стала преподавать языки[207].

---

* Бодиш — соврем. Богдашин в Кралевоградском крае на севере Чехии. — *Примеч. пер.*

** Габлонц — соврем. Яблонец-над-Нисоу (Jablonec nad Nisou) на севере Чехии. — *Примеч. пер.*

Хотя вопросы сексуальности завладевали всё более широкими кругами общества, причем такое расширение интереса не в последнюю очередь было обусловлено идеологическими причинами[208], консервативно-бюргерские и антисемитско-национал-социалистические круги позаботились об ужесточении противостояния складывавшихся в обществе враждебных фронтов. Магнус Хиршфельд, исповедовавший иудаизм, был избит разъяренной толпой после сексуально-научной лекции в Мюнхене[209], еврейский писатель Хуго Беттауэр[210] был убит в Вене фанатиком, возненавидевшим его за фривольный и тенденциозный развлекательный роман. Краусса такие инциденты[211] нисколько не пугали, хотя известно, что в начале своей карьеры он печатался под псевдонимом Сульо Серхатлия (Suljo Serhatlija), а также Селим Вилимов (Selim Vilimov)[212] или, уже в последние десятилетия жизни, под именем Рудольф. Публикаций под первым псевдонимом обнаружить пока не удалось[213]. Хиршфельд скрывался под псевдонимом Рами (Ramien)*, Иван Блох – под псевдонимом Эжен Дюрен (Eugen Dühren)[214].

Наоборот, Краусс всякий раз устремлялся на защиту обвиненных в разврате актеров и настаивал «требовать на суде его экспертизы»[215]. Как и прежде, в своих публикациях он не скупился на крепкие выражения и хлесткие выпады. Так, под названием «Против развратных шпиков немецкого правосудия»[216] он с очевидным пристрастием опубликовал статью в защиту социалиста[217] Макса Годанна[218], который, будучи муниципальным врачом, работал в берлинском Институте сексологии Магнуса Хиршфельда в должности консультанта по вопросам брака и по факту издания двух своих книг: «Пол и любовь в биологическом и социологическом освещении» («Geschlecht und Liebe in biologischer und gesellschaftlicher Beziehung»)**, [219] и «Действительно ли нас принес аист? Популярный учебник для детей» («Bringt uns wirklich der Klapperstorch? Ein Lehrbuch für Kinder lesbar»)[220] был обвинен в распространении порнографии. Статья Краусса имела успех, с обеих книг сняли за-

---

* Рами (Ramie (*f*), Ramien (*pl*)) – китайская крапива. – *Примеч. пер.*

** См. рус. перевод: *Годанн, Макс.* Пол и любовь в биологическом и социологическом освещении: из практики консультации при Берлинском институте изучения полового вопроса / Д-р Макс Годанн = Max Hodann; Перевод с немецкого под ред. и с предисл. [с. 9–38] проф. С.С. Кагана. Київ: Издание переводчиков, 1929 (Гострест «Киев-Печать», 3-я тип.). 207, [1] с.; 23,5 × 15,5 см. В обл. 7000 экз.; см. также: *Он же.* Беседы с молодежью по половому вопросу / Д-р Макс Годанн; перевод с немецкого под редакцией и с предисловием [с. 3–4] Е.А. Аркина. Второе издание. Москва: Работник просвещения, 1930 (М.: Отпечатано в тип. «Гудок»). 109, [1] с.; 22 × 14 см. В обл. 7100 экз.

прет, против прокурора и судьи провели дисциплинарное расследование. И тем не менее сам Краусс в глазах общественности был навсегда заклеймен как порнографический писатель[221] и «еврейский журналист»[222].

Неудивительно, что поле для журналистской деятельности ученого съеживалось, и, чтобы заработать средства на жизнь, он наряду с переводческой лямкой взялся тянуть лямку писателя. С середины 1926 года он начинает печататься в новом берлинском ежемесячном журнале «Брак» («Die Ehe»)[223], в 1928 году участвует в сборнике «Любовное наставление» («Die Liebeslehre»)[224], а в 1930-м Хиршфельд привлекает его к работе над многотомной «Историей нравов в мировую войну» («Sittengeschichte des Weltkrieges»)[225]. С 16 по 23 сентября того же года он — участник проходящего в Вене Четвертого международного конгресса Всемирной лиги сексуальных реформ[226], где им прочитан доклад на тему «Чувство обоняния и сексуальность» («Geruchssinn und Sexualität»). Первый такой конгресс, состоявшийся в 1921 году в Берлине, назывался Первым международным съездом по сексуальной реформе на сексуально-научной основе. На него также приглашали Краусса. Цель венского конгресса состояла не только в обмене новейшими научными данными, но прежде всего — в рекомендациях тогдашним органам власти. Кроме требований легализации абортов, защиты матерей и либерализации брачного законодательства, Лига выступала также за уравнивание гомосексуалов (Homosexuellen) в гражданских правах. В соответствии со своим уставом, она стремилась к возможно более широкому распространению сексуально-научных знаний и намеревалась «повсеместно бороться с обстоятельствами и предрассудками, препятствующими разумному урегулированию сексуальной жизни»[227]. Однако уже в 1930 году политические условия настолько ухудшились (Лига была распущена в 1935 году), что даже обычно неуступчивый, боевитый Краусс вынужден был заметить: «При публичном выступлении перед тысячеголовой массой слушателей было бы разумно не допускать поводов для возбуждения гнева»[228].

Одновременно наш герой пытается с железной последовательностью продолжить издание новых томов «Приложений для изучения антропофитеи», чего он не мог сделать до 1923 года*. [229]. В 1929 году ему удалось собрать большой авторский коллектив и выпустить том IX [этой серии] «Любовная песня немецких селян и горожан»[230]. Двумя годами позже [, в 1931 году,] он запустил, с новой нумерацией томов, серию с измененным заглавием: «Приложение для изучения антропофитеи. Ежегодники этнологическо-

* См.: Beiwerke 1907–1929.

го, фольклористического и историко-нравственного исследования первородного инстинкта» («Beiwerke zum Studium der Anthropophyteia. Jahrbücher für ethnologische, folkloristische und sittengeschichtliche Urtriebforschung») в преобразованном издательстве «"Антропофитея". Издательство для изучения первородного инстинкта проф<ессора>, д-ра Фридриха С. Краусса, Лейпциг» («"Anthropophyteia". Verlag für Urtriebkunde Prof. Dr. Friedrich S. Krauss, Leipzig»). Началась первая серия [с подсерии] с заглавием «Японская половая жизнь» («Japanische Geschlechtsleben») и включала объемистый двухтомник. Первый том являлся расширенным изданием, появившимся сначала в 1907-м, а потом – в 1911 году, и представлял собой собственную книгу [Краусса] о японцах, тогда как во втором томе публиковались «Рассуждения и сведения о половой жизни японского народа» («Abhandlungen und Erhebungen über das Geschlechtsleben des japanisches Volkes») Тамио Сатова в обработке Германа Има*. «В серии наших "Приложений" появится много томов, посвященных японскому фольклору»[231], – писал с глубоким убеждением Краусс в предисловии. Но его желаниям, к сожалению, не суждено было исполниться, и первые тома оказались единственными, хотя существовали планы «в не столь отдаленном будущем выступить с большой серией уже подготовленных (собственных! – *М.М.*) трудов»[232]. Причина заключалась в невозможности выпуска книг вследствие экономической рецессии в Австрии и прихода национал-социалистов к власти в Германской империи. Еврейских авторов стали рассматривать как «нежелательных», издательства, которыми владели евреи, были вынуждены закрыться, распространению иностранной книжной продукции чинились препятствия[233].

Краусс полностью удалился от общественной жизни, избегая даже дружеских контактов[234]. Официально отошедший от дел, он тем не менее в профессиональных кругах пользовался репутацией видного ученого и продолжал исследования, хотя и не имел возможности публиковать их результаты. Так, например, его работа «Корсет в нравах, обычаях и верованиях народов»[235] постоянно упоминается как опубликованная, хотя, – возможно, вследствие судебного запрета – Краусс не смог ни найти издателя, ни издать книгу за свой счет по причине отсутствия средств. Последними его журнальными выступлениями были статьи «Тесей в гуслярской песне» и «Легенда об Эдипе в южнославянском предании»[236].

Еще целым десятилетием ранее Фридрих С. Краусс предвидел грозящую опасность, когда почувствовал себя втянутым в борьбу

---

* См.: Krauss [1931].

со складывавшимся скандальным положением, преодоление которого «влекло конец свастико-народно-патриотического воодушевления, казавшегося немыслимым без пьянства и драк»[237]. Он не мог не догадываться, что ждет подобных ему после аннексии Австрии Германской империей. Хотя существует вполне правдоподобное предположение, что наш герой, подобно сонму других отчаявшихся, хотел в те весенние дни 1938 года[238] совершить самоубийство, но оно оспаривается фактами поездок к нему, больному, для ухода его дочери Эрнестины из Габлонца-на-Нейссе с 15 по 21 апреля[239] и еще раз, с 23 мая[240]. Значит, о близившемся конце его жизни родственники догадывались. Остается невыясненным вопрос, повлияли ли на резкое ухудшение его здоровья унижения и жестокости, которым подвергались в те времена национал-социалистической деспотии евреи, после чего последовали грабежи и конфискации. Равным образом нельзя проверить сомнительное свидетельство, что Краусс, чьи дети жили за границей, в последнее свое десятилетие, после смерти супруги Мари, утешался с новой спутницей жизни[241]. Также чаще всего он умалчивал, кто и каким образом помогал ему, преклонному годами, в его научной работе[242].

Фридрих С. Краусс скончался 29 (или 30)[243] мая 1938 года, предположительно в 22.30[244], в своей квартире на Нойштифтгассе. Проведший на следующий день осмотр трупа[245] прозектор определил в качестве непосредственной причины смерти дегенерацию сердечной мышцы. Назначенное первоначально на 31 мая погребение было перенесено на один день по просьбе родственников[246]. Церемонию похорон и состав участников выяснить теперь не представляется возможным, поскольку все документы пропали во время Второй мировой войны. Известно только, что похороны прошли по еврейскому обряду на Центральном венском кладбище, еврейский участок, ворота 1, группа 19, ряд 26, № 34. Ранее в этой же могиле[247] были погребены его отец Вильгельм Вольфганг (30.11.1890) и сестра Амалия (20.9.1917), так что имя Фридриха Саломо было высечено не на самóм надгробии, а на наклонной пластине, прикрепленной к железному стержню, установленному в ногах[248].

Девятого июня Окружной суд венского Внутреннего города (Innere Stadt) сделал запись о смерти, а 22 июня завершил формальности по наследству[249]. Спустя два дня[250] Эрнестина, переселившаяся 2 июня в отцовскую квартиру[251], не вернулась к себе, в Габлонц-ан-дер-Нейссе, а уехала в Италию, в Перуджу[252]. Но перед этим она должна была еще уладить формальности по наследству с Оскаром Фишером[253], еврейским писателем и другом семейства. Фишер по суду был назначен так называемым распорядителем и до 22 июня принял на себя наследство, чья видимая денежная сто-

имость в судебном заключении оценивалась на основании вступившего в Остмарке* 26 апреля 1938 года в силу закона об объявлении стоимости еврейского имущества:[254] обстановка квартиры, одежда и белье были признаны не имеющими ценности; кроме небольшой суммы денег в сберегательной кассе при почтовом отделении и в Лейпцигском банке, иного состояния не оказалось, так как на вопрос, нет ли в наследстве предметов, которые требовали бы особого объявления, был получен отрицательный ответ[255].

Куда же подевалась библиотека, многими тысячами томов которой, по свидетельствам очевидцев[256], были под завязку заполнены доставшие до потолка стеллажи в обеих комнатках маленького жилища? Книги были даже в подвале и других приспособленных под склад местах. Что случилось с драгоценной коллекцией славянских, турецких и арабских рукописей?[257] Из чего складывалось и куда делось задуманное к изданию собрание, известное как «Международная сексуально-научная библиотека» («Internationale Sexualwissenschaftliche Bibliothek»)?[258] Всё это должно было исчезнуть еще до судебной констатации смерти. А потом эта квартира, как и тысячи других, превратилась в арийскую[259].

Оскар Фишер знал о ценности уникальной библиотеки Фридриха С. Краусса. Это он еще в 1920 году вместе с д-ром Алоисом Ранценхофером (Alois Ranzenhofer) основал акционерное торговое общество[260], занимавшееся распространением книг и нот, и держал книжную лавочку на Ландштрассер Хауптштрассе (Landstraßer Hauptstraße), 33[261]. Хотя после выхода компаньона из дела[262] и урегулирования к 25 января 1933 года взаиморасчетов он публично[263] уступил свое право торговли, его контакты с антикварами, разумеется, не прерывались. Ибо 4 мая 1942 года в Австрийской национальной библиотеке были зарегистрированы под инвентарными номерами 713.760–713.790 тридцать конволютов, представлявших собой сброшюрованные отдельные оттиски сочинений Краусса, и, на основании тогдашнего законодательства, как труды еврейского автора снабжены пометкой «запрещено». Эти конволюты были частью антикварной покупки в книжной лавке Генриха Хинтерберг ера[264] (Вена I, Гегельгассе (Hegelgasse), 17): инвентарные номера 713.730–713.839, маркирующие чрезвычайно редкие труды по славянской и венгерской этнологии, без сомнения, происходили из библиотеки Краусса, поскольку некоторые пометки на полях были сделаны в характерной для него манере, а некоторые из этих публикаций вообще посвящены ему[265].

---

* Остмарк (*нем.* Ostmark; букв.: «восточная граница») – этот исторический термин применялся в нацистской Германии по отношению к Австрии, после аншлюса последней в 1938 г. – *Примеч. пер.*

Поскольку после смерти Фридриха Саломо Краусса не осталось завещания или акта о наследстве[266], его имущество отошло детям в равных долях. Правда, Вильгельм Вольфганг поначалу было отказался по организационным мотивам от наследства в пользу сестры[267], но позднее, став университетским профессором при «Куинс-Хоспитал» («Queen's Hospital») в Гонолулу[268], вступил во владение научным наследием отца. Эрнестина же смогла вступить в права наследства только во время своего следующего пребывания в Вене, которое, согласно заявлению о прописке, длилось больше года, с 10 октября 1938 года по 24 января 1940-го[269]. Всё это время она, считавшаяся, согласно Нюрнбергским расовым законам[270], еврейской метиской 1-й степени, жила на Нойштифтгассе, 87/1. От преследований национал-социалистов она спаслась, вовремя эмигрировав в Америку, продолжила там учебу в университете Лос-Анджелеса и преподавала немецкий язык в старших классах Голливудской средней школы (Hollywood High School)[271]. Теперь она живет в полном уединении в калифорнийском «Пэсифик-Пелисейдз» («Pacific Palisades»).

Удивительно, что по меньшей мере 14 упомянутых в начале статьи коробок с частью научного наследия и многих личных оправдательных документов Краусса, находящиеся ныне в библиотеке Калифорнийского университета Лос-Анджелеса, удалось тогда переправить за границу, хотя сразу это было невозможно сделать. Как указывал в 1928 году сам ученый, он опубликовал только треть своих записей из почти трех тысяч эротических народных рассказов, четырех тысяч хороводных песен и многих тысяч заклинаний и приговоров[272], а в начале 1930-х годов имел намерение «выступить с большой серией уже подготовленных трудов»[273], но в последующее время появилось лишь несколько публикаций. Так что весьма вероятно, что кое-какие документы продолжают сохраняться где-то в Вене[274]. В противном случае они безвозвратно погублены в вихре войны невеждами, а то и просто нетерпимыми людьми, несмотря на то что, как писал наш герой, «изучение собранных мной записей, вероятно, когда-нибудь станет одним из самых насущных занятий этнологов»![275]

ПРИЛОЖЕНИЕ

Почетные членства[276] профессора, д-ра Фридриха С. Краусса

Первый председатель Общества им. Германа Барта для духовного сближения народов и исследования народного духа (Hermann

Barth-Gesellschaft für geistige Völkerannäherung und Völkergeistforschungen), Берлин и Вена;

почетный председатель Клуба частных коллекционеров (Collectionneur-Privat-Clubs) (C.P.C.), Берлин-Шарлоттенбург;[277]

действительный член Лондонского общества наук и искусств;

почетный член и действительный член учредительного комитета Всемирной лиги сексуальных реформ;

почетный член

- Нью-Йоркской академии антропологии;
- Филадельфийской академии общественно-политических и социальных наук;
- Американского фольклорного общества Кембриджа;
- Вашингтонского антропологического общества;
- Этнографического общества Неаполя;
- Свободной академии наук и искусств Софии;
- Венского психоаналитического общества;[278]
- Гинденбургского объединения (Hindenburgvereinigung) Берлина;[279]

член-корреспондент и полномочный представитель Королевского музея народоведения, Лейпциг;[280]

член-корреспондент

- Лейпцигского общества народоведения (Verein für Völkerkunde);
- Эдинбургского общества изучения цыган (Gypsy Lore Society);
- Института Франклина (Отделение естественных наук), Филадельфия;
- Будапештского этнографического общества;
- Филадельфийского археологического общества;
- Фольклорного общества Сантьяго-де-Чили.

ПРИМЕЧАНИЯ

HHStA	Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien (Частный, общественный и государственный архив Вены)
UA Wien	Universitätsarchiv Wien (Университетский архив Вены)
WStLA	Wiener Stadt- und Landesarchiv (Венский городской и земельный архив)
WStLB	Wiener Stadt- und Landesbibliothek (Венская городская и земельная библиотека)

[1] В рамках Венского летнего симпозиума 1988 г. «ИнтерАКТция II: Нагота – Сокрытое» («InterAKTion II: Das Nackte – Der Hintergrund») 9 сентября автором наст. статьи был прочитан доклад «Эротика и сексуальность народных низов. К 50-летию со дня смерти Фридриха Саломо Краусса (Саломона Фридриха Крауса) (1859–1938)» («Erotik und Sexualität der unteren Volksschichten. Zum 50. Todestag von Friedrich Salomo Krauss (Salomon Friedrich Kraus; 1859–1938)»), основным предметом которого стало обсуждение сексологических исследований Краусса. Вместе с подробным оглавлением всех десяти томов «Антропофитеи» этот текст был опубликован под тем же заглавием в сборнике, вышедшем по итогам означенного симпозиума под редакцией Сабины Дрексель (Sabine Drexel), Клауса Хайнцле (Klaus Heinzle) и Ангелы Кох (Angela Koch) (Wien, 1989. S. 22–83).

[2] В Институте современной фольклористики Австрийской академии наук (Institut für Gegenwartsvolkskunde der Österreichischen Akademie der Wissenschaften) уже с десяток лет ведутся работы по описанию и созданию научно-исторического архива фольклористики (Volkskunde), который, с одной стороны, станет основой «Биобиблиографического лексикона немецкоязычных фольклористов» («Bio-bibliographischen Lexikons der deutschsprachigen Volkskundler»), а с другой – соотнесет собранные документы с историей отдельных учреждений и с исторически обусловленными линиями развития всей научной дисциплины. См.: *Martischnig, Michael.* Erhebungsstand und Editionsprobleme eines Bio-bibliographischen Lexikons der Volkskundler im deutschsprachigen Raum // Volkskunde als akademische Disziplin. Studien zur Institutionenausbildung / Hrsg. Wolfgang Brückner, Klaus Beitl. Wien, 1983. S. 197–207. (Mitteilungen des Instituts für Gegenwartsvolkskunde; Nr. 12).

[3] *Elias, Norbert.* Über den Prozeß der Zivilisation. 1: Wandlungen des Verhaltens in den weltlichen Oberschichten des Abendlandes. 6. Auflage. Frankfurt am Main, 1978. S. 163.

[4] *Block, Anton.* Hinter Kulissen // Materialen zu Norbert Elias' Zivilisationstheorie / Hg. Peter Gleichmann, Johan Goudsblom, Hermann Korte. 2. Auflage. Frankfurt am Main, 1982. S. 170.

[5] Хотя о существовании автобиографии нашего героя упоминалось не раз (напр., в изд.:

[5.1] *Kind, Alfred.* Friedrich S. Krauss. Biobibliographisches // Blätter für Bibliophilen. Bibliographie der Sexualwissenschaft. Berlin, 1908. Jg. 1, H. 3. S. 129–137 (hier S. 129), рукопись ее не обнаружена. [См. подробнее: Бёрт, примеч. 9.] Спасает нас то, что свои публикации Краусс сдабривал множеством мелких автобиографических фактов и деталей, живописующих атмосферу тех лет. (Так, напр., в

следующей рецензии он с сочувствием описывает страдания одного цыгана, избиваемого сверстниками по гимназии; см. журнал: Das Ausland. Wochenschrift für Erd- und Völkerkunde. Stuttgart, 1890. Jg. 63, № 41. 819).

Перечень нижеследующих статей, в которых заинтересованный читатель может почерпнуть дополнительную информацию о Краусе, составлен на основе биобиблиографических справочных изданий:

[52] *Krauss, Fridericus Salomo.* Vorwort // Krauss, Fridericus Salomo. De praepositionum usu apud sex scriptores historiae Augustae. Wien; Pest und Leipzig, 1882. S. Vf.

[53] Deutscher Lit(t)eratur-Kalender auf das Jahr 1885. / Hg. Joseph Kürschner. Stuttgart, 1885. Jg. 7. Sp. 246; все ежегодники, вплоть до:

[54] Kürschner's Deutscher Literatur-Kalender. Nekrolog 1936–1970 / Hg. Werner Schuder. Berlin; N.Y., 1973. S. 369f.

[55] Das geistige Wien. Mittheilungen über die in Wien lebenden Architekten, Bildhauer, Bühnenkünstler, Graphiker, Journalisten, Maler, Musiker und Schriftsteller / Hg.: Ludwig Eisenberg, Richard Groner. Wien, 1889. S. 108f.

[56] *Eisenberg, Ludwig.* Künstler- und Schriftsteller-Lexikon «Das geistige Wien». Mittheilungen über Wiener Architekten, Bildhauer, Bühnenkünstler, Graphiker, Journalisten, Maler, Musiker und Schriftsteller. Wien, 1891. Jg. III. S. 187.

[57] *Hinrichsen, Adolf.* Das literarische Deutschland. 2. Auflage. Berlin, 1891. Sp. 746f.

[58] *Meyers* Großes Konversationlexikon. Ein Nachschlagewerk des allgemeinen Wissens. 5. Auflage. Leipzig; Wien, 1896. Bd. 10. S. 662f.; 6. Auflage. Leipzig; Wien, 1905. Bd. 11. S. 606.

[59] *Orgelbrand, S<igmund>* // Encyklopedja Powszechna. Warszawa, 1900. T. VIII. S. 597.

[510] *Kosel, Hermann Clemens* // Deutsch-österreichisches Künstler- und Schriftsteller-Lexikon. Wien, 1902. Bd. 1. S. 354f.

[511] *B. TE.* Friedrich Salomo Krauss // The Jewish Encycklopedia / Ed.: Isidore Singer, Cyrus Adler, Gotthard Deutsch [et al.] N.Y.; L., 1904. Vol. VII. S. 571.

[512] Degener, Herrmann A.L. (zgst. = составитель). Wer ist's?: Unsere Zeitgenossen. Leipzig, [1905]. Jg. 1. S. 456f.; все годы, вплоть до девятого издания (9. Ausgabe): Berlin, 1928. S. 862.

[513] Deutschlands, Österreich-Ungarns und der Schweiz Gelehrte, Künstler und Schriftsteller in Wort und Bild. 2. Ausgabe. Hannover, 1910. S. 427f.; 3. Ausgabe. Hannover, 1911. S. 300f.

[514] *Brümmer, Franz* // Lexikon der deutschen Dichter und Prosaisten vom Beginn des 19. Jahrhunderts bis zur Gegenwart. 6. Ausgabe. Leipzig, [1913]. Bd. 4. 101f.

[5.15] *Dietrichstein, Egon.* [Ein Pornograph] // Dietrichstein, Egon. Die Berühmteten. Wien: Wiener Literarische Anstalt, 1920. S. 128–132. [См. подробнее: Бёрт, примеч. 186.]

[5.16] Kürschner's Deutscher Gelehrten-Kalender auf das Jahr 1925 / Red. Hans Strodel; Hg. Gerhard Lüdtke. Berlin; Leipzig, 1925. Sp. 535f.; в последующих ежегодниках упоминание о Краусse отсутствует!

[5.17] *Wininger, S<alomon>.* Große jüdische National-Biographie mit mehr als 8000 Lebensbeschreibungen namhafter jüdischer Männer und Frauen aller Zeiten und Länder. [Cernauti, 1928]. Bd. III. S. 531.

[5.18] Das Jahrbuch der Wiener Gesellschaft: Biographische Beiträge zur Wiener Zeitgeschichte / Hg. Franz Planer. Wien, 1928. Jg. 1. S. 186; Wien, 1929. Jg. 2. S. 348.

[5.19] *P. Bl.* Friedrich Salomo Krauss // Encyclopaedia Judaica: Das Judentum in Geschichte und Gegenwart. Berlin, 1934. Bd. 10. Sp. 393.

[5.20] *Anonymus.* Friedrich Krauss zum Gedenken // Rathaus-Korrespondenz. Wien, 1963. 30. Mai. Bl. 1163.

[5.21] *Giebisch, Hans, Gugitz, Gustav.* Bio-Bibliographisches Literaturlexikon Österreichs. Wien, 1964. S. 213.

[5.22] *Wytrzens, Günther.* Friedrich Salomo Krauss // Österreichisches Biographisches Lexikon 1815–1950 / Hg. Österreichische Akademie der Wissenschaften. Wien; Köln; Graz, 1969. Bd. IV. S. 227.

[5.23] *Brockhaus* Enzyklopädie: in 20 Bänden. 17. Auflage. Wiesbaden, 1970. Bd. 10. S. 600.

[5.24] *Fishoff, Ephraim.* Friedrich Salomo Krauss // Encyclopaedia Judaica. Jerusalem, 1971. Vol. 10. Sp. 1247.

[5.25] *Mikoletzky, Nikolaus.* Friedrich Salomo Krauss // Neue Deutsche Biographie / Hg. Historische Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1980. Bd. 12. S. 714f.

[5.26] *B.B.K.* [i. e. *Husnik, Hubert*]. Ein «Pornograph» // Illustrierte Neue Welt. Wien, 1982. Nr. 4. S. 18.

[5.27] *R.M.* Friedrich Salomo Krauss // Deutsches Literatur-Lexikon: Biographisch-Bibliographisches Handbuch / Hg.: Heinz Rupp, Carl Ludwig Lang. 3. Auflage. Bern; München, 1984. Bd. 9. Sp. 419.

[5.28] *Burt, Raymond, Eppensteiner, Barbara, Reichmayr, Johannes.* Sexualforschung und Psychoanalyse: Friedrich Salomon Krauss und Sigmund Freud – gelehrte Zuhörer von unten // Von der Last der Lust: Sexualität zwischen Liberalisierung und Entfremdung / Hg.: Josef Christian Aigner, Rolf Gindorf. [Wien]: Verlag für Gesellschaftskritik, [1986]. S. 47–74. (Festschrift Ernest Borneman zum 80. Geburtstag).

[5.29] *Morad, Mirjam.* Friedrich Salomo Krauss: Ein biographischer Entwurf: Unveröffentl<ichungen>. Diplomarbeit am Institut für Volkskunde der Universität Wien. Wien, 1987. (= Неопубликованная дипломная работа, хранящаяся в Институте фольклористики Венского университета).

[5.30] *Reichmayr, Johannes.* Friedrich Salomon Krauss und Sigmund Freud: Begegnung unorthodoxer Gelehrter // Luzifer — Amor: Zeitschrift zur Geschichte der Psychoanalyse. Tübingen, 1988. Jg. 1, H. 1. S. 133–155.

[5.31] *Martischnig, Michael.* Sexualforschung: Kriminalisierung der Wissenschaft? // Illustrierte Neue Welt. Wien, 1988. Nr. 11/12. S. 14.

[М. Мартишнигом не упомянута справка о Ф.-С. Краусе, помещенная в одном из самых авторитетных сводов: Bilder Lexikon der Erotik: [in 4 Bd.] / Herausgegeben von Institut für Sexualforschung in Wien; unter Mitwirkung von [на тит. л. общего загл. — 33 имени]. Wien/Leipzig: Verlag für Kulturforschung, cop. 1928–1931. [Bd. II]: Bilder Lexikon: Literatur und Kunst. [1929]. S. 595 (944 S.: Ill., 107, [4] Beil. [= или 78 л. ил.])].

[6] Научно-исследовательский проект, имеющий целью документировать посредством биографий и библиографии научные и культурные достижения австрийских евреев после 1848 года, осуществляется в настоящее время Австрийской национальной библиотекой (Österreichische Nationalbibliothek) под руководством Вольфганга Духковича (Wolfgang Duchkowitsch).

[7] Предварительную опись неупорядоченного и необработанного, состоящего из рукописей на немецком языке архива, который в 13 коробках и одном пакете завещал в 1968 г. после своей кончины сын Фридриха С. Краусса антрополог Вильгельм Краусс (Wilhelm Krauss), составил Раймонд Л. Бёрт (Raymond L. Burt) («The Papers of Dr. Friedrich S. Krauss at UCLA's Research Library». Los Angeles, June 1981. 13 p.; одна ее копия депонирована в Научно-историческом архиве фольклористики при Институте современной фольклористики в Маттерсбурге (Institut für Gegenswartsvolkskunde in Mattersburg)). Ознакомиться с ней можно по изд.: *Burt, Raymond.* Collection 996. The Papers of Dr. Friedrich S. Krauss, Nachlaß. University of California. Los Angeles, 1983 (цит. по: *Morad, Mirjam.* Примеч. [5.29]. 1987. S. 107). [Готовя данную статью, Михаэль Мартишниг, по-видимому, не знал, что она выйдет совместно с описью архива Ф.-С. Краусса: *Burt, Raymond L.* Nachlassverzeichnis der Sammlung 996 (Friedrich Salomo Krauss). Department of Special Collections University Research Library University of California, Los Angeles / Raymond L. Burt // Burt, Raymond L. Friedrich Salomo Krauss (1859–1938): Selbstzeugnisse und Materialien zur Biobibliographie des Volkskundlers, Literaten und Sexualforschers mit einem Nachlaßverzeichnis [S. 5–144, 145–153] / Raymond L. Burt. Mit dem Beitrag von Michael Martischnig «Zum 50. Todestag von Friedrich Salomo Krauss (Salomon Friedrich Krauss). Eine Nachlese» [S. 155–243]. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1990. S. 145–153 (Box 1–

15, Großes Paket). М. Мартишниг говорит о 13 коробках, по описи их — 15.]

[8] *Mikoletzky, Nikolaus.* Примеч. [5.25]. 1980. S. 714.

[9] *Haeberle, Erwin J.* Einleitung. Geschichte und Konzept der Sexualwissenschaft // Anfänge der Sexualwissenschaft: Historische Dokumente / Hrsg. Erwin J. Haeberle. Berlin; N.Y., 1983. S. 3.

[10] В серии «Beiwerke zum Studium der Anthropophyteia» том II странным образом появился уже в 1907 г., тогда как тома I и III — в 1909-м; все три тома вышли в лейпцигском издательстве «Deutsche Verlag(s)aktiengesellschaft». Тома IV (1911), V (1912) и VI (1913) выпустило лейпцигское «Ethnologischen Verlag». Том VII его автор, Рафаэль Корсо (Rafael Corso), выпустил [, как указано на тит. листе,] в собственном издательстве в Никотере (Nicotera) в 1914 г.; чтобы предотвратить конфискацию и не дать уничтожить весь тираж, этот в любом случае дискриминирующий/инкриминируемый текст т. VII вместе с иллюстрациями, прежде всего и возбуждающими недовольство, был из осторожности выделен в отдельное приложение. [В книге: VIII, 238, [2] S., [3] Bl.: [21] Ill. Содержание: Teil I. S. 1—141; Teil II (с отд. шмуцтитулом). S. 143—236.] Однако и VII том, возможно, был издан также в Лейпциге, как показывает пронумерованный от руки экземпляр № 138 из Австрийской национальной библиотеки с ошибочным оттиском данных тома III на корешке картонного переплета. На обоих последних томах VIII (1923) и IX (1929) старой серии в качестве издательства указано «Ethnologischer Verlag Dr. Friedrich S. Krauss», а в качестве места издания — Лейпциг. [См. «Библиографический список» на: Beiwerke.]

Естественно, были запланированы и другие тома, в частности вторая часть тома VIII. Дело в том, что печатные листы вышедшей «части» на протяжении всей книги маркированы: «Victor Borde. El Plata-Folklore. I. Teil». Такое предположение можно выдвинуть и в отношении третьей части серии о половой жизни в России — в томе VI на с. 596 помещено объявление: «VIII. Russische Folklore. 3. Das Geschlechtleben des ukrainischen Bauernvolkes in Rußland. Von TARASEVSKYJ und HNATJUK».

Сам Краусс в 1911 г. переиздал только том II серии (1-е изд.: *Krauss, Friedrich S.* Das Geschlechtleben in Glauben, Sitte und Brauch der Japaner. (Mit einem Beitrag von Doriphorus). Leipzig, 1907), выпустив второе, значительно дополненное издание с 256 иллюстрациями вне текста. [На тит. л.: «mit 256 Abbildungen». В действительности в изд.: VIII, 226 S., [34] Bl.: [126] Ill.; см. «Библиографический список».] В 1931 г. он расширил книгу до двухтомника, представив его как первую публикацию новой серии, впрочем, не поименован-

ной таковою, с измененным заглавием, да еще и в переименованном издательстве, в название которого прямо введено имя Краусса, а логотип представляет большую букву «А», перед которой протягивает друг к дружке руки обнаженная пара. [См. «Библиографический список» на: Krauss [1931].]

В несколько сокращенном виде второй том был переиздан в издательстве «Verlag Karl Schustek, Hanau», с новым введением Г. Пруннера (G. Prunner). Из предосторожности шестнадцать эротических цветных таблиц собрали в отдельном приложении! Одновременно в том же издательстве и тоже в сокращении появились тома IX (1968 г., с новым предисловием) и IV/2. Abt<eil> (1970) [см.: Beiwerke 1911: Bd. III. Abteil 2. S. 122–332] – дань «сексуальной волне» 1960-х годов.

К 1912 г. том I «Антропофитеи» [выпуска 1904 г.] был распродан ([см. об этом в изд.:] *Hnatjuk, Volodymyr.* Das Geschlechtleben des ukrainischen Bauernvolkes in Österreich-Ungarn. Folkloristische Erhebungen. II. Teil: 400 Schwänke und novellenartiger Erzählungen, die in Ostgalizien und Ungarn gesammelt worden. Lepzig, 1912. S. 465 [«Der I. Band ist vergriffen»]). Десятилетие спустя [, в 1914 г.,] Краусс переиздал «в Лейпциге фотоофсетным способом» том I, причем укороченным по высоте на 1,8 см, но с «неизмененным набором 1-го издания, в типографии H.F. Jütte» (см. выше); оригинальный переплет с черным корешком, на передней крышке и корешке золотым тиснением дан новый способ написания: «Antropophyteia» [без буквы «h»] (описан по собранию Вольфрама Кёрнера (Wolfram Körner, Berlin/Ost)).

[Приведем описание по экз. РГБ (спецхран Э-641. Т. 1): ΄ΑΝΘΡΩΠΟΦΥΤΕΙΑ: Jahrbücher für Folkloristische Erhebungen und Forschungen zur Entwicklunggeschichte der geschlechtlichen Moral: [Bd. I–VI] / herausgegeben von Dr. Friedrich S. Krauss in Wien; unter redaktioneller Mitwirkung v. T. Achelis..., I. Bloch..., F. Boas..., A. Herrmann..., B.H. Obst..., G. Pitrè..., I. Robinsohn u. a. Gelehrten. Leipzig; Ethnologischer Verlag, 1904 [i. e. 1914]. Band I: Südslavische Volksüberlieferungen, die sich auf den Geschlechtsverkehr beziehen. I. Erzählungen. / Gesammelt, verdeutscht und erläutert von Dr. Friedrich S. Krauss. – [Unveränderter Abdruck der ersten Auflage]. – 1904 [i. e. 1914] (Leipzig: Photooffsetdruck von H.F. Jütte). 2, XXI, [1], 530, [2] S.: [3] Ill.; 25,8 × 18,5 cm. В красном коленкоровом переплете с черным корешком. На пер. и корешке – тиснение золотом: ANTROPOPHYTEIA [*sic*!] | Friedrich S. Krauss. На корешке доп.: Band I. Сведения о переиздании офсетной печатью 1-го издания – на об. тит. листа. Дата переиздания установлена по выходу в свет в 1914 г. Bd. VII в серии «Beiwerke» (на с. [532] – реклама этой серии). Переверстан об. тит. л.,

переставлены шмуцтитул и оглавление, на тит. л. изменено только название изд-ва; репринт с. V–XXI, 1–530. Том 2 также был переиздан офсетным способом в 1910 или в 1914 г., основное заглавие – на нем. (а не на греч.) языке, состав редакции такой же, как на тит. л. «Anthropophyteia» Bd. VII (1910 г.). См.: ANTHROPOPHYTEIA: Jahrbücher für Folkloristische Erhebungen und Forschungen zur Entwicklunggeschichte der geschlechtlichen Moral / unter redaktioneller Mitwirkung und Mitarbeitershaft von F.J. Bieber..., F. Boas..., G. Buschan..., A. Eulenburg..., S. Freud..., A. Herrmann..., J. Jaworskij..., A. Mitrović..., A. Neisser..., G. Pitré, F.F. von Reitzenstein..., I. Robinsohn..., K. von den Steinen... u. a. Gelehrten; gegründet in Verein mit Prof. Dr. med. B.H. Obst; herausgegeben von Dr. Friedrich S. Krauss in Wien. Leipzig: Ethnologischer Verlag, 1905 [i. e. 1910–1914?]. Band II. XVI, 480 S.; 27 × 19 cm. Репринт с. III–XVI, 1–480 издания 1905 г. Помимо вышеуказанных изменений (новый тит. лист, но с датой: 1905), дополнен оборот тит. листа, иначе оформлен переплет, в конце изъяты с. [1–4], отсутствуют также пять листов ил. вне текста, между с. 440–441.]

Переиздание всех томов «Anthropophyteia», включая «Beiwerke» и «Quellenschriften», с томом обширных комментариев, над которым работает целый коллектив видных специалистов из разных стран Востока и Запада, готовится по подписке в венском издательстве «Österr. Kunst- und Kulturverlag» (1016 Wien, P. Box 17); выпуск намечается на 1990 г.

[1] Все «Historische Quellenschriften zum Studium der Anthropophyteia», вышедшие в лейпцигском Немецком акционерном издательстве (Deutsche Verlag(s)aktiengesellschaft) (Bd. I. 1906; Bd. II–IV. 1907), представляют первую из запланированных в те годы издательских серий (ср.: Hnatjuk 1909: 460. Вышедшее с предисловием (S. I–IV) Фридриха С. Краусса сочинение д-ра Эгремона (Aigremont) (= псевдоним Зигмара Шульце (Si(e)gmar Schultze), приват-доцента университета Галле-Виттенберга), «Fuß- und Schuh-Symbolik und -Erotik. Folkloristische und sexualwissenschaftliche Untersuchungen» («Символика и эротика ног и обуви: Фольклористические и сексуально-научные исследования») (Leipzig: Dt. Verlagsaktiengesellschaft. 1909) уже в 1911 г. (!) по непонятной причине цитируется как том V «Historische Quellenschriften» (ср.: *Nordin, Hjalmar J.* Die eheliche Ethik der Juden zur Zeit Jesu. Beiträge zur zeitgeschichzlichen Beleuchtung der Aussprüche des Neuen Testamentes in sexuellen Fragen. Verdeutscht v. W.A. Kastner u. Gustav Lewié. (= I. Abt.). II. Abt.: Das Geschlechtleben des deutschen Volkes in der Gegenwart. Folkloristische Studien und Erhebungen von Otto Stückrath, Friedrich Erich Schnabel, Hugo E. Luedecke, Hellmut, Alengo, Braunhard

Schweig<e>mann, Friedrich S. Krauss. Leipzig, 1911 (= Beiwerke z. Studium d. Anthropophyteia. Bd. IV). S. 334; [М. Мартишнит неточно приводит заглавие и имена авторов; см. подробное описание на: Beiwerke 1911/III. В этом томе: Abteilung I. S. 1–121; Abteilung II. S. 122–332], а также: Anthropophyteia. Leipzig, 1910. Bd. VII. S. 513), хотя просмотренные нами экземпляры сочинения Эгремона не имеют соответствующих типографских доказательств, да и вообще выпущены в ином полиграфическом оформлении; кроме того, продажная цена обоих сброшюрованных выпусков Эгремона составляла 9 марок, тогда как переплетенные тома «[Historische] Quellenschriften» продавались по 30 марок каждый. Альберт Молль (Albert Moll) своеобразно упоминает в списке литературы своего руководства «Handbuch der Sexualwissenschaften mit besonderer Berücksichtigung der kulturgeschichtlichen Beziehungen» (3. Auflage. Leipzig, 1926. Bd. I. S. 696) [см.: Бёрт, примеч. 159] пять томов «Historische Quellenschriften», не называя их по отдельности.

[12] Österreichische Nationalbibliothek: Inv. Nr. 437.691 – C. Er. germ. 156 (Anthropophyteia. Jahrbuch für folkloristische Erhebungen und Forschungen zur Entwicklunggeschichte der geschlechtlichen Moral. 10 Bände. Leipzig: Deutsche Verlag(s)aktiengesellschaft. 1904–1909; Leipzig: Ethnologischer Verlag, 1910–1913); Inv. Nr. 458.021 – C. Er. germ. 157 (Beiwerke zum Studium der Anthropophyteia. 9 Bände (ср. примеч. 10)); Inv. Nr. 450.057-B (Historische Quellenschriften zum Studium der Anthropophyteia. 4 Bände (ср. примеч. 11)). [См. подробное описание в наст. изд. в заметке «От составителя».] Сокращение «Er.» означает «эротика» («Erotika»). Ограниченность разрешения на получение издания в наши дни объясняется библиотечными работниками тем, что из этих очень дорогих антикварных книг воры вырывают целые печатные листы.

[13] См.: *Hauschild, Thomas.* Ethno-Psychoanalyse. Symboltheorien an der Grenze zweier Wissenschaften // Grundfragen der Ethnologie. Beiträge zur gegenwärtigen Theorie-Diskussion / Hg.: Wolfdietrich Schmied-Kowarzik, Justin Stagl. Berlin, 1981. S. 151–168.

[14] Об этом см., напр.: «Психоаналитики считают меня одним из своих, и в их среде я чувствую себя как дома» (*Krauss, Friedrich S.* Buchbesprechung [Rezension]: «von Sigmund Freud Hg.: Zentralblatt für Psychoanalyse. 1. Jg., Wiesbaden 1911, H. 1–8.» // Anthropophyteia. Leipzig, 1911. Bd. VIII. S. 487).

[15] *Martischnig, Michael.* Friedrich S. Krauss – ein vergessener Sexualwissenschafter ist neu zu bewerten // Sexus: Zeitschrift zu Fragen der Sexualität in Wissenschaft, Kultur und Erziehung. Bregenz, 1989. Jg. 2. Nr. 4. (В печати).

В рамках 27-го Немецкого конгресса по фольклористике (Volks-

kundekongresses) с основной темой «Вспоминание и забвение» («Erinnern und Vergessen»), состоявшегося в Геттингене в сентябре 1989 г. Клаус-Дитер Рат (Claus-Dieter Rath) говорил о Фрейде и его связях с Краусcом в докладе, называвшемся «Вспоминание — переводческая работа» («Erinnern ist Übersetzungsarbeit»).

[16] Настоящий порядок написания его имени и фамилии зафиксирован в свидетельстве о рождении (Geburtsmatrik), выданном еврейским раввинатом г. Пожега (Z O/I, fol. 3, lfd. Z 23) (WStLA MBA 7 – K 2220/Ш/1913); см. [факсимиле] ил. 27 в изд.: *Martischnig, Michael.* [Erotik und Sexualität. 1989] (см. примеч. 1).

Несомненно, Краусс, еврей по рождению, придерживавшийся иудейского вероисповедания, намеревался перестановкой имен добиться возможно более полной ассимиляции с немцами, но ему это так и не удалось. Он даже сократил имя Саломо(н) до начальной буквы. Это обстоятельство, как и многие другие, ниспровергает мнение Мирьям Морад (*Morad, Mirjam.* Примеч. [5.29]. 1987. S. 13, 36 etc.), согласно которому Краусс будто бы особенно выпячивал свое еврейское происхождение.

Когда, будучи уже в преклонном возрасте, наш герой удалился от публичной жизни и очевидно не хотел, чтобы его легко находили многочисленные противники, с 1932 г. он пользовался псевдонимом «Rudolf F.S.» (см.: *LEHMANN's* Allgemeiner Wohnungs-Anzeiger nebst Handels- und Gewerbe-Adreßbuch für Wien. 1932. Bd. I. S. 867; 1933. S. 842; 1934. S. 690; 1935. S. 682; 1936. S. 671; 1937. S. 671; 1938. S. 427). Обзавестись дополнительным именем он хотел давно. Уже на титульном листе рукописи «Vom Tanz. Sitte, Brauch, Glauben und Gewohnheitrecht der Völker», предназначенной для публикации в 1926 г. издательством «Verlag für Kulturforschung» (Wien; Leipzig), стоит подпись автора: «R. Friedrich S. Krauss» (см. [воспроизведение тит. листа в изд.]: *Burt, Raymond L.* (1981), см. примеч. 7, пример 3).

[17] В многочисленных публикациях появляется также вариант написания «Krauß». О первоначальном варианте, с простым «s», см. также свидетельство о рождении (примеч. 16), об официальном изменении — примеч. 98f.

[18] В предисловии к изд.: [*Krauss, Friedrich S.*] Das Geschlechtsleben in Sitte, Brauch, Glauben und Gewohnheitsrecht des japanischen Volkes. [1931.] S. 8 – Краусс пишет, что он заботился о старых родителях и сестре [см.: Krauss [1931]].

[19] Она родилась 8 мая 1854 г. в Чернике (Černik), округ Пожега, Славония, в Вене приобрела профессию санитарки, здесь же постоянно работала. Осталась незамужней. Умерла в Вене 18 сентября 1917 г. (WStLA. Sterbebuch über die in Wien bei der israeliti-

schen Kultusgemeinde vorkommenden Todesfälle. 1917, fol. 348, Reihenzahl 2786; WStLA. Totenprotokoll 1917, Journalartikelnummer 1153/XIV).

[20] О его жизни см. некролог: *Krauss, F.S.* Wilhelm Krauss [: [Nachruf] / Fritz S. Krauss [pseud.] // Am Ur-quell.: Monatsschrift für Volkskunde. / Herausgegeben von Friedrich S. Krauss. Hamburg: Kommissionverlag G. Kramer,] 1891. Bd. II, Heft IV. S. 84 (VIII, 212 S.). Здесь Фридрих признается, что его отец многочисленными воспоминаниями способствовал сложению «Народных верований и религиозных обрядов южных славян» [см.: Krauss 1890]; он был и подлинным автором отрывка о развитии торговли (S. 48–50) в книге «Die Vereinigten Königreiche Kroatien und Slavonien» (Wien, 1889) [см.: Krauss 1889a]. Об этом труде стоит сказать, что в 1-м издании он явился 14-м томом редактировавшейся с 1879 по 1889 г. венским профессором, д-ром Фридрихом Умлауфтом (Friedrich Umlauft) серии «Австро-венгерские земли в слове и образе» («Die Länder Österreich-Ungarns in Wort und Bild»). Первоначально этот том должен был охватывать Хорватию, Славонию, Боснию и Герцеговину; еще в 1886 г. в качестве его автора упоминается Георг фон Дьюркович (Georg von Gyurkovics) (ср.: *Schwicker, J.H.* Das Königreich Ungarn. Wien, 1886. S. 173. (Die Länder Oesterreich-Ungarns in Wort und Bild; Bd. 12)). Но потом выпуск был разделен: о Боснии и Герцеговине написал Мориц Хёрнес (Moriz Hoernes) (1889 г.), с оставшимися двумя землями управился Фридрих С. Краусс. Эту публикацию Мирьям Морад (см. примеч. [5.29]. 1987. S. 26) ошибочно полагает частью 24-томной серии «Die Österreichisch-Ungarische Monarchie in Wort und Bild» («Австро-Венгерская монархия в описаниях и картинах»), так называемой «Кронпринцевой серии», поскольку ее заказал кронпринц Рудольф. Известно о контактах наследника престола и Краусса. Рудольф даже причислял его к своим еврейским друзьям (см.: *Hamann, Brigitte.* Kronprinz Rudolf. Der Weg nach Mayerling. München, 1983. S. 404). После смерти эрцгерцога запланированное участие Краусса («Весьма полезная личность; позже Мы хотели бы использовать его для Нашей большой работы» (Рудольф — обергофмейстеру Бомбеллесу (Bombelles) о Краусссе 29.9.1885 — HHStA. N. R., Kt. 16, Mürzsteg; цит. по: *Morad, Mirjam.* Примеч. [5.29]. 1987. S. 25) в «Кронпринцевой серии» не состоялось вследствие происков врагов Фридриха Саломо.

В качестве эпиграфа к своей книге «Прогулки по царству женской красоты» (2. Auflage. 1924) [см.: Krauss 1903a]. Фридрих выбрал одно из высказываний отца: «У мужчины тогда появляется настоящая творческая сила, когда он живет под обаянием очаровательных женщин; всё, чего он добивается, предопределено ими».

[21] По мнению матери нашего героя, ему, как рожденному с рыжими волосами да еще в пятницу, не могло повредить никакое колдовство (см.: *Krauss, Friedrich S.* Примеч. 18. [1931]. S. 6) [См.: Krauss [1931]].

[22] Некоторые авторы приводят только (или) в качестве даты рождения также и 14 октября, среди прочих см.: *Kürschner, Joseph* (Hg.). 1885. Jg. 7. Sp. 246. (См. примеч. [5.3]); *Hinrichsen, Adolf*. 2. Auflage. 1891. Sp. 746. (См. примеч. [5.7].) Удивительно, но дата 14 октября обнаруживается также в картотеке регистрации иностранцев за 1880 г. (WStLA. Konskriptionsamt) и в экзаменационном протоколе (UA Wien. Philosophische Fakultät. Rigorosenprotocoll, fol. 181–252 vom 26.5.1880 bis 5.5.1882, Nr. 223). Не удалось выяснить, почему и Ренате Хойер (Renate Heuer) в качестве даты дня рождения, относительно которой разные авторы приводят расходящиеся данные, так настойчиво называет 14 октября (см.: Bibliographia Judaica. Verzeichnis jüdischer Autoren deutscher Sprache. München, 1981. Bd. 1. A–K. S. 224), добавляя, будто бы именно эту дату можно обосновать как истинную (S. XIII).

[23] Ссылаясь на автобиографию Краусса, Альфред Кинд называет местом его рождения Бурназовица-Брод (Burnazovica Brod), турецкое селение близ Пожеги (см.: *Kind, Alfred*. Примеч. [5.1]. 1908. S. 129). Также и Мирьям Морад без каких-либо объяснений называет местом рождения Бурназовицу под Пожегой (см.: *Morad, Mirjam*. Примеч. [5.29]. 1987. S. 1), возможно, имея в виду, как и в других местах своей работы, однако без прямого цитирования, труд Раймонда Бёрта, Барбары Эппенштайнер и Йоханнеса Райхмайра (*Burt, Raymond, Eppensteiner, Barbara, Reichmayr, Johannes*. Примеч. [5.28]. 1986. S. 48); последние, однако, указывают неправильный год рождения: 1858 г. – видимо, это опечатка. Во всех указателях населенных пунктов, изданных в то время, Бурназовица отсутствует, как и на точнейших военных картах из Военного архива (Kriegsarchiv). Метрическое свидетельство о рождении ученого (Die Geburtsmatrik. Примеч. 16 и 1) указывает Пожегу.

Топоним Пожега (Požega, Pozsega) относится к нескольким объектам: а) комитат в хорватской Славонии площадью в 4933 кв. км с шестью округами и населением 229 361 чел.; б) округ в том же комитате с семью общинами и 41 504 жителями; в) королевский вольный город с населением 4988 чел.; г) местечко в Сербии (см.: *Ritter's* geographisch-statistisches Lexikon. 9 Auflage. Leipzig, 1910. Bd. II. S. 602).

Изучая жизнь своей семьи в родном городе, Фридрих С. Краусс в рецензии: *Krauss, F.S.* Buchbesprechung [Rezension]: «von I. Sadger: Belastung und Entartung. Ein Beitrag zur Lehre vom kranken

Genie. Lepzig 1910» // Anthropophyteia. Leipzig, 1910. Bd. VII. S. 486 — приводит для 1872 г. меньшее число жителей: 2800 человек.

[24] См. свидетельство о рождении. Примеч. 16 и 1.

[25] См.: Planer, Franz (Hg.). 1929. S. 348. (См. примеч. [5.18]); Degener, Herrmann A.L. (zgst = сост.). 1905–1928. (См. примеч. [5.12], в разных местах.)

[26] *Боньхад* (Bonyhad) — населенный пункт в венгерском комитате Толна (Tolna) на железной дороге «Баттасек (Battaszek) — Домбовар (Dombovar)»; в конце XIX в. его населяло 5749 чел. (см.: *Rütter*. 1910. Bd. I. S. 299). (См. примеч. 23.)

[27] Фридрих взял на себя редактирование журнала «Am Ur-Quell» только по настойчивому желанию отца (*Krauss, Friedrich S.* Wilhelm Krauss: [Nachruf]. 1891. Bd. II. S. 84. (См. примеч. 20)). Второе издание своего перевода с греческого «Das Gemälde im Kronostempel» von Kebes (Wien, 1890. S. 1) он также посвятил «искренне любимому отцу ко дню его 75-летия». [См. «Библиографический список» на: Krauss. Cebes. 1890.]

[28] *Krauss, Friedrich S.* Wilhelm Krauss. 1891. Bd. II. S. 84. (См. примеч. 20.)

[29] *Krauss, Friedrich S.* Sagen und Märchen der Südslaven: zum großen Teil aus ungedruckten Quellen. Leipzig, [1883]. Bd. 1. S. XXVII. (Sagen und Märchen der Südslaven in ihrem Verhältnis zu den Sagen und Märchen der übrigen indogermanischen Völkergruppen. Bd. I). [См. «Библиографический список» на: Krauss 1883–1884.]

[30] См., напр.: *Krauss, Friedrich S.* Das Geschlechtsleben in Sitte... japanischen Volkes... [1931]. S. 5. (См. примеч. 18) [См.: Krauss [1931]]; о том же в рецензии: *Krauss, F.S.* Buchbesprechung [Rezension]: «Wilhelm Stekel: Die Sprache des Traumes. Eine Darstellung der Symbolik und Deutung des Traumes in ihren Beziehungen zur kranken und gesunden Seele für Ärzte und Psychologen. Wiesbaden 1911» // Anthropophyteia. Leipzig, 1911. Bd. VIII. S. 494.

[31] Уже в анкетных данных к 1-му семестру 1877/78 гг. (UA Wien) он назвал себя Фридрихом Краусcом и в дальнейшем подписывался именно так. В пору обучения в университете Краусс посещал лекции, просеминары и семинары следующих профессоров: Вильгельма Хартеля (Wilhelm Hartel), классическая филология (6 [семестров]); Карла Шенкля (Karl Schenkl), классическая филология (6); Отто Хиршфельда, археология (5); Эмануэля Хофмана (Emanuel Hoffmann), классическая филология (5); Фридриха Мюллера, санскрит (4); Изидора Хильберга (Isidor Hilberg), классическая филология (3); Теодора Гомперца, классическая филология (2); Роберта Циммермана (Robert Zimmermann), философия (2); Франца Брентано (Franz Brentano), философия (1); Михаэля Гитльбауэра (Micha-

el Gitlbauer), классическая филология (1); Вильгельма Кляйна (Wilhelm Klein), классическая археология (1).

[32] См.: *Krauss, Fridericus Salomo.* De praepositionum... 1882. S. V. (См. примеч. [5.2].)

[33] *Kind, Alfred.* 1908. S. 130. (См. примеч. [5.1].)

[34] *Krauss, Fridericus Salomo.* 1882. S. VI. (См. примеч. [5.2].)

[35] См.: *Kind, Alfred.* 1908. S. 131. (См. примеч. [5.1].)

[36] См.: UA Wien, Rigorosenprotokoll. (См. примеч. 22.)

[37] См.: *Krauss, Friedrich S.* [Rezension]: «Wilhelm Stekel...». 1911. S. 494. (См. примеч. 30.)

[38] См.: *Krauss, Friedrich S.* Wider die Unzuchtschnüffler der deutschen Justiz. Ein Haró-Rufen durch die deutschen Lande. Basel, 1928. S. 6–8.

[39] Ср.: UA Wien. Nationalia der philosophischen Fakultät von Wintersemester 1877/78 bis Sommersemester 1882 (!). С одной стороны, в анкете сохранились отметки об освобождении от налога за обучение либо печати об уплате такого налога, а с другой – из строчек, стоящих выше, следует отсутствие стипендий или пожертвований.

[40] Зимой 1877 г. Краусс жил по адресу: Шмельцгассе (Schmelzgasse), 9; летний семестр 1878 г. – на Пратерштрассе (Praterstraße), 6/3; в начале следующего учебного года он снимал квартиру на Пратерштрассе, 7, однако в летнем семестре 1879 г. переселился во Внутренний город на Габсбургергассе (Habsburgergasse), 4, а со следующего семестра и до конца обучения жил постоянно в мезонине дома на Габсбургергассе, 3 (UA Wien. Nationalia der philosophischen Fakultät. 1877/78 bis 1881/82. WStLA, Konskriptionsamt. Kartei der Fremden zu 1880).

[41] *Krauss, Friedrich S.* Das Geschlechtsleben in Sitte... japanischen Volkes... [1931]. S. 8. (См. примеч. 18.) [См.: Krauss [1931].]

[42] См.: *Krauss, Friedrich S.* Einführung zu: Das Minnelied lustiger Städter. Die Wirtin an der Lahn // Das Minnelied des deutschen Land- und Stadtvolkes / Abhandlungen und Sammlungen... hrsg. von Friedrich S. Krauss. Leipzig, 1929. S. 295f. (Beiwerke zum Studium der Anthropophyteia; Bd. IX). [См. «Библиографический список...» на: Beiwerke 1929/IX.]

[43] См.: *Krauss, Fridericus Salomo.* De praepositionum... 1882. S. VI. (См. примеч. [5.2].) Краусс с благодарностью пишет, что благодетели «на три года благословенно сняли (с него) заботы о жизненно необходимом». Но упомянутый у Мирьям Морад (*Morad, Mirjam.* 1987. S. 12. (См. примеч. [5.29].) Эдмунд Маккбрайтер (Edmund Mackbreiter), кажется, не принадлежал к таковым.

[44] Артемидор из Эфеса (прозванный Далдианцем по названию

лидийского города Далдиса, месту рождения его матери), родившийся во II в. н. э., автор «Онейрокритики» («Oneirokritika») в пяти книгах, в которой искусно представлена теория толкования снов вместе с примерами ее практического применения и собранием исполнившихся снов. Она в равной степени ценна как для истории культуры, так и для античной мифологии.

[45] *Gomperz, Theodor.* Ein Gelehrtenleben im Bürgertum der Franz-Josefs-Zeit / Hrsg. A.R. Kann. Wien, 1974. S. 119 (цит. по: *Burt, Raymond, Eppensteiner, Barbara, Reichmayr, Johannes.* Примеч. [5.28]. 1986. S. 50).

[46] *Freud, Sigmund.* Die Traumdeutung. Leipzig; Wien, 1900. S. 361 (сноска).

[47] Там же.

[48] *Krauss, Friedrich S.* [Rezension]: «Wilhelm Stekel...». 1911. S. 491f. (См. примеч. 30.)

Упомянутое дополнение см. в статье: *Licht, Hans.* Erotische Träume und ihre Symbolik. Aus dem Giechischen des Artemidoros // Anthropophyteia. Leipzig, 1912. Bd. IX. S. 316–328.

[49] См.: *Lehmann's* Allgemeiner Wohnungs-Anzeiger... 1883. S. 556; 1884. S. 560; 1885. S. 590; 1886. S. 590; 1887. S. 613. (См. примеч. 16.) Эта адресная книга содержит только имена главных квартиросъемщиков. Обычно очередные ее выпуски появлялись вскоре после Нового года, так что адреса относились уже к прошедшему периоду. 10 апреля 1887 г. Краусс жил еще на Хофшталлыгассе (см.: Habilitationsgesuch. Примеч. 55), поскольку 3 июня 1887 г. он подал заявление о регистрации на Нойштифтгассе (WStLA Meldenachweis); так что следует исправить дату, 1888 г., которую Мариам Морад (примеч. [5.29]. 1987. S. 5) дает, возможно, ориентируясь на статью: *Burt, Raymond, Eppensteiner, Barbara, Reichmayr, Johannes.* (Примеч. [5.28]. 1986. S. 54.) О связях Крауссa с VII районом см. выпускаемую одновременно с мемориальной выставкой публикацию: *Martischnig, Michael.* Prof. Dr. Friedrich S. Krauss. Ein Wissenschafter mit Weltgeltung aus einer hofseitigen Zimmer-Küche-Wohnung des 7. Bezirks. (Mitteilungen des Bezirksmuseums Neubau. Wien, 1990. № 20. В печати.) Мы намерены установить памятную доску на доме № 12 по Нойштифтгассе.

[50] После года учения Краусс записался с зимнего семестра 1877 г. по летний семестр 1882 г. еще и на два часа в неделю на курс сравнительного языкознания у Фридриха Мюллера, а 9 апреля 1882 г., после апробирования Карлом Шенклем и Теодором Гомперцом своей диссертации «О предлогах, использованных шестью авторами жизнеописаний Августа», выдержал двухчасовой экзамен у филологов-классиков Карла Шенкля («удовлетворительно») и Тео-

дора Гомперца («удовлетворительно»), историка Отто Хиршфельда («удовлетворительно») и декана философа Юлиуса Визнера (Julius Wiesner) («удовлетворительно»), получив итоговую оценку «adprobatus per unanima» («единодушно одобрен»). 28 марта 1882 г. он держал одночасовой докторский экзамен по философии у профессоров Юлиуса Визнера и Теодора Фогта (Theodor Vogt) и был удостоен оценки «удовлетворительно», тогда как Роберт Циммерман влепил ему «неудовлетворительно»; итоговая оценка, однако, оказалась «adprobatus per majora» («одобрен большинством голосов»). Присуждение ученой степени состоялось тогда же, 28 марта 1882 г. (UA Wien. Philosophische fakultät... № 223). (См. примеч. 22.)

[51] *Krauss, Friedrich S.* Sagen und Märchen... Leipzig, 1884. Bd. II. S. XL. (См. примеч. 29.) [См. «Библиографический список» на: Krauss 1883–1884.]

[52] Особенным противником был славист Ватрослав Ягич, который после Берлина (1874) и Петербурга (1880) получил в 1886 г. в наследство от Франца Миклозича (Franz Miklosich) кафедру в Институте славистики Венского университета. В. Ягич, основоположник славянского языкознания и славянской археологии, был почетным членом и многолетним вице-президентом венского Общества фольклора (Vereines für Volkskunde in Wien) [основано в 1891 г.] (см. некролог: *Haberlandt, Michael.* Hofrat Prof. Dr. V. Jagić † // Wiener Zeitschrift für Volkskunde. Wien, 1924. Vol. XXIX. S. 12f.).

[53] *Krauss, Friedrich S.* Sagen und Märchen... Leipzig, 1883. Bd. I. S. XI. (См. примеч. 29.)

[54] Ibid. 1884. Bd. II. S. XII. (См. примеч. 29.)

[55] Заявление, поданное на конкурс по замещению преподавательской должности, Краусс сопроводил 19 работами, причем надеялся на признание в качестве конкурсной последней из них — «Срећа: счастье и судьба в поверьях южных славян» («Sreća. Glück und Schicksal im Volksglauben der Südslaven»). [См.: Krauss 1886.] Его заявление (см.: UA Wien. Phil. Fak. Z 490-1886/87 v. 10.4.1887), датированное 13 апреля, было, согласно протоколу профессорской коллегии, состоявшей из слависта Ватрослава Ягича (см. примеч. 52), санскритолога Фридриха Мюллера, друга и бывшего учителя Крауссa, которому последний посвятил оба тома своих «Преданий и сказок южных славян» (Bd. I. 1883. S. V; Bd. II. 1884. S. V (см. примеч. 29)) и вместе с которым публиковался (см. его некролог, написанный Фридрихом Крауссом: Der Urquell. N.F. Hamburg, 1898. Bd. II. S. 189), германиста Рихарда Хайнцеля (Richard Heinzel), филолога-классика Карла Шенкля, также бывшего учителя Крауссa, и в качестве председателя — декана Якоба Шиппера (Jacob Schipper), рассмотрено на заседании вечером 7 мая (UA Wien. Prof.

Coll. Phil. Sitzungsprotokolle 1885/86–1889/90. Z 564. I. Mittheil., K). Решено было перенести рассмотрение прошения на 16 мая. В протоколе заседания комиссии от 22 июня указывается, что Ягич устно уже отговаривал Крауса от участия в конкурсе: «Если подходить по меркам филологии, то его научные достижения недостаточны для преподавания. Непосредственно конкурсное сочинение в качестве научной работы чрезвычайно слабо. Он (Ягич) не может высказаться за допуск к конкурсу. Также и проф. Мюллер выступил в том смысле, что работы, приложенные к заявлению, относятся не к литературе, а к фольклористике. Проф. Мюллер придерживается того мнения, и это должно быть известно заявителю: по причине, что публикации заявителя не относятся к области истории славянской литературы, он не может разрешить ему участвовать в конкурсе. Комиссия согласилась с такой точкой зрения» (UA Wien. Phil. Fak. Z 667, dat. prs. 22.6.1887). На основании этого Ягичем было подготовлено трехстраничное решение, в котором среди прочего говорилось: «<...> исходя из высказанной оценки представленных сочинений <...>, комиссия решила воздержаться и в качестве своего единодушного решения рекомендует философскому факультету отклонить заявление о допуске к конкурсу» (UA Wien. Phil. Fak. inliegend Z 490–1886/87 von 9.7.1887). Впоследствии, 9 июля 1887 г., это предложение было единогласно поддержано на пленарном заседании профессорской коллегии (см.: UA Wien, Prot. Coll. Phill. Sitzungsprotokolle 1885/86–1889/90, Z 731, II. Verhandlggegst., F). 16 июля Шиппер распорядился вернуть Крауссу сопроводительные документы к заявлению (см.: UA Wien. Phil. Fak. Z 490–1886/87 von 10.4.1887).

Сказанное объясняет в некоторых деталях – относительно продолжительности и угрозы лишения академического звания – нижеследующие утверждения Фридриха С. Крауса, раз от раза выдвигавшийся упрек его холерическому характеру, а также его гипертрофированную обидчивость:

«В 1887 г. я подал заявление в сенат <...> о предоставлении мне venia legendi, сопроводив заявление семнадцатью работами. Его рассматривали почти год, и философский факультет единогласно отклонил мою кандидатуру, потому что бабьи истории и песни нищих (т. е. песни гусляров) не относятся к науке. Кроме того, я уже доказал якобы свою бесхарактерность, бродяжничая с цыганами, имея звание Vir illustrissimus* Венского университета. В уни-

* Превосходнейший муж (*лат.*) – один из высших военных титулов поздней Римской империи. – *Примеч. пер.*

верситетских кругах даже совещались, не отобрать ли у меня титул doctor philosophiae*» (Примеч. 42. S. 296f.).

[56] Комиссия, собранная для рассмотрения заявления Краусса о допуске к конкурсу на место лектора, отчасти состояла из тех профессоров, которые уже участвовали в отклонении его заявления: под председательством декана в комиссии участвовали Ватрослав Ягич в качестве докладчика, Фридрих Мюллер и Рихард Хайнцель. Доклад комиссии (UA Wien. Phil. Fak. Z 819–1887/88 von 2.7.1888) обсуждался 13 июля 1888 г., в послеобеденное время, коллегией профессоров в составе: Рихард Хайнцель, ориенталист Давид Генрих Мюллер (David Heinrich Müller), филолог-классик Вильгельм Хартель, географ Альбрехт Пенк (Albrecht Penck), англист Якоб Шиппер и Ватрослав Ягич. По предложению археолога Фридриха Бенндорфа доклад был возвращен в прежнюю комиссию с поручением расширить его (см.: UA Wien. Prof. Coll. Phil. Sitzungsprotokolle 1885/86–1889/90. Z 890. II. Verhandlggegst., D). В ответ на это как сторонники, так и противники Краусса активизировались и попытались своим вмешательством способствовать достижению цели; так уже 16 июня из Имперского и королевского министерства образования под номером Z 11171 ушла записка в университет (UA Wien. Phil. Exhibiten Protoc. 1883/84–1890/91, Z 776–1887/88 von 20.6.1888). Когда 16 марта следующего года в профессорской коллегии, изменившей тем временем свой состав — вместо Фридриха Мюллера теперь в заседаниях участвовали математик Эмиль Вейр (Emil Weyr) и минералог Густав Чермак (Gustav Tschermak), — на обсуждение был представлен проект нового доклада, и Чермак поставил на голосование единогласно принятое комиссией решение об отказе соискателю. Коллегией оно было единодушно утверждено (UA Wien. Prof. Coll. Phil. Sitzungsprotokolle 1885/86–1889/90. Z 473. II. Verhandlggegst., C).

[57] *Андриан-Вербург*, Фердинанд фон, имперский барон (Andrian-Werburg, Ferdinand Reichsfreiherr von) (20.9.1835, Форнбах/Ин (Fornbach/Inn) — 10.4.1914, Ницца) — геолог и антрополог; организовал исследование гор и лесов Боснии и Герцеговины, чем отличился в естественнонаучном изучении этих стран. С 1870 г. был одним из основателей и вице-президентом Венского антропологического общества, президентом которого состоял в 1882–1902 гг., потом занял должность почетного президента. В 1893–1903 гг. — один из трех президентов Немецкого антропологического общества (Deutsche Anthropologische Gesellschaft).

---

* Доктор философии (*лат.*). — *Примеч. пер.*

[58] См.: Krauss: 1885. Об истории его исследований см. там же «Предисловие» («Vorwort»); а также: *Blümml, Emil Karl, Krauss, Friedrich S.* Ausseer und Ischler Schnaderhüpfel // Der Volksmund. Alte und neue Beiträge zur Volksforschung. Leipzig, 1906. Bd. III. S. VIII; *Schroeder, Leopold von.* Gedenkrede über Ferdinand von Andrian // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Wien, 1915. Bd. XLV. S. 2.

[59] См.: *Krauss, Friedrich S.* Ethnographische Fragebögen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. I. Südslawen. Wien, 1884. VI, 48 S.

[60] См.: *Krauss, Friedrich S.* Bericht // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien: Versammlung am 10. Februar 1885. Wien, 1885. Bd. XV. Separatabdruck; *Idem.* Über seine Reise in Bosnien und der Hercegovina // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien: Versammlung in Klagenfurt 19.–21. August 1885. Wien, 1885. Bd. XV. Separatabdruck.

[61] То есть героические песни в сопровождении гусле.

[62] См.: *Krauss, Friedrich S., Scherman, Lucian.* Allgemeine Methodik der Volkskunde: Bericht über Erscheinungen in den Jahren 1890 bis 1897. Erlangen, 1899; *Krauss, Friedrich S.* Die Volkskunde in den Jahren 1897–1902. Berichte über Neuerscheinungen. Erlangen, 1903. S. 15ff.

[63] Цит. по: *Burt, Raymond, Eppensteiner, Barbara, Reichmayr, Johannes.* Примеч. [5.29]. 1986. S. 48.

[64] *Krauss, Friedrich S.* [Rezension]: «Wilhelm Stekel...» 1911. S. 493. (См. примеч. 30.)

[65] «Исследование первородного инстинкта» («Urtriebforschung») – это часто встречающееся у Фридриха С. Краусса понятие, использовано и в изд.: Planer, Franz (Hg.). 1928–1929. (См. примеч. [5.18].) Оно перенесено в измененное заглавие серии «Beiwerke zum Studium der Anthropophyteia. Jahrbücher für ethnologische, folkloristische und sittengeschichtliche Urtriebforschung», в которой вышло изд.: *Krauss, Friedrich S.* Das Geschlechtsleben in Sitte, Brauch, Glauben und Gewohnheitsrecht des japanischen Volkes... [1931]. (См. примеч. 10.) М. Мартишниг ошибочно привел не заглавие Bd. 1 с тит. листа, а заглавие подсерии «Japanisches Geschlechtsleben», см.: Krauss [1931]/1]. См. также [«Предисловие»] в изд.: *Borde, Victor.* Texte aus den La Plata-Gebieten in volkstümlichem Spanisch und Rotwelsch: nach dem Wiener handschriftlichen Material zusammengestellt. Leipzig, 1923. S. VI. (Beiwerke zum Studium der Anthropophyteia...; Bd. VIII).

[66] *Krauss, Friedrich S.* Nachwort des Herausgebers // Anthropophyteia. Leipzig, 1910. Bd. VII. S. 475.

[67] *Krauss, Friedrich S.* Böhmische Korallen aus der Götterwelt: folkloristische Börseberichte vom Götter- und Mythenmarkte. Wien, 1893. S. 6.

[68] *Krauss, Friedrich S.* Von des Deutschen Sittlichkeit // Nordin, Hjal-

mar J. Die eheliche Ethik der Juden zur Zeit Jesu / von Hjalmar J. Nordin. Das Geschlechtleben des deutschen Volkes in der Gegenwart. Folkloristische Studien und Erhebungen / von Otto Stückrath [et al.]. Leipzig, 1911. S. 322. (Beiwerke zum Studium der Anthropophyteia; Bd. IV). (См. примеч. 11.) [См. «Библиографический список» на: Beiwerke 1911/III.]

[69] «Frankfurter Zeitung» от 6 августа 1909 г. Перепечатано в изд.: Anthropophyteia. Leipzig, 1909. Bd. VI. S. 509f.; возможно, взято из статьи самого Фридриха С. Краусса.

[70] Свой труд: *Krauss, F.S.* Volksglaube und religiöser Brauch der Südslaven: Vorwiegend nach eigenen Ermittlungen. Münster i. W., 1890. S. V. (Darstellungen aus dem Gebiete der nichtchristlichen Religionsgeschichte; Bd. II). Фридрих С. Краусс предварил посвящением: «Памяти моей незабвенной мамы, с сердечной благодарностью».

«Среди моих корреспондентов должен с признательностью отметить моего верного друга Т. Драгичевича (Th. Dragičević), но больше всего я обязан навечно оставшейся в моем сердце матери, которая с детства пробуждала во мне желание наблюдать чужие нравы и обычаи, оценивать их, а также совершенствоваться в этом занятии. Именно ей я благодарен, возможно, за самые ценные сведения о сокровеннейшем в народных верованиях» (Ibid. S. XII). [См. «Библиографический список» на: Krauss 1890.]

[71] *Плетерница* (Pleternica) – городок, соседствующий с Пожегой. Из анкетных адресных данных следует, что в 1877 г. отец еще был купцом в Пожеге, а с 1878 по 1880 г. занимался крестьянским хозяйством в Нова-Градишке (Neugradiška), в Славонии. Потом они поселяются в Плетернице как частные лица (см.: UA Wien. Nationale der philosophischen Fakultät 1877/78 bis 1881/82).

[72] После Второй мировой войны был обнаружен разветвленнейший подземный лабиринт под домами 12 и 14 (любезное сообщение Кримхильды Хофбауэр (Kriemhilde Hofbauer)).

[73] Уже в 1890 г. появилась статья: *Krauss, Friedrich S., Rösler, Maria.* Schnecke // Am Ur-Quell: Monatsschrift für Volkskunde. Hamburg, [1890]. Bd. I, Nr. 5. S. 92.

[74] Разночтения в написании имени встречаются и в официальных бумагах: Мария (Maria) и Мари (Marie); сама она подписывалась: Мари.

[75] См.: WStLA MBA 7 – K 2220/II/1913. В адресной книге города Нойштадт-ан-дер-Тафельфихте за 1923 г. фамилия Рёзлер (Rösler) встречается 76 раз; она одна из самых распространенных наряду с такими, как Швертнер (Schwertner), Рессель (Ressel), Прайслер (Preissler), Поль (Pohl), Нойман (Neumann), Леглер (Legler), Краус (Kraus), Кирш (Kirsch), Ханиш (Hanisch) и т. д.

[76] Сначала название города писалось Нойштадль (Neustad(t)l), позднее – Нойштадт (Neustadt). Йозеф Шейбал (Josef Scheybal), житель города Яблонец-над-Нисоу (Jablonec nad Nisou) (Габлонц (Gablonz)), чей отец интенсивно занимался разысканиями документов о Крауссе, бóльшая часть которых отошла в собственность сына, любезно сообщил, что еще в 1923 г. родной дом Мари по Хайнерсдорферштрассе (Heinersdorfer Straße) (ныне Йиндржиховицка (Jindrichovická)), 417 принадлежал очень крупной фирме барона Клингера (Klinger), основанной в 1863 г. (ныне – «Текстилана» («Textilana»)). В этом доме располагалось ее правление, а также квартиры высокопоставленных сотрудников. Это могло бы свидетельствовать о том, что родители Мари занимали достойное положение в обществе.

[77] См.: «Mag. d. St. Wien MA 61, Ehebuch, tom. VIII, pag. 122, Z4783».

[78] См., напр.: Der Hexentritt // Am Ur-Quell. Hamburg, 1892. Bd. III, Nr. 1. S. 31f.; Katzensporn // Am Ur-Quell. 1892. Bd. III, Nr. 4. S. 139; Tiersprache // Am Ur-Quell. 1892. Bd. III, Nr. 9. S. 281; Volkslieder aus dem Isergebirge in Böhmen // Am Ur-Quell. 1892. Bd. III, Nr. 10. S. 297f.

[79] Альфред Хоппе (Alfred Hoppe) (6.3.1869, Шнайдемюль (Schneidemühl), русская Польша – 6.7.1929, Вена) изучал в Вене теологию, до 1896 г. – кооператор в Мариабрунне (Mariabrunn), впоследствии – священник в Винцендорфе (Winzendorf). После оставления прихода занял место руководителя учетного отдела Венского епископства. Автор многочисленных трудов по литургии и народному образованию. Знаток австрийского паломничества. Автор книги «Des Österreichers Wallfahrtsorte» (Wien, 1913).

[80] См.: «Pfarre Mariabrunn, Taufbuch tom. V, 1887–1902, pag. 83, Z 6». На (позднейшее) внесение отцовской фамилии указывает первоначальная последовательность имен и способ написания фамилии с одним «s».

[81] Созвучные именам родителей Крауса имена детей Мари свидетельствуют о подлинности отцовства Фридриха Саломо.

[82] См.: «Pfarre Neulerchenfeld, Taufbuch tom. 1906/II, pag. 209, Z 649». О (позднейшем) внесении отцовской фамилии см. примеч. 80.

[83] *Пахингер*, Антон Максимилиан (Pachinger, Anton Maximilian) (22.11.1864, Линц – 30.11.1938, Вена) – сын богатого купца, известный коллекционер [женского интимного] белья, эротики, образцов ханжества, графики. Согласно любезному сообщению Франца Ц. Липпа (Franz C. Lipp), лучшего его биографа, неизвестны какие-либо документы о связи между Пахингером и Крауссом.

[84] Вильям Годелюк (William Godelück) из Страсбурга опубликовал в «Антропофитее» построенное на результатах анкетирования

сообщение о любовном колдовстве (Liebeszauber) в народе (Bd. II. S. 448; Bd. III. S. 165–168; Bd. V. S. 237–249; Bd. VI. S. 223–230; Bd. VII. S. 274–281), статьи об эльзасской эротике (Bd. II. S. 249–264; Bd. III. S. 132–143), о проверке девственности (Bd. III. S. 61f.), а также об эротических и скатологических детских и юношеских стихах. Краусс посвятил ему, а также Бернхарду Герману Обсту (Bernhard Hermann Obst), Бертольду Лауферу (Berthold Laufer) и Уолтеру Фьюксу (J. Walter Fewkes) свое сочинение «Прогулки по царству женской красоты» («Streifzüge im Reiche der Frauenschönheit» 2. Auflage. Berlin, 1924. S. 1). [См.: Krauss 1903a.]

[85] Любезное сообщение г-жи Хильды Колб (Hilda Kolb; род. 7.10.1917), в замужестве Пинтериц (Pinterits).

[86] Совершенно необъяснимым представляется отсутствие под этим адресом в «*LEHMANN's* Allgemeiner Wohnungs-Anzeiger» (примеч. 16) семьи Рёзлер-Краусс (Rösler-Krauss); видимо, они не были главными съемщиками.

[87] Предположение, высказанное в изд.: *Burt, Raymond, Eppensteiner, Barbara, Reichmayr, Johannes* (Примеч. [5.28]. S. 54) и *Reichmayr, Johannes* (Примеч. [5.30]. S. 139), о том, что Краусс был женат уже при рождении своего сына, явно противоречит недавно обнаруженным документам. Эти всплывшие теперь данные впервые позволяют прояснить семейную жизнь, так что сведения из: *Burt, Raymond, Eppensteiner, Barbara, Reichmayr, Johannes* (Примеч. [5.28]. S. 73(3)) надо пересмотреть; написание имени Мария Рёзкер (Rösker) следует считать опечаткой. Предположение о том, что в 1909–1914 гг. Мари с детьми жила в Богемии, опровергается фактом сдачи Вильгельмом Вольфгангом 26 октября 1912 года экзамена на аттестат зрелости и почти немедленным приступлением к учебе на следующем уровне образования.

[88] Конфессиональный брак был нормальным явлением. Но, чтобы облегчить вступление в союз лицам различных вероисповеданий или атеистам, в конце XIX века венской (еврейской) общиной была введена гражданская регистрация.

[89] См.: WStLA. MBA 16 – K 42 549/13.

[90] Хотя Мари проинформировала окружную магистратуру о своем выходе 26 апреля 1913 г., ее родной приход во Фридланде не подозревал об этом даже 15 декабря 1913 г. (см.: WStLA MBA 7 – K 2220/II/1913).

[91] В данном случае отказ был высказан 4 июля 1913 г. и внесен в предпоследний столбец книги регистрации браков. Порядок следования имен жениха соответствовал форме, выбранной при рождении, однако фамилия была написана с двойной «s» (см.: Mag. d. St. Wien MA 61, Ehebuch). (См. примеч. 77.)

[92] *Майи*, Антон Шоран де (de Mailly, Anton Chaurand (Ciaulandi)) (19.8.1874, Гёрц (Görz) – 30.5.1950. Вена) – директор управления учета Министерства торговли, Вена. По складу характера он был схож с Краусом, однако изменил свое имя, женился только в 65 лет, но в конце концов остался одиноким и был озлоблен по причине весьма скромных успехов на жизненном пути и жалкого финансового положения. Их дружбе, несомненно, повредило издание в 1922 г., в Лейпциге, при поддержке Йоханнеса Больте (Johannes Bolte), одного из самых ожесточенных противников Крауса, книги де Майи «Предания Фриули и Юлийских Алп» («Sagen aus Friaul und den Julischen Alpen»). Автор многочисленных публикаций по древнейшей истории искусства и права, а также сказаниям области Изонцо (Isonzogebiet) (München, 1916), Вахау (Wachau) (Wien, 1923), Вены (Wien, 1923), Нижней Австрии (Leipzig, 1926), округа Мистельбах (Mistelbach) (Wien, 1927), Бургенланда (Burgenland) (Wien, 1931).

[93] *Бибер*, Фридрих Юлиус (Bieber, Friedrich Julius) (24.02.1873, Вена – 3.3.1924, там же) – ученик сапожника; после пеших странствий по Турции увлекся самостоятельным изучением народоведения (Völkerkunde), с 1893 г. – статистик Министерства торговли, позднее – коллега Майи по работе. В 1904–1905 гг. вошел в состав торговой и дружественной миссии в Абиссинии, где получил разрешение на обследование территории бывшей империи Каффа (Kaffa). В 1909 г. совершил новое путешествие по Эфиопии, к Белому Нилу. Поддерживал Крауса в процессах над «Антропофитеей». Автор многочисленных этнографических (ethnographische) работ о Каффе, в том числе словаря языка каффичо.

[94] *Краусс, Фридрих С.* Письмо Бернхарду Герману Обсту // Museum für Völkerkunde Leipzig. Archuv BW 1906. Nr. 09386 от 2.03.1906.

[95] Дела, относящиеся к компетенции судов Фридланда и Вены по делам опеки, не сохранились.

[96] См.: WStLA MBA 7 – K 2220/II/1913.

[97] См.: WStLA MBA 7 – K 2220/II/1913 mit Z III 700/3.

[98] WStLA M. Abt. 116 P 3/4019/1914.

[99] Указ от 2.10.1917 Z 20230/1914; см.: WStLA MBA 7 – K 2220/II/1913.

[100] См.: WStLA Meldenachweis.

[101] Любезное сообщение г-на Готлиба Матейки (Gottlieb Matejka; род. 6.2.1920). Когда семья съезжала с квартиры, Краусс подарил ему скрипку для учебы; этой скрипкой г-н Матейка владеет до сих пор.

[102] *Kolb*, Hilda. Примеч. 85.

Фридрих отмечал, что до кончины родителей и еще целых два

десятилетия был вынужден жить едва сводя концы с концами (примеч. 14. 1911. S. 486). Это не соответствует истине, поскольку упомянутый промежуток охватывает время вплоть до 1910 г., тогда как доказано, что по меньшей мере с 1902 г. он неплохо зарабатывал на самых успешных своих публикациях. В письме к Бернхарду Герману Обсту Краусс отмечал: «Вашему предложению переселиться в Лейпциг я охотно последую, как только мало-мальски окрепнут мои начинания, каковых сейчас шесть» (см.: Museum für Völkerkunde Leipzig. Archiv BW. 1906. Nr. 09386 от 2.03.1906).

[103] Об истории союза см.: Fünfundzwanzigster Jahresbericht der Israelitischen Allianz zu Wien. Mit einem Rückblick auf die fünfundzwanzigjährige Wirksamkeit der Israelitischen Allianz 1873–1898. Wien, 1898.

[104] *Вертхаймер*, Йозеф фон (Wertheimer, Josef Ritter von; 15.3.1800, Вена – 16.3.1887, там же) – юморист, писатель, благотворитель. Основывал детские приюты, пансионаты для евреев, сиротские дома, Всеобщее общество спасения (Allgemeine Rettungsgesellschaft), издал учебник для матерей и нянь (1835), писал об истории евреев в Вене.

[105] См.: Niederösterreichischer Amtskalender für das Jahr 1877. Wien, 1877. Jg. 12. S. 538. См. также устав Венского альянса израэлитов: Israelitische Allianz zu Wien // Vierundzwanzigster Jahresbericht der Israelitischen Allianz zu Wien. Wien, 1897. Beilage 1. S. 79–82.

[106] См.: Niederösterreichischer Amtskalender für die Jahre 1891 и сл.

[107] См.: Fünfundzwanzigster Jahresbericht der Israelitischen Allianz zu Wien. 1898. S. 18f. (См. примеч. 103); Sechsundzwanzigster Jahresbericht der Israelitischen Allianz zu Wien. Wien, 1899. S. 11.

[108] *Кульке*, Эдуард (Kulke, Eduard) (28.5.1831, Никольсбург (Nikolsburg) – 20.3.1897, Вена) – еврейский писатель и музыкальный критик. Другу-урнингу Краусс посвятил некролог: Der Urquell. Eine Monatschrift für Volkskunde. Hamburg, 1897. N. F. I, Jg. I. S. 96. Среди произведений Кульке: «Aus dem jüdischen Volksleben» (Hamburg, 1869), «Geschichten aus dem jüdischen Volksleben» (Hamburg, 1871), «Don Perez» (Wien, 1873), «Erinnerungen an Friedrich Hebbel» (Wien, 1878), «Über die Umbildung der Melodie. Ein Beitrag zur Entwicklungslehre» (Prag, 1884), «Richard Wagner und Friedrich Nietzsche» (Leipzig, 1890).

При издании произведений Кульке в 1900–1901 гг. дошло до судебного процесса против Креднера (Credner) в Лейпциге: «Чтобы не возбуждать Вас, я не буду ничего писать о Креднере, нарушившем договор и вызвавшем процесс, на котором он играет весьма печальную роль. Мой юридический представитель смог уличить его перед судом в фальсификации документов, которую он

начал, чтобы добиться приговора не в пользу бедной вдовы, юридическим распорядителем имущества которой я являюсь! Он даже хотел подкупить меня 600 м<арок>, чтобы я объегорил 70-летнюю женщину! Об этом также говорилось на суде <...>, после чего я получил от надворного советника Креднера в качестве компенсации небольшую сумму. Он заплатил мне 21 числа прошлого месяца штраф в три тысячи (3000) м. и несет все судебные и несудебные расходы шестилетнего процесса, которые уже превысили 4000 м. Теперь рукопись снова принадлежит мне, и я выпущу ее в своем издательстве. Вы получите свой персональный экземпляр и сможете убедиться, что Креднер – глупец, иначе он не отказался бы от шедевра великого мыслителя, а Кульке был им, и не обругал бы меня обманщиком. Креднер преследовал и мучил меня до крайности, и вот теперь он вынужден безропотно отказаться ото всех упреков и оценить мое миролюбие, уберегшее его от Имперского суда. При этом я понес убытки примерно в 600 м., но я хотел бы пощадить жену Креднера, отнюдь не переходившую мне дорогу» (*Краусс, Ф.-С.* Письма Бернхарду Герману Обсту // Museum für Völkerkunde Leipzig. Archiv BW 1902. Nr. 07904 от 11.6.1902; BW 1903. Nr. 08289 от 19.7.1903; BW 1906. Nr. 09386 от 2.3.1906).

О связях между старым зажиточным Кульке и молодым нуждавшимся Краусcом см. специальное исследование Михаэля Мартишнига в «Lamda-Nachrichten. Zeitschrift der Homosexuellen Initiative Wien».

[109] *Anonym.* Vorwort // Krauss, Friedrich S. Das Minnelied des deutschen Land- und Stadtvolkes. – Gekürzter Nachdruck. – Hanau, 1968. S. 7. (Beiwerke zum Studium der Anthropophyteia; Bd. IX).

[110] В изд.: *Ziska, Franz* und *Schottky, Julius Max.* Österreichische Volkslieder mit ihren Singweisen / Nachwort von Leopold Schmidt. Pesth, 1819; Neudruck. Wien, 1969.

[111] *Блюмль*, Эмиль Карл (Blümml, Emil Karl) (25.10.1881, Вена – 26.4.1925, там же) – германист, историк-краевед, биограф, исследователь народных песен; руководитель журнала «Das deutsche Volkslied», редактор «Quellen und Forschungen zur deutsche Volkskunde», основатель «Deutsche Volksliedvereins». В числе его произведений: «Erotische Volkslieder aus Deutschösterreich» (Wien, 1907) (готовится репринтное переиздание с комментариями Михаэля Мартишнига); «Denkwürdigkeiten der Caroline Pichler» (Wien, 1914); в соавторстве с Густавом Гугицем написал: «Alt-Wienerisch» (Wien, 1920), «Von Leuten und Zeiten im alten Wien» (Wien, 1922), «Der Spittelberg und seine Lieder» (Wien, 1924), «Alt-Wiener Krippenspiele» (Wien, 1925).

[112] Репринтное переиздание этой работы готовит Михаэль Мартишниг.

[113] См.: Der Globus. Illustrierte Zeitschrift für Länder- und Völkerkunde. Hildburghausen. С 1891 по 1903 г. журнал редактировал географ и этнолог Рихард Андре (Richard Andree) (26.02.1835, Брауншвейг – 22.02.1912, Мюнхен).

[114] См.: Das Ausland. Wochenschrift für Länder- und Völkerkunde (первоначально: Ein Tagblatt für Kunde des geistigen und sittlichen Lebens der Völker). Stuttgart; München.

[115] «В частности, что касается Шумана, о котором Ц. рассказывает, что он пользуется плохой репутацией, замечу, что здешние книготорговцы, совсем наоборот, чрезмерно хвалят Шумана, а я по меньшей мере имею все основания снабдить этого человека самыми лучшими рекомендациями. Платит он вовремя, честно и хорошо, да! Он по своей инициативе повысил мне гонорар на треть сверх оговоренной суммы. Если бы мои прежние издатели вели себя подобно ему, я бы уже давно стал хорошо устроенным рантье» (*Краусс, Ф.-С.* Письма Бернхарду Герману Обсту // Museum für Völkerkunde Leipzig. Archiv BW 1903. Nr. 08289 от 19.7.1903).

[116] Сперва, в 1902 г., книга вышла под заглавием «Женщины как зеркало красоты различных народов» («Die Frauen im Schönhetspiegel der Völker»), в 20 отдельных выпусках, в лейпцигском издательстве Адольфа Шумана (Adolph Schumann Verlag) (с 1903 г. выпускалась в сброшюрованном виде под измененным заглавием, в лейпцигском издательстве «Dt. Verlags-Actiengesellschaft»); в 1903 г. отпечатано 6 тыс. экз., в 1906 г. выпущены с 16 по 20 тыс. тиража! В библиографической ссылке в своей статье: (*Heidtmann, Frank.* Die deutsche Aktliteratur von den Anfängen // Das Aktfoto: Ansichten vom Körper im fotografischen Zeitalter. Ästhetik – Geschichte – Ideologie / Hg. Michael Köhler, Gisela Barche. München; Luzern, 1985. S. 378) автор называет и другие издания данного произведения, отличающиеся от вышеуказанных.

[117] Вначале книга называлась «Die Anmut des Frauenleibes»; под этим заглавием она была выпущена в 1903 г. в Лейпциге, издательством Адольфа Шумана, в 20 отдельных выпусках; с 1904 г. ее в сброшюрованном виде стало выпускать также лейпцигское издательство «Dt. Verlags-Actiengesellschaft», причем с 3-й или 4-й тысячи тиража название изменилось на «Die Anmut des weiblichen Körpers» («Грациозность женских тел»). См. также примеч. 116. Первое издание разошлось тиражом по меньшей мере 10 000 экземпляров!

[118] *Краусс, Фридрих С.* Письмо Бернхарду Герману Обсту // Museum für Völkerkunde Leipzig. Archiv BW 1902. Nr. 07908 от 16.06.1902.

[119] *Krauss, Friedrich S.* Streifzüge im Reiche der Frauenschönheit. Leipzig, 1903. S. XIf.

[120] *Бройер*, Йозеф (Breuer, Josef; 1842–1925) – видный венский врач и ученый. В годы возникновения психоанализа был другом и наставником Зигмунда Фрейда (1856–1939), основателя этой научной дисциплины. В 1895 г. они совместно опубликовали «Studien über Hysterie» («Исследования истерии»).

[121] *Блох*, Иван (Bloch, Iwan; 8.4.1872, Дельменхорст (Delmenhorst) – 19.11.1922, Берлин) – иудей, дерматолог и сексолог, с 1914 г. принимал участие в выпуске журнала «Zeitschrift für Sexualwissenschaft», руководства «Handbuch der gesamten Sexualwissenschaft» (1914) и «Сексуально-психологической библиотеки» («Sexualpsychologischen Bibliothek»). Среди его произведений: «Über den Ursprung der Syphilis» (Jena, 1900), «Das Sexualleben unserer Zeit» (12. Auflage. Berlin, 1919), «Die Prostitution» (4. Auflage. Berlin, 1925). Мирьям Морад ошибается, утверждая, что Блох, а не Магнус Хиршфельд (см. примеч. 143) был основателем Института сексологии в Берлине и инициатором включения сексуальной этнологии в число четырех основных научных задач института (см.: *Morad, Mirjam.* Friedrich Salomo Krauss. Vom Blick in die Volksseele zum Seelenzergliederer // Wunderblock: Eine Geschichte der modernen Seele / Ltg. Jean Clair, Cathrin Pichler, Wolfgang Pircher. Wien: Wiener Festwochen, 1989. S. 505).

[122] *Krauss, Friedrich S.* Psychopatia sexualis. Ein Bericht // Wiener klinische Rundschau: Organ für die gesammte praktische Heilkunde. Wien, 1903. Jg. XVII, Nr. 31. S. 564.

[123] *K<rauss>*, [*Friedrich S.*]. Eine Einladung / K. [pseud.] // Der Urquell. Hamburg, 1897. Neue Folge. Bd. I. S. 256.

[124] Журнал изменил свое название с «Am Urdsbrunnen» (с 1881 г.) на «Am Ur-Quell» (с 1890 г.) и на «Der Urquell» (с 1897 г.); последним годом издания стал 1898. Для ведения бухгалтерии журнала, его (частичного) финансирования, а также учета средств, необходимых для субсидирования научных проектов, Краусс учредил управление «Urquell-stiftung», расходы которого скрупулезно заносил в особые тетради.

[125] См.: Kryptádia. Тома I (1883 г.) – IV (1888 г.) выходили в Хайльбронне, тома V (1897 г.) – XI (1907 г.) – в Париже. [См. подробное описание в «Библиографическом списке», том XII вышел в 1911 г.]

Как известно, «этот сборник, посвящен этнографическим, фольклорным и лингвистическим документам (обычаи, ритуалы, поверья, сказки, песни, загадки и т. п.), особый характер которых не позволяет их публиковать в изданиях, предназначенных для широкой публики, хотя означенные документы или научные работы интересны и немаловажны для этнографии, мифографии, истории литературы, лингвистики и даже психологии. Обладая абсо-

лютно уникальными составляющими, сборник может живо заинтересовать исследователей и любителей, ищущих пикантные и неизданные документы о психологии и обычаях народов стран мира»* (Verlagsprospekt von H. Welter. Paris, von Dezember 1906, как несброшюрованное приложение к «Антропофитее» (Leipzig, 1906. Bd. III)).

[126] *K<rauss>*, [*Friedrich S.*] Eine Einladung. S. 256. (См. примеч. 123.)

[127] Kryptádia. Paris, 1899. T. VI. S. 193–381; Paris, 1901. T. VII. S. 97–368; Paris, 1902. T. VIII. S. 149–266. [См. точное описание в «Библиографическом списке» на: [Krauss] 1899–1902.] Все эти тексты выходили также как отдельные оттиски в 3-х выпусках, причем дата выпуска всякий раз отодвигалась на один год.

[128] *Kind, Alfred.* 1908. S. 135. (См. примеч. [5.1].)

[129] *Krauss, Friedrich S.* Ein Vorrecht der Volkskunde: Ein Bericht // Der Urquell. Hamburg, 1898. N.F. Bd. II. S. 233.

[130] *Krauss, Friedrich S.* Ibid. S. 239. Цену нарочно установили высокую, чтобы, как это не уставали подчеркивать защитники на соответствующих уголовных процессах, подобные «неприличные» издания были недоступны народным массам (см.: Staatsarchiv Potsdam. Pr. Br. Rep. 30. Berlin C. Tit. 121 (Sittenpolizei). Nr. 16928, fol. 164 r от 9.03.1932 в связи с изд.: «Sittengeschichte des Weltkrieges» von Magnus Hirschfeld – редактор (Hg.), Andreas Gaspar – обработка (Bearb.)). (См. примеч. 164.)

[131] *Kind, Alfred.* 1908. S. 135f. (См. примеч. [5.1].)

Разница в цене связана с тем, что Кинд имел в виду суммарную [350 марок] цену за 11 томов (ср.: Verlagsprospekt. Примеч. 121; *Stern-Szana, Bernhard.* Bibliotheca curiosa et erotica: Beschreibung meiner Sammlung von Seltenheiten und Privatdrucken erotischer und kurioser Bücher: [Wien]: Privatdruck für Bernhard Stern-Szana und seine Freunde, O.J. [i. e. 1923]. S. 79 (247, [1] S.: [13] Ill.; 22 cm)), тогда как Крауссу известна была только запланированная цена, которая потом, в соответствии с проспектом издания, составила 40 франков за том. Тираж менялся от 175 (*Stern-Szana, Bernhard.* Ibid. S. 80f.) до 150 экземпляров (тома X и XI, согласно проспекту издания, см. примеч. 125).

Краусс, Фридрих С. Письмо Бернхарду Герману Обсту от 20.1.1904 // Museum für Völkerkunde Leipzig. Archiv BW 1904. Nr. 08710.

[132] *Краусс, Фридрих С.* Письмо Бернхарду Герману Обсту от 2.6.1904 // Museum für Völkerkunde Leipzig. Archiv BW 1904. Nr. 08705.

---

* В оригинале цитата – на французском языке. – *Примеч. пер.*

[133] С профессором, д-ром Бернхардом Германом Обстом (Bernhard Hermann Obst; 16.1.1837, Лейпциг – 16.5.1906, там же) и его семьей Краусс поддерживал многолетнюю дружбу. Оба были связаны и профессионально, вследствие чего Краусс передал музею Грасси (das Grassi-Museum) многочисленные коллекционные объекты, полученные им от видных южнославянских коллег (среди прочих подарки присылали Любица Живойина-Живкович (Ljubica Zivojina-Zivković), Вид Вулетич Вукасович (Vid Vuletić Vukasović), Томас Драгичевич (Thomas Dragicević), Лукас Гргич-Белокосич (Lukas Grgjić Bjelokosić), Бернхард Херцог (Bernhard Herzog), Тихомир Джорджевич, Драгутин Костич (Dragutin Kostić)). Исследование существовавших между ними по меньшей мере с 1887 г. связей, проведенное Михаэлем Мартишнигом, см. в «Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde» (Lepzig, 1990).

Обст был автором 12 000 (!) общедоступных статей этнологического, культурно-исторического и искусствоведческого содержания. О его жизни см.: *Krauss, Friedrich S.* Nachruf [Dr. Hermann Obst] // Anthropophyteia. Leipzig, 1906. Bd. III. S. IIIf.; *Bergt, W<alther>.* Dr. Hermann Obst // Jahrbuch des städtischen Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Leipzig, 1907. Bd. 1: 1906. S. 7–14.

[134] Предшественником «Немецкого акционерного издательства» («Deutsche Verlag(s)aktiengesellschaft») было, очевидно, «Издательство библиографического учреждения Адольфа Шумана» («Verlag der Bibliographischen Anstalt Adolph Schumann», Leipzig, Königstraße, 21). В письме Бернхарду Герману Обсту Краусс просит прислать ему проспектный материал г-на Теодора Рудольфа «по адресу: Лейпциг, 21, Кёнигштрассе, 21 (Königstraße), членские списки различных музеев и научных обществ, чтобы он мог скопировать их. Наши ежегодники выходят только для серьезных ученых и строжайше запрещены для книготорговли и широкой общественности» (Museum für Völkerkunde Leipzig. Archiv BW 1904. Nr. 08705 от 2.6.1904). «Немецкое акционерное издательство» находилось в Лейпциге, на Тальштрассе (Talstraße), 5, на первом этаже, где располагалось в то же время много других издательств и книжных лавок. В торговом регистре его представителем назывался всё тот же Теодор Рудольф (с 1900 г. он сам содержал специализированную лавку для перевозки и пересылки книг под № L<eipzig> 10834), а в наблюдательном совете издательства числились Рихард Майтцендорфф (Richard Meitzendorff), Пауль Дюннхаупт (Paul Dünnhaupt) и Фридрих С. Краусс. Акционерное общество было распущено в конце 1913 г., а в качестве ликвидатора опять появляется Теодор Рудольф (см.: *Martischnig, Michael.* Vom «Adolph Schumann Verlag» über die «Deutsche Verlags-Actiengesellschaft» und den «Eth-

nologischen Verlag Dr. Friedrich S. Krauss, Leipzig» zum «"Anthropophyteia" – Verlag für Urtriebkunde» / Ein Wissenschaftler scheitert an der Zensurbehörde // Marginalien. Zeitschrift für Buchkunst und Bibliophilie. Berlin, 1990. H. 115. (В печати)}.

[135] *Краусс, Фридрих С.* Письмо Бернхарду Герману Обсту от 13.12.1904 // Museum für Völkerkunde Leipzig. Archiv BW 1904. Nr. 08703.

[136] См.: Museum für Völkerkunde Leipzig. Archiv. 8.5.1903.

[137] См.: Verzeichnis der verbotenen Bücher und Zeitschriften: 1903 bis Ende 1914 / Hg. im Auftrag des Vorstandes des Börsenvereins des Deutschen Buchhandels. Lepzig, 1914. S. 43.

[138] См., напр.: Inv. Nr. 1916 C 656; 1916 C 657; 1922 B 423; 1930 B 2061.

[139] См.: *Hellwig, Albert.* Der Begriff der Schund- und Schmutzschriften im Sinne des Schundliteraturgesetzes // Börsenblatt für den deutschen Buchhandel. Leipzig, 1927. Jg. 94, Nr. 120.

[140] Verzeichnis der verbotenen Bücher und Zeitschriften... 1914. S. 6. Здесь содержатся названия публикаций Краусса (S. 10, 13f., 43) с указанием на процессы, по которым они к тому времени проходили. (См. примеч. 137.)

[141] *Krauss, Friedrich S.* Buchbesprechung [Rezension]: «von I. Sadger: Belastung und Entartung. Ein Beitrag zur Lehre vom kranken Genie. Leipzig 1910» // Anthropophyteia. Leipzig, 1910. Bd. VII. S. 485. [См. упоминание в примеч. 23.]

[142] См.: *Burt, Raymond, Eppensteiner, Barbara, Reichmayr, Johannes.* Sezualforschung und Psychoanalyse: Friedrich Salomon Krauss und Sigmund Freud – gelehrte Zuhörer von unten // Von der Last der Lust: Sexualität zwischen Liberalisierung und Entfremdung / Hg.: Josef Christian Aigner, Rolf Gindorf. Wien, 1986. См. изобилующую разъяснениями гл. 2 «Anthropophyteia und Psychoanalyse: Geben und Nehmen», с параграфами (2.1) «Die Psychoanalyse in der Anthropophyteia» (S. 61–64), (2.2) «F.S. Krauss im Kreis der Wiener Psychoanalytiker» (S. 64–65) и (2.3) «Die Anthropophyteia in der Psychoanalyse» (S. 65–67). Последующие публикации опираются на это основополагающее исследование.

[143] *Хиршфельд*, Магнус (Hirschfeld, Magnus) (14.5.1868, Кольберг* (Kolberg) – 14.5.1935, Ницца) – врач, сексолог и реформатор, особенно много занимавшийся феноменом интерсексуальных вариаций. С 1899 г. редактировал «Jahrbücher für sexuelle Zwischenstufen». Основатель врачебного Общества сексуальных исследований (Ge-

---

* Немецкое (прусское) название польского города Колобжег (Kolobrzeg). – *Примеч. пер.*

sellschaft für Sexualforschung), а в 1918 г. – берлинского Института сексологии (Institut für Sexualwissenschaft), разгромленного в 1933 г. студентами национал-социалистической ориентации. Среди его произведений: «Der uranische Mensch» (1903), «Künstliche Verjüngung» (Berlin, 1920), «Sexualität und Kriminalität» (Erdtracht, 1924), «Die Transvestiten» (2. Auflage. Leipzig, 1925), «Geschlechtskunde» (Stuttgart, 1926–1929), «Empfängnisverhütung» (Berlin, 1928).

[144] *Krauss, Friedrich S.* [Rezension]: «Wilhelm Stekel: Die Sprache des Traumes... 1911» // Authropophyteia. 1911. Bd. VIII. S. 492. (См. примеч. 30 [и 48].)

Здесь же обсуждается среди прочего второе издание «Толкования сновидений» («Traumdeutung») Зигмунда Фрейда (S. 489f.), в рецензии Краусс ссылается на [параграф XII] «Das Tüchlein in der Traumdeutung» статьи Любы Даничич (Ljuba T. Daničić) (S. 129f.) [– опубликована в том же, восьмом, томе «Антропофитеи», что и рецензия].

[145] *Krauss, Friedrich S.* Von des Deutschen Sittlichkeit... 1911. S. 322, 332. (См. примеч. 11 и 68.)

[146] *Stekel, Wilhelm.* Buchbesprechung [Rezension]: «von Hjalmar J. Nordan: Die eheliche Ethik der Juden zur Zeir Jesu. (= I. Abt.). II. Abt.: Das Geschlechtleben des deutschen Volkes in der Gegenwart. Folkloristische Studien und Erhebungen v. Otto Stückrath et alii. Leipzig, 1911 (Beiwerke zum Studium der Anthropophyteia, Bd. IV)» // Zentralblatt für Psychoanalyse: Medizinische Monatsschrift für Seelenkunde. Wiesbaden, 1912. Jg. II. S. 52.

[147] *Burt, Raymond, Eppensteiner, Barbara, Reichmayr, Johannes.* 1986. S. 67. (См. примеч. [5.28].)

[148] См.: Protokolle der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung / hrsg. von Herman Nunberg und Ernst Federn. Frankfurt/Main, 1976–1981. Bd. I–IV: 1906–1918. Об участниках и выступавших см.: Bd. IV. Namenregister. S. 394f. [См. «Библиографический список».]

[149] Письмо Зигмунда Фрейда на сей счет редактору Крауссу датировано 26 июня 1910 г. (см.: *Freud, Z.* Gesammelte Werke: in 18 Bänden. London, 1943. Bd. 8. S. 224f.). Он упоминает незавершенный на тот момент судебный процесс; письмо было напечатано в «Антропофитее» (Leipzig, 1910. Bd. VII. S. 472–474). Фрейд среди прочего написал предисловие к переведенной Крауссом вместе с Германом Имом (Hermann Ihm) и переработанной для тома VI «Beiwerke zum Studium der Anthropophyteia» работе Джона Грегори Бурка (John Gregory Bourke) «Der Unrat in Sitte, Brauch, Glauben und Gewohnheitrecht der Völker» (Leipzig, 1913) [см. подробно в «Библиографическом списке» на: Bourke]; в предисловии Фрейд расхваливал тесную связь психоанализа и фольклористики (Folkloristik) (S. Vf.).

[150] Protokolle der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung / hrsg. von Herman Nunberg, Ernst Federn... Frankfurt/Main, 1979. Bd. III: 1910–1911. S. 188f. (См. примеч. 148.)

[151] *Krauss, Friedrich S.* [Rezension]: «von Sigmund Freud Hg.: Zentralblatt für Psychoanalyse... 1911» // Anthropophyteia. 1911. Bd. VIII. S. 487. (См. примеч. 14.)

[152] См.: *Krauss, Friedrich S.* Nachruf [Dr. Hermann Obst] // Anthropophyteia, 1906. Bd. III. S. III. (См. примеч. 133.)

[153] *Krauss, Friedrich S.* Buchbesprechung [Rezension]: «von Internationale Zeitschrift für ärztliche Psychoanalyse. Offizielles Organ der Internationalen Psychoanalytischen Vereinigung. Wien, 1913. H. 1–3» // Anthropophyteia. Leipzig, 1913. Bd. X. S. 386.

[154] *Martischnig, Michael.* 1988. S. 52–56. (См. примеч. [5.31].)

[155] «Этнологическое издательство» («Ethnologischer Verlag») Фридрих С. Краусс основал в качестве единственного владельца 19 октября 1909 г. (см.: Adreßbuch des Deutschen Buchhandels. Leipzig, 1913. Jg. 75, I. Abt. S. 136 und 294) и внес фирму («издание и торговля книгами по страноведению и народоведению (Völkerkunde)») в торговый регистр города Лейпцига под номером L 14208; по документам, предприятие действовало по крайней мере до 1930 г. (см.: *Rückert, Hans.* Die Unternehmungen. Gerichtlich eingetragene Firmen und Genossenschaften. Leipzig, 1930. S. 420. (Leipziger Wirtschafts-Handbuch. Systematisch-statistische Darstellung der Leipziger Wirtschaft; 3); оригинальные документы Лейпцигского торгового регистра будто бы пропали во время Второй мировой войны). Вначале в качестве адреса был выбран комплекс зданий на Айленбургерштрассе (Eilenburgerstraße), 10/11, где располагалась также большая переплетная мастерская «J.F. Bösenberg G.m.b.H.», в которой к тому времени переплетались многие тома «Anthropophyteia», «Beiwerke», «Quellenschriften», но в 1910 г. издательство переехало по адресу: Kreuzstraße, 18 II. После 1913 г. «Deutsche Verlags-Aktiengesellschaft» было ликвидировано по суду путем наложения ареста. Тогда же изменились адрес и условия владения: место расположения выбрано в Лейпциг-Ройднице (Leipzig-Reudnitz), на Тойбхенвег (Täubchenweg), 77а, в квартире на третьем этаже (см.: Adreßbuch für Leipzig und Umgebung). Здесь жил книготорговец и бывший руководитель издательства «Deutsche Verlags-Aktiengesellschaft» Теодор Рудольф (Theodor Rudolph), который в качестве поверенного Ф.-С. Крауссa в делах издательства «Ethnologischer Verlag Dr. Friedrich S. Krauss» руководил чем-то вроде почтового ящика. De jure* он с 1913 по 1918 г. считался также совладельцем (см.: Adreßbuch für Leipzig und

---

* юридически (*лат.*).

Umgebung. Jg. 92.1913 – Jg. 97.1918); неясно было ли такое и de facto*. Этот «делопроизводитель» был известен и другими делами: тогда как вначале Краусс называл его своим издателем или директором издательства, позднее, когда Рудольф, теперь уже переселившийся в Нойхаус (Neuhaus), был в 1913 г. обвинен в бойкой торговле порнографической печатной продукцией и искусственными половыми органами, он говорил о нем как о бухгалтере (см.: *Krauss, Friedrich S.* Erotische Zauberwahnprozesse zu Berlin im Jahre 1913: Beiträge zur Geschichte der Anthropophyteia-Studien in Deutschland. Nach den Gerichtsakten dargestellt // Anthropophyteia. Leipzig, 1913. Bd. X. Anhang. S. 50f.). Об этом см.: *Martischnig, Michael.* Vom «Adolph Schumann Verlag...» 1990. (В печати). (См. примеч. 134.)

[156] *Krauss, Friedrich S.* Erotische Zauberwahnprozesse... 1913 // Anthropophyteia. 1913. Bd. X. Anhang. S. 1. (См. примеч. 155.)

[157] В качестве экспертов на стороне обвинения были в числе прочих германист и специалист по фольклористике Йоханнес Больте (Johannes Bolte) (11.2.1858, Берлин – 25.7.1937, там же), антрополог, этнолог и врач Феликс фон Лушан (Felix von Lushan) (11.8.1854, Холлабрунн (Hollabrunn), Нижняя Австрия, – 7.2.1924, Берлин), а также врач, этнолог и антрополог Рихард Нойхаусс (Richard Neuhauss) (17.10.1855, Бланкенфельде (Blankenfelde) – 9.2.1915, Лихтерфельде (Lichterfelde)). За «Антропофитею» вступались психоаналитик Карл Абрахам (Karl Abraham) (1877–1925), естествоиспытатель Фердинанд Карш (Ferdinand Karsh), а также специалист по английскому и романским языкам Карл Фолльмёллер (Karl Vollmöller) (16.10.1848, Ильсфельд (Ilsfeld) – 8.7.1922, Дрезден).

Первый прокурор при Имперском I земельном суде Берлина Кизель (Kiesel) обратился также к Карлу Войле (Karl Weule) (29.2.1864, Альт-Валлмоден (Alt-Wallmoden) – 19.4.1926, Лейпциг), наследнику Бернхарда Германа Обста на посту директора лейпцигского Музея народоведения), с просьбой составить свое заключение, но тот отказался, поскольку плохо относился к Крауссу (см.: Museum für Völkerkunde Leipzig. Archiv BW 1913. Nr. 12706f. und KB 1913/B. S. 1131f.). Еще в 1907 г. Войле воспротивился, чтобы Краусс в предисловии к книге о японской половой жизни выразил ему благодарность за содействие: в распоряжение автора он предоставил фотографии музейных экспонатов (см.: Museum für Völkerkunde Leipzig. Archiv BW 1907. Nr. 09734 от 26.5.1907, с собственноручным отказом Войле). См. о нем биографический очерк: *Krause, Fritz.* Dem Andenken Karl Weules // Jahrbuch des städtischen

---

* фактически (*лат.*).

Museum für Völkerkunde zu Leipzig. 9/1922–1925: Gedächtnisschrift für den verstorbenen Direktor des Museums Prof. Dr. Karl Weule. Leipzig, 1928. S. 7–33. Bibliographie: S. 34–45.

[158] «Mag. d. St. Wien MA 61, Ehebuch, tom. VIII, pag. 122, Z 4783». (См. примеч. 76.)

[159] Об этом см.: RITTER's geographisch-statistisches Lexikon. 9. Auflage. Leipzig, 1910. Bd. I. S. 307. Примеч. 23.

[160] «По причине военных действий он не мог и думать о том, чтобы в пути собирать материал в еврейских общинах, сообщения из которых уже в мирное время не использовались в статистических целях. В расчет главным образом входили такие страны, как Галиция и Буковина, но уже вскоре после начала войны они были заняты неприятелем, еврейское население и его представители по большей части бежали, бумаги и документы частью исчезли, частью были уничтожены, так что никаких данных не сохранилось. Было еще одно обстоятельство, а именно, каждая статистическая работа как в Австрии, так и в Венгрии и Боснии должна была быть проведена отдельно. <...> Надо было просмотреть миллионы листов бухгалтерских книг» (*Paulschiff, Maximilian.* Teilnahme der österreichisch-ungarischen Juden am Weltkrieg. Eine statistische Studie // Jahrbuch für jüdische Volkskunde, 1924/25. Berlin; Wien, 1925. S. 151).

[161] Не было никакой разницы по времени между сдачей экзамена на аттестат зрелости и началом дальнейшего обучения (UA Wien. Rigorosenprotokoll). (См. примеч. 22.)

[162] В силу массовости участия евреев в военных кампаниях в качестве солдат, офицеров, кандидатов в офицеры и военных врачей еврейская интеллигенция Австро-Венгрии понесла особенно большие потери. «Доля еврейского населения в общей массе жителей монархии составляла около 4%. <...> Доля еврейских офицеров в австрийском ландштурме могла быть идентичной доле евреев в имперской и королевской армии» (*Paulschiff, Maximilian.* Примеч. 160. 1925. S. 153f.). См. на эту тему: *Schmidl, Erwin A.* Juden in der k. (u.) k. Armee, 1788–1918. Eisenstadt, 1989. (Studia Judaica Austriaca; XI).

[163] *Krauss, Friedrich S.* Ein Geleitwort zur Einführung // Das Minnelied des deutschen Land- und Stadtvolkes / Abhandlungen und Sammlungen... hrsg. von Friedrich S. Krauss. Lepzig, 1929. S. 7. (Beiwerke zim Studium der Anthropophyteia; Bd. IX.). [Упоминается в примеч. 42 и 109.]

[164] *Krauss, Friedrich S.* [Südslawische Kriegsbräuche] // Sittengeschichte des Weltkrieges / Hg. Magnus Hirschfeld, Bearb. Andreas Gaspar. Leipzig; Wien, 1930. Bd. 2. S. 274. [См.: Бёрт. Примеч. 187.]

[165] Ср.: *R.M.* F.S. Krauss // Deutsches Literatur-Lexikon... 1984. (См. примеч. [5.27]); *Wytrzens, Günther.* F.S. Krauss // Österreichisches Bio-

graphisches Lexikon, 1815–1950... (См. примеч. [5.22]); Planer, Franz (Hg.). 1929. S. 348. (См. примеч. [5.18] и 25); *Krauss, Friedrich S.* 1928. S. 55. (См. примеч. 38.)

Подробнее о положении, количестве, организации и т. п. не сообщает и Херберт Бидерман (Herbert Biedermann), автор исследования: 1914–1918: Döbling im Ersten Weltkrieg. Wien, 1984. Spez. S. 34–36. (Döblinger Museumsblätter; Sondernummer 1). В одном из выступлений он высказывал сомнения в существовании этой школы.

[166] «Kriegsarchiv, K. u. k. Mil. Kdo. Wien 1917 M.A. 18-19/53 от 19.12.1917».

[167] Издание группы школ для инвалидов Нижней Австрии (Kriegsarchiv, K. u. k. Mil. Kdo. Wien 1917 M.A. 18-19/53).

[168] Мирьям Морад упоминает курсовую «Akten über Kriegsinvalidenschulen im Kriegsarchiv», но эта ссылка неверна, поскольку во всем представленном ею материале не содержится компетентных указаний на подобное учебное заведение в Гринцинге (Grinzing) (Примеч. [5.29]. 1987. S. 103).

[169] «Kriegsarchiv, K. u. k. Kriegsministerium 1917 14. Abt., 44-2/5-24 Nr. 34 143».

[170] В ведении Имперского и королевского министерства общественных работ находились среди прочего комиссия по управлению центральным резервным фондом братских касс*, содействие ремесленничеству, сеть учреждений надомной женской работы, кредитные дела, центральная комиссия по делам профессионального обучения.

[171] Вследствие длящегося месяцами перевода материалов Австрийского архива управления в новое хранилище, относящийся к этому вопросу архивный материал не удалось исследовать подробнее.

[172] «Kriegsarchiv, K. u. k. Kriegsministerium 1917». (См. примеч. 169.)

[173] *Wittmayer, Leo.* Die Kriegsbeschädigten-Für-Sorge. Wien, 1918. S. 5.

[174] См., напр.: Materialgebrabung in der Invalidenschule des Reservespitals Nr. 11 in Wien X (Kriegsarchiv, K. u. k. Kriegsministerium 1917). (См. примеч. 169.)

[175] См.: Planer, Franz. (Hg.). 1929. S. 348. (См. примеч. [5.18] 25, 165.)

[176] Амали жила в VI районе Вены, на Барнабитенгассе (Barnabitengasse), 4, а умерла в XIV, на Хугльгассе (Huglgasse), 3, в больни-

---

* «Братскими» в Австрии назывались коллективные кассы горняков. — *Примеч. пер.*

це императрицы Елизаветы. Свою фамилию Амали писала с одним простым «s». В качестве причины смерти указывается «заворот кишок после вскрытия опухоли» (WStLA. – См. примеч. 19).

[177] Staatsarchiv Potsdam, Pr. Br. Rep. 30, Berlin C, Tit. 121 (Sittenpolizei), Nr. 11.112 [16.929], fol. 7 от 11.1.1933.

[178] Так, напр., Магнус Хиршфельд (см. примеч. 143) основал в Вене вместе с Лео Шидровицем (Leo Schidrowitz) (1894–1956) «Издательство культурологических исследований» («Verlag für Kulturforschung»), которое среди прочего выпустило 10-томную «Sittengeschichte des Geheimen und Verbotenen» («Историю нравов потаенного и запретного»; 1925–1930); общее заглавие 10-томного издания было иным: Sittengeschichte der Kulturwelt und ihrer Entwicklung in Einzeldarstellungen / Herausgegeben von Leo Schidrowitz; unter Mitwirkung von... («История нравов в культурном мире и их развитие на отдельных примерах») [состав разный]. Wien; Leipzig: Verlag für Kulturforschung. Каждый том имел частное заглавие. Под вышеуказанным заглавием выходил [Bd. IX] в 1930 г. (335, [1] S.: Ill., [32] Bl. Ill.)], две пятитомные серии «Allmacht Weib. Erotische Typologie der Frau» (1928–1930) и «Die fünf Sinne. Ihre Einflußnahme und Wirkung auf die Sexualität des Menschen» (1930–1935). Хронику издательства см. в: *Hall, Murray G.* Österreichische Verlagsgeschichte, 1918–1938. Wien; Köln; Graz, 1985. Bd. II: Belletristische Verlage der Ersten Republik. S. 25–28.

[179] Хотя уже в 1911 г. в томе IV «Beiwerke zum Studium der Anthropophyteia» было объявлено, что оба тома распроданы и допечатки тиража не будет, несмотря на большой успех издания (см. примеч. 116 и 117). Только спустя более чем десятилетие, в 1923 г., в лейпцигском «Литературном институте "Космос"» («Literarischen Institut Kosmos») вышла «Die Anmut des Frauenleibes» (XVII und 432 S.), а в 1924 г. – «Streifzüge im Reiche der Frauenschönheit» (XXII und 339 S.), на этот раз с увеличенным количеством страниц, с измененным текстом и новым иллюстративным материалом.

[180] См.: Eros-Reigen: Freie ethische illustrierte Monatsschrift für erotische Kunst und Sexualwissenschaft. Berlin, 1921. Jg. 1, Nr. 8. S. 9.

[181] Это труднодоступное издание вначале называлось: «C<ollectionneur> P<rivat> C<lubs>. Rundschau. Einzigste (*sic*!) und grösste Monatszeitschrift zur Förderung der Kunst in Wort und Bild», однако с Jg. 1 (1921), Folge 4 изменила титул на «Eros-Reigen». Руководство изданием сохранил Эдгар Шульц (F.R. Edgar Schulz). Объединение коллекционеров, расположившееся по адресу: Шарлоттенбург (Charlottenburg), 5, Филиппиштрассе (Philippistraße), 3, придерживалось, пожалуй, серьезных намерений, поскольку «дам и господ, желающих посвятить себя сексуально-научным исследованиям и

имеющих возможность доказать свои деловые качества надлежащим образованием, покорнейше просят оставлять свои адреса нижепоименованному руководству клуба. Для получения устава требуется внести две марки (посылка за границу – 4 марки)» (Eros-Reigen... S. 11. – Примеч. 180).

[182] Eros-Reigen... S. 1. (См. примеч. 180.)

[183] См.: WStLA. Meldenachweis.

[184] Как смогла вспомнить Хильда Колб (см. примеч. 85), жившая на том же этаже, «da Professa» (*диалект. нем.* профессор) в ее школьные годы, то есть в 1923–1927 гг., время от времени обедал на Ноймайргассе.

[185] Непосредственной причиной ее смерти, наступившей в 14.30, называют «Pyelonephritis chronica, Uraenica и Pneumonia lobularis». Больничные расходы составили 79 (марок) (см.: WStLA, Totenbeschaubefund, Journalartikelnummer 9702/1928, Nr. 2368).

[186] Во время своего очень краткого пребывания в Вене он жил почему-то в XIV районе, на Штумпергассе (Stumpergasse), 1 (см.: Mag. d. St. Wien, MA 43).

[187] Как установлено показаниями оставшихся в живых квартиросъемщиков, Мари была набожным человеком, посещала воскресные службы и свой выход из Римско-католической церкви смогла сохранить в тайне от детей. Надлежащим образом ее кончина не была зарегистрирована в книге смертей канцелярии соответствующего церковного прихода.

[188] Центральное кладбище, группа 138, ряд 23, могила 11. На могиле поддерживался в исправном состоянии простой деревянный крест.

[189] См.: Mag. d. St. Wien, MA 43.

[190] Диссертация (Universitätsbibliothek Wien, D 15 428) представляет из себя единственный в своем роде фолиант формата в полулиста. Содержит VII + 141 S. и 2 карты. Оглавление: 1. Культовые места как центр притяжения народа. 2. Культовые места как центр притяжения государства. 3. Религиозные границы. 4. Связи религиозной области и народной области. 5. Религия как охранительница народа. 6. Влияние религии на распространение народов. 7. Связи религиозных и государственных границ. 8. Разрушение границ религий, народов и государств. Приложение. Описание области, населенной людьми различных вероисповеданий и национальностей. В списке использованной литературы Вильгельм не называет ни одной отцовской работы.

[191] См.: UA Wien, Philosophische Fakultät, Rigorosen-Protokoll 5285–5636, Nr. 5533 за 1923 г.

[192] См.: *Morad, Mirjam.* 1987. S. 9. (См. примеч. [5.29].)

[193] См.: WStLA. Meldenachweis.

[194] *Лундборг*, Херман Бернхард (Lundborg, Herman Bernhard; 7.4.1868, Вэсе (Väse) – 9.5.1943, Эстхаммар (Osthammar)) – врач, антрополог, руководитель института в Упсале. О его жизни см.: Svenska män och kvinnor / Red. Oscar Wieselgren [u. a.]. Stockholm, 1949. Bd. 5. S. 107f.

[195] См.: *Lundborg, Herman Bernhard*. Rassenkunde des schwedischen Volkes. Jena, 1928. S. III.

[196] См.: WStLA. Meldenachweis.

[197] «Он (Вильгельм Краусс), кроме того, активно участвовал, когда это было необходимо, в сокращении и переделке оригинального текста» (*Lundborg, Herman Bernhard*. 1928. S. IV. (См. примеч. 195)).

[198] С 6 апреля 1926 г. по 17 апреля 1928 г. (см.: WStLA Meldenachweis).

[199] С 5 октября 1929 г. по 1 ноября 1930 г. она была зарегистрирована у своего отца на Нойштифтгассе, но местом постоянного жительства называла Упсалу (см.: WStLA Meldenachweis). Упсалу называет в своем словаре и Франц Планер (Planer, Franz (Hg.). 1929. S. 348. (См. примеч. [5.18], 25, 165, 175.)

[200] См.: UA Wien, Philosophische Fakultät, Rigorosen-Protokolle 11495–11793, Nr. 11698 за 1933 г.

[201] То, что она провела два оставшихся семестра в Упсале и еще жила в Париже, можно косвенным путем доказать по пропускам в документах регистрации: 6.11.1930–1.12.1930 (Wien VII, Neustiftgasse, 54), 1.12.1930–16.9.1931 (Wien VII, Westbahnstraße, 56), 2.10.1931–1.6.1932 (Wien VII, Kenyongasse, 20), 31.5.1932–12.6.1933 (Wien VII, Schottenfeldgasse, 78) (см.: WStLA Meldenachweis).

[202] *Estaunié, Édouard*. Der Dichter und sein Werk. Wien, 1933. S. II, 193. (Uneversitätsbibliothek Wien, D 3261).

[203] Ни экзаменаторы-специалисты (Alfred Wolfgang Wurzbach, Karl Ettmayer, преподаватель английского языка и литературы Karl Luick), ни оба философа (Heinrich Gomperz, Karl Bühler) не поставили никаких оценок (см.: UA Wien. Philosophische Fakultät, Rigorosen-Protokolle. (См. примеч. 200.)

[204] Она не обнаружена в протоколах ни под девической, ни под мужниной фамилией (см.: Universität Wien, Promotionskanzlei. Promotionsprotokoll, Philosophen VI 1931/1941).

[205] В последний раз она упоминается как незамужняя женщина в регистрации с 31 мая 1932 г. по 12 июня 1933 г. (Wien VII, Schottenfeldgasse, 78), а первые три регистрации (5.8.1937–13.8.1937, 29.12.1937–4.1.1938, 15.4.1938–21.4.1938), в качестве замужней, – по тому же адресу (см.: WStLA Meldenachweis).

[206] Судя по книге брачных свидетельств магистрата Вены, ни-

какой официальной свадебной церемонии в Вене не было (см.: MA 61).

[207] См.: WStLA Meldenachweis.

[208] Ср.: *Lazarsfeld, Sofie.* Sexuelle Erziehung. Wien; Leipzig, 1931. (Richtige Lebensführung. Volkstümliche Aufsätze zur Erziehung des Menschen nach den Grundsätzen der Individualpsychologie). [На рус. языке выходила: *Лазарсфельд, София.* Воспитаніе къ браку: (Предбрачная педагогика) / Софія Лазарсфельдъ; Переводъ А. Коссовича. Рига: Издательство «Оріент», Театральная, 9, Почтовый ящик 566, Тел. 21645, [1932?] (Эта книга напечатана въ типографіи «Vārds», Рига). 88, [8] с.; 23 × 15,5 см. В обл. На с. [2–8] – реклама 11 книг изд-ва.]

[209] Уже в 1920 г. национал-социалисты предприняли покушение на Хиршфельда, намереваясь убить его. В связи с этим ему довелось даже прочитать в газетах собственный некролог. В 1920-е годы национал-социалистическая пресса наращивала свои нападки, и нацисты всё чаще прерывали его лекции, врываясь в зал. Вскоре стало невозможно выступать публично, а в 1930 г. ему пришлось покинуть Германию. Он отправился в большое путешествие по свету, из которого на родину уже не вернулся. См. об этом: *Baumgardt, Manfred.* Das Institut für Sexualwissenschaft und die Homosexuellenbewegung in der Weimarer Republik // Eldorado. Homosexuelle Frauen und Männer in Berlin 1850–1950: Geschichte, Alltag und Kultur / Red. Michael Bollé. Berlin, 1984. S. 31–43.

[210] *Беттауэр*, Хуго (Bettauer, Hugo) (18.8.1877, Вена – 2.3.1925, там же) – писатель; среди его произведений «Hemmungslos» (Wien, 1920), «Die Stadt ohne Juden» (Wien, 1922), «Die freudlose Gasse» (Wien, 1924), «Die schönste Frau der Welt» (Wien, 1925).

[211] «Размышления и раздумья с пером в руках <...> кроме прочего, способствовали тому, что я вследствие своей приверженности иудейству так никогда ничего и не добился в государстве» (*Краусс, Фридрих С.* Письмо от 19.5.1927 д-ру Михаэлю Хольцману (Michael Holzmann; 1860–1930), старшему библиотекарю венской Университетской библиотеки, германисту и лексикографу. – WStLB. Autographensammlung Inv. Nr. 185 175).

[212] Deutscher Lit(t)eratut-Kalender auf das Jahr 1884 / Hg. Joseph Kürschner. Berlin, 1884. Jg. 6. S. 142. [В примеч. [5.3] указан: 1885 г.]

[213] О [псевдониме] «Рудольф» см. примеч. 16.

[Псевдоним] «Suljo Serhatlija» использован среди прочего в публикациях: *B.TE.* F.S. Krauss // The Jewish Encycklopedia. S. 571. (См. примеч. [5.11]); Deutscher Lit(t)eratur-Kalender auf das Jahr 1925 / Hg. Joseph Kürschner. Berlin; Leipzig, 1925. Jg. 42. Sp. 452. (См. примеч. [5.3]); Kürschner Deutscher Gelehrten-Kalender auf das Jahr 1925.

Sp. 535f. (см. примеч. [5.16]); *Wininger, S<alomon>*. Große jüdische National-Biographie mit mehr als 8000... [Cernauti, 1928]. S. 531. (См. примеч. [5.17]); *Fishoff, Ephraim*. F.S. Krauss // Encyclopaedia Judaica. Sp. 1247. (См. примеч. [5.24]); Kürschner's Deutscher Literatur-Kalender: Nekrolog 1936–1970. S. 369f. (См. примеч. [5.4]); *R.M.* F.S. Krauss // Deutsches Literatur-Lexikon. Sp. 419. (См. примеч. [5.27].)

[214] Назовем и другие случаи использования псевдонимов. Возможно, Густав Гутиц (Gustav Gugitz) и Эмиль Карл Блюмль (Emil Karl Blümml) пользовались псевдонимами, соответственно, Г. Литшауэр (G. Litschauer) и К. Гигльлайтнер (K. Giglleitner), а Конрад Маутнер (Konrad Mautner) и Раймунд Цодер (Raimund Zoder) – Адам Контурнер (Adam Konturner) и Цено Друдмайр (Zeno Drudmair).

[215] См. об этом в рубрике «Юридическое справочное бюро» («Juristische Auskunftsstelle») изд.: Eros-Reigen. Freie ethische illustrierte Monatsschrift für erotische Kunst und Sexualwissenschaft. Berlin, 1921. Jg. 1, Nr. 8. S. 8.

[216] См.: *Krauss, Friedrich S.* 1928. S. 6–8. (См. примеч. 38.)

[217] Сам Фридрих С. Краусс состоял в Немецкой прогрессивной партии (Deutsche Fortschrittspartei) (Degener, H. A.L. (zgst. = сост.) Wer ist's? [1905]. S. 456f. (См. примеч. [5.12].)

[218] *Годан*, Макс (Hodann, Max) (30.8.1894–17.12.1956, Стокгольм) – врач, автор многочисленных публикаций по сексологии и обращению к ней в педагогике, среди прочего – «Eltern- und Kleinkinderhygiene» (1923), «Bub und Mädel. Gespräche unter Kameraden über die Geschlechterfrage» (1924), которая была переведена на русский, идиш, иврит, датский, венгерский, украинский языки, «Der Mensch, sein Körper und seine Lebenstätigkeit» (1927), «Sexualpädagogik, Erziehungshygiene und Gesundheitspolitik» (1928), «Sexualelend und Sexualberatung» (1928), «Sexualnot der Erwachsenen» (1928), а в соавторстве с В. Кохом (W. Koch) – «Die Urburschenschaft als Jugendbewegung» (1917).

«Путаница в сексуальной жизни – зеркальное отражение путаницы нашего социального устройства вообще. По ту, а не по эту сторону ориентированная мораль объясняет стесненность в этой области. Неуверенность в завтрашнем дне и отсутствие жилья обусловливают сексуальные катастрофы. Решение проблемы заключается, стало быть, не только в сексуальной *науке*, но и в сексуальной *политике*» (*Hodann, Max*. Geleitwort // Die Liebeslehre: Eine Liebesschule für Eheleute / Hg. Margarete Kaiser. Berlin, 1928. S. VII).

[219] 2. Auflage. Rudolstadt/Thür.: Greifenverlag, 1927.

[220] 2. Auflage. Rudolstadt/Thür.: Greifenverlag, 1927.

[221] «Для того времени и придумать-то нельзя было ничего более

обидного!» (мнение Рудольфа Соклича (Rudolf Soklić; 1890–1968), учителя средней школы, из южных славян, друга Краусса времен Первой мировой войны). Благодарю Хуберта Хузника (Hubert Husnik) за это сообщение.

[222] *B.B.K.* (i. e. Husnik, Hubert). Ein «Pornograph» S. 18. (См. примеч. [5.26].)

[223] См.: *Krauss, Friedrich S.* Vom Ursprung des Menschengeschlechts, von Frauenbefruchtungen ohne Mann und wunderbaren Geburten // Die Ehe: Monatsschrift für Ehe, Wissenschaft, Recht und Kultur. Berlin, 1926. Jg. 1. S. 60, 87, 115, 145.

[224] См.: *Krauss, Friedrich S.* Vom Geruchssinn im menschlichen Liebesleben // Die Liebeslehre. 1928. S. 239–241. (См. примеч. 218.)

[225] См.: *Krauss, Friedrich S.* Südslawische Kriegsbräuche // Sittengeschichte des Weltkrieges... 1930. Bd. 2. S. 274–286. (См. примеч. 164.)

[226] Два состоявшихся в промежутке конгресса прошли, соответственно, в Копенгагене в 1928 г. и в Лондоне в 1929 г.; последний был проведен в Брно* в 1932 г. Необходимы дополнительные исследования, чтобы выяснить, участвовал ли в них Краусс. Венский конгресс посетили в числе других такие знаменитости, как Пауль Кирше (Paul Kirsche) из Берлина, Пьер Ваше (Pierre Vachet) из Парижа, Норман Хэр (Norman Haire) из Лондона, Й. Лейнбах (J. Leunbach) из Копенгагена, а также венцы Йозеф К. Фридъюнг (Josef Friedjung) и Ассингер (Assinger).

Магнус Хиршфельд был вместе со швейцарским сексологом Аугусте Анри Форелем (August Forel) (1848–1931) и английским секс-реформатором Хэвлоком Эллисом (1859–1939), президентом основанной в 1928 г. в Копенгагене Всемирной лиги сексуальных реформ (Weltliga für Sexualreform).

[227] Die Satzungen der Weltliga. Kopenhagen, 1928. Цит. по: *Baumgardt, Manfred.* Das Institut für Sexualwissenschaft und die Homosexuellenbewegung in der Weiwarer Republik... 1984. S. 34. (См. примеч. 209.)

[228] *Krauss, Friedrich S.* // Sexualnot und Sexualreform. Verhandlungen der Weltliga für Sexualreform. Wien, 1931. S. 178. Цит. по: *Reichmayr, Johannes.* Friedrich Salomon Krauss und Sigmund Freud. S. 153. (См. примеч. [5.30].)

[229] Об этом см.: *Borde, Victor.* Texte aus den La Plata-Gebieten in Volkstümlichem Spanisch und Rotwelsch... Leipzig, 1923. VII, [I], 239, [1] S. (Beiwerke zum Studium der Anthropophyteia...; Bd. VIII). (См. также примеч. 65 и 10.) [См. также в «Библиографическом списке» на: Beiwerke.]

---

* В оригинале приведено немецкое название города: Brünn. – *Примеч. пер.*

[230] См.: Das Minnelied des deutschen Land- und Stadtvolkes / Abhandlungen und Sammlungen von Alfred Webinger, W. Aldheiden [*sic*!], F.J.W.M. in Bonn [u. a.]; hrsg. von Dr. Friedrich S. Krauss. Leipzig: Ethnologischer Verlag Dr. Friedrich S. Krauss, 1929. 316 S.: Noten. Содержание сборника: *Krauss, Friedrich S.* Geleitwort zur Einführung. S. 7–34; *Webinger, Alfred.* Deutsche Bauernliebe. Beiträge zur Erforschung der Minne im Leben und Liede, vorzüglich der oberösterreichischen und steirischen Bauernschaft. S. 35–230; *Alderheiden, W.* Das Frankfurter Gassenkind. Reime, Lieder und Redensarten aus Kindermund in Frankfurt a. M. S. 231–259; *Philemon, P.* Studenten- Schnickschnacklieder. S. 260–267; *F.J.W.M.* Aus Bonner Studentenkreisen. S. 268; *Stückrath, Otto.* Leberreime aus alter und neuer Zeit. S. 269–275; *Schnabel, Friedrich Erich.* Minnelieder aus Westfalien. S. 276–278; *Spinkler, Edgar.* Minnelieder kurländischer Städter. S. 279–294; *Krauss, Friedrich S., Spinkler, Edgar, Hoschek, Josef, Philemon, P., F.J.W.M., Schrenck, S., Schwalbach, Karl, Bernstein, Heschel.* Das Minnelied lustiger Städter. Die Wirtin an d. Lahn. S. 295–310; *Krauss, Friedrich S., Spinkler, Edgar, P.M., J.H., Schrenck, S., Freimark, Hans.* Klapphorn-Verse. S. 311; *Krauss, Friedrich S., Schrenck, S.* Schüttelreime. S. 312f.; *Krauss, Friedrich S., Müller, W.* Minnelieder deutscher Seefahrer. S. 314–316; Noten. S. 195–212. [См. «Библиографический список» на: Beiwerke.]

[231] *Krauss, Friedrich S.* [1931]. S. 5. (См. примеч. 18.) [См.: Krauss [1931].]

[232] Ibid. S. 7.

[233] *Murray Sh., Hall G.* Österreichische Verlagsgeschichte, 1918–1938: [In 2 Bd.]. Wien; Köln; Graz, 1985. Bd. I: Geschichte des österreichischen Verlagswesens. Kap. VI–XII. (См. примеч. 178.)

[234] Южнославянский писатель Отто Хаузер (Otto Hauser) (1875–1944), друг Краусса по совместной переводческой деятельности в Военном министерстве, неизменно вспоминал о «чулане», в котором тот скрывался. (Благодарю Хуберта Хузника за это сообщение.) «Чуланчик с голыми стенами» упоминает и Эгон Дитрихштейн (Egon Ditrichstein) (1920. S. 132. – См. примеч. [5.15]).

[235] О начале этой работы Краусс сообщил уже в 1911 г. (см. примеч. 14. S. 487), по окончании доклада в Венском психоаналитическом обществе (см. примеч. 148). Эгон Дитрихштейн также указывает на разработку Крауссом этой темы в конце 1919 г. (см.: *Ditrichstein, Egon.* Примеч. [5.15]. 1920. S. 132). В «Календаре немецкого ученого на 1925 г.» («Kürschner's Deutscher Gelehrten-Kalender auf des Jahr 1925») (Примеч. [5.16]. Sp. 535f.) эта работа упоминается как вышедшая. К публикации она должна была быть полностью готовой не позднее 1927 г. Дело в том, что в архиве Краусса ока-

залась подписанная в 1927 г. к печати рукопись со странным подзаголовком «Доклад в Венском психоаналитическом обществе» («Ein Vortrag in der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung») (см.: *Burt, Raymond L.* 1981. S. 7f. – Примеч. 7). Достойно внимания, что титульный лист содержит ссылку на венское «Этнологическое издательство», а это указывает, что Краусс пытался перевести свое издательство в Вену!

[236] См.: *Krauss, Friedrich S.* Theseus im Guslarenlied: Ein herzogländisches Guslarenlied // Laographia. Thessaloniki, 1937. T. XI. S. 337–346. [В оригинале дата издания ошибочна: 1935.] *Idem.* Die Ödipussage in südslawischer Volksüberlieferung // Imago: Zeitschrift für psychoanalytische Psychologie, ihre Grenzgebiete und Anwendungen. Wien, 1935. Bd. XXI, Heft 3. S. 358–367.

[237] *Krauss, Friedrich S.* 1928. S. 14. (См. примеч. 38.)

[238] Вопросом о еврейских самоубийствах в 1938 г. занимается со всей дотошностью вéнец Йонни Мозер (Jonny Moser). По его мнению, констатация смерти вследствие «дегенерации сердечной мышцы», принятая как факт, появилась не в последнюю очередь потому, что осмотр тела проводился неевреем.

[239] Как и при двух последних посещениях (5.8.1937–13.8.1937 и 29.12.1937–4.1.1938. – Примеч. 205), она снова жила не у отца, а в VII районе по Шоттенфельдгассе (Schottenfeldgasse), 78/8 (см.: WStLA. Meldenachweis).

[240] С 23 мая по 2 июня она жила на Фурмангассе (Fuhrmanngasse), 1a/10 в VIII округе Вены (см.: WStLA. Meldenachweis).

[241] Сообщение Йоханнеса Райхмайра (Johannes Reichmayr), умершего в 1947 г., жителя Клагенфурта (Wien-Klagenfurt).

[242] Так, напр., при составлении и толковании сказаний об Эдипе Краусс упоминает Аннемари Хлебовицку (Annemarie Hlebowicka), «исключительно способную ученицу» (*Krauss, Friedrich S.* Die Ödipussage. 1935. S. 367. – Примеч. 236).

[243] В акте осмотра трупа (см.: WStLA. Journalartikelnummer 18927/1938) и в «Sterbe-Buch über die in Wien bei der israelitischen Cultusgemeinde vorkommenden Todesfälle» (Israelitische Kultusgemeinde Wien, tom. 1938, Reihenzahl 1388) датой смерти указано 29 мая, 22.30. Вопреки этому составленные только на следующий рабочий день протокол о смерти и акт о наследстве (см.: WStLA. Verl. Abh. BG Innere Stadt 3A/312/38), а также регистрационный формуляр указывают днем смерти 30 мая. По любезному сообщению Герберта Коха (Herbert Koch), заполнение формуляра проведено в соответствии с официальными указаниями, поэтому подобным образом официально назначенную дату смерти, скрепленную подписью и печатью, надлежит считать обязательной!

День 30 мая приводится в качестве даты смерти в следующих источниках: Kürschners Deutscher Literatur-Kalender. Nekrolog 1936–1970. S. 369. (См. примеч. [5.4]); *Giebisch, H., Gugitz, G.* Bio-Bibliographisches Literaturlexikon Österreichs. S. 213. (См. примеч. [5.21]); *R.M.* F.S. Krauss // Deutsches Literatur-Lexikon. Sp. 419. (См. примеч. [5.27]); *Wytrzens, G.* F.S. Krauss / Österreichisches Biographisches Lexikon 1815–1950... S. 227. (См. примеч. [5.22]); *Mikoletzky, N.* F.S. Krauss // Neue Deutsche Biographie... S. 714. (См. примеч. [5.25]); *Anonymus.* Friedrich Krauss zum Gedenken // Rathaus-Korrespondenz. Bl. 1163. (См. примеч. [5.20].)

[244] Место смерти в акте осмотра трупа (см. примеч. 243) не заполнено, а в протоколе о смерти (см. примеч. 243) указано «местожительство». В обоих документах, как и в «Sterbe-Buch» (см. примеч. 243), в графе «Церковный приход» записана иудейская культовая община, «Гражданское состояние» – вдовец, «Профессия» – писатель. Точно так же во всех трех документах датой рождения указано 14 ноября 1859 г., место рождения – Пожега, место проживания – Вена. Совпадение даты обрезания с днем рождения вызвано, возможно, тем, что данные записаны со слов какого-нибудь еврея, а не дочери.

[245] Акт осмотра трупа (см. примеч. 243). В указателе такого рода актов этот смертный случай отражен по странности только 8 июня.

[246] См. соответствующие исправление и разрешение в акте осмотра трупа (см. примеч. 243), а также в «Sterbe-Buch» (см. примеч. 243).

[247] Считавшаяся потерянной (см.: *Morad, Mirjam.* 1987. S. IIIf. – Примеч. [5.29]; Reichmayr, Johannes. – Примеч. 241) могила была заброшена и скрыта зарослями плюща и кустарника. Мы разыскали ее в самом начале октября 1988 г., расчистили и мало-мальски восстановили. Могилу, окруженную воронками, оставшимися после Второй мировой войны, защищает дерево. Природный камень серого цвета с черной надписью, единственной в округе на немецком языке, служит обрамлением захоронения, что позволяет устроить возле могилы декоративный цветник. Плитка с именем Фридриха Саломо, вероятно, под действием взрывной волны, вылетела из железного держателя и разбилась. См. ил. 60 в изд.: *Martischnig, Michael.* Wien, 1989. (См. примеч. 1.)

[248] В картотеку кладбищенской администрации фамилии Вильгельма и Амали занесены с одной буквой «s», тогда как Фридрих Саломо – с двумя.

[249] См. протокол о смерти и акт о наследстве (см. примеч. 243).

[250] См.: WStLA. Meldenachweis.

[251] См.: WStLA. Meldenachweis. На этом регистрационном бла-

ке единственный раз приведен также номер на двери отцовской квартиры.

[252] См. протокол о смерти и акт о наследстве (см. примеч. 243).

[253] *Фишер, Оскар* (Fischer, Oskar; род. 6.9.1885, Мёдлинг (Mödling)) – писатель иудейского вероисповедания, женат на Маргарете, урожд. Вессели (Margarethe, geb. Wessely) (род. 25.3.1904, Винер-Нойштадт (Wiener Neustadt)), в 1920 г. проживал в XII районе Вены Шёнбруннер Шлоссштрассе (Schönbrunner Schloßstraße), 43, до 19 ноября 1938 г. – в III районе Вены по Унтере Вайссгерберштрассе (Untere Weißgerberstraße), 11/11; позднее, до 7 июня 1939 г., зарегистрирован по адресу: Вена-I, Флайшмаркт 20/I/III/7 (Fleischmarkt), потом отбыл в неизвестном направлении (см.: WStLA, Meldenachweis; WStLA, Handelsgericht Wien, Abt. VIII, Reg. $\frac{A\ 57/187}{8}$).

[254] Практическое значение этого закона состояло в воспрепятствовании в Вене «дикой ариизации» и «бесчинствам комиссаров», а также в создании основы дня позднейшей регулируемой законодательством «ариизации». Ср.: *Klamper, Elisabeth.* Der schlechte Ort zu Wien. Zur Situation der Wiener Juden vom «Anschluß» bis zum Novemberpogrom 1938 // Der Novemberpogrom 1938. Die «Reichskristallnacht» in Wien. Katalog zur 116. Sonderausstellung des Historischen Museums der Stadt Wien. Wien, 1988. S. 33–42.

[255] См. протокол о смерти (см. примеч. 243).

[256] Хильда Колб (см. примеч. 85) могла еще ребенком побывать у профессора на Нойштифтгассе и надолго запомнить его ломившуюся от книжных сокровищ библиотеку.

«Этот пожилой мужчина с седой бородой патриарха, в домашнем дедовском колпаке, которого я застаю в настоящем рабочем кабинете ученого, среди гор фолиантов, рукописей и книг, этот патриарх научной эротики <...>» (*Dietrichstein, Egon.* [Ein Pornograph]. S. 130). (См. примеч. [5.15].)

[257] «Удалось переправить в Вену полные тюки ценнейших документов» (*Kind, A.* Friedrich S. Krauss. Biobibliographisches... 1908. S. 134). (См. примеч. [5.1].)

[258] Ср.: *Reichmayr, Johannes.* 1988. S. 143. (См. примеч. [5.30].)

[259] В 1938 г. в Вене ариизировано свыше 44 тыс. квартир (см.: *Botz, Gerhard.* Wohnungspolitik und Judendeportationen in Wien 1938–1945. Zur Funktion des Antisemitismus als Ersatz nationalsozialistischer Sozialpolitik. Wien, 1975. S. 60).

[260] Согласно концессионному акту от 8 марта 1921 г. при МВА III 3074/I/1920, начатому 25 августа 1921 г.; заявка о включении в торговый регистр подана 19 мая 1921 г. (см.: WStLA Handelsgericht Wien, Abt. VIII, Reg. $\frac{A\ 57/187}{I}$).

[261] В том же доме помещалась книжная лавка Й. Айзенхута (J. Eisenhut).

[262] Хотя 24 июля 1925 г. Алоис Ранценхофер (Alois Ranzenhofer) покинул фирму, ее название не изменилось: «Dr. Ranzenhofer und Fischer».

[263] См.: WStLA Handelsgericht (см. примеч. 253) с ВН III F 32/33. Фирма, зарегистрированная в Коммерческом трибунале, том A57, страница 187, до 1937 г. значилась в ежегоднике «*LEHMANN's* Allgemeiner Wohnungs-Anzeiger» (см. примеч. 16).

[264] Генрих Хинтерберггер (Heinrich Hinterberger) был сотрудником антиквариата Хекка (Heck); собственный книжный магазин открыл до 1936 г. Ср.: *Nebehay, Christian M<ichael>*. Der goldenen Sessel meines Vaters, Gustav Nebehay (1881–1935), Antiquar und Kunsthändler in Leipzig, Wien und Berlin. Wien, 1983.

[265] Напр.: Inv. Nr. 713.764-B: Посвящение д-ру Леопольду Шайнеру (Dr. Leopold Scheiner); Inv. Nr. 713.776-B: «Bitte zurück»; Inv. Nr. 713.779-C: Подпись: «Friedrich S. Krauss»; Inv. Nr. 713.836-B [*Vuletić-Vukasović, Vid*. Narodni uresi kod južnijeh Slavena. (Srpskog Magazina 1896)]: с собственноручным посвящением автора Крауссу на титульном листе.

[266] См. протокол о смерти (см. примеч. 243).

[267] См. акт о наследстве (см. примеч. 243).

[268] См. протокол о смерти (см. примеч. 243).

[269] См.: WStLA Meldenachweis.

[270] Согласно инструкциям от 14 ноября 1935 г. об исполнении Нюрнбергских законов.

[271] См.: *Burt, Raymond L.* The Papers of Dr. Friedrich S. Krauss at UCLA's Research Library. Los Angeles, June 1981. P. 2. (См. примеч. 7.)

[272] См.: *Krauss, Friedrich S.* 1928. S. 8. (См. примеч. 38.)

[273] *Krauss, Friedrich S.* [1931]. S. 7. (См. примеч. 18.) [См.: Krauss [1931].]

[274] Об этом автор – к сожалению, безрезультатно – начинал опрос через один еврейский журнал (см.: *Martischnig, Michael.* 1988). (См. примеч. [5.31].)

[275] *Krauss, Friedrich S.* Slavische Volkforschungen: Abhandlungen über Glauben, Gewohnheitrechte, Sitten, Bräuche, und die Guslarenlieder der Südslaven vorwiegend auf Grund eigener Erhebungen. Leipzig, 1908. S. 179.

Ныне, к сожалению, весьма медленно всё же начинают заниматься наследием Фридриха С. Краусса, хотя пока сохраняется масса нестыковок (напр., в статье Инге Пронай-Штрассер: *Pronay-Strasser, Inge*. Von Ornithologen und Grashupferinnen. Bemerkungen zur Sexualität um 1900 // Glücklich ist, wer vergißt...? Das andere Wien um 1900 / Hg.: Hubert Ch. Ehalt, Gernot Heisz, Hannes Stekl. Wien; Köln; Graz, 1988. S. 116 (как имена, так и даты публикаций этим

автором приведены неверно) или в работе, появившейся на родине Краусса: *Vrtovec, Ivanka.* Narodna intima. Zagreb, 1986 [В оригинале статьи М. Мартишнига ссылка на страницы указанного издания, дана в форме: «о. S.».] (даты публикаций неверны)).

[276] Сведения приведены по изд.: *Krauss, Friedrich S.* 1928. S. 55 (см. примеч. 38) и биографиям, перечисленным в примеч. 5.

[277] См.: Eros-Reigen. 1921. S. 11. (См. примеч. 180, 181.)

[278] См.: *Dietrichstein, Egon.* 1920. S. 128 (см. примеч. [5.15]); Томас Хаушильд (*Hauschild, Thomas.* 1981. S. 154) относит присвоение этого титула к 1912 г. (См. примеч. 13.)

[279] См.: Degener, Herrmann A.L. (zgst. = сост.). Wer ist's? 1922. Jg. 8. S. 853. (См. примеч. [5.12].)

[280] См.: *Idem.* Ibid. Leipzig, 1905. Jg. 1. S. 457. (См. примеч. [5.12].)

Раймонд Л. Бёрт

Введение
[к изданию «Народные предания южных славян» Ф.-С. Краусса. – Вена, 2002 г.]

Первый том «Тысячи преданий и сказок южных славян»[1] д-ра Фридриха С. Краусса вышел в 1914 году. Его коллеги по сию пору будто не замечают этого труда. Только Георг Поливка (Polivka, Georg) выступил с пространной негативной рецензией на книгу[2]. У «изящного и темпераментного писателя» Поливке не нравится прежде всего пренебрежение [собирателя необходимостью фиксации] названий мест записи, а также помещение иллюстративного ряда, имеющего весьма отдаленное отношение к тексту. Примечания рецензент считает «чересчур тенденциозными» и призывает Краусса в дальнейшем быть «более объективным и менее субъективным».

Задуманное восьмитомное собрание сказок по неизвестным причинам так и не увидело свет. Настоящее издание содержит бóльшую часть этого неопубликованного собрания сказок. Теперь можно убедиться, насколько Поливка был прав. С одной стороны, это собрание – подлинная сокровищница неиздававшихся ранее народных сказок из ареала славянских народов, с другой – исторический документ, отразивший политическую напряженность в местах его сложения в начале XX века. Этой поздней работой Ф.-С. Краусс на исходе своей бурной и противоречивой карьеры попытался вернуть себе доброе имя среди коллег, объясняя свои проблемы причинами политического свойства.

Фридрих С. Краусс

Услышав в наше время имя Фридриха Саломо Краусса, читатели, вероятно, прежде всего вспомнят о его деятельности как

сексолога и редактора-издателя «Антропофитеи»[3]. Но он известен и как первый, кто записал предания и песни гусляров[4]. Он и в самом деле долго и упорно занимался фольклором (Folklore) южных славян. Его первой крупной публикацией было двухтомное собрание сказок южных славян[5]. В 1884—1885 годах по поручению Венского антропологического общества он отправился в научную поездку по Герцеговине, Боснии и Далмации. Попутно им описывались народные нравы и обычаи, коим он был свидетель. Во многих работах Краусс упоминает свое огромное собрание славянского фольклора (Volkskunde):

«Теперь в моем распоряжении доныне никому не ведомый и еще не изданный ценный этнографический и лингвистический материал, который гораздо более усердный труженик, нежели я, не смог бы издать и за десять лет каторжной работы»[6].

Это тем более серьезное замечание, если принять во внимание, что творческое наследие Краусса насчитывает более 250 публикаций[7].

Несмотря на свою работу фольклориста-первопроходца и обладание уникальными познаниями, Крауссу не удалось вписаться в академическую среду. Причины этому следует искать в латентном антисемитизме его окружения, в зашоренности сознания влиятельных критиков, а может быть, и в его личности. Краусс остался аутсайдером. Поскольку доступ в официальные австрийские и немецкие фольклорные общества (Volkskundegesellschaften) ему был заказан, он искал признания у своих коллег за рубежом и, на счастье, находил его. Так, в начале XX века он оказался единственным немецким почетным членом Американского фольклорного общества. Его друзьями были такие известные эксперты, как Джузеппе Питре́ и Франц Боас, в Вене же он обрел единомышленников только в Психоаналитическом обществе (Psychoanalytischer Gesellschaft) [З.] Фрейда, которое, как и сам Краусс, было на положении изгоя.

Незадолго до Первой мировой войны Краусс стал жертвой антипорнографического движения, охватившего Германию. Часть [томов] «Антропофитеи» была конфискована (подвергнута аресту), а «Этнологическое издательство» Краусса не выдержало «почтовой блокады». Сам он был заклеймен как порнограф. В голодные годы после Первой мировой войны ученый находил поддержку у американских друзей и коллег в США. Хотя исследования он вел до самой смерти (1938), кроме первого тома «Тысячи преданий и сказок южных славян», были опубликованы лишь немногие его труды. Масса статей хранится в его архиве, который с конца 60-х годов XX века находится в библиотеке Калифорнийского

университета Лос-Анджелеса. Настоящее издание — первая публикация из этого архива.

Несмотря на все трудности, Краусс оставил ценнейшее собрание фольклорных материалов; разработал новую область фольклористики (Volkskunde), табуированную в его время. Хорошо было бы понять, что им двигало, характер и методы его работы, но ясно, что, сохранив для нас песни гусляров, сделав решительный шаг от этого своего раннего увлечения к фольклору, прежде всего южнославянскому, как науке, собирая и издавая с риском для профессиональной репутации сексуальный фольклор (Folklore), Фридрих Саломо Краусс заслуживает нашей самой глубокой благодарности и признания.

Лос-анджелесский архив

В подробной биографической статье Михаэль Мартишниг выражает изумление, как в канун Второй мировой войны удалось переправить в Лос-Анджелес архив Краусса. Судьба остальной богатой фольклористической и сексологической библиотеки австрийского ученого долгое время была неизвестна. Только после смерти Эрнестины-Евы Опиц, дочери Краусса, ставшие доступными документы пролили свет на некоторые факты его биографии. Лакуны заполняются семейной корреспонденцией. В последние годы жизни наш герой испытывал трудности со зрением, и ему помогала его ученица и коллега Аннемари Вутте, урожд. Хлебовицка, подруга его дочери. Вскоре после аншлюса Третьем Рейхом Эрнестина покинула Австрию и кружными путями добралась до своего брата Вильгельма в Лос-Анджелесе. Часть отцовского наследства она оставила у знакомых в Вене. Только под нажимом неизвестного профессора брат и сестра озаботились архивом отца. Не исключено, что под неизвестным следует понимать д-ра Уэйланда Хэнда (Hand, Wayland) из Калифорнийского университета Лос-Анджелеса. Он подружился с эмигрировавшими детьми Ф.-С. Краусса и в 1950-е годы заинтересовался его разрозненной библиотекой. Как-то раз на вопрос, не родственник ли он известного фольклориста, Вилли Краусс пристально посмотрел и ответил: «Доктор Хэнд, вы *единственный*, кому известно, что он — мой отец!»

Дети стыдились своего родителя и не хотели заниматься его архивом. В октябре 1954 года Аннемари Вутте писала Эрне Опиц, что получила «десять коробок и один чемодан» от некой г-жи Кутцер (Kutzer). Она также сообщала, что речь идет примерно о шестидесяти книгах, рукописях, фотографиях, двух старинных струнных инструментах (гусле́ или тамбурица) и нескольких футлярах.

Г-жа [А.] Вутте упоминала, что некоторые книги были в плохом состоянии, но их перечень отсутствовал. В сопроводительном письме назывались только оба тома «Преданий и сказок южных славян», а также рукописи Эдуарда Кульке[8], несколько томов «Уркведла», румынские истории и «всевозможные труды о песнях гусляров». Подробная опись до сих пор не найдена. Ей казалось наиболее приемлемым отправить всё вместе с посыльным. Впрочем, она была удивлена тем, что получила так мало книг, из чего следует заключить, что ей была знакома огромная библиотека Крауссa. «Насколько мне известно, там были научные книги, а здесь их так ничтожно мало, что я чувствую себя совершенно несчастной. От серийных изданий остались порой лишь отдельные тома и ни одного действительно полного комплекта. Это приводит меня в смущение и растерянность»[9]. В ответ Эрнестина пыталась утешить подругу, сообщая, что оставленные у г-жи Кутцер книги уже тогда были повреждены и находились в плохом состоянии. «Чистые, хорошей сохранности книги, которые не принадлежали отцу, я тогда же продала и на полученные деньги жила сама и помогала бедным подругам, едва не умиравшим от голода»[10]. Она объясняла также, что посыльный слишком дорого стоит и что ей были нужны только «немногие книги самого отца и его рукописи, сказки и песни гусляров». Г-жа [А.] Вутте могла сохранить для себя несколько книг и струнные инструменты «на память о старом слепом человеке, к которому ты была бесконечно добра». Первые две посылки г-жа [А.] Вутте отправила в январе 1955 года. Вильгельм Краусс сообщал: «Я сразу же отнес книги профессору в институт»[11]. Действительно, экземпляры «Уркведла» находятся теперь в собрании Университетской научной библиотеки и помечены как «дар от Вильгельма Крауссa». В 1968 году, в год кончины Вильгельма Крауссa, архив перешел в распоряжение Института и находился здесь до 1980 года неразобранным, в 13 коробках с рукописями, под названием: «Фридрих В. Краусс».

О «Предисловии» Ф.-С. Крауссa к первому тому «Тысячи преданий и сказок южных славян» (1914)

«Предисловие» к первому тому «Тысячи преданий и сказок южных славян» увидело свет 28 июля 1914 года. Крауссу было тогда 55 лет. Год назад он проиграл судебный процесс, и раны еще не зарубцевались. Как тяжко ученый переносил последствия процесса, явствует из «Предисловия»:

«Суд принес только стыд, позор и убытки. Я сполна вкусил всё, что извергла на меня пресса, и всё, чем заклеймило меня научное сообщество. Почему и за что?! Только ради удовлетворения садизма королевского прусского прокурора, который давно уже не брезгует тем, что запрещают Бог, Право и Закон, лишь бы уничтожить меня и этнологические исследования»[12].

Впрочем, Краусс не отделяет событий всемирной истории от своих личных проблем. Не прошло и месяца после покушения на наследника престола, вызвавшего разворот государственной машины Австрии на подготовку к полномасштабной войне, как он уже снова погружен в заботы о публикации славянских народных сказок, что едва ли можно назвать противостоянием [духу времени]. Этим он занялся главным образом для того, чтобы вернуть себе доброе имя фольклориста. Ученый и не пытается это скрыть, что явствует из «Предисловия», где уже на первых страницах говорится:

«В общих чертах предисловие уже готово. Вкрапления мои можно тем более не читать, что по сути речь идет о моем личном отношении к людям, которые не равнодушны ко мне, а я — к ним, в добром либо дурном...» (S. VI).

В новую работу наш герой не включил материалы сексуального содержания, хотя и считал, что цензура искажает фольклор. На сей раз он был вынужден предложить «очищенную» публикацию, «дабы оказать отпор гонителям» (S. XX) и, не страшась запрета, высказать свою точку зрения.

Для придания случившемуся с ним более строгого выражения и оттенения всего причиненного ему зла, Краусс останавливается на «эпизоде с изображением Христа». Подлинной причиной процесса было, между прочим, его сходство со сложившейся к тому времени художественной традицией писания лика Мессии. В полемической работе «Берлинский эротоманско-маниакально-бредовый процесс 1913 года» Краусс детально описал этот эпизод, чтобы высмеять своих противников и их антисемитские мотивации[13]. По его словам, речь идет об одном снимке 1888 года, который он простодушно послал другу. Это «извращенное» фото нашлось среди вещей его дочери. На обороте его читаем следующую надпись: «Моей дражайшей покровительнице госпоже Эльзе Кинд (Kind, Else) (имя слегка стерлось и плохо читается. — *Р.Б.*) дарю фотографию, на которой мне 27 лет. *Сулейман* (его псевдоним. — *Р.Б.*). Вена, 24.VI.1908». О том, что Краусс сознавал особенность этого фото, свидетельствует письмо от 22 апреля 1892 года фольклористу Отто Шеллу: «Мне часто бывает очень неловко от моего сходства с типовыми изображениями лика Христа, ибо сто́ит мне

где-нибудь появиться, как многие таращат на меня глаза и подолгу рассматривают»[14]. Умалчивая об этой фотографии в «Предисловии» к первому тому, Краусс попытался сместить центр тяжести с собственной персоны на разгул антисемитизма и представить себя жертвой и мучеником. При этом он утверждал, что и судьи, и следователи предъявляли ему обвинение во «внешнем сходстве с Христом» (S. XXI). Об этом же говорится и в примечании к истории «Чем оборачивается бледность лица евреев» («Woher rührt die Gesichtsblässe der Juden»).

Выход в свет «Тысячи преданий и сказок южных славян» (1914) вновь возвращает Краусса в былую область исследований. Оба тома «Преданий и сказок южных славян» (1883–1884) он намеревался переиздать как часть своего проекта (тома 3 и 8), о чем не только говорится в «Предисловии», но прямо следует и из правленных томов, находившихся в собственности его дочери. Только для двух первых томов намечался неопубликованный материал из его собрания, основой двух других должен был стать переработанный двухтомник «Преданий и сказок», во все остальные тома предполагалось включить переводы сказок из труднодоступных славянских журналов:

«Ради быстрого сбыта южные славяне печатают свои журналы, календари, книги и листовки бледно, на самой дешевой и непрочной бумаге из древесной массы. Она легко рвется, и всё запечатленное на ней вскоре гибнет. Но в моем собрании спасено многое, что бесценно для исследователя. Себе в заслугу я ставлю также то, что одним из первых записал историю, выраженную языком народа» (S. XVII).

Некоторые из переводов Краусса можно прочитать в фольклорном журнале «Караджич»*, издателем которого был его друг, профессор Владимир Джорджевич (Vladimir Gjorgjević)**. Прочее опубликовали Рудольф Строхал (Strohal, Rudolf; 1856–1936) и Кузман Шапкарев (Šapkarev, Kurman; 1834–1909). К сожалению, предназначенная для восьмого тома библиография, равно как и предметный указатель, в архиве отсутствуют.

Хотя намеченный к публикации текст складывался в основном не из «сказок и преданий» в их традиционном понимании, но из преданий о вампирах, вилах, оборотнях и комических историй, Краусс обосновывал необходимость публикаций сюжетов с вампирами и оборотнями не только тем, что они еще бытуют в народе.

---

* См.: Караџић 1899–1903.

** Р.-Л. Бёрт описáлся: издателем журнала «Караџић» был не Владимир, а Тихомир Р. Ђорђевић (1868–1944).

«Во избежание дезориентирующей односторонности мне казалось необходимым расширить понятие "предания и сказки" до пределов, обычных для разговорной речи» (S. VIII).

Но рамки фольклористических жанров были, можно сказать, окончательно сломаны включением комических историй. Эти истории о национальной вражде и религиозных расхождениях между мусульманами, христианами, сербами, боснийцами* и турками являют собой своеобразный жанр. Их Краусс считает ключом к психологии южных славян:

«Следует с почтением отнестись к сотням ничем не примечательных историй, ибо в них таятся юмор, шутки, сатира и ирония простых людей. Человек есть существо, наделенное желанием смеяться. То, что его веселит, забавляет, пробуждает страсть высмеивать, даже его мимика и телодвижения, сопровождающие разгульное веселье, раскрывают нам тайну его побуждений, подавляемых общественным табу» (S. XV).

В этом заметно влияние на Краусса психоанализа на стадии его становления. Ученый очень рано осознал его значение для фольклористики. В 1910–1916 годы он более 40 раз посетил заседания Психоаналитического общества [З.] Фрейда[15] и нередко рецензировал на страницах «Антропофитеи» труды психоаналитиков. В своем собрании сказок наш герой то и дело говорит о взаимосвязи этих двух дисциплин:

«Остроумные исследования Фрейда свидетельствуют о большом значении таких комических историй и шванков с точки зрения психоанализа. Уже Фрейд и его ученики признали фольклористику мощной оживляющей силой; и нам ничего не стоит одарить наших сограждан новым материалом, поднятым из глубин души, польза которого для здоровья народа очевидна» (S. XVI).

Созвучные высказывания встречались и у некоторых современных австрийскому исследователю психоаналитиков[16]. Хотя Краусс был вдохновенным сторонником психоанализа, путь в узкий круг этой группы был ему заказан. При всем том [З.] Фрейд признавал ценность фольклористики для своих исследований[17] и совместно с Д.-Э. Оппенгеймом черпал примеры преимущественно из «Антропофитеи»[18]. В «Предисловии» к «Тысяче преданий и сказок южных славян» вновь говорится о взаимосвязи обеих дисциплин. Аллюзии на школу [З.] Фрейда просматриваются также и в примечаниях к историям «Яичница святого Георгия — весьма дорогое яство» и «Приказ есть приказ».

---

* Самоназвание: бошняки, босняки.

О примечаниях [Ф.-С. Краусса] к сказкам

Примечания содержат преимущественно разъяснения культурных реалий. Издав сказки, Краусс вышел на широкую аудиторию, благодаря чему смог привлечь внимание экспертов к своим уже опубликованным научным трудам. В примечаниях заметны его предубежденность и пристрастность к сербам. Очевидно, своим антисербским настроем он пытался как-то отреагировать на исторические коллизии и выставить себя жертвой сербского заговора, поскольку причину своих судебных проблем он готов был приписать тогдашним врагам Австрии. Чтобы спасти свою репутацию ученого, наш герой старался выявить череду совпадений между нападками на себя и покушением на престолонаследника. В написанном в 1914 году «Предисловии» к первому тому угадываются два намека на это. В памфлете, который одновременно появился в виде приложения к подборке сербского фольклора, он сравнивает себя с Лаокооном, пытающимся предостеречь немцев от «нецивилизованных» и опасных сербов[19]. Тогда же ученый упоминал и о якобы покушении на себя сербов в 1911 году на улицах Вены. Проведенное газетой «Нойе Фрайе Прессе» по следам этого происшествия расследование заставляет усомниться в достоверности сообщения нашего героя. Следует подчеркнуть, что критики сербов нет в его ранних работах, и она контрастирует с появившейся в 1895 году статьей о сербском фольклоре, в которой Краусс отзывался о сербском народе исключительно положительно[20].

Антипатия к сербам была порождена многолетними спорами с южнославянскими академиками, что объяснялось прежде всего кардинальными различиями в понимании роли фольклора. В пору разгула всемирного национализма фольклор использовался в оправдание националистических устремлений, а эротический фольклор (erotische Volkskunde), которым занимался ученый, шел в разрез с задачами националистического движения. Прославление отдельных народов и национальностей с помощью фольклора являлось, по мнению Краусса, вульгаризацией результатов научной деятельности:

«Например, если всеобщее согласие общественных течений и воззрений человечества объясняется единой традицией, или кровным родством, или общей политической историей, то остается полагаться на ничего не объясняющие софизмы и гипотезы. Если же, напротив, принять во внимание своеобразие духовных задатков человека, в которых проявляется он сам и его умение приспособиться при необходимости к обстоятельствам, то сама собой от-

падает более серьезная трудность – понять имеющееся и наступившее»[21].

Сторонник полигенеза, он считал все попытки манипулировать фольклором для насаждения национального мифа антинаучными и безнравственными. Поэтому поспортизация мест записи историй имела для него второстепенное значение:

«Цели и задачи немца, пишущего для научного мира Запада, – несколько иные, нежели у национал-славянских фольклористов (Folkloristen), читатели которых охотно углубляются в местные (для меня же беспредметные) оттенки устной традиции. Мне всегда хотелось выявить то, что было общим для всех южных славян, то общечеловеческое, что и исследует наука» (S. XXV).

В вышедших в 1891 [отд. издание – 1893] году «Богемских кораллах...» Краусс распространил критику на конкретных академиков, которых бичевал острой сатирой[22]. В «Предисловии» к первому тому сказок слышен отзвук этого язвительного тона:

«Точно так же, как кухарка прежде, чем насадить на вертел молочного поросенка, щедро нашпиговывает его луком, перцем, майораном и специями, так и южнославянские педагоги приправляют народные сказки множеством национал-патриотических и политико-религиозных словечек и елейных оборотов и наконец гроздьями развешивают их в назидание и оглупление юных душ» (S. XVII–XVIII).

Следы этой полемики проглядывают в примечаниях к историям «Как один лентяй во всем получал помощь» и «Почему луна худеет».

Научная методика Краусса состояла в том, чтобы сохранять фольклорные предания в их первозданном виде, без «приукрашивания» и цензурирования. Он характеризовал ее так: «Подача фольклорического материала, сводящаяся к его буквальному воспроизведению». Своими духовными предтечами ученый считал Адольфа Бастиана (Bastian, Adolf; 1826–1905) и Вука Стефановича Караджича.

«Собирать фольклор – это подлинное искусство, к которому, как и к любому другому, человек должен иметь призвание и со всем тщанием заниматься им, дабы достичь совершенства. Ведь это – призвание, которое заполняет всю жизнь. Кроме духовной переработки восприятия смысла, фольклор требует для своего воплощения точного, непредвзятого видения и четкой передачи познанного» (S. VII).

Такая методика исключала любые националистические чувства и воспитывала нейтрального, свободного от всяческих идеологий наблюдателя:

«Устойчивость [фольклористики] складывается тогда, когда начинается наблюдение, свободное от национальной, конфессиональной и не в последнюю очередь морально-эстетической узости, задаваемой [социальными] слоями и народами...» (S. VII).

Ключом к такому «непредвзятому наблюдению» и средством избежать «создания националистического мифа» и «усиления расовой борьбы» были теории фрейдовской школы:

«Из этого хаоса выводит только психоанализ, который учит нас отличать изначальные способы мышления от наносных, случайных или географически обусловленных напластований» (S. XXVI).

Наконец, в примечаниях прослеживаются попытки нашего героя восстановить свою репутацию, подорванную судебным процессом. То и дело звучат выпады в адрес прокурора и судебных заседателей[23]. Процесс 1913 года означал для Краусса не только финансовый крах и не только клеймил его как порнографа, но и лишал возможности публиковать фольклор сообразно собственному разумению. Намеки на судебный процесс встречаются, например, в примечаниях к истории «Ласка».

В архиве Краусса нет указаний на порядок воспроизведения текстов. Комические истории записаны от руки и пронумерованы. К сожалению, они сохранились не полностью. Возможно, многие записи готовила Аннемари Хлебовицка и хранились они в отдельной папке под названием «Сербские предания и сказки» («Serbische Sagen und Märchen»). <...>

Только личные обстоятельства и трудности послевоенного времени могли помешать тому, что запланированные тома так и не увидели свет. Но архивные материалы свидетельствуют и о том, что еще в 1925 году ученый работал над примечаниями к неопубликованным текстам. Как говорилось, некоторые из них были отпечатаны на машинке его ученицей, а это значит, что и в 1930-е годы он не переставал корпеть над рукописью.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Krauss 1914.

[2] См.: *Polívka, Jiři* (1858–1933). [Rezension]: «Tausend Sagen und Märchen der Südslaven. Gesammelt und verdeutscht von Dr. Friedrich Krauß. Mit vielen Bildern. Bd. 1. Leipzig. (1914)» / G. Polivka // Archiv für slavische Philologie: [in 42 Bd.] / unter Mitwirkung von A. Bruckner [u. a.]; hrsg. von V. Jagić. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, März 1916. Bd. XXXVI. S. 564–569. Впоследствии Поливка несколько смягчил свою позицию; см.: *Bolte, Johannes* (1858–1937), *Polívka, Jiři.* Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm:

[in 5 Bd.]. Neu bearbeitet von Johannes Bolte und Georg Polivka; unter Mitwirkung von Walter Anderson, Max Böhm, Reidar Th. Christiansen, Robert Gragger, Bernhard Heller, Georg Horák. Leipzig: Dieterich'sche Velagsbuchhandlung, 1932. Bd. 5: (Zur Geschichte der Märchen, IX–XIV. Register). [2], VI, 305, [1] S. (на с. 112).

[3] См., напр.: *Burt, Raymond L., Eppensteiner, Barbara, Reichmayr, Johannes.* Sexualforschung und Psychoanalyse: Friedrich Solomo Krauss und Sigmund Freud – gelehrte Zuhörer von unten // Von der Last der Lust: Sexualität zwischen Liberalisierung und Entfremdung / Hrsg. Josef Christian Aigner, Rolf Gindorf. [Wien]: Verlag für Gesellschaftskritik, [1986]. S. 47–74; *Morad, Mirjam.* Friedrich Salomo Krauss: vom Blick in die Volksseele zum Seelenzergliederer // Wunderblock: eine Geschichte der modernen Seele. Wien, 1989. 752 S., 10 Bl. Ill. [Страницы статьи не указаны.]

[4] *Foley, John Miles.* The Theory of Oral Composition: History and Methodology. Indiana: Indiana University Press, 1988. 170 p.

[5] См.: Krauss 1883–1884.

[6] *Krauss, F.S.* Die Wahlbrüger: Ein Mohammedanisches Guslarenlied aus der Hercegovina. Wien, 1887. [В оригинале источник цитаты не указан.]

[7] См.: Bibliographie von Friedrich Salomo Krauss: № 1–261 / Raymond L. Burt // Burt, R.L. Friedrich Salomo Krauss (1859–1938)... 1990. S. 125–144. Кроме того, берлинский библиограф Хельмут Вальравенс (Walravens, Helmut) составил его подробную библиографию.

[8] Ф.-С. Краусс перевел и издал работы Э. Кульке. См.: *Kulke, Eduard.* Eduard Kulke's Erzählende jüdische Schriften: [in 4 Bd.] / hrsg. von Friedrich S. Krauss. Leipzig: Deutsche Verlagsactiengesellschaft, 1906; *Kulke, Eduard.* Kritik der Philosophie des Schönen. / von Eduard Kulke; mit Geleitbriefen von Prof. Dr. Ernst Mach und Prof. Dr. Friedrich Jode; hrsg. von Dr. Friedrich S. Krauss. Leipzig, 1906. XV, 343 S., 1 Bl. portr. О дружбе Краусса с Э. Кульке см.: *Krauss, F.S.* Eduard Kulke: ein Uranier // Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen: mit besonderer Berücksichtigung der Homosexualität / hrsg. Magnus Hirschfeld. Leipzig: M. Spohr, 1908. Bd. IX. S. 313–324.

[9] *Bymme, A.* Письмо Эрнестине-Еве Опиц от 27.10.1954.

[10] *Опиц, Э.* Письмо Аннемари Вутте от 7.11.1954.

[11] *Опиц, Э., Краусс, В.* Письмо Аннемари Вутте от 16.02.1955.

[12] См.: Krauss 1914: XXXII. Далее ссылки на цитируемые фрагменты «Предисловия» даются по оригинальному тексту, с указанием страниц в круглых скобках.

[13] См.: Krauss 1913: 22–23.

[14] Письма [О.] Шеллу хранятся в рукописном отделе Университетской библиотеки Бонна.

[15] См. в «Библиографическом списке...»: Wiener Psychoanalytische Vereinigung.

[16] См.: *Freud, S.* [Brif datiert 26.06.1910] // ANTHROPOPHYTEIA. Leipzig, 1910. Bd. VII. S. 472–473; *Stekel, Wilhelm* (1868–1940). Rezension der «Anthropophiteia» // Zentralblatt für Psychoanalyse / hrsg. Sigmund Freud. Wien, 1912. Jahrg. II; цит. по переизд.: Amsterdam: E.J. Bonset, 1964. S. 283.

[17] См.: *Freud, S.* Op. cit.

[18] См.: *Freud, Sigmund* (1856–1939), *Oppenheim, David Ernst* (1881–?). Dreams in folklore / by Sigmund Freud and D.E. Oppenheim; translated from the German [by A.M.O. Richards; edited with an introd., by James Strachey] and [with] the original German text. New York: International Univesities Press, 1958. 111 p.].

[19] См.: *Krauss, F.S.* Vom Serbischen Volkstum // Süddeutsche Monatshefte. München und Leipzig, September 1915. Heft XII. S. 986–991.

[20] См.: *Krauss, F.S.* Zur Serbischen Volkskunde // Die Zeit: Wiener Wochenschrift für Politik, Volkswirtschaft, Wissenschaft und Kunst. Wien, 1895. Bd. XXXII, Mai, № 11. S. 87–88.

[21] Архив Ф.-С. Краусса. Коробка 6. Опись 1: «Vorwortvarianten».

[22] См.: Krauss 1891–1893.

[23] Описание процесса см.: *Burt, R.L., Eppensteiner, B., Reichmayr, J.* Op. cit. [1986]. S. 47–74. О ходе процесса писал и сам Краусс; см.: Krauss 1913, а также последние тома «Антропофитеи».

Заветные истории южных славян

ПРЕДИСЛОВИЕ

Фрагмент

Ознакомиться с публикуемыми в наших «Ежегодниках» («Jachrbücher»)[1] сообщениями сможет каждый исследователь. Эти тексты будут сопровождаться параллельными переводами на немецкий язык. Для наших целей необходим добротный, легко читаемый перевод, не претендующий на покорение эстетических вершин. Ни к чему тратить усилия на то, что нам совершенно не нужно. Мы — «среди своих», от нас никто не требует соблюдения приличий, диктуемых правилами общественной нравственности, и мы не нуждаемся в изящных придворных фигурах речи, короче, половые органы и присущие им половые функции мы должны называть со всей однозначностью принятыми в народном языке словами, которые и на другие языки должны переводиться столь же недвусмысленно. Движимые любовью к приличиям, некоторые имеют обыкновение обозначать предосудительные вещи латинизмами, позволяя тем самым таким «умникам», как частнопрактикующий педагог Мюллер фон Итцехоэ[2], утверждать, что латин-

[1] См. в «Библиографическом списке» и в заметке «От составителя»: 'ΑΝΘΡΩΠΟΦΥΤΕΙΑ 1904–1909/I–VI; ANTHROPOPHYTEIA 1910–1913/VII–X. Здесь и далее вставки в основной текст, взятые в квадратные скобки, а также сноски (без пометы «Примеч. Ф.-С. К.») принадлежат составителю.

[2] Мюллер фон Итцехоэ (Müllers von Itzehoe; Müller, Johann Gottwerth; 1743–1828) – философ, частнопрактикующий преподаватель; автор ок. 40 публикаций, две из которых в 1794-м и 1831 гг. были переведены на русский язык.

ский язык был нарочно изобретен для похабщины (säuereien). Но эти люди не задумываются о том, что в большинстве случаев такой подход лишь затуманивает содержание и изначальная цель не достигается.

Мы говорим «среди своих», поскольку наши «Ежегодники» не поступают в продажу, в библиотеках они — под строжайшим запретом и доступны только ученым для исследовательских целей. Собственно говоря, оправдания подобное ограничение не требует, ведь и анатомические учебные залы не открыты каждому с улицы, как заведения брадобреев.

Самое большое собрание «криптадий» («Kryptadien») [букв.: «потаенных текстов»] насчитывает всего лишь 77 (вместе с вариантами) русских рассказов (Erzählungen der Russen)[3]. Мое же южнославянское собрание, не считая вариантов, превышает русское в семь раз, и, насколько я знаю, оно — самое большое из всех известных. С точки зрения филологии, до сих пор не было такого великолепного собрания южнославянских диалектных текстов, к тому же несфальсифицированных и самобытных. Казалось бы, такая груда текстов должна бы ошеломить фольклористов, но при просмотре 30 разделов, по которым я распределил истории, исследователь в области парафилии[4] — другие называют ее половой психопатией (Psychopathia sexualis) — поймет, что очень многие вопросы о половой жизни так и остались без ответа.

Это объяснимо. В своих изыскательских поездках я обращал внимание на все явления южнославянской народной жизни, особенно на те, что мне разрешалось открыто, безбоязненно обсуждать. К тому же собирание текстов и рассказов о половой жизни не было главным моим делом — полевыми иссле-

---

[3] Ф.-С. Краусс имеет в виду сборник А.Н. Афанасьева «Русские заветные сказки», изданный В.И. Касаткиным в Женеве в 1867 г. В переводе на французский язык опубликован в изд.: KRYΠΤΑΔΙΑ. Heilbronn, 1883. Vol. I. P. 1–290. См.: *Бессмертных, Л.В.* О рукописях А.Н. Афанасьева «Народныя русския сказки не для печати (из собрания В.И. Даля)» и «Русския заветныя пословицы и поговорки (В.И. Даля)», а также об издании В.И. Касаткиным в 1867 г. книги «Русския заветныя сказки» // Афанасьев 1997: 558–660.

[4] Парафи́лия (Paraphile; *греч.* para — приставка, означающая «отступление, отклонение от чего-либо» + *греч.* philia — «любовь, склонность») — половое извращение.

дованиями я занимался по собственной инициативе, теша свою научную любознательность. Несмотря на мою тогдашнюю молодость, я был достаточно образован в естественных науках, чтобы относиться к этой стороне жизни без предубежденности. Это оказалось как нельзя кстати, помогло не увлечься романтизмом в фольклоре и непредвзято размышлять о действительности и условиях жизни народа. И всё же, честно сознаюсь, я не уговаривал людей делиться со мной такими историями. В моем присутствии их рассказывали другим, и я потом тщательно записывал или же кто-то незаметно записывал их для меня. Другими словами, мне не требовалось выуживать чужих тайн, я обнародую только то, что без всякой задней мысли произносилось в присутствии детей, девушек и женщин. У южных славян сохранилось еще то, что называется «naturalia non turpia» («естественное не безобразно»).

При всем том в городах развивается западная культура, процветает подконтрольная полиции проституция и торговля женским телом. Всё это удачно подсмотрено на Западе и даже во многом превзойдено.

Некоторые истории я сопроводил рядом редакций. Иногда я это делал из любви к филологии и истории литературы, но чаще стремился показать, как ту или иную тему освещает народ, или же оттенял — и это являлось решающим обстоятельством — достойную внимания мимолетную черту, которую способна выявить только речевая практика. Большой словарь Хорватской академии[5], выходящий с 1882 года, уже сейчас нуждается в переработке. В последующие тридцать лет его составление будет завершено, но к тому времени он безнадежно устареет, поскольку им проигнорированы почти все обсценные выражения и обороты речи. Так, например, отсутствуют слова для обозначения лобковых волос: «bruce», «bručke», «broćke», «bručkavice» или для выражения онанирования: «drkati kurac». Разве в южнославянском языке эти слова не так стары и не достойнее уважения, чем какие-нибудь другие, или они вообще не допускают этимологического тол-

[5] Имеется в виду изд.: Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. U Zagrebu: U knižarnici Lavoslava Hartmana na prodaju, 1880–1882. Dio I / obrađuje Đ. Daničić. [4], 960 s.; Dio II / obradili Đ. Daničić, M. Valavac, P. Budmani, 1884–1886; Dio III. 1887–1891; Dio IV. 1892–1897; Dio V. 1898–1903... Dio XXIII. 1976.

кования?! В этом отношении мое собрание окажет всестороннюю помощь и самым щедрым образом обогатит и означенный словарь, и грамматику.

Пока я не сопровождаю истории ссылками на литературно-исторические параллели, чтобы никого не опережать, тем паче что дальше, начиная со второго и третьего томов, мы представим такого же рода истории, но не из южнославянских регионов. Еще сильнее меня сдерживало соображение о нецелесообразности чрезмерного усердствования в толковании текстов, хотя как раз это наиболее близко моим фольклористическим наклонностям. В своем литературном всезнайстве фольклористы боятся быть обойденными даже тогда, когда до них или вместе с ними представители других отраслей науки привносят свои исследования в напечатанные здесь материалы. Каждый из нас может многое создать, даже слишком многое, поскольку, как говорит сербская поговорка из Герцеговины: «Sve ima dno a pizda nema» («Всё имеет дно, а пизда не имеет»)[6] или соответствующая немецкая: «Ein Ei ist ein mundvoll, ein Brüstli ist ein handvoll, ein Arsch ist ein Schoß voll, aber eine Vut ist ein nimmervoll» (смысловой перевод: «Рот забиваем (заполняем) яйцом, ладонь — сиськой, жопу — говном и только целку — ничем (т. е. она никогда не целая, а вечно пробитая)»). Таким образом, пространство для исследований половых явлений бесконечно и у народов необозримо. Сразу скажем во избежание недоразумений, что под предметом исследований мы понимаем приводимые нами случаи и события, поскольку мы убеждены, что на основе этих данных и следуя нашему методу можно будет выявить устойчивые тенденции в эволюции полового инстинкта и обусловленные этим общественно-биологические процессы. В конце концов, на это направлены все этнологические исследования.

В последующих томах вслед за историями я опубликую весь массив собранных легенд, народных игр, магических заклинаний и тостов, пословиц и загадок, зелий для предохранения от зачатия, снадобий, способствующих рождению детей мужского или женского пола, изгнания плода, лекарственных средств против половых болезней. В целом объем должен будет составить не одну сотню книжных страниц и,

[6] См. в наст. изд. историю № 115 «Пиздино дно» и примечание к ней.

несмотря на определенное несовершенство, способствовать формированию ясного взгляда на примитивные отношения в половой жизни одной географической провинции. При случае я не откажу себе в возможности опубликовать некоторые тексты южнославянской порнографической художественной литературы, чтобы продемонстрировать глубочайшую разницу между нашим подходом к сбору сведений и той жалкой халтурой, что служит исключительно возбуждению полового инстинкта.

Самую сердечную благодарность заслуживает наука и те исследователи, которые готовы разделять со мной немалые усилия по редактированию наших «Ежегодников». В нашей скрытой от широкой общественности деятельности они вместе со мной отреклись от общественного признания и вряд ли откажутся от работы, выполняемой ими со всем тщанием.

Первый том наших «Ежегодников» я посвятил директору Этнологического отдела Естественноисторического музея, профессору университета в Нью-Йорке доктору Францу Боасу[7]. Его многолетние исследования жизни эскимосов и индейцев в самой северной части Америки сходны с моими по собиранию первобытных форм половых сношений среди южных славян. Он, несомненно, заслуживает всяческих почестей, что и подтверждается нашим ему посвящением, украшающим этот том.

Просьба к господам сотрудникам присылать новые статьи для последующих томов «Ежегодников» (народные сказания, исследования).

Д-р Фридрих С. Краусс
Вена VII/2, Нойштифттассе 12
24 августа 1904 г.

[7] Boas, Franz (1858–1942).

Глава I

О НЕКОТОРЫХ ОБЫЧАЯХ И ВЗГЛЯДАХ ЮЖНЫХ СЛАВЯН

1. О наготе

У южных славян сформировалось довольно-таки отчетливое представление о половом бесстыдстве, из которого прежде всего следует, что оскорбление и унижение других может совершаться не только путем насилия, но и посредством обнажения половых органов или зада, а также и через совсем уж бесцеремонное отправление естественной нужды. В знак глубочайшего презрения в состоянии ярости и гнева мужчина может обнажить свой половой член, а женщина — свои половые органы. Принято также демонстрировать противнику голую задницу, похлопывая по ней рукой.

Полное освобождение от одежды весьма распространено при изгнании духов болезни. Поступая в их отношении столь бесцеремонно, им дают понять, что не боятся их и скорее пренебрегают ими.

Если в болгарской деревне вспыхивает эпидемия, то повсюду гасится огонь и, следуя старинному обычаю, полностью обнаженные молодые люди в полном молчании добывают трением новый огонь. Затем он разносится по всем очагам.

А вот еще одно средство от чумной напасти, сообщенное хорватским крестьянином: «В воскресный канун, первый после новолуния, в полночь, двенадцать юношей и двенадцать непорочных девушек, совершенно голые, должны взять плуг, отправиться с ним за деревню и, впрягшись в ярмо, опахать деревню семь раз. Во время пахоты они должны хранить полное молчание. Им запрещено заглядываться друг на друга, не

говоря о том, чтобы касаться друг друга. Плуг нужно тянуть по одной борозде, пока она не вырастет до небольшой канавки» («Предания о чуме у южных славян», см.: Krauss 1883a: 26ff; см. также параллели из северославянских народных обычаев, приводимые там же).

В праздник Ивана Купалы[1] парни, а иногда и девушки прыгают через костер обнаженными.

Если [мужчине] повстречалось ночью привидение («utvora», «sablast»), он хватается за свой хуй и кричит: «На хуй!» («U kurac!») или: «Мой тебе в жопу!» («Moj t<i> u dupe!») Пересекая ночью поле, женщины, страшащиеся привидений, заворачивают сорочку или блузу себе на затылок, чтобы показать призраку обнаженную задницу.

2. О ебле

[1]. Парень, у которого много белизны в глазах, станет большим блядуном.

[2]. Девка с бегающим взглядом охоча до ебли.

[3]. Если кто-нибудь придет в дом и начнет зевать, ему надо постелить – его клонит ко сну; если потягивается, значит, ищет бабу, чтобы выебать, – его надо выгнать; а если пускает слюни – он голоден, пусть поест.

Боснийская бытовая примета. Сообщил крестьянин из Горни-Рзови, Босния.

[4]. Если [у женщины] большой рот, значит, и большая пизда.

[5]. Чтобы [женщине] определить [соразмерную для нее] толщину хуя, [ей] надо взять лист писчей бумаги величиной с ладонь и согнуть его пополам, затем приложить к нему большой палец [руки] так, чтобы верхний край беловатой кромки его ногтевого корня совпал с линией сгиба листа. Закрытую пальцем поверхность листа необходимо вырезать ножницами. Если развернуть бумагу, получится отверстие, соответствую-

[1] Johannisfeuer (*нем.*) – одно из главных языческих празднеств летнего солнцеворота; совпадает с церковным днем Рождества (24.06/7.07) св. Иоанна Крестителя, новозаветного персонажа, связанного с евангельскими сюжетами о крещении Иисуса Христа («купал» Христа, отсюда – Иван Купала). У южных славян возжигание костров – центральный акт купальской обрядности.

щее толщине хуя мужчины, подходящего для этой женщины.

Из Хорватии и Славонии.

[6]. Для усиления любовного наслаждения пьют красное вино.

[7]. Чтобы баба отдалась любви со всей страстью, ей дают выпить водки.

[8]. Нахождение женщины в водопаде считается недопустимым. Возможно, опасаются водяного духа. Зато любовное наслаждение усиливается у падающей воды.

[9]. Нельзя ебаться на мосту.

[10]. Нельзя ебаться на собачьей шкуре — родится сорвиголова.

[11]. Нельзя спать с женщиной, у которой начались месячные, — можно навлечь на себя болезнь либо, не ровен час, родится убийца или злодей.

[12]. Для мужчины постыдно выебать безумную, обморочную, парализованную испугом или мертвецки пьяную.

[13]. Нельзя ебать мать и дочерь [одновременно], но по отдельности [можно] — либо одну, либо другую.

[14]. Кто ебет собственную тетю, того ждут семь лет невезухи.

Из Боснии.

[15]. Кто ни разу в жизни не пробил девственницу, того на том свете будут ебать черти.

Из Лешницы, Сербия.

[16]. Еще полсотни лет назад в Хорватии и Славонии был в ходу следующий обычай: за гробом рано умершего, но уже зрелого юноши, о котором было известно, что он ни разу не подарил женщине радость, шла наряженная невестой девушка, будто вдова, — считалось, что и в могиле юноша не обретет покоя, коли на белом свете ему не довелось испытать любовного наслаждения.

3. О том, когда девушка считается созревшей для любовных утех

а) Если в чулок девочки входит кулак, еби ее спокойно — она уже созрела.

Из Соко-Бани, Сербия.

б) Если девочка сама может вытащить занозу из пятки, ей уже можно [засовывать] и хуй.

Из Черногории и Далмации.

в) Ударь ее [девушку] шапкой и, если она не упадет, ее [уже] можно ебать.

Из окрестностей Ниша, Сербия.

г) Если у девочки появились срамные волосы, [значит] она созрела для ебли.

Из Славонии.

4. Мать и дочь

Дочь спрашивает мать:

— Мама, как же я выйду замуж, если ты мне всё время толкуешь, что я еще ребенок?

— Выйдешь, — отвечает мать, — когда у тебя между ног вдруг что-то клевать (искушать) будет.

Дочь ей:

— Ой, Боже мой, мама, да у меня там квочка клюется!

Рассказал крестьянин из окрестностей Жепче, Босния.

5. «Хуина!»

У отца и матери подрастала дочь, спокойная по нраву и работящая, и матери не хотелось выдавать ее замуж, хотя девка уже была в полном соку. Муж однажды спрашивает жену:

— Когда мы нашу дочь замуж-то выдадим?

— Да пусть еще подождет, пока ей мужик не приснится! — отвечает жена.

Спали они в одной комнате, и дочь весь этот разговор подслушала. Когда родители крепко уснули, она раздвинула ноги и вскрикнула:

— Хуина!

Отец услышал этот крик и, разбудив жену, прошептал, что во сне дочь произнесла: «Хуина!»

Мать сказала, чтобы он не брехал почем зря, а дочь, услышав всё это, снова раздвинула ноги и во тьме еще призывнее заныла:

— Хуина! Хуина!

После этих выкриков мать уже ничему не удивлялась, и родители тут же выдали девку замуж.

Рассказал крестьянин из Лики [, *Хорватия*].

6. «Расти, расти, пока я снимаю пояс!» (*Поговорка*)

Девушка вышла замуж совсем молодой. В первую брачную ночь она забралась в постель и говорит раздевавшемуся молодожену:

— Я еще маленькая. Моя мать мне сказала, чтобы ты меня не трогал, пока я не подрасту!

На что молодожен ее успокоил:

— Да ты расти, расти, пока я снимаю пояс! (Rasti ti, rasti dok ja raspašem tkanice!)[1]

Из округа Рудника, Сербия. Общераспространенное.

7. Замужняя малолетка

У вдовы была дочь, мать считала ее малолеткой, а потому не готовой пока к ебле. И всё же один парень попросил руки девушки. Мать извинилась, что дочь еще ничего не умеет, но, поскольку парень был пригож собой, да и к тому же знатного рода, она ему не отказала и пошла на уговор, что во время первой брачной ночи будет придерживать его за хуй, чтобы он разъебывал ее дочь помаленьку. Жених согласился.

Когда в первый вечер он начал разъебывать девушку, мать обхватила его хуй ладонью и позволила вогнать одну лишь головку. Когда он загнал головку, девушка воскликнула:

— Ой, мама, пусть и шейка головки войдет!

Мать немного разжала ладонь, а дочь говорит:

— Отпусти, мама, еще маленько!

Мать отпустила половину хуя.

— Ой, еще чуток, еще немного!

Хуй весь вошел, а дочь всё просит:

---

[1] Ср.: «Дядюшка! Я еще маленькая... — Ну расти, расти, покуда бант отстегну!» (Афанасьев 1997: 491, № 85).

– Да отпусти же ты, мама, отпусти!

Мать ей отвечает:

– Боже мой, доченька, закончился! Больше нет!

Дочь в гневе и говорит:

– Поди прочь, несчастная! Батя мне давно говорил, что ты испохабишь любую вещь, стоит ей попасть в твои руки!

Рассказал крестьянин из села близ Жепче на реке Босне.

Примечание[1]. Разумеется, этот упрек относился только к посредственной хозяйственности матери, которая толком ничего не умела делать.

8. О том, как способствуют повышению плодородия

а) Чтобы урожай был богаче, совершенно голые парень с девкой совокупляются прямо на поле. Бабу нельзя заставить силой, напротив, она должна согласиться и сама лечь под парня. Место полового сношения называют «гнездышком для ебли» («jebalište»). В приводимом ниже [№ 9] отрывке из проповеди батюшка имеет в виду именно этот обычай, который он, по понятным причинам, не одобряет.

б) Если хозяин переспит со своей женой под плодовым деревом, это также будет способствовать урожаю фруктов.

в) Женщина, желательно беременная, ночью, в новолуние, должна три раза обежать голой вокруг плодового дерева, тогда оно принесет богатый урожай.

Из Славонии, Хорватии и Боснии.

г) Кто хочет иметь успех в делах, связанных с лошадьми, тот должен три раза выебать цыганку[2].

Из Лешницы, Сербия.

---

[1] Здесь и далее тексты с пометой «Примечания» принадлежат Ф.-С. Крауссу и в оригинальном издании напечатаны только на немецком языке. Встречающиеся в этих «Примечаниях» фрагменты на сербохорватском языке оговорены особо.

[2] В Сербии торговлей лошадьми занимаются обычно цыгане. Они же лучше всего умеют их разводить. Если серб переспит с цыганкой, он тем самым станет причастен к цыганам и к их «лошадиному счастью». (*Примеч. Ф.-С. К.*)

9. Проповедь валашского [сербского] протопопа по имени Джу́ка

— Вы, православные христиане, хуже христиан католиков! Вы по земле ходите, орехи в лесу собираете, ебетесь там, а Джуку не зовете! Но, если нагрянет какая-нибудь беда, вы тут же кличете Джуку. А вот мой хуй! Не дозоветесь! Вы сперли церковный колокол, ну и звоните теперь моим хуем! А еще я нашел в поле среди пшеницы пять ваших гнездышек для ебли. Если вы не перестанете этим заниматься, я вам еще девять таких гнездышек совью. Хоть теперь вы меня поняли, неблагодарные, ебу вашу мать!

Рассказал обыватель из Пожеги, Славония.

10. О том, как муж может узнать, верна ли ему жена

Пусть муж, не торгуясь с продавцом, купит маленькое зеркальце. А вечером пусть положит его под подушку жены. Ночью во сне она скажет, где и с кем была и чем с ним занималась.

Рассказал каталик в Жепче, Босния.

11. Колдовство против ведьмы

Женщины говорят: если корова начинает сцать и мычать, когда приступают к ее дойке, значит, ее молоко уже [кем-то] выдоено.

Тогда немного той сцаки они собирают в бутылку или сосуд из тыквы, крепко его закупоривают и, перевернув, подвешивают над огнем в поваренной ложке или на цепочке. И тут появляется та, что [скрытно] выдоила молоко, — просит вынести ей что-нибудь из дому. Если ничего не дадут, то ей останется только лопнуть, иначе страдать ей от закупорки сцаки.

От сербки-крестьянки по имени Манда Симеун из села близ Удбины, область Лика[, Хорватия]. Данное поверье широко распространено также и у хорватов.

12. О том, как приворожить собственного мужа

Это делается, чтобы муж не волочился за бабами. В новолуние в пятницу до восхода солнца жена должна вытащить гвоздь из креста на кладбище. Затем в ближайшее воскресенье, которое придется на новолуние же, ей следует воткнуть гвоздь с кладбища в то место, где муж справил малую нужду. После этого у него пропадет всякая охота приударять за другими женщинами.

Со слов молодой крестьянки из Плетерницы, Славония.

13. О лишении мужской силы

Хорватский крестьянин-кузнец рассказал, как, будучи еще юношей, соблазнил хорошенькую бабенку и по завершении дела не заплатил обещанного. Она пригрозила лишить его мужской силы. В самом деле, неожиданно он ее утратил, и помогло ему только то, что он разыскал одураченную им бабу и помирился с ней. Колдовство заключалось в том, что она вытянула из его одежды нитку, завязала ее узелком и схоронила где-то на кладбище.

[*Из Хорватии.*]

Глава II

О СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИИ

14. О женщине как сожительнице мужчины

Серб-мусульманин называет свою жену «большим ребенком» («veliko dite»). Негоже задавать мусульманину вопрос: «Как поживают твоя жена и твои дети?» Вместо этого спрашивают: «Как твои дети?» («Kako su ti dica?»)

В свою очередь и крестьяне христианской веры не очень охотно используют слово «žena» (первоначально имевшее значение «родительница», как в греческом — «γυνή»), и, если случается его произнести, они добавляют обычно «с вашего разрешения!» («prostiš!»), будто употребили непристойное выражение. Крестьянин называет свою жену «любимая» («ljuba») — словом, преобладающим также и в народных песнях.

Если один крестьянин спросит другого: «Жена у тебя есть?» («Imaš ženu?»), то почти неминуемо получит ответ: «Жена-то есть, ты пизду ее съешь!» («Imam ženu, izješ pičku njenu!») Оскорбление задающего вопрос позволяет уберечь жену от сглаза.

15. Из чего Бог создал женщину

Когда Бог хотел создать первую женщину, Он погрузил Адама в крепкий сон, вытащил из его тела ребро и положил рядом. Мимо пробегала собачонка, схватила зубами Адамово ребро и пустилась наутек. Бог стал ее преследовать, а догнав, смог только оторвать у нее хвост. Собака побежала дальше, а Богу ничего не оставалось, как создать женщину

из собачьего хвоста. Это чтобы женщины знали, из чего они сделаны, и не доказывали свое превосходство.

Рассказал крестьянин Тошап Буковичанин в Загрaдже, Босния.

16. О смысле выражения «Jebem ti...!»

Переводчики южнославянских текстов нередко заблуждаются, воспринимая как брань, а то и как проклятие обычное дежурное ругательство. Для правильного понимания произносимого следует исходить из того [распространенного в народе представления], что человек подлого звания просто обязан со всем смиряться, а посему взирать на более могущественного человека как на превосходящего его во всех отношениях, имеющего прерогативу безнаказанно удовлетворять через него свое сладострастие и, в частности, нести по его поводу всё, что на ум взбредет. Оскорбляемому же это должно представляться священным, возвышенным, внушающим благоговение и неприкосновенным правом.

Несомненно, уже с незапамятных времен сложилось мнение, что осознание мужской силы и превосходства приобретает особую значимость при совершении половых актов. Люди из низов общества имеют лишь отдаленное представление о возвышенной и романтической любви. Мужчина должен добиться полового удовлетворения, и без жестокости здесь не обойтись. Половой партнер (он или она) всегда был побежденной, подчиненной, поверженной стороной. Когда южнославянин говорит «Ебу я твою мать!» («Jebem ja tebi mater!»), в этой фразе уже изначально заложена угроза оскорбительного действия по отношению к са́мому дорогому для унижаемого лицу. Хулят также Бога, всех святых, личного покровителя, родственников — короче, всё и вся.

У сербов и болгар чрезвычайно оскорбительным считается выражение «Ебу тебя в жопу!» («Jebem te u dupe!»); у хорватов, напротив, принято требовать от партнера: «Еби меня в жопу!» («Jebi me u dupe!»), так как они [хорваты] — кинеды[1],

[1] Кине́д (*греч.* Κιναιδος — кинед, мужчина, занимающийся противоестественным развратом; *лат.* cinaedus — (1) кинед, мужчина, предающийся противоестественным половым сношениям; (2) исполнитель не-

достойные презрения. Еще более оскорбительны такие выражения, как «Пес твою маменьку скоблит!» («Pas ti nanu grebo!»), или даже «Пес твою мать еб в жопу!» («Pas ti mater jebo u dupe!»), или, что у хорватов произносится как уже почти бессмыслица, выражение крайнего гнева, «Еб твою душу пес!» («Jebo ti pas dušu!»).

Если кто-нибудь не хочет, чтобы в ругани по адресу возлюбленного (возлюбленной) поминалась мать адресата, бранящийся говорит: «Ебу ту твою темницу, в которой ты был девять месяцев!» («Jebem ti onu tamnicu, gdje si devet mjeseci bio!»).

Из Власеницы, Босния.

Чтобы не принижать достоинства слова «мать», хорват сквернословит, обычно произнося: «Ебу ту твою дыру, из которой ты выпал!» («Jebem ti onu rupu, iz koje si ispao!»)

[*Из Хорватии.*]

17. Зять в гостях у родни жены

Зять с молодой женой приехал погостить на несколько дней к теще. Дом кишел домочадцами, и зятю всё не удавалось выебать ночью жену. И тут у него возникла идея:

— Слушай, жена, я так больше не могу. Вчера ночью хотел прилечь рядом с тобой, да побоялся, что нечаянно перепутаю тебя с твоей матерью. А потому не снимай сегодня ночью чулки — по ним я легко узнáю твои ноги.

Теще, подслушавшей весь этот разговор, захотелось поебаться с зятьком, и она осталась на ночь в чулках. Зять приготовил «своего» и, наткнувшись в темноте на тещу, засадил ей как следует. Когда утром он подсел к жене, та его огорошила:

— Ну и горазд же ты, муженек! Сегодня ночью ты был не со мной, а с моей мамочкой!

пристойных танцев; (3) развратный, бесстыжий; *ит.* cinedo — развратник. Эти значения перечисляются в древнегреческо-русском и латинско-русском словарях. В Древней Греции и Древнем Риме кинед — это в большинстве случаев проституирующий пассивный гомосексуальный мужчина.

От того, что выеб тещу, ему стало стыдно, и он решил поскорее вернуться домой вместе с женой. По дороге им встретились братья жены, возвращавшиеся с поля. Те как раз зарезали барашка. Братья стали уговаривать родственника воротиться в их дом и отведать баранины:

– Побудь у нас еще, ради бога, зять!

– Да нет! – не соглашался парень.

Поняв, что упрямец стоит на своем, они, раздосадованные, сказали ему (имея в виду его отказ от баранины):

– Ну и зять, хорош ты ебать нашу мать! (Ej zete, zete ti nam lepo jeba mater!)

– Видит бог, я и не знал [, что это ваша мать]! Я решил, что это моя жена!

Из Сербии.

Примечание. Отказавшись от приглашения, зять нанес теще в глазах ее сыновей тяжкое оскорбление. Они дали выход обиде в образной форме, [метафорически] допустив, что зять «имел» их мать. Сказанное братьями зять воспринял буквально, и тем самым его позор вышел наружу.

18. Оскорбленный цыган

Однажды в цыганском таборе («u svom ciganluku») вспыхнула ссора, и, когда один цыган стал оскорблять жену[1] другого, последний пригрозил:

– Ну погоди же, я на тебя жалобу подам!

Сказано – сделано. Оскорбленный цыган отправился к судье и заявил:

– Господин судья! Вчера Хусо ругался, что он имеет мою жену в ее бизду (gestern hat mir Huso mein Weib in ihre Boz[2]

---

[1] Он произнес: «Ебу твою жену» («Jebem ti ženu»). Для боснийцев-христиан это ругательство не особенно унизительно, в отличие от цыган – у них мужчина живет у своей жены в качестве гостя, и именно ей принадлежит основное имущество – повозка и палатка. Жена для цыгана – авторитет, который он не может позволить безнаказанно попирать. (*Примеч. Ф.-С. К.*) Здесь и далее сноски Ф.-С. Крауса маркированы пометой: *Примеч. Ф.-С. К.*

[2] Вместо «жену в пизду» («ženu u pičku») цыган сказал «жену в адвокаты» (opsova «ženu u fišku»). С точки зрения боснийцев комичность ситуации состоит в том, что цыган сказал «адвокат» («fišku»; правильное написание: «fiškal»). Судья выгнал его, поскольку понятие «цыган-

hinein beschimpft), и от страха пред Божьей карой весь табор содрогнулся, так он сильно ее при мне обзывал.

– Пошел вон отсюда, мерзавец! – заорал судья и прогнал цыгана прочь.

От крестьянина из села близ Сребреницы, округ Дрина, Босния.

19. Послание князя Милоша Вуку Караджичу

Князь Милош[1] повздорил с Вуком Караджичем[2], после чего Вук сбежал в Земун. Князь Милош послал в Земун своих чиновников, велев им:

– Найдите этого хромоногого Вука и передайте ему, что я ебу [его] мать!

Выполняя поручение, чиновники разыскали Вука и говорят ему:

ская честь» было неведомо этому служителю Фемиды, не знакомому с особенностями цыганского уклада и обычного права этого народа. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

[1] Ми́лош Теодорович Обре́нович (Милош Обреновић) (1780–1860) – сербский князь в 1815–1839, 1858–1860 гг., основатель династии Обреновичей. Эта фамилия является производной от имени Обрена, у которого Милош работал пастухом и приказчиком. Был неграмотным. Участник первого сербского восстания 1804–1813 гг. После его поражения назначен турецкими властями верховным князем всей Сербии. Возглавил второе сербское восстание (1815 г.), добился назначения наследственным правителем Сербии. После предоставления Турцией Сербии внутренней автономии (1826, 1829 гг.), действуя интригами и подкупом, устранил наиболее опасных соперников и по существу стал неограниченным правителем (князем) Сербии. В борьбе с оппозицией потерпел поражение и в 1839 г. был вынужден отречься от престола и покинуть Сербию. В 1858 г. сербская Скупщина, свергнув князя Александра Караджорджевича, вернула Милоша на престол. Проводил абсолютистскую политику.

[2] Кара́джич, Вук Стефанович (Караџић, Вук Стефановић; 1787–1864) – сербский филолог, историк, фольклорист, деятель национального возрождения, иностранный член-корреспондент Петербургской академии наук (с 1851 г.). Осуществил реформу сербо-хорватского литературного языка на основе народной речи, составил его грамматику и словарь. Публиковал исторические и этнографические материалы, произведения устной словесности.

— Господин Вук, государь велел тебе передать, что он ебет твою мать!

— Государю мой почет и мое уважение, а [я] ваших и отца и мать ебу!

После возвращения чиновников князь спрашивает их:

— Что вам сказал Вук?

— Вук нам сказал: «Государю мой почет и мое уважение, а я ваших и отца и мать ебу!»

— А ведь он прав! Зачем вы человека [зря] побеспокоили? — отвечал князь.

Сообщил учитель из округа Моравы[, Сербия].

20. Турок и серб

Как-то путешествующие турок и серб заспорили, чья вера пришла раньше.

— Моя вера появилась прежде твоей! — заявил турок.

— Вначале была моя вера! — возразил серб.

Турок настолько распалился, что чуть не зарубил серба, заодно обругав его валашского [сербского] Бога.

— Вот видишь, — сказал серб, — ты Бога хулишь, а ведь Бог один — что твой, что мой. Я почтителен и не богохульствую, а ты хулишь моего Бога, мать твою турецкую скоблю!

После этого они совсем рассорились и сцепились в драке. Серб был покрепче турка и хорошенько его отлупил. Возвратившись домой, серб разыскал капкан и положил его на дороге, по которой вечером должен был пройти турок. Всё так и случилось: капкан защелкнулся на ноге турка к вящей радости затаившегося в кустах серба. Раздосадованный турок взвыл:

— Горе мне, несчастному! Не надо было ругать валашского [сербского] Бога! И вот теперь я в Его власти!

Рассказал крестьянский парень в Тутневцах, Босния.

Примечание. Слово «vlah»[1], по-албански означающее «брат», употребляется в пренебрежительном значении по отношению к сербам греко-кафолического [православного] вероисповедания. Тем же словом сами сербы зовут румынов и итальянцев. В древневерхненемецком — «walh».

---

[1] Слово «влах» происходит от древне-верхненемецкого «walh», означавшего человека чужого, *не своего*, не понимающего речь окружаю-

21. Ебанные первого ноября

В ненастье по раскисшей дороге крестьянин вез на телеге сельского попа. В какой-то миг телега напрочь увязла в грязи. Крестьянин не решался ругаться, ведь сзади сидел поп. Однако от удара кнутом и обычных окриков лошади не проявляли особенного усердия. Тогда мужик повернулся к святому отцу и говорит:

— Батюшка, бог мой, надо бы их выругать, иначе из этой грязи нам вовек не выбраться!

— Не делай этого, сын мой, — с укором отвечал поп, — огрей слегка лошадей кнутом, а я помолюсь!

Поп молился и молился, а крестьянин кнутом понукал лошадей напрячься, но они не сходили с места и только прядали ушами.

Поскольку всё это длилось довольно долго и порядком надоело вознице, он и говорит:

— Батюшка, ваши мольбы бесполезны — молитва тут не поможет. Уж лучше заткните уши, а я всё сделаю как умею!

Поняв, что по-другому, наверное, дело не выгорит, поп согласился:

— Ладно, сын мой. Только не ругайся слишком громко!

Крестьянин поднялся на козлах, натянул вожжи и, вытянув изрядно лошадей кнутом, заорал:

щих его людей. Первоначально оно относилось к кельтам, позднее значение понятия расширилось на римлян и вообще на всех людей греко-римской культуры. От германских племен слово заимствовали в числе прочих и южные славяне, которые называли так чаще всего представителей румынских племен. Но не только. Употребление слова «влах» южными славянами было весьма разнообразным. Сербы, например, называли влахами также и жителей Дубровницкой республики, хорваты — итальянцев и население Герцеговины. Вместе с тем у южных славян повсеместно словом «влах» и его диалектными вариантами стали именовать пастухов. Отсюда — только шаг до его употребления в презрительно-уничижительном значении. Именно в таком смысле употребляют его населяющие Истрию хорваты по отношению ко всем вновь прибывшим на полуостров; западные хорваты — итальянцев; жители далматинских островов — соплеменников, обитающих на континенте; западные и северные хорваты — всех православных вообще, но главным образом сербов; боснийцы — всех немусульман, а в первую очередь — католиков; далматинские хорваты могут назвать «влахом» плебея, нищего, голь перекатную. (*Примеч. А.-Г. Москвина.*)

— Да ебу сто ваших подлых богов! Н-но, пошли! Ебу всех, кто вас создал, ебу всех, кто вас родил! А ну-ка, давай, пегая! Пошла, рыжая! Да ебу твое первое ноября, помогай, Аллах, если можешь!

Под эти выкрики лошадки поднатужились, рванули телегу из грязи и затрусили по дороге мелкой рысью.

Когда наконец всё пошло своим чередом, поп спросил:

— Однако, сын мой, ты зачем обругал первое-то ноября? Разве ты не знаешь, что на эту дату приходится День всех святых?!

— Конечно же знаю, потому так и выругался. Неужто я управился бы, коли еб бы каждого святого в отдельности? А так я их всех разом и они, выебанные, тотчас и помогли! Точно такая же у меня жена. Если я ее хорошенько проебу, целых три дня в доме будет рай. А если не выебу, добра не жди! Так вот, дорогой батюшка, всё мне это хорошо известно!

Рассказал хорватский священник из Нова-Градишки, Славония.

22. О смысле выражения «Kurac ti!»

В некоторых странах отправление правосудия немыслимо без палача, однако исполнение им своих прямых обязанностей обрекает его на всеобщее презрение. У южных славян в похожей роли выступает хуй. Оскорбление совершается не через действие, а посредством произнесения названия органа, с помощью которого мужчина собирается реализовать свои намерения. Интересующее нас выражение настолько привычно и в ходу, что употребимо даже в качестве простого возгласа удивления, как у нас, например, «О боже!», «Боже мой», «Тысяча чертей!» или «Вот еще!».

Подобно словенцу, хорвату и сербу, в знак презрительного отказа болгарин также говорит «Хуй тебе!» («Kurac ti!») и обычно сопровождает этот возглас соответствующим жестом, сгибая руку (как правило, левую) в локте и ударяя по локтевой впадине ребром ладони. Рука олицетворяет эрегированный хуй, — мол, если вогнать тебе такую штуковину, то на ногах не

---

[1] Пáтикус (*греч.*; *лат.* pathicus — распутный, развратный) — в Древней Греции и Древнем Риме пассивный партнер при мужских гомосексуальных контактах.

устоишь!.. и т. п. Этот жест повсеместно известен у южных славян как крайне оскорбительный.

Если болгарин желает избежать непристойного слова или жеста, который, естественно, его не красит, но хочет даже усилить оскорбление, он говорит: «Отмерь у меня три пяди от подбородка, тогда узнаешь, какой он у меня!» («Izmeri mi tri pedi ot čeljusta, da me vidiš, imam li go!») Этим говорящий намекает своему визави, что тому, похабной свинье и пáтикусу[1] («Pathikos»), следовало бы самому схватиться за орудие своего гнусного позора. Бывает, бранящийся, не проронив ни слова, отмеряет правой рукой расстояние от кадыка до хуя, демонстрируя таким образом полнейшее презрение к недругу.

23. Завещание

Когда в приличном обществе заходит разговор о бренности всего земного и загробной жизни, обычно кто-нибудь, состроив торжественную мину на лице, заводит следующий разговор:

— Что бы ни сулили мне Небеса и судьба, я ко всему готов и уже определился со своей последней волей. Тебе, Йоцо, я пожалую пастбище, тебе, Андрия, — кукурузное поле, тебе, Якша, — виноградник, а тебе, Цвиета, — усадьбу.

Имуществом наделяются все присутствующие, за исключением одного, в расчете, что этот, оставшийся, недоуменно спросит:

— А что же мне перепадет?

— Тебе, мой милый, я завещаю свой хуй! (То есть получи то, что заслуживаешь. Иногда говорят: «Говно». Это свойственный хорватам гнусный способ выражения.)

И вокруг острослова поднимается хохот.

Распространено в Хорватии и Славонии.

24. «Какого хуя тебе надо?»

Однажды Вука Караджича, лучшего знатока народных говоров и жизни простых людей спросили, как на простонародном языке следовало бы задать вопрос человеку, находящемуся не в духе, вместо тривиального «Чего тебе не хватает?» («Šta

ti fali?») Вук ответил: «Какого хуя тебе надо?» («Koj<i> ti je kurac?»)

От одного испанского еврея, отец которого, по его словам, был дружен с Вуком Караджичем. Из Белграда.

Примечание. Ответ не вполне уместный. Сербское слово «faliti» («не хватать», «недоставать», «ошибаться») – производное от немецкого «fehlen» и еще не получило широкого распространения среди сербов-крестьян. «Какого хуя тебе надо?» («Koj<i> ti [je] kurac?») – такой вопрос задают двуличному человеку, кривляющемуся и манерничающему; брату, сыну или дочери по-свойски или с ёрническим оттенком, когда такое обращение допустимо и не будет воспринято как оскорбление. Крестьяне же обычно спрашивают: «Какое у тебя горе?» («Koja ti je muka?»), «Что у тебя за беда?» («Koja ti je nevolja?»), «Что с тобой?» («Sta ti je?»), «Что у тебя болит?» («Sto te boli?»). Это действительно распространенные в народе выражения.

25. «И такая хуйня возможна!»

Жители Баната довольно часто вворачивают в разговор похабное словцо и срамное выражение без всякого намерения оскорбить собеседника и вообще кого-либо. Это не признак неучтивости. Просто такова манера их общения, когда такого рода словечки проскакивают как бы между прочим.

Вот один из таких примеров. Пожилой банатец пришел к владыке с просьбой благословить брак его сына, поскольку парень еще не достиг возраста, в котором по закону можно жениться.

Владыка встретил гостя в передней и спрашивает:

– Ты по какому делу, друг мой?

Банатец поначалу несколько смутился, но потом вспомнил, зачем явился к владыке, и, теребя в руках шапку, сказал:

– Да я, собственно, пришел за этим хуёвым благословением, святой отец!

– Слушай-ка, приятель! – вскипел владыка. – Ты должен быть учтив и не употреблять непотребных слов, когда со мной разговариваешь, не то велю упрятать тебя в кутузку.

– Что ж, и такая хуйня возможна! – согласился простодушный банатец.

Из Баната, южная Венгрия.

Примечание. Об этом способе словесного выяснения отношений см. примечания и примеры в изд.: [Krauss] 1899/VI: 202ff.

26. Крестный отец не желал плевать

Существует обычай: при крещении крестный отец должен плюнуть от сглаза на крестника. Один крестный не захотел этого делать. Попадья ему и говорит:

— Поплюй, крестный, на ребенка!

Однако тот заупрямился.

— В чем дело? Ты ведь не по-настоящему на него плюнешь, а только от сглаза.

— Ей же богу, не буду плевать, ведь, если плюну, ты мне наверняка скажешь: «На хуй!»

Сообщила женщина из окрестностей Белграда, Сербия.

Примечание. В описанной ситуации уклонение от обычая вполне обоснованно. Суеверной попадье недостаточно того, что [после магического плевка] сглаз — или злой дух — уже не причинит ребенку вреда. Для пущей верности она должна послать плюнувшего «на хуй». Крестного, который верует во власть злых духов не меньше попадьи, никоим образом не устраивает мысль о том, что болезнь может перекинуться на его хуй, поэтому он и не желает отводить ее от ребенка, мол, осторожность не помешает. Само собой разумеется, что и попадья — сторонница народных обычаев[, и их соблюдению не препятствовали местные священники]. Ведь до последнего времени святые отцы, как правило, были из простых крестьян, которые в подобающих случаях надевали сутану и возлагали на голову цилиндр без полей[1].

27. Свистеть хуем

«Не свисти хуем» («ne sviraj kurcu») обычно говорят тому, кто болтает невесть что.

Был такой случай. Встретились двое, и один спрашивает другого:

— Ты чем занят?

— Свищу хуем, — отвечает тот.

---

[1] Сута́на — верхняя длинная одежда католического духовенства, носимая вне богослужения. То же относится и к головному убору — цилиндру.

— Как, браток, отсвистишь своим, так догоняй — отсвистишь и мне!

Из округа Моравы, Сербия.

Примечание. Чтобы собеседника развеселить, перед ним что-нибудь разыгрывают. «Свистеть хуем» («Dem Zumpt vorblasen», «Dem Zumpt etwas vorzuspielen»), разумеется, — абсурд, ибо он [член] забавляется совсем другими вещами. Первый [собеседник] не знает, чем заняться от скуки, а второй зло ёрничает, мол, когда отсосешь у себя («buzerieren»), потом развлекухи ради отсосешь и мне («ausgesorgt»).

28. Стеснительная девушка

Служанка пришла к хозяину и сообщила, что один из батраков отрубил корове топором то, что у нее свисает из-под пизды.

— Разве тебе трудно сказать «хвост»?[1] — спрашивает хозяин.

— Да что вы! Я стесняюсь!

Из Сербии.

Примечание. Слова, обозначающие половые органы, не считаются у сербов непристойными. Понятие о стыде возникает только с актом сокрытия, утаивания и первоначально связано со средством для прикрытия половых органов, в данном случае — с хвостом. Можно заметить, что ни в одном из приведенных рассказов речь не идет о нижнем белье («krilo») или о менструации, поскольку говорить о таких вещах было бы крайне неприличным. Мои же собеседники были вполне достойными людьми, имевшими вполне определенное представление о хорошем тоне и благонравной — по их понятиям — речи, не говоря о том, что они не хотели осрамиться в глазах приезжего.

29. «Надо, чтобы жопа три раза взопрела!» (*Поговорка*)

Девушка из хорошей семьи вышла замуж за достойного парня тоже из приличной семьи. Перебравшись в дом свекра и зная, что он вдовец, она очень хотела ему понравиться и в первую же неделю испекла слоеный пирог.

---

[1] «Хвостом» (по-сербохорватски — «rep») сербы, хорваты и чехи называют также мужской половой орган. По всей вероятности, они заимствовали это у немцев, у которых «Schwanz» означает и «хвост» и «хуй».

Свекор стал его есть, и он ему «не показался». Свекор сказал снохе:

— Ах, дорогая моя, чтобы пирог получился вкусным, тесто для него надо замешивать так долго, чтобы жопа три раза взопрела! (Valja triput guzicu oznojiti!)

Сноха это запомнила и решила снова испечь пирог на следующей неделе. Замешивая тесто, она всякий раз притрагивалась к своей заднице, чтобы проверить, не вспотела ли та. Приготовив таким образом тесто, она испекла пирог и подала его свекру к обеду. Этот пирог был то, что надо.

— Ах, отец, — сказала повеселевшая сноха, — знал бы ты, сколько раз при замешивании теста я притронулась к жопе, чтобы проверить, не взопрела ли она. Что ж тут удивительного, коли в этот раз мой пирог тает у тебя во рту?!

Из Сербии.

30. «Этого требует вежливость!»

Банатец по имени Гавра вез в коляске владыку, куря при этом очень едкий табак. Поскольку ветер постоянно относил дым в сторону владыки, тот то и дело чихал.

Стоило ему чихнуть, как банатец тут же оборачивался и говорил:

— Будьте здоровы!

Владыке наконец надоело отвечать «спасибо!» на каждое пожелание банатца.

— Слушай, Гавра, я чихаю не потому, что получаю удовольствие, а всего лишь от твоего злого табака. Поэтому не говори всякий раз «будьте здоровы!».

— Ах, ваше святейшество, даже если бы вы захотели чихнуть от моего «красного», я всё одно сказал бы вам: «Будьте здоровы!» Этого требует вежливость!

Из Баната, южная Венгрия.

Примечание. Под «красным» банатец подразумевает свой хуй, не говоря об этом напрямую. Ведь перед владыкой надо быть учтивым. При этом простой — необязательно испорченный — крестьянин искренне полагает, что владыка, обуреваемый своим подавляемым сладострастием, мог бы позариться на его «красного» и склонить на половое общение, будь то взаимный онанизм, сосание («Lecken») или же желание стать пассивным партнером («Dulder»). Вот тут уже владыке захотелось бы чихнуть. Крестьянин понима-

ет, сколь гнусно такое предложение, но даже и в этом случае, чтобы не попасть впросак, надо сохранять дистанцию перед его святейшеством и не забывать желать ему здоровья.

31. «А какое говно везу я?!»

Банатец вез владыку и на самом узком участке дороги повстречал другого возницу, тоже банатца, который вез генерала. Кучера генерала звали Пера, а кучера владыки – Панта.

– Уступи дорогу! – попросил Пера.

– Это почему же я должен уступать тебе дорогу? – напрягся Панта. – Почему бы тебе самому не съехать на обочину?

– Да ведь я генерала везу! – Пера выпятил грудь колесом.

– А какое говно везу я?! – в сердцах крикнул Панта.

Из Баната, южная Венгрия.

Примечание. Этот фразеологизм находится в полном соответствии с демократическими воззрениями сербского народа. Владыка, как и генерал, родом из крестьян. Оба они ведут более пристойное существование, нежели отягощенный тяжким трудом земледелец, и при этом считают его ниже себя. Герой данной истории следует поговорке, что все люди суть «говно» («govna») – один большее, другой меньшее, но воняют все.

32. История о том, как мужик осла искал

У мужика был осел, который однажды ушел далеко от дома. Хозяин стал искать животное и по пути повстречал ломовых извозчиков.

– Вы случайно не видали моего осла?

– Да ведь он в Сребренице в здании суда (kadiluku).

Извозчики имели в виду кади из Сребреницы, которого все за глаза называли ослом.

– Я без труда узна́ю, мой ли он, – обрадовался мужик. – Сто́ит постучать по сумке, и он тут же подойдет ко мне. Я так приучил его есть корм.

Мужик пошел в Сребреницу и, когда уже совсем стемнело, нашел дом кади. Открыв дверь, он постучал по сумке. Кади подумал, что кто-то принес ему взятку, и поспешил навстречу, а мужик второпях набросил ему на голову уздечку и стал дубасить, приговаривая:

— Как же это тебя занесло в суд, ебаная жопа?! Пока ты здесь торчишь, мои дети дома от холода окоченели, ведь не на ком дровишек привезти!

Уже потом жандармы узнали, что и кого мужик имел в виду. Они отпустили его, посчитав недоумком.

Рассказал крестьянин из окрестностей Горня-Тузлы, Босния.

Примечание. Сербское выражение «ебаная жопа» («jebeno dupe»), буквально «выебанная дыра жопы» («gevögeltes Arschloch»), ругательство, поскольку, как было замечено выше, пассивный партнер («Dulder») считается существом гнусным, мерзким, предающимся пороку мужской любви. Шутка здесь в том, что крестьянин ставит своего осла так низко, как какого-нибудь пятикуса, сравнивая его с правосудием, о котором он знает не понаслышке. Многие считают вполне осуществимым превращение осла в человека и даже в судью. Это не просто шутка, но подлинное народное верование. Мусульманские власти отпустили придурковатого крестьянина, поскольку, согласно народным представлениям, безумец неприкосновенен, ведь через него вещает Дух Святой[1]. Напротив, дураку («tale, budalina») даже женщины могут позволить всё, и мне рассказывали, что замужние мусульманки, случается, у всех на виду отдаются такому умалишенному, ставя это себе в заслугу. Действительно ли это так, предстоит еще выяснить.

33. «Тяжела ли моя дочь?»

Теща пришла в гости к зятю, а ее дочь в это время работала в поле. Сидя в одиночестве дома у очага, зять посасывал трубку. Теще очень хотелось узнать, скоро ли она станет бабкой, но она стеснялась спросить об этом зятя напрямик и вела с ним разговор всё вокруг да около. Зять же делал вид, что не понимает ее. Теще всё это надоело, и она в сердцах выпалила:

— Бога ради, да скажи ты мне, зять, наконец, тяжела[2] ли моя дочь?

---

[1] В Коране под Духом Святым («Духом Нашим») разумеется, с точки зрения большинства толкователей, ангел Гавриил (*араб.* Джибрил).

[2] В данном случае «тяжéла» (по-сербохорватски — «teška», «têшка»), как и в некоторых говорах русского языка, означает «беременная» (по-сербохорватски — «trudnica», «трýдница»).

— Я бы сказал, что с той стороны, с какой я ее с Божьей помощью приподнимаю, вроде бы и не тяжела, — отвечал зять.

Рассказал гусляр Милован Илия Црнич Мартинович из Горни-Ргови, Босния.

Примечание. Во время ебли мужчина берет руками свою партнершу за ноги, и это для него совсем не в тягость, поскольку она сама подымает к нему ноги. Эту сербскую разновидность коитуса я попытался объяснить в изд.: [Krauss] 1899–1902.

34. «Дисно»[1] — «тисно»

Зайдя в хорватское село, венгерский солдат увидел смазливую крестьянку и знáком дал ей понять, что хочет ее заполучить. Чтобы поебаться, она отвела его в амбар. Солдат сжал ее так сильно, да еще надавил на живот, что из нее поперли газы. От зловония служилый возмущенно выругался:

— Дисно! (В венгерском «disnó» — «свинья».)

Хорватка же, не знавшая венгерского, приняла это слово за «тисно» («tisno»), то есть «узко», и отвечала обиженно:

— Узко? Что узко? Моя пизда узка? Батюшкин хуй там уже побывал, капелланов хуй побывал, хуй судьи тоже остался доволен — вся деревня со мной перееблась, и никто не жаловался на тесноту!

В 1867 г. слышал один учащийся 4-го класса народного училища в Пожеге, Славония.

35. Ядреные разговоры

В старину родители сами выбирали невесту для сына, а также заключали их брак, причем случалось, что до венчания парень и девка никогда не виделись или вообще не были знакомы.

Однажды произошел такой случай.

Зять впервые отправился в гости к своей теще. Он совсем не знал село, в котором она проживала, тем более не представлял, в какой части села находится ее дом. По дороге он встретил местного жителя и спросил, как найти дом тещи. Мужик решил подшутить над парнем.

---

[1] По-венгерски правильно: «Disznó».

— Дом этой бабы, — сказал он, — на окраине села. А узнаешь его по примете: перед домом стоит столб, в него забит клин, на который вешают дорожные котомки.

Затем мужик спросил пришельца, знает ли тот, как следует себя вести в гостях у тещи, и владеет ли говором этого села. Поскольку, выслушав вопрос, зять решил, что здесь другие обычаи и другой говор, он попросил мужика научить его, как следует себя вести и как разговаривать, чтобы не опозориться перед тещей.

— Когда найдешь дом тещи, — объяснил ему шутник, — остановись у входа и помяни Бога. Затем подойди к столбу у дома и проверь, есть ли в нем клин. Если его там нет, то проверти в столбе дыру и забей в нее клин. Потом повесь на него оба своих мешочка. В этом селе горшок называют не горшком, а «жопой». Ложку здесь кличут «хуем». Запомни это, и всё будет в порядке.

Выслушав советы шутника, парень направился к дому тещи, вошел во двор и говорит теще:

— Добрый вечер, матушка. Перед твоим домом стоит столб, давай я проверчу тебе дыру, забью тебе клин и повешу тебе два мешочка.

Женщина никак не могла уразуметь всё то, что ей выложил зять. Однако она любезно пригласила его в дом и предложила стул. Зять увидел на очаге горшок с булькавшей в нем едой и говорит:

— А ну-ка, матушка, приподними свою жопу, я в ней хуем помешаю.

Теща подумала, что зять не в своем уме, и в тот же вечер отправила его восвояси. Правда, ужином она его накормила и велела передать его брату, чтобы тот ее навестил.

Вернувшись домой, парень сказал брату, что не завидует мужу своей тещи, которая столь быстро спровадила его домой и почему-то велела передать, чтобы брат ее навестил.

Тот появился у тещи уже на следующий день. Она и говорит:

— Какой всё же несносный мой зять!

И рассказала о поведении и непристойных речах вчерашнего гостя.

Парень выслушал сватью и говорит:

— Он у нас действительно такой. В детстве мне тоже устроил комедию. Однажды я приладился к кобыле и ебу ее. А

он появился неизвестно откуда и бросил перед кобылой кожух. Та испугалась и рванула в сторону. С тех пор хуй у меня скособочен!

Брат собрался было расстегнуть брюки, чтобы явить свой кривой хуй, но сватья остановила его и отправила домой, попросив прислать к ней мать их обоих.

Когда та пришла, теща поделилась с ней, чего она наслушалась от зятя и его брата. Мать решила оправдать сыновей и говорит:

— Дорогая сватья, они и в самом деле у меня оба такие, но такой же и их отец. Когда я выходила за него замуж, моя пизду́шка[1] была маленькая, будто свинячий глаз. А он ее нисколько не щадил и всё совал и совал в нее. Сует до сих пор, поэтому она у меня совсем раскурочена и теперь похожа на твой рот!

Только теперь теща поняла, что попала из огня да в полымя.

Рассказал чиновник из Алексинца, округ Морава, Сербия.

Примечание. «Столбом» («direk») на Балканах называют хуй; «провертеть дыру» («izvrteti rupu») значит «ебать»; «забить клин» («nabiti klin») — засадить хуй; «мешочки» («bisage») — мошонка с яйцами.

Подобно тому, как и у немцев вплоть до конца XVIII века было принято во время свадьбы обращаться к невесте с шутливыми речами по поводу предстоящей утраты девственности, так и у сербских крестьян бытует обычай отпускать всякого рода непристойности на праздничных торжествах, при первом половом сношении и первом посещении родителей молодой жены — чем грубее, тем веселее. Приведенная история широко известна и вызывает смех только тем, что теща не знакома с обычаем и ужасается произнесенным грубостям, не замечая, что насмехаются именно над ней. Роль хитроумного советчика является привнесенной и, как таковая, избыточной; ведь почти каждый крестьянский парень знает веселый обычай и при первом визите старается наговорить массу притворных глупостей, чтобы хозяева и соседи не смогли удержаться от смеха. Первый визит в дом невесты всегда сопровождается праздничным угощением.

---

[1] В наст. изд. сербское слово «pička» переводится уменьшительным «пизду́шка», иногда, в зависимости от контекста, — «писька». Ф.-С. Краусс переводил это слово на немецкий язык как «Vozlein» («пизду́шка»).

36. Ядреный разговор

Зять впервые собрался в гости к теще. На пути ему повстречался шутник, который спросил:

– Куда путь держишь?

– Иду в гости к теще!

– А ты знаешь, что там по-особому балакают?

– Нет, не знаю! – отвечал зять.

– Ага, не знаешь. Дверь там величают «жопой», дым – «мудями», а к свояченице обращаются «ебу́чка»[1], ну и в таком духе.

Зять намотал всё это на ус и зашагал в гости к родне жены. В доме тещи он расположился поближе к очагу, из которого вдруг повалил дым. Гость тут же закричал свояченице:

– Эй, ебучка, прикрой жопу, а то муде мне глаза разъедают!

Рассказал крестьянин из Шумадии, лесного района Сербии.

Примечание. У сербских крестьян слово «ебу́чка» («jebica») является также ласкательным обращением к маленькой девочке. В случае взрослой девушки это выражение будет оскорбительным, поскольку подчеркивает ее половое предназначение. О женщине, ебущейся с кем попало, тоже говорят «jebica», но это еще не «блядь» («kurva»), поскольку в последнем случае подразумевается еще и денежное вознаграждение. В народном словенском языке в Краине «jebica», как и «cura» (в сербском – только «девушка»), означает «блядь».

37. Залупу ему заворотила

Зять отправился в гости к теще и встретил цыгана. Тот его спрашивает:

---

[1] Слово «Ебу́чка» «*женского рода. Обсценное, жаргонное.* Девушка легкого поведения» (*Мокиенко, Валерий Михайлович, Никитина, Татьяна Геннадиевна*, сост. Словарь русской брани: матизмы, обсценизмы, эвфемизмы: 4400 слов и 4000 устойчивых сочетаний / [сост.] В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина; Санкт-Петерб. гос. ун-т, Межкафедр. словарный кабинет им. проф. Б.А. Ларина. [3-е изд., перераб.]. Санкт-Петербург: [ЗАО] «Норинт», 2003 (Можайск: ОАО «Можайский п/к»). 447, [1] с. (на с. 135)).

— Ты куда это собрался?

— Да вот к теще иду.

— Я тебя провожу, а то ты ведь не знаешь, что и как у них называется. Миска у них — это «пизда», ложка — «хуй», глаза — «мудé», а дверь — «жопа».

Зять пришел к теще, поприветствовал всех и уселся рядом с очагом. Теща чем-то занималась у двери. Зять говорит:

— Прикрой жопу, а то [от огня, раздуваемого сквозняком,] у меня мудé полопаются!

Теща сделала вид, что ничего не поняла. Затем накрыли на стол[1]. Свояченица села рядом с зятем[2]. Ложка у нее была короткая, а потому зять и говорит:

— Вы подвиньте свояченице пизду или дайте ей хуй подлиннее, а то я ей свой дам.

Поскольку зять был в гостях у тещи впервые, родственники прикусили языки, хотя и насупились на него. Прощаясь, зять сказал тестю:

— Приходи и ты к нам в гости. Увидишь, как мы живем.

Через несколько дней тесть пришел к зятю и в разговоре с его отцом[3] высказал упрек:

— Вам бы, сват, следовало получше воспитать сына, а то он своими речами оскорбил всех моих домочадцев.

— Что поделаешь, сват, если он у меня такой дерзкий уродился! Была у меня вороная кобылка. Однажды вечером я подвожу ее к навозной куче и ебу. А сын обмотал голову своей курткой и вспугнул конягу. Еще хорошо, что кобыла не

---

[1] Массивная, круглая деревянная доска на высокой подставке, под названием «sofra», используется в качестве стола. В центр ставится блюдо, из которого сидящие за столом черпают еду. По старому обычаю, тарелки считаются ненужными. После трапезы стол отодвигают в угол, к стене. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

[2] Если в доме гость из чужих, женщинам не разрешается садиться с ним за один стол; с него они получают только объедки, если сами не позаботятся о себе. В данном случае свояченица села рядом с зятем, чтобы подчеркнуть, что теперь он принадлежит к их роду. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

[3] «Как дела? Как здоровье? Всё ли в порядке? Как твоя жена? Как ее здоровье? Всё ли у нее в порядке?» — спрашивает один собеседник у другого, который затем задает ему те же самые вопросы. Этот обмен вопросами стереотипен. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

рванула в сторону, а то я бы точно сломал хуй. Она поскакала прямо, и мой хуй остался невредимым!

Когда тесть засобирался домой, зять ему говорит:

— Пусть и теща моя придет, посмотрит, каково здесь живется ее дочери.

Теща не преминула воспользоваться приглашением. В разговоре с хозяйкой дома она заметила:

— Почему, сватья, вы так плохо воспитали моего зятя? Недавно, когда он был у нас, он оскорбил всех моих домочадцев!

— Ничего не поделаешь с этим отродьем. Когда я выходила за старого, я так ему заворотила залупу[1], что он до сих пор мучается, но обратно прикрыть ее не может!

Рассказано восьмидесятилетним крестьянином Лако Петровичем в Забрдже, Босния.

38. Невоспитанность зятя и его матери

Девушка из одного села вышла замуж в другое село. Однажды теща пригласила в гости зятя и, к своему большому сожалению, поняла, что выдала дочь не совсем удачно. Когда во время обеда все домочадцы сидели за столом, теща стала расспрашивать зятя, как идут дела у них дома. Зять сказал, что всякое бывает и что с его братом случилось несчастье: хотел ойебать (ojebe) кобылу, а эта стерва так его лягнула, что чуть не прибила.

Тещу обескуражила эта грубость, и, хотя она не поняла, что зять хотел этим сказать, не стала его расспрашивать. Во время обеда все ели из общей миски. Поскольку та находилась далековато от зятя, он и говорит теще:

— Эй, мать, подвинь эту пизду ко мне поближе, а то я не могу до нее дотянуться своим хуем!

---

[1] Залу́па (*серб.* ćuk; *нем.* Eule) в немецком образно — «желудь» («Eichel»). Жена вывернула мужу крайнюю плоть* (Vorhaut) «желудя», которую ему так и не удалось завернуть обратно на залупу («Eule»). В шутку дело представлено так, будто только из желания вернуть крайнюю плоть на место он с женой и имел половые сношения. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

* Крайняя плоть — складка кожи полового члена, подвижно прикрывающая его головку.

Тещу это так покоробило, что, прощаясь с зятем, она велела передать его матери просьбу прийти к ней. Ей хотелось отругать сватью, так плохо воспитавшую детей.

Когда мать зятя пришла, сватья стала ее попрекать: мол, сын у нее — неотесанный грубиян.

— И не говори уж об этих моих негодниках! — отвечала гостья. — Ведь их отец ничем не лучше. Когда я вышла за него замуж, он в первую же брачную ночь, вместо того чтобы обойтись со мной бережно, как с девственницей, схватил меня, вот гад, и начал ебать в жопу, как какую-нибудь клячу, и я при этом усралась. С того времени и по сей день моя пизда скособочена!

После этих слов домочадцы тещи выталкали сватью взашей, ведь она оказалась еще большей свиньей, чем все остальные из ее семьи.

Рассказал хорватский служащий монастыря Иванич[1]*, Хорватия.*

Примечание. Пояснение рассказчика сказанного зятем: «Он имел в виду желание брата оседлать кобылу. Но вместо этого в его селе говорили "ойебать" ("ojebati"), так же как и миску называли "пиздой", а ложку — "хуем"». Такому объяснению поверят, вероятно, только хорватские академики[2]. В истории опущен эпизод с братом зятя, хотя мать говорит о своих детях во множественном числе. Ясно, что история пришла в монастырь Иванич извне.

39. Румын не умеет, как господá!

Румына посадили в тюрьму за то, что его собака кого-то покусала, а у него не было денег, чтобы заплатить штраф.

---

[1] Иванич-Град (Ivanić-Grad), 35 км к юго-востоку от Загреба, город в Загребской жупании. Известен (под другим названием) с XII в.; городские права Австро-Венгерской империи — с 1871 г. Клоштар-Иванич (Kloštar Ivanić), 36 км к юго-востоку от Загреба, 4 км к северо-востоку от Иванич-Града, община — в Загребской жупании. Название впервые упоминается в 903 г., с XIII в. — свободное торжище (oppidum Ivanich). В 1226 г. основан бенедиктинский монастырь (samostan, kloštar), перестроенный в XVI в., после чего отошел к францисканцам (samostan sv. Ivana Krstitelja); в XIV в. — центр жупании. (*Примеч. А.Г. Москвина.*)

[2] Имеются в виду члены Югославянской академии наук, основанной в 1867 г. в Хорватии.

Пришел отец этого румына и попросил начальника стражи как представителя власти отпустить сына.

— А за что его посадили?

— За пустяк, господин капитан. Пришла собака с тебя величиной и покусала ребенка.

Начальник стражи тут же арестовал старика за оскорбление личности. После этого пришла жена первого арестованного и говорит капитану:

— Как ты мог его арестовать? Я ему всегда говорила: не трогай власть и всё то, что воняет!

За эти речи офицер и ее упрятал за решетку. Пришел младший сын старого румына и застал начальника за трапезой, когда тот ел колбасу.

— Это хорошо, что ты его арестовал. Его надо было бы еще и отлупить, чтобы он срал такой же колбасой, какую ты сейчас жрешь!

Услышав это, капитан понял, что все в этой семье чокнутые, и выпустил их на свободу.

Рассказал горожанин из придунайской местности.

Примечание. Сербский румын изъясняется здесь почти так же, как и сербские крестьяне в предыдущих историях. Для рассказчика-серба шутка заключается в румынской артикуляции сербского языка, выраженной в менее прямолинейных выражениях. Впрочем, грубости распространены среди горожан не в меньшей степени, чем среди крестьян.

Глава III

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НАЗВАНИЙ ПОЛОВЫХ ОРГАНОВ В КАЧЕСТВЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

40. Пи́здина Гора, возвышенности Хуй и Секель

а) В Боснии, в трех километрах от Жепче, по левую сторону дороги, видны два лишенных растительности крутых холма. В народе их называют Пи́здиной Горой (Pizdino Brdo). Об этой горе сложилась следующая легенда.

Две недолюбливавшие друг друга пастушки однажды пасли на горé овец. Одна из девушек легла на траву и заснула, другая же залезла на дерево и разлеглась в ветвях. Сверху она заметила всадника на дороге, такого же неистового, как и его скакун, будто один дракон верхом на другом. Пастушка насмешливо пропела ему с дерева:

Слугу паши́ на вороном конёчке,	Pašalija na vrančiću
Ждет пиздýшка на дубочке!	Evo piče na rastiću!

Герой не заставил себя долго ждать и, переплыв речку, взлетел на холм. Сидевшая на дереве пастушка испугалась и сбежала от греха подальше. Тогда всадник довольствовался другой девушкой, спящей внизу, и напоследок подарил ей кольцо. С тех пор девушка понесла. Она не могла сказать, кто ее сподобил, родственники же не верили ей и даже хотели, по старому обычаю, зашить ее в кожаный мешок и бросить в реку Босну, как когда-то деревенскую потаскуху, отдававшуюся первому встречному. Мать девушки всё же настояла, чтобы виновницу сначала отвели к кади. Увидев кольцо, тот узнал в нем свой дар, забрал его обратно и тут же обручился с девуш-

кой. Таким образом, всё было улажено, холмы же, где он встретил девушку, с тех пор стали звать Пи́здиной Горой.

Рассказал гусляр Илия Юкич Крстич в Осове близ Жепче, Босния.

Примечание. Это так называемое этиологическое сказание, созданное с целью объяснить [географическое] название, истинное происхождение которого уже не восстановить. Реальность же само́го названия не вызывает сомнений. В Боснии, как и во всем мире, собственности присваивают имя ее владельца. Если таковым является женщина, ее имя также связывается с вещью. Буде случится, что женщина по какой-либо причине оказывается в немилости, ее называют «пиздой» («pizda»), как случилось, когда один нижнеавстрийский крестьянин, возмущенный поведением злого на язык соседа, сердито выкрикнул: «Вот так Бочка!» Первоначально холмы под Жепче принадлежали женщине по имени, скажем, Фатима, которую местные жители невзлюбили и назвали ее владения не Фатиминой, а Пи́здиной Горой.

б) В Далмации есть места, которые прозвали Секелями [клиторами], например, Вверх-по-Секелю (Uz Sjekilj) и Вниз-по-Секелю (Niz Sjekilj). Обычно это ущелья с тропинками в них.

Недалеко от Дубровника, где дорога поднимается вверх к речке Босанке, есть место, которое зовется Вверх-по-Хую (Uz Kurac) и, если идти в обратную сторону, — Вниз-по-Хую (Niz Kurac). Женщины, отвечая на вопрос: «Куда путь держишь?», не пользуются ни тем, ни другим названием, а говорят: «Дорога, ползущая вверх» и «Дорога, ползущая вниз». Но иногда хорошей знакомой могут сказать: «Я пойду вверх по хую, а ты ступай вниз по хую».

Рассказал далматинец из Дубровника[1] [*, Далмация, совр. Хорватия*].

41. Дорога в Пиздовац

В селе, оказавшемся в зоне боевых действий во время нашей войны с турками, некто по имени Чёрный Жика (Crni Žika), известный шутник и бабник, спросил крестьянку:

— Скажи мне, бога ради, где находится Пиздовац?

---

[1] В оригинальном тексте — итальянское название: Рагуза (Ragusa). Обратите внимание на созвучие забранных в скобки слов. Далее в переводе — современные названия населенных пунктов.

Но на этот раз молодец Жика встретил еще большего мастера на крепкое словцо — своим ответом крестьянка посадила его в калошу:

— Иди прямо, потом перейдешь возвышенность и выйдешь к селу Козырек (Tulac), там сядешь на́ хуй (kurac) и попадешь в Пиздовац (Pičkovac)[1].

Рассказал землевладелец из Неготина[, *Сербия*].

42. Эркины дочери

У эрки[2] было две дочери, и однажды она отправилась в гости к родне.

— Как дела? Как здоровье? — стали спрашивать родственники.

— Слава Богу, все мы в добром здравии!

— А дочери уже подросли, да поможет им Бог?

— Да, подросли. Пу́кла [Прорванная] достает уже Ма́нде до пояса. А к Ма́нде сватов засылают.

— И кто же к ней женихается?

— Поп из Поли́це (поп с половиной лица), князь Джуро из Курчи́ны [Хуи́ны] и послушник из Гу́зови [Жопощекина][3].

— И куда же, скажи на милость, ты решила ее отдать?

— Бабка хочет отдать ее попу в Поли́це, сама дочь рвется к Джуре на Курчи́ну, а остальная семья хочет в зятья послушника из Гу́зови.

Рассказал крестьянин из Корая, боснийской местности на реке Саве[, *Босния*].

---

[1] Шутник прикинулся простофилей. Турки разрушали все города и села, поэтому в вопросе, где находится Пиздовац, скрыт подвох — этот населенный пункт они уж точно не пощадили бы. Последовал остроумный ответ. «Возвышенность» — не что иное, как Mons Veneris* со срамными волосами. «Козырек» — это клитор. Шутка в том, что женщина наставляет своего визави будто идиота, не представляющего, как надо ебать. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

* Mons Veneris (*лат.*) — лобок (букв.: «бутор Венеры»).

[2] Э́ра (он) и э́рка (она) — шутливое прозвище крестьян из Герцеговины и окрестностей города Ужице в Сербии. См. также № 840.

[3] Púkla (*серб.* прорванная, лопнувшая) — здесь: женское имя; Mánda (= Magdalena) — женское имя; букв.: «манда». Police, Kurčina (Хуина) и Gúzovi (Жопощекино) — мнимые названия сел в Герцеговине. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

Примечание. Вполне возможно, что фигурирующие в данной истории имена некогда служили названиями обнищавших сел. Ныне одно из них, по-видимому, — официальное название славонского села Svrzi Gaće (Скидáй портки!). Первый слог названия славонского села Piškorevci содержит намек на глагол «pišati» («сцать»); топоним Pičkorevci [первый слог — «Pičko-» («пиздо-»)] аналогичен, но не столь очевиден.

43. Настоящее имя слуги

Принимая на работу слугу, поп спросил его:

— Как тебя звать-величать?

— Хуй!

Поп привел работника к себе домой, и тот стал у него служить. Попадья тоже поинтересовалась:

— Как твое имя?

— Пизда! — ответил слуга и продолжал хозяйствовать дальше.

Дочь попа тоже не знала имени новичка:

— Парень, как тебя кличут?

— Плов!

Однажды ночью слуга решил выебать дочь попа, несмотря на то, что все спали в одной комнате, ведь поп был человеком верующим. Святой отец и не подозревал, что его дочь уже созрела для ебли, поэтому разрешил слуге спать в одной комнате со всеми, причем рядом с девушкой. Когда слуга стал к девушке прилаживаться, та испуганно заверещала:

— Ой-ой, Плов, ой-ой, отец, Плов!

Поп услышал это и говорит спросонок:

— Видать, дочь-то переела плова на ночь!

После этого он захрапел дальше, а девушка по-прежнему причитала. Потом уже попадья проснулась и, сообразив, что происходит, стала тормошить батюшку:

— Эй, поп, поп, поп! Пизда на девке! Пизда на девке!

На что святой отец спросонья отвечал:

— Ты о чем это, дура? А где же должна быть пизда у девки, как не на ней?!

Однако попадья выпихнула его из постели и стала рукой тыкать в сторону дочери, после чего обомлевший поп только и смог сказать:

— Да это же Хуй на девке! Разве для этого я тебя взял на службу?!

Пока родители спорили об имени слуги, тот успел доебать их дочь.

Из Сербии.

44. Слуга по имени Хуйо

У попа были смазливая жена, дочь-красавица и конечно же слуга по имени Хуйо (Hujo). В один из праздников поп должен был отправиться в большое село и отслужить там литургию. Жене он сказал, что домой вернется на другой день. А слуга взял и украл у жены и дочери перстни. Они их искали, но не могли найти и отправились в то село, где был поп. На полпути парень сказал им, что найдет их перстни. Попадья очень обрадовалась и сказала, что она и дочь не откажут ему ни в чем, если он обнаружит пропажу. Тогда он выеб девушку и отдал ей ее перстни, а затем то же самое проделал с попадьей. После этого они пришли в село, где был поп. Жена ему рассказала, что натворил слуга. Не успела она закончить, как святой отец завопил:

— Православные! Держите хуя, что выебал мою жену и мою дочь!

Услышав это, прихожане изрядно надавали попу тумаков.

Рассказал болгарский поденщик из окрестностей Софии[, Болгария].

45. «Ебешь!»

Ходжá[1] отправился в село с намерением найти для себя слугу. В селе он встретил парня, который спросил, чего ходжа здесь ищет.

— Ищу себе слугу.

— А я как раз хотел где-нибудь найти работу.

— А умеешь ли ты ухаживать за лошадьми и скотом, ловок ли носить воду, рубить дрова и управлять телегой?

---

[1] Ходжá (*перс.* хозяин, господин) — вежливое обращение к уважаемому человеку («учитель», «наставник», «духовный руководитель»).

— Всё умею.

— А как тебя зовут?

— Ебешь (Jebeš).

— Всё это, сын мой, неплохо, вот только имя у тебя никуда не годится!

Ходжа пошел дальше, а шутник быстро переоделся, чтобы тот не мог его узнать, и снова появился на пути. Спросил, чего ходжа ищет. Разговор был такой же, как и в первый раз, и снова ходжа сказал:

— Я бы рад тебя взять на работу, но имя у тебя неподходящее!

Ходжа пошел дальше, а озорной парень повторил переодевание и снова обогнал ходжу. В конце концов всё это ходже надоело, и он сказал:

— Что делать, если все вы здесь по имени Ебешь! Ладно, как-нибудь сговоримся.

Ударили они по рукам, и ходжа отвел парня к себе домой.

Когда пришли в дом ходжи, жена и спрашивает его:

— Как зовут слугу?

— Не имеет значения, как его зовут. Главное, чтобы он хорошо работал!

Жена ходжи решила сама выяснить имя слуги.

— Меня зовут Пизда, — ответил он ей.

У ходжи была дочь Фатима. Она спросила мать, как зовут их слугу, но та промолчала. И Фатима сама спросила слугу.

— Меня зовут Капля (Prokap), — представился парень.

Проработал слуга у них некоторое время. При этом он делал всё хорошо и все им были довольны. Когда однажды ночью пошел проливной дождь, слуга проник в комнату, где спали ходжа с женой и их дочь, и тут же залез на дочь. Она стала звать мать:

— Мама, мама, на мне Капля!

— Подумаешь — капля! Стряхни ее и переляг на место, где не капает!

— Да ты поднимись с постели и посмотри!

Жена ходжи поднялась — и в крик:

— Ходжа, ходжа! На нашей Фате — Пизда!

Ходжа ей со смехом:

— Она и вчера при ней была!

— Да ты зенки-то разуй и погляди, глупый!

Ходжа приподнялся.

— Ебешь, мать твою! — воскликнул он ошалело.

— А я что делаю? Ебу, — невозмутимо отвечал парень и продолжал свое дело.

Рассказал серб из округа Мостара, Герцеговина.

Примечание. Вуку Караджичу эта или очень похожая история была известна уже девяносто лет назад, о чем свидетельствует его примечание, помещенное в словаре сербского языка на слово «prokap» («Prokap in der Anekdote ein Mannsname mit Beziehung auf prokapati (durchträufeln)» [см.: Караџић 1818]. «Prokap» — это простой водосточный желоб; в шутку этим словом могут обозвать и мужчину по имени Прокопий. Развернутая редакция этой истории будет представлена в готовящемся втором томе [данного собрания][1]. Она происходит из Хорватии и приправлена рядом садистских эпизодов.

В народе говорят, что во время сильного дождя ебаться слаще всего, а продуктивность мужчины самая высокая. Парню удалось легко одурачить девушку, поскольку, по южнославянскому обычаю, она спала на спине, положив руки под голову и разбросав ноги. Такое положение естественно для работницы или носильщицы, которой необходимо расслабить позвоночник. Не нагруженные физическим трудом люди, как правило, спят в другой позе.

46. Монахи

Пятеро монахов повстречали красивую девушку и завели с ней разговор. При этом они обращались друг к другу по имени: первый — отец Ебобия, второй — отец Иябиё, третий — отец Итибиё, четвертый — отец Есилиё, пятый — отец Вечсамяё!

Из Боснии и многих мест Сербии.

Примечание. Шутка заключается в противоестественном сочетании односложных слов и их фальшивой артикуляции, если следовать церковнославянскому произношению, свойственному греческим монахам в соответствии с греческими обычаями. Вот расшифровка и перевод этих курьезных словообразований:

Ебобия	Jebōbija = jebo bi ja = еб бы я;
Иябиё	Ijābije = i ja bi je = и я бы ее;

[1] См. в наст. изд. № 828. Ф.-С. Краусс, видимо, предполагал завершить публикацию своего собрания в т. II «Антропофитеи» (1905 г.), но она растянулась до т. IX (1912 г.).

Итибиё	Itibije = i ti bi je = и ты бы ее;
Есилиё	Jesilije = jesi li je? = имел ли ее?;
Вечсамяё	Večsämjaje = ve(č) sam ja je = имел уже я ее.

47. Три охотника

1. На охоту отправились Анте, Энте и Ебемте (Jebem te) [= ебу тебя]. Им навстречу выбежал заяц, и все одновременно пальнули в него. Смертельно раненный косой был вынужден смириться со своей участью. Они подбежали к подранку и стали препираться, кому он должен достаться. Несчастный зайка был ранен в голову, в живот и в жопу. Каждый охотник хотел заполучить добычу. Анте попал ему в голову, Энте — в живот, а Ебемте — в жопу (в дыру жопы)!

Рассказал монах-францисканец в Сине, Далмация.

2. Когда отправились на охоту Мите [= мы тебя], Яте [= я тебя] и Ебемте [= ебу тебя], то договорились, что Мите сядет на пень, Яте останется на траве, а Ебемте — под орешником в тени. Когда увидели зайца, Мите выстрелил ему в голову, Яте — в живот, а Ебемте — прямо в жопу!

Рассказал крестьянин в Соски-До (Sôski dô), Славония.

Примечание. Шутка в том, что к концу истории рассказчик делает паузу, а последние слова произносит так, чтобы задеть ими одного из слушателей.

Глава IV

О ЧУДЕСНОМ ЗАЧАТИИ БЕЗ ПОЛОВОГО СНОШЕНИЯ

48. История о том, как родился царь Константин

Возвращаясь с охоты, иудейский царь нашел чей-то череп, одни кости, и пнул его ногой. Внезапно кость заговорила:

— Не пинай меня. Я стану твоим судьей!

Царь взял череп и отнес его домой, потом поджарил на огне, раскрошил в ступке, завязал порошок в тряпицу и сунул в сундук. У царя была дочь. Она нашла порошок в сундуке. Не зная, что это, она понюхала его и через некоторое время забеременела.

Царь стал ее расспрашивать, от кого она могла понести, и дочь ответила, что ни от кого и что в его сундуке она нашла порошок, понюхав который, вдруг поняла, что затяжелела. Царь вспомнил слова, сказанные костью: «Я стану твоим судьей!» — и не на шутку испугался. Он построил корабль, посадил на него дочь, снарядил ей в дорогу еду и питье и велел плыть куда глаза глядят. На корабле дочь разродилась дитятей, а корабль причалил к берегу неизвестной страны. После этого она сошла на берег вместе с сыном, который стал подрастать. Мать просила его построить дом, в котором они могли бы жить, но сын сказал, что домом не станет заниматься, пока не найдет место, где зло со злом столкнулось. И так он дошел до Стамбула, где змея воткнулась мордой в шипы, шипы ее ранят, и она вся исходит кровью. Парень сказал матери:

— Вот, мать, то место, где зло со злом столкнулось. Стоять тут нашему дому!

Здесь они повстречали чуму.

— Возьми меня в жены, и я построю тебе нерукотворный город! — сказала чума внуку царя.

Молодой человек пообещал жениться на ней, если она сдержит слово. Чума ему сказала, чтобы он сел на коня, ехал перед ней, но не оборачивался. Там, где он проезжал, появлялся город, но когда он вернулся на то место, откуда выехал, и окинул взором всё вокруг, понял, что нерукотворный город не получается. Тогда мать ему сказала:

— Брось ты всё это, сын, и не женись на ней. Всё это дьявольские козни!

Он не женился на чуме, а замуровал ее в крепостной стене[1], и с тех пор у этого места в городе Стамбуле люди чаще всего заболевали чумой. Он объявил себя царем. Поскольку новоявленный царь произошел от кости, его нарекли Константином. Он завоюет (отнимет у иудейского царя) Иудейское царство и исполнится пророчество, [изреченное им,] когда он еще был костью[2].

Рассказал восьмидесятилетний серб[, проживающий] в гористой части Маевицы, Босния.

Примечание. Эту и следующую историю я помещаю здесь в качестве образцов широко распространенного жанра сказок.

---

[1] Как жертву и духа-хранителя постройки. Это значит, что чума убивает, чтобы оградить свои владения от человеческой жадности. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

[2] Я снова высказываюсь здесь в пользу некогда детально обоснованной мной, а именно в брауншвейгском «Глобусе»*, гипотезы, что турецкое название «Стамбул (правильнее: Истанбул. — *Ред.*)» произошло путем звуковых ассимиляций и выпадений отдельных звуков в слове «Константинополь», а не от выражения «eis ten polin», что в переводе с греческого означает «в город», точнее даже «в Город», т. е. «в столицу», — это выражение якобы еще в XIII в. арабы заимствовали у жителей Константинополя, а затем оно перешло от них к туркам. Константинополь считался «Городом» в том же смысле, в каком римляне называли Рим — «Urbs». Если бы имело место последнее, что допускается некоторыми грамматиками и одним безрассудным сербским географом, город назывался бы не Истамбулом (начальная «и» добавочная), а Истимполем или даже Эстимполем. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

* См.: Globus 1891/LIX и 1892/LXI. Хотя в этих изданиях опубликовано десять статей Ф.-С. Краусса, он не счел нужным конкретизировать свою ссылку.

49. Святой Андрей

До того, как Бог появился на земле и подверг ее изменениям, жил на свете один человек по имени Андрей, который лишил жизни девяносто девять человек. После этого он покаялся и стал искать Бога, у которого хотел попросить прощения. На пути Андрея повстречался святой [Савва] и спросил, куда он путь держит. Душегубец ответил, что идет к Богу, у которого хочет попросить отпущения греха. Святой ему сказал:

— Скажи, в чем твой грех, и я тебе отвечу, будешь ли ты прощен. Я знаю столько же, сколько и Бог!

Андрей ему сказал, что убил девяносто девять человек. Святой ему посоветовал вернуться домой и в течение года таскать под гору дрова для костра. Когда истечет год, он должен пролезть в самую сердцевину дровяной кучи и поджечь ее. Что останется от тела, то останется от греха, а что сгорит, то унесет грехи с собой. Андрей последовал совету святого. Сгорели все дрова и он вместе с ними. После этого туда пришли Бог и святой Савва.

— Давай-ка посмотрим, что от него осталось! — предложил Бог.

Им попалось только человеческое сердце, которое сохранилось там неизвестно каким образом. Бог сказал святому Савве:

— Возьми это сердце — вечером мы его поджарим на ужин!

Святой Савва взял найденное сердце и, воротившись в жилище, положил в печь. В этом доме была также девушка. Чувствуя благоухающий аромат, она то и дело спрашивала святого:

— Уже поджарилось?

Не стерпев, девушка изловчилась и, обманув святого, выхватила сердце и съела его.

— Уже поджарилось? — спросил Бог.

Святой Савва не отважился сказать, что сердце съела девушка.

— Оно сгорело!

— Ничего. Я не голоден!

И они ушли оттуда. После этого девушка вдруг забеременела, а Богу был известен день, когда она должна была разрешиться. Вечером того дня Он появился в ее жилище. Когда ребенок родился, Бог сказал:

— Савва, иди и окрести его!
— А какое имя ему дать?
— Знай, что первозванное имя есть Андрей!

Они ушли, а девушка потом вырастила сына. Когда он умер, то был освящен, и с тех пор стал отмечаться праздник святого Андрея.

Рассказал восьмидесятилетний серб[, проживающий] в гористой части Маевицы, Босния.

Примечание. Возникновение опухоли в животе народ связывает с употреблением в пищу, во-первых, сердца какого-либо животного и, во-вторых, загрязненной воды. От этого предостерегают прежде всего детей и женщин. Детям даже говорят, что они могут потерять память. Когда, удовлетворяя своего возлюбленного, девушка сосет его хуй («Zumptlecken»), она старается не проглатывать сперму, чтобы не забеременеть. Об этом я слышал неоднократно.

50. Об оплодотворяющей силе лунного и солнечного света

Если баба переночует голой в саду, лесу или поле при полной луне, она будет оплодотворена. [Возможно, сияющий месяц обращается в могучего мужа и снисходит до спящей.] Дети таких женщин наделены вторым зрением («vidovita djeca») и становятся духовидцами. Часто утверждают, что отец такого ребенка — вампир.

Общераспространенное поверье.

Однажды мне довелось услышать следующее поверье: если молодая женщина пройдет в полдень голой по волнующемуся колосьями полю, освещенному ярким солнечным светом, она может забеременеть.

Глава V

О ТОМ, КАК ДОБИВАЮТСЯ ЛЮБОВНОГО НАСЛАЖДЕНИЯ

51. «Эх, моего хуя на нее не хватает!»

Игумен залез к молодухе под передник, схватил ее за пизду и вперился ей в глаза. Она, само собой, стала вырываться.

– Пусти меня, настоятель, я ведь знаю, чего тебе захотелось!

– Нет, не знаешь!

– А вот и знаю, тебе ведь пизды не хватает!

– Нет, дщерь моя! Увы и эх, но сейчас *моего* хуя на нее не хватает!

Рассказал крестьянин из округа Тимока, Сербия.

Примечание. Тот, кто хочет сойтись с женщиной, лапает ее за половые органы, чтобы возбудить. На словах женщина протестует, но на самом деле ее пизда согласна. Отсюда и поговорка: «Молчит, словно пизда в руке» («Suti ko pička u ruci»), смысл которой совпадает и с латинским изречением: «Qui tacet consentire videtur» («Молчание – знак согласия»). Если девушка позарится на парня, а он по недомыслию не замечает ее желания, то она неожиданно проводит у него спереди рукой и вскрикивает испуганно: «Ух! Что это с тобой? Можно напугаться от такой величины!» («Uh! Šta ti je to? Baš sam se uplašila, koliki je!») Она начинает хихикать и смеяться, и после этого обмен намеками заканчивается неминуемым удовольствием.

52. О том, как парень ухаживает за девушкой

1. Если это возможно, необходимо прикоснуться к тому месту, где жаба поцарапала девушку когтем, и сказать:

— Яна, ты взяла с собой всё, что имела?
Она на это ответит:
— Да, всё. У матери я ничего не оставила.

Из Рогатицы, Босния.

Примечание. Шуточное описание жабы восходит к одной повсеместно распространенной истории, с которой читатель познакомится в следующем разделе, причем в нескольких редакциях.

2. А некоторые говорят:

Ты где, сестра, стройная кобылица?	Gdje si sestra vitka bedevijo?
Вот твой брат, египетский жеребец!	Evo brata misirskoga hata!

Из боснийской местности на реке Саве[, Босния].

Примечание. Эта пародия на вирши из гуслярских песен, посвященных лошадиным скачкам. «Bedevija» — бедуинская кобылица, а «жеребец из Мисира[1] (Мизраима)» — чистой арабской крови.

3. Парень при ухаживании: «Как горшку нужен огонь, так и ты мне, и я тебя люблю больше отца и матери! Взгляни на меня — вот он твой бычок, посмотри еще — вот тебе грош! Душечка моя, милая моя, дорогая телочка! Глядя в твои глаза, я испытываю такую муку! Ты — моя сладчайшая услада, кто наделил тебя столь сладким именем, тому я кинжал или нож вонзил бы в сердце! Или тебя такой создал Бог? Ну! Глазами тебя зреть лучше ночью. Если бы мое сердце было как арбуз, а нож — как ледяная сосулька, я бы давно себя убил, ведь не могу твое личико ущипнуть[2]. Вот и молюсь Богу, чтобы с тобой поговорить, чтобы Бог дал мне хорошее одеяло, а в одеяле — тебя, чтобы я прикрылся тобой, как нищий сумой, и, если бы другого места не было, я бы побежал даже в конюшню по дубовой половице, по ежовой шкурке, чтобы ты потом увидела, как задыхаются две души и как мутнеют глаза[3]. А ты,

---

[1] В сербохорватском языке Мисирац — «египтянин».

[2] При страстном совокуплении влюбленные могут покусывать друг друга. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

[3] При половом сношении на сербский манер женщина переносит вес всего тела на затылок. Кровь ударяет ей в голову, и кровяные сосуды в глазах лопаются. По этому, если не по следам укусов, легко определить факт любовного упоения. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

душечка моя, не слушай свою мать, ты должна знать, какая твоя мать злодейка и что тебе не следует ложиться спать рядом с ней!» («Tako mi lonca i vatre, volim te više neg oca i mater! Pogledaj u me, evo ti june, pogledaj još, evi ti groš! Džan džanija srce i janjija! Gledajući oči tvoje kod mene su muke moje! Ti slatka sladijo, ko ti je tako slatko ime nadijo, handžar mu se nož u srce zabijo! Jer te je Bog tako stvorio? Hem! Na oči bolje za noći! Da mi je srce lubenica a nož ledenica ja bi sebe davno ubo, gdje ne mogu tvoje lice griskati. A ovako se Bogu molim, da se s tobom razgovorim, da mi Bog da dobro ćebe i u ćebe tebe, da se zaturim tobom ko siroma torbom pa ako ne bi mjesta imao makar bježo klanici (štali) na rastovoj podnici, na ježvoj kožici pa da vidiš onda kako se dvije duše guše a kako se oči mute. A ti nemoj, dušo, majke slušati, jera da je tebi znati kako ti je dušman mati, ne bi š njome legla spati!»)

4. Или вот как:

Он. Ах, душечка моя, у тебя такая тонкая талия, что тебя можно легко заколдовать [= заговорить]. Если бы у меня был живой огонь, из которого течет вода[1], я бы прокусил твою талию, как мышь прогрызает вожжу[2]. Как погляжу на тебя со стороны, прокусил бы я тебя зубами, как мышь прогрызает тыкву весом в одну оку[3]. Я бы съел тебя всю вплоть до говна, а говно оставил бы твоей матери! (Снимает шапку и говорит:) А ну-ка, Богом прошу, посцы немного, чтобы я заправил отцу суп (*или*: матери — клёцки)! (Ja kako si dušo tanka po pasu tako ti se tvrdo oklinjem! Tako mi one žive vatre, što iz nje voda kaplje, pregrizo bi te po pasu baš ko miš kajasu! Kaka si pogleda po boku pregrizo bi te zubom ko miš tikvu od oku. Svu bi te pojeo do govana a govna bi ti mati ostavijo! (Skine kapu pa reče:) Daj mi, Boga ti, malo pišni, da začinim babi ćorbu (*ili*: nani taranu)!)

Она. Фу! Как тебе не стыдно такое говорить! Но если ты и сильнее, Бог-то принадлежит каждому![4]

---

[1] [Намек на] хуй. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

[2] Тонкая талия восхищает деревенских парней. Поэтому, выходя на гулянье, девушки туго затягиваются, чтобы привлечь к себе внимание. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

[3] Ока — мера веса, равная 3 фунтам (1282 грамма). (*Примеч. Ф.-С. К.*)

[4] Т. е. он пытается ее заполучить, она же отстраняется и говорит: Бог защитит меня, даже если сейчас ты окажешься сильнее. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

Он. Не будь такой, золотая курочка, оловянное копытце[1], – вам нельзя верить. Кто не испытал новых страстей, тот не знает, как коварны девушки. И мне не хочется с тобой говорить, ведь я беден. Отца я женил, а мать продал, и дом я, слава Богу, построил двуцветный. Правда, только окна в крапиве, но не такой уж я неуклюжий, и дверь у меня не разваливается. Нет даже куска хлеба. Вот я и рассердился: отца женил и мать продал; потом однажды вечером пошел я искать вещи, которые мышам не нужны[2]. Мать моя спала, а отца я связал крепким волосом[3]. Когда в полночь я вернулся, в доме раздался грохот! Отец оторвался и ужасно мать покорежил[4]. А посему, душечка, выбирай: если хочешь, вот он – я, а не хочешь, прощай, радость моя, – удаляюсь я![5] (Nemoj tako, zlatna kokoši, kalajli papaka, jer se nije vami vjerovati. Kogod nije jeo nove žare, on ne more znati djevojačke dubare. A meni je za nevolju tebi govoriti, jere sam sirimo. Oca sam udo a nanu prodo a kuću sam fala Bogu načinio na dva boja. Samo doduše pendžeri su u žari a baš nezgodan nisam, komada do za vrata. Hljeba ni zalogaja. Za oto sam se bijo rasrdijo te sam oca udo a majku prodo pak sam neku večer ošo, da tražim one stvari što miši ne će. Nana mi spavaše a oca sam bjio svezao za tvrdu dlaku. Kad se ja oko pola noći povrati stoji lupa po kući! Otac se otrgo i žalostno mi majku pogazio. Eto, dušo, sad ovo: ako hoćeš, evo ja, ako ne ćeš, z Bogom džidžo, ode ja!)

Написано под диктовку крестьянского парня-серба из села близ Рогатицы, Босния.

---

[1] «Золотая курочка», потому что она увешана позолоченными украшениями; «оловянное копытце» – на пальцах у девушки множество серебряных или оловянных колец. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

[2] Мышам нет дела до половых органов девушки. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

[3] Жесткий, крепкий волос – намек на хуй. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

[4] Парень дает понять, что и старые люди, бывает, ебутся, поэтому не зазорно следовать их примеру. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

[5] Существует другое стереотипное выражение: «Если не дашь, еби себя сама!» («Ako ne daš, ti se jebi sama!»), т. е., если пренебрегаешь мужским хуем, будешь онанировать. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

53. Заговор парней-мусульман, которые хотят заполучить девушку[1]

Чтобы было много всего — и рожок волынки — и курительная трубка — и нашатырь, чтобы было видно оттопыренную жопку и дырку с мизинец — и я ей с утра втисну — натощак и чистым хуем — таким, как у меня, — который не шлялся по кабакам — по «гнездышкам для ебли» — и по цыганским таборам.

Кроме шуток, если дело не сладится от этого [заговора], то поможет этот ([рассказчик] показывает на свой хуй).

Из округа Дрины[, Босния].

54. Славонский вопрос

Матия[2]. Если ты, Ката, сисястая и жопастая, то должна быть и пиздастой!

Ката. Еще бы! И мать у меня пиздастая.

Из окрестностей Осиека, Славония.

55. Боснийский вопрос

Парень спрашивает девушку: «Ты что любишь: с хуя на забор или с забора на хуй?» («Voliš li sa kurca na plot ili s plota na kurac?»)

Из окрестностей Жепче, Босния.

Примечание. Сам вопрос тавтологичен, смысл его соответствует выражению «что в лоб, что по лбу». Шутка заключается в том, что парень допускает желание девушки поебаться как нечто само собой разумеющееся и задает вопрос только ради приличия, как пустую формальность.

56. О том, что девушке не хотелось называть

Шутник разговаривает с девушкой:

— А ну-ка, сестрица, скажи «хуй»!

---

[1] Хотя мне и удалось записать нижеследующий текст, парни так и не смогли объяснить в нем каждое слово, поскольку были не в состоянии сдержать смех. Понятно здесь далеко не всё. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

[2] Вариант имени Матвей.

— Бог с тобой, братец, как это я могу сказать «хуй»!

— Ну тогда, сестрица, скажи «мудé»!

— Бог с тобой, братец, как я скажу «муде», если я не хотела сказать «хуй»?!

Примечание. Рецензируя [I и II книги романа Милована] Видаковича (Vidaković) [1780–1842] «Любомир в Элизиуме», В.С. Караджич [пишет]: «...это похоже на то, как один шутник разговаривал с девушкой:

— А ну-ка, сестрица, скажи “х<уй>”!

— Бог с тобой, братец, как это я могу сказать “х<уй>”!

— Ну тогда, сестрица, скажи “м<уде>”!

— Бог с тобой, братец, как я скажу “м<уде>”, если я не хотела сказать “х<уй>”?!» (Караким 1817: 136)[1].

---

[1] В двух своих рецензиях на повесть М. Видаковича, изданную в Будине в 1814 (1-я часть) и 1817 г. (2-я часть), выдающийся сербский языковед и литературовед Вук Стефанович Караджич (1787–1864) проводит подробный анализ этого произведения, прежде всего с точки зрения лингвистической, и при этом излагает содержание самой повести, подвергая немилосердной критике многие ходы сюжета, а также ее стилистику и язык. Сам М. Видакович назвал свое произведение романтической и поучительной повестью, которой, как это видно из его собственного предисловия ко второй части, он замахивался на лавры известных европейских писателей того времени — И.-В. Гёте (1749–1832) и К.-М. Виланда (1733–1813). Сюжет повести довольно скучноватый и кое-где даже запутанный: Милорад спасает из тюремных застенков Любомира, затем они бегут через Крушевац в село Леониду, где позже Любомир покупает у местного торговца имение Элизиум. Здесь же, несколько позже, он находит совсем маленького Светозара, а потом к хозяину имения съезжаются молодые родственники, воспитанием которых он терпеливо занимается. Стоило Светозару подрасти, как Любомир отправляется с ним в странствия по Герцеговине, Сербии, Македонии и Греции, где с ними происходит множество приключений, они знакомятся со своими возлюбленными Драгиней и Мелисой, и т. д.

Уже в самом начале своей первой рецензии В. Караджич иронически называет автора господином Писателем, а далее — просто госп. В. или язвительно — господином Сочинителем, а это не что иное, как явный намек на графоманство М. Видаковича. В. Караджич терпеливо пересказывает сам сюжет повести, но при этом в пух и прах разносит стиль и язык автора. В одном месте он сердито называет ситуацию, в которую попадает главный герой, т. е. Любомир, когда он готовит свадьбу Светозара, «рвотой и идиотизмом», которые каждый может найти на таких-то и таких-то страницах повести. В. Караджич последо-

57. О том, как девушки привораживают парней

а) Как узнать, нравится ли парень девушке?

Если девушка любит парня, она стаскивает [с себя] штаны так, чтобы он этого не заметил, затем смотрит сквозь [раструб] штанины на того, кого любит, и говорит: «Как я не могу обойтись без этих штанов, так [пусть] и он не сможет быть без меня!»

Тогда он влюбится в нее и женится на ней.

Сообщил крестьянин Никола Манглович в Забрдже, Босния.

Примечание. В горах Маевицы, на склонах которых находится село Забрдже, зимой бывают сильные морозы, так что женщины вынуждены всё время носить теплое исподнее белье.

б) Чтобы парень полюбил девушку, она должна во время месячных добавить немного этой крови в сахар и подать парню к кофе. После этого он влюбится в нее и возьмет замуж.

вательно разбирает недостатки произведения и в конце концов приходит к следующему заключению: господину М. Видаковичу следовало бы почитать сочинения К.-М. Виланда («Агатон», «История абдеритов», «Оберон»), И.-В. Гёте («Годы учения Вильгельма Мейстера» и «Страдания юного Вертера»), А.-Р. Лесажа (1668–1747; «Похождения Жиль Блаза из Сантильяны»), О. Голдсмита (1728–1774; «Векфильдский священник»), Г. Филдинга (1707–1754; «История Тома Джонса, найденыша»), Л. Стерна (1713–1768; «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена») и подобные романы других авторов. «...или же пусть возьмет самый плохой немецкий роман, который уже даже служанки не читают, и он увидит, что он написан более умно, чем его "Любомир". В упомянутых романах человек представлен *каким он есть* и *каким быть не должен*. Там умный и честный человек говорит как умный и честный; дурак – как дурак; плохой и никудышный человек – как плохой и никудышный; шлюха – как шлюха; и т. д. Любомир же и Светозар то и дело изъясняются и ведут себя как дураки и ветреники, Драгиня и Мелиса – как шлюхи, а Влайко и Агапия умудряются морализировать, подражая Сократу...» И вот окончательный вердикт В. Караджича автору этой бездарной повести: «Из всего сказанного следует сделать вывод, что госп. В. не знает ни *истории*, ни *географии*, ни *логики*, ни *поэзии*, ни *риторики*; не знает он также, что такое *мораль*, *стыд*, *учтивость*; не знает он *характер народа нашего*, он *ничего* не знает».

в) Девушке следует уколоть мизинец правой руки и немного крови накапать в чашку, потом налить в нее кофе и подать парню, которого она любит. После этого он сыграет с ней свадьбу.

г) Когда к Рождеству режут свинью, девушка должна вырезать у нее половой орган, пока свинья еще в агонии, и сказать:

— Как сейчас эта свинья мучается, так [пусть] по мне сохнет такой-то и такой-то парень!

А на Рождество она должна посмотреть через дырку этого органа (пизду) на желанного парня, после чего он наверняка в нее влюбится.

д) Когда режут свинью, пока она еще в агонии, у нее вырезаются [вместе] пизда и дыра жопы. Всё это должно сохнуть до тех пор, пока не станет похожим на очки. Потом девушка должна посмотреть через них на своего избранника и сказать: «Как мучилась эта свинья, [пусть] так мучится и Йово, Муйо и т. д.[1], пока не женится на мне!»

После этого названный парень не успокоится, пока не возьмет замуж эту девушку.

Поверья «б»—«д» распространены по среднему течению реки Босны, Босния.

Примечание. Любовные заговоры приводятся здесь как примеры народных верований, о которых в дальнейшем еще пойдет речь.

---

[1] Называет имя любимого.

Глава VI
О ХУЕ И ЯЙЦАХ

58. История о том, как старик погиб от собственного хуя

Все члены семьи, в том числе и дед, молотили зерно на гумне. При этом старик отказался сидеть в тени и пожелал работать наравне с остальной родней. Его подняли на стог, откуда надо было скатывать снопы. Взглянув сверху на всех, он обрадовался, что столько народа собралось:

– Слава Богу, что их у меня столько! Целая орава – и все мои сыновья, мои внуки, мои дети! Все они появились из моего единственного хуя! Спасибо ему за это, он заслужил, чтобы я его поцеловал!

Дед нагнулся в знак большого уважения, но при этом переусердствовал, свалился с покатого стога и свернул себе шею.

Рассказал учитель из округа Тимока, Сербия.

Примечание. Поцелуй – общераспространенный знак благодарности. Мне рассказывали об одной скорбящей вдове, которая покрывала поцелуями хуй своего умершего мужа и при этом напоминала стоявшим тут же детям, что и они все сделаны хуем отца.

59. «Всё это наветы пакостников!»

У купца была молодая и красивая жена, а поскольку он был уже в летах, неудивительно, что бабе приглянулся слуга – молодой, здоровый и сильный. Однажды хозяин отправился по делам, а жена увидела из окна того парня. Он сидел во дворе на солнышке и, вынув из брюк свой огромный

уд, нанизывал на него какие-то кольца. Женщина воспылала желанием, а поскольку в доме больше никого не было, она спустилась во двор, подошла к слуге и спросила, зачем ему эти кольца.

— Видишь ли, — ответил он, — богатым женщинам я засаживаю по первое кольцо — то, что наверху, зажиточным — до среднего кольца, а бедным — до последнего кольца.

— Тогда у меня получается до среднего, — сказала ему хозяйка и отвела его в укромное местечко.

Когда он принялся за дело, ей стало настолько приятно, что она закричала:

— Валяй до нижней отметки! Всё это наветы пакостников, на самом деле мы — несчастные бедняки!

Из Сербии.

Примечание. Мужчины с длинным хуем действительно надевают защитные кольца, чтобы при половом сношении не причинить женщине вреда.

60. О том, какой бывает хуй

Девушка спросила у бабки, какой бывает хуй. На это бабка отвечала: «До пятнадцати лет хуй как кость, от пятнадцати до двадцати — как жила, от двадцати до пятидесяти — как мясо, а после пятидесяти — как кожа».

Рассказал крестьянин из окрестностей Зе́ницы, Босния.

Примечание. Подобные разговоры распространены у женщин, и не только у южнославянских. Интерес женщин к мужскому хую безграничен; сходный интерес вызывают разве что деньги и благосостояние. Помимо этого, всякий другой интерес в той или иной степени — лишь лицемерие, очковтирательство и очевидный обман. К такому заключению можно прийти на основании исключительно фольклорного материала. Однако культурному человечеству известно, что женщина ничуть не меньше мужчины способна на высокие альтруистические чувства, относящиеся ко всем сторонам человеческой добродетели.

61. О том, из чего состоит хуй

Три женщины обсуждали, из чего состоит мужской уд. Первая сказала, что из кости, вторая — что из жилы, а тре-

тья — что из мяса. Когда об этом передали одному человеку, его спросили, как это возможно, что у троих женщин столь разное представление об одной и той же вещи.

— Ничего непонятного здесь нет, — ответил он. — Та, которая сказала, что он из кости, должна быть молодой и красивой, и у каждого [мужика] на нее вставал лучше, чем на некрасивую, поэтому ей казалось, что он из кости. Вторая должна быть средних лет и с посредственной внешностью и могла всего лишь возбудить [мужчину]. Вот она и считала, что уд из жилы. А третья наверняка была старой и уродливой, поэтому вполне естественно, что каждый уд казался ей простым мясом.

Из Сербии.

62. Только блядь знает, какие бывают хуи

Две женщины поспорили по поводу хуя. Одна сказала, что хуй — из кости, вторая — что он из мяса. Они ударили об заклад и пошли к кади, чтобы тот рассудил, кто из них прав. Кади удивился и сказал спорщицам, что о своем решении сообщит на следующий день.

Придя домой, он задумался, и жена спросила, чем он озабочен.

— Да вот, женская башка, сегодня две бабы обратились ко мне с просьбой разрешить их спор. Одна говорит, что хуй из кости, а вторая — что он из мяса. И я не разберу, правоту которой из них признать!

— Ну и глуп же ты! Он — из жилы!

На другой день к нему снова явились те две женщины, и кади им сказал, что хуй из жилы. После этого одна из женщин говорит:

— Та, что тебе это сказала, видать, много хуев перепробовала. Блядь — вот кто она!

Услышав это, кади осенило, что его жена и в самом деле блядь, и, тогда, придя домой, он развелся с ней из-за ее «блядства».

Рассказал крестьянин из окрестностей Сутески, Босния.

Примечание. Поскольку кади (судья)[1] — обвинитель и судья в одном и том же лице, он может развестись с женой без всяких проволочек. Если бы у женщины был влиятельный отец или могущественные братья, то у судьи, который собрался развестись, не имея на то веских доказательств, могли бы еще возникнуть неприятности. Впрочем, препирательства перед лицом кади, как правило, столь же маловероятны, как и перед немецким судьей.

63. «Частый прыгун — для пиздушки самый желанный»

Девушка спросила свою бабку, какой хуй лучше: длинный или короткий? «Милая доченька, — ответила женщина, — если он длинный, его не укоротишь, а если короткий — не удлинишь. Уж лучше пусть будет частый прыгун — для пиздушки он самый желанный».

Из Алексинца в округе Мораве, Сербия. Общеизвестное.

64. «Какой хуй лучший?»

Однажды юноши спросили бабку, какой хуй лучший, и она ответила: «Толстый застрянет, длинный весь не влезет. Лучше пусть будет тот, который часто влетает и пиздушке удовольствие доставляет!»

1-й вар. ответа: «частый прыгун».

2-й вар.: «частый достоин похвалы».

Рассказали несколько человек в селе близ Жепче, Босния.

65. Чей хуй лучше?

Поспорили турчанка и христианка, чей хуй лучше — турецкий или христианский. Турчанка говорит:

---

[1] Ка́ди (*араб.*, правильнее: «кадий» — «судья») — так у мусульман называется духовное лицо, исполняющее также роль светского судьи и решающее дела на основании законоположений Корана и Священного Предания. По компетенции кади стоит ниже муфтия, но вместе с ним принадлежит к высшему духовенству.

— Лучше и пригожее турецкий — он обрезанный и легко входит.

— А вот и нет. Христианский лучше. Вокруг головки у него воротничок из кожи, и, когда [хуй] влезает, воротничок так щекочет, так приятно щекочет!

— Заткнись, блядь, не то я обосцусь от наслаждения! — отвечала ей турчанка.

Рассказал серб из округа Мостара, Герцеговина.

Примечание. Суждение христианки отнюдь не общепринятое. Возможно, подобный опыт она вынесла из контакта с мужчинами, крайняя плоть которых, сдвинутая за головку полового члена, стала чрезвычайно грубой и жесткой вследствие возникшего благодаря механическому воздействию округлого хряща. Крестьяне уверяли меня, что таким образом можно не только довести женщину до почти бессознательного состояния, но и замедлить семяизвержение, растянув тем самым удовольствие. Что из этого правда и правда ли вообще, я не расспрашивал.

66. Вот так дубина![1]

Одна женщина заболела, и невестка отвела ее в монастырь, где монахи читали ей молитвы. Когда они закончили, невестка вывела родственницу на паперть церкви. В это время на лугу пасся монастырский жеребец и своей огромной дубиной похлопывал [себя] по брюху. Увидев это, невестка воскликнула:

— Ах, мне бы половинку этого!

— Будь у меня здоровье, — тихо сказала больная родственница, — я бы не стала делить его на половинки!

Рассказал крестьянин из округа Рудника, Сербия. Известна также в Хорватии.

67. Большой хуй

На прогулке две девушки рассказывали друг дружке по секрету о своих приключениях. В это время они увидели осла, который собирался залезть на ослицу. Одна другой и

[1] Заглавие в оригинале: «Matrak» (*серб.*); «Die Rute (Kolben = Zumpt eines Pferdes)» (*нем.*).

говорит: «Вот была бы красота, если бы такой да был у крещеного!»

Рассказал крестьянин из замка близ Сплита, Далмация.

68. «Ох, Тодор!»

У женщины умер муж по имени Тодор. Когда гроб опускали в могилу, она стала плакать и причитать:

— Ох, Тодор! Ох, Тодор!

В это время на лугу показался осел, который пытался залезть на ослицу и всякий раз промахивался. Вдова продолжала причитать и одновременно не сводила глаз с осла и ослицы. При этом ее причитания уже звучали по-другому. Теперь она лопотала:

— Ох, Тодор! Ох, немного выше! Ох, немного ниже!

Наконец ослу удалось попасть куда следует, и вдова торжествующе завопила:

— Ох, вот хорошо!

Из Сербии.

69. История о том, как молодуха продавала жеребца, а поп покупал

Молодуха продавала жеребца. Поп хотел его купить и спросил хозяйку:

— Сколько ему лет?

— Три года.

В это время у жеребца вытянулась хуина, и он стал ударять ею себе по брюху. Узрев это, поп сказал:

— Боже, как ты его раскормила. Мне вон уже тридцать три годка, а мой хуй, однако, поболе будет, чем у твоего жеребца!

Молодуха ему на это:

— А я тебя об этом не спрашивала!

— А я тебе, чтоб ты знала!

Рассказал крестьянин из окрестностей Високо, Босния.

70. Хуй монаха

Монах встретил на дороге молодую женщину, а у дороги стоял жеребец со своим болтающимся «бедствием», которым он ударял себе по брюху. Монах спрашивает молодуху:

– Сколько лет этому жеребцу?

Посмотрев на жеребца, она зарделась и промолвила:

– Ему и трех еще нет!

– Бог ты мой, это же надо! Я уже немолод, мне около тридцати, и у меня вряд ли будет такой же здоровущий, как у него.

Рассказал сербский землевладелец из Шумадии, лесного района [Сербии].

Примечание. В обеих редакциях этих историй мужчины предлагают женщине убедиться в величине и производительной силе их хуев.

71. Запуталась

Говорят, что такое случалось почти в каждом провинциальном городке. Женщина направлялась в бакалейную лавку, чтобы купить о́ку кофе. В это время какой-то крестьянин привязал к дереву своего жеребца. От жары у жеребца вытянулся «конец», и он стал постукивать им себе по брюху. Молодая и здоровая женщина, узрев такой «инструмент» (а кто знает, какие заботы были у нее дома), уже не могла переключиться на что-нибудь другое и, когда вошла в лавку, попросила бакалейщика, словно во сне:

– Дайте мне, пожалуйста, оку хуя!

Хозяин лавки несказанно удивился просьбе покупательницы и, рассмеявшись, сказал:

– Ей же богу, сударыня, у меня и моего молодого помощника даже вместе столько не потянет!

Покупальница с трудом сообразила, что именно у нее сорвалось с языка, и она опрометью кинулась из лавки, не попрощавшись и забыв о кофе.

Из Сербии. Общеизвестное.

72. Хорваты ебут лучше краинцев

Две штирийки приехали в Хорватию на жатву. Спать они устроились на чердаке. Одна из них и говорит другой: «Ни

штирийцы, ни краинцы[1] всё же ебать (feglati) не умеют. А вот хорваты, эти мошенники, как засунут и давай... Отличные ебари!»

Из Вараждина, то же и в Муринселе[, *Хорватия*].

Примечание. Мошенниками («faloti») здесь названы люди, наживающие богатство незаконным путем. Вне конкуренции по этой части еще недавно были хорваты, имевшие обыкновение брать у состоятельного немецкого фабриканта или торговца товар, переписывать его на супругу и в довершение объявлять себя банкротом. Сейчас эта процедура затруднена, во-первых, потому что венские и будапештские кредитные товарищества держат ухо востро, а во-вторых, тем, что, согласно новому законодательству, передача собственности супруге считается юридически недействительной. В Словении заимствованное из немецкой речи слово «feglati» получило все права гражданства и вытеснило славянское слово «ебать» («jebati»).

Отныне филолог, переводящий слово за слово, сможет утверждать, что половым сношениям словенцы выучились у немцев. Руководствуясь той же логикой, двое немецких ученых попытались доказать, что германцы отучили семитов целоваться в губы.

73. Да, были члены в наше время!..[2]

Магометанка выходила замуж, и на второй день после свадьбы старая соседка-турчанка спросила ее:

— Ну, доченька, и какой он у твоего Муйо?

Молодая показала приблизительную длину. Старуха вздохнула на это:

— Уже и хуи перевелись! В мою молодость, пока я не вышла замуж, хуи были не обхватишь ладонью и длиной почти с две крысы, а теперь это не хуи, а какие-то затычки для мерзких «дающих в жопу» («poguzači»)!

Рассказала сербская мусульманка, профессиональная сваха из Баня-Луки, Босния.

Примечание. «Poguzač» — тот, кто предоставляет свой задний проход. Считается, что у «активных» («Buzeranten») — тонкий, не-

---

[1] Шти́рийцами и кра́инцами раньше называли словенцев соответственно двум известным географическим областям — Штирии и Краины в словенских Альпах.

[2] Заглавие в оригинале: «Kurcevi nekada» («Прежние хуи»).

приглядный хуй, и они используют задний проход, поскольку не могут достичь удовлетворения от контакта с женскими половыми органами. Однако это лишь пустая оттоворка извращенцев для прикрытия своего порока.

74. Какой хуй лучше работает?

Мусульманин женился на женщине-разведенке и, выебя ее несколько раз, спросил:

– Итак, кто лучше ебет – я или твой первый [муж]?

– Дурак ты, право! За то время, пока ты стягивал портки, он бы выеб и тебя и меня!

Рассказал крестьянин близ Травника, Босния.

75. История о том, что растет быстрее всего

Вечером в доме крестьянина собралась вся семья, и разговор шел обо всем на свете. Неожиданно хозяин попросил присутствующих ответить на вопрос, что на этом свете растет быстрее всего. Стали гадать. Один говорит – то, другой – сё, и никто не мог угадать, пока дочь хозяина не воскликнула:

– Это хуй!

Отец ее спросил, откуда она знает.

– Когда сегодня утром я схватила нашего чабана за хуй, – сказала дочь, – он сразу же заполнил всю мою ладонь. А если бы подержала его дольше, он наверняка распер бы всю овчарню!

Рассказал крестьянин из села Кулина, округ Крушевац[, Сербия]. Повсеместная.

76. Что труднее сдирается

Разговорились девки и бабы на посиделках за прядением, что [чья шкура] труднее сдирается. Одна говорит: барана, другая – коня, третья – осла, а четвертая – волка. Тут одна девка и встряла:

— Бог ты мой! Да ни барана и ни осла, а хуя! Я уже три года обдираю его у нашего батрака и едва содрала на два перста!

Из Сербии.

Примечание. Ср. то же самое в двух историях [№ 262, 263 гл. XVI] «Мужчина как соблазнитель».

77. История о том, что бабе хуй всегда слишком короток

Муж написал жене с войны, что он, слава Богу, остался жив и невредим, но гранатой ему оторвало его «работника». По возвращении домой жена приняла его очень прохладно. Не желая спать с ним в одной постели, она приготовила мужу другую кровать. Однако [в письме] он соврал жене, чтобы подвергнуть ее испытанию. Однажды ночью он прилег к ней в кровать и сделал свое дело. После этого жена и говорит ему:

— Зачем ты мне лгал? Ведь твой хуй теперь даже поболе будет, не то что прежде!

— Мне и в самом деле [член] оторвало гранатой, но врачи быстро нашли конский и пришили его!

Жена побагровела.

— Что ж ты, идиот, не нашел жеребца покрепче?!

Рассказал торговец из окрестностей Белграда.

78. История о нелегкой жизни хуя и носка́

В зимний день встретились хуй и носок и стали жаловаться друг другу на свою нелегкую жизнь.

— Братец, — сказал носок, — мне так тяжело и настолько всё надоело, что я готов утопиться. Хозяин одевает меня утром и всем телом на меня наступает, а вечером бросает в мыльный раствор на плите, и я всю ночь в нем кипячусь. Утром из этой воды меня вытаскивает молодая женщина или девушка, а если их нет, то он сам, и всё трет и трет в руках так, что все нитки трещат, а как высушит, снова меня надевает!

— Дорогой друг, — вздохнул хуй, — мое положение еще хуже. Куда мой хозяин ни пойдет, везде берет меня с собой,

и я весь день болтаюсь у него между ляжками. Потом вечером только я соберусь на покой, как появляется его девица, и они начинают тискаться, целоваться, пощипывать друг друга, ласкаться и о чем-то шептаться. Только я подниму голову, желая увидеть и услышать, что говорится, как они хватают меня и загоняют в яму (дырищу)! При этом не отстают от меня, покуда от всех этих мучений меня не стошнит!

Рассказано крестьянином Лако Петровичем в Пушковце, Босния.

79. Королевская дочь

У короля родилась дочь. Дырка у нее была столь «мала́», что если бы дочь попи́сала, то у девяти мельниц закрутились бы жернова, а в десятой ходуном заходилась бы сту́па[1]. Когда принцесса подросла и ее дыра обросла мхом, то дыра зачесалась, и для нее стали искать затычку соответствующих размеров. Но кто найдет такую затычку? Что не может каждый, то может король. Он разослал во все стороны гонцов. Один из них нашел чабана. Чабан лежал под грушевым деревом, и вокруг него в тени сгрудились овцы. Стоило чабану увидеть созревшую грушу, он тут же сбивал ее своим хуем. Увидев всё это, гонец подумал, что эта «затычка» наверняка подошла бы для дыры королевны.

Поприветствовав чабана, он рассказал, зачем пришел, и пригласил пойти с ним заткнуть дыру дочери короля.

— Мой инструмент маловат для той дыры, — отвечал чабан. — Ступай дальше и вскоре встретишь моего брата пахаря. У него инструмент поболе будет и, глядишь, сгодится для той дыры!

Гонец немедля двинулся в путь и вскоре увидел землепашца, впрягшего в плуг восьмерых волов и нахлестывавшего их — от первого до последнего — своим хуем. Гонец поприветствовал пахаря и поведал ему всё то же, что и его брату, попросив закупорить дыру королевской дочери.

— Навряд ли я подойду для нее, — сказал землепашец. — Вот там у реки сыщешь моего брата-мостостроителя. Вряд ли у кого такой хуй, как у него!

---

[1] Сту́па мельничная — выдолбленная колода, в которую бьют окованные толкачи.

Гонец отправился в указанном направлении и вскоре заметил человека, сидевшего на одном берегу реки и перебросившего свой хуй на ту сторону. По хую, словно посуху, переправлялись люди и кони. Гонец перешел по этому «живому мосту» и с того берега отрапортовал третьему брату, с чем пожаловал.

— С дырой я бы, наверное, совладал, — ответил тот, — но я не в силах поднять это чудо. Если король хочет, пусть пришлет сюда телегу и волов, вот тогда я смогу явиться к королевне во всей красе!

Выслушав, гонец тут же вернулся к государю и доложил ему обо всем, что видел. Государь приказал подготовить громадную и длинную телегу и впрячь в нее сто волов, после чего гонец поехал за Хуястым. Хуястый взгромоздился на телегу и благополучно добрался до королевского двора. Его величество сразу же устроил пир. Поскольку стол не могли поставить во дворе поперек огромного хуя, мешавшего Хуястому сесть вместе с остальными, стол поставили вдоль, прямо на его хуй.

Гости ели, пили и веселились. Всё было хорошо, пока во дворе не показалась королевская дочь. Стоило Хуястому ее узреть, как его хуй вздыбился, и богатырская сила взметнула на воздух и стол, и гостей, и королевскую дочь. Те, кто оказался в небе, падали на землю на четвертый и даже пятый день, а королевская дочь только на шестой сумела усесться сверху на этот невиданный хуй.

Рассказал серб из округа Мостара, Герцеговина.

[Примечание.] Судя по всему, эта история заимствована из репертуара турецкого марионеточного театра теней «карагёз»[1].

---

[1] Карагёз — главная фигура в народной турецкой комедии марионеток или теней. Это — черноглазый («кара-гёз») мужчина, плутоватый, ловелас, здорово напоминающий Петрушку или Полишинеля. В силу своей приапической особенности Карагёз беспрестанно попадает в тысячи комических и трагикомических положений. Особенно потешной считается пьеса «Карагёз — жертва собственного целомудрия», где его друг поручает ему свою жену для строгого присмотра, а та старается соблазнить новоявленного охранителя ее чести. Карагёзовские представления — излюбленное зрелище турецкого простонародья. Несмотря на крайне циническое содержание пьес, на них принято водить женщин, девушек и детей. Высшие классы общества чураются этих зрелищ. Вопреки правительственным запрещениям, пье-

80. История о поповском зяте с непомерным хуем

У попа подрастала его единственная дочь, и он решил, что пришло время найти для нее жениха. Святой отец отправился в соседний район и увидел там в поле парня, который насадил на хуй мотыгу и корчевал ею кустарники. Поп сказал, что у него есть единственная дочь, и предложил пахарю стать его зятем. Парень ответил, что не может уйти с поля, пока не выкорчует все заросли, и показал в сторону леса:

— Ступай вон туда. Там мой брат рубит деревья. Спроси его, не хочет ли он породниться с тобой.

Поп углубился в лес и наткнулся на удальца, приладившего к хую топор и рубившего им деревья. Поприветствовав дровосека, поп продолжил:

— У меня на выданье дочь, единственная моя наследница. Предлагаю тебе пойти ко мне в зятья.

— Не могу никак. За работу я уже получил часть платы, и поваленные деревья еще предстоит порубить на поленницы. Ступай к реке. Там мой брат кладет мост. Спроси, не пора ли ему обзавестись семьей.

Святой отец спустился к реке и увидел молодца, по хую которого, словно по мосту, люди переходили с одного берега на другой.

— У меня на выданье дочь, — сказал поп, — единственная моя наследница. Не хотел бы ты поженихаться с ней?

— Премного благодарен. Я не против, да и надоело мне налаживать мост из хуя. К тому же, когда в реке поднимается вода, приходится вот этак переправлять людей с одного берега на другой!

Мостостроитель подхватил попа хуем между ног и перенес на другую сторону. Святой отец привел парня к себе домой. По этому случаю прозвучали ружейные выстрелы, означавшие начало свадьбы, на которую стали съезжаться гости. Поп ввел зятя в дом. Тот сел у стены и уложил вдоль нее хуй. Хозяин дома и еще тридцать гостей сели на хуй, будто на лавку, причем поп взгромоздился на его головку, словно на табуретку. После этого сват сказал:

сы в огромном количестве экземпляров печатаются и продаются в Константинополе.

— Введите девушку. Пусть жених увидит свою суженую!

Когда поповна вошла, она настолько глянулась парню, что его хуй вздыбился и закинул всех гостей на чердак, а ее отца выбросил через дымоход наружу. Говорят, что батюшка летел по небу три дня и три ночи и при этом кричал: «Если обратно вернусь живым, празднуйте Вознесение в четверг, а если мертвым, то — во вторник!»

Как себя чувствовала попова дочь, когда парень стал ее ебать, нам неведомо.

Рассказал крестьянин из окрестностей Жепче, Босния.

Примечание. Как видно из этой и других историй, зятя и дорогих гостей принимают не в комнате, а в зале, посреди которой находится низкий очаг, а над ним — вытяжка или дымоход. Древнейшим славянским жилищем служила круглая постройка из плетня, в центре которой, в очаговой яме, никогда не гас огонь. Комнаты справа и слева — позднейшие пристройки, тогда как помещение с очагом — главное, предназначенное для совместной трапезы и приема гостей. В нем мог найти пристанище и беглец. Оказавшись в этом помещении, даже кровный враг рода считался неприкосновенным и пользовался защитой хозяев. Занявшись растопкой очага, чужаку, ищущему убежища, давали тем самым понять, что к нему будут относиться как к полноправному члену семьи и не станут выпроваживать из дома. По старому обычаю, зятю для ночлега отводилось почетное место в кухне рядом с очагом.

81. Когда наступает Вознесение

В давние времена жил парень с таким огромным удом, какого не было ни у кого в мире. Он уже созрел для женитьбы, но в своем селе не мог найти себе девушку. Не только потому, что у него был непомерный уд, о котором все были наслышаны, но и потому, что сам он был беден. Поэтому он стал искать себе невесту в другом месте. После долгих поисков он встретил наконец подходящую деваху в одном отдаленном селе: красивую, здоровую, сильную и сироту, как он сам. Спросив, хочет ли она выйти за него, и получив желаемый ответ, он вернулся домой, чтобы послать к избраннице сватов и довести дело до конца.

Созвав друзей, видных односельчан, и попа, парень отправился с ними на сватовство. Раз уж у него был несусветный уд,

сопровождающим пришлось выстроить поездом несколько телег с впряженными в них волами. Сам жених расположился на последней телеге, а головка его уда доставала до сидевшего на первой телеге кучера.

Так сваты с женихом добрались до избы невесты. Поскольку девушка была бедной сиротой, в ее доме не нашлось даже стула. Однако парень был смекалистым – вынув уд, он разложил его в избе в несколько кругов, как это делает змея. Все расселись на его уде, а попа из уважения усадили на самую маковку.

Ожидавшая сватов девушка принарядилась в самую красивую одежду, какая у нее нашлась, и появилась перед гостями. Когда жених увидел ее такой пригожей и ладной, его уд распрямился и вознесся, разметав гостей по избе. Головка уда с попом устремилась к дымоходу. Пролетая со свистом сквозь дымоход, поп решил, что ему настал конец и что впредь ему не видать родного дома, поэтому быстро прикинул на хранящихся в тыковке зернах, какой вскоре церковный праздник, и прокричал:

– Прощевайте, с Богом, братья! Коли не свидимся, то знайте, что Вознесение в четверг!

Из Сербии.

Примечание. Детальные описания обычаев сватовства, необходимые для полного понимания этой истории, можно найти в моей книге «Нравы и обычаи южных славян» (см.: Krauss 1885). Это, очевидно, один из тех прежнего рода неграмотных батюшек, которые знают свои молитвы только наизусть и не смыслят в календаре, так что дни церковных праздников им приходится высчитывать с помощью бобов или чечевичных семян. При этом неизбежны ошибки, о чем и повествуется в данной истории.

82. У дурака хуй словно железный

Жили-были три брата, два умные, а один – слегка придурок. Как-то самый старший пошел на торговую площадь и купил волов с намерением их перепродать. Заночевать он решил у одного попа, где и увидел его дочь, красивее которой не встречал в своей жизни.

– Вот тебе тысяча волов, – сказал он батюшке, – за то, чтобы я мог провести ночь с твоей дочерью!

— По рукам, однако не требуй своих волов обратно, если ничего от нее не добьешься!

Парень отогнал святому отцу тысячу волов и пошел к его дочери. Но она вооружилась кинжалом и не подпустила его к себе. Вот так он и вернулся домой, несолоно хлебавши.

После этого средний брат купил тысячу овец для перепродажи и остановился на ночлег у попа. Поповна буквально лишила его разума, и он предложил святому отцу:

— Я пересплю с ней, а за это дам тебе тысячу овец!

Святоша принял тысячу овец с условием, чтобы гость не требовал их обратно, если у него ничего не выйдет. Парень пошел к поповне, а она взяла в руки нож и не дала даже подступиться к себе. Средний брат тоже вернулся домой ни с чем.

После его возвращения наступил черед заняться торговлей брату-полудурку. Тот закупил тысячу индюшек, собираясь подзаработать на них, и умудрился попасть на постой всё к тому же сметливому попу. Его дочь произвела ожидаемое впечатление, и дуралей брякнул:

— Разрешишь ли мне поиграть с ней сегодня вечерком? И тысяча индюшек твоя!

Поп ответил согласием, но оговорил его отказом парня от индюшек, если у того ничего не сладится. Тот был готов на всё и вечером направился к поповне. Она привычно зажала в руке нож, чтобы не подпустить его к себе. А придурок бросил на нож все имевшиеся одеяла, а затем схватил девушку и понятно чем стал с ней заниматься. До самого утра он не слезал с нее. Поп вдруг вспомнил о нем, направился к двери спальни и, обнаружив постояльца на дочери, потребовал:

— А ну-ка слезай немедля!

— Не слезу, пока не вернешь мне всё наше имущество: тысячу волов и столько же овец моих братьев. И не забудь моих индюшек, а в придачу — тысячу дукатов отступного!

Поп выдал ему всё и только после этого получил дочь обратно.

Рассказал крестьянский парень из села в верховьях реки Босны[, *Босния*].

Примечание. Этот сюжет относится к разряду странствующих. В нашем собрании имеется еще несколько его версий. Южнославянским крестьянам, как и большинству отсталого человечества, свойственно стремление немедля перепродавать благоприобретен-

ное добро. Торговля удовлетворяет не столько жажду к наживе, сколько потребность в азарте. Этому влечению отвечает также склонность к заключению при каждом удобном случае пари с самыми легкомысленными ставками. Недалекому человеку неведома истинная ценность времени, имущества и самой жизни. Такого рода люди искусно описаны Вилимом Кораяцом в его книге «Pfahlbauern» [букв. пер.: «Крестьяне, живущие на сваях»], переведенной мной на немецкий язык (см.: Korajac 1898). [В ней встречается упоминание о том, что в бассейне р. Босны (или Савы) хорватские крестьяне строят жилища на сваях.]

83. История о лысом слуге с твердым хуем

Лысый человек поступил на службу к бéку[1]. Однажды тот отправился на охоту, а лысый слуга, оставшийся дома, пошел на базар, купил на несколько грошей орехов, примостился у дворцовых ворот, вынул хуину и зачáл колоть ею орехи. Из окна, под которым он так развлекался, его увидела служанка и позвала госпожу:

— Моя ханума, пойди-ка сюда и кой-чего увидишь! Ты только посмотри, что вытворяет наш лысый! Он «им» орехи колет!

Госпожа выглянула в окно и, разглядев орудие слуги, тут же воспылала желанием как любая баба в подобном случае, а точнее как бесноватая баба.

— Ступай к нему и пригласи ко мне! — велела она служанке.

Служанка спустилась во двор.

— Пойдем в дом, тебя ханума зовет.

— И не подумаю! Чего это я ей понадобился?

Слуга сделал вид, что сердится.

— Пойдем немедля, глупый!

Парень поднялся и вошел в дом. А когда предстал перед госпожой, она спросила:

— Ты чем это там занимался?

— О боже, ничего особенного! Почему спрашиваешь? Колол орехи — вот что я делал.

— Ладно, доставишь мне удовольствие!

Лысый стал артачиться:

---

[1] Бек — у тюркских народов титул родоплеменной, а затем феодальной знати. Чаще всего — в значении «господин».

— Не хочу я, отстань от меня!

— Не глупи, я никому об этом не скажу.

Госпожа легла, а он забрался на нее и засадил. В это время раздался крик:

— Бек возвращается с охоты!

— Слезай! Бек вернулся!

— Не слезу! Ты меня позвала, и я не слезу!

— Слезай, а то он застанет нас и поколотит!

— Не бывать тому! Пусть застает — я не слезу!

— Слезай! Я дам тебе всё, что захочешь!

На шее у нее болтались три нитки с дукатами.

— Дай мне эти дукаты.

— Как я тебе их отдам?! Бек может спросить, куда девались дукаты! Требуй что-нибудь другое!

— Мне ничего другого не надо!

А бек всё ближе и ближе. Госпоже ничего не оставалось, как снять украшение с шеи:

— Бери, дьявол, и убирайся!

Дукаты он положил в карман и направился к воротам. И как раз в это время подоспел бек.

На следующий день хозяин снова отправился на охоту, а слуга вновь купил на несколько грошей орехов и стал разбивать их. Из окна его увидела служанка и говорит госпоже:

— Он снова там сидит!

— Иди и зови его сюда, убей его Господь Бог вместе с этими орехами!

Служанка пошла, позвала, и тот явился.

— Принимайся за дело, — велит ему госпожа, — но никаких дукатов для тебя у меня больше нет!

Он снова влез на нее, а когда на улице сгустилась тьма, раздался крик:

— Бек возвращается!

— Скорее слезай, а то бек нас накажет!

— Не слезу, ей же богу!

— Да слезай же ты, окаянный!

— Чего мне слезать-то? Это ты меня позвала, и вины в том моей нет!

— Слезай, если в Бога веришь!

Тут взгляд парня упал на золотое блюдо на полке.

— Дай мне вон то блюдо, тогда я слезу!

— Боже мой, как же я отдам тебе его любимое блюдо?!

— Если не дашь, я с тебя не слезу!

— Я дам тебе денег, сколько хочешь, но только не это блюдо, сумасшедший!

— А мне ничего другого не надо!

Бек был уже невдалеке от дома. Госпоже пришлось уступить слуге. Тот слез с нее и зашагал к воротам, а бек — как раз ему навстречу.

На третий день хозяину дома снова захотелось поохотиться. Слуга вновь накупил орехов и стал их колоть, и опять служанка доложила о нем госпоже. Ханума и в этот раз не стерпела:

— Иди и притащи его сюда, разрази его гром!

Служанка спустилась вниз и позвала парня.

— Приступай к делу! — велела хозяйка.

— Да ну тебя, ханума, оставь меня в покое!

— Давай, давай! — настаивала похотливая баба. — Ты только погляди, как я хороша!

И он снова влез на нее. Потом раздался крик:

— Возвращается бек!

Госпожа слуге:

— Слезай!

— А вот и нет! — ответил лысый, заметив золотую прялку. — Не слезу!

— Слезай, бога ради, а то ведь бек, если нас застукает, обоих прикончит!

— Не надо было меня приглашать. Если ты не отдашь мне вон ту золотую прялку, я ему скажу, что это ты меня сюда зазвала. А иначе я с тебя не слезу!

Отдала она ему прялку, он взял ее, и бек не застал их вместе.

На четвертый день бек не смог поехать на охоту — устал и решил отдохнуть. Слуга испугался, как бы бек не отобрал у него вещи, полученные от госпожи, и попросил:

— Бек, заплати мне то, что я заслужил. Не могу я больше у тебя работать.

— В чем дело? Неужели у меня столь плохо?

— Да нет. Просто я должен уехать!

Бек рассчитался, и лысый, получив жалованье, тут же засобирался в дорогу.

Он путешествовал из города в город и наконец прибыл в Стамбул. Там он пошел на базар, где купил молот и наковальню, затем снял маленький магазинчик под балконом дочери султана и стал ночью ковать. Он ковал до рассвета, отчего дочь султана не могла глаз сомкнуть. На другой день она послала к ковалю служанку:

— Пойди посмотри, чем он там всю ночь громыхает и не дает мне покоя.

Служанка пришла к лысому и спрашивает:

— Что ты здесь ночью мастеришь?

— Да как бы ничего, вот выковал несколько дукатов, — ответил парень и показал монеты. — Вот чем я занят. Видишь?

Служанка вернулась к хозяйке и говорит:

— Он дукаты ковал.

Лысый продолжал стучать и всю следующую ночь, отчего дочь султана снова не могла уснуть.

— Иди к нему, чтоб пес его мать еб, и вели: пусть немедля прекратит это занятие!

Служанка пришла к нему и спрашивает:

— Чего ты там грохотал всю ночь и не давал уснуть дочери султана?

— Да ничего особого не делал, вот блюдо выковал.

На третью ночь он стучал пуще прежнего и непрерывно чем-то бу́хал.

Дочь султана снова послала служанку:

— Погляди, что он теперь сделал.

Служанка явилась к нему и спрашивает:

— И что же ты сейчас сделал?

— Вот прялку смастерил.

По возвращении служанка говорит дочери султана:

— Он там прялку смастерил.

— Отправляйся к нему и принеси эти вещи — я должна их увидеть.

Служанка спустилась в магазинчик и попросила ненадолго изготовленные вещи.

— Бери, — сказал он, — пусть госпожа глянет на них.

Дочь султана послала служанку обратно:

— Иди к нему и спроси, не продаст ли он дукаты.

Служанка пришла и спрашивает:

— Госпожа спрашивает, не продашь ли ты ей дукаты.

— Мне не нужны деньги. Пусть поднимет платье до колен, чтобы я мог увидеть, какие у нее ноги, и получит дукаты задаром.

Служанка вернулась и говорит:

— Он сказал, чтобы ты приподняла платье до колен, и он отдаст дукаты.

— Ах, чтоб пес его мать еб! Кто он такой, чтобы я перед ним задирала платье до колен?

— Ну и что такого, госпожа, ведь не похитит же он тебя глазами!

Девушка взобралась на подоконник и обнажила ноги до колен, после чего ей достались дукаты. Затем она снова послала служанку и попросила уступить ей блюдо. Дескать, он может потом сделать себе новое. Лысый попросил передать:

— Не нужны мне деньги, пусть она откроется до пояса, а я на нее посмотрю!

— Еб его мать пес! Кто он такой, чтобы я перед ним оголялась?

— Ну и что такого, госпожа, ведь не похитит же он тебя глазами!

Дочь султана оголилась до пояса и получила за это блюдо.

И вновь служанка появилась у кузнеца.

— Госпожа спрашивает, за сколько ты отдашь ей прялку?

— Не нужны мне деньги, пусть распахнется до сисек, и прялка ее!

— Еб пес его мать, не видать ему моего тела!

Служанка снова сказала ей:

— Ну что такого в его просьбе? Ведь глазами он тебя не похитит!

Дочь султана поднялась на подоконник, оголилась до груди, и он разглядел на ее животе родинку в виде звезды.

Так лысый отдал ей все три золотые вещи и пустился в путешествие по миру. Через некоторое время судьба снова забросила его в Стамбул. Там он услышал крик глашатая:

— Кто угадает, какая у дочери султана на животе родинка, за того он выдаст ее замуж. Кто не угадает, того зарубят!

Тогда наш герой подошел к глашатаю и спрашивает:

— Правда ли всё то, что ты здесь вещаешь?

— Правда, ибо султан никогда не отказывается от своих слов!

— В таком случае отведи меня к нему!

— Падишах, — обратился лысый к султану, — сдержишь ли ты свое слово, как было сказано?

— Сдержу.

— А если я не угадаю, меня зарубят?

— Да! Так какая у нее родинка?

— В виде звезды.

Даже султан не знал, какая у дочери родинка — она скрывала это от всех. Он послал к ней слуг и велел узнать, такая ли у нее родинка. Они пошли и убедились, что парень прав. И султан сдержал обещание. Раздались пушечные залпы. Султан выдает дочь замуж, султан обрел зятя. Угощение, пир и веселье длились целый месяц[1], а когда всё закончилось, молодоженов отвели в комнату и там закрыли. В соседской комнате расположился хранитель печатей. Он нашел одну кумушку, известную своим умением состряпать любое дело.

— Ступай, кума, — велел он ей, — к молодому и скажи: пусть сегодня вечером не трогает новобрачную и требует за это какое угодно вознаграждение!

Кумушка пошла к лысому и говорит:

— Он даст тебе столько-то дукатов, но только чтобы сегодня вечером ты не прикасался к ней.

— Ладно, будь по-твоему! Ты только принеси деньги, а время для «верховой езды» еще настанет.

Ночь за ночью, десять ночей подряд продолжался выкуп невинности новобрачной. А дочери султана всё не терпится. Ведь она только для того и вышла замуж, чтобы муж на ней «ездил». И дочь пожаловалась родителю:

— Зачем бабе постоянно находиться рядом с бабой? Разведи меня с этим плутом!

Султан развел их и выдал дочь замуж за хранителя печатей. Снова был пир горой.

На следующий день лысый подыскал себе помощницу на все руки из дворца султана, а затем отправился на рынок. Там он увидел глашатая с запечатанной шкатулкой.

— Эта шкатулка, — объявил глашатай, — сто́ит тысячу дукатов. Кто ее приобретет, будет об этом сожалеть. Но и кто не купит, тоже пожалеет!

---

[1] У боснийцев свадебные торжества длятся обычно две недели и один день. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

У лысого денег было предостаточно. Он и говорит:

— Ебу его мать, если не куплю ее, буду об этом сожалеть. Тогда уж лучше купить!

Открыв шкатулку, лысый нашел в ней мышь, дрёму и жука-говноеда. После этого он вручил шкатулку куме:

— Отнеси, — говорит, — в комнату, где спят новобрачные!

Кумушка отнесла шкатулку в спальню. Поскольку муж и жена уже легли, дрёма выбралась из шкатулки, овладела мужем, и он уснул как убитый. Затем появился жук-говноед, залез к нему в задний проход и стал из него выгребать нечистоты. А мышь разбросала их хвостом по стенам, по всей комнате и по свадебному платью хозяйки. Когда дочь султана очнулась от сна, она пришла в ужас от всего этого смрада. Пришли служанки, вычистили комнату и побрызгали везде благовониями.

— Пес его мать, — сказала дочь султана, — прежний хоть комнату не поганил!

На следующую ночь, перед тем как лечь в постель, муж натянул кожаные штаны. Его снова одолела дрёма, и жук-говноед хотел забраться к нему.

— Пособи, сестрица! — обратился он к мыши. — На нем, кажись, кожаные портки!

— Дело́в-то, — откликнулась мышь. — Я мигом прогрызу в них дырочку для тебя!

Мышь сделала свое дело, жук-говноед влез, и к утру вся комната опять была измазана. Снова пришли служанки и всё почистили. Когда наступила третья ночь, хранитель печатей подумал: «Что мне, мать его ебу, делать с такой жизнью?» Затем он нашел паклю, из которой делают пряжу для домотканой дерюги, и ее клок затолкал себе в жопу.

И в третью ночь им одолела дрёма. Снова жук-говноед нацелился на него, но наткнулся на паклю.

— Ай! — воскликнул он. — Сестрица, я не могу туда попасть!

— Это почему же? Дай-ка посмотреть, в чем дело!

Мышь обследовала преграду и сказала:

— Эх, братец, что бы ты без меня делал?

В доме она нашла уксус, смочила в нем свой хвост и сунула его под нос хранителю печатей. Тот во сне чихнул, и затычка вылетела. Снова жуку-говноеду удалось забраться. На этот раз комната была уделана пуще прежнего. А на рассвете дочь султана как заверещит:

— Не нужен мне такой муж! Верни мне, отец, прежнего!

И снова султан развел их и обвенчал[1] ее с первым мужем, пригрозив лысому:

— Больше меня не объегоришь, ебу твою мать!

Если они еще живы, то ему как зятю султана и посейчас неплохо живется.

Взгляни козе на рога — если коза лжет, ее рога не лгут[2].

Примечание. Этот классический шедевр фольклорной прозы я услышал 23 января 1885 года от гусляра-мусульманина Авдии Салиевича, 65 лет, в турецком кафе, расположенном на главной площади города Биелина в Боснии. Рассказ его был неспешным и сопровождался выразительными жестами, так что историю я смог записать слово в слово. При этом присутствовало около дюжины самых богатых и знатных горожан города — все почитатели таланта Авдии. Ему я обязан рядом великолепных гуслярских песен. Эта история состоит из двух частей: приключений героя в доме бека и его проделок при дворе султана. Обе части разыгрываются в турецком театре теней «карагёз», и было бы интересно узнать, основываются ли эти представления на народных преданиях или сами устные рассказы есть лишь передача увиденных представлений. Во второй части имеются фрагменты, первоначально звучавшие, вероятно, по-сербски, но скорее всего они — вольные переработки.

84. О пчеле, севшей на хуй

Мужик справлял на природе малую нужду. В это время ему на срамное место села пчела и стала ползать. Он и говорит ей: «Вали-ка отсюда! Не сможешь здесь меда собрать!»

Рассказал мужчина из Пожаревца[, Сербия].

Примечание. В этой истории обыгрывается известная пого-

---

[1] Хотя персонажи этой истории — мусульмане, в тексте использован глагол «обвенчал», что, по-видимому, отражает смешанность обычаев и традиций в данном регионе.

[2] Эта пословица («Vidi se kozi na rozi, ako laže koza ne lažu rogovi»), которую, немного поразмыслив, рассказчик прибавляет к своей истории, имеет следующий смысл: даже если кто-то притворяется, что половые отношения его не интересуют, его хуй всё равно встает при первой возможности, и ложь выплывает наружу. Подобно лысому все мужики падки на деньги и пизду. Хуй тянется к пизде, как пизда — к хую. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

ворка: «[Для женщин] нет ничего слаще хуя, но с хуя меда не соберешь» («Ništa slagjeg od kurca a od kurca se ne može meda nabrati»).

85. О том, что для дам

На железнодорожной станции пассажир ошибся и вместо мужского нужника второпях заскочил в женский. Заметив это, его догнал служащий станции и предупредил, что это — для дам.

— Так в чем же дело? — спросил его пассажир и показал на свое «бедствие». — А это разве не для дам?

Из Сербии, окрестности Белграда. Записано в 1899 г.

[Примечание.] В 1875 году один «профессор» хорватского языка и литературы из королевской гимназии в Пожеге (Славония) показал школьникам фотографию, на которой был изображен бородатый польский еврей с толстым хуем в руке, с пейсами[1] и в лапсердаке[2], стоящий у входа в женский привокзальный туалет. Рядом с евреем — вокзальный служитель. Подпись начиналась с обращения чиновника к еврею: «— Видите ли, это для дам. — А это разве не для дам?» («Nü, is dos eppes nix für Damen?») — спрашивал в ответ еврей. Возможно, что благодаря подобной картинке эта история и получила распространение среди южных славян.

86. Банатец в балагане

Банатец вместе с красавицей женой отправился в балаган. Там давали представление о распятии Христа. Актер был совершенно голый, и только его бедра были прикрыты клочком бумаги. Он сразу обратил внимание на молодую женщину и стал бросать на нее выразительные взгляды, да и она не противилась этому. Заметив всё это и не дождавшись конца представления, банатец направился с женой к выходу. Поравнявшись со сценой, он сказал: «Поторопись, Ката, не то на нем бумага треснет!»

Многократно услышано в Королевстве [с 1882 г.] Сербии.

---

[1] Пе́йсы — длинные пряди волос у висков, оставляемые неподстриженными у евреев, придерживающихся патриархальных обычаев.

[2] Лапсерда́к — старинный долгополый сюртук у польских и галицких евреев.

Примечание. По Венгрии, Сербии и Болгарии постоянно разъезжают актерские труппы из Будапешта. Их представления не выходят за рамки площадного юмора, который только возбуждает чувственность. Евангельский сюжет здесь не отличается от пародий, разыгрываемых на празднике Йóм-кипур[1] у евреев. Сербы, хорваты и венгры, равно как и евреи, проявляют к таким спектаклям живейший интерес, поскольку в этих конфессиональных группах религиозная вера — сплошь официально поощряемое лицемерие. В Сербии, например, посещение кем-либо церкви, за исключением Пасхи и Рождества, считается противным здравому смыслу и компрометирующим поступком.

87. История о том, как парень искал девственницу

— Чего ты всё в бобылях ходишь? — поинтересовался мужик у своего приятеля.

— Видишь ли, друг мой, я бы уже давно женился, если бы был уверен, что нашел девственницу. Какой смысл жениться второпях, а потом обнаружить, что твоя жена уже переспала с каким-нибудь парнем до свадьбы? Я на нее посмотрю, а она подумает, что кто-то до меня смотрел на нее иначе. Я ее поцелую, а она вспомнит, как ее целовал тот, кто был до меня! Что это за жизнь?

— Ты прав, — отвечал мужик. — Но ведь можно легко узнать, девственница ли девушка!

— Как это — легко?

— Ну вот, смотри! Приближается зима, наступает время святок. Расспроси у людей, где какая-нибудь из девушек обслуживает гостей. Ведь наверняка одна из них тебе уже приглянулась, а может, и не одна. Обходи по праздникам дом за домом. Дожидайся, когда стемнеет и гости станут расходиться. Как только увидишь, что хозяин и хозяйка ушли в переднюю провожать гостей, тут же вынь свой уд и, как ни в чем не бывало, покажи его девушке. Увидев его и зная, что это такое, она покраснеет. Если же при этом даже бровью не поведет, значит, она девственница.

---

[1] Йóм-кипýр (букв.: «день прощения») — в иудейской традиции самый важный из праздников; установлен Моисеем. Весь этот день и вечер накануне евреи проводят в синагоге, читая покаянные молитвы и соблюдая строжайший пост и субботний покой.

— А ведь ты прав! Как же это раньше не приходило мне в голову! Вот спасибо! На первом же празднике сделаю всё так, как ты мне присоветовал. Чую, что всё закончится удачно.

И действительно, как только наступил первый праздник (вряд ли сто́ит называть, какой именно, чтобы не впутывать в это дело святых), наш жених стал ходить в гости из дома в дом, где после наступления сумерек делал то, что ему посоветовал друг. Одна прикрывала глаза рукой, другая просто отводила взгляд, третья краснела, а четвертая торопилась убежать из комнаты с подносом в руках. И только в одном месте совсем взрослая и здоровая девушка посмотрела и осталась равнодушной, словно ей показали какую-нибудь обыденную вещь. Наш кандидат в женихи обрадовался, будто его солнце осветило: «Итак, это девственница, на ней я и женюсь!»

На другой день он стал расспрашивать о девушке и узнал, что она из хорошей семьи, добропорядочная и пригожая и всё остальное только хорошее. Парень долго не раздумывал, поскольку уже раньше положил на нее глаз, а на празднике к тому же убедился, что она еще и девственница. Он посватался к ней и вскоре обвенчался.

Вечером счастливый-пресчастливый, что нашел себе девственницу, он лег с нею на брачное ложе, вынул «его» и, улыбаясь, спросил, знает ли она, что это такое. Она посмотрела на «него» и ответила, что понятия не имеет.

— Это хуй, — шепнул он.

— И это хуй?! — воскликнула она и расхохоталась. — Эх, братец ты мой, если бы ты видел хуину нашего слуги, то назвал бы ее дубиной.

Городской анекдот, из Сербии.

Примечание. На святочных гуляниях (об этом см.: Krauss 1885) гостей угощает сладостями красивая девушка. Если у хозяев нет дочери, эту честь доверяют знакомой девушке из местных. Сама история, представленная далее в упрощенных редакциях, числится среди наиболее распространенных в Европе.

88. Неопытная невеста

Еще до свадьбы, когда обрученные остались наедине, жених показал невесте то, что висело у него между ног, и спросил, что это.

— Писька, — отвечала невеста, а он при этом весело рассмеялся.

В скором времени они обвенчались, и после свадьбы в первую брачную ночь молодожен, снова гордо показав хуй теперь уже жене, спросил:

— Что это, моя милая?

— Писька! — снова повторила молодуха.

— Никакая это не писька, а хуй!

— Что? Да разве это хуй?! Хуй — он вот такой, гренадерский! — ударила молодая жена по локтю ладонью.

Рассказал студент из Неготина[, *Сербия*].

Примечание. Знакомство девушки с непристойным жестом выдает ее полнейшую испорченность. Бытование подобных сюжетов, как и упоминание святок в предыдущей истории, свидетельствует о южнославянской локализации этих сюжетов.

89. Какой женщине большой хуй в самый раз

Жил-был на свете очень красивый парень с несусветно большим хуем. Однажды он нашел одну деваху и стал ее ебать. Засадив, он раздраконил ей всё внутри — между ног у нее побежала кровь, отчего она чуть не сошла в могилу. Чтобы девка не пожаловалась на него в суд, парень дал ей много денег.

После случившегося он решил никогда не жениться, но люди стали принуждать его остепениться. И тогда он сказал, что ему нельзя жениться, мол, у него большой хуй, от которого его жена сразу отдаст Богу душу, если он засадит весь хуй. Один его сметливый друг посоветовал ему сходить к реке, когда там девушки стирают белье и при этом обнажают ноги, и посмотреть, у какой из девушек икра ее ноги имеет такую же толщину, как его ляжка наверху. Именно на такой он может смело жениться. При этом его друг брал всю ответственность на себя, если в первую брачную ночь с девушкой что-нибудь случится.

Парень послушался доброхота, отправился к реке и облюбовал себе там жопастую и пиздастую девицу. Он тут же предложил ей руку и сердце. Но, поскольку девка принадлежала к бедному сословию, а кавалер был из богатых, она не поверила в серьезность его намерений. Увидев, что она колеблет-

ся, парень вынул сто дукатов, дал ей и велел сказать родителям, что придет ее сватать.

Так всё и случилось. Родители еле дождались того момента и выдали за него дочь. В первую ночь после свадьбы они легли в постель, но он так и не отважился ее тронуть. На другой день девушка опечалилась. На вторую ночь они снова легли в постель, и, когда он ничего с ней не сделал и стал засыпать, она спросила:

— Ты зачем на мне женился? Ты кто мне — сестра, мать или женщина?

— Я на тебе женился как на женщине!

— Но, коль ты женился на мне как на женщине, тогда дай мне то, что женщине нужно, или, может быть, у тебя нет хуя?

Он сказал, что кое-что от него осталось после того, как в детстве его откусила свинья. Она ему говорит:

— Ну, дай мне хотя бы то, что от него осталось. Вставь, чтобы прошло желание.

Он потихоньку засунул в нее свою хуину. Опасаясь, как бы не случилось чего-нибудь худого, он трогал ее снизу рукой, проверяя, не появилась ли кровь. И, когда кончил, спросил об ощущениях.

— Если бы свинья не оттяпала тебе кусок, всё было бы в самый раз!

Рассказал крестьянин из села близ Жепче, Босния.

90. «Пизда не изо льда!..»

Жил-был на свете один пастух, о котором ходили слухи, что у него здоровенный хуй. В том же селе жила одна молодуха, которая часто мечтала о том, как бы ей увидеть хуй этого мужика. Хуй ее мужа казался ей коротким и не давал того, что ей требовалось.

Однажды ей представился удобный случай. Возвращалась она одна домой, и по пути через лес ее догнал этот мужик. Они разговорились, и она сразу же спросила:

— Скажи, бога ради, а правда ли, что у тебя такой огромный хуй, как поговаривают в народе?

Он показал его, а она говорит:

— Ого, какой! Честное слово, я бы не отважилась принять в себя даже его половину!

Он [член] был около нее. Она не могла отвести от него взгляда и решилась все-таки дать засунуть хотя бы немного, но с одним условием:

— Ладно, я тебе дам, если ты сделаешь на нем петлю и впихнешь только до нее!

Мужик тут же соорудил петлю и набросил ее на хуй до половины. Затем он раздвинул молодухе ноги и, медленно толкая, засунул... весь хуй. Дело в том, что, когда он заносил ее ноги кверху, петля съехала ему на муде. Молодуха потрогала рукой снизу:

— Мать честная, он туда вошел весь! Вот петля у меня около жопы. Никогда бы не подумала, что смогу принять в себя такую силищу!

— Брось болтать, дура! Пизда не изо льда, который трескается, а из кожи, что растягивается!

Рассказал крестьянин из окрестностей Жепче, Босния.

91. О бабах, падких на хуй

Жил-был бедный юноша, перебивавшийся милостыней. Однажды он нищенствовал у большой лавки. Хозяин лавки подошел к нему и сказал, что такому молодому и здоровому, как он, не пристало побираться.

— Но я не могу найти работу.

— Ты молодой и здоровый, тебе не надо работать. Ты просто ходи по городу и смотри, не стоит ли у окна какая-нибудь баба. Как только увидишь ее, вынь хуй и сделай вид, что мочишься. После этого денежки к тебе сами поплывут!

Юноша поблагодарил лавочника и пошел по городу. В одном доме он заметил в окне сразу троих женщин. Вынул хуй, они увидели его и зазвали к себе. Он поеб их всех троих, каждую в отдельности, и все три щедро его отблагодарили. Он их и дальше ебал, и всякий раз они ему платили.

Через некоторое время торговец встретил юношу, богато одетого, всем довольного, и спрашивает:

— Ну, как всё было?

— Так, как ты меня научил.

— А где находится тот дом, куда тебя пригласили?

Юноша рассказал, где находится дом, и описал всех трех женщин. Ими оказались жена, дочь и служанка торговца. Услышав всё это, торговец сказал:

— Если еще и меня поебешь, тогда все в этом доме будут тобой выебаны!

Рассказал сын одного священника из округа Моравы, Сербия.

Примечание. Эта история широко распространена в Европе и Азии. Нижеследующая редакция, вероятно, турецкого происхождения.

92. История о том, как черногорец зарабатывал своим хуем

Молодой и статный черногорец слонялся по Стамбулу в надежде заработать где-нибудь на пропитание. В какой-то момент он остановился на одном из пустырей и стал мочиться. Во время этого дела его увидел старый турок и был потрясен величиной уда черногорца. Юноша тоже заметил старика, подошел к нему и спросил, не найдется ли у него какой-нибудь работенки. Турок посмотрел на него и заметил, что юноша недурен собой и хорошо сложен. И старик сказал, улыбнувшись:

— А зачем тебе работать, коли ты сам такой видный и у тебя такой замечательный инструмент!

— А какая мне польза от всего этого, ага?[1] — печально вздохнул черногорец.

— Слушай, что я тебе скажу. Видишь вон те дома с решетками на окнах. Так вот знай, где бы ты ни был, всё это гаремы, а в них — жены богатых господ. Ты подойди к такому окну и, как только увидишь, что там кто-то движется, вынь «его» и помочись, чтобы «его» могли рассмотреть. После этого все твои заботы исчезнут — деньги посыплются на тебя дождем. Хочешь этого?

— Еще бы не хотеть, дорогой ага! Ведь у меня ни гроша в кармане, и вчера я не ужинал, а сегодня не завтракал!

— Ладно, молодой человек, — продолжал турок. — Сделай всё, как я тебе сказал. А для начала вот тебе две меджи-

[1] Ага́ — богатый господин. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

дии, купи на них приличную одежду и подкрепись. Когда заработаешь деньги, мы их поделим. Встретимся после обеда на этом же месте.

Юноша с готовностью на всё согласился, взял у старика деньги, купил пристойное платье, поел и отправился на поиски. На одной укромной улочке он увидел, что из зарешеченного окна на него кто-то смотрит, и сразу же проделал то, чему был научен: достал «его» и начал мочиться. Как только он закончил, дверь дома распахнулась и на пороге появилась пожилая женщина, поманившая его к себе. Юноша приблизился, и незнакомка прошептала:

— Идем наверх. Тебя приглашает моя ханума!

Черногорец вошел во двор. Когда они поднялись на верхний этаж, женщина распахнула перед ним двери, и он очутился в роскошно убранной комнате. Перед ним на диване возлежала красавица в одной рубашке, через которую проглядывало ее белое тело. Они сразу же обо всем договорились, а поскольку свою работу он проделал с ней два-три раза, то и в награду получил несколько меджидий. После этого юноша ушел, пообещав вернуться на следующий день в то же время.

На условленном месте его уже поджидал турок.

— Ну, как? — спросил он парня. — Нашел что-нибудь?

— О да, нашел, — весело отвечал черногорец. — И всё было просто замечательно!

— А денежки за это получил?

— Получил! Да еще сколько! — Черногорец показал меджидии.

Они их пересчитали, на каждого пришлось по пять монет.

— А где всё это было? — спросил турок.

Черногорец подробно описал улочку и дом, и турок, к своему ужасу, понял, что черногорец был в его доме и забавлялся с его женой. Больше всего турка огорчило, что он сам дал черногорцу такой совет. И хотя во всем этом не было никакой вины парня, турок настолько осерчал, что готов был пришибить его, если бы мог.

— Собираешься ли ты пойти туда снова и когда? — спросил он.

Ни о чем не догадывающийся парень простодушно ответил, что сговорился с красавицей прийти на следующий день в то же время.

— Иди, иди, — сказал турок. — Пусть тебе повезет, а потом снова приходи сюда и расскажешь, как поразвлекся.

— Хорошо, ага. Я точно приду!

Черногорец снова явился к женщине в указанное время, и, как только лег с ней, в дверь громко постучал ее муж. Она быстро спрыгнула на пол, спрятала любовника между циновками, которые стоймя стояли в одном из углов, и после этого открыла мужу дверь. В комнату ворвался разъяренный турок с обнаженной саблей и, будучи уверен, что парень затаился где-то в спальне, потребовал от жены указать место, где спрятался ее любовник-черногорец. Женщина стала отпираться, мол, она в глаза не видела никакого черногорца. Однако турок не поверил ей и перевернул в доме всё вверх дном, однако напрасно — юноши нигде не было. Не найдя его, хозяин решил, что ошибся и что черногорец побывал в другом доме, схожим с его. Успокоившись на этом, он прекратил поиски и отправился в кофейню, где решил дождаться черногорца, чтобы дознаться, был ли тот у его жены или в каком-то другом месте.

Пока турок сидел в кофейне, его ханума вызволила юношу из циновок, и он несколько раз сделал то, ради чего пришел к ней. Она вознаградила его щедрее прежнего — не только за безупречную работу, но и за пережитый страх. Черногорец был втройне счастлив — он великолепно позабавился с красивой женщиной, получил за это деньги и остался жив, избежав опасности быть убитым.

Когда он встретился с турком на уговоренном месте, тот вначале обрадовался, увидев, что на сей раз его ученик заработал еще больше, чем вчера, однако пришел в уныние и тут же вспылил, услышав рассказ, как парня чуть не застукал муж и что черногорец чуть не погиб, не спрячь его ханума.

Старик окончательно уверился, что юноша не был ни в каком другом месте, а именно у его жены. Аге не давала покоя мысль, где баба могла спрятать любовника, если дом был безрезультатно обшарен.

— А куда тебя спрятала жена, когда нагрянул муж?

— Затолкала между циновок в углу спальни, — тут же выложил черногорец, и турок вспомнил, что он и в самом деле перевернул в доме всё, кроме этих циновок.

— Ну, хорошо, хорошо. Тебе действительно повезло. Не собираешься ли ты снова к этой женщине?

— Я обещал быть завтра.

— А разве ее муж не нагнал на тебя страха?

— А чего мне его бояться? Она меня снова спрячет. Так что куда ее мужу!

— Что ж, ладно. Удачи тебе! — пожелал старик, попрощался с черногорцем и удалился.

На следующий день парень действительно пришел к любвеобильной жене турка. Но, как только они стали обниматься, хозяин постучал в дверь, выкрикивая, чтобы жена тотчас же отворила. Женщина спрыгнула с постели, спрятала юношу под корыто и распахнула дверь.

Ревнивец ворвался с саблей наголо, подбежал к упомянутым циновкам и изрубил их в клочья, однако черногорца там не оказалось. Турок обыскал весь дом — парень как сквозь землю провалился! Устыдившись, что наделал столько шума и никого не нашел, турок снова ушел в кофейню в надежде, что юноша, возможно, и не был в этот день у его жены.

Когда они снова встретились на условленном месте, черногорец рассказал старику, что снова был у той же женщины, что ее муж снова приходил и искал его в циновках и по всему дому, но так и не обнаружил и злой-презлой ушел из дому. А гость в это время прятался под корытом и после ухода мужа продолжил миловаться с его ханумой. Напоследок парень добавил, что в этот раз женщина была благодарнее. Они поделили деньги, и турок снова спросил, не пропала ли у черногорца охота рисковать жизнью. Оказалось, что сорвиголова дал слово явиться снова.

Когда парень ушел, турок задумался. Он решил спалить дом — пусть пламя покарает изменницу-жену и ублажителя ее прекрасных чресл.

На следующий день черногорец, как обычно, пришел в дом турка и, как только заключил в объятия его жену, заметил, что весь дом охвачен пламенем. Он сразу догадался, что это дело рук ее ревнивого мужа. Однако и здесь умная женщина прибегла к хитрости. Она посадила черногорца в сундук и заперла замок на ключ, который спрятала у себя. Затем ханума стала взывать о помощи.

Турок, услышав со двора крики жены и вспомнив о красоте ее молодости, сжалился над ней и взобрался наверх по

лестнице, чтобы спасти свою ненаглядную. Но она не позволила ему вынести себя, а показала на сундук.

— Если хочешь спасти меня, спаси и то, что больше всего мне дорого, как женщине. Вынеси вон тот сундук, в котором все мои драгоценности, шелковые рубашки и лучшие наряды!

Турок уже несколько поостыл от ревности и стал сожалеть, что запалил собственный дом, нанеся себе огромный ущерб. Он был готов спасти из огня что угодно. Его жена спустилась по лестнице первой, а он вслед за ней с сундуком, в котором сидел черногорец. Когда они были уже внизу, жена снова послала мужа наверх, чтобы тот спас от пожара еще какие-нибудь пожитки. А пока старик суетился, она открыла замок на сундуке и выпустила любовника.

Ревнивец был уверен, что от парня остался один лишь пепел, и, чтобы окончательно в этом убедиться, решил сходить на привычное место их встреч. Каково же было его изумление, когда он обнаружил черногорца — живого, невредимого и без единой опалины!

— Ну и как тебе было у той женщины в этот раз?

— Я бы не сказал, что наилучшим образом. Я чуть было не лишился жизни!

— С чего это вдруг?

— Мужу вдруг втемяшилась в голову глупая затея поджечь свой дом. И сгорели бы живьем как его жена, так и я, не вынеси он меня из огня!

— Да неужели муж своими руками спас тебя?! Как такое могло случиться?

— Я спрятался в сундуке, и, когда он наконец собрался вызволять жену, она взмолилась, чтобы вначале он вынес из охваченного огнем дома сундук. Муж послушался ее и первo-наперво вытащил его вместе со мной. После этого жена выпустила меня, а потом дала денег не в пример больше, нежели за все разы. Вот они, давай поделимся!

— Слушай, сынок! Оставь все эти деньги себе, но обещай, что впредь ты уже больше никогда не пойдешь к этой женщине. Ты же видишь, что человек сжег из-за тебя свой родной дом. Было бы большим грехом побудить его совершить что-нибудь похуже. Ступай лучше своей дорогой, и, что заработаешь, пусть будет твоим. А со мной больше делиться не надо!

Черногорец согласился, тем паче что ему уже надоело попадать из одного переплета в другой. И он расстался со старым турком, не подозревая, сколько бед причинил ему, следуя его же советам.

Из Сербии.

Переписано с анонимной рукописи. Встречается в многочисленных редакциях. Здесь наиболее полная.

Примечание. В не менее подробной истории, очень похожей на эту редакцию, рассказанной во Вражогрнце, Сербия, крестьянином Стояном Зиричем, начало звучит следующим образом:[1]

«Черногорец бродил в поисках работы по Константинополю. Ремесла никакого он не знал и под мышкой носил только пилу, надеясь, что его позовут куда-нибудь на заготовку дров. За утлом одного дома он остановился, вытащил свой хуй, намереваясь посцать. А хуй у него был знатный, толстый, словно семенной огурец. Это чудо природы разглядели сверху турчанки и заспорили между собой:

— Ах, за такой хуй я бы не пожалела и нескольких меджидий! — мечтательно протянула одна.

— Дура, не только ты, но и я не поскупилась бы, да и каждая! — осадила ее вторая.

Черногорец ничего не заметил и не понял, но нужные выводы сделал турок, державший поблизости лавку. Он подозвал парня к себе...» и т. д.

В конце истории турок переносит сундук в дом напротив — ведь у него четыре дома, — и, пока он занимается тушением пожара, его жена и черногорец еще раз вволю отдаются друг другу.

93. История о жене паши́ и их слуге Иване

У паши́ был слуга по имени Иван. Иван имел огромный хуй. Как-то раз паша́ вышел в поле, чтобы проверить, чем там Иван занимается. Придя на место, он увидел, что тот меряет прутиком длину своего хуя. Заметив хозяина, слуга тут же отбросил прутик. Ничего не говоря, хозяин подобрал прутик и пошел домой. Войдя в дом, он вытащил его, повертел в руках и бросил с ухмылкой:

— Ай да озорник Иван! Ну и озорник!

---

[1] Далее в оригинале текст — на немецком языке.

Любопытная жена паши́ тут же пристала, что это за прутик и почему муж сказал об Иване «Ай да озорник!». Супруг ответил, что не может с ней поделиться, поскольку ему стыдно. Но жена не отстала от него, пока не узнала, чем слуга занимался в поле. Посмотрев на прут совсем другими глазами, жена немедля отправилась к знакомой знахарке и спросила, что надо сделать, чтобы Иван выеб ее, жену паши́. Та посоветовала пожаловаться мужу на плохое самочувствие. Вернувшись домой, баба притворилась хворой. Была приглашена та самая знахарка, которая и сообщила паше́, что в пизду его жены забралась мышка и, чтобы ее оттуда изгнать, необходим изрядный хуй. Паша́ лег на жену и стал ее ебать, но ничего не вылезало. Тогда паша́ позвал слугу Ивана и сказал, что даст хороший бакши́ш[1], если тот сможет изгнать мышь. Иван хорошенько проебал «больную», а когда закончил, знахарка, прятавшая в руке припасенную загодя мышь, выпустила ее. Мышь стала бегать по комнате, а хозяин дома закричал:

— А ну-ка марш отсюда, здесь Иван на страже!

Рассказал молодой болгарский садовник из придунайского села.

Примечание. В болгарской редакции, почти буквально совпадающей с приведенной, женщина сама притворяется больной и затем кличет знахарку. Финал истории: паша́ пытается поймать мышь, мечущуюся по спальне, но ему это не удается, и он кричит: «А ну-ка марш отсюда, Иван еще здесь!»

94. История о том, как один слуга пользовался хуем для взвешивания

У богача был слуга. Хозяин держал коров, и слуга каждый вечер занимался их дойкой. Надои молока слуга взвешивал хуем. Однажды за этим занятием его застала хозяйка и спросила, хорошо ли он взвешивает. Парень ответил, что даже очень хорошо. Тогда она попросила, чтобы он взвесил и ее. Слуга схватил ее и выеб, сказав, что она весит пятьдесят ок. Тогда хозяйка велела, чтобы отныне он взвешивал ее повсе-

[1] Бакши́ш (*перс.* bahşiş) — мзда; приношение, взятка; подарок.

дневно, поскольку желает знать, сколько пищи она съедает за день. И так слуга стал ебать свою хозяйку каждый день.

Рассказал болгарский поденщик из села близ Софии[, *Болгария*].

95. Ходжа и влашская [сербская] пизда

Жил-был ходжа, «мокрой портянкой по голове шлепнутый» – придурковатый и к тому же очень ревнивый. Однажды несколько посетителей кофейни не знали от безделья, чем заняться, и решили помериться величиной хуев. Для вящей точности они одолжили у ходжи чубук и насечками обозначили длину каждого хуя.

Когда ходжа вернулся домой, жена заметила насечки на чубуке и спросила:

– Что означают эти надрезы?

Вначале ходжа не хотел ей говорить, но жена изводила его вопросами, пока он не рассказал, чем мужики занимались в кофейне.

– А чей из них самый короткий?

– Увы, мой!

– О, знатное происхождение сразу видно! – И жена стала целовать то место на чубуке, где была обозначена длина хуя ходжи.

Ходже всё это было весьма приятно. Жена же продолжала разузнавать дальше:

– А чей вот этот, самый длинный?

– Ибрагима, что живет на окраине села!

– Уже по длине видно, что он осел, пес мать его!

Через некоторое время жена ходжи пошла к реке постирать платья. Ходжа взялся сопровождать ее. Когда ханума нагнулась к воде и начала стирать, ходжа заметил у нее сзади пизду.

– О боже, а чья это пизда у тебя сзади?

– Соседка-сербиянка пошла в церковь и сказала, что грех ходить туда с ней, и оставила ее у меня до своего возвращения. А знаешь что? Позови-ка ты Ибрагима, того, что живет на краю села, пусть он выебет влашскую [сербскую] пизду. Это такое благое дело!

Услышав это, ходжа поспешил что было сил к Ибрагиму, а тот примчался еще быстрее и приладился к бабе сзади. Ходжа обошел жену, стал смотреть на всё происходящее спереди и вдруг закричал:

– Осторожно, Ибро, ты только в мою не попади, а влашскую [сербскую] еби сколько влезет.

– Не беспокойся, ходжа, не беспокойся! – успокоил его Ибрагим, потакая желаниям всех троих сразу.

Рассказал серб из округа Мостара, Герцеговина.

Примечание. Ходжа доволен тем, что наконец-то может безнаказанно выместить свою ненависть к христианам, Ибрагим – тем, что за просто так имеет жену ходжи, та же счастлива от того, что заполучила его хуй.

96. «Мы хуи свои измеряли»

Мужик припозднился на базаре, а по возвращении домой услышал от жены:

– Где это, муженек, ты столь долго развлекался?

– Угомонись, дорогая. Я занимался важным делом!

– Это каким еще делом? – не отступала любопытная женщина.

– Мы хуи свои измеряли по указанию властей. Они желают знать, у кого самый большой.

– И у кого же?

– У нашего соседа Милована, – брякнул муж, и на этом любопытство его супруги иссякло.

Минуло уже немало времени после этой пленящей воображение беседы. И хотя жена обставляла всё так, будто ответ мужа ее устроил, про себя она решила во что бы то ни стало свидеться с этим хуем-исполином и при удобном случае хоть немного испытать его на себе. Ждать долго не пришлось – ее желание исполнилось.

Однажды муж с полной телегой зерна уехал на водяную мельницу, чтобы смолоть его на муку, а жена тем временем приготовила вкусную мамалыгу, вскипятила свежее молоко и пригласила соседа Милована подкрепиться.

Прежде чем они принялись за еду, женщина выдвинула условие: кто прольет на себя молоко, тот будет выебан. Стоило им сговориться об этом, как она тут же залилась молоком, и Милован, следуя уговору, немедля выеб ее.

Только он закончил свое дело и собрался отведать мамальши с молоком, как во дворе появился муж женщины. Оказалось, что на водяной мельнице скопилось много народа и очередь мужа подошла бы только через два дня. Поэтому, оставив зерно на мельнице, он воротился домой. Завидев в окно хозяина, жена быстро спрятала Милована в шерсть, которую до этого чесала в комнате.

Когда уставший муж вошел в дом, баба усадила его за стол, и он стал хлебать молоко. А маленький сынок, увидев это, закричал:

— Папка, папка! Смотри не пролей молоко, а то дядя Милован и тебя выебет, как мамку!

Затем малыш выболтал отцу всё, что видел. Опешивший муж вспомнил о своем промахе и окликнул соседа, который прятался в шерсти:

— Вылезай, друг, ты здесь ни при чем. Это моя вина, ведь этой шуткой я хотел всего лишь позабавить жену.

Рассказал сельский житель из округа Моравы близ [города] Алексинца[, Сербия]. Запись одного чиновника.

Примечание. Ср. № 358, 359. Об измене речь заходит только тогда, когда женщина отдается другому без предупреждения своего мужа и собственника. Тут же замешанным оказался сосед и хороший приятель Милован. Поэтому эта история, хотя и неприятна, но не влечет за собой последствий. Со временем Милованова благоверная может даже оказать своему соседу подобную же любовную услугу.

97. У кого что на уме

Лошади собрались, чтобы поучаствовать в бегах. К ним подошел осел.

— Вы зачем собрались? — спросил он.

— Чтобы помериться силами в беге и поглядеть, у кого самые лучшие ноги!

— Ха! — сказал осел. — А я-то решил, что вы надумали проверить, у кого самый длинный хуй!

Рассказал сельский учитель из округа Тимока, Сербия.

98. Слишком длинный хуй

Один парень собрался жениться, а в те времена существовал обычай, что юноша, созревший для брака, получал в подарок штаны. Мать этого парня купила двенадцать локтей ткани и из трех сшила ему штаны, а девять еще осталось. Согласно обычаю, жених, придя к суженой, должен заправить свою верхнюю одежду настолько, чтобы штаны были видны. В город этот парень отправился через лес, и вдруг ему приспичило посрать. Он снял штаны и повесил их на ветке. Посрав, он зашагал дальше в город, а штаны забыл в лесу. Придя к невесте, он немного приподнял верхнюю одежду и спросил:

— Ты что-нибудь видишь? (Имея в виду штаны.)

Она отвечала, что не видит. Тогда он задрал так высоко, что во всей красе предстал изрядный хуй. Жених снова спросил:

— А теперь видишь что-нибудь?

— Теперь-то вижу!

— Ага, видишь! И еще девять локтей лежат у меня дома! — похвастался молодой человек.

Дословно рассказал директор народного училища близ Загреба[1]*, Хорватия.*

Примечание. Рассказчик принадлежит к тому классу знатоков хорватского народа, из которого происходят бессмертные хорватские академики, изобретатели древнехорватских богов и неслыханных королевских династий. Они преклоняются перед якобы народными верованиями, однако на деле им совершенно чужды мысли и чувства, нравы и обычаи собственного народа.

Когда и где мог возникнуть у хорватов этот неслыханный обычай и как могли в народе носить то странное одеяние, о котором повествуется в истории? Мой собеседник был просто школьным прощелыгой, и, хотя он пересказал мне эту историю вполне добросовестно, она отнюдь не хорватская. Это немецкая, старая добрая немецкая история, перекочевавшая в числе многих к хорватам, пытающимся приписать ее происхождение себе. В подтверждение этому приведу имеющийся у меня ее немецкий вариант, записанный в 1840 году в Вене.

---

[1] В тексте — немецкое название столицы Хорватии: Аграм. Здесь и далее в переводе используется хорватское название.

Красный кафтан[1]. Один польский еврей, собравшись жениться, заказал себе новый кафтан, чтобы предстать в нем перед невестой из соседнего местечка. Когда он туда отправился, ему захотелось посрать. Опроставшись, он двинулся дальше, но забыл надеть штаны (носить которые у евреев не принято). Придя к невесте, жених стал щеголять перед ней в новой одежке и, когда она спросила, как кафтан выглядит изнутри, распахнул его и, сам того не замечая, явил ей свой хуй.

— Ах, какая прелесть! — сказала невеста.

— Вот то-то же, и еще полтора локтя у меня дома!

99. Почему у осла самый большой хуй

Когда Бог сотворил мир, он каждой живой твари даровал хуй и только ослу забыл его приделать. В связи с этим осел обратился к Нему с иском.

— Ничем не могу тебе помочь, — сказал Бог. — Уж лучше обойди всех животных и попроси у каждого по кусочку — вот и наберется тебе.

Пошел осел по белу свету и у встречавшихся ему на пути животных просил по кусочку, и каждое из них давало, сколько было не жалко. Наконец ему попался на пути петух, которого просьба осла вывела из себя.

— Бог и так дал мне его махонький, — прокукарекал петух. — А тут еще и с тобой надо делиться...

В сердцах петух оторвал всё, что имел, и вручил ослу. Вот почему у этой птицы нет и мелкого хуйка, а у осла — просто здоровенный.

Сообщил сельский учитель из округа Тимока, Сербия.

100. Игра с хуем

Хорватский окружной судья женился на немке. Однажды утром молодая жена вошла в спальню мужа и увидела, что их пятилетний сын играет с напрягшимся отцовским хуем. Глубоко возмущенная, она стала упрекать супруга в том, что он ввергает своего маленького сына в разврат. Муж

[1] Далее в оригинале текст — на немецком языке.

выслушал ее и со смехом ответил: «Дура, неужели я должен дать ему лезвие для бритья?»

Судья сам рассказал об этом эпизоде из своей супружеской жизни. Случай этот не имел для его судьбы пагубных последствий. Сам он сделал хорошую карьеру, сын же его, выросши, посвятил себя юриспруденции, но рано умер от сифилиса.

[*Из Хорватии.*]

101. Муде

Как-то шли два жителя Лики по городу и увидели в окне красивую белую девушку.

— Странно, однако, — обратился один к другому, — почему эта деваха такая белая, а мы такие смуглые?

— Видишь ли, братец, это потому, что мы всё время на солнце, а она — в тени.

— Тем более странно. Вон мои муде никогда не бывают на солнце, но они у меня почему-то темные.

Рассказал лесник из Кутево, Славония[, *совр. Хорватия*].

102. Почему лошадь никогда не бывает сытой, или Почему турки не едят свинину

Евреи рыскали в поисках Иисуса Христа, а он от них убегал. Однажды он спрятался в конских яслях и прикрылся сеном. Лошади съели это сено, и он оказался голым. После этого Иисус проклял их, сказав: «Пусть их еда никогда не будет сытной, кроме как за час до полудня в Георгиев день!»

И Иисус продолжил странствие. Когда его снова окружили, свинья выкопала для него яму. Христос укрылся в ней, а свинья присыпала его землей. Преследователи не нашли его. Тогда он благословил свинью следующими словами: «Будь благословенна. Кто когда-нибудь верил в Христа, тот и плоть его ел!»

С той поры люди стали есть свиней. Увидели это турки и тоже стали употреблять их в пищу. Христиане пожалели об этом, наверное, потому, что мясо было дорогим, и сказали туркам, что они [турки] вскормлены свиньей, а поэтому им

нельзя есть свинину. Но турки настаивали на том, что ее можно есть, поскольку в этом мясе содержится часть их самих. По этому поводу они повздорили между собой и обратились в суд. Суд присудил отвести свинью к церкви и мечети. Ту часть тела, которой свинья почешется о церковь, пусть едят христиане, а ту, которой она почешется о мечеть, пусть едят турки. О церковь свинья почесалась своей правой лопаткой, поэтому христиане запекают к Рождеству правую свиную лопатку. Это был хряк, и о мечеть он почесал свои муде. После этого турки сказали: «Раз уж от свиньи нам остались одни муде, то и свинину мы есть не будем!»

Именно поэтому они не едят свинины.

Рассказал крестьянин из боснийской местности на реке Саве[, Босния].

Примечание. У сербов широко распространено старое арабо-турецкое сказание о происхождении пророка Мухаммада от свиньи. Несколько редакций этого сказания опубликовал Тихомир Р. Джорджевич (Tihomir R. Gjorgjević)[1] в своем фольклорном сборнике «Karadžić» (см.: Караџић 1899–1903). Поскольку всех мусульман сербы называют за глаза «турками», а турок, в свою очередь, – «мухаммедянами» («muhamedovci»), получается, что мусульмане естественным образом произошли от свиньи. В основе этого сказания лежат тотемические воззрения доисламской поры, при всех своих различиях свойственные человеческому роду.

103. История о том, как одно уповало на другое

Жил на белом свете мужик. Хотя он был еще не стар, с отменным здоровьем и молодой и красивой женой, детей у них почему-то не было. Тут нагрянула война, и его призвали в армию. В одном из боев мужик получил опасное ране-

---

[1] Ђо́рђевић, Тихоми́р Р. (Đorđević, Tihomir R.; 1868–1944) – этнолог, фольклорист, профессор философского факультета в Белграде, академик. См. о нем: Споменица посвећена стогодишњици рођења Тихомира Ђорђевића / уредник академик Вукић М. Мићовић, секретар Српска академије наука и уметности. Београд, 1971. 65, [1] с. (Српска Академија наука и уметности. Посебна издања; књига CDXLV. Споменица. књига 51). На с. 31–65: Библиографија радова Тихомира Р. Ђорђевића (№ 1–720 назв.).

ние: осколком снаряда ему оторвало одно яйцо. В госпитале ему кое-как зашили мошонку и стали его лечить. Мужик, будучи крепким от природы и волевым человеком, оправился и по окончании войны вернулся домой с одним яйцом. Через некоторое время жена родила ему сына. Односельчане знали, что на войне он лишился яйца, и спросили, как это возможно, что с двумя яйцами он не мог сделать ребенка, а теперь, только с одним, ребенок у него вышел, да еще и мужского пола. «Видите ли, никакого особенного чуда в этом нет, — отвечал мужик. — Пока было два яйца, одно из них уповало на другое, когда надо было делать ребенка, а сейчас, когда осталось только одно яйцо и полагаться уже не на кого, оно вынуждено само стараться изо всех сил!»

Из Сербии.

104. История о том, как мужик оба муде потерял

На пути мужа и жены встретилась речка. Жена села на землю и стала разуваться, чтоб перейти речку вброд. А мужу не очень-то хотелось мочить ноги, и он решил жену подначить, чтобы она его перенесла.

— Видишь ли, дорогуша, — сказал он, — мне нельзя ходить вброд через реку!

— Это почему же?

— Всякий раз, когда я захожу в воду, у меня стынут муде, и послѝ я уже не могу ебать!

— Это правда?

— Сущая правда. Стал бы я тебе врать!

— Ладно, тогда не ходи вброд, — сказала жена. — Давай я тебя перенесу!

Она посадила его к себе на спину и пошла через речку. А муж всё никак не мог успокоиться и решил потешиться над женой. Для этого он взял с собой два камушка. Когда жена, неся его на спине, уже отошла от берега, он бросил один камушек в воду.

— Что это было? — вздрогнула жена.

— Да это у меня одно муде выпало!

— Ничего не поделаешь, ты теперь хоть второе побереги!

Когда она дошла до самого глубокого места, муж бросил второй камешек. Услышав всплеск, жена спросила:

— А сейчас что было?

— Это выпало мое второе!

— А зачем ты мне сдался без мудей? — сказала она и скинула мужа в воду.

Рассказал крестьянин из Вране, Сербия.

105. История о том, как в гостях у родителей жены зять оседлал бочку

Зять пришел в гости к тестю и теще один, его жена как раз прихворнула. Когда домочадцы сели у очага, зятю самым удобным показалось место на бочке. Затычка от отверстия в ней куда-то затерялась, и оно оставалось не заткнутым. А у зятя под ширинкой были прорваны штаны, и, когда он подсел к огню, его муде взопрели и вывалились через дырку штанов, угодив самый раз в отверстие в бочке. Парень елозил туда-сюда, пытаясь вытянуть муде из бочки, однако попытки оставались напрасными. От этих движений муде еще больше отекли, и протащить их в отверстие никак не удавалось.

Наступило время ужинать, и гостя, разумеется, пригласили к столу. Он не мог встать с бочки и в то же время стеснялся объяснить хозяевам дома, что с ним приключилось. Поэтому он стал корчиться, симулируя боли в животе. Они приглашали его прилечь, чтобы ему полегчало, но он продолжал сидеть верхом на бочке и говорил, что ему так легче. Наконец мудям стало настолько больно, что он, не в силах больше терпеть и забыв о стыде, рассказал хозяевам о причине своих страданий.

Братья жены повскакивали с мест, принесли топор и посбивали с бочки все обручи, но доска с отверстием прилипла к заднице зятя, и он никак не мог вызволить свое хозяйство. Сконфузившись, зять не отваживался посмотреть в глаза родственникам жены. Он бросился к двери и с прилипшей доской припустил домой.

Долгое время он стеснялся появляться в доме тестя и тещи, но однажды жена пристала к нему с просьбой навестить ее родню, и он с тяжелым сердцем поддался ее угово-

рам. Подойдя к дому тестя, он остановился у одного из окон и стал прислушиваться, говорят ли о его позоре или уже обо всем думать забыли. В это время вдруг раздался голос тещи:

— Что-то давненько зять к нам не заглядывал.

— Ага! Мои глаза не видели его с тех пор, как он унес на своих мудях доску от бочки! — сказал тесть.

Когда зять услышал, что его позор на слуху, он вернулся домой и больше никогда не отваживался гостить у тестя с тещей.

Из Сербии.

Примечание. Постыдность произошедшего не в том, что зятю пришлось обнажить зад — в крестьянской среде, женской и мужской, подобное зрелище отнюдь не сенсация, а в том, что он пришел в гости с дырявыми штанами, не посовестился засунуть мошонку в винную бочку и под конец еще ломал комедию. Столь бесстыжее поведение даже в рамках простонародных обычаев считается недопустимым и заслуживающим презрения.

106. Монах с грыжей

Житель Синя, ссорясь с монахом, в гневе заорал на него:

— Заткнись, грыжевый грыженоситель! (Muči, kilavi kilavče!)

— Не думал, — отвечал монах, — что твоя жена столь быстро тебя об этом просветила!

Сообщил далматинец из Синя, Далмация.

Примечание. В Сине есть старый францисканский монастырь, монахи которого — славные, порядочные и притом бедные люди — преподают в местной гимназии. В этой болотистой, неплодородной местности они в хорошем смысле слова — носители культуры.

Глава VII

О ЖЕНСКИХ ПОЛОВЫХ ОРГАНАХ

107. Пизда как карман

Старым, проебанным бабам пизда служит карманом или, точнее, тайником для сокрытия ценных и, как правило, украденных вещей небольшого размера. Рыночные воровки — а в Хорватии воровство не влечет за собой позора, а скорее почитается за добродетель, даже за право и долг, — часто используют пизду как тайник. Торговец тканями с рынка в Ку́тине, недалеко от Аграма, поймал однажды хорватскую крестьянку, когда она пыталась умыкнуть его дневную выручку. Как безумный, он накинулся на нее, она же разразилась стенаниями и поклялась, что не прикасалась к деньгам. Вокруг собрались бродячие словацкие торговцы-разносчики с ломами, готовые поквитаться с каждым хорватом, который вознамерится вызволить воровку. Тем временем появились па́ндуры (полицейские) и отвели крестьянку в полицейский комиссариат. Комиссар («stražmeštar») заставил ее снять одежду, но в складках ничего не нашли. Тогда один пандур ловко прихватил крестьянку между ног и вытащил из ее пизды пачку свалявшихся банкнот.

Самойло, сын Хашла Угарака из Вилич-Села, рассказал мне совершенно невероятную историю о том, как на рынке — место я не могу с точностью припомнить — погнались однажды за воровкой, настигли ее уже в лесу и из ее пизды извлекли фунт красной пряжи.

В фольклорных текстах часто встречается уподобление видавшей виды пизды старой шляпе, что должно подчерк-

нуть не только величину, но и поношенность головного убора (телесного органа).

[*Из Хорватии.*]

108. Пизда

«Пизда есть всё на свете — не будь ее, не было бы и самого́ света», — так говорит народ. «Моя пизда — соколиха, кому хотела, тому дала, никого не испугалась!»

Самое большое для нее оскорбление: «Посыпь ее пеплом!» («Naspi je pepelom!») или «Посоли ее!» («Posoli je!»)

Рассказал один далматинец.

109. «Да здравствуют наши пиздушки, развеселые шалуньи!»

Как-то был устроен многолюдный пир. Следуя существующей традиции, стол для мужчин и стол для женщин были накрыты рядом. Когда участники пиршества уже хорошенько выпили и стали оглашать один за другим тосты, поднялся один из гостей и произнес следующий тост:

— Этот бокал я поднимаю за здоровье наших хуев, наших героев! Да здравствуют наши замечательные хуи, наши замечательные герои!

Тогда из-за соседнего стола поднялась женщина и произнесла следующий тост:

— Этот бокал я поднимаю за здоровье наших прекрасных пизду́шек, наших развеселых шалуний! Пусть Бог даст им побольше здоровья и долгих лет жизни! Что ваши хуи по сравнению с нашими пиздушками, нашими веселыми шалуньями? Ваши хуи — тру́сы. Взять хотя бы их хваленый героизм, когда они бросаются на наши пиздушки. Этот бог весть какой герой спустя рукава подбирается к нашей пиздушке-игрунье. Она для него вся распахнется, а он в нее входит тенью, словно его и нет. Когда он видит, что от него хотят и в какое дурацкое положение попал, он тотчас начинает плеваться и, поникнув от всего этого срама, убирается восвояси! Так да здравствуют наши пиздушки, развеселые шалуньи!

Сообщил крестьянин Симо Перич из села близ Жепче[, *Босния*].

Примечание. Целый ряд подобных тостов будет опубликован в планируемой второй части нашего собрания[1]. Вышеприведенное изречение – лишь первый образец.

То, что женщинам, пусть и за отдельным столом, позволяется сидеть вместе с мужчинами – смелое новшество, еще только утверждающееся на свадебных торжествах.

110. Прелести красивой девушки

Некий человек, сидя на сене у костра, сказал, что, судя по прочитанному им в книгах, каждую девушку можно мысленно поделить на две части: от талии вниз, где всё срамное, и от талии вверх, где всё настолько прекрасное, что соблазняет мужчину отправиться с ней под венец.

После этого один из парней предложил:

– Ребята, а теперь пусть каждый скажет как на духу, что он предпочитает у девушки от талии вверх.

– Я предпочитаю три белые вещи, – сказал один, – шею, зубы и лицо.

– А меня, – заявил второй, – привлекают три черные вещи: глаза, локоны и брови.

– А мой взгляд, – вступил третий, – ловит три красные вещи: губы, щеки и язык.

Четвертый был не меньшим оригиналом:

– Не могу без трех гибких вещей: бюста, рук и плечей.

Пятый почесал голову и, пожав плечами, произнес:

– А мне ничего не остается, как поторопиться в нижнее село на гулянку, чтобы быть первым из ухажеров!

Из Илока, [*комитат*] *Сирмия*[, *совр. Хорватия*].

Примечание. Эта история городская и, вероятно, немецкого происхождения. Прообраз ее можно найти у [Г.-Э.] Лессинга [1729–1781]. О том, каким образом в народе судят об особенностях женской красоты, свидетельствуют примеры из первой главы [I. Von der Frauen mannigfaltigen Schönheit. S. 1–34: [39] Ill., Phot] моей книги: «Прогулки в царстве женской красоты» (см.: Krauss 1903a).

[1] Оригинальное название части 1 данного собрания: «Erzählungen» [«Рассказы»].

111. Откуда у мужчин хуй, а у женщин — пизда

У первого мужчины и первой женщины, сотворенных Богом, не было половых отличий. А когда первые люди согрешили, вкусив запретный плод, то попросили Бога, чтобы он очистил их от этого греха. Бог очистил их таким образом, что разрезал им животы и удалил из их кишок то, что они съели.

Когда кишки были очищены, надо было зашить зияющее отверстие, и Бог дал Адаму и Еве — именно они были первыми людьми — по одному грошу, чтобы они купили на него ниток для шитья.

Адам и Ева сделали то, что им велел Господь, но Ева приобрела ниток не на грош, а на полгроша, а вторую половину истратила на ра́кию[1], поскольку была горькой пьяницей.

Когда они закончили зашивание живота, каждый своими нитками, то у Адама еще остался кусок нитки, на котором висела иголка, а у Евы не хватило на весь разрез и снизу у нее зияла открытая дыра.

Узнав о пристрастии Евы к питию, Бог наказал ее, оставив дыру в ее теле, а Адама благословил и остаток нитки превратил в хуй.

Вот откуда взялись у мужчин хуй, а у женщин — пизда.

Рассказал землевладелец из Алексинца, Сербия.

112. Почему у женщины внизу открыто

В старые времена у людей спереди было отверстие в два пальца. Богу не нравилось, что они ходят с этими дырками. Поэтому он дал один грош Адаму и столько же — Еве, чтобы они купили каждый по ремню и пришили его спереди. Будучи честным, Адам купил ремень на один грош, а Ева — на тридцать геллеров, а на остальные — конфет. Адам пришил ремень к дырке, и у него остался еще кусок, который свисал. Ремень, приобретенный Евой за тридцать геллеров, оказался

[1] Ра́кия — сливовая водка. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

коротким, и часть отверстия у нее оказалась открытой. Поэтому у каждого мужчины внизу свисает, а у женщины — открыто.

Рассказал [болгарский] крестьянин из [Восточной] Румелии.

113. История о том, как бабы пиздушку кроили

Собрались однажды бабы, стали кроить пиздушку и смастерили ее в виде яблока. Затем одна из них предложила:

— Давайте прикрепим ее ко лбу!

— Да ты что! — строго сказала вторая. — Это некрасиво, и на этом месте она всегда будет подвержена ударам, лучше укрепим ее на груди!

— Боже упаси! — замахала руками третья. — Там ей тоже несладко будет — всегда на ветру. Уж лучше схоронить ее под мышкой.

И они спрятали ее под мышкой, где она, чем черт не шутит, сидела бы и посейчас, не заявись еще одна баба, которая раскричалась, что пизде здесь не место и что ею в самый раз украшать колено. А потом приперлась новая советчица. Последнее место ей сразу не приглянулось, и она потребовала приладить пизду между ног. Мол, здесь ей вольготнее всего будет — ни тебе ветра, ни напастей всяких. На том и порешили. Там она находится и по сей день.

Когда бабы прикрепили пизду к обговоренному месту, пришел мастер-плотник и попросил, чтобы они разрешили ему доделать ее. Он достал топорик и рассек пизду пополам. Потом пришел индюк, который сказал, что всё хорошо, но ей не хватает стражи. Оторвав кусок мясистого подбородка, он сделал из него секель и приспособил его поверх ее для охраны. Наконец пришел медведь и тоже сказал, что всё хорошо, но пизде может быть холодно, поэтому надо скроить ей одежку. Косолапый выщипал у себя на лбу самые тонкие волоски и утыкал ими верх, или лобок.

А потом появился хуй. Он заглянул в пизду, отчего у него закружилась голова, и прямо головой ухнул в пизду, где ему и вовсе стало дурно. Он сблевал, и бабы вызволили его, поникшего, из пизды. Та же история повторяется и в наше время:

достаточно хую приблизиться к пизде, как он тут же теряет сознание, падает в нее головой и блюет до полной потери сил.

Рассказал крестьянин Петар Перкович из села близ Зе́ницы, Босния.

114. Пизда и хуй

Пизда пригласила хуя прогуляться за ежевикой. Хуй откликнулся из-за сливы, переспросив пизду: «Ты мне что-то сказала?» («Što ti ono meni reče?»)

Обычно в народе это выражение используют по отношению к тому, кто не в состоянии с ходу ответить на заданный вопрос.

Записано в селе близ Жепче.
Широко известно в Боснии.

115. Пиздино дно

Две женщины стирали белье и поссорились, после чего одна рявкнула на другую:

— Заткнись, блядь, не то вот этим вальком расколошмачу тебе пиздино дно!

Сказанное услышал стоявший невдалеке жандарм и позже поинтересовался у молодухи, где находится пиздино дно, которое она собиралась расколотить.

— А вот где! — Баба похлопала себя по маковке головы.

— Стало быть, пизда не имеет дна, раз оно в голове?

— Да, господин, не имеет!

Рассказано жандарм во Власеница, Босния.

Примечание. Крестьянка была убеждена, что ее разделенная мошна («Scheidensack») заканчивается внутри черепа. Сербское слово «dno» имеет два значения («дно» и «край, конец») и на немецкий переводится как «Grund» («дно»), «Ende» (конец»), с чем связано представление о некоем твердом препятствии. Поскольку таковое отсутствует, то пизда, согласно пословице, приведенной в конце нашего «Предисловия»[1], не имеет дна [«Всё имеет дно, а пизда не имеет» («Sve ima dno a pizda nema»)], равно как и хуй [не имеет] конца («Ende», «kraj»), о чем поется в хороводной песне.

[1] См. в наст. изд. «Предисловие» Ф.-С. Краусса.

116. История о том, как секелек, хуек и яйца ходили за хворостом

Однажды секелек, хуек и яйца отправились за хворостом. Секелек первым набрал веток, забросил их на закорки и собрался идти домой, а яйца ему говорят:

— Секелек, ты уже готов?

— Конечно, я же не такой лентяй, как вы. Вот и иду домой, чтобы там увидели, какой я спорый!

Хуек и яйца попросили секелька не уходить и обождать, пока они не соберут свои вязанки, чтобы двинуть обратно всей компанией. Но его это не устроило, и он покинул их.

Когда яйца насобирали вдоволь дров, они мало-помалу стали скатываться вниз и на полдороге нашли поскользнувшегося секелька. Он никак не мог подняться и стал просить яйца о помощи.

— Так тебе и надо! — отвечали яйца. — Ведь мы же говорили, что возвращаться лучше компанией, но ты поторопился, чтобы всем показать свою сноровку. Тебя мы подымать не будем!

И яйца покатились дальше, а секелек пригрозил, что еще отомстит им за это.

Через некоторое время подоспел отставший хуек и наткнулся на секелька всё в том же положении. Секелек попросил помочь ему встать на ноги. Хуек мигом подбежал и дал подняться.

— Спасибо, дорогой хуек. Отныне ты и я навек друзья. Мой дом всегда открыт для тебя. Приходи, когда захочешь, без стука. Об одном прошу: перед тем как войти, кепку оставь снаружи, а то в доме нет гвоздя. Ну а яйца пусть стучатся на моем пороге сколько угодно, но им у меня не бывать никогда!

Вот и сейчас случается, что хуек ходит в гости к секельку без стука, а яйца подойдут к двери, постучат-постучат, потопчутся на пороге, однако напрасно — секелек ни за что не откроет им дверь.

Рассказал крестьянин Петар Перкович из села близ Зе́ницы, Босния.

117. Черт и его жена

Однажды черт отправился с женой в путешествие по миру. Чтобы их никто не узнал, черт обернулся мышью, а его жена — жабой. Вечером они зашли в трактир и решили там переночевать. Мышь и жаба незаметно проникли на кухню, где в это время мараковала красивая и добросердечная повариха. Девушка замечталась, и у нее подгорело жаркое.

— Ах! — закричал хозяин. — Что ты наделала! Будто в тебя черти вселились!

— О, это хорошо, — сказал черт жене. — Здесь-то мы и заночуем.

— А где именно?

— Поскольку ты жаба, то залезешь в пизду, где мокро, а я заберусь в жопу, где сухо!

Так они и сделали. Утром жена спрашивает черта:

— Ну, как тебе спалось, мой сладенький муженек?

— Плохо, женушка, плохо! — пропищала ей мышь на полном серьезе. — Когда я уснул, мне приснилась какая-то жаркая страна, и на меня подули ветры с запахами. А когда проснулся, то увидел, что сквозняком тянет в моей комнате, причем всё сильнее и сильнее и подхватывает меня и носит по комнате. И хотя бы дуло чем-то пахучим, а то ведь вонючим! Тьфу! До сих пор ощущаю этот мерзкий смрад в носу! Ну, а ты как почивала, дорогуша?

— Да не лучше твоего! Только я уснула, как вдруг какой-то пьянчужка затолкал в мою квартиру большой и толстый болт. После этого он стал гонять меня туда-сюда и нещадно колотить, чуть мне ребра не переломал. Я от него убегала, а он догонял и колошматил меня еще пуще. Теперь вот печенка болит. И, измочалив меня окончательно, этот идиот, вместо того чтобы убираться домой, стал на меня блевать. Креста на нем нет! И всё это повторялось три раза до самого утра. Ох-хо-хо, после этого я вся полумертвая!

— Ай-ай! — Черт схватился за голову. — Бежим поскорее из этого дома и впредь заречемся залезать между ног. Там даже чертям нет покоя!

Рассказал хорватский священник с Верхней боснийской границы[, *Хорватия*].

118. Жаба, мышь и блоха у крестьянки

Однажды судьба свела на одной дороге жабу, мышь и блоху. По слухам, они совершали паломничество к Каабе. Ночь застала их в одном селе, и им пришлось заняться поисками места для ночлега. Наконец они попали в дом одной крестьянки. Она как раз спала у очага.

— Я заберусь к ней в срамные волосы, — сказала блоха. — Там мне будет тепло и уютно!

— А я залезу к ней в пизду, — подхватила жаба. — Там мокро, тепло и уютно!

— Мой Аллах, — пропищала мышь, — тогда я отправлюсь к ней в жопу. Мне там будет хорошо: кошки бояться не надо, а потому отдых безопасный!

На этом они и расстались. В полночь к крестьянке ввалился подвыпивший мужик. Он задрал ей ноги и стал, как говорится, толочь перец. А поскольку мужик был в подпитии, то не мог кончить сразу и всё тянул и тянул с этим делом, будто трубку курил.

На рассвете паломницы собрались в путь. У всех троих подкашивались ноги.

— Ну как ты провела ночь в своей гостинице? — обратилась жаба к блохе.

— И не спрашивай! Только я расположилась отдохнуть, как на меня вдруг обрушилась поросшая мхом скала! Чуть не задавила!

— Ну, это еще ничего, — вступила в разговор мышь. — А я всю ночь не могла уснуть от жуткого страха. Пришел кто-то и давай двумя молотами биться в дверь. Еще хорошо, что дверь оказалась прочной. А ведь он мог и внутрь вломиться! (Речь о мудях.)

Слово взяла жаба:

— Ну, мои дорогие! Всё это пустяки в сравнении с тем, что пережила я! В полночь заявился кто-то с колом и стал меня гонять из угла в угол, а напоследок всю меня оплевал!

Рассказал крестьянин Джойко Пелемиш из села Осмака, Босния.

119. Жаба, блоха и мышь у графини

Когда-то давным-давно вместе путешествовали жаба, блоха и мышь. На пути они повстречали графиню. Жаба, любившая всё сырое, решила скоротать ночь у нее в пизде, мышь, обожавшая норы, полезла в жопу, а блоха схоронилась в срамных волосах.

В полночь кто-то пришел к графине и стал ее ебать. Его яйца истово стучали по ее жопе.

Утром все три путешественницы проснулись с намерением отправиться дальше, но прежде решили поделиться друг с другом — кто как провел ночь.

— На меня свалился какой-то великан и придавил так, что я едва жива осталась, — поделилась ощущениями блоха.

— А ко мне заявился какой-то тип в красной шапке, — доложила жаба, — загнал меня в дальний угол комнаты, отрезав все пути назад, и так меня оплевал, так оплевал!..

— Я тоже плохо спала, — взгрустнула мышь. — Ко мне всю ночь кто-то стучал в дверь, но я его не впустила!

Рассказал лесник в Кутьево, Славония.

120. Жаба и мышь

Жаба и мышь отправились посмотреть дальние края. Близилась ночь, и, завернув в ближайшее село, они зашли в какой-то дом. Там они попросили хозяйку приютить их на ночь. Женщина разрешила им остаться, после чего жаба забралась к ней в пиздушку, а мышь — в жопу. Тем временем домой вернулся хозяин и уже по привычке начал забавляться с супругой.

Наутро жаба и мышь встретились и перекинулись парой слов, как они спали.

— Боже мой, — сказала жаба, — я спала ужасно. Сначала появился кто-то с палкой и стал ею тыкать мне в ребра, сломал два из них, а когда я хотела его выгнать, он меня всю оплевал!

— А ко мне кто-то ломился в дверь. Но я ему не открыла! — заявила отважная мышь.

Записано одним хорватским управляющим имением из окрестностей Осиека[, Славония].

Примечание. Я намеренно привожу здесь четыре варианта этой истории, излюбленной у южных славян, но хорошо известной также по всей Европе, чтобы читатель мог сравнить, как один и тот же сюжет различным образом преподносится представителями разных социальных слоев. Следует заметить, что пизда повсеместно соотносится с «жабой», а задний проход — с «мышью» («miš»), однако с достаточной регулярностью хуй оказывается связанным то с «мышью», то с «крысой» («štakor», «pacov»). На этой игре слов основан ряд коллизий следующей истории.

121. Влажная квартира

Некий господин квартировал у женщины, с которой он находился в недозволенных отношениях, то есть он ее поебывал. По сему поводу любовник не платил ей ни за квартиру, ни за что-либо другое. Но через некоторое время он подыскал себе девушку помоложе и съехал с квартиры, так ничего и не заплатив. Брошенная любовница, оскорбленная в лучших чувствах, подала в суд жалобу, мол, постоялец не рассчитался с ней за проживание.

Мужчину пригласили в суд, где спросили, почему он не оплатил хозяйке постой.

— Квартира старая, очень просторная и влажная, вот я и не заплатил!

— Если квартира старая, — вскипела истица, — не надо было в нее вселяться. Если она просторная, то только потому, что у него мало мебели. Ну, а влажная, так ведь он там часто плевал и блевал! (Под «квартирой» здесь подразумевается пизда, «старая квартира» — это старая пизда, «просторная квартира» — широкая пизда, «влажная квартира» — влажная пизда, «мало мебели» — маленький хуй, «блевал» — кончал.)

Чью сторону примет суд?

Рассказал учитель народного училища из села близ Ягодины[, *Славония*].

Примечание. Эта история западноевропейского и притом городского происхождения. Для сербского крестьянина она — полнейшая несуразность. Если он селится у одинокой женщины, то само собой разумеется, что пользуется всеми ее услугами и ничего не платит. Хорват тем более снимает жилье с намерением ничего не платить. Если же представится возможность, он ограбит хозяина или испортит его имущество, лишь бы утолить свою страсть к жестокости и разрушению.

122. История о том, что не поделили между собой дыра жопы и пизда

Как-то раз бабьи дыра жопы и пизда затеяли тяжбу из-за места, что находится между ними посередке.

— Это место мое. Я его унавоживаю! — заявила дыра жопы.

— А вот и нет! — возмутилась пизда. — Это мое место. Я его орошаю водой!

И так они долго не могли помириться. Дело дошло до суда, и они обратились к хую, чтобы тот рассудил их. Когда дыра жопы и пизда объяснили суть жалобы, хуй сказал:

— Это место не твое и не твое, а мудей. Когда я иду в гости к пизде, то муде всегда оставляю между вами посередке!

Рассказал болгарский садовник из восточной Македонии.

123. «В нашем роду у всех такие широкие!»

Как-то женился один пожилой человек, не уверенный в своей потенции, а потому на всякий случай положивший под брачную постель бутыль хорошего старого красного вина.

По завершении свадьбы, когда все гости разошлись, жених и невеста легли в постель. Дом этот принадлежал бедной семье, а потому в нем была всего одна комната, в которой спали не только молодожены, но и их теща.

Мужик почувствовал, что ему не хватает сил для постельных дел, и решил подкрепиться вином. В темноте он пошарил под кроватью, но нашел там пустую бутыль.

— Ага! — воскликнул он. — Здесь уже кто-то побывал!

Теща, лежавшая в своей кровати, услышала сказанное зятем, и подумала, что, приступив к супружеским обязанностям и обнаружив, что у невесты «она» широка, он решил, что молодая не девственница. Теща испугалась и, желая зятя разуверить, стала его успокаивать:

— Да что ты, зятек! Там еще никто не бывал! Просто в нашем роду у всех такие широкие!

Городской анекдот, из Сербии.

Примечание. Эта история не соответствует сербским обычаям и, должно быть, европейского происхождения.

124. Хороший ответ

Парень лежал на берегу реки Тимок в траве. Заросли были настолько высокими, что скрывали его со всех сторон. В это время с другого берега какая-то девушка переходила реку вброд в направлении парня. Река становилась всё глубже, и девушка всё выше и выше поднимала рубашку, пока вода не намочила ее «прелесть». Юноша наблюдал за всем этим, а когда девушка вышла на берег и опустила рубашку, окликнул ее из травы:

— А «она-то» напилась? Вдоволь ли «она» напилась?

Девушка вздрогнула от неожиданности. Ей стало неловко, что кто-то увидел ее обнаженной, но потом она быстро пришла в себя и ответила:

— Ах, братишка, если бы ты завтракал тем, чем она ужинала, то выдул бы весь Тимок и еще пил бы и пил!

Из Сербии.

Примечание. В ответе кроется изощренно грубое ругательство: «Если бы ты на завтрак отсосал своим поганым ртом столько хуев, сколько их в моей пизде побывало за ужином...» и т. д. Девушка, таким образом, опускает парня до мерзкого исполнителя роли пассивного партнера [«Dulder»] и, кроме того, приравнивает его рот к своей пизде! Своими ответами эта девушка могла бы внести ценный вклад в антропофитею;[1] между тем о ее испорченности свидетельствует ее реакция на реплику нахала, который осмелился подглядывать за ее наготой и насмехаться над ее половыми органами. Крайняя, по нашим понятиям, распущенность в половых нравах или по меньшей мере извращенное о них представление вполне совместимы у южных славян с целомудренной стыдливостью в поведении.

125. История о том, как он, когда ее еб, сказал: «Открой рот!»

Парень волочился за девушкой, а она не позволяла даже прикоснуться к ней. Вот он и подумал: «Мой Аллах, ведь эта девушка девственница. Значит, я женюсь на ней!» — а потому заслал к ее отцу сватов.

---

[1] См. в наст. изд. «Предисловие» Ф.-С. Краусса.

Когда в первую брачную ночь он стал ее ебать, то ощутил, что пизда у девушки довольно широкая. Впрочем, и до этого он слышал о ней нелестные отзывы. И он пошел на хитрость. Задрав ее ноги на свои плечи, скрутив, как теленка и хорошенько засадив, он сказал:

— А ну-ка, открой рот!

— А зачем?

— Чтобы понять, не выглянул ли у тебя хуй изо рта!

— Да их там уже столько перебывало, и ни один еще изо рта не выглядывал!

Рассказал крестьянин из окрестностей Яничей, Босния.

Примечание. Насколько верным в своей основе является то, что романтическая любовь коренится в половом влечении, настолько же неправильным представляется общераспространенное воззрение, согласно которому как женщины, так и мужчины сводят удовлетворение полового влечения к эстетически развитой романтической любви. Женщина охотно отдается всякому, от кого она ожидает хорошего оргазма и кто далеко не всегда соответствует объекту ее любовных мечтаний или образу будущего супруга. В нашей истории девушка благосклонна к мужу только в силу того, что отныне она — на его пожизненном иждивении, что она и дает ему понять в первую же брачную ночь.

126. История о том, как из одного дома чуть не вынесли два гроба

Черногорец отправился со снохой на речку ловить раков. Мужику повезло — вскоре он поймал большого рака, а чтобы и впредь удача не покидала его, стал ворожить:

— Сколько волосинок [на бороде], столько и раков [в руке]! (Koliko dlaka toliko raka!) — повторил он несколько раз.

Он и сноху попросил проговорить то же самое. Однако у снохи бороды не было, поэтому она подняла подол и стала приманивать рака к своей «страдалице», точь-в-точь вторя свекру. Но тут рак вцепился клешней в ее волосню [между ног], и она подняла крик. Тем временем свекор поймал двух больших раков и, не выпуская их из рук, поспешил к снохе. Расставаться с добычей ему не хотелось, а потому того рака, что вцепился в «страдалицу» снохи, мужик решил отодрать

зубами. Но не тут-то было. Свободной клешней рак исхитрился схватить умника за усы, цепко держа меж тем «страдалицу» снохи. Пришлось уже свекру взывать о помощи. Сноху обуял ужас, и то ли от боли, то ли от страха она стала судорожно дергаться во все стороны. Мужик, поняв, что он в двойном плену, закричал ей сквозь сжатые зубы:

— Не перди, рака не серди, а лучше посцы и успокой его! (Ne prdi, raka ne srdi, već pišaj te ga utišaj!)

Сноха послушалась совета, и рак выпустил ее волосенки и усы свекра.

— Ух! — с облегчением вздохнул тот. — Если бы мне в голову не пришла эта мысль, плохо бы всё закончилось. И вынесли бы из нашего дома два гроба. И причиной несчастья был бы не турок, а обыкновенный рак!

Из Сербии.

127. История о том, как эра со снохой ловил раков

Ловил эра со снохой раков. Сноха подняла подол, вошла в воду и нагнулась, чтобы вытащить рака из-под камня. Сзади ее пизда была похожа на раскрывшую клюв галку, мучимую жаждой, а секель выглядывал, словно наживка. Потому рак и принял секель за приманку и вцепился в него что было сил. Взвывшая сноха стала звать эру на помощь. Тот нагнулся, чтобы ей пособить, но рак второй клешней ухватил усы эры, вынудив того воткнуться носом в пизду снохи. Молодая эрка с испуту стала пердеть, а эра ей говорит: «Дорогая Ака, только не зли рака. А то мы останемся без голов!» («Aka, ne buni većma raka! Otićemo oboje z glave!»)

Рассказал крестьянин Тешо Джуркович из Трновы, Босния.

128. Волк

Сидя у костра, пастух ел сыр, лежавший на полотенце у него на коленях. Напротив разместилась его юная сестра. Поправляя на ноге опáнок[1], она приподняла подол, и пастух

[1] Опанки — вид крестьянской кожаной обуви.

узрел ее пизду. Он вперился взглядом между ее ног, отчего у него вздыбился хуй, скинув сыр с полотенца на землю.

— Ай, дорогая сестрица, — спросил пастух, — что это у тебя между ногами?

— Волк!

— Прикрой его, в рот его ебу, а то мой хуй скинул сыр, — попросил парень и принялся доедать оставшийся кусок сыра.

Из Алексинца, округ Морава, Сербия. Широко известна.

129. Испугался хуя

В лесу жил-был дракон, и каждого проходившего через его владения он съедал. Однажды в лес вошли три мужика. Один из них и говорит:

— В этих краях дракон водится. Давайте-ка лучше обойдем это место стороной!

— Мне бояться нечего, — расхорохорился второй. — У меня винтовка, и я его убью!

Третий тоже не лыком шит:

— Ха! У меня нет ничего, зато есть хуй. И этим хуем я его проткну!

Дракон услышал последнюю угрозу, испугался и бросился наутек — он понятия не имел о хуе. По пути он встретил старуху.

— Бабка, скажи на милость, что есть хуй?

Бабка задрала юбку и, показав пизду, объяснила:

— Смотри — восемьдесят лет назад меня вот здесь проткнул хуй, и это место до сих пор не зажило!

Дракон с облегчением сказал:

— Слава Богу, что я убежал от него!

С тех пор дракон людей больше не ел.

Рассказано крестьянином Мицо Новаковичем в Малешевцах, Босния.

Примечание. Подтекст этой истории камня на камне не оставляет от народных верований. «Да я его хуем проткну», — говорят обычно о человеке, который настолько беспомощен, что позволяет безнаказанно унижать себя. То же самое думает третий из спутников о драконе, и он прав, поскольку тому, кто не верит в драконов, дракон не причинит никакого вреда.

130. Пострадал из-за правды

Жил-был шутник. Однажды он пришел к мастеру наниматься на работу. Тот спросил его, где он трудился раньше.

— Да в ста местах. Там, где я завтракал, там не ужинал, а где ужинал, там не завтракал.

— А почему? — удивился мастер.

— Потому что я никогда и нигде не солгал.

— Это хорошо, что ты всегда говорил правду. Считай, что ты принят на работу, а там посмотрим.

И мастер взял его к себе. Вечером они поужинали в доме мастера. После ужина жена мастера подметала мусор и нагнулась. Озорной малый посмотрел на нее и говорит:

— Мастер, а правда ли, что у твоей жены пизда сзади?

— Сынок, я вижу, ты и в самом деле правдив не по годам. Ты у меня отужинал, но завтракать уже не будешь. Ступайка из моего дома куда подальше!

Рассказал серб из округа Мостара, Герцеговина.

131. Макал лепешку в пизду

Жил-был пастух. Он не хотел жениться, хотя старший брат всячески его уговаривал. А тот ни в какую. Тогда старший брат дал ему овцу и велел продать ее на базаре, причем не за деньги, а за пизду. Одна такая нашлась, которая согласилась дать взамен овцы пизду. Приволок он ей овцу, после чего взял лепешку и, макая в пизде кусок за кусочком, всю съел. Вернувшись домой, он поделился с братом впечатлениями:

— И какой же я болван! Зачем отдал этой бабе овцу, если ее пизда мне нисколько не понравилась? И вовсе она не сладкая!

Старший брат дал ему еще одну овцу и велел продать ее на базаре. Стоило парню погнать овцу на базар, как старший нашел какую-то блядь, велел ей купить у пастуха овцу и научить его любовному делу. Она сделала всё, о чем они договорились, после чего пастуху пизда сразу же показалась сладкой, и он, довольный, сказал брату:

— Гони, брат, к ней всех овец.

Рассказал крестьянин из Забрдже, Босния.

132. История о том, как парень научился ебле

Жил-был парень, не представлявший, что такое ебля, хотя отец уже оженил его. Молодуха стала попрекать супруга, что он не ебет ее, а он не знал, что это такое, и пошел к отцу, чтобы тот объяснил. Отец сказал, что даже кукурузный хлеб с медом, когда человек голоден, не покажется слаще ебли. Сын понял отца буквально, взял ломоть кукурузного хлеба и макнул его в пизду жены. Затем проделал то же самое со вторым ломтем, но сладости не ощутил. Говорят, что парня научила ебле его теща после неоднократных жалоб дочери. Свекровь взяла сковородку и стала барабанить по ней деревяшкой, а парень в такт этой дроби наяривал дочь.

Рассказал белградский студент.

133. «Как же это ему удалось попасть прямиком в пизду?»

Женщина в присутствии своих детей надевала ночную рубашку. Было жарко, рубашка прилипла к плечам, и женщина всё никак не могла стянуть ее вниз.

— А что это такое? — спросил ее старший ребенок, показывая на «гнездо» в низу живота.

— Да это однажды твой отец топором прорубил, когда на меня осерчал! — ответила женщина, поскольку не могла малым детям назвать вещь своим именем.

— Вот те раз, — удивился ребенок, — и как же это ему удалось попасть прямиком в пизду?

Из южной Сербии. Широко известно.

Примечание. Согласно другой редакции этой истории из Вражогрнца в округе Тимоке, женщина подсаживается к огню, а ребенок с любопытством заглядывает ей под сорочку: «Ой, мама, а что у тебя там за щель?..» и т. д. Несмотря на свой вопрос или скорее как раз вследствие его, ребенок выдает свою неопытность и неиспорченность. Из ежедневных наблюдений ему известно, что у девочек и женщин есть пизда, но нет хуя, однако о том, что, кроме мочеиспускания, она может служить еще какой-то цели, он не имеет ни малейшего представления. Неудивительно поэтому, что зрелище большой складки, которая, возможно, была еще и увеличена при родах, вызывает у него недоумение.

134. «Ты присмотрись, как это делают собаки!»

Дочь, только что вышедшая замуж, пожаловалась матери, что муж никуда не годится — не может ее удовлетворить. Сначала мать не хотела этому верить, но когда однажды дочь пришла к ней вся зареванная и вновь стала жаловаться на мужа, женщина решила рассказать обо всем своему супругу, отцу девушки. Он пригласил зятя и спросил, знает ли тот, для чего создана женщина, и сгорает ли от желания, лежа с женой в постели. Зять ответил, что в этом он ни бум-бум.

— Ну как же это? Неужели ты не возбуждаешься, неужели тебя не сжигает огонь страсти, когда ты лежишь с ней в постели?

Зять снова ответил, что ничего в этом не смыслит и что будет благодарен, если тесть покажет, как это делается, чтобы он наконец смог удовлетворить запросы жены. Тестю было неловко объяснять собственному зятю, как следует ублажать жену, и он попросил его товарищей, чтобы те объяснили, что к чему. А друзья начали смеяться, решив, что тесть шутит, и не стали вразумлять своего приятеля. Тогда тестю ничего не оставалось, как предложить зятю:

— Ты присмотрись, как это делают собаки на улице, и то же самое проделай дома с женой!

Зять его послушался, а на другой день дочь снова в слезах прибежала к матери и рассказала, что муж сначала понюхал ее между ног, а потом посцал под нее. Следуя совету тестя, он повторил всё то, что делали на улице собаки в начале любовной игры. Тогда мать вразумила дочь, что ей надо сделать. Ночью дочь ухватила за уд мужа и сама руками направила куда следует. После этого она больше никогда не жаловалась родителям.

Из центральной Сербии.

135. «Хорошая примета!»

Житель острова Млета[1] первый раз в жизни пришел [в бордель] поебать и не мог найти дыру пизды. В поисках он

[1] Остров Млет находится в Адриатическом море, недалеко от г. Дубровника.

засовывал свой палец в каждую дыру и потом обнюхивал его. Попав пальцем в дыру жопы и понюхав палец, он крякнул: «Это хорошая примета! Дыра жопы и пизда – соседи!»

Рассказал ремесленник в Которе[, *совр. Черногория*].

Примечание. Эта история, как и две предыдущие, весьма характерна для народного юмора. Представители низших слоев общества охотно пересказывают своим иноязычным товарищам по несчастью байки о том, как они не умеют найти пизду и даже отличить ее от дыры жопы. Чем ниже в культурном отношении стоит народ, тем гипертрофированнее у него чувство национальной гордости и чванства. Так, хорваты, например, считают, что нет никого глупее немца. На полном серьезе хорватские ученые ставят такие, например, вопросы: «Почему все народы идут к хорватам, чтобы у них воспитаться, хорватам же никто не нужен?» Только детской наивности люди могут позволить небезызвестным хорватским академикам сочинять неслыханно слабоумные истории о героических подвигах мнимых прахорватских князей, а также навязывать своему народу целую прахорватскую мифологию.

136. «В доме нашего Тричко – одни пизды»

(*Пословица*)

Жена Тричко родила ему шестерых детей, и всё девочек. Когда она забеременела в седьмой раз, он пригрозил ей, что выбросит ее из дому, как щенка, если она не одарит его сыном, о котором он неизменно мечтал в ожидании очередного ребенка. Пришло время родов, и жена сказала повивальной бабке, чем угрожает ей Тричко, если она снова разрешится девочкой. Бабка велела не беспокоиться. Дескать, если снова будет девочка, старуха найдет нужное объяснение для хозяина дома.

И снова была девочка. Приняв роды, бабка быстро запеленала ребенка и велела слуге, чтобы тот пошел к хозяину, который дожидался вестей в трактире, и сказал, что у него родился сын. Тричко на радостях стал угощать всех в трактире и домой пришел усталый, но ребенка не увидел, поскольку в это время бабка его купала. Когда Тричко отправился почивать, имя ребенка сменили на Петра вместо Петронии, а на другой день крестили. Тричко радостно ожидал возвраще-

ния из церкви крестного отца, который согласился принять участие во всей этой игре, и повивальной бабки, желая узнать, как назвали дитя. Наконец-то они вернулись, и вот что он услышал от них.

— Видишь ли, — сказала бабка. — Отнесли мы его к попу, а когда крестный развернул пеленки, вдруг оказалось, что там лежит девочка! Видно, такова Божья воля, чтобы в доме нашего Тричко были одни пизды («...u našega Trićka sve sama pička»)!

Отсюда и возникла пословица об отцах, у которых родятся одни девочки.

Рассказал учитель из округа Тимока, Сербия.

Глава VIII
О СРАМНЫХ ВОЛОСАХ

137. Откуда у человека волосы на теле

Когда Адам и Ева еще находились в раю, там не было зеркала. Однажды Адам отправился к источнику, посмотрелся в воду и понял, какой он чумазый. Адам ополоснул лицо, а следом всё остальное, и он покрылся волосами по всему телу. Когда наш праотец вернулся к Еве, она его не узнала. И признала только после того, как Адам заговорил. Ева спросила, откуда у него растительность на теле. Адам ответил, что знает один источник, после умывания водой из которого появляются волосы и борода. Ева позавидовала супругу и поспешила к тому месту, о котором рассказал Адам, чтобы тоже освежиться. Когда она окунула руки в родник, их обожгло — вода была очень горячей. Желая их остудить, Ева схватилась за пизду, но это помогло мало, и она сунула руки под мышки. С тех пор у мужчин волосы по всему телу, а у женщин — на пизде и в подмышках.

Рассказал молодой крестьянин из окрестностей Видина, Болгария.

138. Срамные волосы на память

Если девушка любит парня, она, нащипав волосы у себя с пизды, дает их ему на память, а парень одаривает ее своими волосами. Случается, что силой или хитростью парень завладевает девушкой, надергивает у нее волос и оставляет их себе на память.

Некоторые парни и девушки отрезают клок волос с головы и дарят их друг дружке на память.

Из местностей по среднему течению реки Босны, Босния.

Примечание. Дарение волос с головы — новейший обычай, притом западноевропейского происхождения. Согласно старинному народному поверью передавать кому-либо свои волосы не принято. Считается, что тем самым даритель вверяет себя во власть другого, поскольку получивший эти волосы может через колдовство причинить ущерб их хозяину. Со срамными волосами дело обстоит иначе. Кто носит их при себе, даже не зная об этом, должен якобы неотвязно думать о человеке, коему эти волосы принадлежали. Но такое представление высосано из пальца. Дело в том, что срамные волосы источают запах, притягательный для всякого здорового человека противоположного пола. На этом основана также фетишизация одежды, о чем обстоятельно сообщает д-р Иван Блох[1]. Однако данная разновидность фетишизма — явление уже парафилетическое, тогда как срамные волосы способны самым непосредственным образом воздействовать на органы чувств.

---

[1] Bloch, Iwan (1872–1922) — немецкий ученый, по образованию дерматолог, венеролог. Один из основоположников сексологии — науки о половой жизни во всех ее аспектах, от биологических до культурологических. Впервые, в 1906 г., в предисловии к книге «Sexualleben unserer Zeit» (1906) ввел термин «Sexualwissenshaft». (См. пер.: Половая жизнь нашего времени и ея отношение к современной культуре. / Д-р мед. Иван Блох.; Перевод с шестого немецкаго издания Е. Гордон и Г. Вулиха.; под редакцией М. Бройдо. С.-Петербург: Типография товарищества «Общественная Польза», 1909 [дек. 1908]. [4], 624 с. Вышла в свет в конце 1908 г. (см.: Кн. летопись. 1908. № 50 (30 дек.). № 23140); То же. Издание второе. 1911. [4], 624 с. (По набору изд. 1909 г., с новым тит. листом); *Он же*. Половая жизнь нашего времени и ея отношения к современной культуре. / Д-р мед. И. Блох.; Перевод с 4–6 немецкаго издания Н.А. Алексеева. С.-Петербург: [Изд-во и склад СПб. Книжное дело]: «Пушкинская Скоропечатня», 1909. VII, [1] с., 752 стб. Издание вышло в 4-х отд. выпусках; *Он же*. Половая жизнь нашего времени и ея отношение к современной культуре / Iwan Bloch; Перевод с 6-го [нем.] издания. Врача П.И. Лурье-Гиберман. С.-Петербург: Издание журнала «Современная медицина и Гигиена», 1910 (СПб.: Т-во художественной печати). [2], 670, II с. Оттиск из журнала «Современная медицина и Гигиена» 1909. № 1–21/22. В этих изданиях означенный немецкий термин переводится как «наука о поле», «наука о половой жизни». В изд.:

139. История о том, как невестка побрила пизду золовке

Невестка очень недолюбливала свою золовку. Золовку сосватали, и та согласилась выйти замуж. Тогда невестка спросила ее:

— А ты уже сделала себе пекрис? (Турецкие женщины обычно бреют срамные волосы на пизде — это и есть пекрис.)

— Боже мой, — ответила золовка, — а я и не знаю, что это такое!

— Погоди, я тебе его сделаю, а то без него никак нельзя.

Невестка взяла жгут, которым обрабатывают лен — этот жгут делается из конского волоса и формой напоминает хуй, — растопила смолу, смочила в ней жгут и прижала его к пизде золовки, после чего он прилип к ее волосам и торчал наподобие хуя.

Сваты привели ее к жениху, и вечером молодожены возлегли на брачное ложе. Жених хотел ее ебать и нащупал жгут. Подумав, что это у нее хуй и что сваты вместо бабы привели к нему мужика, он опрометью выскочил из комнаты. На пороге его встретила мать и с удивлением спросила:

— Ты куда это, Бог с тобой?

— Ой, маменька, она с хуем рождена, ебу ее веру!

— Помолчи, сынок! Я всё проверю!

Женщина пошла в комнату и увидела это чудо, а девушка сказала, что всё это ей невестка подстроила. Свекровь дернула за жгут и вместе с ним оторвала прилипшие к нему волоски. От боли девушка вскрикнула. Парень из-за двери услышал это и, решив, что ебут его мать, ворвался в комнату с криком:

— Ебут ли тебя, мамочка, [ебал] я его веру?!

Он же. История проституции. Первый том: С алфавитным указателем / д-ра мед. I. Bloch'a.; Авторизованный перевод с немецкаго врача П.И. Лурье-Гиберман. С.-Петербург: Издание К.Л. Риккера, 1913. XXVIII, 683, [1] с. — во вступлении под названием «Предисловие (в то же время вступление к руководству по сексуалогии)» автор пишет на с. III: «Определение и название обширной "*Науки о половой жизни*", или *сексуалогии* (Sexualwissenschaft), установлено и введено мной в 1906 г.». Второй том «Истории проституции» вышел в 1925 г. (на русский язык не переведен). Всё «Руководство по сексуалогии» предполагалось выпустить в 12 томах.

Мать заверила сына, что это ошибка, что его жена никакой не мужик и что всё это — месть ее невестки. Только после этого бедняга угомонился и остался с девушкой в брачной постели на всю ночь.

Рассказал крестьянин из села по среднему течению реки Босны, Босния.

Примечание. Слово «pekris» произошло от турецкого pek rusum[1], что означает «красивая церемония», «прекрасный обычай». Историю этого широко распространенного обычая освещают мои разъяснения в книге «Грациозность женских тел» (см.: Krauss 1904). Я не вполне уверен, что сербское слово «vjera» имеет здесь смысл религиозной веры, а не употреблено в значении «честного слова», «честности», о чем поется в гуслярских песнях, т. е. как эквивалент таких понятий, как «верность», «доверие», «целомудренность», «порядочность». Если невеста в мужском обличье позволяет использовать себя в целях издевательства над ничего не подозревающим женихом, последнему ничего не остается, кроме как «ебать веру», выражая тем самым свое глубочайшее презрение.

140. Искал без волос

Жил-был на свете парень, который хотел взять в жены такую девушку, у которой между ног не было бы волос. Однажды он проходил под инжирным деревом и увидел на ветке совсем еще юную девушку, у которой между ног еще было го́ло и не покрыто волосами. Он сразу же женился на ней. Однако через несколько лет у его жены всё же появились волосы в том месте, и он прогнал ее. Вся в слезах женщина пришла к приходскому священнику и поведала ему о своем горе. Священник пригласил к себе ее мужа и велел прислужнику, чтобы тот принес зеркало и яйцо. Когда появился муж этой женщины, священник взял яйцо и стал тюкать им по лбу мужика до тех пор, пока не выступило темное пятно. Затем он взял зеркало и предложил мужику, чтобы тот посмотрел на себя. Узрев темное пятно, несчастный ойкнул от удивления, а поп ему на это:

— Вот видишь, какой ты глупый! Я тебя совсем недолго бил одним яйцом, и на лбу у тебя появилось пятно! А как не

[1] В оригинале — ошибка, должно быть: «pek resim».

почернеть между ног у твоей жены, если ты ее колошматишь двумя яйцами на протяжении стольких лет?

Рассказал капеллан [домовой священник] из Сисака, Хорватия.

Примечание. Инжир растет на Адриатическом побережье Хорватии и в Далмации в защищенных от ветра морских бухтах. Поэтому данная история если и не возникла в этой местности, то, во всяком случае, именно оттуда пришла в центральные районы Хорватии.

141. Кошка между ног

У матери была дочь, непослушная и егоза. Она всё время лазила по фруктовым деревьям в соседском саду. Поэтому однажды сосед сказал ей:

— Слушай, дитя, если ты не угомонишься, у тебя между ног вырастет кошка!

Прошло немного времени, и взрослеющая девочка, переодеваясь, вдруг заметила у себя между ног темные волоски. Она бросилась в плач. Мать стала ее утешать. Дескать, ничего страшного в этом нет, мол, и у нее самой на этом месте тоже растут волосы. Однако девочка всё не могла успокоиться, не веря своей матери. И тогда для пущей убедительности женщина задрала юбку и сказала:

— Посмотри, доченька, какая у меня там кошка!

Дочь посмотрела и с удивлением сказала:

— Действительно, мама, причем у твоей кошки огромный рот!

— Ах, доченька, когда твоя кошечка проглотит столько мышей и крыс, сколько проглотила моя, у нее появится такой же большой рот, как у моей кошки!

Рассказал горожанин в Пожеге, Славония[, совр. Хорватия].

Примечание. Почти полностью совпадающая с приведенной редакция из восточной Сербии начинается следующим образом:[1]

«Однажды девочка несла воду и встретила путника, который попросил у нее напиться. Однако она отказала ему, отослав к источнику. Тогда путник выругался и сказал: “Вот, дитя, накажет тебя Бог, и между ног у тебя вырастет кошка!..”» и т. д.

[1] Далее в оригинале текст — на немецком языке.

Только ради примера, чтобы показать, насколько незначительно такие истории видоизменяются в ходе их бытования на довольно обширной территории, я привожу ниже еще одну полную редакцию.

142. Кошка на животе

Мать часто бранила дочь:

— Вот накажет тебя Бог, и у тебя кошка на животе вырастет!

Пришло время взросления, и у девушки в низу живота закучерявились волоски. Она испугалась, решив, что сбывается проклятье матери, прибежала к ней в слезах и рассказала о своем открытии.

— Да это у тебя еще ничего, — успокоила ее мать и показала, что творится у нее на животе.

Обнаружив, что там гораздо больший зверь, дочь спросила:

— А почему она у тебя такая большая?

— Если бы ты знала, сколько она мышей проглотила!

Рассказал торговец из окрестностей Шабаца, [*Сербия*].

143. «Эту штуковину даже черт не выпрямит!»

Одному человеку надоело постоянно бедствовать. Если он обедал, то не ужинал, если ужинал, то не завтракал. И так изо дня в день, из года в год до бесконечности. Однажды он вспомнил предание стариков, будто можно зажить сытной жизнью, если продать душу черту. Мужик подумал, что голодухе конца-края не видать, и стал звать черта. Нечистый явился и спросил, что ему надо. Мужик рассказал о своих мытарствах, о нищенском существовании и добавил, что готов продать душу, если черт исполнит его желания.

Тот отвечал, что с удовольствием исполнит три его желания, однако после исполнения третьего взамен хотел бы получить как его душу, так и душу его жены. Мужик попросил дать ему срок один день, чтобы он мог всё обдумать и посоветоваться с женой. Черт был не против. Мужик вернулся домой и передал супруге разговор и условие лукавого.

Жену устроило предложение черта, поскольку любая женщина более-менее склонна продать душу дьяволу. Оставалось лишь придумать три таких желания, после исполнения которых супруги получили бы всё самое необходимое, и проделать это так, чтобы черт не сразу отнял у них души, а только после того, как они в богатстве и достатке вволю поживут на этом свете.

Наконец жена, как это обычно и бывает, решила, что в первую очередь они потребуют здоровья, затем — богатства, а напоследок — пра́ва на еще три желания. Мужу это очень понравилось, он тут же позвал черта и сообщил, что он и жена готовы отдать ему души за исполнение трех желаний.

— Прекрасно, — кивнул черт. — И какие же это желания?

— Первое наше желание, — отвечал мужик, — чтобы мы оба были неизменно здоровы.

— Хорошо. Будете!

— Второе желание, чтобы у нас было в изобилии всё необходимое: деньги, скот и разное такое прочее.

— Договорились, — сказал черт. — Будет у вас всего вдоволь!

— А третье наше желание — это право потребовать от тебя несколько позже выполнить еще три наших желания.

Это последнее желание конечно же не очень понравилось черту, но в конце концов он и с ним согласился.

После этого в жизни мужика и его жены наступили счастливые времена. Они уже не знали, что такое бедность и нужда, были здоровы и имели в изобилии деньги и прочие удовольствия. Долго нечистый ждал, когда эти бедняки насытятся нахлынувшим на них богатством. И вот наступил день, когда мужик пришел к черту, чтобы заявить ему о трех остальных желаниях, на которые имел право.

— Первое желание заключается в том, чтобы у моей жены были одежды, как у царицы, а у меня — как у царя.

— Это сразу два желания, а какое третье?

— А третье наше желание, — сказал мужик, — это право на еще три желания!

— Ну и до каких пор вы будете прикрываться еще одним желанием? Ведь это может тянуться до бесконечности! — возмутился черт. — Впрочем, так мне и надо, если имеешь дело с женщинами!

Как черт ни бесился, ему не оставалось ничего другого, как исполнить два первых желания и третьим признать право на еще три дальнейших желания.

Жизнь мужика и его жены становилась всё краше и богаче. Всякий раз мужик заявлял черту, что третье его желание — это право на еще три желания.

* * *

Шли годы, мужик и его жена старели, и у них оставалось всё меньше желаний. Но, памятуя, что черт заберет их души, если исполнит все желания, они непременно оговаривали за собой право на еще три желания. Наконец все их прихоти истощились, кроме как еще дольше пожить на белом свете, но черт был сему не властен, поскольку такого рода дела находились в ведении не его, а Бога.

Черт уже надеялся, что мужик явится к нему со своим последним желанием. Муж и жена долго думали-гадали, чего бы им еще захотеть. И жена все-таки надумала. Она задрала подол юбки, выдернула из «страдалицы» волос и дала его мужу со словами:

— Возьми вот это и отнеси черту. Скажи, что наше последнее желание вот какое: пусть выровняет у меня все волосы, что растут под животом. И, если сделает это, пусть забирает наши души, коли ему так угодно.

Мужик пришел к черту и объявил последнее желание. Тот поспешно взял волос двумя пальцами левой руки и потянул его двумя пальцами правой. Когда он его натягивал, волос выпрямлялся, но стоило его отпустить, как он сразу же скручивался. Весь день нечистый промаялся с одним этим волосом, но так и не смог его распрямить.

Когда вечером мужик пришел за выпрямленным волосом, черт сказал, что пока он его не выпрямил, и спросил, много ли у его бабы этих волос.

— Да у нее их целая пригоршня!

Черт ужаснулся.

— Отвяжитесь от меня оба! — бросил он мужику. — Я оставляю вам ваши души, а жене скажи, что эту штуковину даже черт не выпрямит!

Записано неизвестным в Сербии.

Примечание. Поговорка гласит: «Женский во́лос даже черт не выпрямит» («Zensku dlaku ni vrag ne more ispraviti»). Под этим подразумевается, что с женской хитростью не совладает даже нечистая сила.

144. Чертова пшеница

У мужика было три поля, и все три он засеял пшеницей. Одно он засеял пшеницей для Бога, другое — для себя, а третье — для нечистого и стал ждать, какое из них даст самый лучший урожай. Когда наступило время жатвы, мужик пришел на поля и увидел, что чертова пшеница самая лучшая. Мужик сжал Божью и свою пшеницу, а когда собрался жать чертову, появились черти и прогнали его с поля, заявив, что это их добро. Тогда жена этого мужика сказала:

— Ступай, муженек, на базар и купи мне топленого сала и дегтя. Я сама пойду жать пшеницу.

Мужик заартачился, но она напустилась на него с криком:

— Делай, что тебе сказано!

Мужик принес с базара топленое сало и деготь. Жена растопила сало и смазала им свои косы, затем сделала из них рога и зачернила их дегтем. После этого взяла серп, разделась догола и ушла на поле жать пшеницу. Сначала на поле появился один черт и увидел, что кто-то жнет. Он не мог взять в толк, что происходит, и вернулся к остальным собратьям, чтобы рассказать им, что на их поле творится что-то неладное. Но описать происходящее никак не мог, и тогда черти послали на поле еще одного своего дружка, чтобы тот прогнал самозванца-жнеца. Только черт ступил на поле, как сразу же бросился наутек. Еле дыша, он вернулся к товарищам.

— В чем дело, что случилось?

— Там черт! Люди говорят, что черти — это мы, но он и есть самый настоящий черт!

Черти попросили его описать, как этот «настоящий» черт выглядит, и услышали:

— Да вот как: на голове у него рога, на груди — огромные муде, а между ног — борода!

Нечистые не на шутку струхнули и убрались подальше, а женщина дожала пшеницу и отнесла ее домой.

Рассказал крестьянин Спасое Томич в Забрдже, Босния.

Глава IX

О СОВЕРШЕНИИ ПОЛОВОГО АКТА

145. Способы ебли

1. Ебаться через «жилетку» (Jebe se na džamadan): когда пизда старая и просторная, надо скрестить ноги и поднять их кверху; говорят, она становится более тесной и начинает скрипеть, когда ебешься.

2. По-бараньи (Kočke): когда обе ноги поднимаются на одно плечо.

3. Как лошади (Konjski): когда ебутся сзади; она нагибается и выставляет жопу, а он прижимается сзади и загоняет.

4. В виде пояса (Silahbašum): когда [девушка] опоясывает [парня] своими ногами.

5. Плашмя (Plazimice): когда ноги не поднимаются, а только расставляются в стороны.

6. Судорожно (Grčice): когда ноги поднимаются на плечи и под жопу подкладывается деревянный брусок.

7. С разбегу (Istrke): она нагибается и выставляет жопу, а он налетает сзади и вгоняет с ходу (это ее больше всего возбуждает).

8. Живот к животу (Trbe): стоя, он припирает ее к чему-нибудь и потом стоя загоняет.

Сообщил крестьянин из местности по среднему течению реки Босны[, Босния].

Примечание. Доброму крестьянину просто пришли в голову эти восемь способов, о которых он знает гораздо больше, только перечисление и систематизация не совсем в обычае у крестьян. Све-

дения об отсутствующих здесь способах можно почерпнуть из других историй, песен и поговорок нашего дополнительного собрания[1].

146. История о том, как один приладил к жопе куваЛду, чтобы лучше вбивалось

Жили-были на свете два друга, но далеко один от другого, а потому встречались они не часто. Затем они переженились. У одного родился сын, у второго — дочь. Во время одной из встреч друзья поклялись, что их дети поженятся, когда подрастут. Шло время, и вот наступила пора парню жениться, а девушке, похорошевшей, словно вила[2], выходить замуж. Отец парня готовился женить сына на этой девушке осенью, но парень противился и говорил, что не женится, пока своими глазами не увидит невесту. Отец, зная, что дочь друга несказанно хороша, нарядил сына в самые лучшие одежды и отправил на лошади к девушке, в доме которой он должен был заночевать, ведь жила она далеко.

Парень сел на лошадь и поехал к своему приятелю. Там он переоделся в рубище нищего, оставил коня и пешком добрался до села, где жила девушка. У жителей он расспросил, где находится ее дом, и поздно вечером пришел и спросил хозяина, не дозволит ли он бродяжке переночевать в его доме. Хозяин ответил, что не может его приютить — в окру́ге развелось много волков и он вынужден держать телят привязанными в доме у очага. Парень сказал, что готов лежать вместе с телятами и охранять их от волков. Только после этого его оставили ночевать. После ужина к девушке на посиделки пришло несколько парней из этого же села. Разговоры велись обо всем, и наконец один из парней, который давно подбивал клинья к дочери хозяина дома, спросил нищего:

— А как у вас ебутся?

---

[1] См. примеч. к № 109.

[2] Вила — в верованиях и фольклоре южных славян женское мифологическое существо, наделяемое преимущественно положительными чертами. Это высокие стройные красивые девушки с длинными распущенными волосами в светлых одеждах, в платье, украшенном птичьими перьями, с короной на голове, и т. д.

— Бабе связывают веревкой большие пальцы обеих ног, затем запрокидывают ноги на плечи, чтобы веревка оказалась у бабы на затылке, после чего пизда у нее раскроется, как разрезанная дыня. При этом мужик привязывает себе на спину кувалду, чтобы она пришлась вровень с жопой и помогала бы вбивать поглубже.

Всех присутствующих рассмешил способ ебли, описанный нищим, но больше всего смеялись девка и волочившийся за ней парень.

Наступило время отправляться по домам, и молодежь стала расходиться. Нищий лег вместе с телятами, а девка, проводив того парня, некоторое время занималась домашней работой. При этом она часто заходила в комнату, выглядывала на улицу и помешивала угли в огне очага. Нищий захрапел, делая вид, что уснул. Через некоторое время вернулся молодой односельчанин. Он стал разговаривать с девкой и умолять ее, чтобы она дала ему пизду. Она сказала, что готова ему дать, но тем способом, который описал нищий. Парень ответил, что согласен, но у него нет кувалды, на что девка сказала, что она уже всё приготовила. Затем она села у очага, он связал ей большие пальцы на ногах и забросил ей ноги за плечи, привязал себе на спину кувалду, так что она опустилась ему на жопу, влез на девку и стал ей вбивать.

— Вот видишь, как всё ладно получается и как глубоко он входит! — подбадривала она.

В это время нищий схватил теленка и скрутил ему шею, а потом закричал:

— Волк телят режет!

Из общей большой спальни выбежали братья и отец. Парень спрыгнул с девки, выбежал на улицу и пустился наутек. Махнув через забор с кувалдой на спине, он застрял с другой стороны забора — кувалда не отпускала его.

Один из братьев девки, нащупав в темноте склизкую пизду, воскликнул:

— Ох, Йован! Ей-богу, здесь один теленок растерзан! Мои пальцы попали в рану!

Затем они зажгли лампу и увидали такое!

— Что здесь стряслось? — спросили они нищего.

— Был здесь один парень, ебал вашу сестру, а когда вы пришли, он смылся.

Братья кинулись на улицу и нашли у забора молодца. Привели его в дом и стали лупить.

На другой день нищий вернулся домой и рассказал отцу об испорченной девке, на которой отец хотел его женить.

Рассказал крестьянин из местности по среднему течению реки Босны[, *Босния*].

147. «Тпру, лошадка!»

Пастух и пастушка любили друг друга и ублажали себя разными способами. Отец пастушки что-то заподозрил и как-то раз решил проследить, чем там они занимаются. Старик спрятался на дереве, в тень которого пастух с пастушкой обычно сгоняли скот в полуденный зной. Те как раз отобедали, и она говорит пастуху:

— Мы уже всё испробовали, а вот по-лошадиному еще нет!

— Ну давай опробуем и это!

Она нагнулась к грушевому дереву, как кобылица, оголила и выпятила зад. Он, будто жеребец, подбежал к ней, заржав при этом, надрочил хуй, понюхал пизду, как это делают жеребцы, и задрал высоко голову. С дерева на него во все глаза таращился отец девушки. Будто ошпаренный, парень дал дёру. Вослед ему пастушка прокричала:

— Тпру, лошадка!

А отец ей с грушевого дерева:

— Он еще придет, он еще воротится к своему мешку со столь аппетитным овсом!

Рассказал серб из округа Мостара, Герцеговина.

148. История о том, как Адам первый раз выеб Еву

Об этом в народе рассказывают вот как. Адам смотрел на Еву и заприметил у нее между ног нечто, а Ева разглядывала Адама и обнаружила у него между ног «это», но они не знали, как и для чего всё это используется. Наконец, после того как Адам понял, что это дыра, ему пришла в голову мысль заткнуть ее [своим отростком], и он заткнул ее. Однако он не

знал, что надо делать дальше. В это время над ними пролетал змей, опалявший землю огнем. Кусок уголька упал на задницу Адама, отчего тот дернулся и вогнал хуй глубоко в пизду Евы. Ему стало столь сладко, что потом он всякий раз засовывал его до упора.

Рассказал студент из Белграда.

149. Чудо старого ходжи

Жил-был на свете ходжа. Местные крестьяне поговаривали, что он святой и умеет творить чудеса. Как-то у одного растяпы воры украли осла, и он пришел в пятницу в мечеть с жалобой на них и просьбой к ходже помочь разыскать животное. Тот пообещал, что в любом случае найдет осла, но займется этим после намаза. Закончив молитву ракатом, ходжа провозгласил, обращаясь к собравшимся в мечети единоверцам:

— Эй, турки, грядет светопреставление, кайтесь! Скажите своему старому ходже всё как на духу, а я сделаю богоугодное дело перед Святым в раю. Во имя веры скажите, кто из вас украл осла Сулеймана-аги?

Однако никто не откликнулся на этот его призыв. Тогда ходжа погладил свою белую бороду, откашлялся и сказал:

— А теперь, перед светопреставлением, скажите мне, дорогие мои, кто из вас ни разу в жизни не ебал?

Тишину мечети и в этот раз никто не нарушил, только старый Али-ага, сидевший в углу мечети, вдруг промолвил:

— Мой добрый ходжа, прошло ровно восемьдесят лет с тех пор, как меня обрезали, однако, хвала всемилостивому Аллаху, я не знаю, что такое, с позволения сказать, женская задница!

На это мудрый ходжа сказал:

— Свершилось чудо, Сулейман-ага! Вот я и нашел потерянного тобой осла. Надень на него уздечку и спокойно отведи домой. Это самый настоящий осел, и другой тебе не понадобится.

Рассказал далматинец из Госпича, Лика[, Хорватия].

Примечание. В отличие от нас, у южных славян осел считается не глупым, а в высшей степени хитрым и притом упрямым

животным. Таким образом, ходжа польстил старику, одновременно дав понять, что тому, впрочем, не стоит слишком заноситься.

150. В первую брачную ночь надо разодрать кошку

Жили-были на свете два брата. Старший из них женился, и жена ему досталась очень злая. Из-за ее козней младший был вынужден отселиться от старшего, хотя между самими братьями сохранялись теплые отношения. Насмотревшись на все «прелести» семейной жизни старшего брата, младший медлил с женитьбой, пока на него не посыпались упреки от посторонних людей, мол, одному на этом свете прожить очень тяжело. Вот и признался он своему близкому другу, что жениться не может только потому, что боится, как бы не попалась такая же злыдня, как у его брата. На это друг ему посоветовал:

— А ты раздери перед ней кошку и после этого не бойся, что твоя жена будет злая!

— Это как же?

— Да вот как. В первый же вечер, когда вы войдете в комнату с брачной постелью, ты впусти внутрь кошку и раздери ее перед невестой. В эту ночь ничего с ней не делай, тем более не еби ее, и на вторую тоже. Это ее припугнет, и впредь она будет неизменно покладистой!

Вскоре после этого парень женился. Когда молодожены остались в спальне одни, он стал есть свадебный пирог, затем воткнул нож в деревянный пол и выпил ракии, а невесте велел ухаживать за ним. Поскольку его клонило в сон, он схватил за ноги припасенную кошку, разодрал ее, вышвырнул в окно и завалился спать.

От страха девушку всю ночь бил колотун. Когда утром она поднялась, гости, как велит обычай, стали просить у нее остатки свадебного пирога.

— Оставьте меня, Бога ради, в покое! — попросила она жалобно. — Какой пирог? Сегодня ночью я чуть не погибла!

На вторую ночь супруг лег в постель раньше нее, а когда она пришла и примостилась рядом, он набросился на нее и молча влепил оплеуху. С той поры жена всегда относилась к нему ласково. Однажды старший брат спросил его, как это

ему удалось сделать свою жену такой уступчивой, и парень рассказал, как разодрал перед ней кошку.

Старший брат, разозлившись в тот же вечер на свою жену, схватил кошку, разодрал ее и бросил перед нею. А она повернулась к нему жопой, похлопала по ней и сказала:

— Это делается в первую ночь. Чего же ты тогда не порвал кошку, а всё по жопе меня хлопал и дырку искал? Нынче уж поздно!

Рассказал крестьянин из села близ Жепче, Босния.

Примечание рассказчика. Выражение «разорвать кошку» означает обмануть кого-либо, ввести в заблуждение, сбить с толку или вселить страх.

Свадебный пирог — это сладкий пирог, который пекут перед свадьбой и оставляют в спальне молодоженов в первую брачную ночь. Они должны есть этот сладкий пирог, чтобы быть вкусными друг для друга так же, как этот пирог. Едят его следующим образом: девушка ставит пирог перед парнем, а он берет кусок и кладет ей в рот. Затем она берет кусок и кормит им возлюбленного. Только после этого молодожен хватает девушку и ебет ее. На другой день парень раздает куски пирога друзьям, а девушка — подругам. Это как бы знак признательности за первую еблю молодых.

Примечание редактора[, Ф.-С. Краусса]. Приятель младшего брата советовал ему вполне конкретно: «Раздери ей кошку!» Под «кошкой» подразумевается заросшая волосами пизда. Имелось в виду, что жениху следует ебать невесту не менее грубо, чем в случае похищения, тем самым подавить ее и раз и навсегда заставить смириться со своим подчиненным положением. Поскольку спрашивающий обнаруживает полное незнание этого обычая, советчик делает из него настоящее посмешище, в духе наших историй об Уленшпигеле[1], когда тот действительно разрывает на глазах у невесты живую кошку. Однако и таким образом цель устрашения оказывается достигнутой. Поэтому пояснение рассказ-

[1] Уленшпи́гель (Эйленшпигель) Тиль — герой немецкой народной книги, живший в XIV в. и умерший, согласно народному преданию, в 1350 г., балагур, насмешник и озорник. Народная книга о Тиле Эйленшпигеле появилась в 1500 г. сначала на нижненемецком наречии. Дошедший до нас вариант содержит около сотни шванков об озорных проделках этого героя, жертвами которых оказываются князья и рыцари, попы и трактирщики.

чика, касающееся выражения «разорвать кошку», может считаться правильным только в связи со старым обычаем: ведь если бы девушка знала, какому унижению жених намерен ее подвергнуть, она сопротивлялась бы изо всех сил. Таким образом, она действительно оказывается сбитой с толку, обманутой.

Представляется, что эпизод с расчленением живой кошки приплетен здесь только в качестве плутовской истории. На это, в частности, указывает редакция, услышанная мной от крестьянина из села Ресника под Белградом.

Жених запустил в покои невесты большого пегого пса («šarov»). Тот устремился к столу в надежде чем-нибудь поживиться. Однако парень схватил припрятанную загодя толстую палку («oglavak») и так огрел кобеля по хребту, что тот рухнул замертво. Тогда парень взял труп за заднюю лапу и выволок вон, бросив сухо: «Кто будет мне перечить, тому несдобровать!» Наблюдавшая всё это невеста усвоила урок на всю жизнь.

151. История о том, как отец научил сына ебаться

Отец женил сына, однако через несколько дней заметил, что по утрам сноха бывает грустная. Он спросил сына о причине такого ее настроения, а заодно и о том, ебет ли он ее. Сын пожаловался, что не может ебать, поскольку его хуй, когда встанет, прижимается к его животу и затвердевает, словно кость, после чего никак не может попасть в пизду. Отец смастерил для сына специальную подпорку и сказал:

— Возьми эту приспособу и ночью, прежде чем ебать, положи ее на то место живота, к которому прижимается хуй. Она не даст ему прильнуть к животу, он встанет прямо, и ты сможешь засунуть!

Сын всё так и сделал и проеб жену несколько раз. На другой день утром повеселевшая сноха принесла свекру кофе, а сын вернул ему подпорку и говорит:

— Возьми, отец. Я понял, в чем фокус, и обойдусь теперь без нее!

— Оставь ее себе, сынок. Если Бог даст тебе здоровья и ты проживешь долгую жизнь, приспособа может тебе понадобиться для поддержания хуя снизу!

Рассказал ходжа из села близ Жепче, Босния.

152. Сколько лопат муки?

Пришла цыганка на мельницу и попросила дать ей лопату муки. Мельник сказал, что даст ей столько лопат, сколько раз она даст ему пихнуть. Цыганка согласилась, а мельник, сгорая от желания, повалил ее и стал качать. Цыганка тут же принялась считать:

— Лопата, лопата, лопата...

Тогда он ускорил темп, и она зачастила:

— Лоп-лоп-лоп! Бога твоего и душу твою! Сколько дашь, столько дашь, а то я уже не могу считать дальше!

Рассказал крестьянин Иво Тадич из села близ Жепче, Босния.

153. «Вонзи мне его, дай мне его!»

Озорник из Герцеговины встретил черногорку, возвращавшуюся из армии. Они поздоровались, и герцеговинец спросил женщину, где она была.

— В армии, искала там своего мужа, но так и не нашла его!

Они продолжили разговор, и черногорка вдруг предложила мужику:

— Хочешь ли немного поебаться?

— Не могу, я голоден!

— Вот тебе буханка хлеба, немного сыра и фляга ракии — всё это я приготовила для мужа!

Баба достала провизию из сумки, и они закусили. Поев, она снова заладила:

— Ну давай, мужик, еби!

— Но я не знаю, как это делается!

Женщина всё ему показала, после чего он засунул ей хуй в пизду и замер.

— Вонзи мне его, дай мне его! — закричала она и стала вертеть жопой, а это было то, что ему надо, и он затолкал ей.

Рассказал серб из округа Мостара, Герцеговина.

Примечание. Согласно одной редакции, записанной на сербской границе, герцеговинец держит себя внешне невозмутимо, именно так поступают в Герцеговине:

«“А как это делается у вас?” — “А у нас так: вонзи мне его, дай мне его! Вонзи мне его, дай мне его!” — начинает она подмахивать жопой». При этом женщина повторяет поговорку, чтобы сохра-

нить темп. Впрочем, как видно из песен и рассказов, хотя обычно именно женщина приманивает к себе мужчину, однако с ее стороны прямое выражение словами желания насладиться любовью бывает крайне редко. Хотя женщина и является воспринимающей частью [местом зачатия], она старается поддерживать иллюзию того, что просто ублажает партнера.

154. «Запихни всю корзину туда!»

Сербский крестьянин из Македонии договорился с бабой, что за каждый ебательный толчок даст ей персик. А персиков у него была полная корзина. Он и начал:

— Толчок... персик... толчок... персик... толчок... персик... и т. д.

Когда ему наконец надоело это повторять, он в запале закричал:

— Дура, запихни всю корзину туда!

Рассказал крестьянин из окрестностей Ниша[, *Сербия*].

155. «Я на небесах!»

Неопытный юноша стал ебать турчанку. Едва засунув «его» внутрь, он воскликнул:

— Ах, я словно на небесах!

— Нет, милый! — сказала девушка. — Покудова ты в жопе!

Рассказал портовый рабочий из Варны[, *Болгария*].

156. Каково ей было?

Некий островитянин впервые на соломе засадил девушке аж с пердежом, и та воскликнула:

— Горе мне, мученье мое, как же меня солома колет!

Парень быстро излил в нее свой «кабачок» и спросил:

— Ну каково тебе было, Магда?

— Вначале, Юрий, было очень худо, но, пока ты вливал в меня это «масло», я грызла солому от удовольствия!

Рассказал мужчина с острова Корчулы, Далмация[, *совр. Хорватия*].

Примечание. «Кабачок» («Tikvicu») — половой член («das Gemächte»); «масло» («Ulje») — здесь и дальше: сперма («Saman»); «засадить с пердежом» («zaprditi») — начать пердеть («farsen»). Пословица гласит: «Нет ебли без пердежа» («Nema jeba bez prda» = «gibt kein [rechtes] Gevögel ohne Farz»). «Засадить с пердежом» («zaprditi») — здесь: ебаться под пердение. О том, какое значение придается этим непроизвольным сопутствующим звукам, — в другой истории данной главы.

157. «Отец идет!»

Парень ухаживал за девушкой. Как-то раз он пришел в ее дом и в одной из комнат стал с ней заигрывать, а во второй комнате находилась мать девушки. Сидя на одном из сундуков, он тискал девушку, и, когда крепко зажал в объятиях, она съехала ему на колени. Парень задрал ей рубашку, вытащил свою дубину и сзади засадил в ее пизду. Взглянув в окно, девушка увидела, что ее отец возвращается домой, и начала причитать:

— Отец идет! Отец идет!

Она вертелась у парня на коленях, пока не вобрала в себя весь хуй, после чего продолжала насаживаться на него и вскрикивать:

— Отец идет, отец идет, отец, отец идет, отец!..

Под эту «мелодию» парень и довел до конца начатое.

Рассказал крестьянин из села близ Жепче, Босния.

158. Как узнать, что корова хочет?

Жила-была богатая молодая вдова, и при ней находился молодой, сильный и красивый егерь. Однажды ей очень захотелось с ним поебаться, но сказать об этом прямо ей было стыдно, и она, чтобы заставить его выебать ее, спросила:

— Скажи-ка, егерь, как бугай узнаёт, что корова хочет?

— Бог мой, да просто. Корова прыгает на бугая, а он — на нее, и, значит, она хочет!

Тут вдова прыгнула на егеря и стала вертеть задом. Стоило ей ощутить его хуй, как она сказала:

— Это корова запрыгнула на тебя, а теперь давай-ка ты на нее!

Он прыгнул на нее и засадил аж с пердежом. Поговаривают, что после этого случая вдова каждый день заставляла егеря заниматься «прыжками».

Рассказал крестьянин из местности по среднему течению реки Босны[, *Босния*].

159. История о том, как у одного мужика была красивая жена, но ему было жаль ее ебать, поскольку он боялся погубить ее этим

Мужик женился. Его жена была хрупкая и красивая, поэтому он не отваживался ее ебать, боясь, как бы она не умерла от этого. А она всё увядала и чахла. Ее первые подруги, уже все повыходившие замуж, спрашивали:

— Ты что такая слабая и почему у тебя до сих пор нет детей?

— Боже мой, я всё еще девушка, — отвечала та. — Муж ни разу не трогал меня, поскольку боится, что я могу от этого умереть. Он не хочет этого делать только потому, что очень любит меня.

Тогда одна из ее бывших подруг дала следующий совет:

— Когда вернешься домой, сделай вид, что заболела. Муж спросит, что с тобой, а ты ему ответь, что умрешь, если он не найдет лекарства от этой болезни. Он спросит, где сыскать это лекарство, и ты скажи, что в дупле дуба, который растет на распутье у леса, живет святой. К нему надо прийти перед рассветом, и он присоветует нужное снадобье. А я появлюсь там раньше, залезу в дупло и скажу твоему мужу, чтобы он тебя выеб, после чего ты обязательно пойдешь на поправку!

Девушка последовала совету подруги и, придя домой, притворилась больной. Любящий и заботливый муж увидел ее в постели и спросил, что с ней. Она ответила, что у нее горячка и что она может от нее сойти в могилу, если он не найдет необходимого средства. На вопрос, где его найти, жена ответила, что за селом на распутье стоит дуб с дуплом, в котором обитает какой-то святой. Если к нему прийти перед рассветом и попросить о лекарстве, он скажет, где его взять. Только не следует подходить к дереву слишком близко.

В полночь жена захворала пуще прежнего и стала стонать. Перед рассветом муж поспешил на указанное место и стал звать:

– О, свято-о-ой!

Тот откликнулся и спросил, чего ему надобно. Мужик объяснил:

– Вчера моя жена была на обедне вместе с подругами, а когда вернулась домой, слегла. Всю ночь она стенала и может отдать Богу душу, если ты не скажешь, какое снадобье ей поможет.

– Ступай домой и, когда придешь, выеби жену, после чего она выздоровеет.

– Но, дорогой святой, я боюсь, как бы от этого она не отдала Богу душу!

– Иди и сделай, как велено. Если ей не станет лучше, завтра явись ко мне снова!

Домой мужик воротился опечаленным.

– Что тебе сказал святой? – спросила его жена.

– Ничего, лучше не спрашивай!

– Не может быть, чтобы он ничего не сказал. Выкладывай всё!

– В общем, он мне сказал, чтобы я тебя выеб, но боюсь, что от этого ты умрешь!

– А почему бы тебе не последовать совету святого? Другие вон ебутся, и пока никто от этого не умирал, а тебе это советует сам святой.

Тогда он схватил жену за ноги и засунул ей. А она, бедняжка, после того, как он кончил, от великой радости лишилась сознания. После этого он запряг волов в плуг и вместе со слугой стал пахать поле. В полдень мужик велел слуге сходить за обедом и посмотреть, не полегчало ли жене или не умерла ли она. Слуге он объяснил, как тому следует вести себя, возвращаясь обратно на поле: «Если ей полегчало, ты пой, а если она умерла, то плачь».

Слуга пошел домой. Там он застал жену хозяина здоровой и веселой. Она уже давно поднялась с постели и приготовила чудесный обед. Возвращаясь на поле с обедом для хозяина, слуга проходил под черешней. Несколькими днями раньше дети трусили с дерева ягоды и сломали большую ветку, которая сцепилась с другими ветвями, но от порыва ветра

сорвалась и угодила по башке проходившего слуги. От боли тот расплакался и стал звать на помощь. Увидев плачущего слугу, мужик решил, что его жена отдала Богу душу. Вынув хуй, он треснул им три раза по ручке плуга и сказал:

— Злодей этакий, зачем ты мне сдался, если ты убил мою жену! — После чего добавил: — Мой Аллах, какой смысл возвращаться домой, если жена умерла, и я теперь увижу ее мертвой. Ведь когда я ее выеб, то уже видел полумертвой. Не смогу я жить в этих местах!

И он отправился не домой, а в сторону леса, после чего бродил по белу свету целых девять месяцев. От ударов о ручку плуга на его хуе выросли три большие шишки.

Однажды он приблизился к одному дому и увидел мужика, мастерившего колесо и сверлившего дырку для ступицы. Странник спросил мастера, почему тот сделал такую маленькую дырку, в которую даже хуй не войдет. Мастер ответил, что в эту дырку всякий хуй войдет, а гость отвечал, что не всякий. Вынул свой хуй и попытался затолкать его в дырку. Но он туда не влез. После этого мужик отправился дальше, а мастер вошел в дом и закурил трубку, не переставая дивиться. Жена спросила, что случилось, и он ответил:

— И не спрашивай! Вон тот человек подошел ко мне и сказал, что дырки в ступицах колес, которые я делаю, настолько маленькие, что в них не войдет даже хуй, а я ему ответил, что войдет. Тогда он достал свой хуй и действительно не смог его туда засунуть! Такого большого хуя, как у этого мужика, я еще никогда не видывал!

Поначалу жена оторопела, но через мгновение сорвалась с места и бросилась к окну, посмотрев в которое воскликнула:

— Да это же мой брат! Верни-ка его обратно, зови немедля в дом!

Мастер окликнул странника, а когда тот воротился, сказал:

— Ты уж извини, что я тебя не признал. Ведь ты — мой шурин.

Затем хозяин пригласил родственника в дом. Жена вскочила с места, поцеловала мужика и сказала:

— Столько лет прошло с тех пор, как мы с тобой не виделись? Неужели ты вот так бы и прошел мимо?

И ее якобы брат ответил:

— Мой Аллах, ты уж извини, но мне было как-то неловко, ведь зять не пригласил меня в дом.

Жена тут же зарезала индюшку, сварила ужин и оставила «брата» ночевать. Когда стемнело, жена сказала мужу:

— Иди-ка ты, муженек, спать в другую комнату. Ты устал, а я еще здесь побалакаю с братом!

Хозяин дома ушел, а жена и говорит мужику:

— Муж сказал мне, что у тебя хороший хуй, и я хочу этого хуя. В этом деле мой муж не особенно силен. Потому я и оставила тебя на ночь, чтобы ты провел ее со мной!

Они легли в постель, и, когда он всунул ей по первую шишку, женщина ойкнула, а муж из соседней комнаты спросил:

— Жена, что с тобой?

— Ничего. Брат мне сказал, что наш старший брат помер!

Тогда гость засунул ей по вторую шишку, и женщина снова ойкнула. Муж снова спросил, в чем дело.

— Брат мне сказал, что наша сестра скончалась!

Когда же странник засунул ей и по третью шишку, баба запердела и заголосила:

— Ой! Ой! Ой!

Муж снова заволновался:

— Жена, что это с тобой творится всю ночь?

И она как бы сквозь слезы:

— Это пройдет! Брат говорит, что и наша мать на том свете!

И так на протяжении всей ночи до самого рассвета «брат» потакал желаниям «сестры». Когда наступило утро, она встала пораньше, приготовила завтрак, а заодно и обед и говорит мужу:

— Давай, муженек, дадим моему брату одну корову! У нас целых четыре, а у них — никакой!

Муж согласился, и они подарили гостю буренку. Когда все отобедали, гость, погоняя корову, вышел на дорогу.

— Муженек, ты оставайся дома, — сказала жена мужу, — а я провожу брата!

И они ушли. Как только зашли за первую горку, мужик тут же ее повалил. Поскольку жена долго не возвращалась, муж послал маленького сына посмотреть, чем занимается мать, и сказать ей, чтобы она поскорее возвращалась домой. Когда сын спустился с горки, он увидел, как ноги матери по-

драгивают на плечах у мужика. Мальчику показалось, что это мать помахала ему рукой. Он вернулся домой и говорит отцу:

— Видишь ли, корова упирается, не хочет идти. Вот мама и машет рукой, чтобы мы и теленка пригнали!

Муж вывел сыну теленка, и паренек привел его к матери, которая отдала его страннику.

Дальше мужик уже один погнал корову с теленком и повстречал старика и старуху, сидевших на арбе с сеном и нахлестывавших впряженных в нее четырех волов. Старик спросил мужика, сколько он заплатил за корову, а тот ему сказал, что корову он выиграл на спор. Дед спросил:

— А о чем спор?

— Видишь ли, бился я с одним мужиком об заклад, что, как только начну загонять свой хуй любой женщине, она обязательно перднет. Тот сказал, что его жена этого не сделает, при этом поставил на кон корову, а я — десять дукатов. Я стал вгонять ей хуй, и она сразу же перданула. Так я и заполучил эту буренку!

Старуха взглянула на странника и говорит:

— У меня две снохи. Можешь вогнать в них даже три хуя, девки ни за что не перднут!

Мужик решил принять вызов и поставил на спор корову с теленком, а старики — двух волов. Затем вся компания отправилась в дом стариков, которые рассказали о закладе снохам. Сначала в комнату к мужику прислали одну сноху и стали прислушиваться. Мужик засунул ей по первую шишку на хуе, и баба сразу же перднула. Так он выиграл двух волов. Но старухе было жаль волов, и старики поставили одного вола против того, что вторая сноха не перднет. Мужик забрался на бабу, и, когда засунул ей по первую шишку, она только ойкнула, а старуха еще и подбодрила:

— Крепись, сноха! Крепись, сноха!

Когда он засунул ей по вторую шишку, она всё же перднула, а после третьей уже пердела при каждом толчке. Тогда старуха набросилась на сноху со словами:

— Как же тебе не стыдно! Я вот старая, а хуя не боюсь!

Мужик сказал, что она бы тоже не утерпела. Старухе было жаль волов, и она решила поспорить на четвертого вола. Когда мужик вогнал по первую шишку, у старухи кожа внут-

ри дыры жопы напряглась и вылезла наружу. Тут старик, всё это время спокойно покуривавший, не выдержал и прижал горячую трубку к выступившей коже из дыры старухиной жопы, чтоб затолкать ее обратно. Скопившиеся газы вышибли трубку из руки старика и отбросили в дальний угол. Старуха же спрыгнула с постели и вцепилась в старика:

– Злодей ты этакий! Я так крепилась и ни за что бы не пердунула, не обожги ты меня.

Так мужик выиграл четвертого вола и погнал скотину к себе домой. Завидев его, жена выбежала навстречу с ребенком на руках. Она обняла мужа и спросила, почему он оставил их. Он ответил, что сделал это, решив, что ему уже не видать ее. Жена похвалилась, что, после того как он ее выеб, она сразу же выздоровела. А он рассказал, как ему достались корова с теленком и четверо волов.

Если герои этой истории еще живы, то до сих пор доят буренку и пашут на волах.

Рассказал крестьянин Иво Тадич из села близ Жепче, Босния.

Примечание. В краткой редакции из Герцеговины, где отсутствует повествование о странствиях героя, не сведущего в ебле мужика наставляет святой Антоний[1]. Заметив чудесное действие ебли на женщину, мужик восклицает: «Ах, если б я знал, что ебля помогает от смерти, то еб бы и своего покойного отца!»

160. История о том, как еблись отец и сын

Жил-был на свете один вдовец и имел сына, созревшего для женитьбы. Так получилось, что оба они сыграли свадьбы в один и тот же день. Оба провели первую брачную ночь, а поутру сын спросил отца, сколько раз тот еб. Отец сказал:

– Один раз, но хорошо!

– А я, папа, пять раз!

На второе утро отец спросил сына:

– А сколько раз сегодня, сынок?

---

[1] Антоний Великий (ок. 251–356) – раннехристианский подвижник и пустынник, основатель отшельнического монашества; канонизирован.

— Четыре, а ты папа?

— Один раз, но хорошо!

После третьей ночи утром отец спросил сына, сколько раз, и сын ответил:

— Два раза, а ты папа?

— Один раз, но хорошо!

На четвертое утро отец спросил сына и услышал ответ:

— Один раз!

— И я один раз, но хорошо! — сказал отец.

На пятое утро отец спросил сына, сколько раз он еб, а тот ответил:

— Ни одного.

А отец сказал:

— Я один раз, но хорошо!

В тот же день утром юный молодожен, выйдя во двор, услышал, как завыл их пес, учуявший волка. И парень вздохнул:

— Эх, мой волчок и мой поникший хуек, я сам со вчерашнего так выть готов!

Рассказал крестьянин из села близ Жепче, Босния.

161. История о мужике, поклявшемся, что не женится ни на какой другой бабе, кроме как с двумя пиздами

В деревне жил парень в свое удовольствие: жрал, как бык, постоянно веселился и напевал. Ему говорили, чтобы он наконец остепенился.

— Зачем мне одна пизда? — отвечал он. — Незачем. Я возьму в жены только такую бабу, у которой две пизды!

Это разнеслось по селу. В том же селе жила некая Мара по прозвищу Широкожопая, которая стала задирать парня:

— Ты для меня ничто. У меня две пизды!

— А ты покажи. Если их у тебя и в самом деле две, я на тебе женюсь!

Она задрала юбку, показала пизду спереди и, хлопнув по ней, сказала:

— Вот тебе одна! Одна, не так ли?

Затем повернулась жопой, нагнулась и сказала:

— А это вторая, не так ли?

Поверив, что их у нее две, парень послал к Маре сватов, взял ее замуж и привел в свой дом.

В первую брачную ночь они легли в постель. Она затащила его на себя, и он ее выеб. Когда муж кончил, Мара повернулась к нему жопой и он выеб ее сзади. После этого она велела ему ебать ее снова спереди, а он говорит:

— Больше не могу, хватит!

— Дай-ка мне свою руку!

Он подал руку, а Мара приложила ее к своей пизде сзади и говорит:

— Видишь, как она плачет? Сожалеет, что ты ее еще не еб. Давай-ка и ее выеби!

Парень почувствовал, что она мокрая, и надо снова ее сзади. И так всю ночь Мара его гоняла и мучила. На вторую ночь повторилось то же самое, и всё это продолжалось довольно долго. Парень сник и даже посмурнел.

Однажды утром он вышел во двор и стал мочиться. Услышав вой волка, молодожен сказал:

— Волк, беги отсюда скорее. Если тебя поймает моя широкожопая Мара, придет конец твоим завываниям, как пришел пиздец моим песнопениям!

Рассказал крестьянин из верховий реки Босны[, *Босния*].

162. «Я их видела сотни три!»

— Луца, ты знаешь, что такое хуй? — спрашивает далматинец.

— Откуда мне знать, что это такое, если я его, клянусь своими очами, никогда не видела!

Парень надел на хуеву головку шкурку выпотрошенной белки и говорит Луце:

— Ложись — я буду тебя ебать!

— Боже мой, поверь мне, несчастной! Я их видала сотни три, но никогда — с ушами!

Рассказ далматинца, услышанный в Сараево[, *Босния*].

Примечание. Этот далматинец использовал своего рода презерватив, чтобы девушка не забеременела. Мне не удалось лице-

зреть подобного шедевра хорватского народного гения. О других средствах предохранения речь пойдет во второй части нашей работы. Изобретению семенника («Samenfängers») предшествовал в качестве прообраза чехольчик-«нахуйник» («nakurnjak»). Крестьяне носят его под толстыми грубыми штанами. Среди подарков, которые девушка готовит будущему супругу, как правило, находится изготовленный ее руками такой мешочек или чехольчик. Мужчина вкладывает в него хуй и яички и привязывает к левой ноге шнурком чехла. Естественно, чехол должен быть соответствующего размера. Об этом нахуйнике сербские крестьяне говорят столь же непринужденно, как мы о перчатках. В качестве комментария можно привести следующий образчик народного творчества:[1]

«Один паренек отправился на гору и, взобравшись на самый верх, кричит оттуда матери:

— Матушка, принеси-ка мне мой нахуйник!

— Ты же уже взял отцовский!

— Он мне не подходит, матушка, слишком мал!»

Из округа Ужице, Сербия.

163. «Белый конь тоже любит жрать овес»

Старик шел по дороге вдоль ручья, в котором девушки отбеливали полотно. Он их поприветствовал:

— Бог в помощь, дети!

— И тебе дай Бог всего, дед!

— Дети, а дала бы какая-нибудь из вас деду?

— Фуй, дед, и тебе не стыдно! Совсем старый, а туда же!

— Да, дети, белый конь тоже любит жрать овес. Не скажи я вам ничего, вы бы потом говорили: «Видали старого — столь о себе возомнил, что ничего от нас не хочет!»

Рассказал крестьянин из округа Пирота[, Сербия].

164. История о том, как парни искали девственниц

Три друга договорились, что обзаведутся женами в один день, чтобы скрепить свою мужскую дружбу. Все трое на-

[1] Далее в оригинале текст — на сербском языке.

шли себе красивых и добрых девушек, каждый полагал, что его избранница невинна. В день венчания парни пообещали друг другу, что на следующий день как на духу расскажут, как кто провел первую ночь с женой и была ли новобрачная непорочной.

На другой день утром они встретились, как договаривались, и все трое были мрачные и приунывшие. Вспомнили о своем вчерашнем обещании.

— Когда мы с ней легли в постель, — начал самый старший, — я хотел на нее лечь, но она мне не позволила, а сама залезла на меня и сказала, что это ее самый любимый способ!

— И у меня всё было не лучше, — подхватил второй. — Только я вошел в комнату и хотел заняться делом, как она велела принести подушку и подложить под нее. Дескать, так ей нравится куда больше!

— Похоже, нам всем троим не повезло, — заключил третий. — Когда я лег со своей, то подумал, что для первого раза будет лучше поднять ей ноги. Увидев это, она воскликнула: «Ты это тоже любишь? Ах, сдается, вы, мужики, все одинаковые!»

Городской анекдот из Сербии.

165. Ебать с носом

[Тому, кого хотят подколоть, задают вопрос:]

— Как тебе сподручней ебать девушку: с носом или без носа?

Если прозвучит ответ: «С носом», тогда говорят:

— На здоровье! (Если у него вдруг большой нос, можно сказать, что для него это будет несложно.)

Если последует ответ: «Без носа», то и такой вариант ничем не лучше для ответчика[1].

Вариант из округа Тимока, Сербия. Распространенная шутка у южных славян.

166. «Заодно и нашего Шарика!»

Однажды сынишка нашел в доме буханку хлеба и стал ее обгладывать. Мать увидела это и, чтобы ребенок не испачкал

[1] Это простонародная шутка, комичность которой заключается в том, что заниматься этим делом можно как с носом, так и без носа.

и не обслюнявил всю буханку, отняла ее у него. Затем она отломила кусок, дала его сыну и, слегка шлепнув дитя по заднице, ушла по своим делам. Однако мальчишка разозлился, бросил на пол кусок хлеба, который ему дала мать, и стал реветь. В это время в комнату вошел отец и спросил сына, почему он плачет. Продолжая реветь, тот ответил:

— Мамка отняла у меня кусок хлеба!

— Замолчи, сыночек, не плачь! — А поскольку отец был в хорошем настроении, то к этому добавил: — Папка выебет [т. е. накажет] мамку!

Ребенок немного успокоился и вытер слезы на щеках, затем взял хлеб, откусил и всё еще со слезами на глазах попросил отца:

— Заодно и нашего Шарика! Вчера он у меня тоже отнял хлеб!

Из Сербии.

Примечание. О случае ебли женщины в наказание см. рассказ в изд.: [Krauss] 1899/VI: 200ff.

167. «Теперь можешь, папка! Все уже спят!»

У мужика была многодетная семья, и, поскольку он был человеком бедным, вся его ребятня спала в той же комнате, что и он с женой. Однажды жене захотелось заняться привычным делом несколько раньше обычного времени. Она стала приставать к мужу, а он отпирался и говорил:

— Неудобно, жена, дети еще не уснули!

Жена притихла и решила подождать. Спустя некоторое время старший сын, лежавший вместе с остальными детьми, откликнулся:

— Теперь можешь, папка! Все уже спят!

Из Сербии.

Примечание. В домах у хорватских крестьян мне неоднократно доводилось наблюдать вместе с детьми, как крестьянин удовлетворяется в половом отношении. В отличие от детей, это зрелище не вызывало у меня никакого воодушевления. Единственный раз женщина воспротивилась из уважения к моему присутствию, но ее неумолимый муж, сильно навеселе, схватил ее за сосок — оба были раздеты — и придавил к кровати, да так, что она не могла

пошелохнуться. Среди сербских крестьян ничего подобного я не встречал.

168. Еще не просверлена

Отец женил сына и на свадьбе спрашивает друга, отца невесты:

— Друг мой, у тебя уже седые волосы и борода седая, а потому скажи мне правду как на духу: твоя дочь еще не просверлена? (Твоя дочь еще не проебана?)

— Волосы у меня пока не седые и борода тоже, — отвечал друг.

— Только не давай гарантий (не обманывай), хозяин, — шепотом подсказал слуга.

— Это почему же он не должен давать гарантий? — обиженно воскликнула новобрачная.

— А потому. Разве я тебя не сверлил девять раз?

— Это когда же, лакей несчастный?

— А помнишь, как это было под кукурузным амбаром?

— Ну, разве что один раз! — упрямилась невеста.

— А на сеновале?

— Ладно, два раза, — согласилась та.

— А в хлеве?

— Там я его отвергла!

Слуга рассердился, вынул свой хуй, стукнул им по столу и закричал:

— Разве такой хуище можно отвергнуть?

Узрев сие, подруга невесты восхитилась:

— Это не для детей, это для подружки, для сватьи и матери деверя, но только не для того, чтобы им детей делать!

От крестьянина из округа Пирота, Сербия.

169. Как ку́му стало противно

Мужик женился. Его приятель был у него сватом (кумом) на свадьбе. Как-то уже после свадьбы пришел кум к куме в гости, и она приготовила ему на обед чи́мбур[1]. Кум стал есть.

— Ну, как кума? Уже привыкла к замужеству?

---

[1] Чи́мбур — яичница на сметане; название заимствовано из турецкого языка.

— Не спрашивай, дорогой кум. Сегодня ночью муж лег со мной в постель, достал в потемках что-то твердое и толкал, толкал это мне между ног, пока из него не вытекло что-то вроде чимбура, который ты сейчас ешь!

Ку́м после этого не только не смог есть чимбур, но весь облевался и со стыда, который не мог скрыть, бросился вон из дома кумы.

Рассказано крестьянином Ристо Бойичем в Сребренице, Босния.

Примечание. Женщина просто хвалится на свой манер своим любовным счастьем, а сбежавший от нее кум не понял соли в ее рассказе. Рассказчик смеется скорее именно над ним и над его чувствительностью.

170. Какая у цыгана работа

Как-то крестьянин зашел к кузнецу-цыгану, чтобы починить цепь. Цыган принялся за работу и попутно стал разглагольствовать, что только одному Богу ведомо, какого умения и мудрости требует работа в кузне. В это время пришла жена цыгана и присела на корточки так, чтобы стала видна ее мохнатка. Заметив это, кузнец сказал крестьянину:

— Видишь, брат, у меня столько работы, что даже не знаю, за какую из них сначала браться! — И, показав на выглядывавшую из-под юбки пизду жены, добавил: — Вот, смотри — одной работой занимаюсь, а вторая уже на очереди!

Рассказал хорватский чиновник из Велика-Горицы близ Загреба[, Хорватия].

171. Молоко закачивает

Цыгану приспичило поиграться с бабой прямо посреди дороги. Увидев его за этим делом, случайный прохожий спросил:

— Ты чем это занимаешься, цыган?

— Да вот сосу понемногу! (Он только что принялся за дело, и продолжать разговор ему вовсе не хотелось.)

— А снизу что делаешь?

— Молоко туда закачиваю!

Рассказал крестьянин из окрестностей Белграда.

Примечание. Сосание женских грудей общераспространено, и в этом нет ничего отвратительного. Так, Карл Буттенштедт рекомендовал практиковать его в качестве средства для достижения счастливого брака, что совсем не понравилось прокуратуре (см.: Buttenstedt 1900). Господин [К.] Буттенштедт поинтересовался моим мнением на сей счет, и я сообщил, что на юге этот обычай очень популярен. Суд оправдал терапевта, что совершенно справедливо. Впоследствии я еще раз справился у одного боснийского фольклориста, моего ученика, как у боснийских сербов обстоит дело с сосанием грудей. Он ответил мне следующее:[1]

«Здесь известен весьма популярный обычай: парни сосут у своих девушек сиськи, если, конечно, пара влюблена друг в друга. Девушка вынимает сиську, и возлюбленный сосет ее, причем, говорят, парень часто возбуждается до такой степени, что у него изливается семя (он спускает его прямо в штаны)».

Женщина также получает от этого немалое наслаждение, объяснение чему можно найти в любом руководстве по анатомии.

172. «Я пошаливаю...»

Парень предложил подруге прийти на свидание в лесок. Там они стали обниматься, целоваться и в пылу страсти упали на траву. Отец парня издали заметил, чем они занимаются, и пробормотал:

– Ну погоди, отца я его! Я тебе покажу, как средь бела дня девок ебать!

И он помчался прямо к ним. Но молодые заметили приближавшегося мужика. Девушка тут же умчалась прочь, а парень стал напевать народную песню:

– Я пошаливаю, я всё пошаливаю... (Ja se šalim, ja se šalim...)

Рассказал крестьянин из округа Чачка, Сербия.

173. «Только попадьи еще не было!»

Собралась компания, и один мужик решил немного подначить попа, известного шутника.

– Ну, мужики, были у меня всякие женщины – и крестьянки, и торговки, и барыни. Вот только попадьи еще не было!

---

[1] Далее в оригинале текст – на сербском языке.

— Так за чем же дело стало? — встрепенулся поп. — Пришли ко мне на ночь свою жену и наутро будешь иметь попадью!

Из Сербии.

174. Промашка вышла

Одному мужику надоело обеспечивать всем необходимым многочисленных детей, которых нарожала ему жена, и он отправился к доктору с просьбой лишить его способности к деторождению. Доктор всячески отговаривал его и всё не хотел исполнять его желания, но под напором мужика решил, что не грех и помочь столь плодовитому человеку, который не в состоянии обеспечить потомство всем необходимым.

— Слушай, друг! — говорит ему лекарь. — Если уж тебе невмоготу, будь по-твоему. Но я хочу проделать всё так, чтобы не навредить тебе. Не раз я убеждался, что для зачатия детей мужчине необходимо только одно яйцо. Поэтому я удалю тебе лишь одно яйцо!

— Тебе виднее, — отвечал мужик, — только спаси меня!

Доктор принялся за работу, и мужик остался с одним яйцом. Через девять месяцев мужик был снова на пороге.

— В чем дело?

— Моя жена опять родила ребенка! — ответил он, пригорюнившись.

— Вот невезуха! — воскликнул доктор. — В таком случае я удалил тебе яйцо, которое за детей не отвечает!

— Не знаю, в чем там дело, — вздохнул мужик. — Но лиши меня и второго яйца!

Лекарь удалил ему второе яйцо. По истечении девяти месяцев мужик опять топтался у входа.

— Теперь-то что приключилось?

— Опять ребенок!

— Вот что, друг мой! — сказал доктор, помолчав. — Теперь ясно, что яйца надо было поотрезáть не тебе, а твоему соседу.

Городской анекдот. Из южной Венгрии[, *совр. Автономный край Воеводина*].

Примечание. У южных славян мне ни разу не встречались факты добровольного увечья, причиняемого половым органам. Но каждый серб хорошо знает, что без полового члена он не сможет получать полового удовлетворения и останется без детей. Поэто-

му черногорцы, например, во время удачных военных кампаний кастрировали плененных врагов, отсекая под корень хуй, однако оставляя целыми яички. Один герцеговинец рассказывал мне, что около 1880 года он встречался с неким черногорским атаманом, который в знак своего мужества и храбрости носил на шнурке засушенные хуи плененных им мусульман. Сморщенные, скукоженные хуи выглядели отвратительно, напоминая ошметки сухих козьих кишок.

175. История о том, как муж помогал жене во время родов

Как-то ночью муж стал приставать к жене, чтобы она ему дала, но она нисколько не была на это настроена. В конце концов он разозлился и спросил, почему она отказывает, если он — ее законный супруг. На что жена отвечала:

— Да, тебе-то легко. Ты ведь мужчина. Сделаешь свое дело, и никаких забот. Я же, бедная, могу забеременеть, и потом несколько месяцев мне придется носить этот «бочонок» вместо живота. А потом еще я должна буду родить, а ты представить себе не можешь, какие это муки. Для тебя сейчас это наслаждение, зато у меня потом глаза полезут на лоб от боли, а тебе даже в голову не придет помочь мне хоть как-нибудь.

Мужу было просто невмоготу терпеть, и, чтобы уговорить жену, он был готов на всё.

— Слушай, жена! — сказал он. — Давай сейчас вместе насладимся, а когда придет время родить, я обещаю тебе помочь.

Поскольку муж дал честное слово, что сделает всё от него зависящее во время родов, жена наконец ему дала, но, сделав свое дело, он и представить себе не мог, что еще ждет его впереди.

После этой ночи баба и впрямь забеременела, а когда почувствовала, что приближаются роды, напомнила мужику:

— Вот и пришло время, когда ты должен будешь мне помочь!

— Хорошо, но я не знаю, что делать!

Жена ему объяснила, что он должен забраться на чердак, снять штаны и сесть на половую доску, а потом через дырку в ней просунуть мошонку, предварительно надев на нее петлю из бечевки, второй конец которой следовало спустить в комнату.

Муж сделал всё веленное женой, а она легла в постель, не выпуская из руки конец бечевки. Чтобы та не болталась, баба обмотала ее вокруг большого пальца ноги.

В положенный час у нее начались схватки. Она громко стонала и металась в постели, при этом натянутая бечевка дергала мужика за мошонку. Вскоре он стал вопить от боли громче жены. А когда мучения сделались невыносимыми, заорал:

– Жена-а-а, пусти бечевку! От адской боли у меня глаза уже на лбу! Я не только не буду тебя ебать, но и помогать при родах тоже ни за что не стану!

Городской анекдот. Из южной Венгрии.

176. У всех троих одинаковый ум

Даже падишаху в Стамбуле надоели проделки и озорство Ходжи Насреддина, и он послал к нему стражников, чтобы те доставили пройдоху в столицу и там его вздернули на виселице.

Стражники пришли в дом Ходжи Насреддина, сказали, что его ждет смерть в петле, и велели собираться в путь. Когда арестованный приготовил всё необходимое для дальней дороги, к нему подошла жена.

– Слушай, дорогой, ведь ты направляешься не куда-нибудь, а в Стамбул. Купи мне красивый головной платок. Там эти платки и лучше, и дешевле, чем у нас здесь.

Насреддин посмотрел на жену, громко вздохнул и вышел из дому в окружении стражи.

Вскоре они подошли к речке, в которой женщины и девушки белили полотно, закатав до колен шальвары. Их ноги притягивали белизной, так что от них трудно было отвести взгляд. Ходжа почувствовал, как напрягся его распутный «баловник», покачал головой, вздохнул и, сопровождаемый вооруженными людьми, последовал дальше.

Когда они прибыли в Стамбул, султан велел сразу же привести Ходжу к нему. Когда пленник предстал перед султаном, тот спросил:

– Так это ты Ходжа Насреддин?

– Да, это я, светлейший падишах!

— Ага, ну тогда отведите его на виселицу!

— Постой, светлейший падишах, ради Аллаха позволь молвить три слова!

— Ладно, говори!

— Что у тебя, что у моей жены, что у моего хуя — одинаковый ум! — заявил Ходжа, повернулся и молчком зашагал к выходу.

— Это почему же? — опешил султан и велел вернуть Ходжу. — Говори, любитель дерзких выходок, почему это у меня, твоей жены и твоего хуя одинаковый ум?

— А вот почему. Приходят ко мне твои стражники, чтобы отвести к тебе, поскольку ты хочешь меня повесить. Услышав это, моя жена, вместо того чтобы пожалеть меня, ни в чем не повинного, велит купить для нее платок в Царьграде![1] Затем мы подходим к речке, где женщины и девушки белят полотно, закатав шальвары до колен. Только я увидел их белые ноги, как мой хуй тут же вздыбился, и это несмотря на то, что вскоре меня могут вздернуть. И вот сейчас я прихожу к тебе, а ты, даже не разобравшись, виновен я или нет, причинил кому-нибудь зло или нет, тут же велишь меня повесить! После этого ответь мне, светлейший падишах, разве у всех вас троих не один и тот же ум?

Султан рассмеялся и приказал страже отпустить Ходжу Насреддина на все четыре стороны.

Из Сербии. Этот анекдот я неоднократно слышал и в Боснии.

Примечание. В боснийской редакции этой истории значится, что женщины стояли наклонившись к реке, и Ходжа увидел их оголенные задницы. Эта деталь более точно соответствует восточной традиции, согласно которой женщины из стыдливости обязательно прикрывают лицо, но, застигнутые врасплох, могут оставить неприкрытыми зад и даже половые органы.

177. Который наверху

Двое еблись под грушевым деревом, а в его ветвях сидел мужик и ел груши. Не замечая постороннего, любовники заговорили между собой. Девушка спросила парня:

---

[1] Царьгра́д — древнерусское название Константинополя (ныне — Стамбул).

— А кто его прокормит? (Имея в виду будущего ребенка.)
— Тот, кто над нами (т. е. Бог)! — отвечал парень.
И тут сверху раздался голос мужика:
— Вы ебетесь себе всласть, а кормить его должен я?!
Парень с девушкой перепугались и, прервав еблю, убежали.

Рассказал сын торговца из Лешницы на Дрине, Сербия.

Эту шутку уже использовал [Г.-Э.] Лессинг [1729–1781] в своих грациозных строках.

178. Расходы офицера

Некий офицер вел у себя в блокнотике учет своих расходов. Его он завел еще в пору холостячества. Но теперь он остепенился. И вот как-то раз жена, листая его блокнот, обнаружила, что большинство затрат проведено по статье: «За то́чку сабли — 2 динара».

Это ее несказанно удивило, и она спросила мужа:

— Неужели была необходимость столь часто точить саблю?

— Дорогая моя, под этой статьей зашифрованы расходы на мои физиологические потребности.

— Как?! Неужели ты и за это платил? — спросила она сердито. — А я-то каждому давала бесплатно!

Рассказал сербский чиновник из Заечара[, Сербия].

179. Кади и три брата

Жил-был на свете очень удачливый человек. Буквально лежа он наживал деньги в дукатах или в золоте. Потом зачастили войны, и ему стала грозить опасность утраты как жизни, так и имущества. Он сложил золото в горшок и закопал его в землю под яблоней в саду. В один из дней он заболел и почувствовал, что вскоре умрет. У него было три сына, которых он позвал к себе, чтобы проститься и дать последние наставления.

Старик подошел к окну и показал сыновьям на сад, в котором закопал под яблоней горшок с деньгами, сказав, что, как он умрет и его похоронят, пусть они выкопают деньги и поделят их по-братски.

В тот же день отец скончался, сыновья положили его в гроб и схоронили. Вернувшись с кладбища, они решили выкопать

деньги и поделить их. Однако горшка под яблоней в саду они не нашли и стали попрекать друг друга, что кто-то из них эти деньги украл. Пришлось обратиться к кади.

Кади поприветствовал братьев и, выслушав их рассказ, поведал им такую историю:

«Жили-были на свете парень и девушка. Как-то раз парень попросил ее подарить ему девственность, и бедняжка согласилась исполнить его желание, но лишь выйдя замуж. Вскоре к ней посватался и потом женился на ней другой парень. В первую же брачную ночь он собрался лишить ее невинности, но новобрачная взмолилась:

— Дорогой мой, хотя ты и мой муж и я тебя люблю, сейчас я не могу тебе отдаться. Первую ночь я пообещала другому. Разреши мне пойти к нему.

Муж отпустил ее без каких-либо оговорок. Темной ночью девушка отправилась к дому того парня. На полпути ее встретил разбойник, разглядевший на ней несколько ниток с дукатами и украшения и решивший отнять их у нее. Однако путница умолила его повременить и выслушать ее историю. Объяснив, куда и зачем она идет, девушка попросила дождаться ее возвращения, после чего он может делать с ней всё что угодно. Узнав, что даже муж девушки был к ней благосклонен и разрешил ей исполнить обещанное, разбойник ничего на ней не тронул и даже проводил ее до места.

Когда девушка появилась у своего первого парня и объявила, что теперь он может получить обещанное, он спросил, как ей удалось покинуть мужа в такую глухую ночь. Девушка сказала, что муж отпустил ее к нему без всяких условий и что по пути она встретила разбойника, который хотел отнять у нее украшения. Но она ему рассказала, куда и зачем идет, и разбойник не только не тронул ее, но и довел до места. Немного подумав, парень сказал:

— Если обвенчанный с тобой и законный твой муж добровольно отпустил тебя ко мне, чтобы я порушил твою девственность, а встретившийся по пути разбойник ничего у тебя не взял, в таком случае и мне ничего от тебя не надо, и я готов проводить тебя обратно домой.

И он сопроводил девушку до порога ее дома, а потом вернулся к себе».

На этом кади закончил рассказ и попросил каждого из братьев выбрать самого достойного из трех мужчин: мужа,

с которым девушка обвенчалась, разбойника либо парня, которому она пообещала свою непорочность.

Братья задумались.

— Видишь ли, — сказал старший, — я считаю, что самый лучший — муж девушки!

Слово взял средний брат, назвавший самым честным разбойника. Младший же выбрал парня, желание которого девушка хотела исполнить.

Выслушав их всех, кади обратился к среднему брату:

— Это ты украл деньги, так что неси их сюда!

И кади не ошибся. Поняв, что раскрыт, средний брат принес горшок с монетами. Кади честно разделил наследство между братьями. За хорошую работу и ему перепало.

Рассказано сербским крестьянином в [гористой части] Маевицы, Босния.

Примечание. В другой редакции этой истории, имеющей хождение в Жепче (Босния), ничего не говорится о трех братьях и кади (судье), да и вопрос о том, кто из троих (супруг, любовник или разбойник) обнаружил большее благородство, остается нерешенным — выбор предоставлен слушателю. В этой версии история начинается так:[1]

«Парень и девушка очень любили друг друга. Девушка пообещала парню, что любого, кто захочет лишить ее девственности, она исцарапает. Однако раньше был такой обычай, что отец мог выдать дочь замуж за выбранного им парня, даже не заручившись ее согласием. Так однажды и случилось с этой девушкой. Ее обвенчали. После свадьбы у нее с женихом предстояла брачная ночь. Парень спустил штаны и развел девушке ноги, а она взмолилась: "Прошу тебя, ради Бога, только не трогай меня — я поклялась другому, и только он может первым овладеть мной". <...>

Сразу же после этого она в свадебном наряде отправилась через всё село к дому возлюбленного, но на нее напали разбойники, а их атаман объявил ей: "Это ограбление!" Он снял с нее монисто и дукаты и хотел изнасиловать, но она взмолилась, чтобы он не трогал ее, ведь она целомудренна и поклялась другому, что только он лишит ее невинности».

Потом она рассказала, как ее выдали замуж, но муж отпустил ее к первому парню, и т. д.

---

[1] Далее в оригинале текст — на сербском языке.

Глава X

ОБ УДОВЛЕТВОРЕНИИ ПОЛОВОГО ВЛЕЧЕНИЯ ПОСРЕДСТВОМ ФАНТАЗИРОВАНИЯ

180. Нюхальщик пизды[1]

Молодой аристократ ухаживал за красивой и неиспорченной, как он считал, девушкой. Когда он добился уже того, что мог с ней спать, он ничего другого не делал, кроме как совал палец ей в пизду и, изрядно поковырявшись там, подносил себе к носу. Втянув запах, он вручал девушке пятак[2] и удалялся. Всё это повторялось всякий раз, когда он приходил к ней. Вот она и решила: «Раз уж он так щедр, то, наверное, мне следовало бы принарядиться, помыться и хорошенько надушиться!»

Сказано — сделано. Вечером молодой человек снова пришел к ней, засунул как обычно палец, а когда поднес его к носу, сморщился. Ничего не сказав, он заплатил и ушел. С тех пор девушка его уже не видела.

Рассказал крестьянин из окрестностей Дубровника, Далмация[, *совр. Хорватия*].

181. История о том, как один мужик тер пизду и затем весь день нюхал свою руку

Говорят, жил-был на свете холостой мужик. И была у него баба, приходившая к нему каждый день. Ничего другого он

[1] Оригинальное заглавие: «Pizdonjušac».

[2] Пятáк, т. е. пять гульденов = десять крон. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

с ней не делал, а только тер и поглаживал ее пизду, а потом вставлял в нее два пальца. За это он давал ей двадцатник[1], а потом весь день подносил руку к носу и, нюхая ее, балдел от этого.

Рассказал крестьянин из окрестностей Жепче, Босния.

182. Морда

Девушка шла по дороге и повстречала парня. Он ее спрашивает:

— Что это трясется под тобой? — спросил он.

— Твоя морда!

Рассказал крестьянин из села Младошевицы, средняя часть Боснии.

Примечание. Девушка была всецело довольна собой, но парень смел намекнуть на ее половые органы. Поняв намек, и вместо того, чтобы сказать «Пизда» («Pičku»), девушка срезала наглеца, назвав его по сути «пиздолизом» («Vozenlecker»). Пиздолизов («pizdoliz») презирают, а в хороводных песнях выставляют на всеобщее посмешище.

183. История о любителе говна и любителе подсматривать

«Ах, дорогой мой господин, пока я была молодая, даже мое говно, извини меня, имело куда большую ценность, нежели пизда у нынешней самой современной и красивой девки. Видишь ли, хочешь — верь, хочешь — не верь, это я сейчас беззубая баба, над которой даже дети на улице издеваются, но когда-то я была юная и в меня влюблялись богатые господа из города. Случалось, в воскресенье я приходила на городской рынок, и меня приглашал к себе господин верховный судья, давал вволю наесться и напиться. А потом, мой милый, он вел меня к себе в комнату, где мы раздевались догола. Он ложился спиной на канапе́, а я садилась на него верхом и показывала ему свою жопу, после чего он целовал обе мои ляжки. И я

[1] Двадца́тник — серебряная монета стоимостью тридцать шесть геллеров. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

должна была, извини меня, посрать и посцать ему на грудь, от чего он получал наслаждение. И каждый раз он давал мне за это три серебряных двадцатника. Гляди — вот эти сережки мне тоже от него достались.

Однажды я пришла к нему, а его не было дома. Я ждала, ждала до тех пор, пока меня не окликнул стражник, который сопроводил меня к его превосходительству главному правителю («žúpan»). Я обомлела от страха. Боже мой, что теперь будет?! Я очень боялась появляться перед высокопоставленными господами, которые лупили меня по голому телу без всякой причины. Наверное, им нравилось смотреть на женскую окровавленную жопу. Бог им судья! Войдя к главному правителю, я опустила глаза. Меня колотила мелкая дрожь. А он поцеловал меня и велел раздеться. Поверь мне, я сгорала от стыда, а он мне дал пять серебряных форинтов. Ну, тогда я разделась, и стражник тоже разделся догола и повалил меня перед ним на кровать. А главный правитель, глядя на нас, наслаждался. Мне было неприятно, что он только глазел на нас. Лучше бы он меня в жопу выеб, а не унижал вот таким образом».

В 1884 г. рассказала почти семидесятилетняя хорватская крестьянка из села близ Пожеги, Славония.

184. История о том, как пашá сцал на своих наложниц

Жил-был один пашá, и ему отказал его хуй, а у него было множество наложниц. Когда они ложились одна возле другой на циновках, разложенных на полу большой комнаты, пашá приходил с утра пораньше и сцал на своих наложниц. Удовольствие он получал от того, как они извивались, сверкая голыми жопами.

Рассказал крестьянин из местности по среднему течению реки Босны[, Босния].

185. История о том, как цыган барышень ебал

На берегу реки Вуки цыгане разбили табор, а прогуливавшиеся по другому берегу дамы и господа наблюдали за ними.

И тут какой-то цыган стал бахвалиться, что каждый день ебет по паре барышень с другого берега. В таборе все диву давались, считая это невозможным и не веря родичу. Однажды на другом берегу собралось много девушек, а тот самый цыган стал напротив на своем берегу. В это время по реке проплывали на лодке рыбаки и, увидев цыгана, который дрочил хуй, закричали:

— Ты что это делаешь, свинья?

— Вы разве не видите — ебу?

— Кого ебешь, гад проклятый? Ведь ты дрочишь хуй!

Однако цыган нисколько не смутился и, не прекращая своего занятия, прокричал рыбакам:

— Ну и глупые же вы люди! Разве вы не видите, что как раз сейчас я ебу вон ту смазливенькую барышню на другом берегу. Ух, как же мне хорошо!

После этого все поняли, каким образом этот цыган мог ебать по паре барышень в день.

Рассказал хорватский чиновник в Вуковаре, Сирмия[, *совр. Хорватия*].

186. До чего додумываются бабы, когда рядом нет мужика

«Чаще всего они засовывают себе свечку. Или надуют кишку наподобие хуя и суют ее в пизду, а также смазывают свиным салом кукурузный початок и загоняют его. Когда у них зачешется и появляется желание ебаться, они вливают в пизду яблочный уксус, и желание сразу же отпускает. Одни вставляют палец, чтобы утолить желание, другие — делают хуй из тряпки, смазывают его жиром и вставляют.

Девки-подружки влезают одна на другую и качаются таким образом. Чтобы возбудиться, одна вставляет другой палец, а чаще сует ей толстую парафиновую свечку, пока напарница не кончит.

Встречается здесь и немало таких [мужчин], которые вначале покусывают пизду, а некоторые лижут ее языком, пока не возбудят, а потом ебут».

Сообщил старый крестьянин из окрестностей Яничей, Босния.

187. Возбуждение с помощью сала

В селе Лупоглаве близ Жепче жили три сестры-пастушки, которые и по сию пору здравствуют. Одна пасла коров, вторая — овец, а третья — хряка. В одну из вёсен они сидели вместе, и одна из сестер сорвала козелец. Это такая трава, цветок которой своей формой напоминает детский хуй. Затем она как бы в шутку засунула его одной из сестер между ног в пизду, но стебель сломался. Девушки рассмеялись и решили найти что-нибудь попрочнее.

На другой день они встретились снова. Одна из них утащила из дому большой кусок сала и сделала из него хуй с головкой толщиной с ладонь. Вскоре они стали дурачиться и хватать друг друга за пизды. Та сестра, у которой был хуй из сала, засунула его в пизду одной из сестер, и он пришелся ей в аккурат. После этого она повалила ее и отчесала. Затем пришла очередь самой старшей из них — той, что этот хуй смастерила. Видать, она и раньше забавлялась таким образом. Одна из сестер забралась на нее и давай качаться, а вторая затолкала этот кусок сала в пизду и гоняла его туда-сюда, пока сестра не кончила и не лишилась чувств от возбуждения. Затем, очнувшись, она стала стонать от удовольствия. В это время из леса за ними наблюдал не замеченный ими их сосед, парень Иво Михич. Сестры и позже делали это друг дружке, но однажды хуй из сала исчез. Его нашел отец девушек. Он положил сало в чугунок с горохом, сварил всё это и съел. Поскольку для самой старшей сестры этот хуй был всем на свете, девки, захотевшие снова им позабавиться, спросили ее, куда этот хуй запропастился. И она с горечью ответила: «Его наш отец слопал!»

Рассказал крестьянин из села близ Жепче на реке Босне.

Глава XI
ПРИДУРКОВАТЫЕ МОЛО́ДКИ

188. Целомудренная жена

Черногорка вышла замуж, но уже на второй день на рассвете сбежала от мужа домой. Когда подруги спросили ее, почему она так поступила, та ответила:

— Ага, как же мне не сбежать? — И, вздохнув, добавила: — Я-то думала, что вышла замуж за приличного человека, а он в первую же ночь стал со мной вытворять такие безобразия! Ну уж нет, не на ту напал, ничтожный мужик! Меня даже мой родной папаша не ебал, а ты тем более не будешь!

Из Сербии.

Примечание. Эта история никак не может служить основанием для вывода о более высокой добродетельности уроженки Черногории. Мать или еще кто-то надоумливает девушку не распутничать, что ебля (Vögeln) — это якобы что-то исключительно позорное. И наивное существо вступает в брак с этим похвальным убеждением.

Человек-животное оказывается во власти самых невероятно глупых вещей. Так, к примеру, хорваты слышат от своих наставников-апостолов, что изучение немецкого или какого-либо иного развитого в культурном отношении языка есть преступление перед величием хорватского народа.

Такого рода взгляды неизменно несут в себе эгоистическое желание оттенить действительное или мнимое превосходство.

189. История о том, как отец еб свою дочь

Одна девушка слышала, как люди всё время говорят о ебле, но не знала, что это такое, и однажды говорит отцу:

— Папка, давай поебемся!

Чтобы дочь не узнала, что это такое, и, желая отбить у нее охоту к ебле, отец однажды сказал ей:

— А вот теперь, доченька, мы будем ебаться! Ты только повернись ко мне и наклонись!

Дочь подняла юбку и наклонилась, а отец взял ежа и отметелил ее между ног так, что она обосцалась от боли.

Когда девушка подросла, в нее влюбился парень из порядочной семьи и женился на ней. В первую же ночь он хотел предаться любви.

— Давай, дорогая, поебемся! — предложил новобрачный без всяких экивоков.

Услышав это, невеста оттолкнула его.

— И не жди от меня этого! Один раз меня ебал мой папенька, и после него уже никто этого не сделает!

Молодожен помчался к тестю и стал его нести на чем свет стоит. Тесть еле его урезонил, а затем рассказал, как «он сам свою дочь ебал», и повеселевший зять воротился домой.

На вторую ночь муж, чтобы обмануть жену, сказал:

— Давай, женушка, сегодня месить тесто, чтобы печь блины!

Жена согласилась и осталась довольна. На другой день она пришла в гости к своим родителям и стала рассказывать им, как они с мужем пекли ночью блины. Дескать, столько было сметаны, что хватило бы отцу и матери на ужин.

Рассказал католический священник из села близ Загреба[, *Хорватия*].

190. История о царевне и цыгане

Царевна искала для себя мужа без хуя. Искала его долго, пока наконец не наткнулась на одного цыгана. Тот, чтобы обмануть ее, прикрепил к хую кусок кожи и женился на царевне. Однако кожа треснула в первый же вечер и царевна стала спрашивать цыгана, что это у него. Он ответил, что это хорошая птичка. Тогда царевна захотела, чтобы птичка попела для нее. Цыган выеб царевну, и это ей настолько понравилось, что она заставляла его неустанно ебать ее, только бы слышать сладкоголосое пение. По истечении девяти месяцев

она родила младенца. Царь спросил ее, с чего это вдруг она еблась. Она ответила, что не еблась, а у ее мужа есть птица, которая красиво поет, но особенно ее голос сладок, когда она пьет воду. Царь-отец сказал ей, что такая птица имеется у каждого мужчины. Услышав это, царевна заставила всех мужчин в царстве ее ебать, чтобы она могла сравнить, какая из их птиц лучше поет.

Рассказал болгарин — помощник садовника из села на Дунае.

Глава XII

ПРИДУРКОВАТЫЕ ПАРНИ

191. Не заслужил ничего лучшего!

Состарившийся священник был еще в добром здравии и полон сил, а потому часто грустил об ушедшей молодости и о том прекрасном времени, что он проводил с бабами.

Однажды из соседнего села к нему пришел молодой человек и признался, что согрешил, а потому хотел бы покаяться и получить прощение.

— Неужели твой грех столь велик, сын мой? Расскажи мне о нем, — предложил духовник.

— Позавчера у нас был семейный праздник, и гостей обслуживала красивая дочь нашего соседа. Вдруг закончилось вино, и я спустился в подвал, чтобы налить нового вина из бочек, а она пошла вслед за мной с графинами. Когда мы спустились вниз, меня охватил такой жар, будто Бог лишил меня рассудка, я завалил девушку на бочку, задрал ей подол и чуть было не сделал постыдное дело, но, слава Богу, вовремя опомнился и вот сейчас пришел к тебе за советом, как мне быть, чтоб мой грех был прощен.

Старик долго на него смотрел, насупившись, и потом произнес наконец:

— Тебе надо съесть охапку сена и запить ее водой из корыта.

— Но я же не конь, батюшка!

— А я и не говорю, что ты конь! — закричал в негодовании духовник. — Ты просто осел, если задрал девушке подол и не довел дело до конца.

Из южной Венгрии.

192. О фабрике по производству людей

Еврей впервые приехал в Загреб вместе с сыном, которому было уже шестнадцать лет. Проезжали они по улице По́ток. По натуре юноша был любопытен, как и все евреи, и непрестанно доставал отца одним и тем же вопросом:

— Папа, а это что за дом?

Отец ему нехотя отвечал, поскольку своими расспросами сын ему порядком надоел. Когда показался дом, из окон которого выглядывали красивые девушки, а были это бляди, на всё тот же вопрос сына отец сказал:

— А это фабрика для производства людей!

Услышав такой ответ, юноша стал упрашивать отца зайти на фабрику и поглядеть, как там делают людей, однако отец и слышать об этом не хотел. Когда они приехали в гостиницу и получили номер для проживания, сынок сразу же отправился к фабрике по производству людей, месторасположение которой хорошо запомнил. Войдя в помещение, он направился к первой же двери в коридоре и беспрепятственно вошел в комнату — клиент, который еб в это время на диване, забыл запереть дверь на ключ. Увидев незваного гостя, ебущийся стал его честить и велел выметаться вон, однако юношу это нисколько не смутило и некоторое время он наблюдал за всем происходящим, а потом вышел в коридор и вернулся в гостиницу. Отец спросил, где он был, на что сын сердито ответил:

— Где же, как не на фабрике по производству людей!

— И что ты там увидел, непослушное чадо?

— Что я видел? Ровным счетом ничего, так как опоздал, а вот если бы ты в тот момент, когда мы проезжали мимо завода, пошел вместе со мной внутрь, мы бы наблюдали весь процесс. А так я видел уже готового человека, которому мастер в это время уже жопу придельвал!

Рассказано учителем гимназии в Загребе, Хорватия.

Примечание. Эта история ценна для фольклориста, поскольку косвенно в ней подтверждается тот факт, что осевшие в Хорватии немецкие евреи всячески стремятся изолировать своих «Jüngelach ün Maidlach»[1] от хорватской культуры. Это, однако, не

[1] Мальчиков и девочек (*идиш*).

препятствует тому, что из чисто меркантильных соображений отдельные евреи братаются с хорватами и даже выступают в качестве самых яростных поборников «хорватской идеи». «Чего не сделаешь ради дохода!» («Wös tüt me nischt der Panösseh zwegen!»)

193. Пизда в тыкве

Один парень женился, не имея никакого опыта в любовных делах.

— Пизда у тебя есть? — спросил он невесту.

— Есть, но я ее у матери забыла.

— Ладно, в таком случае я схожу за ней.

Придя к теще, молодожен сказал:

— Жена меня послала за пиздой, и ничего другого ей не надо!

Теща взяла пустую фляжу из тыквы, положила в нее мышь и говорит:

— Вот ее пизда. Отнеси ее домой, только по пути ни в коем случае не заглядывай внутрь!

На обратном пути парень увидел кизиловое дерево и, проголодавшись не на шутку, решил перекусить его ягодами. Насытившись, он подумал: «Возможно, у пизды тоже сосет под ложечкой. Надо и ее подкормить!»

Парень приоткрыл крышку фляги из тыквы, а оттуда выпрыгнула мышь. Бедолага сорвал с себя шляпу и стал кричать:

— Пиз, обратно в шляпу! Пиз, обратно в шляпу!

Но мышь убежала в лес, а парень со вздохом сказал:

— Эх, трусиха! Ну что теперь мне делать?

Когда он пришел домой, новобрачная спросила:

— Ну и где она? Ты ее принес?

И муженек пожаловался, что пизда сбежала. Тогда невеста, задрав подол юбки, сказала:

— Да вот она где! Тут как тут, вернулась!

Муж пощупал.

— Ах, бедняжка золотая! — воскликнул он. — Вон у нее даже кизиловая ягода изо рта торчит — она еще не успела ее съесть!

Рассказано крестьянином Джоко Перич в Малешевцах, Босния.

194. «Дай малышу дырку!»

Отец женил своего молодого и неопытного в любовных делах сына и сказал ему, чтобы во время первой брачной ночи тот нашел у жены дырку (пизду). Ночью все легли спать, а молодые — в отдельной комнате. Неопытный молодожен спрашивает невесту:

— Слушай, а где у тебя дырка?

— Сам ее ищи! — ответила та, поняв, какой темный у нее муж.

Молодожен искал дырку по всей комнате, но никак не мог ее найти. Наконец он позвал отца:

— Папа, нет здесь дырки, нигде ее нет!

Мужик понял, что сноха издевается над его сыном, и заорал на нее:

— А ну-ка, блядь, дай малышу свою дырку, не то я достану свой бурав и из обеих твоих дырок сделаю одну!

Рассказал путешественник из юго-восточной Сербии.

195. История о парне, который не представлял, как надо ебать

Парень хотел поженихаться, но не знал, что такое ебля. И всё же он сыграл свадьбу. Наутро мать его спросила:

— Ебал ли ты жену?

Он отвечал, что нет, поскольку не знает, как ее ебать. Она ему растолковала, что надо ебать там, где волосы. В ту же ночь он выеб жену в голову. На другой день утром мать спросила:

— Хорошо ли тебе было, сынок?

— Нет. А отчего мне должно быть хорошо?

— Так куда ж ты ее ебал?

— В голову. Ведь волосы у нее там!

Тогда мать объяснила:

— Отмерь две пяди вниз от пупка и там еби.

В ту ночь он выеб жену в жопу. На другой день утром мать снова спросила сына, и тот ответил, что ебал в жопу, после чего добавил:

— Зачем мне еще и жопу ее чистить?

После этого мать сказала:

— Отмерь между ляжками вперед от дыры жопы полторы пяди и еби там!

Сын отмерил и наконец нашел пизду.

Утром мать подступилась всё с тем же вопросом:

— Ну и как, дело сладилось, сынок?

— Ты бы только знала, как было хорошо, и не только ей, но и мне! Она даже просила меня всё повторить. Давай я и тебе сделаю то же, чтобы ты поняла, насколько это приятно!

Рассказал болгарский торговец овцами из Филиппополя[, *Болгария*].

196. История о том, как один не знал, что надо делать в брачной постели, и позвал свою мать

Как-то раз женился парень, не знавший, что такое пизда и как надо ебаться, и, когда его оставили одного с невестой в комнате, он стал звать на помощь свою мать. Она подошла к двери и спрашивает, что стряслось, а он:

— А что мне теперь делать?

— Ешь джердекушу[1].

Съев кусок пирога, он снова зовет мать:

— А сейчас что делать?

— Рядом с тобой твоя жена, вот и ложись с ней!

Молодожен вытянулся под боком у жены, а та, когда увидела, что он замер, словно чурбан, стала его дразнить. Тогда он спрыгнул с постели и заскулил жалобно у двери:

— Мамочка, а она меня щиплет и пристает ко мне!

Мать, услышав крик, вошла в комнату и говорит:

— Ты ей за это отомсти, сынок!

— Но как, мамочка?

Мать сняла с него трусы, взяла хуй в руку, приставила к пизде невесты:

— Ты воткни его вот сюда и в отместку хорошо нажми!

Он засунул, а мать советует:

— А теперь двигайся туда-сюда!

---

[1] Джердеку́ша — свадебный пирог; название почерпнуто из турецкого языка.

Он стал совершать толчки и повторять:
– Вот так, вот так!
А потом зачастил:
– Так, так, так, о-о-о! – И кончил.
Довольная мамаша покинула комнату.

Рассказал ходжа из села близ Зе́ницы, Босния.

197. История о том, как один хотел иметь жену с двумя [пиздами]

После кончины богатого трактирщика всё его хозяйство досталось его сыну. А тот всё ходил бобылем, мечтая жениться только на той, у которой было бы две [пизды]. Однажды он пришел к ручью, где девушки стирали белье и высоко подтыка́ли юбки, и, когда какая-нибудь из них нагибалась, обнажалась ее мохнатка. Вот так он и разглядел у одной из них [пизду] сзади. Подойдя к девушке ближе, он сказал:

– Слушай, я заметил у тебя сзади пиздушку!

А девушка была не лыком шита и знала, какую невесту он ищет, поэтому ответила:

– А ты разве не знал?! У меня их две – спереди и сзади!

– Коли всё так, то не пошла бы ты за меня замуж? У меня была бы только ты одна, ведь не стал бы я изменять жене с двумя, а если бы я отправлялся затовариваться вином для трактира, ты всегда давала бы мне в дорогу одну в коробке!

Девушка с готовностью приняла предложение, и они поженились.

Однажды, когда парень должен был отлучиться из дому по делам на несколько дней, жена приготовила для него коробку, в которую посадила синичку, сказав мужу, что в коробку положила пиздушку и чтобы он хорошенько присматривал за ней, не то она улетит. И молодой трактирщик отправился в путь, а придя в одно село, снял на постоялом дворе комнату, окна которой смотрели в сад. Вдруг ему захотелось поебаться. Подойдя к открытому окну, он положил перед собой коробку, чтобы извлечь оттуда пиздушку. Стоило ему приподнять крышку, как синичка вьпорхнула прямо в сад и, усевшись на ветке, весело защебетала:

– Пиз, пиз, пиз, ля-ля, ля-ля!

Удивлению парня не было предела, но тут его охватил страх, как бы она не улетела слишком далеко. Он выпрыгнул из окна в сад, поднял рубашку и, направив хуй в сторону синички, стал подзывать ее, вторя щебетанию пичуги:

— Хуй, хуй, хуй на, ля-ля, ля-ля!

Так он промучился битых два часа, но ему не удалось приманить птаху, и в конце концов она улетела.

Домой он вернулся удрученным, боясь, что жена начнет распекать его за случившееся. Но она не стала его ругать, а всего лишь сказала:

— Раз уж ты был таким неосторожным, отныне будешь довольствоваться только одной!

Рассказал хорватский торговец галантерейными товарами из Беловара[, *Хорватия*].

Примечание. См. № 161 (другую редакцию этой истории).

198. «Ага, я бы еще смазал!»

У богатого крестьянина был сын, который ничего не делал, только пас овец. Он был единственным отпрыском, и отец не раз предлагал ему жениться, но тот не хотел, не разумея, зачем это надо.

Однажды какие-то ломовые извозчики привезли несколько телег с медом, выгрузили товар и заночевали у парня в шалаше. Вечером они стали есть мед, макая в него хлеб. Пастух тоже несколько раз макнул хлеб в мед, но не знал, что это за еда.

— Объясните, ради Бога, что это такое!

Извозчики подумали, что парень шутит, и тоже решили над ним подшутить.

— Это пизда! — брякнул один.

Овчару мед показался дюже сладким. Он и раньше слыхивал, что пизда есть у каждой женщины, а потому на другой же день утром отправился к отцу и сказал, что готов жениться. Отец только того и ждал и быстро сыграл свадьбу. Когда вечером новобрачных оставили в комнате наедине, молодой, прихвативший с собой буханку хлеба, спросил жену:

— А где твоя пизда?

Она ему ее показала. Отрезав от буханки ломоть, он макнул в нее, но, положив в рот, почувствовал разящую по́том вонь.

— Эта пизда не такая сладкая, — пожаловался парень жене, — как та, что я ел с ломовыми извозчиками!

И он убежал в горы.

Отец посылал ему записки, уговаривая вернуться, но сын упрямился. Затем сноха попросила свекра, чтобы он сшил для нее мужское платье, какое носят слуги паши́, дал ей коня и оружие, и пообещала вскоре вернуть его сына обратно. Старик еле дождался отъезда снохи. Она оделась как слуга паши́ и спереди сделала разрез в своих шальварах, затем села на коня и отправилась к мужу.

Подъехав к его шалашу и представившись аго́й, слугой паши́, она стала давать парню распоряжения:

— Привяжи коня, валах, зарежь ягненка и испеки хлеб.

В первый миг парень изрядно сдрейфил, а потом, собравшись с духом, быстро проговорил:

— Я всё сделаю, ага, всё сделаю!

После этого он привязал коня, зарезал ягненка и испек хлеб. Когда начало смеркаться, ага велел:

— Слышишь, валах, спать будешь вместе со мной в шалаше!

Новобрачный даже не стал возражать — он боялся слуги паши́, слово которого для него было закон, и иначе он поступить не мог.

Когда они расположились у очага друг против друга, парень через разрез в шальварах слуги паши́ увидел пизду и воскликнул:

— Боже мой, ага, какая у тебя рана!

— Недавно я задел это место топором, смажь-ка его жиром!

Парень взялся за дело, но, когда стал смазывать, слуга паши́ приказал ему:

— Не делай это пальцами, чтобы не задеть рану ногтями, — она глубокая. Лучше вынь «то», что у тебя между ног, и хорошо забей его внутрь!

Парень начал отступать, а слуга паши́ схватился за ружье, и недавнему молодожену ничего не оставалось, как выполнить приказ аги. Когда хуй ворвался в пизду, парень почувствовал себя наверху блаженства. После проделанной работы они снова сели друг против друга, но у парня вновь вздыбился хуй, и он обратился к слуге:

— Ага, я бы еще смазал!

— Смажь, сынок, смажь!

И так он всю ночь обрабатывал «рану».

На другой день слуга паши сказал парню:

— Разве ты, глупый, не видишь, что я не мужик, а баба, а у каждой бабы между ног есть рана, которая называется пиздой!

И слуга паши ушел. Как только он исчез, парень сразу же помчался домой и был там раньше своей переодевшейся жены. После этого уже никто не мог выгнать его из отчего дома.

Рассказал серб из округа Мостара, Герцеговина.

Примечание. Крестьянки намеренно не омывают свои половые органы, полагая, что это способствует любовному наслаждению. Оборот «смердит как пизда» («smrdi ko pička») служит наиболее сильным средством для характеристики неприятного запаха. Впрочем, мужчины также стараются как можно дольше сохранять беловатый налет, образующийся вокруг головки хуя.

199. Пизда не хочет пресного молока (*Пословица*)

Жили на свете дед да баба, и был у них сын не в меру стеснительный. Когда они женили его, он отказывался спать с женой, не понимая, что с ней делать, и, как только наступали сумерки, отправлялся с овцами на пастбище.

Жена часто злилась, а потом шла доить корову. Однажды в гневе она стала пинать корову, и свекровь спросила:

— Что с тобой, сноха?

— Пизда не хочет пресного молока (Ne će pička varenike), — услышала она в ответ.

После этого невестка ушла к себе в комнату и переоделась в мужское платье. А под этим платьем у нее осталась женская юбка. К поясу она прицепила саблю и отправилась искать мужа, пасшего овец. И вскоре нашла его. Выдавала она себя за атамана разбойников, да и мужик поверил, что она из них. Женщина велела ему разжечь костер. Он это сделал. Затем атаман достал нож и приказал:

— Вот тебе нож. Зарежь двух ягнят и зажарь их, а также раздобудь аков[1] вина.

Парень, боясь, как бы атаман не зарубил его, бегом выполнил приказ. Они закусили и выпили, после чего атаман заявил:

---

[1] Аков — бочонок (ок. 50 л.).

— Или я изрублю тебя в куски, или ты будешь меня лечить!

— Господин, — взмолился молодожен, — но я не знаю, как тебя лечить!

— Что я тебе скажу, то и будешь делать!

Парень сказал, что готов делать всё, что атаману заблагорассудится. Тот снял с пояса саблю и лег. Затем он показал парню, куда ему надо всунуть свой «предмет».

— Ты меня лечи, а я буду спать!

Бедолага стал делать то, что ему было велено, и это ему настолько пришлось по душе, что он уже сам попросил:

— А можно мне еще раз хорошенько всунуть?

— Можешь это делать, сколько захочешь!

Потом атаман и парень поднялись и снова выпили вина.

— С Богом, — сказала своему мужу на прощание жена, переодетая атаманом, — и спасибо за лечение!

Возвратившись с пастбища, парень сразу же отправился в спальню к жене. Тут она и призналась, что была тем самым атаманом разбойников.

— Она у тебя слаще меда! — мечтательно причмокнул разыгранный молодожен.

Так он узнал, что такое женщина. Жена же не могла нарадоваться своему счастью.

Рассказал крестьянин-католик у подножия замка Костура на реке Дрине, Босния.

200. Пизда может и укусить!

Жил-был парень, который всё время приставал к своей тетке и просил у нее пизду. Он ей настолько надоел, что однажды она пообещала ему ее дать. Заранее отрубив голову щуке, женщина засунула ее себе между ног. Племянник засупонил своего «беднягу» в пасть щуки, а тетка сжала ляжки изо всех сил. Парень взвыл от боли и взмолился, чтобы тетка отпустила его подобру-поздорову, пообещав, что уже никогда не будет просить пизду. Только так тетка и избавилась от него.

Когда парень вырос и повзрослел, отец стал уговаривать его жениться, но тот ни в какую не соглашался, опасаясь быть укушенным. Наконец отцу удалось его уболтать. Сын женился, но решительно противился спать с женой.

Как-то вместе с супругой он отправился на телеге в гости к ее родителям. По пути жена попросила его сделать то, что делают с женщинами все мужики. Он, однако, заупрямился, сославшись на то, что «она» может его пребольно укусить. Жена убеждала его, что «она» не кусается, ведь у нее нет зубов. А парень сказал, что не поверит, пока сам не убедится. Памятуя, что береженого Бог бережет, он привязал ноги жены к боковинам телеги, а руки — сзади. Затем присмотрелся и узрел в ней зуб. Сняв шапку, он стал выкрикивать: «Сгинь! Сгинь!» Связанная бедняжка жена перднула от напряжения, а муж, бросив шапку, ломанулся в ужасе в лес. Женщина же, распластанная в телеге, связанная по рукам и ногам, так и въехала на телеге во двор к своим родителям.

Это надо было видеть своими глазами, чтобы убедиться, что такое и вправду могло приключиться.

Рассказал крестьянин из Забрдже, Босния.

Примечание. В силу ненасытности пизду иногда образно называют «щукой» («štuka»), а чаще — «карпом» («šaran»), как в одной хороводной песенке: «Пизда да печет карпа» («Pička peče šarana»). Ее полный текст см.: [Krauss] 1899–1902.

У сербов известен похожий вариант истории с более смешной концовкой. Вот его изложение:[1]

«Ребятишки болтали обо всем подряд. Разговор зашел о рае. Один из них, строивший из себя самого умного, сказал, что слышал о том, что в рай попадет только тот, кто выебет жену брата матери (тетку). Другой парнишка всё это запомнил, а поскольку у него была такая тетка, он решил с ее помощью попасть в рай. Вернувшись домой, он застал тетку в кухне, где она готовила на обед рыбу. Парнишка сразу же начал просить, чтобы та дала ебать. Тетка удивилась, откуда это желание могло возникнуть у малолетки, и стала его расспрашивать. Парнишка сказал, что хотел бы попасть в рай и что дорога туда откроется, стоит ему выебать ее, тетку. "Ну, погоди, — решила баба, — я вытряхну из твоей башки всю эту дурь, и у тебя еще долго не появится желания просить меня об этом!"»

Она прищемила его хуишко щучьей головой. Женившись, парень боялся спать с женой, считая, что ее пизда усыпана острыми зубами.

«— Да откуда у нее взяться зубам, дурачок?! — сказала ему жена и стала поднимать разведенные ноги, показывая, что ника-

[1] В оригинале текст, забранный далее в кавычки, — на сербском языке.

ких зубов внутри у нее нет. Задирая ноги всё выше и выше, она не удержалась и громко перднула.

– Ну уж нет, миленькая! – отпрянул муж. – Теткина пизда не лаяла и всё равно меня укусила. А твоя вон еще как лает, так что как пить дать мне его оттяпает!»

201. История о том, как муж с женой пряжу наматывали

Жил-был шустрый парень, большой баловник, не дававший проходу своей соседке, всё к ней приставал и просил, чтобы она дала ему свою пизду. И вот однажды соседка сказала, что даст ему ебать, пусть он только просунет хуй через дырку в заборе. Он это сделал, но вместо пиздушки соседка достала из кармана голову щуки, зубы которой настолько глубоко впились в хуй парня, что тот заорал от боли.

С той поры парню уже больше не хотелось ебать. Затем пришло время жениться, и он взял одну девушку из своей же деревни. Уже будучи женатым, он всё равно не доверял даже собственной жене, а потому решил проверить, не кусается ли у нее пиздушка. Для этого он взял палочку и стал ею щекотать секелек жены со словами:

– Гав, гав! Ты бы кусалась, стерва!

Все эти глупости жене надоели, и она решила вправить своему мужу мозги. Велев ему лечь с завязанными глазами на кровать, она сообщила, что будет наматывать пряжу. Он послушался ее и лег. Жена погладила ему яйца и хуй, отчего тот тут же поднялся и затвердел, затем она влезла на него, всунув хуй в свою пизду, и начала насаживаться. Мужу это настолько понравилось, что он стал умолять ее:

– Давай, давай, жена! Ты только мотай, мотай, ой, мотай! Можешь хоть до завтрашнего утра мотать!

Вот так они часто «наматывали пряжу», а не еблись.

Рассказал железнодорожный рабочий в Дале близ Осиека, Славония[, *совр. Хорватия*].

202. Пизда с зубами

Как-то возвращались домой из города тетя с племянником, еще недавно оперившимся молодым человеком. Наряду со всем остальным они купили в городе рыбу. Тетя была

еще молодая и красивая, а потому юношу невольно обуревали грешные мысли и неотступное желание ее поебать. Однако тетя не подпускала его к себе — как-никак они всё же родственники! Но сильный юноша повалил тетю и уже собрался задвинуть ей «его», как женщина во избежание несчастья быстро нашла в сумке щуку, раскрыла ее пасть и парень угодил не в тетину пизду, а прямо в эту пасть. Зубы рыбины сомкнулись, и юнец взвыл от боли. Через некоторое время женщина раскрыла пасть щуки и избавила несчастного племянника от мучений, а он так и не смог понять, куда же угодил.

Родители собрались его женить, но сын и слышать не хотел о браке. Достаточно было вспомнить, как он еб свою тетю, и тяга женихаться у него вмиг пропадала. Наконец удалось его уговорить, и молодые сыграли свадьбу. В первую же брачную ночь они разделись, и жена считала последние мгновения, когда же муж примется за дело.

— А ведь пизда с зубами? — вдруг он говорит ей.

— Да ты что, с какими еще зубами?! Ну и дурак же ты!

— Вот-вот, у пизды есть острые зубы!

Жена покрылась холодным по́том. Наконец он подошел к ней, новобрачная расставила ноги, а он стал водить пальцем вокруг пизды, не засовывая его внутрь, и как бы пугать пизду, цокая язьıком:

— Ц-ц-ц-ц! Ц-ц-ц-ц!

Парень сделал так несколько раз, а потом отважился и засунул палец в пизду, готовясь закричать, если она его цапнет. Однако ничего такого не произошло. Пизда его не искусала, и палец не прожгла боль от ее укусов! Только тогда он почувствовал себя свободным и впервые по-людски поеб.

Рассказал крестьянин из Старой Сербии.

Примечание. Из этого и большинства других рассказов, а также из различных народных преданий достаточно явственно следует, что в народе в целом наличию девственной плевы (гимена) не придается большого значения. Кровотечение в первую брачную ночь рассматривается как существенный признак девственности только в ограниченном числе округов и, как мне кажется, даже там — применительно лишь к узкому кругу определенных семей. В любом случае этот признак не имеет корней в старославянских обычаях.

Глава XIII

О ВРЕМЕННОМ БРАКЕ СВЕКРА И СНОХИ И О МНОГОМУЖЕСТВЕ

[Предуведомление]

В своей превосходной работе «Любовь и брак в древней и современной Индии» Ричард Шмидт отмечает: «У веллаларов[1] из [города] Карура [индийского штата Тамилнад] господствует исключительный обычай, при котором отец подыскивает для своих еще несовершеннолетних сыновей взрослых женщин, сам сожительствует с ними, и они зачинают от него детей, затем препоручает их своим сыновьям. Когда последние становятся взрослыми, они также находят жен для вверенных им детей, сожительствуют с ними, и таким образом обычай воспроизводится дальше» (Schmidt 1904: 335).

Этот обычай может показаться исключительным для Индии, однако среди хорватов и сербов он еще недавно был в порядке вещей, что подтверждается следующими примерами, которые, кроме того, объясняют его возникновение.

203. Отец сыну — зять

В восточных округах Сербии по сию пору существует обычай, когда родители женят сына еще мальчиком, хотя он, разумеется, еще не в состоянии удовлетворять потребностей жены, которая старше его.

---

[1] Веллалар (маллаяли, маллиали) — малочисленное горное племя, занимающееся овцеводством и земледелием в Южной Индии, в долинах Шеварайских гор. По преданию, в XIII в. они выселились из Конджеверама. Их язык — дравидийский (тамильский), религия — индуизм.

Путешествуя однажды в крестьянской телеге по этому краю, я в шутку спросил моего кучера, совсем еще мальчишку, не женат ли он. А тот совершенно серьезно дал мне утвердительный ответ.

— Это как же понимать? Неужели ты и спишь со своей женой? — спросил я изумленно.

— С ней сплю не я, а мой отец, но, когда окрепну, буду спать я. Точно так же я женю своего сына совсем молоденьким и потом буду удовлетворять свою и его жену.

Рассказал скотопромышленник из Белграда, Сербия.

204. О свекрах, ебущих снох

«Бывает много случаев, когда свекор ебет свою сноху. Такое случалось и в старые времена, когда родители женили какого-нибудь из своих сыновей без его желания или согласия. Случается и в наше время, что свекор ебет сноху, поскольку сын еще не в состоянии этого делать, и, в частности, когда свекор — вдовец. Потому он и спит со снохой. Я знаю много случаев, когда сноха убегала к своим родителям от свекра, который хотел ее ебать, а она была не в силах этому воспрепятствовать или была набожной и боялась, что будет наказана. Слава Богу, случалось и такое, что некоторые сыновья, отцы которых соблазняли их жен, отделялись от таких отцов».

Рассказал жандарм, проработавший 24 года в различных округах Боснии и обладающий колоссальным опытом.

205–211. Снохачество

I. «Убеждение, что в старину люди не испытывали потребности жениться, покоится на разнообразных доводах. К ним принадлежит также и отсутствие общего индоевропейского корня для обозначения слова “брак”. <...>

Итак, в доисторические времена люди жили гетероген-

[1] Гетери́зм — начальная стадия в развитии общества, характеризующаяся неограниченной свободой половых отношений. Сам тер-

но[1], другими словами, мужчина не сожительствовал исключительно с одной женщиной, а женщина — непременно с одним мужчиной. Этот всеобщий гетеризм еще встречается среди некоторых диких племен, благодаря чему объясняется также тот факт, что право наследования, фамилия и общественное положение даются по линии матери, а не отца, который остается неизвестен. По этой же причине даже у американских индейцев, среди которых принято заключать брак, он допускается только между членами семьи, принадлежащей к отцовскому роду, и запрещается для членов семьи материнского рода, поскольку в последнем случае ясно, что кровосмешение неминуемо, тогда как в рамках отцовского рода относительно кровосмешения ничего не известно. Понятно также, почему среди примитивных народов отцовская любовь часто направлена скорее на племянника, чем на собственного сына, — ведь племянник состоит с дядей в кровном родстве, мать его матери — это мать дяди, тогда как при неустойчивом браке муж едва ли может с определенностью признать сына своей жены за своего.

Древние иранцы вообще нисколько не обращали внимания на родство в браке, родители у них могли жениться на собственных детях, а братья — на сестрах. У древних эллинов, германцев, литовцев и пруссов разрешалось брать в жены любую женщину, кроме собственной матери. Известно также, что у древних персов и египтян цари могли жениться на своих сестрах. Некоторые авторы доказывают, что этот обычай мог быть распространен и у древних славян [здесь ссылка на Крауса. — *Примеч. Ф.-С. К.*]. Хотя относительно сербов мы не находим достаточных свидетельств [так! — *Ф.-С. К.*], а народное предание может сбить нас с толку [? — *Ф.-С. К.*], всё же приведу в пользу этого обычая некоторые примеры из наших народных песен. Во втором томе сборника народных песен, изданного под редакцией

мин был введен в научный оборот И.-Я. Бахофеном (1815—1887). В настоящее время обычно употребляют термин «промискуитет».

[1] Ду́шан — Сте́фан Ду́шан (ок. 1308—1355), король Сербии с 1331 г., царь сербо-греческого царства с конца 1345 г.; из династии Неманичей. В конце 1345 г. провозгласил сербскую архиепископию патриархией. В 1349 г. издал законник (т. н. Законник Стефана Душана).

Вука [Караджича] [см.: Караџић 1823/2: 21–46 (№ 6: "Женидба Душанова")], помещено сказание о том, как *Душан*[1] *хочет жениться на своей сестре*, Роксанде[1], но отступает перед божественной волей. Поэтому и песня кончается не совсем обычным образом, как бы для того, чтобы подчеркнуть, что такие вещи иногда всё же случаются:

Всё это когда-то происходило,	To je bilo kada se činilo,
А теперь об этом только рассказывают[2].	A sada se tek pripovjeda.

Согласно другому сказанию, Душан, будучи во хмелю, вознамерился жениться на своей сестре Кандосии, но и эта попытка ему не удалась.

В России уже в христианское время, в правление Ярослава, неоднократно упоминается о *сожительстве свекра со снохой*, – отношения, которые по-русски назывались *снохачеством*. В XVIII веке в Сибири родители женили сыновей еще в отрочестве и годами сожительствовали со снохами, приживая от них детей. К этому обычаю относились довольно терпимо, хотя он и противоречил установлениям веры. Суды фактически признавали его и подобные конфликты рассматривали без особого интереса – только если сын подавал жалобу против вмешательства в его семейную жизнь, ему предписывалось покинуть отчий дом[3].

По чисто экономическим причинам снохачество сохранилось вплоть до недавнего времени и в Сербии. Еще сейчас следы этого обычая можно обнаружить в уездах Студеница и Сврлиг. Глава семейства женил сына в возрасте уже 14 лет,

---

[1] Роксáна – заимствованное имя из средневекового романа «Александрия», известного среди южных славян с XIV в. В романе Роксандой названа дочь персидского царя Дария, ставшая женой Александра Македонского.

[2] Эти заключительные строки – стереотипная концовка гуслярских песен, и в них нет ничего необычного. Поэтому они не свидетельствуют ни за, ни против содержания самой песни и могут считаться только мнением рассказчика, впрочем совершенно непредставительным. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

[3] Об этом сообщает А<лександр> [Григорьевич] Смирнов в своих «Очерках семейных отношений по обычному праву русского народа» [М.: В унив. тип., 1877. 260 с. (на с. 110–112)]. [*Примеч. Ф.-С. К.*] [Примеч. из цитируемого здесь изд. см.: Тројановић 1901.]

и в доме появлялась пышущая здоровьем девушка в самом расцвете сил, 18–22 лет от роду. Таким образом, хозяйство пополнялось энергичной даровой работницей, что и было главной целью. Если свекор жил со снохой, то это оправдывалось увеличением рабочей силы и хозяйственным процветанием, ведь на деревне даже семилетний ребенок приносит хозяйству пользу. В уезде Студеница, еще в то время когда снохачество было широко распространено, свекор, бывало, отправлялся со снохой на ярмарки и деревенские праздники, тогда как ее юный супруг оставался дома с матерью присматривать за хозяйством. В ходе поездок по этому уезду я сам убедился в том, что этот аморальный обычай фактически сохранился, что подтвердили мне и некоторые интеллигенты[1], прожившие там много лет и хорошо знавшие народные обычаи, например господин Светозар Шурдилович (глава округа), господин д-р Мита Николич (врач), господин Любомир С. Маркович (глава уезда Студеница) и др.

Между тем среди гурбетов (сербских цыган) этот обычай еще в силе[2]. От цыган из Ресавы мне известно, что сей постыдный образ жизни не вызывает у них никаких угрызений совести, пусть даже иная оскорбленная жена (будучи христианкой) иногда и подает батюшке жалобу, испрашивая от него совета о расторжении брака. <...>

В уезде Студеница узы брака обычно не рассматриваются как священные. Часто гостю предлагают даже женщину из того самого дома, где он остановился, и, как правило, ею оказывается молодая жена. Происхождение таких отношений там оправдывают, ссылаясь на обычай братания ("bratije"), что, на мой взгляд, подлежит безоговорочному осуждению. Впрочем, в западных областях Балканского полуострова [женской. — *Ф.-С. К.*] чести издавна не придается особого значения. Также и древние авторы сообщают об одном ил-

---

[1] В Сербии и Хорватии государственные служащие, а также все, кто одевается в европейское платье, величают себя «интеллигентами». Народу в интеллигентности полностью отказывается — по причине, естественно, совершенно недостаточного знания народной жизни. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

[2] Об этом более подробно высказывает в своей статье «Цыгане в Сербии» Тихомир Джорджевич (Tihomir R. Gjorgjević; см.: Đorđević 1903: 60). (*Примеч. Ф.-С. К.*)

лирийском племени, для которого способом привечания гостя было предложение ему наложницы. <...>

В Черногории самовластные сербские правители когда-то требовали наложниц даже на постоялых дворах. Так, сохранилась недобрая слава о Смаиле (Измаиле)-ага Ченгиче[1] и его разъездах по поместьям и окрестным деревням. Эти примеры обнаруживают признаки насилия и не относятся к нашей теме, однако свидетельствуют об испорченности народа» (цит. по: Тројановић 1901: 159–160).

[Ш]. О снохачестве как обычае, распространенном среди русских, сообщает в своей автобиографии Сава Текелия, не давая, однако, соответствующего этому обычаю определения. В 1787 году, путешествуя по России, он добрался до Курска, большого города в Великороссии. Вспоминая ту поездку, он написал следующее:

«Курск – это губернский город, лежащий на холме. Об этом месте я не знаю ничего примечательного, лишь здания городского правления выглядят посолиднее. Здесь я сменил лошадей – как и у нас, их предоставили мне почтовые служащие. Мальчик 11-ти или 12-ти лет впряг их в коляску, и мы отправились дальше, вниз по отводному каналу, который отделялся от реки и образовывал большое озеро, где разводи-

---

[1] Ченгич (Čengić) – фамильное имя одного рода мусульманских беков, которые во времена турецкого владычества имели поместья в Герцеговинских горах, около Гацка. Род этот османского происхождения, но с течением времени ославянился. Смаил (Измаил)-ага Ченгич господствовал в 1819 г. в Гацке (к северу от Черной горы). В 1836 г. он сражался против черногорцев. В 1849 г. дробняки – племя и округ на границах Черногории – отказались платить дань Смаил-аге, и с подоспевшими к ним на помощь тремя сотнями черногорцев напали на стоявшего табором Ченгича. Он был убит; его голова со всем оружием и амуницией, по старинному черногорскому обычаю, была принесена в Цетинье. Этот случай был воспет Иваном Мажураничем в поэме «Smrt Smail-age Čengića» (1846) (см.: *Мажуранић, Иван* (1814–1890). Смрт Смаил-Аге-Ченгића / пјесан Ивана Мажуранића. У Загребу: Ткалац, 1859. VIII, 55 с. Многократно переиздавалась, см.: *Мажуранич, Иван.* Черногорцы, или смерть Смаил-аги-Ченгича: поэма / Ив. Мажуранича; пер. с сербско-хорватского [в стихах] А. Лукьяновского. Псков: Тип. Б.М. Неймана, 1877. 61 с. Без тит. л. Описано по обл.), переведенной почти на все славянские и некоторые иностранные языки.

ли рыбу и стояла водяная мельница, как почти в каждой деревне в Польше и России, – поскольку эта земля была почти сплошь гористой, а между холмами извивались маленькие или большие речки. Здесь, вдоль отводного канала, какой-то мальчик правил телегой. На ней сидела молодая, пригожая, крепко сбитая румяная девка 18-ти или 19-ти лет. Шутя я заметил вахмистру:

– Пойди попробуй отнять ее у этого ребенка! – Мальчику было не больше 10 лет.

– Да это же его жена! – сказал вахмистр.

– Что? Как может ребенок иметь жену, да еще такую ядреную?!

– Это и в самом деле так. Спросите у мальчугана, который нас везет.

Ребенок подтвердил слова вахмистра.

Я был удивлен.

– Как такое могло выйти?

Мальчик:

– Ну, неужели вы не видели мою жену, ту, которая положила мне завтрак в заплечный мешок?

– Как, ту бабищу? – Ей на самом деле было лет сорок.

– У меня есть даже двое детей.

– Ты определенно лжешь, у тебя не может быть детей, ведь ты сам еще ребенок!

– Конечно, но с ней живет мой отец, а детей записывают на мое имя, и они считают меня отцом.

– А тебе от этого не обидно?

– Да нет же, ведь, когда я вырасту, я тоже женю своего сына и буду жить со снохой.

– О Боже! У нас такое считается грехом и гражданским преступлением, и свекра, который позволяет себе спать со снохой, тут же убили бы. Здесь же это не считается позорным!

Я продолжал расспрашивать.

– Почему вы так живете?

– Сноха нужна нам как домашняя работница, и каждый стремится получить от нее по возможности больше» (Текелија 1877: 39–40).

Сава Текелия (Попович) родился 17 августа 1761 года в Араде (южная Венгрия), умер 21 сентября 1842 года. Ему как уроженцу южной Венгрии, который в недостаточной

степени был осведомлен о сербских народных традициях, русский обычай мог показаться чем-то из ряда вон выходящим. По возвращении на родину его представления, видимо, изменились, вследствие чего он снабдил свой рассказ следующим примечанием:

«Вернувшись в Венгрию, я рассказывал об этом с удивлением, но люди из верхних комитатов[1] сообщили мне, что подобный обычай распространен также и у нас, среди русинов, только, напротив, здесь девочку 7–8 лет выдают замуж за здорового парня, и, пока девочка не выросла, теща сожительствует с зятем» [Там же: 39–40].

[Ш]. Тихомир Р. Джорджевич замечает по поводу приведенного места из путевого дневника Савы Текелии:

«Снохачество у нас не новость, однако оно воспринимается не как обычай, а скорее как прегрешение, и на того, кто в этом участвует, смотрят как на грешника и негодного малого, не скрывая презрения. <...>

Я полагаю, что в наших судебных архивах можно найти немало следов процессов, касающихся таких отношений и инициированных людьми, чаша терпения которых переполнилась. <...>

13–14 лет назад Алексинацкий суд первой инстанции рассматривал дело о снохачестве; инцидент случился в Реснике (уезд Баня). Тот же самый суд приговорил цыгана Шайо из Соко-Бани к 12 годам строгого режима за убийство снохи, сбежавшей из его дому. Женщина не могла больше сожительствовать одновременно с двумя мужчинами.

По уверению г-на профессора Живана Михайло́вича (Mihajlóvić, Živan), снохачество – хотя и редкое, но всё еще известное явление в Млаве (округ Пожаревац). И там тоже, хотя это запрещено законом, стремятся при первом удобном случае женить юношу, чтобы заиметь в лице снохи бесплатную рабочую силу. Но такие отношения всё же считаются здесь постыдными, так что в их участников тычут пальцами. Среди румын из округа Пожаревца снохачество встречается чаще, но и в этих местах бывали случаи, когда сыновья отправляли на тот

[1] Комита́т – административный округ, существовавший до 1918 г. Во времена записей Ф.-С. Крауссa Соединенное королевство Хорватии и Славонии делилось на 8 комитатов, а Венгрия – на 63.

свет из-за этого своих отцов. [В качестве доказательства [Т.Р.] Джорджевич включает сюда сглаженную версию истории, которая ниже приведена под заглавием "О Боже, от страха пред Тобой...". – *Ф.-С. К.*] <...>

По уверениям некоторых моих друзей, случаи снохачества имеют место также в округах Пирот, Вране и Топлица. Но и там это считается не обычаем, а прегрешением, на которое смотрят с отвращением и узнав о котором сыновья оказывают противодействие. <...>

Посему я не могу признать, что случаи снохачества – обычное дело у нас. Они скорее исключения, осуждаемые людьми. <...>

Было ли снохачество раньше распространено у нас в большей степени и рассматривалось ли оно как обыденное явление, мне неведомо. <...>

Я не знаю также в сербском языке особого выражения для обозначения таких отношений» (Ђорђевић 1901: 202).

Среди хорватов на бывшей Военной границе считается само собой разумеющимся, что свекор и все его сыновья сожительствуют с новой снохой. Только первая ночь принадлежит исключительно супругу. До 1860 года у хорватов вообще было обычным делом женить сыновей на взрослых, зрелых девушках, чтобы получать дополнительную рабочую силу. Для искоренения этого обычая были изданы особые законы, а после введения закона о всеобщей воинской повинности такого рода ранние бракосочетания стали наконец особенно затруднены-ми. Среди хорватских крестьян, которые не придают особого значения женскому целомудрию, сожительство свекра со снохой – вопрос, волнующий преимущественно свекровь, мнением которой в этом случае так или иначе пренебрегают.

[*Из Хорватии.*]

212. «О Боже, от страха пред Тобой даже свой своего выебет!» (*Пословица*)

Свекор положил глаз на свою молодую и красивую сноху. Не зная, как к ней подступиться, он сказал как-то своим домочадцам, что отправляется на водяную мельницу. Ког-

да совсем стемнело, он подошел к собственному дому, поднялся на дымоход и стал сам себя кликать:

– Эй, Милован!

Домашние вышли на улицу, чтобы посмотреть, кто это там кричит. А свекор изменил голос и вопрошает:

– Дома ли Милован?

Ему ответили, что хозяина нет, после чего он торжественно провозгласил:

– Передайте ему, что я послан самим Богом и повелеваю Милovану выебать сноху, а не то я вас всех истреблю!

На другой день глава семейства вернулся домой и застал всех удрученными. Тогда он спросил, в чем дело, и ему поведали, что произошло накануне.

– Коль это посланник Бога, – сказал Милован, – так тому и быть. Чего только не сделаешь на благо своего дома!

После этого он схватил сноху и выеб ее. Сделав свое дело, он вздохнул и произнес:

– О Боже, от страха пред Тобой даже свой своего выебет! (Ej Bože, od straha Tvoga gde jeba svoj svoga!)

Рассказал землевладелец из Соко-Бани, Сербия.

213. Падчерица и старая корова

Озорник женился на вдове. Она привела в его дом падчерицу и корову по имени Старуха. Падчерица была красивая, а корова толстая, и мужику захотелось выебать падчерицу, а корову Старуху прирезать. В селе как раз появилась какая-то заразная болезнь, от которой многие умирали. Вот и сговорился этот мужик с приятелем, таким же прохвостом, как и он сам, что тот придет в полночь к двери его дома и постучит. Хозяин дома как бы вздрогнет и разбудит жену, а затем спросит: «Кто там?» Этот его приятель тонким голоском ему ответит: «Я – чума, что свирепствую в деревне. Если хочешь, чтобы я миновала твой дом, то еби падчерицу и зарежь Старуху».

Так всё и произошло. Услышав голос, жена испугалась и велела мужу сделать всё, что сказала за дверью чума. Он не стал долго мешкать и, повинуясь жене, прирезал корову Старуху и схватил в свои объятия падчерицу. Его жена выскочила на улицу, грохнулась на колени перед домом и, взметнув руки к небу, завопила:

— Не введи, Боже, во грех, а то ведь от страха пред Тобой свой своего ебет! («Ne upiši Bože u grijeh, što jebe svoj svoga od straha Tvoga!»)

Рассказал серб из округа Мостара, Герцеговина.

214. «Кто его знает, где я окажусь через год!»

В [селах] Ливаньско-Поля существует обычай, согласно которому каждый из гостей, приглашенных на свадьбу, прижимает невесту к стене и упирается [членом] в пизду, делая вид, что ебет ее, но при этом не должен втискивать свою дубину в дыру девушки. Прижав ее, следует сказать: «Даст Бог, через год свидимся!»

Во время этого обряда подошла очередь молодого духовника из Синя, который не только хорошенько уперся в лохматку, но и впер ей головку хуя мимо секеля. Невеста взбеленилась:

— Ты что же делаешь, безобразник? Бог тебя за это накажет!

— Кто его знает, сестрица, где я окажусь через год!

Пересказал далматинец услышанное в Сараево[, Босния].

Примечание. Данный обычай — реликт первобытного гетеризма (пра́ва первой ночи), который до сих пор бытует в боснийских уездах Ливно и Купресе, некогда главном местопребывании иллирийцев[1].

215. История о том, как сваты выебли на свадьбе невесту

Женился придурковатый парень, и, пока он пил и ел вместе с гостями, его сваты по очереди водили невесту в сливовый сад за избой и ебли ее там за милую душу. До вечера друг дружку сменило тринадцать парней, и самым послед-

[1] Иллири́йцы — древние индоевропейские племена на северо-западе Балканского и юго-востоке Апеннинского полуостровов (далматы, ардиеи, паннонцы и др.). С конца III в. по конец I в. до н. э. были покорены римлянами.

ним оказался сын помощника сельского старосты. Когда молодых отвели в амбар, как велел обычай, к невесте подкрался и этот парень и стал натягивать ее через жопу. В это время сноровистая деваха, как могла, развлекала жениха, а когда последний парень закончил свое дело, она обняла своего новоиспеченного муженька и спросила:

— Ну, дурачок, ты меня любишь?

— Как же мне тебя не любить!

— А за что?

— Если бы не было тебя, он бы выеб меня!

Рассказал крестьянин из Шумадии, лесного района Сербии.

Примечание. По старинному обычаю, право сойтись с невестой прежде жениха имели только его сваты. У этого жениха было четырнадцать сватов, очевидно, в силу того, что невеста была красивой. Другие гости не имеют никаких оснований на подобные притязания, и если в предыдущей истории к невесте оказался допущен молодой монах, то эта честь была предоставлена только ему как почетному гостю.

216. Собачья свадьба

Восемь дней назад здесь была свадьба. Я тоже был на этой свадьбе и венчании. Именно в тот момент, когда невеста уходила из своего дома, один из гостей сказал:

— Собачья свадьба лучше, чем эта! (Bolja je pasja svadba nego ova!)

На мой вопрос «почему?» гость ответил:

— Разве ты не знал, что так говорят всегда, когда невеста красивая? В то время как на собачьей свадьбе все кобели ждут, когда наступит их черед поебать молодую (сучку), на этой свадьбе невеста остается только жениху.

В письме от 26 апреля 1904 г. сообщил учитель из округа Моравы, Сербия.

217. Эрка долго не имела понятия, за кем она замужем

Эрка попросила сноху: «Ну-ка скажи мне, какова она, сноха с берегов Савы?! Она дарит деверю рубашку, такую тоню-

сенькую, что проскальзывает между пальцами. Я же, придя в дом мужа, подарила моему деверю рубашку весом в девять ок, а когда пришила воротник, то было уже десять ок. Вот какая плотная была эта рубашка. Сноха с берегов Савы не разрешает себя трогать, а у меня было девять деверей, и на протяжении трех лет я не знала, кто из них мой муж. Когда они запирали скотину в загоне, самый первый, подойдя ко мне, тут же вытаскивал свою хуину величиной с тушку убитого зайца и, шутя, полхуя вгонял в меня. Самого младшего из деверей звали Лакота — Царствие ему Небесное, так как он уже умер. Он, бывало, посадит меня на колени и давай покачивать и, как бы шутя, полхуя в меня и вкачает — и ничего!»

Из окрестностей Корая, Босния.

218. История о том, как деверь сноху насиловал

Сноха и деверь шли по лесу и решили немного передохнуть. Тут снохе вдруг захотелось хуя деверя, но она не знала, как ему об этом сказать.

— Эй, братец, — спрашивает она, — что бы это значило, когда говорят: «Он меня насиловал»?

— Не знаю, — ответил деверь, еще юный и неопытный.

— Давай попробуем! Я считаю, что женщину нельзя ссильничать, если она того не захочет.

— Я-то почем знаю?

— Давай, давай попробуем! — подзуживала сноха.

Деверь в конце концов сдался и попытался ее насиловать, а сноха как бы сопротивлялась, но он засадил ей «его».

После небольшой передышки сноха снова пристала:

— Ну, давай попробуй обмануть меня снова, ведь не сможешь же!

Деверь согласился и снова засадил ей. После этого сноха радостно воскликнула:

— Хорошо же мы поеблись!

— Хорошо говна поели! (То есть опозорились!) — сердито бросил деверь.

— Если ты его ел, то ел один, а я только для этого и пришла в ваш дом! — огрызнулась сноха.

Рассказал крестьянин из округа Пирота, Сербия.

219. Деверь и сноха

Сноха и деверь ехали на телеге через лес. Стоило деревьям окружить их со всех сторон, как сноха вдруг заволновалась:

– Ой, братец, боязно мне!

– Чего ты тру́сишь, сноха?

– Ну, не по себе мне, и всё тут!

– Но что тебя страшит?

– Не могу и слов-то подобрать.

Когда они заехали в самую чащобу, сноха снова заохала:

– Ой, братец, боюсь!

– Чего ты боишься, сноха?

– Ну, боюсь я, и всё!

– Но должна же быть какая-то причина.

– Не могу тебе этого сказать!

– А почему ты не можешь этого сказать?

– Да я боюсь, что ты меня не выебешь!

– Ах, только этого?! Тогда за дело! Волы, тпру-у-у!

Он остановил волов, задрал ноги снохи кверху и засадил ей от души. Когда дело было сделано, сноха спросила:

– Ну и как, братец? Тебе было хорошо?

– Да, хорошо!

– Тогда скажи, почему мой старик всегда ворчит, что ему нехорошо?

– Видать, ему уже опостылело этим заниматься!

Рассказал крестьянин в селе Велики-Извор, уезд Заечар в Сербии, где проживают переселенцы из Болгарии.

Примечание. Переиначенная редакция была уже 80 или 90 лет назад известна Вуку Караджичу. В своем критическом обзоре, посвященном адресованной юношеству повести [М.] Видаковича «Любомир в Элизиуме», он пишет: «Это похоже на рассказ о том, как однажды кум ехал с кумой на телеге, и, когда они заехали в лес, кума попросила:

– Останови-ка, кум, телегу, мне нужно срезать прутик.

– Зачем тебе прутик, кума?

– От тебя защищаться, чтобы ты меня не [выеб]!» (Караџић 1817: 122.)

Кума́ как духовная родственница должна быть «бесполой», т. е. не вызывать у ку́ма плотского влечения[1]. См. также: Krauss 1885.

220–221. История о том, как свекор сноху ебал

а) В селе Врховине уезда (kotara) Зе́ницы проживал некий Авдо Гачич-Подояк (Подояк означает «сосу́н» — это прозвище он получил, поскольку до двенадцати лет сосал материнскую грудь). Своего семилетнего сына он женил на девушке, которой на вид было лет пятнадцать–восемнадцать. Авдо был еще полон сил, а его жена была намного старше его. Однажды ночью он залез на жену и выеб. После небольшого перерыва ему снова захотелось, но жена стала ерепениться и злиться. Его сноха вместе с юным мужем, который в это время спал как убитый, находились в той же комнате, где и его родители. В деревнях это было в порядке вещей. Она всё слышала и видела, как злится свекровь. Потом потихоньку подошла к свекру сзади, схватила его за муде и шепнула на ухо:

— Дорогой отец, хватит с нее, теперь меня почеши! Нет больше мочи жить такой жизнью. Мне невтерпеж, иначе я убегу из твоего дома!

Боясь, как бы сноха не ушла, он удовлетворил ее. И был вынужден ебать ее, покуда не подрос его сын.

[*Зеница, Босния.*]

б) Другой мужик тоже женил своего малолетнего сына на девушке, старше его на несколько лет, после чего сноху был вынужден ебать его старший сын. Так получилось, что этот, второй, заделал ей ребенка. После этого младший брат

---

[1] У славян половые отношения между кумовьями строго запрещены. Нарушение запрета считается тяжким грехом, который дурно отразится на здоровье крестника. Поговорки же гласят иное: «Не кума́, коль под ку́мом не была»; «Аще кум куму́ не е́бе, не буде у́ не́бе» [Афанасьев 1997: 585, 487].

развелся с ней, а старший взял за себя, младшему же подыскали другую деваху.

Рассказал сербский мусульманин из села близ Жепче, Босния.

Примечание. Следует заметить, что в этих историях речь идет о семейных отношениях у сербов-мусульман. Развод здесь легко осуществим. Крестьяне мусульманского вероисповедания тем не менее имеют, как правило, только одну жену. Нескольких жен могут себе позволить лишь богачи. Однако добром это редко заканчивается.

222. История о том, как свекор еб сноху

Отец женил своего еще не окрепшего сына, чтобы сноха занималась их хозяйством. Она была, как говорится, бой-баба, однако малолетний сын еще не мог ее ебать. Однажды ночью, когда все лежали в одной комнате, свекор влез на свою жену. Тут и снохе захотелось того же. Она стащила свекра со свекрови, схватила его за хуй и стала втискивать его себе в пизду, приговаривая: «Хватит, отец, не валяй дурака, сделай богоугодное дело и всего лишь раз, а то и два мне вдвинь!»

Тогда он снохе и засадил, лишь бы избавить ее от мучений во имя Бога и на благо мира.

Рассказал крестьянин из окрестностей между Зёницей и Жепче, Босния.

223. История о свекре, который еб будто пяткой (*Пословица*)

В народе бытует такое выражение: «Еб будто пяткой» («Jebo ko petom»). А появилось оно вот откуда. Один мужик женил своего сына, который еще не мог ебать. Сноха пожаловалась свекру:

— Отец, ваш малый ничего не может, а я страдаю, ведь у меня всё время чешется!

— Ты ложись и закрой глаза, — сказал свекор, — а почешу я тебе ее пяткой, чтобы зуд прошел!

Она приготовилась, а он лег рядом, вынул свою залупу и загнал ей. Она в крик:

— Ой, отец, больно!

— Не беспокойся, детка, это всего лишь пятка. Сейчас я смажу ее растительным маслом, и боль пройдет!

После этого сноха частенько обращалась к свекру, чтобы он «почесал ее пяткой», раз уж сын пока не готов этого делать.

Рассказала крестьянка из села близ Оточаца, Лика, Хорватия.

224. История о богоугодном поступке одного черногорца

Лука Грджич-Белокосич[1], замечательный фольклорист из Герцеговины, пишет в сборнике «Karadžić» (Караџић 1901):

«Мое внимание привлекла одна история, которая подтверждает распространенность снохачества в этих местах и среди сербов. Рассказ гласит:

"Черногорец пришел на исповедь, и, когда он перечислил все свои грехи, батюшка спросил, не совершал ли он еще чего-нибудь.

— Ни одного не могу припомнить, — отвечал черногорец.

Священник наложил на него епитимью (скажем, пост по понедельникам в течение года).

— Подожди, батюшка, подожди, — встрепенулся черногорец, — я совершил еще и богоугодное дело. Выслушай меня, а потом сложи одно с другим и, если грехи перевесят, тогда и назначай покаяние.

Святому отцу было любопытно узнать, что это за дело, и черногорец начал рассказывать:

---

[1] Грђић-Бјелокосић, Лука (Grđić-Bjelokosić, Luka; 1857—1918) — собиратель произведений народного творчества. В работе «Из народа и о народе» (1896—1898. Кн. I—III) описал народную жизнь и обычаи. Специально рассказано о сербских народных играх и кушаньях в Боснии и Герцеговине. Сборник «Сто шуточных притч» опубликован в Мостаре в 1904 г. Смотрите о нем заметку в изд.: *Pešić, Radmila, Milošević-Đorđević, Nada.* Narodna književnost. Beograd: «Vuk Karadžić», [1984]. S. 92. (Biblioteka Čovek i reč).

– Два моих брата умерли, и после них остались две молодые снохи, которые тут же снова повыходили замуж, оставив мне целый выводок маленьких детей. Моя собственная жена, с позволения сказать, была уже в летах и не могла одна справляться с большим хозяйством. Поэтому я, находясь в беде, женил двоих еще не совершеннолетних племянников и привел к ним двух здоровых взрослых девок. Прошел всего месяц, а они уже то и дело пробалтывались о желании сбежать обратно в свои семьи. Я понял, чего им не хватает, и по очереди спал то с одной, то с другой, пока не прошло четыре года и мои дети не подросли. Так я спас хозяйство и не опозорился перед людьми. Вот это богоугодное дело ты можешь взвесить вместе с грехами, и если они перевесят, то и назначай мне епитимью!"»

[Грджич-Белокосич продолжает:] «Мне неизвестно, одобрил ли батюшка такой поступок, но из рассказа очевидным образом следует, что в народе такое поведение не считается грехом. <...>

У нас до последнего времени существовал обычай женить маленьких детей для пополнения хозяйства новой рабочей силой. Я сам знал человека по имени Раде Мишкович, который по меньшей мере на двадцать лет был моложе своей жены. Он клялся мне всеми святыми, что не помнит, когда его обручили с женой. Та же, в свою очередь, рассказывала, что частенько вносила своего "муженька" в дом, когда он засыпал летом на солнце. <...>

И еще одно. Я слышал, что ребенка, рожденного снохой от свекра, называют "ба́бович" ("bàbović") – сын отца» (Грђић-Бјелокосић 1901: 227сл.).

225. История о том, как свекор учил сына ебать, а сноха пердела

Как-то отец женил сына, еще не созревшего и не представлявшего, как надо ебать. Через некоторое время сноха помрачнела, она бесцельно слонялась по дому и дерзила домочадцам. Заметив это, отец обратился к сыну:

– Сынок, что это со снохой?

– Не знаю, батя!

— А ты с ней спишь?

— Да, батя!

— Ты ее хоть ебешь?

— А я не знаю, что такое — ебать?

— Хуем в пизду, дурак!

— А где у нее эта самая пизда?

— Пизда у нее между ног. Когда ночью ложишься с женой в постель, потрогай рукой то место, что у нее между ног. Там найдешь волосенки — между ними и притаилась пизда. Когда найдешь ее, засунь хуй в эти волосы. Там есть дыра, в которую надо угодить. Потом увидишь, как будет довольна твоя жена!

Вечером отец и снохе подсказал, чтобы она, когда ляжет спать, научила его сына тому, как надо делать детей. На следующий день утром отец пришел к сыну, чтобы узнать, еб ли тот свою жену, получилось ли что-нибудь.

— Ничегошеньки, батя, — отвечал парень. — Я попытался туда попасть, но он никак не влезал и теперь болит. Уж лучше ты мне покажи, как это делается!

Пришлось отцу взяться за дело самому. Он вынул из штанов хуину, наклонился над снохой между ног и сказал сыну:

— Смотри — сделаешь вот так!

Затем он поднял одну ее ногу и положил себе на плечо, потом то же самое проделал со второй ногой, после чего взял в руку свой хуй и снова объяснил:

— Теперь смотри — в эту дырочку вот так упрешься своим хуем!

Отец уперся, но хуй соскользнул и нырнул прямо в пизду. Отец стал ее накачивать, а сноха пердеть при этом. При каждом толчке отец повторял: «Вот так, сынок!», а сноха попердывала. После того как отец кончил, он сказал сыну:

— А теперь твоя очередь, сынок!

А тот ему:

— Ты только посмотри, какая она вся сопливая! Сопли из дыры вытекают. Нет, сейчас я не могу!

На другой день утром отец спросил уже сноху, удалось ли что у сына. И баба ответила:

— Ну, кое-что он мне затолкал, однако в этом деле твой сын не такой мастер, как ты. С ним я ни разу не перднула. А

всё потому, что хуй у него маленький и не может вызвать сладостного пердежа. Дорогой свекор, ты всё же еще несколько раз поучи его, как надо вбивать!

Вот так хотя-нехотя мужик был вынужден выбивать у снохи сладостный пердеж.

Рассказал крестьянин из окрестностей Жепче, Босния.

226. История о том, что без мастера дело не сладится!

Болгарин оженил сына. Поскольку сыну было шестнадцать лет, а снохе — за двадцать, после свадьбы их отвели в соседнюю с родителями комнату. Щуплый и неопытный молодожен стал приставать к жене, но она не обращала на его ухаживания никакого внимания, особенно когда поняла, что инструмент ее супруга ни к черту не годится. Тогда парень поднял такой крик, что и отец его услышал:

— Батя, пособи! Батя, пособи! Она мне не дает!

Отец дал ему совет:

— Ищи у нее шерсть, сынок, шерсть ищи!

Сын вскоре опять подал голос:

— Да ну, отец! Я нашел ее, но она всё равно не дает!

— Ну что ж, сынок, как я погляжу, со своим старым хуем мне впору быть в этом деле зачинщиком!

И болгарин с торчащим, как кол, хуем вошел в покои сына и снохи. Он задрал ей ноги и вставил «его», приговаривая:

— Вот так это делается, сынок, вот так! — А ближе к концу он зачастил: — Вот так, так, так, так, сынок! Теперь ты уже знаешь, как надо работать!

Из Сербии.

227. История о том, что пиздушка хочет не молока, а мяса

Жил-был зажиточный крестьянин. Имел множество овец и коз, а еще малолетнего сына и, чтобы легче работать по дому, женил его на девушке постарше. Минуло уже несколь-

ко дней, как сноха поселилась в доме свекра, но мужа ей всё никак не удавалось отыскать.

— А где же мой муж? — спросила она у детей.

Один молокосос сказал:

— Кажись, это я.

Это ее очень удивило и опечалило. Свекор не мог этого не заметить.

— Что с тобой, доченька? Ты почто такая грустная? В моем доме всего вдоволь. Если ты голодная, вот тебе молоко. Пей, сколько душа пожелает!

Сноха схватила кадку с молоком, приставила к пизде и стала приговаривать:

— Хлебай, пизда, молоко! Видишь, отец, пиздушке хочется не молока, а мяса!

На следующее утро свекор проснулся, а снохи нигде нет. Она сбежала к одному одинокому бедолаге, который только и ждал появления какой-нибудь бабы. Тот сграбастал ее и хорошенько отодрал, после чего она сказала:

— Вот теперь я всем довольна!

Рассказал крестьянин из села близ Жепче, Босния.

Примечание. Для понимания этой и некоторых других историй следует пояснить, что в недалеком прошлом невесту, не прибегая к обручению, попросту покупали у родителей или родственников и приводили в дом. Такого рода браки заключались иногда и в Западной Европе — назло всем священникам, раввинам, пасторам и органам регистрации.

228. «Хлебай, пиздушка, сливки!» (*Пословица*)

Мужик женил сына-малолетку на горячей, страстной девке. Не найдя в доме свекра того, о чем она больше всего изнывала, сноха убежала к своим родителям. Ее там приняли нелюбезно, и отец отвел дочь обратно к мужу.

Когда сноха появилась в доме родителей мужа, свекор спросил:

— Чего тебе здесь не хватает, милая? Слава Богу, в моем доме всего вдоволь: сыра, сливок, хлеба и мяса, всего, чего хочешь!

Тогда девка присела над бурдюком со сливками и залепетала:

— Хлебай, пиздушка, сливки, хлебай! (Jedi pico kajmaka, jedi!)

Как говорится, против природы не попрешь. (...badava, priroda se ne da sakriti.)

Рассказал серб из округа Мостара, Герцеговина.

229. Как быку узнать, что корова его хочет?

Мужик женил сына-малолетку на горячей, страстной девке. Убедившись, что в доме свекра нет того, что требовала ее натура, она спросила его как-то раз:

— Бог с тобой, отец, скажи-ка мне, как быку узнать, что корова его хочет?

— Боже ж мой, милая, попервоначалу корова залезает на быка — вот он и узнает!

— Ага, с божьей помощью в таком случае я сейчас залезу на тебя!

Понял ли свекор сноху, осталось неизвестным.

Из этих [двух] историй видно, что для удержания снохи в доме свекор может начать и жить с нею. Такое случалось, когда женили малолетних детей, желая заполучить рабочую силу. Надо знать, что на деревенскую женщину ложились не только домашние заботы, но и работа в поле. Сейчас ребятню уже не женят.

Рассказал серб из округа Мостара, Герцеговина.

Примечание. В Герцеговине и Боснии действует австрийское законодательство[1], которое строжайшим образом запрещает соблюдение старых народных обычаев.

230. История о настоящем сыне

У отца было пятеро сыновей, и, когда он оказался при смерти, они стали горевать и причитать. Тогда мать сказала:

---

[1] В 1878 г. Босния и Герцеговина были оккупированы Австро-Венгрией.

— Что вы все по нему плачете? Он отец только одного из вас, а остальных четверых — нет!

Вскоре главу семейства похоронили, и старший брат тут же заявил, что он и есть родной сын своего отца, а потому всё имущество родителя принадлежит ему одному. С похожими заявлениями выступили и остальные братья, и из-за этого все они перессорились. Дело дошло до суда, и кади сказал братьям, что им надо пойти на кладбище, выкопать отца из гроба и колотить его палками, покуда покойник не заговорит и не выложит, кто же настоящий сын. Те четверо, что на самом деле не были его сыновьями, сообщили кади, что готовы сразу же отправиться на кладбище, а пятый отказался туда идти, заявив:

— Нет, ваша честь, пусть я ничего не получу из имущества отца, но я не стану выкапывать и бить мертвого человека!

Услышав это, кади тут же присудил ему всё наследство, пояснив:

— Это и есть настоящий сын, ведь кровь людская — не водица. Именно кровь отца, что в нем течет, не позволяет ему выкопать родного человека из гроба и поглумиться над ним!

Рассказал крестьянин из села по среднему течению реки Босны[, *Босния*].

Примечание. Заявление матери не должно вызвать у сыновей негодования, поскольку для них не имеет особого значения, кто их отец. В любом случае сын останется полноправным членом семьи. Когда же дело заходит о наследстве, то его, согласно обычному праву, получает только единокровный сын, причем при установлении родства решающее значение имеет указание матери. В гуслярских песнях встречается стереотипное выражение «братья по одной матери» («braća od jedne materi»); об отце же упоминается редко, ведь он почти всегда неизвестен.

Глава XIV
ГОСТЕПРИИМНАЯ ПРОСТИТУЦИЯ

[Предуведомление]

По негласному праву, мужчина обладает неограниченной властью над телами своих жены и дочери, равно как и хозяин дома – над оставшейся в семействе вдовой. Хозяин повелевает, и по его приказанию женщина должна отдаться другому. Она вовсе не скорбит по утраченной чести, поскольку ответственность за совершенный поступок лежит исключительно на собственнике ее тела. Такие правовые отношения объясняют возникновение развитой гостеприимной проституции.

231. Гостеприимная проституция в Хорватии и Славонии

Его святейшество архимандрит Иларион Руварац[1] в «Летопис Матице српске» уличает хорватского профессора, академика, издателя документов по хорватской истории Векослава Клаича[2] в банальной фальсификации пространной цитаты, приписанной [В.] Клаичем византийцу Халкокондилу (см.: Руварац 1902: 1). Образ действий этого творца хорватской истории ничуть не менее удивителен, чем у других его това-

[1] Руварац, Иларион (Ruvarac, Ilarion; 1832–1905) – историк, архимандрит монастыря Гргетега, основатель сербской критической исторической школы.

[2] Клаић, Вјекослав (Klaić, Vjekoslav; 1849–1929) – историк, географ. Наиболее известный представитель так называемого «генетического» (генеалогического) направления в хорватской историографии.

рищей по цеху, или чем «ошибка» какого-нибудь завзятого греческого менялы из Галатии[1]. Такого рода «недоразумения» отличают хорватскую науку и роднят ее с азиатским ростовщичеством, что, однако, еще не дает [И.] Руварацу права — и уж кому-кому, а ему-то в наименьшей степени — клеймить [В.] Клаича как «хорвата из Пожеги». Славонский город Пожега пользуется дурной славой очага содомии и гостеприимной проституции. Однако [В.] Клаич родом совсем не оттуда, и предположение о том, что его отец был каким-то пришлым, лишается таким образом оснований.

Пожега — очаг содомии и гостеприимной проституции не в большей и не в меньшей степени, чем любой другой хорватский или славонский город. Дурная репутация закрепилась за Пожегой благодаря «первому оригинальному хорватскому роману» «Пожегский студент» («Požeški djak»), несуразному произведению, изданному одним полузабытым стихоплетом в 1864 году. В этом романе автор (его превосходительство Мирослав Эдлер фон Кралевич[2], дворянский эпитет «фон» явно прибавлен им самим в ознаменование своих заслуг в деле человеческого прогресса — подобно многим другим «гражданам» из этого места) повествует о достойном почтения хорватском народном обычае, согласно которому в хорватском доме заведено, что перед сном младшая сноха приносит гостю таз с водой омыть ему ноги («da mu noge pere»). [М.Э.] Кралевич представляет дело так, будто подобная трогательная забота — лишь выражение хозяйского гостеприимства, тогда как каждому хорвату известно, что под «омовением ног» гостю молодой крестьянкой подразумевается предоставление себя в ночное услужение. Своим беспомощным

---

[1] Гала́тия — область в центральной части Малой Азии. Названа по имени кельтского племени галатов, осевшего в Малой Азии в III в. до н. э.

[2] Кра́љевић, Ми́рослав (Kraljević, Miroslav; 1823–1877) — политик и издатель; родом из славонской Пожеги; философский факультет закончил в Пече, а право изучал в Джуре и Пеште; служил в Пожеге, Крижевцах и Нашице; был главным управляющим (жупаном) Пожегского и Вировитицкого округов (жупаний). В 1862 г. основал в Пожеге типографию и издавал журнал «Славонац» (1863–1865 гг.). Написал и опубликовал первый хорватский роман «Пожегский студент» («Пожешки ђак»; 1863).

произведением автор вызвал бурю саркастических насмешек, что, по всей видимости, отбило у него охоту к дальнейшим публикациям. Но за городом Пожега, уроженцем коего он был, закрепилась репутация злачного места.

Такого же рода проституция подразумевается в рассказе из Сербии, который приводится ниже под заглавием «Монах на ночевке». Крестьянин прекрасно видит, что монах положил глаз на его дочь, но лишь злится, не препятствуя тому получить желаемое.

232. Рассказ боснийского жандарма

«Я не смог отыскать каких-либо сведений о том, принуждали ли где-либо сноху отдавать свою пизду в услужение. Случалось, что женщина с ведома мужа или без оного предоставляла пизду другим мужчинам, поскольку нуждалась и этим зарабатывала на жизнь. Раньше также был обычай, согласно которому господин (ага) в случае женитьбы его крепостного мог первую ночь провести с новобрачной. Бывали случаи, когда один был должен другому и второй торопил с отдачей, но первый не мог вернуть, и тогда они договаривались, что второй получал право отъебать жену или сноху должника. Сколько ебарь платит за услуги, я не знаю, ведь о цене они договариваются между собой в зависимости от того, каких достоинств сноха. Если он старый, а она молодая и красивая, то плата выше, если же он молодой, а она дурнушка, всё наоборот. <...>

Нынче нет обычая, когда гостю предлагают на ночь девушку или сноху, кроме случаев, когда один выказывает особое внимание другому за то, что тот сделал для него доброе дело: одолжил денег в трудную минуту или вызволил из беды или опасности. Тогда гостю предлагается выебать жену или сноху хозяина дома, и тех обязательно об этом предупреждают. <...>

Сама себя девушка предлагает парню только в случае уверенности, что он женится на ней. Раньше на девушку ложилось пятно позора, если парень ее еб, а потом не брал за себя. <...>

Однажды у меня был такой случай, когда один поп прислал ко мне свою сноху, чтобы она потеряла со мной девственность. Она пришла и легла рядом, конечно же на пол, а не в постель, которой, дескать, у нее нет.

— Меня послал дядя, — сказала она, — чтобы я ночью лежала здесь!

Я был весьма озадачен. Увидев, что я не обращаю на нее никакого внимания, девушка начала меня поддразнивать. По правде говоря, я был попу полезен, и он, наверное, хотел потрафить кое-каким моим желаниям. В ту ночь я и в самом деле неплохо порезвился со снохой. На другой день мы увиделись с попом, и он сказал мне на прощание: "Впредь, сударь, такую ночевку я могу организовывать для вас всякий раз, когда пожелаете!" <...>

Бывает, что в какой-нибудь семье у единственной снохи нет детей и родные ее мужа опасаются, что на этом может закончиться их род. Поэтому они просят сноху (обычно обо всём сговаривается бабка), чтобы она дала какому-нибудь породистому парню. Но случается, что та сама без согласия семьи приживает ребенка с другим мужчиной — ей стыдно перед родственниками и подругами, что у нее нет ребенка по любви, и за это ее даже могут изводить попреками. <...>

Бывает также, что у одного из супругов все в семье со слабым здоровьем. В таком случае сноху просят дать парню или мужику из семьи, где все крепкой породы, чтобы положить начало здоровому потомству».

Рассказал австрийский серб, в течение 24 лет прослуживший жандармом в различных районах Боснии.

Примечание. Я не располагаю более никакими сведениями из народного предания о праве господина на первую ночь («jus primae noctis»), однако имеется достаточно свидетельств, отрицающих существование когда-либо у боснийских сербов подобного права. Соответствующие материалы будут опубликованы далее в нашем собрании с целью представить истинное положение дел и способствовать искоренению из научной литературы этого, очевидно злонамеренно распространяемого, слуха.

233. Монах на ночевке

Монах пришел в село и постучал в дом, где намеревался переночевать. Хозяин отвел ему комнату, а вечером попросил дочь отнести монаху воду. Увидев вошедшую девушку, монах попросил:

— Дочь моя, помоги-ка мне стянуть сапоги!

Девушка попыталась их снять, но монах перекосил ноги так, что сапоги с них не слезали.

— Эх, дочь моя, у тебя не получается. Ладно, я их сам сниму, а ты потом на свои ноги обуешь, и я покажу, как надо снимать сапоги!

Он скинул сапоги, а девушка быстро их натянула. Монах схватил ее за ноги, задрал их и принялся ебать девушку.

Видя, что дочь долго не возвращается, хозяин подошел к двери комнаты монаха и заглянул в замочную скважину. Увидев происходящее, он вернулся к себе и спрашивает жену:

— А сколько монахов у нас остановилось?

— Один!

— Нет, двое! Вон они ебут себя в комнате!

Рассказал сын священника из округа Моравы, Сербия.

234. Счет не сходился

Монах и послушник приехали по делам в одно село и остановились на ночлег в доме, в котором было полно женщин. К счастью монаха, до́ма не оказалось ни хозяина, ни остальных мужчин из этой семьи. Послушник остался у очага, а монах прошел в комнату в сопровождении миловидной снохи хозяина, которая хотела снять ему сапоги. Монах обратил внимание, что баба эта молодая и красивая, и у него возникло желание предаться греху. Сразу же созрел нужный план. Он зажал ногу в сапоге, и молодуха никак не могла его снять.

— Какая же ты неумёха! — попрекнул ее монах. — Никуда не годится, что в таком приличном доме, а сюда наверняка часто наведываются высокопоставленные господа из города, не умеют снять сапоги.

— Ну что поделать, если никак не выходит? — зарделась женщина.

— Да, действительно! Так давай я тебя обучу! — Сказав это, божий человек сам стянул сапоги и предложил: — А теперь обуй их ты, а я на тебе покажу, как надо делать это нехитрое дело!

Бедняжка, не желая оскандалиться в глазах гостя, села на кровать и с готовностью запустила ноги в сапоги.

— Ну, смотри, — велел монах, — это делается вот так!

Он раздвинул ей ноги, мало-помалу загнал куда следует свой «предмет» и принялся за дело. Только теперь женщина поняла, что у монаха означает «снимать сапоги», но, коротая век вдовой, она загорелась ответным желанием и не стала брыкаться.

В это время домой вернулся хозяин. Увидев у очага послушника, он понял, что с ним пришел и монах, которого следовало поприветствовать, для чего крестьянин и направился к гостю в комнату. Приоткрыв дверь, он был удивлен, обнаружив, что монах ебет кого-то, обутого в сапоги. Вернувшись в гостиную, мужик спросил послушника:

— А сколько вас пришло?

— Нас двое.

— Как же двое?! — изумился хозяин. — Ты здесь один, и в комнате еще двое не на жизнь, а на смерть ебут друг друга!

Из Сербии.

235. Одеяло

Окружной писарь остался ночевать в доме богатого хозяина в селе под городом Власеницей [, Босния]. После ужина младшая сноха отвела его в комнату, где он должен был спать, и там сняла ему сапоги. Писарь понял, что постелью ему будет солома, однако его удивило не столько это, сколько то, что ему не дали чем прикрыться, поэтому он попросил у снохи чéбе («ćebe», то есть одеяло). [Это слово гость произнес с протяжным «е», получилось «че ебе», что на местном наречии означало: хочет ебать.] Баба покрылась румянцем и крикнула хозяину, который находился в соседней комнате:

— Батюшка, слышь, [он] просит дать (хочет ебать)! (Tate, more, iska ć ebe (hoće da jebe)!)

А тот [, решив, что дочь говорит об одеяле,] ответил:

— Ну и дай ему! Что ты меня отвлекаешь?

Вот так господин писарь и отдохнул без одеяла.

Рассказал учитель из округа Тимока, Сербия.

Примечание. «Će ebe» = «хочет ебать», «ćebe» = «одеяло». От первобытной бытовой проституции в качестве пережитка сохранилось только вечернее посещение гостя младшей снохой, которая должна ему прислуживать. Если же гость вспоминает о старом обычае, хотя это и считается неприличным, перечить ему не при-

нято. Глава семейства, как видно, не считал нужным вмешиваться в это дело, оставляя его на усмотрение само́й женщине.

236. «Если бы я его доносил, получился бы второй королевич Марко́!»

Монах со служкой собирались заночевать в доме, где среди родни хозяина проживала и вдова, в которую монах был влюблен и по этой причине часто туда наведывался.

Вообще-то хозяин слыл большим шутником, и в этот вечер пребывал в особенно приподнятом настроении. Догадываясь, с чем пожаловал монах, он решил его разыграть.

Домашние и гость сидели у очага, и монах бросал выразительные взгляды в сторону вдовы, которая обслуживала мужскую компанию и то приходила, то уходила. Желание овладеть ею постепенно переполняло святошу, и этого не мог не заметить хозяин. Он подозвал женщину и сказал:

— Сноха, разве не видишь, как монах напрягся? А ну-ка помоги ему отвести душу и снять напряжение!

Бедняга какое-то время поупиралась, но в конце концов устремилась в гостиную, а вслед за нею и монах, неустанно благодаривший хозяина.

Монах принялся за дело, а в это время в дом вошел слуга, который как раз зарезал быка и обрабатывал его тушу. Хозяин велел ему взять бычью гортань, положить себе в штаны и подсесть к очагу. Когда парень выполнил это распоряжение, хозяин прошептал ему на ухо несколько слов, и они завели разговор на другую тему. Тут подоспел и разомлевший монах. Он тоже устроился поближе к очагу. Через некоторое время хозяин, «заметив» хорошо «вздыбившуюся» бычью гортань в штанах слуги, обратился к монаху:

— Погляди, как напрягся у моего человека. Помоги ему снять напряжение!

Святоша взмолился, чтобы господин освободил его от этого дела, но тот был непреклонен.

— В моем доме такой порядок! — Мужик, выкативший глаза на монаха, от напряжения стал весь пунцовым. — И кто его нарушит, тот может дорого поплатиться!

Монах понял, что от судьбы не уйдешь. Понурив голову, он направился в гостиную, где еще недавно ему «снимала

напряжение» вдова, а за ним последовал хозяйский слуга с бычьей гортанью в штанах.

Монах поднял рясу и нагнулся, а парень вынул из брюк бычью гортань и стал неспешно вворачивать ее в задницу святоши, который корчился и стонал от нестерпимой боли. Затолкав гортань, слуга одернул рясу и сказал:

— Я уже всё сделал, можешь идти!

Монах выпрямился и, поникши духом, вышел из гостиной. Что-то распирало его заднищу, но стыд перед служкой не позволял ему задрать одежку и посмотреть, что бы это могло быть. Бедняга попросил лишь вывести лошадей для возвращения в монастырь. Хозяин дома уговаривал гостя остаться на ужин и переночевать, но тот отнекивался, ссылаясь на какие-то неотложные дела в монастыре, вынуждавшие его срочно уехать.

Монах и служка оседлали лошадей и, попрощавшись со всеми, двинулись в путь. Монах чувствовал, что езда на лошади час от часу усугубляет неприятности в его заднице. Подъехав к лесу, он сказал слуге:

— Слушай, Никóла, кажется, я забрюхател от этого охальника!

— Брось болтать! Как забрюхател, с чего это? Разве мужчина может понести?

— Эх, если бы ты побывал на моем месте, то говорил бы иначе! — вздохнул монах. — Однако, Никола, знаешь что! Я где-то слышал, что, если беременную женщину неожиданно испугать, у нее со страху может случиться выкидыш. Что, если ты проедешь немного вперед, оденешь наизнанку свою куртку и пуганешь меня так сильно, что я разрешусь от бремени!

Никола подстегнул лошадь и скрылся во мраке леса, а монах поехал неспешно, всякий миг ожидая явления перед ним слуги в одетой шиворот-навыворот куртке. Но того и след простыл, и монах решил, что паренек, себе на уме, отправился в монастырь один.

Погруженный в тяжкие думы, монах ехал на лошади по лесу. Мысли о плоде в его чреве изводили его своей безысходностью. О служке он и думать забыл. Вдруг в темной лесной чаще возник силуэт всадника и громыхнул выстрел из ружья. От неожиданности монах сверзился с лошади и, грохнувшись оземь, почувствовал, что из его задницы что-то выпало. Хотя Никола напугал его выше всякого разумения, монах всё же не стал его отчитывать, ведь наконец-то у него случился столь

желаемый выкидыш. Любопытство сводило монаха с ума — уж очень не терпелось посмотреть, чем он разрешился.

— Зажги лучину, Никола! Я хочу посмотреть, мужского или женского достоинства плод, извергнутый мною!

Никола запалил лучину и приблизился к монаху, кряхтевшему на земле.

— Как ты думаешь, должен ли я, носивший в чреве своем сей плод, полежать ради здоровья еще сорок дней?

— Не-е! — отвечал парень. — Это касается только рожениц. А после выкидыша можно вставать сразу!

Монах поднялся и вместе со слугой в подрагивающем свете лучины начал искать выпавшее тельце. Вдруг Никола нащупал что-то продолговатое и скользкое, поняв, что это-то и есть искомое существо. Осветив находку лучиной, он не мог не расхохотаться.

— Ну и глуп же ты! Ведь это бычья гортань!

Монах подошел ближе и уперся взглядом в вещь, которую держал Никола:

— Какая же это гортань? Сам Бог тому свидетель, что это никакая не гортань! Ты только присмотрись к этим ребрышкам! Если бы я его доносил, получился бы второй королевич Ма́рко!

Из Сербии.

Примечание. Королевич Ма́рко — легендарный герой сербских и болгарских народных песен, наделенный необыкновенной силой и статью[1].

237. «Завтра спросим!..»

Молодой мужик остался на ночлег у крестьянина, сноха которого была вдовой. Как это обычно бывает в деревне, ночью все накрылись одним одеялом, и так уж было суждено, что гостю досталось место рядом с вдовушкой. Она, бедняжка, во избежание поползновений со стороны гостя прижала к телу ночную рубашку и повернулась к нему спиной.

---

[1] Королéвич Ма́рко (Марко-краљевић; 1331–1395) — сын сербского короля Вукашина, наследовавший отцу в 1371 г. Как и другие мелкие сербские и болгарские властители, должен был платить дань султану, а также оказывать ему военную помощь в борьбе с врагами. Впоследствии Марко был изгнан из сербских пределов князем Лаза-

Цветущий вид и красота ее горячего тела, а также молодость и сила, как и близкое расстояние к женщине не давали гостю уснуть, и его желание овладеть бабой с каждой минутой крепчало. Он протянул руку и нащупал ее горячее и пышное тело, но оно было настолько плотно обтянуто тканью рубашки, что к нему не было никакого доступа. Поскольку вдова молчала и никак не реагировала на прикосновения, парень бритвой разрезал рубашку в нужном месте. Затем он вставил куда следует свой инструмент и занялся делом. Вдруг вдова как бы очнулась и зашептала:

— Ты что же это делаешь, Бога на тебя нет?!

Парень немного струхнул и спросил еле слышно:

— Мне его вынуть, что ли?

— Оставь его торчать, как он сейчас торчит, — нарочно сердитым голосом велела вдова, — а завтра спросим, кому ты изодрал рубашку!

Из южной Венгрии.

238. Обмен

Пожилой человек пахал вместе с молодым парнем, и иногда в разговорах они обменивались шутками.

— Позволь мне переспать с твоей женой! — попросил однажды молодой старшего.

— Почему же не позволить? — сказал пожилой. — Но давай условимся, что ты, когда женишься, дашь мне переспать с твоей.

— Ладно, — согласился молодой. — Будь по-твоему.

Они продолжали пахать, а когда закончили работу, отправились в дом пожилого. Он велел своей жене приготовить ужин и выставить к нему вино. Когда ужин был готов, жена накрыла на стол. После хорошей еды и выпивки муж сказал жене, с какой целью к ним пришел его напарник. Жена есть жена, она повиновалась мужу и легла в постель. А молодой человек, видя, что передоговариваться уже поздно, лег с ней рядом. Жена была уже далеко не первой молодости, и, хотя

рем Гребляновичем. В сербском эпосе Марко играет видную роль, неизменно выступая защитником сербского народа против турок, с которыми то воюет, то ведет дружбу.

парню было позволено всё, он, понятное дело, остался не слишком довольным проведенной с нею ночью.

Прошел год, минул второй, а на третий парень женился на красивой деревенской девушке. Пожилой мужик повременил, пока молодой немного насладится супружеской жизнью и привыкнет к тому, что женат, и однажды, когда они вместе пахали, напомнил о давнем уговоре:

— Надеюсь, ты не забыл, о чем мы когда-то условились? Теперь настал мой черед переспать с твоей женой!

— Ты это серьезно?

— А как же? Ведь уговор дороже денег. Я свое слово сдержал, теперь пришла твоя пора.

Молодожену ничего не оставалось, как велеть жене, чтобы она приготовила ужин для его напарника. Кроме того, он сказал ей, что, согласно давнему уговору с этим человеком, она должна переспать с ним, поскольку некогда он провел ночь с его женой. Нельзя сказать, что молодая горела особым желанием отдаться старику, но была вынуждена согласиться, чтобы ее муж сдержал данное слово. Ну а старик готовился к этому ответственному моменту еще с того времени, когда он договаривался с молодым, и берег силы, чтобы не опозориться с молодухой в постели. И в ту ночь он доказал, что у него остался порох в пороховнице («bez starca nema udarca»).

Наутро старик уже собрался уходить, как заметил, что молодая женщина тоже куда-то собирается.

— Ты куда это? — спросил он.

— Я с тобой!

— Куда со мной?

— Ну, куда ты, туда и я!

— Ты рехнулась, что ли? Неужели ты уйдешь от молодого мужа?

— И вовсе я не рехнулась. Просто я поняла, что ты за одну ночь умеешь делать мужское дело лучше, чем он за весь месяц.

— Эх, дурья твоя башка! — развеселился мужик. — Ты думаешь, что я на это способен каждый день, но не знаешь, что для этой ночи я берег силы три года точно так же, как хозяйка хранит в кадке сыр, чтобы он не зачерствел. Сегодня я выдал всё, на что способен, и впредь вряд ли уже смогу удовлет-

ворять тебя таким образом. Уж ты побереги своего муженька — он всё равно гораздо лучше меня, уже старика!

Из Сербии.

Примечание. Поговорка «Bez starca nema udarca» (нечто вроде: «И старик бывает в ударе») восходит, предположительно, к деяниям героя одной из гуслярских песен, — возможно, даже Старины Но́вака[1], о котором поется:

Нет дождя без темного облака,	Nema kiše brez mutna oblaka
Нет и героя без Старины Новака!	Ni junaka ko starca Novaka!

239. История о том, как мо́лодец царя перехитрил

Когда-то давным-давно в одном городе появились три парня, три мо́лодца один другого краше и сильнее. Они прослышали, что в этом городе проживает царь-весельчак, который с одними приезжими шутки шутит, а других щедро одаривает. Разговор друзей зашел о том, какой подарок им хотелось бы получить от здешнего царя. Один пожелал вдоволь наесться за царским столом, другой — одеться в богатые царские одежды из шелка и бархата, а третий — провести ночь с царевной.

Слух о парнях долетел до царя. Зазвав всех троих к себе, он велел им открыться в желаниях. От страха парни словно воды в рот набрали, однако царь пригрозил казнью, и приятелям ничего не оставалось, как поделиться заветным. Для первого царь велел накрыть стол со всякими яствами, второго одарил роскошным платьем, третьему же пообещал ночь с его дочерью, но с условием, что молодец заручится ее согласием. Если она скажет «нет», а он поступит с ней вопреки ее воле, не сносить ему головы. Царь предусмотрительно наставил дочь отвечать «нет» на всё, о чем бы ни спрашивал юноша.

---

[1] Но́вак Ко́вач, Налбантин (Novak Kovač, Nalbantin) — в сербских эпических песнях упоминается как бравый кузнец, мастеривший оружие для таких великих героев, как королевич Марко и Болан Дойчина (Bolan Dojčina); один из известных оружейников города Котора в XIV в. Ученые указывают на несколько исторических прототипов этого эпического героя, носивших то же имя, феодалов или гайдуков, боровшихся с турками (XV–XVII вв.). Песни о Старине Новаке считаются наиболее ранним гайдуцким циклом.

Вечером охотника до прелестей царевны привели в ее опочивальню и оставили с ней наедине. Наш герой увидел, что девушка очень пригожа, но в постель легла почему-то одетая, а кровать, убранная для него, отодвинута в сторону. В госте пробудилось страстное желание овладеть царской дочерью, но, помня об угрозе ее отца, он понимал, что без согласия красавицы не сможет ничего сделать, а если настоит на своем, неминуемо погибнет. На любой его вопрос царевна отвечала «нет». Наконец он сообразил, как перехитрить недотрогу. Парень спросил девушку: «А разве необходимо, чтобы эти кровати стояли раздельно?» Царевна, исправно следуя указанию родителя, ответила «нет!». И ловкач придвинул свою постель к ее постели. «Разве в кровати ты должна лежать одетой?» Дочь царя снова ответила: «Нет!» Томимый страстью молодец стал неспешно разоблачать ее, задавая вопрос по каждой части одежды, должна ли она оставаться на девушке. Всякий раз звучал отказ. Наконец, когда прекрасное тело открылось во всей красе, парень указал на «гнездо» царевны и спросил: «А надо ли, чтобы эта дырка оставалась незакупоренной?»

Бедняжка представляла, что последует затем, но не могла нарушить обещания, данного отцу, и снова повторила: «Нет!» После этого хитрец взял в руки свой инструмент и заткнул им дырку. И так он великолепно провел ночь с царской дочерью, уже не опасаясь расстаться с жизнью.

Из южной Венгрии.

240. Чистюля

В одном деревенском доме в Хорватии солдат остался на ночлег. Дом принадлежал крестьянину — неотесанному и глупому, как и его жена. Вместе с ними проживала единственная дочь, молодая и смазливая. В доме не было кроватей, и все спали на одном общем матраце. Чтобы солдат не позволил себе ночью каких-либо вольностей, хозяин лег между женой и дочерью, рядом с которой устроился солдат. При этом отец велел ей повернуться к солдату спиной и, подтянув спинку ночной рубашки между ног, зажать ткань зубами. Крестьянин полагал, что таким образом защитит от посягательств солдата «гнездо» его дочери, а держа рубашку зубами, дочь не сможет с ним разговаривать. Оставь ей такую

возможность, казалось отцу, и она могла бы столковаться с их гостем.

Девушка пообещала родителю исполнить всё так, как он велел, а после полуночи он услышал возню рядом с собой, но уже было поздно — солдат сделал свое дело.

— Ты почему же не прикрылась рубашкой, как я тебе наказывал? Почему не подтянула ее сзади и не зажала зубами?

— Вообще-то я хотела, — попыталась оправдаться девушка, — но сзади она была обосрана, я и взяла в зубы передок.

— И только затем поняла, что для солдата так удобнее! — съехидничал отец.

Из Сербии. Известна также в Банате и Славонии.

241. «Приезжай, кум, еще — хоть подержимся друг за дружку!»

Кум пришел в гости к куму в соседнее село и остался у него ночевать. Молодая и красивая кума-хозяйка была вовсе не прочь переспать с еще совсем не старым кумом и к тому же известным повесой. Незаметно от мужа они сговорились, что женщина ляжет с краю супружеской постели.

Когда хозяева устроились на ночлег и муж захрапел, гость поднялся с кровати и на ощупь в потемках добрался до постели супругов. Однако глава дома успел заметить, что кум крутит шашни с его женой, и сам лег с краю, а бабу оттер к стенке. Поэтому кум, пришедший в гости, нащупал не «гнездо» у кумы, как он того ожидал, а «предмет» ее супруга. Кум-хозяин вздрогнул и, проснувшись, тоже схватил гостя за его «страдальца». Вот так они и держали друг дружку [за хуи] до самого рассвета. Только тогда они и отпустили друг друга, после чего пристыженный гость вернулся к себе в постель.

Поутру гость не стал ждать кофе и ракию, а запряг лошадей в повозку и, насупленно попрощавшись с женой хозяина, сел на козлы. Кум, у которого он гостил, протянул ему руку на прощание и напутствовал следующими словами: «Приезжай, кум, еще, когда сможешь. Если мы с тобой не поебемся, так хоть друг за дружку подержимся».

Из Сербии.

Примечание. Ср. № 397: «Держались за хуи».

242. История о том, как кум понятия не имел, чем был занят его хуй, когда его хозяин спал

Кум пришел в гости к своему куму-немцу. Это был бедный немец, и в его доме была только одна кровать, но достаточно широкая. Поэтому гость был вынужден спать в одной постели с кумом и кумой. Хозяин лег к стенке, его жена — посередке, а кум — с краю. Только они легли, как кума повернулась к гостю лицом. Немец рассердился, толкнул ее в бок и велел повернуться к нему лицом. Баба послушалась мужа, повернулась спиной к куму, и хозяева уснули. Вдруг немец почувствовал, что жена время от времени толкает его. Он сразу догадался, что это дело рук гостя и, просунув руку к жопе жены, нащупал кумов хуй в жениной пиздушке. Но жена и кум делали вид, что спят. Муж стал будить жену, а та как бы спросонок стала его спрашивать, чего он от нее хочет.

— Да ведь тебя кум ебет! — в сердцах бросил ей муж.

Жена сказала, что и ей так кажется. Меж тем кум продолжал притворяться спящим. Немец стал его будить:

— Слышишь, кум Петер, слышишь — ты мой жена ебешь!

Хозяин был вынужден повторить эти слова несколько раз — не довершив начатого, гость никак не хотел просыпаться. Как бы уже придя в себя, кум зевнул и пробурчал:

— Ты зачем меня разбудил, когда я так хорошо спал?

— Но ты же, кум Петер, мой жена ебешь!

— Да я понятия не имею, чем занят мой хуй, когда я крепко сплю!

Рассказал землевладелец из Митровицы, Сирмия[, *совр. Сремска-Митровица, Воеводина, Сербия*].

243. Настино чудо

Жили-были поп и попадья, и была у них единственная дочь по имени Настя. Девушка была на загляденье: красивая, рослая и на вид не по годам зрелая. Отец и мать присматривали за ней, не разрешали ходить ни в село, ни на посиделки. Ей возбранялось бывать даже в монастырском посаде, где моло-

дежь водила коло[1] – сербский хоровод. Родители боялись, как бы парни не обманули ее и не выебали, ведь целомудренных поповских дочерей все парни считали лакомым кусочком.

Однажды в поповском доме остановился на ночлег молодой монах, ходивший по деревням и просивший подаяния для монастыря. Он был наслышан о красоте Насти и зашел к святому отцу, надеясь как-нибудь охмурить девушку. Поп и попадья приняли его, как подобает, и приготовили на ужин жареного поросенка. Все четверо сели за стол, а у монаха при виде молодой красавицы сразу же вздыбился хуй под рясой[2]. И парень задумался, как бы ему объегорить попа и заманить его дочь в постель. Разговор катился своим чередом, о том о сем, и вдруг монах замолк, словно громом пораженный, и хозяева поняли, что он неожиданно лишился голоса, онемел. Поп, попадья и Настя испугались, а монах замычал, словно немой. Они отвели его в горницу и решили на следующий день показать местному лекарю.

Потом все легли спать, а хитрый монах потихоньку забрался на чердак и через дырку в потолке над спальней хозяев приглушенным голосом произнес:

– Свят! Свят! Свят!

Услышав таинственный голос, все трое вскочили.

– О Боже, кто это?

– Станьте на колени, чтобы очиститься от грехов ваших! – продолжало вещать сверху. – Я – архангел Михаил, посланец Божий!

Все пали ниц, а поп дрожащим голосом пролепетал:

– Что угодно нашему Господу?

– У вас в горнице лежит раб божий, лишившийся голоса от разговора с вашими грешными душами! Разбудите его и сведите с вашей дочерью, пречистой девой Анастасией, и пусть он спит с ней три ночи. После этого к нему вернется дар речи, а Анастасия родит сыновей-близнецов с золотой отметиной на лбу. Один из них станет патриархом Сербии, а второй прогонит неверных из Дамаска и Медины, и народ увенчает его золотой короной царя Константина! Свят! Свят! Свят!

---

[1] Ко́ло (круг) – круговая пляска славян. Быстрая веселая музыка коло имеет двудольный размер.

[2] Ря́са – верхняя одежда христианских священнослужителей, которую они носят вне богослужения.

После этого монах мигом слетел в горницу и как бы захрапел во сне, делая вид, что мучим кошмарами. Поп, попадья и Настя посовещались, как им быть, и не придумали ничего лучшего, как кликнуть постояльца. Поп еле разбудил его, но монах всё равно оставался бессловесным. Святой отец отвел его в спальню к дочери и уложил в ее кровать. Потом молодые погасили свет, и стал наш монах с девицей «греческие колесницы» катать. Настя стонала под монахом, так как хуище у него был длинный и толстый, но она сносила всё, памятуя о наставлении матери: «Держись, Настя, во спасение нас и всего сербства!»

В ту ночь монах ебал пять раз и к утру заговорил так, как говорил до этого.

– Слава Богу и святому архангелу! – возликовал поп. – Одно чудо уже явлено, а второе будет еще бóльшим!

Своей радостью поп поделился с паствой прихода, и всех прихожан изумило первое чудо, произошедшее с Настей. Второе «чудо» случилось точно в срок! Живот Насти становился всё круглее и круглее, а спустя положенное время она родила девочку!

Рассказ одного попа, записанный в низовьях реки Усофы, Босния.

Примечание. Этот сюжет относится к разряду странствующих. О «греческих колесницах» при совершении половых актов см. соответствующие разъяснения в изд.: [Krauss] 1899–1902.

244. Слуга по имени Ебёшь

Поп искал себе слугу. Свои услуги ему предложил какой-то парень. Поп спросил, как его зовут, и тот ответил: «Ебёшь!» Попу не хотелось брать на работу слугу с таким именем, но в конце концов тот его уговорил, и поп сдался. Однажды поп со слугой пошли вскапывать огород и обнаружили, что забыли дома мотыгу. Поп отправил за ней слугу, а тот, придя в дом, стал приставать к поповне, чтобы она ему дала. Девушка упрямилась и, выглянув из окна, крикнула отцу:

– Отец, дать ему или не дать?

– Дай ему, дай! – ответил поп, и слуга стал ебать дочь.

Слуга долго не появлялся, и поп стал его звать:

– Ёбё-ё-ёшь! Ебё-ё-ёшь!

И слуга ему отвечал:
— Да ебу я, ебу, хозяин!

Рассказал крестьянский парень из Босута, Славония.

245. «Дай же ты ему!»

У попа служил молодой парень, и у этого попа была красивая дочь. Слуга ее обхаживал и хотел выебать, но она не давалась. Однажды он пошел с хозяином вскапывать участок, и на полпути тот вдруг вспомнил, что они оставили дома мотыгу.

— Вернись, сын мой, домой, — велел он слуге, — и скажи попадье или моей дочери, чтобы дали тебе мотыгу. А я подожду здесь.

Парень пришел и попадью дома не застал. Зато там была поповна, которой он сказал:

— Поп велел, чтобы ты мне дала! (То есть пизду.)

Но девушка отнекивалась, и парень крикнул в окно:

— Ну вот, поп, а она мне не дает!

Пришлось святому отцу повышать голос:

— Дай же ты ему, негодница! Ведь парень из-за тебя время теряет!

Недотроге ничего не оставалось, как лечь на спину, после чего парень задрал ей ноги и хорошенько отъеб. Затем он взял мотыгу и вернулся к поджидавшему его попу.

Рассказал крестьянин из Лешницы на реке Дрине, Сербия.

246. «Дайте ему сразу обе!»

Поп имел двух дочерей. У него появился новый слуга, и как-то раз они отправились на полевые работы. Надо было копать, а лопата осталась дома. Слуга сказал, что может работать сразу двумя лопатами и пусть батюшка скажет о них дочерям. Тогда поп крикнул с огорода: «Сейчас придет наш слуга, дайте ему сразу обе!»

Дочери решили, что речь идет о них самих, и обе дали слуге. Правда, как только он их выебал, его и след простыл.

Рассказал болгарский крестьянин из окрестностей Манастира[, совр. Бели-Манастир, Хорватия].

247. История о том, как солдат отомстил попу

Хорватский солдат, отслуживший в армии, пришел к попу и стал просить милостыню.

— И тебе не стыдно побираться? — стал корить его поп.

— Что же мне делать, коли я не могу найти работу, а жить как-то надо?!

— Если хочешь, я возьму тебя к себе. Мне как раз нужен свинопас. Ну так как, по рукам?

— С превеликим удовольствием!

На другой день служивый погнал пасти свиней. Неожиданно появились торговцы скотом и стали уговаривать пастуха, чтобы тот уступил им свиней. Солдат долго сопротивлялся, но потом сдался с условием, что хвосты проданных свиней останутся у него. Торговцы ударили по рукам, вручили ему отрезанные хвосты, рассчитались и ушли со свиньями. Свинопас тут же закопал хвосты так, что над землей остались торчать их кончики. После этого он побежал домой и стал кричать:

— Господин, господин, свиньи убежали от меня в землю!

Поп пришел на выгон, чтобы посмотреть, что случилось. Увидев торчащие из земли хвосты, он решил, что свиньи и в самом деле убежали под землю, и велел солдату сходить домой за лопатой, чтобы отрыть зарывшуюся животину.

Солдат прибежал к попадье и говорит:

— Господин сказал, чтобы вы дали мне ебать!

Баба не могла в это поверить и крикнула попу, находившемуся невдалеке от дома на выгоне:

— Ты действительно хочешь, чтобы я ему дала?

Поп подумал, что свинопас просит у нее лопату, и ответил:

— Конечно же дай!

И попадья дала. Сделав свое дело, свинопас побежал на выгон.

— Мы не сможем копать одной лопатой вдвоем, — сказал святой отец. — Сбегай-ка в дом за мотыгой!

Слуга снова пришел в дом и встретил поповскую дочь:

— Господин велел, чтобы вы дали мне ебать!

Девушка тоже не поверила и крикнула отцу:

— Батюшка, дать ему?

— Разумеется, дай! — отвечал поп, думая, что речь идет о мотыге.

Поебавши поповну, солдат взял мотыгу и вернулся на выгон. От работы поп устал и сел в тень.

— Дайте мне вашу шляпу! — попросил служивый. — Я нарву в нее свежих листьев. Они сразу же освежат вас!

Поп с радостью согласился и дал шляпу. Отойдя в сторонку, солдат высрался в нее. Свой кал он прикрыл листьями и подал шляпу хозяину. Разомлевший поп решил пойти домой отдохнуть. Нахлобучив шляпу, он зашагал к дому.

Едва он переступил порог, как жена и дочь огорошили его рассказами о проделках свинопаса. Глава семейства пришел в ярость и воскликнул:

— Уж лучше бы он высрался мне в шляпу, чем вот так опозорил вас и меня!

В сердцах поп сорвал с головы шляпу. По его голове и плечам поползло ее содержимое.

Рассказал садовник из монастыря Святого Георгия, Хорватия.

Примечание. Название этой истории (как и большинство других названий) дано рассказчиком. Поп оскорбил хорвата, упрекнув тем, что тот побирается, и вдобавок предложив ему работу свинопаса. Отделка этой широко распространенной истории по хорватскому городскому вкусу подтверждает наблюдения и опыт, которые каждый, кто не боится стыда и насмешек, еще может приобрести в каком-нибудь хорватском городке. Упрек в полнейшем вероломстве и бесчестии следует, однако, относить только к полуобразованным хорватам городского пошиба, а не к беднейшим хорватским земледельцам. Обычный крестьянин, еще придерживающийся передаваемых по традиции нравов и обычаев предков, в этическом отношении превосходит своих господ — бесчеловечных грабителей и эксплуататоров, якобы представляющих его интересы и способствующих его полнейшему истреблению.

Глава XV

О КРОВОСМЕШЕНИИ[1]

248. Безвременница

Когда женщине снится, что она хлопочет о ком-нибудь из родственников, например о брате, отце и т. д., у нее могут умереть все ее дети. Чтобы уберечься от этого, она должна найти по весне безвременницу, выкопать ее луковицу и носить на коже, прижав поясом. После этого пройдут все нежелательные сновидения и перестанут умирать дети.

Записано во Власенице, Босния.

249. Отец еб дочь и тетю

Было и такое, что отец ебал дочь. Здесь однажды отец даже сделал ребенка собственной дочери и еб свою шестнадцатилетнюю тетю, но я ни разу не слышал, чтобы сын еб свою мать.

Рассказал боснийский сельский жандарм.

Примечание. Следует подчеркнуть, что сербские и болгарские крестьяне расценивают кровосмешение как тягчайшее прегрешение и могут даже подвергнуть виновного побиванию камнями (прежде такая публичная казнь оставалась ненаказуемой властями). Напротив, уроженцы Хорватии в этом отношении не придерживаются особых ограничений. Известен случай, когда

[1] См.: Krauss 1885: 197–222. Гл. XII: Mädchenverführung und Blutschande [*пер.*: Соблазнение девушки и кровосмешение]. См. также: [Krauss] 1899–1902 (в нескольких местах). (*Примеч. Ф.-С. К.*)

один хорватский горожанин при живой супруге прижил от своей дочери двоих детей. Это сошло ему с рук, вероятно, потому, что он был одним из столпов прахорватской партии и обладал достаточным влиянием, чтобы смягчить своих обвинителей. Лишь его законная жена от стыда никогда не покидала дома и не показывалась людям на глаза. Дочь же свободно появлялась в обществе, однако всякий раз без отца, другие женщины ее избегали. Около 1860 года в Каптоле недалеко от Пожеги один овдовевший крестьянин прижил ребенка от своей дочери. Крестьяне подали на него в суд, он отделался штрафом и позже был вынужден покинуть с дочерью это место. Вскоре о них забыли.

250. История о том, как один еб собственную дочь и на него пожаловались кади

Один ебал свою дочь, и соседи пожаловались на него кади. В разбирательстве участвовали и обвинители. Когда отец явился на суд, кади его спросил:

— В чем ты провинился, что эти люди жалуются на тебя?

Тот ответил:

— В своем саду я посадил и взрастил фруктовое деревце. Оно совсем созрело, а потому скажи мне, смею ли я вкушать его плоды?

Кади сказал, что смеет, и прогнал обвинителей.

Рассказал ходжа из центральной Боснии.

Примечание. Кади был турком, он не знал ни сербского языка, ни сербского обычного права, иначе он не поступил бы так безответственно. Обвинители, должно быть по религиозным мотивам, постеснялись отчетливо сформулировать свои претензии, сообщив лишь, что такой-то совершил нечто ужасное. «Что именно?» — спросил кади (судья). «Об этом может рассказать только он сам». Сербы ничего не могли противопоставить хитрому вывертy обвиняемого.

251. История о том, как цыган еб свою дочь

Временами цыган ебал свою дочь, и однажды за этим делом его застукал один человек.

— Ты что же это делаешь, мужик?! — спросил зашедший.

— Да я, папаша, ее измеряю, чтобы узнать, годится ли она уже для замужества или мне расширять ее и дальше!

Рассказал болгарский рыбак из района Подунавья.

252. История о том, как дитя закачивало матери молоко

Цыганка лежала в кибитке, а рядом с ней — четырнадцатилетний сынок. Чтобы он набирался сил, мать время от времени давала ему сосать грудь. И вот однажды, когда сын мусолил мамкину титьку, она положила его себе между ног и затолкала его хуишко в свою втулку. В это время неожиданно появился цыган.

— Что делает дитя? — спросил он.

— Ты разве не видишь? Дитя закачивает молоко!

Рассказал финансовый инспектор из Лики, Хорватия.

253. «Прикрой, мать, наготу!»

Это было в Лике. Старая женщина грелась у очага, а рядом лежал ее взрослый сын. У матери высоко задралась ночная рубашка. Заметив это, сын сказал: «Мать, ты в своем уме?! Прикрой наготу, а то ведь у хуя глаз нет!» («...golo, jer kurac nema očiju!»)

Рассказал далматинец из Лики, Хорватия.

Примечание. Выражение «ведь у хуя глаз нет» — поговорка.

254. «Хую всё равно — мать или не мать!» (*Поговорка*)

Некто П.С. грелся у очага. А его мать сидела в углу, и, поскольку на ней не было трусов, из-под юбки выглядывала ее пизда. Когда П. это заметил, у него напрягся хуй, и он был вынужден предупредить мать: «Мать, прикрой пизду! Хую ведь всё равно — мать или не мать!» («Ne zna kurac, šta je majka!»)

Рассказал серб из округа Мостара, Герцеговина.

255. Привидение

Женщина доила корову и была без трусов, а сынишка держал теленка и увидел пизду.

— Мама, а это что у тебя?

— Привидение!

— Ты его прогони, — попросил мальчик, — а то оно мне покусает теленка, и я его, ей же богу, выебу!

Рассказал крестьянин Лако Петрович в Забрдже, Босния.

Примечание. Ребенок, видимо, уже неоднократно слышал выражение «я его выебу» в качестве угрозы и, видимо, подразумевая под этим нечто ужасное, воспроизвел его совершенно бездумно.

256. «Разъебу!»

Дринец[1] подошел к груше. Он заметил, что на дерево кто-то влез, но не мог понять, кто это, а потому закричал:

— Ебу того, кто на груше сидит!

— Да это же я, папка! — откликнулась сверху дочь.

— Разъебу, миленькая, разъебу, разъебу!

Рассказал серб из округа Мостара, Герцеговина.

Примечание. Крестьянин испугался, что, обратившись к дочери с такой угрозой, он уже повинен в кровосмесительстве, поэтому, согласно обычаю, следует повторить это слово еще три раза, отменяя тем самым высказанную угрозу.

257. История о том, как отец хотел жениться на собственной дочери

Жил на свете очень богатый человек, у которого захворала жена и на смертном одре попросила выполнить ее последнюю просьбу:

— Возьми этот перстень и поклянись, что, когда снова будешь жениться, выберешь только ту женщину, которой этот перстень будет в самый раз!

---

[1] Дри́нец — житель бассейна реки Дри́ны.

И после этого жена отдала Богу душу.

Через год вдовец решил жениться и стал искать себе хозяйку, примеряя всем женщинам перстень умершей жены, но ни одной девушке или вдове он не подходил: одним был велик, другим — мал. Мужику оставалось только зашить кольцо и драгоценности в подушку. Однажды его дочь убирала постель и нашла то, что отец схоронил в подушке. Она примерила кольцо, и оно оказалось ей впору, потом взяла драгоценности и отнесла отцу.

— Батюшка, посмотри, что я нашла в подушке! Драгоценности и вот это колечко моего размера! — радостно сообщила девушка.

Мужик взглянул на найденные вещи и сказал:

— Это как раз то, что мне нужно. Я женюсь на тебе!

Дочь всячески этому противилась, но отец убеждал ее и сказал, что таковым было последнее желание ее матери. В конце концов бедняжка была вынуждена подчиниться родителю.

— Ладно, отец, я согласна, но на том условии, что ты построишь у реки сторожевую башню. Когда она будет готова, мы устроим в ней нашу свадьбу.

«Жениха» это вполне устроило, и он сразу же нанял мастеров, которым поручил в течение месяца возвести башню на воде.

Главный мастеровой сразу же взялся за дело. Но вскоре его зазвала к себе «невеста» и вручила сто дукатов, наказав сделать по́лой одну из деревянных опор сторожевой башни, с дуплом в размер взрослого человека. Чтобы о тайнике и укрывшемся в нем человеке никто не мог догадаться, она велела прикрыть вход в дупло потайной дверцей. Довольный зодчий взял деньги и сладил башню за полмесяца. На свадебный пир съехалось множество гостей. После свадьбы отец с дочерью отправились в спальню.

— Ты подожди в передней комнате, пока я разденусь, — попросила новобрачная, — а то я стесняюсь.

Молодожен ушел в переднюю комнату, а девушка, открыв потайную дверцу, спряталась в дупле. Вернувшийся отец нашел спальню пустой. Он стал искать дочь, звать, кричать, но, увы, она словно сквозь землю провалилась. Мужик рассвирепел и во всю ночь глаз не сомкнул в уверенности, что наружу

она никак не могла выйти, ведь всё время он провел в передней комнате. Тогда несостоявшийся муж решил разрушить башню до основания, пока не найдет девицы. На следующий день хозяин позвал мастеров и велел им разбить башню. Главный мастеровой своими руками разрушил башню и сбросил вместе с заветным столбом в речку.

Столб долго плыл и пристал к берегу, где охотился юный царь. Увидев умело изукрашенное бревно, он велел отнести его в опочивальню во дворце. Слуги оттащили туда находку, а также ужин для государя. Вернувшийся с охоты царь настолько вымотался, что, не повечеряв, сразу же уснул. Девушка, скрывавшаяся в деревянном столбе и остававшаяся всё это время в добром здравии, выбралась из своего укрытия и отведала каждое блюдо на царском столе. Проснувшийся царь сразу заметил, что кто-то притрагивался к еде. Он страшно разозлился и велел казнить повара. На другой день царю принесли ужин и все блюда поставили прямо перед ним, но, выбившийся из сил, он снова заснул без задних ног. Девушка же опять покинула столб и насладилась каждым блюдом. Государь пробудился и понял, что кто-то снова прикасался к ужину, но в этот раз его величество решил, что это ему просто почудилось с усталости. Впредь он зарекся отдыхать перед ужином. Вечером он притворился спящим, оставив еду нетронутой на столе. Вскоре в найденном им бревне отворилась дверца и оттуда, словно прекрасная вила, выпорхнула девушка. Царь спрыгнул с постели, схватил ее за руку и сказал:

— Я тебя хочу!

— И я тебя хочу!

И незнакомка рассказала ему свою историю. Царь сразу же обвенчался с красавицей и провел с ней бурную ночь.

В положенное время царица родила сына. Но жена царского советника не могла ей этого простить, поскольку в царские жены прочила свою дочь. Советчица зазвала к себе цыганку, дала ей складной нож и хорошо заплатила, чтобы та проникла ночью во дворец (хитрая женщина отозвала в эту ночь стражу), зарезала ребенка, а нож опустила в карман платья царевны.

Цыганка всё это сделала, а на другой день жена советника сказала мужу, чтобы тот внушил царю, будто ребенка по-

губил не кто иной, как сама царица. Достаточно, мол, обшарить карманы ее платьев. Царь обыскал платье жены и нашел окровавленный нож. Затем он созвал совет, который постановил выколоть детоубийце глаза, отрезать грудь, связать руки и вместе с ребенком бросить в реку. Скрепя сердце государь согласился с таким приговором, сказав: «Вода ее принесла, пусть вода и унесет!»

В тот же день приговор был исполнен. Несчастную женщину бросили в реку.

Жена царского советника и ее дочь обрадовались тому, сколь легко они отделались от соперницы, которая теперь мучилась, извиваясь, как змея, в холодной воде. В это время речную воду пили божьи птицы, которые услышали плач и увидели мучения горемыки. Одна из птах подлетела к ней, развязала руки и прощебетала:

— Вырви из моего хвоста перо и протирай им и водой глаза, после чего прозреешь.

Бедняжка вырвала перо, намочила его в воде, провела по ослепшим зеницам и вновь увидела белый свет. Затем она махнула пером по груди, и она у нее вновь отросла. Вскоре нашлось и тело младенца. Мать погладила пером по его шее, и он ожил.

Затем она ушла в лес. Там жили ди́вы[1], которые приняли ее к себе после того, как она сказала им, что была царицей, а ее сын — царевич. Когда ребенок подрос, дивы объявили его своим вождем.

Однажды царь, отец мальчика, охотился в этих местах. Вождь дивов повстречал его и пригласил на обед. Когда стол был накрыт и гость за него сел, вождь сказал:

— А вместо меня пусть с тобой обедает мой посох!

— Как это посох будет есть? — спросил изумленный государь.

— А как родная мать может зарезать своего ребенка? Если мать может лишить жизни свое дитя, то и посох может есть!

В голове царя сразу же ожила вся история его жены, и он решил выведать всё, что известно его столь «гостеприимному» хозяину. Пришлось вождю дивов позвать царицу, кото-

---

[1] Див (мн. ч. ди́вы) — в южнославянском фольклоре человекоподобное существо огромного роста и силы, владеющее магией.

рая, увидев мужа, не могла сдержать слез. Царь сказал, что готов снова взять ее за себя, лишь бы она простила его и согласилась на брак. Женщина ответила утвердительно. Затем они покинули лес дивов и отправились во дворец.

Возвратившись в свои покои, царь велел привести отца его последней жены. По повелению царя тестя изрубили в куски и скормили собакам. Потом царь велел привести жену советника и цыганку. Их повесили, а тела сожгли. В завершение он передал власть своему сыну с пожеланием, чтобы тот правил по закону и справедливости и не слушал клеветников.

Рассказал крестьянин из села на правом берегу реки Босны близ Високо, Босния.

Примечание. О вилах см.: Krauss 1890: 161ff.; о дивах см.: Krauss 1890: 130. Эту сербскую версию популярной у разных народов сказки я привожу только затем, чтобы показать, какое наказание за кровосмешение народ считает адекватным. Кроме того, приведенный текст может представлять настоящую находку для филолога.

Глава XVI

МУЖЧИНА КАК СОБЛАЗНИТЕЛЬ

258. Пастух и пастушка

Жили-были девушка и парень, и занимались они одним и тем же: девять лет пасли при монастыре овец. На десятый год они пасли всё тех же овец зимой в горах, и в это время испортилась погода: пошел снег, который сменился дождем. Пастушка вымокла до нитки и простудилась.

— Да разведи же ты, бестолочь, костер, — сказала она пастуху, — чтобы мы могли согреться!

Пастух разжег большой костер, а пастушка придвинулась поближе к огню. Подвернув подол юбки, она стала сушить нижнюю рубашку. Рубашка завернулась, и взору пастуха открылась пизда.

— Прикройся, дура! — бросил он пастушке. — Вон твоя писька выглядывает!

— Ну и пусть выглядывает. В конце концов, она моя. Пусть и она погреется.

— А я ее выебу!

— Ишь чего захотел! Как это? Только посмей!

Пастух вскочил, повалил пастушку и стал ее ебать.

Черт никогда не дремлет. В общем, после этого пастушка забеременела. Об этом узнал игумен, позвал девку в монастырь и стал ее расспрашивать, кто это был.

— Не знаю я, как это содеялось, — отвечала она. — Пошел дождь, а потом — снег. Вот я и сказала пастуху, чтобы он развел костер. Когда занялся хороший огонь, я подвернула подол и стала сушить нижнюю рубашку. Ну, он увидел мою

письку и попросил, чтобы я ее прикрыла. Но я и не подумала, а он сказал, что выебет меня. Я сказала, что не посмеет. Я-то решила, что он собирается меня отлупить. Он же схватил меня в охапку, повалил на землю и развел мои ноги в стороны, потом стал на колени, расстегнул штаны, вынул оттуда что-то красное, задрал мои ноги себе на плечи и стал шуровать этой красной штучкой в моей письке. Двигал ее туда-сюда, покуда из нее не брызнуло что-то настолько приятное и сладкое, что от этого я лишилась чувств. Допрежь я отведала много чего вкусного, печеного, вареного и масляного, но ничего не может быть слаще того, что я попробовала тогда. И вот с той поры мой живот стал расти.

Рассказал крестьянин Ристо Бойич в Сребренице, Босния.

Примечание. Девушка описывает здесь в точности сербский способ ебли, как он неоднократно упоминается в гуслярских песнях при рассказе о похищении и изнасиловании невесты. В таком положении женщина менее всего способна защищаться. Неопытность пастушки объясняется ее жизнью при монастыре.

259. Колдун

Пасту́шка, еще девственница, увидела у пастуха хуй.

— Что это у тебя? — спросила она.

— Это колдун!

— А как же он колдует?

— Может наколдовать, чтобы волк не залез в овин.

— А мне ты бы мог поколдовать?

— Охотно, но вначале его надо накормить, а крошки он ест только с женского живота. Если он соберет все крошки, волк никогда не попадет в овин.

Она легла, а он раскрошил ломоть хлеба у нее на животе и стал «им» водить около пизды, приговаривая:

— Не посмеет волк [сунуться] в овин, когда рядом хуек торчит! Не посмеет волк [сунуться] в овин, когда рядом хуек торчит! (Okolo kurče, ne u tor vuče!)

Когда он всю ее растряс и раззадорил, пастушка сказала:

— Да хватит всё время ходить вокруг да около! Толкай его внутрь, даже если волк весь гурт перережет!

Рассказал серб из округа Мостара, Герцеговина.

260. «Вокруг дырки, дьявол!»

Вполне здоровая женщина притворилась больной и пригласила колдуна, чтобы он ее излечил. Придя к женщине, колдун сразу понял, в чем она больше всего нуждается, и сказал, что в нее вселился нечистый. Чтобы его изгнать, женщина должна была лечь на спину. После этого колдун вынул хуй и стал им водить вокруг дырки, повторяя: «Вокруг дырки, бес! Вокруг дырки, бес! Вокруг дырки, бес!..» Женщину это раззадорило, и она крикнула: «Да вставь же ты его наконец в дырку, пусть я даже Богу душу отдам!»

Рассказал чиновник из округа Моравы, Сербия.

Примечание. У южных славян знахари — а в этом качестве обычно охотно подвизаются монахи обеих христианских конфессий — славятся как чудотворцы, которые своими молитвами и заклинаниями действительно могут помочь молодой женщине, желающей родить ребенка. Считается, что дервиши также обладают чудодейственной силой. Один боснийский монах-францисканец, некоторое время служивший в одной деревне священником, рассказывал мне, что ему никогда не удавалось в полной мере удовлетворять требований скромных крестьянок. В итоге из-за истощения он был вынужден вернуться в монастырь.

261. Скребница[1]

У сербского попа была очень худая дочь. Однажды она пришла к нему и спросила, почему это лошади в их хозяйстве такие толстые, а она такая тощая. «Лошади у нас толстые потому, — отвечал поп, — что наш слуга каждый день их чешет».

Дочь пошла к слуге и попросила его чесать ее ежедневно, как он чешет лошадей, чтобы она хоть немного поправилась. Слуга взялся каждый день ее ебать, и вскоре у девушки стало расти брюшко. Поп это заметил и спросил, с чего это она вдруг начала полнеть.

— Ну, как же мне не полнеть, если наш слуга чешет меня каждый день своей скребницей!

Поп сразу же догадался, в чем дело, и пошел искать ружье, чтобы прикончить слугу. Слуга в это время спал в одной ночной рубашке. Дочь пришла в комнатушку, где он лежал, раз-

[1] Скребница — железная щетка для чистки лошадей.

будила и сказала, чтобы он скрылся, а то отец грозится его убить. Слуга спрыгнул с кровати и пустился наутек вместе с поповской дочерью, а поп стал их преследовать. Беглецы вышли к ручью, и слуга задрал рубашку, чтобы не замочить ее. Увидев хуй, поповна крепко вцепилась в него и закричала:

— Беги, черт бы тебя побрал, куда угодно! Вот только скребницу оставь мне!

Рассказал лесник из Кутьево, Славония.

262. История о том, как пастушка снимала пастуху с его хуя кожу за быка из его стада

У пастуха был замечательный бычок. Он очень понравился девушке-пастушке.

— Уступи мне этого бычка! — предложила она парню.

— Я тебе его отдам, но при условии, что с половины моего хуя ты снимешь на два пальца кожу!

Девушка попросила его показать, как это делается. Он вынул хуй и пальцами натянул кожу на хуеву головку, а потом отпустил кожу и сказал, что это дело нехитрое, но вначале она должна разрешить ему засунуть хуй ей в пизду. Она тут же позволила ему сделать то, о чем он просил. Парень повалил девушку, засунул хуй, а когда вынул, она осмотрела его и сказала:

— Кожа немного сдвинулась! Давай еще!

В этот день он три-четыре раза навестил своим хуем ее пизду.

Вечером, когда стадо шло мимо дома девушки, она высмотрела быка, который ей нравился, и погнала его к себе во двор. Тем временем ее мать собралась доить коров и, увидев дочь, спросила:

— Ты зачем и куда, глупая, чужого быка гонишь?

— Это наш бык, я его на спор выиграла!

— На какой еще спор?

И дочь ей похвалилась:

— Я поспорила с Йованом, что сниму с половины его хуя кожу на два пальца. Сегодня я это попробовала и сняла кожу почти на целый палец. Завтра осталось снять еще на один!

После такого объяснения мать сказала:

– Ступай, дура! Я твоему отцу уже тридцать лет снимаю и до сих пор не сняла, а ты хочешь это осилить за два дня! Твой Йован просто надул тебя!

Рассказал крестьянин Петар Перкович из села близ Жепче, Босния.

263. Если ему снять с хуя кожу

Молодая пастушка и пастух договорились, что он даст ей пять овец, если она снимет кожу с его хуя. Бедная глупышка терпела целых полдня, пока пастух ее ебал, и домой вернулась затемно. Мать поинтересовалась причиной столь позднего возвращения.

– Я договорилась с одним чабаном, – ответила дочь, – что он даст мне пять овец, если я сниму кожу с его хуя. Сегодня мне удалось сделать полдела, а завтра надо поторопиться с утра и довести работу до конца.

– Эх, доченька! Я вот уже двадцать лет снимаю кожу с хуя твоего отца и до сих даже до половины не сняла!

Лишь теперь дочь поняла, что ее обманули и что спор она проиграла.

Рассказал крестьянин из Кулина, округ Крушевац, Сербия.

264. Уши между ног

У попа была молодая и очень красивая дочь. Она собиралась замуж за учителя. Уже готовились заслать сватов, а у попа был прощелыга-слуга, которому очень нравилась его молодая госпожа. Однажды вечером он застал ее в саду, где она присела в кустах и сцала. В этот момент он подошел к ней и спросил, пробила ли ей мать уши между ног. Девушка ответила, что нет.

– Давайте я их вам пробью, коль ваша матушка об этом запамятовала. Обычно уши мать пробивает дочери, когда та выходит замуж. Я вижу, ваша мать забыла, а у меня для этого дела есть специальная игла!

Он тут же вынул хуй, задрал ей повыше ноги и по-господски забил так глубоко, что девушка запердела, словно щука.

Когда дело было сделано, слуга скрылся, а дочь побежала к матери, чтобы поделиться с ней большой радостью:

— Наш Петко пробил мне уши между ног. Хорошо он мне это сделал? — Она задрала юбку и показала матери окровавленную пизду.

Вместо ответа мать хорошенько отлупила девку, выспрашивая при этом, не по собственному ли желанию она отдалась слуге. Потом попадья стала искать прохвоста, но его и след простыл. Только после этого женщина объяснила дочери, что к чему, и велела не рассказывать мужу о случившемся.

Вот такая история приключилась с молодой поповной!

Рассказано землевладельцем в Семендрии[, Сербия].

265. Эра в роли поварихи

Молодой озорник-эра переоделся однажды в женские одежды и стал искать место поварихи. Сначал он пришел к попу и поинтересовался работой.

— А что ты умеешь? — спросил поп.

— Умею готовить деликатесы.

Поп сказал на это:

— Такая чертовщина в моем доме уже была! — и отказал ему.

Парень отправился в дом торговца — владельца магазина канцелярских принадлежностей. Это был скромный человек, у которого были две дочери и молодая жена. «Повариха» ему сказала:

— Хозяин, я бы с удовольствием стала у вас работать, если будете хорошо платить!

— А что ты умеешь?

— Умею готовить всякие блюда. Я и немецкую кухню знаю, если понадобится.

И они сошлись на том, что «кухарка» будет получать восемь золотых в месяц.

Прошло несколько дней, и однажды дочери хозяина пригласили «повариху» к себе и предложили ей спать вместе с ними. Это предложение она с радостью приняла. Как-то девушки не на шутку распалились и спрашивают «повариху»:

— А тебе не хочется хуя?

— Хочется, девочки, но откуда ему здесь взяться?

— Давайте помолимся Богу! — предложила младшая дочь. — Может, он нам что-нибудь пошлет!

И все трое стали молиться Богу. Тогда эра сказал:

— Глядите-ка — у меня «он» начал расти!

Сестры притронулись к «нему» и обмерли от изумления, увидев торчащую штуковину. После этого парень их обеих выебал, и девушки попросили:

— Коль он у тебя такой великолепный, оставь его при себе и будь наготове всегда, когда нам захочется с ним поиграть!

Так эра поебывал сестер, а позже и их мать, пока одна из них не забеременела. После этого он сбежал от хозяина и, путешествуя по Герцеговине, хвастался перед каждым встречным-поперечным, как ему удалось провести торговца и баб из его семейства.

Рассказал крестьянский парень в Тутневцах, Босния.

266. Шаловливая поповская «служанка»

У попа были три дочери. Однажды к нему пришел один плут, переодевшийся в женскую одежду, и попросил принять его на работу служанкой. Поп ничего не имел против и обрадовал дочерей:

— С сегодняшнего дня у вас будет еще одна служанка!

С тех пор переодетый хитрец стал работать у попа. Однажды дочери, а вместе с ними и «служанка» готовились ко сну, и одна из них завздыхала:

— Ах, милый Боже! Пошли нам мужика, чтобы он всем нам четверым раз по пять «впрыснул»!

— Давайте помолимся Богу, — предложила другая, — а вдруг у какой-то из нас вырастет хуй!

Вчетвером они стали молиться, как вдруг переодетый плут воскликнул:

— Подойдите-ка сюда и потрогайте — у меня он уже растет!

От их прикосновений у парня и впрямь он стал набухать и вскоре вздыбился, желанный.

— Вот он и вырос! — сообщила им «служанка». Прохвост «впрыснул» всем троим по пять раз кряду. Не миновала эта участь и мамашу-попадью. Вскоре у девушек стали расти животики. Поп пока не замечал этого.

Однажды они собрались в церковь. Туда отправились поп, попадья и дочери, а слуга остался дома один. На полпути поп спохватился:

— Вы идите, а я вернусь домой — я кошелек забыл!

В действительности же он кошелек не забыл, а всего лишь хотел «впрыснуть» «служанке», оставшейся дома одной. Святой отец подошел к двери дома и позвал:

— Служанка, открой мне!

Изнутри его спросили:

— Кто ты? Я тебя не знаю!

— Я поп! — ответил священник.

— Что-то не верится, — сказала «служанка». — Дай-ка я приподниму балку в чулане, а ты запусти в щель свою бороду. Тогда и проверим, поп ли ты.

Поп так и сделал. Озорник-слуга опустил балку и прищемил шкодливому батюшке бороду, а затем выбежал из дома и «впрыснул» святому отцу точно так же, как до этого его дочерям и жене. Затем он отпустил попа, и тот вернулся к женщинам в церковь. По возвращении домой он со всем семейством сел за обеденный стол. Когда подали сладкое, каждая дочь взяла по пирожному, сказав: «Это я беру для служанки!»

То же самое сделала и попадья. Поп тоже взял пирожное.

— И я это беру для служанки. Он не только вас поеб, но и меня тоже, когда я намедни ворочáлся домой за кошельком!

Рассказал крестьянский парень из села в верховьях реки Босны.

Имеется также очень подробный вариант в изложении боснийского судьи. Известен и третий вариант из другого места.

267. История о том, как девушка засунула заболевший палец в пизду и он туда провалился

Жили-были пастух и пастушка, и пастух всё время думал о том, как бы ему выебать эту пастушку. Она была еще девственница и не знала, что такое хуй и как им ебут. К несчастью, однажды у девушки воспалился, отек и нагноился палец на руке. Она его забинтовала, а на другой день пошла

за овцами на пастбище, где встретила пастуха. Он спросил, что у нее с рукой.

— И не спрашивай! — ответила пастушка. — Разболелся палец, в нем что-то тикает настолько сильно, что можно с ума сойти от этих мучений.

И парень ей посоветовал:

— Это легко вылечить. Когда вечером пойдешь спать, засунь палец в пизду. Он сразу же туда провалится и боль пройдет!

Она еле дождалась сумерек, а потом легла и засунула палец в пизду. Через некоторое время нарыв прорвался, и девушке полегчало. На следующее утро она увиделась с пастухом, и он спросил, что с пальцем.

— Всё замечательно. Спасибо тебе за совет. Если бы ты мне всё это не подсказал, я бы от боли совсем помешалась.

Когда в полдень овцы отдыхали в тени, пастух прилег с ними рядом, и у него на пастушку встал хуй. Он стал ворочаться с боку на бок и при этом стонать. Пастушка спросила:

— Что с тобой?

— Хуй болит. Ты посмотри, как он весь вздулся, вот-вот лопнет!

Пастушка взяла хуй в руку и говорит:

— Ты только глянь — в нём что-то тикает точно так же, как тикало в моем пальце! Засунь-ка ты его в мою пизду, и он у тебя перестанет болеть, как перестал болеть мой палец!

Она легла, а пастух только и ждал этого момента. Он прыгнул на нее и засадил ей, а когда начал спускать, пастушка закричала:

— Засунь его поглубже, и ему станет еще легче!

После того, как пастух вынул хуй, девушка ощупала пизду и сказала:

— Ты только посмотри, сколько в нем было гадости! И как ты мог всё это терпеть?!

Вечером пастушка пришла домой и увидела, что у ее отца забинтован нос. Он собирал в лесу дрова, и по носу его ударила большая ветка. Дочь спросила отца, что случилось, и он объяснил, что у него разболелся нос. Тогда она ему предложила:

— Ты его засунь мне в пизду, и он быстро поправится!

Отец стал ее ругать, и она ему рассказала, что у нее болел палец, а потом она его засунула себе в пизду и боль утихла,

и что сегодня у пастуха заболел хуй, а когда он засунул его ей в пизду, хуй прорвало, и после этого пастуху полегчало. Выложив всё это, пастушка добавила:

– Но ты бы видел, отец, сколько в нем было гноя!

Рассказал крестьянин близ Сутеески, Босния.

268. История о том, как пастух обманул пастушку

Жил-был пастух, и каждый день с ним на луг отправлялась пастушка. С нетерпением он ждал случая, как бы ее заполучить. Однажды у пастушки заболел палец, и она спросила пастуха, не знает ли тот лечебного средства. Он сказал, что палец нужно засунуть в пизду, и тут же полегчает. Она так и сделала, и, слава Богу, боль в пальце стихла. По прошествии нескольких дней пастуху вдруг тоже стало нездоровиться. Он жаловался на боль в хуе. Недолго думая, пастушка предложила:

– Засунь же его в пизду!

– Эх, – отвечал пастух, – у меня нет пизды.

– Так пойди сюда и засунь его в мою!

Такого пастух не ожидал. Она легла, а он вогнал в ее пизду свой поршень. Когда брызнула сперма, пастушка закричала:

– Это гной выходит, теперь тебе станет легче!

Так пастух обманул пастушку.

Рассказал крестьянин Зелен Вакич из Богутово-Села, Босния.

[Примечание.] Рассказчик использовал потаенный язык, многочисленные примеры которого приведены в моих сообщениях в [издании] «Urquell»[1]. Из-за чрезмерной растянутости повествования я сократил текст до небольшого отрывка.

269. Нос отца и лекарство дочери

Однажды солдаты остановились на ночлег у крестьянина, который жил вместе с дочерью. Парни устали и сразу же уснули. А один капрал устроился в каморке. Было очень жарко,

[1] См. в «Библиографическом списке»: Der Urquell 1890–1898.

поэтому он разделся догола, лег на спину и в этом положении уснул. Во время сна у него поднялся хуй. Молодая хозяйка припозднилась с работой по дому. По какому-то делу она заглянула в каморку и заметила торчащий хуй капрала. Ничего подобного девушка еще не видела. Она подошла ближе и притронулась к хую. Капрал проснулся от этого прикосновения, а девушка его спросила, что это такое. Он ответил, что от удара между ног у него возник отек и что он очень болит, а потому пусть девушка, если у нее милосердное сердце, поможет ему избавиться от этой боли. Девушка сказала, что она бы ему помогла, но не знает, как это сделать. Капрал объяснил, что ей надо лечь, а он ляжет на нее и будет сгонять отек.

Отек то́ исчезал, то появлялся, и они долго его сгоняли.

Некоторое время спустя отец девушки возвращался домой с ярмарки. Лошади испугались и понесли, телега опрокинулась, а старик так разбил нос, что он распух, как перезревший огурец. Вернувшись домой, он пожаловался дочери, что его нос отек и нестерпимо ноет. На это дочь сказала, что она без труда вылечит его. Пусть он всего лишь засунет ей нос между ног, и ему полегчает. Дескать, у одного капрала был отек ниже живота, и она таким образом его излечила. Можете себе представить, что отец ответил ей.

Рассказал хорватский государственный служащий в Плетернице, Славония[, *совр. Хорватия*].

270. История о том, как один парень загонял тепло в тело девушки

Жил-был на свете мужик — ни богач, ни государь, а хозяин одного лишь огромного луга. Однажды мужик объявил через глашатая, что косарь, выкосивший за день луг до места, куда не достанет струя сцак дочери этого мужика, получит пять дукатов, а если дочь пересцыт косаря, то за работу тот не получит ничего, кроме еды. Каждый день мужик нанимал только одного косаря. Люди приходили и упрашивали взять их на эту работу, а вечером появлялась дочь хозяина, расставляла пошире ноги, подтягивала руками вверх свой секелек и пересцывала скошенную траву. Проигравший косарь уходил домой без денег, устыдившись и пав духом.

Слухи о хитром мужике донеслись до самых глухих мест, а его огромный пойменный луг был скошен совершенно бесплатно. На второй год к нему снова стали наниматься лучшие косари, но дочь хозяина всякий раз их пересцывала. И тут нашелся один прощелыга, который пришел к хозяину и поспорил с ним на сто дукатов, что за день накосит больше, чем его дочь сможет пересцать, но при условии, что она принесет ему на покос завтрак и обед.

Поутру парень отправился на луг, пару раз махнул косой и улегся в тень спать. Когда девушка принесла ему завтрак, ей пришлось его разбудить, и она спросила, чем это он занимается и почему не косит, добавив, что вчерашний косарь накосил к этому времени намного больше и она его пересцала. Лежебока отмахнулся:

— Успею еще. Дай-ка я лучше пообедаю!

Позавтракав (это было около девяти часов утра), он снова пару раз махнул косой и вернулся в тень. Увидев, что девушка несет для него обед, он спустил штаны, повернулся жопой к солнцу и остался лежать на свежескошенной траве.

Когда девушка подошла к нему и спросила, что он делает, парень ответил:

— Ловлю тепло на зиму, а зимой постепенно его выпускаю, чтобы было теплее в комнате!

Дочь мужика разобрало любопытство, и она поинтересовалась, не будет ли он возражать, если и она половит тепла вместе с ним. Парень ответил, что конечно же он не против, только пусть закатит рубашку, спустит трусы и ляжет рядом с ним. Несмышленая девушка была еще девственницей и понятия не имела, что такое хуй и что такое ебля. Она легла рядом и обнажила жопу, а у парня, когда он увидел ее голожопой, хуй вздыбился, как у племенного жеребца. Девушка показала рукой на его хуй и спросила:

— А что это у тебя?

Он ей ответил:

— Это толкатель для вбивания тепла. Я вбиваю им тепло вовнутрь, а без него тепло туда не попало бы.

После этого девушка сказала:

— Тогда вбей тепло мне!

Парень засадил девушке куда следует, и ей пришлось это по душе. Она долго оставалась с ним на лугу, и он раза три-четыре вбивал ей тепло внутрь.

После этого она вернулась домой, а парень уснул и только под вечер, когда стало прохладнее, снова немного покосил. Вскоре появился хозяин и привел дочь, чтобы она пересцала скошенную траву. Она, как и обычно, задрала юбку, взяла пиздушку за верхушку и посцала, но вместо ожидаемой большой струи сцак на ее ляжки брызнуло несколько капель.

Изумленный мужик спросил дочь:

— Чего это с тобой?

— Отец, я и в толк не возьму! Знаю только то, что сегодня он загонял тепло в мою писькy!

Хозяин вспомнил, какие условия ему поставил парень перед косьбой, и понял, в чем дело. Мужик не только раскошелился на сто дукатов, но и предложил косарю жениться на его дочери.

— А я только и мечтал об этом! — обрадовался парень.

Вот так прощелыга, у которого к тому же не было собственного угла, умудрился жениться, да еще и хозяйством обзавестись.

Рассказал Петар Перкович из села близ Жепче, Босния.

271. История о том, как пастух и пастушка украли поросенка

Парень и девка пасли на пáру свиней. Девка очень нравилась парню, и он всячески ее обхаживал, угождал ей, чтобы без обмана засадить аж с пердежом, но она и слышать об этом не хотела. Парень придумывал разные уловки, искал ходы и однажды всё же изловчился. Зарезав поросенка, он зажарил его на вертеле и пригласил девку на обед. Они съели всего поросенка — осталась только голова.

— Ты должна съесть эту голову! — сказал парень гостье. — Поскольку я этого поросенка украл, завтра ко мне могут прийти жандармы. А я им скажу, что мы его воровали вместе и съели. После этого жандармы не осмелятся взять тебя под арест, а что со мной будет, мне всё равно!

Девка сказала, что она не может есть голову, поскольку уже наелась досыта.

– Но что же теперь делать? – спросил свинопас.

– Не знаю, но, может, куда-нибудь ее спрятать?

Тут парень воскликнул, ликуя:

– Я уже знаю, как с ней быть!

Он снял штаны, нагнулся жопой и сказал девке:

– Затолкай эту голову в мою жопу!

Она взяла поросячью голову и стала ее заталкивать, но голова никак туда не влезала. Тогда она предложила:

– Что-то не получается. Давай я скину трусы, нагнусь жопой, а ты попробуй втиснуть ее в мою жопу!

Она оттопырила жопу. Ее секелек выглядел сзади, как сочный инжир. Парень незаметно вбросил голову в дорожную сумку, вынул хуину и стал неспешно засовывать его пастушке сзади. Когда хуй вошел в пизду, девка закричала:

– Еще немного! Еще немного!

После того, как пастух засунул в нее весь хуй, она сказала:

– Слава Богу, она туда вошла вся! Пусть теперь жандармы попробуют ее найти!

Это продолжалось несколько месяцев, а у девки всё больше и больше рос живот. Она удивилась и пожаловалась пастуху. А он объяснил:

– В тебе наверняка ожила поросячья голова!

Мать девки тоже заметила, что живот дочери округлился, и спросила, кому она дала. Но дочь клялась, что никому не давала, и рассказала, что пастух украл поросенка, которого они съели, а оставшуюся голову она потом втискивала в жопу пастуха, но голова там не поместилась, и тогда пастух засунул эту голову в ее жопу. И теперь она ожила. Слушая рассказ, мать всё поняла, но дочь продолжала верить, что в ней ожила голова поросенка.

Когда однажды ребенок пошевелился в ней, девка взяла горсть пшеницы, бросила перед пиздой и, надеясь выманить оттуда свинюшку, стала звать:

– Хрю-хрю, ау!

Но поросенок так и не появился, а на девятый месяца она родила ребенка в его человеческом обличье.

Рассказал крестьянин из села близ Жепче, Босния. Один хорватский вариант войдет в подготавливаемый второй том.

272. История о том, как солдат нашел девичью честь

У матери была единственная дочь, красивая и добрая. Поэтому мать всегда ей говорила:

— Доченька, береги свою честь! Больше всего девушке негоже потерять честь.

Говорить-то она говорила, но не объясняла конкретнее, что имеет в виду. Поэтому, когда девушка шла по дороге, она постоянно озиралась, боясь обронить честь.

Об этом узнал один солдат. Однажды, повстречавшись с девушкой, этот плут подозвал ее, сказал, что нашел кой-чего, и выговорил ей, такой растеряхе. Девушка извинилась, мол, она нисколько не виновата. Дескать, мать давно ей говорила, что честь легко потерять. И бедняжка стала умолять солдата, чтобы он вернул ей честь. Солдат пообещал это сделать, но не на людях, а в каком-нибудь укромном месте, чтобы никто не узнал о ее оплошности.

Он отвел девушку в один дальний уголок, вынул свою хуину и сказал барышне, что это и есть потерянная ею «честь», после чего хорошенько запихнул ее в то место, из которого она как бы выпала. Девушка, в свою очередь, попросила вбить «честь» основательно, чтобы больше она не вываливалась.

Закончив вбивание «чести», девушка пошла домой и рассказала матери о приключившейся с ней истории, о том, как ей на помощь пришел честный солдат, который вогнал в нее потерянную «честь», имевшую размер толщиной в руку, и сделал это так, чтобы никто не видел.

Мать сказала, что именно теперь-то дочь и потеряла честь, но в случившемся виновата прежде всего она, ее мать.

Рассказал судебный служащий из Беловара, Хорватия.

Примечание. Нередко хорватские истории из нашего собрания — сущее позорище. Также и эта может служить примером исковерканного сербского языка, который у хорватов теряет основу и замусоривается немецкими и венгерскими оборотами. Язык хорватских академиков и хорватской юстиции — настоящее варварское наречие, так что хорватские крестьяне и жители небольших городов, получив какое-нибудь судебное распоряжение, вынуждены искать сведущего толмача, чтобы тот объяснил им эту белиберду.

273. История о том, как парень и девушка отливали оловянные ложки

В одном городе появились лудильщики. Это мастера, которые не только лудят посуду, но и делают из олова ложки, миски и прочее. Некоторое время они побыли в городе и отправились дальше.

В этом городе жила женщина с молоденькой дочерью. Женщина не знала, что лудильщиков в городе уже нет, и послала к ним свою дочь. Дав ей старое олово, она велела пойти к ложечнику и попросить его наделать ложек из этого олова. Об этом узнал один хитрый парнишка, который давно положил глаз на эту девушку. Он как раз купил у ложечника шесть ложек и, встретив свою зазнобу, спросил, куда она путь держит. Девушка ответила, что идет к лудильщику, чтобы тот отлил для нее ложки из олова.

— Хорошо, что ты меня встретила, — сказал парень, — я и есть ложечник! А сколько тебе надо ложек?

— Да вот сколько получится из этого олова.

Парень привел девушку к себе домой, припрятал старые оловянные ложки под кроватью и попросил девушку лечь с ним рядом, после чего они должны были отливать ложки из олова, которое девушка принесла с собой. Когда та легла, парень взобрался на нее и занялся своим делом. Отдуплившись, он вытащил из-под кровати две ложки и дал их девушке. Вдруг она почувствовала, как что-то горячее пролилось на ее жопу, и она решила, что это жидкое олово. Поэтому она сказала мастеру, что двух ложек мало, тем более что олово еще осталось. После этого парень поебал ее еще два раза и выдал четыре ложки. Но девушка по-прежнему была недовольна и утверждала, что олово еще есть, а обессилевший «лудильщик» сказал, что это олово никуда не годится, мол, оно слишком жидкое.

Девушка вернулась домой довольная, отдала матери ложки и рассказала, как она помогала отливать ложки. Вот только ложечник ее всё же надул, ведь олова было так много, что он даже пролил его на ее жопу.

Рассказал землевладелец из Митровицы, Сирмия.

Примечание. Еще тридцать лет тому назад оловянная посуда служила одним из украшений хорватского дома, а лудильщики — как правило, жители Крайны и Каринтии — разъезжали по городам, скупая старое олово или переливая тарелки и ложки. Переходя от дома к дому, подобно словацким вязальщикам сеток, они занимались своим скромным ремеслом. Сейчас у горожан получили распространение ложки из хорошей жести, мельхиора и даже серебра. Серебряные ложки иногда оставляют в лавке вместо платы, а оловянные достаются фольклористу как пережиток прошлого.

274. История о том, как девушка боялась хуя

Жила-была девушка, по которой сохли многие парни. Однажды один из них пришел к старухе знахарке и стал просить у нее совета, как ему эту девушку заполучить в жены. Бабке он пообещал хорошее вознаграждение. Та пригласила к себе девушку и спросила:

— Эй, барышня, ты хочешь выйти замуж?

— Я бы не прочь, но боюсь хуя!

— Знаешь что? Приходи ко мне каждый день, и начнем с того, что я буду расширять тебе пизду луком-чернушкой, и ты никакой боли не почувствуешь, когда будешь ебаться. Только прийти надо с повязкой на глазах!

— Ладно, я согласна, — кивнула девушка.

Она пришла на другой день. Бабка всё приготовила, завязала ей глаза, она легла и парень ее выеб.

— Ой, больно! — взмолилась девушка.

— Пусть поболит, — успокоила ее бабка, — вскоре пройдет!

Так было на второй и на третий день, а потом девушка всё же сняла с глаз повязку и увидела парня. Она и дальше разрешила ему сладко ее ебать, а позже вышла за него замуж.

Рассказал горожанин из Сирмии.

275. Пиздоцеловальник

Жил-был бедный парень, и влюбился он в девушку из богатой семьи. Она долго водила его за нос, а потом наконец сказала, что выйдет за него замуж только в том случае, если он поцелует ей пизду. Стоило ему согласиться, как у нее тут же пропал к нему интерес. Накупив орехов, она раздала их

детям и велела им дразнить ухажера выкриками: «Пиздоцеловальник!» Дети есть дети, они бегали вслед за бедолагой и не оставляли его в покое.

Однажды он исповедался и пожаловался одной пожилой женщине, а она ему сказала:

— Не беспокойся, мы ей за это отомстим!

У этой женщины был виноградник, в котором росло черешневое дерево. Однажды она пошла рвать черешню и попросила ту самую девушку помочь ей. Женщина привела с собой осла с двумя корзинами по бокам, в которых она собиралась перевозить сорванную ягоду, и захватила мешок с соломой. Девушка вскарабкалась на черешневое дерево, а бабка стала под ним. Взглянув вверх, она сказала:

— Ай-ай, доченька, какая у тебя кривая пизда! С такой ты никогда не сможешь родить ребенка!

Девушка испугалась, быстро слезла на землю и спросила бабку, можно ли исправить этот изъян. Та ответила:

— Ты ложись спиной на траву, и я всё приведу в порядок!

Девушка легла, а бабка напялила на ее голову мешок с соломой, чтобы та не видела ничего вокруг, и подала знак парню, который, согласно уговору, прятался рядом. Тот прибежал, выебал девушку и снова затаился, после чего бабка сняла с головы девушки мешок.

— А как ты мне ее лечила? — спросила девушка.

— Сначала я засунула головку лука, потом через дырочку в ней влила в пизду несколько капель растительного масла, затем вправила ее на место.

— Когда туда влезла головка лука, — сказала девушка, — мне стало плохо, но стоило политься маслу, как от удовольствия я грызла солому.

Услышав это, парень попросил ребятишек, чтобы они дразнили ее «соломогрызкой». После этого девушка затяжелела. Ее отец заметил, что бывшего ухажера ее дочери прозвали Пиздоцеловальником, а его дочь — Соломогрызкой, и, зазвав парня к себе, стал допытываться, откуда взялись эти прозвища. Парень всё рассказал, и отец предложил ему сыграть свадьбу с его дочерью. Хитрец согласился только после того, как высокомерный папаша переписал на него всё имущество. Жили ли они потом в любви и согласии, известно только им самим.

Рассказал серб из округа Мостара, Герцеговина.

276. История о том, как бабка выпрямила кривую пизду

Жили-были парень и девушка, и последние два года они вместе пасли овец. Парень был влюблен в эту девушку, а она — к нему равнодушна. Ей нравился другой, и с ним она обручилась. Влюбленному стало настолько горько, что он не смог сдержать слез. Увидела его одна бабка и спросила, что случилось.

— И не спрашивай! — ответил парень. — Два года я ухаживал за моей пастушкой, а она обручилась с другим, а не со мной!

— Что ты мне дашь, — спросила бабка, — если я устрою, чтобы она вышла за тебя замуж?

Пастух пообещал ягненка.

— Хорошо. Я с ней поговорю!

Старуха сразу же пошла к девушке и стала ее расспрашивать, просватана ли она, а потом сказала, что ей нельзя выходить замуж, ведь у нее кривая пизда. Девушка спросила, откуда бабка это знает, а та, не моргнув глазом, заявила, что читает по губам, как у какой женщины выглядит пизда. Сказанного оказалось достаточно, чтобы девушка поверила в свой изъян и что из-за этого она останется в девках до скончания лет. А потому спросила бабку, не поможет ли она ей.

— Миленькая, я тебе помогу ее выпрямить, но ты должна мне что-нибудь дать за это!

— Я дам тебе рубашку. Но ты немедля берись и выпрямляй!

Бабка объяснила, что сию секунду она не сможет этого сделать, ведь для выпрямления ей нужны головка лука и растительное масло, которые она принесет завтра на пастбище, а девушка пусть захватит рубашку.

После этого старуха отправилась к пастуху и сказала, чтобы он приходил на пастбище на следующий день и спрятался где-нибудь поблизости, а как она махнет рукой — чтобы быстро вышел к ним.

На другой день, когда пастухи пригнали овец на пастбище, наша лекарка пришла к девушке-пастушке. Найдя удобное место и показав ей головку лука и растительное масло, бабка попросила немного потерпеть. Мол, вначале, пока она будет вгонять ей в пизду головку лука, придется потерпеть, но, когда туда польется масло и начнется правка, станет очень приятно. Только пусть она на всё это время прикроет голову одеялом, чтобы не стыдиться, пока ей пиздушку выпрямляют.

Девушка легла, бабка приподняла ей рубашку, раздвинула ноги, показался секелек молодицы. Бабка прикрыла ей голову одеялом и махнула рукой пастуху, скрывавшемуся в рощице неподалеку. Он подошел, стал на колени перед девушкой, вынул хуину и начал его загонять.

— Осторожно, бабушка, — закричала девушка, — побойся Бога, мне очень больно!

— Потерпи, доченька, головка должна войти туда полностью, а как только я начну лить масло, тебе полегчает.

Когда пастух засунул ей и влил, бабка стала ворожить:

— Становись пиздушка прямой, бабку ждет рубашка и ягненок! Становись, пиздушка прямой, а бабку ждет рубашка и ягненок! (Oj, pîča, na pravac, baki koša i janjac!)

Закончив свое дело, пастух скрылся за буковым деревом, а бабка сдернула с головы пастушки одеяло.

— Ну вот и всё. Теперь твоя пиздушка в порядке. А что ты при этом чувствовала?

— Когда ты засовывала головку лука, — ответила девушка, — мне сделалось плохо, а когда туда полилось масло, мне стало так приятно, что я начала грызть одеяло!

После этого бабка сказала девушке:

— Вон там за буком стоит парень. Это он тебя обработал, и ты теперь должна уйти к нему, в противном случае я везде разглашу, что собственными глазами видела, как он тебя ебал. После этого ни обрученный с тобой парень, ни остальные холостяки не захотят тебя, а потому соберись и ступай к этому молодцу!

Так всё и случилось. Вечером парень зазвал к себе нескольких соседей и друзей и отправился домой к той девушке. Как они и условились, она втайне от родни ушла к этому пастуху. Вот так благодаря бабкиной хитрости они стали мужем и женой.

Рассказал крестьянин Иво Тадич из села близ Жепче, Босния.

277. История о том, что Петя показывал девушке

У женщины была красивая дочь-девственница. Однажды она вернулась в веселом расположении духа и стала восторженно рассказывать матери:

— Ой, мама, что у соседа Пети в штанах!.. Видела бы ты!..

Мать набросилась на нее сердито:

— Ты что болтаешь, безобразница!

Укор нисколько не смутил дочь, она продолжила:

— И вовсе не болтаю! Ты бы видела — толщиной в руку и красный!

Мать еще пуще напустилась на дочь:

— Да замолчи же ты, гадина! А этому прохвосту Петьке я волосища-то еще повыдеру!

— И за что ты, мать, так на Петю злишься?! Он меня только между ног пощекотал. Этим его чудом не порежешься!

Тут уж мать окончательно вышла из себя:

— И как же ты, блядская сука, распускаешь язык о том, что может дойти до соседей! Ведь после этого ты замуж не выйдешь!

Дочь, так и не поняв, что мать имеет в виду, задумчиво протянула:

— До каких еще «соседей дойти», если Петя засунул его, а потом спрятал в штаны?!

Рассказал хорватский обыватель из Винковцов, Славония[, *совр. Хорватия*].

Примечание. Называя свою дочь «гадиной» («gad»), «блядской сукой» («kurvina kuja»), мать вовсе не намерена унижать тем самым и себя, ведь эти слова буквально означают, что ее собственный ребенок — собачье или блядское отродье. Но у хорватов подобные выражения вполне обиходные, почему осевшие в Хорватии немцы не без основания считают, что хорват не может никого оскорбить, поскольку у него самого нет чувства чести. У швабов, живущих в районе Бука, Ресника, Кулы и Свилны, есть даже поговорка: «Хорват ругается, что собака пердит» («Wonn a Chrowot schimft, wie wonn a Hunt furzt»).

278. Первый танец Лизы

Лизе пошел семнадцатый год. В этом возрасте она, как и другие девушки, должна была впервые пойти на танцы и стала готовить для этого случая самые красивые вещи: кружева, ленты, чулки и всё остальное. Во время этих приготовлений девушка напевала и мысленно представляла себе, как она танцует.

Наступило воскресенье. Лиза уже с утра предвкушала вечернее событие. Неожиданно после обеда мать позвала ее к себе и сказала:

— Дитя мое, сегодняшние танцы придется отменить. Я плохо себя чувствую. У меня голова раскалывается, а без меня ты туда пойти не можешь!

Услышав это, девушка разрыдалась и стала попрекать мать, как это ее угораздило занемочь именно в этот день. Всю неделю Лиза подшивала платья, стирала их и катала вальком, а теперь весь этот труд пойдет насмарку! Остальные девушки, как кумова Анка, соседова Резика, мельникова Ката, кузнецова Марица и многие другие, будут на танцах, и только она, Лиза, не сможет. От отчаяния девушка была готова умереть или прыгнуть в колодец. Мать всячески утешала дочь и говорила ей, чтобы она потерпела до следующего воскресенья, но Лизанька и слышать об этом не хотела. Она еще пуще плакала, даже вопила и вопрошала мать, почему ей уж так приспичило сопровождать ее на танцы, если она может там и без нее обойтись. Мать отвечала:

— Видишь ли, Лиза, ты еще молодая, а потому глупая. Ты даже не знаешь, какие парни негодники, а поэтому я тебе вот что о них скажу. Если ты придешь на танцы одна, любой из парней, а все они одинаковы, пригласит тебя на танец, потом купит тебе вина и скажет: «Айда, Лиза, немного прогуляемся!» Ты бы пошла, а он отвел бы тебя в кусты и попросил лечь, а потом лег бы на тебя и сделал тебе ребенка. Вот чем бы всё это закончилось!

— Видишь, мамочка, хорошо, что ты всё это сказала. Теперь вряд ли кто-нибудь из этих парней меня обманет, скорее *я* каждого из них вокруг пальца обведу!

Женщина подумала, что теперь, обо всем предупредив, она может спокойно отпустить дочь на танцы одну. Мать разрешила ей пойти, но велела быть умной и не давать парням никаких поводов для обмана.

На другой день после танцев дочь встала спозаранку. Весело напевая, она накормила домашнюю птицу и занялась работой по дому.

— Ну, как было на танцах? — спросила ее мать.

— Очень хорошо!

Затем девушка сказала, что всё было точно так, как мать предсказывала. Соседский Иво отвел Лизу в кусты и велел ей лечь, а она ему на это:

— Ну и плут же ты! Сам ложись!

Этот дурачок лег, а Лиза легла на него. Когда всё было готово, она ему сказала:

— Вот видишь! Ты хотел мне сделать ребенка, а теперь ребенок будет у тебя самого, ведь это я была сверху! Этому меня научила моя мать![1]

279. История о том, как девушка берегла свою честь

В давнее время жила-была на свете благородная женщина. Она имела очень красивую, но при этом глупую дочь. Мать боялась, как бы из-за своей глупости та не потеряла то, что у каждой юной девушки ценится превыше всего, — невинность.

Однажды к дочери пришли ее подружки и стали настойчиво зазывать на танцы. После некоторых колебаний мать отпустила ее, но, прежде чем дочь ушла, она предупредила ее, чтобы та хорошенько берегла честь, и указала на место пониже живота. Девушка сказала, что всё поняла, пообещала быть послушной и ушла на танцы.

На танцах ее подружки сразу же пошли танцевать коло, а исполнительная девушка не танцевала и всё время обеими руками держалась за низ живота. На это обратил внимание симпатичный и озорной паренек. Он подошел к ней и спросил, почему она не танцует и постоянно держится за низ живота.

— Мама мне велела беречь свою честь, — простодушно пояснила девица.

— Однако ее можно беречь и иначе, а не вот так, стоя и всё время держась за живот. В этой позе ты не можешь танцевать и жмешься здесь, как сиротка.

— Но как можно беречь ее иначе? — спросила девушка, которой и самой порядком надоели эти неудобства и которая, как и остальные девушки, с удовольствием бы потанцевала.

— Замечательно, — ответил парень, — я тебе твою честь пришью, и уж тогда ты ее ни за что не потеряешь.

---

[1] Место записи в оригинале не указано.

Девушка согласились, после чего они пошли в ближайший лесок, где парень действительно пришил ей ее честь. Девушке такой способ сохранения чести понравился намного больше, чем прежний. К тому же она почувствовала неизвестное ей доселе блаженство. Наверное, поэтому ей показалось, что ее честь недостаточно хорошо пришита, и она попросила парня закрепить ее попрочнее, чтобы честь не потерялась во время танца. Парень согласился и пришил ее еще раз, но, когда они собрались уходить из леса, девушке снова показалось, что честь держится слабовато, и она попросила парня повторить всё сызнова. Тот уже очень устал, и ему пришлось сказать, что у него закончились нитки.

— Как это закончились?! — возмутилась девушка. — Я ведь сама видела у тебя рядом с иголкой два клубка ниток!

Городская. Из Сербии и южной Венгрии.

280. Брат подмастерья и дочь сапожника

Жил на белом свете сапожник, и была у него единственная красавица дочь, которую он оберегал от посягательств мужчин. По этой причине он не хотел принимать в подмастерья тех, кто отличался сметливостью и мог позариться на честь его дочки. Каждого, кто желал поступить к нему на работу, он проверял, показывая доску, на которой резчик по дереву специально для этой проверки вырезал большую пизду. Того, кто узнавал, что изображено на доске, сапожник не брал к себе, полагая, что претендент мог соблазнить его дочь.

Однажды в его мастерскую пришли сразу два парня и предложили свои услуги. Один был действительно неглупый, потому что очень возмутился, когда сапожник показал ему вырезанную на доске пизду, и сам от него ушел. А второй притворился, будто не знает, что это, сказав на всякий случай, что это филин.

— Ладно, парень, — ухмыльнулся довольный сапожник. — Ты выдержал испытание, и я беру тебя на работу.

Некоторое время подмастерье работал прилежно и послушно, но вел себя как придурковатый, что в этом парне больше всего и привлекало сапожника. Однажды в сосед-

нем селе проводилась ярмарка, и сапожник отправился на нее с товарами, оставив дома придурковатого подмастерья и дочь, полагая, что с этим чудиком она не лишится своей непорочности.

Дочь сидела у окна в той же комнате, где подмастерье делал дратву для обуви, и занималась шитьем. В какой-то момент подмастерье намотал дратву на свой восставший хуй и стал крутить головой во все стороны и что-то бормотать. Девушка спросила парня, что это с ним.

— Да я вот сделал десять дратв, а их кто-то украл у меня!

Девушка увидела дратвы на хуе хитреца и потянулась за ними со словами:

— Да вот же они висят на чем-то!

Девушка не знала, что это хуй, а подмастерье, смекнув, насколько она наивна, сказал:

— Видишь ли, это мой брат, причем этот мошенник любит воровать! За это его придется жестоко наказать!

— Ну тогда мы отправим его в чулан! — предложила девушка.

— Зачем же в чулан? Пусть этот воришка немного помучается. Пусть поплачет. А потому ты ляг, и мы его потрем у тебя между ног.

Так они и сделали. Взялись его тереть, однако искусный подмастерье стал постепенно сажать «брата» в девушкину пиздушку, что ей понравилось. А когда он стал кончать, дочь сапожника сказала:

— Вот видишь, я уже чувствую, как он рыдает! Пусть еще немного поплачет, чтобы знал, как воровать!

Это «наказание» для «брата» подмастерья повторилось несколько раз, а когда парень почувствовал, что хозяин дома вот-вот вернется, он собрал вещички, и поминай как звали. Когда сапожник показался на пороге, дочь выбежала ему навстречу и стала рассказывать о случившемся: как она и подмастерье наказывали брата подмастерья и о том, как братец при этом плакал. Сапожник понял, что произошло, и от злости был готов убить сорванца на месте, но тот больше не показывался в этом селе.

Историю, услышанную в селе Плетернице, рассказал хорватский судебный служащий из Пожеги[, Славония].

281. Глухонемой слуга среди монашек

В монастыре Святой Урсулы[1] был глухонемой слуга. Он только таким притворялся, зато монахини его не стеснялись и в его присутствии говорили о всяких бесстыдствах. Однажды слуга работал в саду и улегся на траву, притворившись спящим, а хуй вынул из штанов и выставил напоказ. Две прогуливавшихся по саду монахини подошли к парню и стали трогать его за хуй, отчего он тут же поднялся. Они были молоденькие и подумали, что вряд ли им еще предоставится такой удобный случай, а потому разбудили слугу, отвели его в кусты и показали ему, как следует их ебать, что парень и сделал.

Так он постепенно обслужил всех монашек. Главная настоятельница не могла не заметить происходящее в монастыре, и ей, бедняжке, тоже захотелось хуя. Она отвела слугу к себе в келью и вволю там наеблась. Однако слуга совсем изнемог от ебли с похотливыми монахинями и их настоятельницей, поэтому однажды он неожиданно заговорил и сказал, что, если бы монахини не начали его «скоблить», он никогда бы не произнес ни слова. Главная настоятельница, испугавшись свершившегося чуда, дала парню кучу денег и велела вернуться домой и никому не разглашать тайну его исцеления, иначе он снова оглохнет и онемеет. Довольный слуга покинул монастырь. Выдал ли парень тайну своего исцеления, неизвестно, но пока он не онемел.

Рассказал горожанин из Вараждина, Хорватия.

Примечание. Эта фабула, прообразом которой выступает история монастырского садовника Мазетто (см.: Landau 1854: 172, 177ff.), чрезвычайно распространена среди католиков Хорватии и Далмации. В Сербии и Болгарии она мне не встречалась, вероятно, потому, что там нет женских монастырей.

---

[1] Урсу́ла — святая мученица IV в., совершала паломничество в Рим и была убита гуннами под Кёльном вместе с другими паломницами.

Глава XVII

ОБ ИЗНАСИЛОВАНИИ ДЕВУШЕК И ЖЕНЩИН

282. Чуть было не нарвались на неприятность!

Молодая невестка вместе с деверем отправилась в гости к своим родственникам. На дороге их встретил разбойник, которому девушка очень понравилась. Он слез с коня, отлупил деверя и привязал его к дереву, а девушку выеб. Когда разбойник скрылся, она отвязала деверя, и они продолжили путь. Невестка ему и говорит:

— Видал, братец! Мы с тобой чуть было не нарвались на неприятность!

— Но меньше всего пострадала ты, бедняжка! Меня-то избили, а ты всего лишь выебана, и, сдается, что всё это тебе было в охотку!

Рассказал серб из округа Мостара, Герцеговина.

Примечание. Деверь ясно дает понять невестке, что не верит в ее изнасилование. «Нарваться на неприятности» («ograisati») — значит наступить на «кошачью спору» — разрытую собакой или кошкой землю, из-за чего на коже может появиться сыпь. Таких мест стараются избегать. По мнению крестьянина, невестке следовало бы тут же бежать, как только она поняла, что происходит, или, по крайней мере, оказать сопротивление.

283. Улан и краинец с его Ми́цкой

Краинец шел со своей Ми́цкой и, размахивая палкой, сшибал у обочины верхушки цветов, что выглядело как отрубание голов, поэтому он сказал:

— Посмотри-ка, Мицка, как я порубил головы этим дьяволам уланам!

Эту фразу случайно услышал ехавший вслед за ними на коне предводитель уланов и закричал:

— Эй, краинец, стой!

Краинец испуганно остановился, а улан спешился и сказал:

— Доложи-ка мне, как обстоят дела в моем доме, ведь осенью я отправлюсь туда на побывку. А посему говори, хорошо ли проквасилась моя капуста?

Улан спустил штаны с подштанниками, нагнулся, выставив задницу, и велел краинцу принюхаться к заднему проходу, сопроводив приказ словами:

— Если она воняет, то капуста протухла, а если источает ароматы, то капуста удалась!

— Господин улан, да она благоухает, как тысяча фиалок!

— Ну, коль всё так, это хорошо! А теперь доложи, как себя чувствуют мои домочадцы, — глянь, как висят мои муде. Если они висят ровно, все мои домочадцы в добром здравии, а если одно яйцо висит, а второе торчит, то домочадцам плохо, и тебе несдобровать!

Краинец посмотрел и сказал:

— Они висят ровнехенько, будто их ножницами подровняли!

— Хорошо! Тогда подержи моего коня!

Краинец взял коня за узду, а улан повалил Мицку на траву у дороги и с наслаждением ее выеб. После этого он сел на коня и ускакал своей дорогой.

Когда краинец и краинка остались одни, краинец сказал:

— Послушай, Мицка, а ведь я этого дьявола обманул, когда сказал, что его говенная дыра благоухает, как тысяча фиалок, а она смердит как тысяча чертей, да и яйца у него болтались, будто у старого кобеля!

А Мицка ему на это:

— Это здорово, что ты так наврал, но послушай, как я ему отомстила! Этот дьявол затолкал в меня только один раз, а я три раза его оттуда вытолкнула!

— И правильно сделала! Пусть знает, с кем связался!

Рассказал хорватский священник из окрестностей Жумберака, Хорватия.

284. «Я узнаю твой хуй по его бегу рысцой!»

Для улаживания спора учи́теля позвали в деревню. На дворе были поздние сумерки. Тут он заприметил крестьянку, которую частенько уже ебал в городе, – она зашла без света в темный амбар. Учитель бесшумно прокрался за ней и, когда она склонилась над мешком с мукой, раздвинул ей ноги и молча стал ебать сзади, потом опрокинул головой в муку и стремительно выбежал. Явившись в соседний дом, он завел с людьми степенный разговор, будто ничего не случилось.

Тем временем крестьянка выбралась из мешка и, вся в муке, с криками побежала сначала к одному соседу, затем к другому:

– Кто из вас только что выебал меня через жопу (guzički)? Говорите, какой сукин сын меня выебал, пес еби его душу?

Но никто не хотел признаваться, и над ней все смеялись. Забежав в третий дом, она увидела учителя:

– Эй, да это был ты!

– Нет, это был не я!

– Черти будут ебать тебя в жопу, я узнаю́ твой хуй по его бегу рысцой!

Рассказал хорватский судебный служащий в Славонски-Броде на реке Саве, Славония.

Примечание. Выражение «Я узнаю́ твой хуй по его бегу рысцой!» («Poznam ja tvoj kurac po kasu!»), – должно быть, поговорка в этих местах. Другими свидетельствами мы не располагаем. В народе ходит огромное число подобных или еще более грязных историй о любовных приключениях хорватских чиновников, так что они могли бы составить целую библиотеку. Коллекционирование этой похабщины не самоцель для меня, и, разумеется, она не представляет какой-то особой ценности. Данная история публикуется лишь из-за упомянутой в ней поговорки.

285. «Ну какая это справедливость?..»

В городе Цавтате проживала одна молоденькая, честная и красивая девушка, которая часто давала, но не каждому, а только тому, кто ей нравился. Как-то к ней стал подбивать клинья молодой судья, грубый насильник, но она не подпускала его к себе. Сначала он ухаживал за ней учтиво, а потом

стал угрожать, что выведет ее на чистую воду, но и угрозы оказались тщетными. Чтобы заполучить жертву в свои объятья, судья за какой-то пустяк отправил ее в застенок. Девушка хорошо понимала, за что ее туда упрятали, и, когда из тюрьмы ее вели к судье, она разрыдалась:

— Ну какая это справедливость,
Коли я своей пизде не хозяйка?!

— Koja to je pravica,
Da nisam svoje pizde gospodarica?!

Рассказал горожанин в Рагузе, Далмация.

Примечание. Вероятно, это выражение — поговорка. Тюрьму Рагузы называют «сушильней», поскольку при тамошней жаре заключенные буквально запекаются, почти как в Венеции, в свинцовых камерах[1].

286. История о том, как хорватский мелкий служащий стал окружным судьей

В какой-то момент один мелкий чиновник из Аграма понял, что, несмотря на всю его изворотливость и служебное рвение, ему не удается подняться выше по служебной лестнице, и он недостаточно богат, чтобы купить себе место, не имеет

[1] Ф.-С. Краусс имеет в виду знаменитую тюрьму во Дворце Дожей в Венеции (XVIII в.) «Под свинцовой крышей». Крыша этого узилища была выстлана свинцовыми пластинами. Тюрьма делилась на камеры непосредственно под крышей (таких было 6–7 помещений), или Piombi (*итал.* piombo — «свинец»), и камеры в подземелье (18 помещений), или Pozzi. Начиная с XIV в. последние постепенно выводились в новое здание, отделенное от дворца каналом, так что с XVII в. основная часть заключенных, в том числе и в помещениях под крышей, содержалась уже в другом здании. В XVIII в. старые Piombi использовались только для привилегированных заключенных. Описание тюрьмы см. в изд.: *Казанова, Джиакомо* (Casanova, Giacomo; 1725–1798). Мемуары: Венеция. — Арест. — Под пломбами [и т. д.] / Казанова. С.-Петербург: Издание Книгопродавца В.И. Губинскаго, 1887 (С.-Петербург: Типо-Литография Х.Ш. Гельперн). [2], 373, [1] с. (на с. 37). (Европейские писатели и мыслители / Под редакцией В.В. Чуйко). На тит. л. — перечень заглавий 25 глав; То же. Приключения / Казанова.; под редакцией В.В. Чуйко. 2-е Издание. С.-Петербург: Издание В.И. Губинскаго, 1902 (Калашн. паровая типография А.Л. Трунова). [2], 373, [1] с. (над загл.: Мемуары Ка-

высокопоставленной родни и у него нет красивой молодой жены или сестрицы, которая могла бы порадеть за него. Между тем чиновник этот был находчив и, поразмыслив, решил, что ему надо найти себе подставную сестру. Отправившись в хороший бордель и подружившись там с самой красивой и смекалистой девушкой, он посвятил ее в свой план. Девушка получила от него роскошное шелковое платье, нарядную шляпку, красный кружевной зонтик от солнца и желтые сапожки на шнуровке. Он пообещал ей еще пятьдесят флоринов, если план удастся.

Новоявленная «фрейлина» добилась аудиенции у начальника судопроизводства якобы по личному делу. Она представилась как единственная сестра того чиновника и как невеста одного торговца, за которого она, однако, сможет выйти замуж, если ее брат будет занимать такое положение, какое не будет в тягость его будущему шурину. Тут она бросилась перед начальником судопроизводства на колени и со слезами на глазах стала его умолять о помощи брату. Господин начальник был глубоко тронут столь бескорыстной сестринской любовью, запер дверь, поднял плачущую девушку с пола и посадил себе на колени. Между ахами и вздохами она ему и отдалась, когда он поклялся Богом, памятью своей матери, здоровьем жены, детей и своим рассудком, что в течение трех дней ее брат будет назначен на должность окружного судьи.

Через неделю перед начальником судопроизводства предстал новый окружной судья, чтобы поблагодарить его за услугу. «Мне полагается выразить вам, достопочтенный господин начальник судопроизводства, мою глубочайшую и сокровенную благодарность!» — «А я, дорогой господин окружной судья, благодарю вас за прелестный шанкр!» — отвечал начальник судопроизводства.

Записано в 1874 году в Пожеге, Славония. Впоследствии часто встречалось в различных округах.

занова). Это так называемое титульное издание: к нераспроданным экземплярам издания 1887 г. был отпечатан в указанной тип. А.Л. Трунова и приклеен новый тит. лист взамен старого; см. также: *Казанова, Джиакомо.* Любовные и другие приключения Джиакомо Казановы кавалера де Сенгальта, венецианца, описанные им самим: [в 2 т.] / перевод Д.В. Соловьева. Ленинград: Васильевский остров, 1991. [Т.] I. С. 135 («Тюрьма под Свинцовой Крышей»).

Примечание. По итогам многочисленных поездок и изучения хорватской литературы за последние двадцать лет у меня создалось впечатление, что вызвавшее такой шум хорватское национальное движение еще не выполнило своих самых значительных обещаний. Кажется даже, что народ готов возложить ответственность за свои беды на государственных служащих, что тоже, конечно, не вполне справедливо. Но из всех порицаний в их адрес что-то, пусть и немногое, так или иначе может оказаться правдой. Следует заметить, что Лика представляет собой гористую местность в Хорватии, с одной стороны прилегающую к Далмации, а с другой — граничащую с Боснией. После роспуска в 1868 году военного правления Лика перешла под светскую юрисдикцию хорватского правительства в Аграме.

Нижеследующая песня была исполнена гусляром из Грачаца в Лике:

Начальники гибельны для Лики,
они стали погубителями этой пограничной области!
Начальники и их судьи
судят хуже, чем проклятые турки.
Кто им заплатит, у того есть адвокаты,
а кто не заплатит, с теми они ведут себя как Пилаты!
Они шляются по трактирам,
где кое-кого могут ободрать как липку.
А тот, кто вино им не оплатит,
уж точно может без портков остаться.
Еще недавно это была царская канцелярия,
а теперь — настоящий свинарник.
С тех пор, как из канцелярии исчезли сабли,
ее [кабинеты] заполнили вымогатели —
ненасытные волки,
которые судят куда хуже, чем проклятые турки.
Как всё же обманулись мудрые люди,
коли их судит хорват в тулупе.
Это только тулуп сделан из овчины,
но лютый волк прячется под его личиной.
Волосы выпадут у сына того цыгана,
который повесит своего родителя,
а таковых больше всего именно в Лике!
Когда они выпьют много вина и ракии,
тогда справедливости от начальника не жди.
Он не засудит только того, кто хорошо ему заплатит,
вот почему всюду кражи,
поджоги и кровопролития.

О бедная Лика, чего ты никогда не дождешься,
так это вечной справедливости!

Načelnici propasti u Lici,
samo zator prejadnoj granici!
Načelnici i njihovi suci
gore sude nego kleti turci.
Ko im plati tom su advokati,
tko ne plati tom su ko Pilati!
Pak se oni po krčmama vuku
pa gje s koga i haljinu svuku.
A tko nema da im vino plaća
zaista će ostati bez gaća.
Dosad bila carska pisarnica
a sad posta pučka svinjarnica
Otkad sablja is pisarne ode
napuni se pisarnica globe,
jer su u njoj proždrljivi vuci,
koji sude kano kleti turci
Al se mudri prevariše ljudi,
da im Hrvat u kožuhu sudi;
jer je kožuh stroja ovčijega
al je pod njim drobah vučijega.
Vlas dopade sina ciganina,
koj objesi roditelja svoga,
Najviše ih u Lici takije!
Gje je dosta vina i rakije
tad načelnik ne sudi po pravdi
već on sudi, ko mu bolje plati,
te s iz toga take čine kragje,
paljevine i krvoproliće.
O jadna Liko, što nećeš dočekati,
Ali pravde nikad ni do vjeka!

В бесчисленных вариантах, в прозаической и стихотворной формах встречаем мы этот душераздирающий, пронзительный вопль возмущенного хорватского народа. Но до какой степени должен быть испорчен и развращен народ, который покрывает столь ужасными проклятьями блюстителей закона, ниспосланных ему Богом и судьбой! На это отваживаются те же самые крестьяне, которые обычно, робея и пресмыкаясь, обращаются к официальным лицам не иначе как «ваша светлость», «ваше высочество» и т. п.! Не вызывает удивления, что время от времени среди недовольных устраиваются чистки. Так, в мае 1903 года было расстреляно около трехсот человек, еще четыре тысячи переполнили и без того не

пустующие тюрьмы, так что пришлось в срочном порядке устраивать новые. Чтобы избежать беды, многие хорваты были вынуждены эмигрировать. Согласно статистике, за последние семь лет четвертая часть хорватского населения выехала в Америку! Однако, как уверяют, ни один хорватский академик не покинул страны, поэтому мы можем не беспокоиться — и в дальнейшем «священная хорватская идея» не останется без защиты.

287. Суд князя Милоша

Одна девушка пришла к князю Милошу с жалобой на якобы изнасиловавшего ее парня. Его привели тоже. Парень сказал, что не насильничал и что девушка сама ему дала, но ему и в голову не могло прийти, что теперь она сожалеет об этом. Девушка стала клясться и рассказывать, как она, бедняжка, всячески сопротивлялась, однако он был сильнее и добился, чего хотел.

Сначала князь остался наедине с девушкой. Вручив ей полный кошелек денег, он сказал:

— Итак, сегодня ночью я вас закрою вместе, и никто из вас двоих не посмеет выйти до завтрашнего дня, пока я сам вас не выпущу. Этот несчастный может позариться на кошелек и отнять его, но, если ты отдашь его, поплатишься жизнью!

Девушка вышла, и князь позвал к себе парня, которому сказал то же самое, что и девушке, но добавил:

— Не сносить тебе головы, если ты не отнимешь у нее кошелек и не вернешь его мне!

Когда на следующий день рано утром их привели к князю, парень вошел с поникшей головой и был совсем растерян, в то время как шедшая перед ним девушка радостно размахивала кошельком, в котором позвякивали монеты.

Улыбнувшись, князь обратился к парню:

— Итак, что будем теперь делать?

Парень молчал. Тогда князь повернулся к девушке:

— А ты точно не дала ему?!

— Не дала, ей же богу! — сказала она с гордостью. — Я всего его исцарапала, после чего он не посмел ко мне прикоснуться. Он думал, что...

— Мать твою! — прервал ее рассказ князь: — А ее-то[, — он показал на пизду, —] ты почему не защищала с таким же рвением? Вашего брата, женщин, я знаю как облупленных, одна-

ко понимаю, что и вам нелегко не дать при удобном случае в лесу. В общем, на первой же неделе вы обвенчаетесь! Эти деньги возьмете себе, коль вы с ними так намучились, и больше чтобы я не слышал, что вы из-за чего-нибудь деретесь. А теперь ступайте!

И они его послушались.

Рассказал учитель из Белграда, Сербия.

Примечание. У этой истории, очевидно, такая же седая борода, как и у князя Милоша, о деяниях которого повествуется, как если бы он был еще жив. Любимым ругательством князя было, как известно, «po materi te» («мать твою!»), вместо обычного «jebem ti mater» («ебу твою мать!»), что оставляло небольшую надежду на то, что адресат подразумевался лишь косвенно.

288. История об обесчещенной недотроге

Одна хорватская девушка по имени Лиза явилась к судье и подала жалобу об изнасиловании.

— Но как такое оказалось возможным? — спросил судья. — Ведь ты здоровая, сильная, а он, напротив, почти карлик.

— Ах, ваша милость, он меня изнасиловал!

— Но где же это случилось? Только не плачь, моя дорогая, а расскажи всё, как было.

— Это было в поле, он меня повалил и учинил надо мной насилие!

— Но, сокровище мое, почему же ты не защищалась?

— Ах, ваша милость, это было невозможно!

— ?!

— Ведь одной рукой я подхватила юбку, а другой держалась за изгородь, и поэтому не могла защищаться!

Рассказал горожанин из Пожеги, Славония.

289. История о девушке с редкими пальцами

Девушка пожаловалась князю, что ее насильно выебал парень.

— Не могло такого быть, чтобы насильно, — сказал князь, — просто ты не защищалась!

– Я защищалась, князь, еще как защищалась!

– Тогда почему ты не прикрылась рубашкой или хотя бы ладонью?

– Да делала я и то, и другое, но рубашка у меня плохо скроенная, а пальцы редкие, вот негоднику всё и удалось.

Рассказал учитель из округа Тимока, Сербия.

Примечание. Жалоба девушки отчасти обоснованна, о чем свидетельствует сообщение одного хорватского бабника: «Если девушке, пусть даже робкой, сунуть в руку напряженный хуй и если удастся коснуться им ее клитора, сопротивление падает само собой».

Если судья не принимает во внимание силу полового влечения и не знаком с народными обычаями, вряд ли ему удастся вынести верное решение. Однажды, двенадцать лет назад, в окружном суде венского района Оттакринг я посредствовал переводчиком в иске одной молодой словенки из Крайны против ее же соотечественника, изнасиловавшего ее в гостинице. Судья вынес оправдательный приговор, обосновав его тем, что девушка, проследовавшая за молодым человеком в его номер, знала, что ее ожидает. Но на самом деле всё было несколько иначе. Эта девушка приехала в Вену в поисках службы. Поскольку в немецком она была не сильна, она обратилась к этому крайнцу и с помощью подарка (что, с точки зрения судьи, было только отягчающим обстоятельством) сделала его своим *названым братом* в надежде, что в нужную минуту он поможет ей. Согласно обычаю, названая сестра столь же неприкосновенна для названого брата, как и кровная. Поэтому девушка вошла в номер, ни о чем не подозревая. Напоив ее, молодой человек надругался над ней, причем девушка расцарапала ему лицо. Таким образом, в соответствии с обычным правом южных славян, преступник совершил не просто изнасилование, но кровосмешение, и можно с определенностью сказать, что какой-нибудь провинциальный окружной судья тут же передал бы дело негодяя в земельный суд по уголовным делам. Однако данный служитель Фемиды отказался даже предоставить мне слово. В другом случае, три года назад, окружной судья венского района Нойбау выслушал мою аргументацию и изменил свое решение, вынеся обвинительный приговор. Ныне он – правовед в Венском университете.

290. Изнасилованная

Одна женщина пожаловалась в суд, что ее обесчестил мужчина. Судья заподозрил, что женщина отдалась добровольно, и предпринял следующее: снял со стены меч, вынул его из

ножен и дал пострадавшей, а затем, держа ножны, велел ей вставить в них меч. Она протянула руку с мечом, а судья стал двигать ножны то туда, то сюда. Тогда она сказала:

— А вы их хорошенько подставьте, и тогда меч войдет в них сразу же!

— Блядь ты ебаная! — возмутился судья. — Если бы и ты хорошо ему не подставила, он бы в тебя не вошел!

Рассказал крестьянин из Блато на острове Корчуле, Далмация.

291. История о том, как девушка жаловалась на изнасиловавшего ее парня

Девушка пожаловалась в суд, что ее ссильничал один парень. Судья спросил:

— А что этот юноша хотел с вами сделать? — спросил судья.

— Он хотел вставить свое срамотное перо в мою почтенную срамотницу!

Рассказал крестьянин из Рачиште на острове Корчуле, Далмация.

Глава XVIII
О ЖЕНСКОЙ ПОХОТЛИВОСТИ

Огонь не насытить дровами, море — речными потоками, бога смерти — жизнями всех созданий, а ясноокую девушку — любовью всех мужчин.

Индийская шлока
(цит. по: Schmidt 1904: 93)

292. Когда баба не думает о ебле?

Баба не думает о ебле тогда, когда переходит по бревну через ручей.

Из округа Вранье (Вране), Сербия.

293. Почему женщине всегда мало

Молодожен вместе с молодой супругой пришел к Богу и спросил:

— Дорогой Боже, сколько раз в год мне надо с женой ебаться?

— Достаточно один раз, — ответил Бог.

Муж и жена ушли, и на обратном пути жена сказала:

— Вот видишь, дорогой муженек, как дорогой Бог хорошо предписал нам ебаться два раза в год!

— Каких два раза?! Он сказал, что достаточно и раза!

— Он сказал не раз, а два раза!

— Тогда давай спросим Его снова!

И они вернулись к Богу.

— Так сколько раз в год, — обратился к Богу муж, — мне достаточно ебать свою жену?

— Я сказал, что... — начал отвечать Бог.

Но тут женщина перебила его:

— ...что два раза, не правда ли?

— Да, да, можете два раза, и будет с вас!

По пути домой жена напомнила мужу:

– Видишь, муженек, дорогой Бог сказал, что впóру три раза!

– Да нет же, жена, он сказал, что достаточно два раза!

– Нет, три! Давай снова его спросим!

И опять жена потянула его к Богу:

– Дорогой Боже, ведь ты разрешил три раза, не правда ли?

– Да, да! Иди и больше не показывайся!

Только супруги прошли немного, как жена сказала:

– Вот видишь, муженек, Бог повелел четыре раза!

– Чем с тобой препираться, давай, не мешкая, вернемся!

Когда они в четвертый раз предстали пред Богом, тот гневно крикнул женщине:

– Сколько ни назови, тебе всё будет мало!

Вот так женщина и не может наебаться.

Рассказал сербский поп с низовий реки Усоры, Босния.

294. Сколько хуев она слопала?

Одну женщину спросили: «Сколько хуев ты "съела"?» «Если их поставить друг на дружку, – ответила она, – а тебя усадить сверху, ты бы мог увидеть Стамбул!»

Рассказал крестьянин из села Младошевицы, Босния.

295. И у них там жгло!

Сельчане построили церковь, и к ним прислали попа. На первую же службу в церкви собралось много народа: одни – из набожности, другие – любопытства ради. Поп был новичком, молодым и неопытным, и никак не мог совладать с кадилом, которое держал в руке. В замешательстве он размахивал им туда-сюда, и от кадила во все стороны разлетались тлеющие кусочки фимиама[1], один из которых попал в сапог святого отца, чего батюшка поначалу не заметил.

---

[1] Фимиáм – благовония из трав.

Поскольку поп был неопытным и только недавно рукоположен в священство, он был настолько беден, что сапоги носил на босу ногу. Вдруг он почувствовал, что что-то нестерпимо жжет стопу. Времени на то, чтобы снять сапоги, не было. Он бросил кадило, лег на каменный пол церкви, задрал ноги кверху и стал трясти ими и одновременно стучать сапогом о сапог, надеясь, что предмет, жгущий его ступню, выпадет наружу.

Многие прихожане были в церкви впервые и не знали, как относиться к происходящему. Они решили, что им следует повторять движения попа. Поэтому все мужчины и женщины повалились на пол и, устремив ноги к куполу, стали трясти ими вслед за батюшкой. Поп, увидев, что своим поведением сбил людей с толку, во избежание еще большего позора заорал во весь голос:

— Не делайте этого, братья и сестры! У меня там горит, вот я и делаю это!

— И у нас там, отец, горит! — заголосили бабы, не опуская ног.

Из Сербии.

296. Дикий хуй

Турок поймал белку и, чтобы она не сбежала, посадил ее в коробку.

— Что это у тебя, Хусо? — спросила его жена.

— Это дикий хуй, Фата! Только не открывай, не то тебе несдобровать!

Стоило хозяину уйти из дому, как ханума растрещала всем женщинам округи, что она стала хозяйкой ни много, ни мало, а живой «мужской жилы». Баба закрыла на засов все двери и открыла коробку. Из нее выскочила белка и стала прыгать по подушкам. Ханума улеглась на ковер, растопырила манду и стала завлекать бегающего зверька:

— Иди сюда, хуек, утомонись! Вот она, бери ее!

В этот момент появился муж, который хорошенько отделал жену палкой.

Рассказал далматинец с Южной боснийско-далматинской границы.

Примечание. Сербы-христиане зовут всех мусульман без разбора турками.

297. История о пастухе с тремя хуями

Жили-были два пастуха, один служил у ага́, второй — у хаджи. Пастух ага́ всегда получал на полдник вкусную еду, в то время как тот, что служил у хаджи, довольствовался одним кукурузным хлебом. Однажды, полдничая, пастух хаджи спросил пастуха аги, как это ему всё время удается получать на полдник свежие лепешки, сыр, мясо, пироги и прочее, меж тем как ему перепадает один лишь кукурузный хлеб.

— А ты еби жену хаджи, — сказал слуга аги, — и у тебя будет то же самое. Только ага́ куда-нибудь отлучается, как я тут же стучусь к его жене и ебу ее, за что потом она выкладывает мне всю эту снедь. Давай вот что сделаем. Вечером, когда жена твоего хаджи будет доить овец, я тебя позову: «Эй, Троехуй! А моя овца там?»

Так всё и произошло. Когда пастух аги несколько раз позвал пастуха хаджи «Эй, Троехуй!» и потом ушел, слышавшая всё это жена хаджи спросила своего пастуха:

— Отчего это он так тебя называет?

Пастух отвечал:

— Мне стыдно об этом рассказывать!

Долго уговаривать его не пришлось.

— Ну, ладно. Однажды, когда мы купались, мой товарищ заметил, что у меня три хуя. С тех пор он зовет меня Троехуем!

— У тебя и в самом деле три хуя?

Пастух утвердительно кивнул головой.

Хаджи был старый, ебать уже не мог, а его жена — молодой, красивой и само собой падкой на хуи. На другой день она велела мужу:

— Отправляйся-ка ты сегодня с овцами на пастбище, а пастух пусть займется уборкой в доме!

Хаджи погнал овец на пастбище, а жена уже наготове ждала пастуха. Она пригласила его к себе в комнату и велела показать все три хуя. Он взмолился, мол, ему стыдно. Ханума пригрозила, что, если он их не покажет, она скажет мужу, что пастух пытался ее изнасиловать. Бедняга «нехотя» согласился. Сунув руку в левый карман штанов, через прореху в них он дотянулся до ширинки и выставил оттуда палец.

— Дорогая хозяйка, смотри — это турецкий!

Затем то же самое он проделал правой рукой.

— Это валашский!

В завершение через ширинку хитрец явил белу свету настоящий хуй и муде.

— А это, дорогая хозяйка, пастуший!

— Начнем с этого! — велела женщина.

Повалив его на себя, она приказала ебать ее пастушьим хуем. Парень положил себе на плечи ноги ханумы и стал вбивать в нее свой пастуший. С тех пор на полдник он получал блюда куда лучше, чем пастух аги, но, чтобы хозяйка не утратила к нему расположения, пускал в дело все три хуя.

Рассказал крестьянин Петар Перкович из села близ Жепче, Босния.

Примечание. Мусульманин, хотя бы раз в жизни совершивший паломничество (хадж) к Каабе, на всю жизнь сохраняет почетное звание паломника (хаджи). То же относится и к христианам. Турецкий хуй — обрезанный, валашский (сербо-христианский) — прикрытый крайней плотью; «пастуший» — грубый и неуклюжий. Мусульманин сцыт не стоя, как европеец или серб, а сидя на корточках. Для этого в шароварах оставляется небольшой разрез, который необходим еще и потому, что перед молитвой большинство мусульман совершают также омовение хуя и заднего прохода. После отправления естественной нужды у них принято также омывать руки. В мусульманских деревнях есть общественные уборные, которые для удобства устраиваются, как правило, рядом с ручьем.

298. История о той, которая во что бы то ни стало хотела связать все три воедино

Девушка вышла замуж за статного парня и боялась, как бы этот крепыш не повредил ее. О своих опасениях она заявила ему в первую брачную ночь, полагая, что ей будет больно. Он сразу же ее успокоил:

— Ты не бойся. Их у меня три, и я, чтобы тебе ее расширить, начну с самого маленького!

Жена согласилась, и, когда он сделал свое дело, увидела, что это нисколько не больно, к тому же дело ей понравилось. А потому она попросила его тут же пустить в ход второй. Супруг подчинился и отмахал повторно.

Жена убедилась, что и второй ее мужа не такой страшный, и попросила возлюбленного сделать третий заход — самым большим. Она хотела понять, выдержит ли его. Муж вставил ей в третий раз, и это ей понравилось еще больше, чем первые два раза. Вкалывая на супружеском поле, парень изрядно притомился и уснул. Вдруг он очнулся от сна и слышит, что кто-то шарит по комнате.

— Кто это?

— Это я, — услышал он голос жены.

— Ты чем занята в столь неурочный час?

— У меня здесь где-то лежал шнурок. Я просто обыскалась его. Куда он запропастился?

— Да на кой он тебе?

— Вот бы все три связать в один, пусть я даже околею при том!

Из Сербии.

299. История о мужике с двумя хуями

Парень и девушка очень нравились друг другу. Однажды она увидела, как он сцыт у ее окна. В это время его «бедствие» поднялось и стало большим, испугав размерами девушку настолько, что она решила не выходить за него замуж. Мать просила объяснить причину этого решения, но дочь не стала раскрывать тайну. Парня всё это настолько расстроило, что он не на шутку захворал. В конце концов мать дозналась от дочери причину и напустилась на нее:

— Ох и дура же ты! Неужели это тебя испугало? Разве ты не знала, что у него их два, маленький и большой? Если захочешь, он воспользуется для тебя только маленьким.

Это объяснение успокоило девушку, и она согласилась стать женой этого парня.

Когда наступила первая брачная ночь, девушка загорелась желанием и попросила мужа воспользоваться маленьким хуем. Муж удовлетворил ее просьбу, засунув в нее одну головку. Следующей ночью он повторил то же, а на третью девушка сама попросила большого размера. Муж стал пользоваться им, засовывая его полностью, а через некоторое время она сказала:

– Ты, мой милый, суешь мне только большой, а мне этого недостаточно. Запихни-ка ты сразу оба – маленький и большой!

Понятно, что эту ее просьбу муж удовлетворить не смог, как ни пыхтел.

Рассказал солдат из округа Белграда[, Сербия].

300. «Свистнул, не свистнул – а я уже здесь!..»

Жили-были муж и жена, оба молодые и здоровые. Именно потому у них было больше детей, чем они могли прокормить. Вот они и договорились впредь быть осторожными и больше не делать детей, а для большей безопасности решили, что муж будет спать в доме, а жена – на чердаке.

– И всё же, муженек, если тебе будет невмоготу, ты мне только свистни – и я приду! – сказала жена.

– Хорошо.

В первую ночь жена легла на чердаке. Она была молодая и здоровая и привыкла проводить ночи с таким же молодым и здоровым мужем, поэтому никак не могла уснуть и долго ворочалась в постели. Наконец она закричала сверху:

– Дорогой, ты мне свистнул?

– Нет, – отозвался парень, который по той же причине, что и его баба, не мог уснуть.

По прошествии некоторого времени она еще пару раз спросила, свистел ли он.

– Да нет же!

– Ладно, свистнул, не свистнул, – жена вся истомилась от желания, – а я уже здесь, внизу!

Из Сербии.

301. Когда девка сгорает от желания

Однажды отец послал сына в село на ярмарку и дал ему на расходы сто дукатов. В село парень попал поздно ночью и решил заночевать в трактире. Там он встретил красивую девку, которая обслуживала посетителей. Она понравилась пар-

нию, и он предложил ей провести вместе ночь. Девка сначала артачилась, но, когда парень пообещал ей сто отцовских дукатов, сдалась с условием, что он засунет ей только головку хуя, иначе она не даст себя ебать. Парень согласился и, сделав свое дело, вернулся домой. Отцу он соврал, что по пути на него напали разбойники и отняли деньги.

Вскоре отец снова послал сына на ярмарку в то же село, и парень встретил всё ту же девку, которой сразу же предложил провести с ним ночь. Та для приличия поначалу кочевряжилась, а потом сказала «да», но при условии, что за сто дукатов он засунет ей в пизду только половину хуя. Парень получил обещанное, а по возвращении домой объявил отцу, что деньги исчезли в трактире, где он заночевал.

Пришла пора, и отец снова послал сына на ярмарку и вновь дал ему сто дукатов. Парень сразу же отправился к той же девке, и она согласилась дать ебать, но так, чтобы хуй он засунул чуть больше половины. Дома сын, как и в прошлые разы, нашел для отца какую-то оттоворку.

Отца всё это удивило, и он решил тайком проследить за сыном во время его очередного посещения ярмарки. Парень сразу же зашагал к знакомой девке, и она разрешила ему за сто дукатов засунуть весь хуй.

Отец наблюдал за сыном. Девка раздвинула ноги и приготовилась к ебле, сын же, вместо того чтобы вонзить весь хуй, всунул только его головку. Девка как раз вошла в раж и стала уговаривать, чтобы он вонзил его полностью и сделал это несколько раз. Тот стал оправдываться, что он не может, что у него пропало желание.

— Эй, парень, да вгони же ты по самые муде! Я дам тебе за это сто дукатов, только не останавливайся! — выкрикивала разгоряченная молодуха.

Но парень не внял ее просьбе и вонзил хуй только до половины. Девка снова стала умолять его засунуть ей до конца и пообещала за это еще сто дукатов, которые она когда-то от него получила. Парень теперь уже наслаждался страданиями девки и вообще не двигал хуем.

— Я отдам тебе все твои деньги, только вонзи его! — выкрикнула вконец распаленная красотка.

Однако парень и слышать ее не хотел. В это время отец, наблюдавший за всем и всё слышавший, толкнул дверь и закричал:

— Втони же ты его ей, [черт бы побрал] твоего отца, или я убью тебя на месте! Неужели ты хочешь опозорить своего родителя?

Таким образом, к собственной радости и радости отца, сын вернул обратно семейные деньги.

Записано дословно от помощника кузнеца из округа Белграда[, Сербия].

302. Царица и три брата

Жил-был царь, и у него была единственная шестнадцатилетняя дочь. Когда он умер, трон заняла его дочь. Царица была на выданье и не сегодня-завтра должна была бы выйти замуж, но как к ней свататься, если царь умер? Тогда она пошла на хитрость и через своего глашатая объявила, что ее надо отвезти в ближайший город, не употребляя по пути срамотных слов в разговоре. Кто нарушит это условие, тот будет казнен.

Никто на это не отваживался, но нашлись три брата. Два были умные, а один придурковатый, и у них была хорошая карета и лошади. Самый старший принял решение:

— Ладно, отвезу-ка я царицу!

Он запряг лошадей и предложил государыне свои кучерские услуги. Когда они тронулись в путь, жеребец вдруг вскочил на кобылу.

— Что это там? — спросила девушка.

Парень назвал всё как есть:

— Жеребец вскочил на кобылу!

— А зачем?

— Чтобы ее ебать!

Царица велела повернуть карету обратно, и кучер был казнен.

Вскоре остальные братья узнали, что царица снова изъявила желание ехать в другой город. Править каретой вызвался средний брат. По пути девушка увидела, как хряк вскочил на свинью, и спросила возницу:

— Как это понимать?

Парень ответствовал сходно со старшим братом.

Царица потребовала поворачивать домой, и этот сквернослов тоже был казнен.

И вот она в третий раз дала всем знать, что ее надо отвезти. Условие оставалось тем же: не употреблять срамотных слов. Тогда третий брат, придурок, запряг лошадей, подъехал к царскому дворцу и попросил передать государыне, что готов доставить ее куда угодно. И они тронулись в путь. Тут царица снова увидела, как жеребец вскочил на кобылу, и спросила:

— Что происходит, кучер?

— Да ничего особенного. Жеребец влез на кобылу.

— А что он с ней делает?

— Забрался на нее и смотрит, не напали ли волки на их жеребят.

Через некоторое время царица увидела, как хряк вскочил на свинью.

— Что скажешь на сей раз?

— Да ничего. Хряк взгромоздился на свинью и смотрит дозором, чтобы волк не утащил их поросенка.

Вечером царица вернулась во дворец и не отпустила кучера домой, а пригласила его отужинать. После ужина она заставила его раздеться и лечь в кровать. Девушка легла рядом и, положив его руку себе на грудь, спросила:

— Что это?

— Девичья грудь.

Потом она переложила его руку на (срамные) волосы внизу живота.

— А это что?

— Луг.

Царица опустила его руку еще ниже, на свою пизду.

— А это что?

— Колодец!

— А это? — Его рука была приложена ею к ее промежности.

— Сельский староста.

Так царица прошлась по всем своим неприкасаемым местам, и парень не произнес ни одного срамотного слова. Пришел черед обследовать его тело. Положив руку на его грудь, она спросила:

— Что это?

— Юношеская грудь.

— А это что? — спросила девушка, ухватив его за «мудреца».

— Конь!

— А это что? — Ее ладонь облапила его мошонку.

– Мешок для корма.

– А чем твой конь питается?

– Пасется на лугу.

– Ну тогда пусти его на мой луг. Пусть он там попасется!

Парень водил «ила» туда-сюда по животу царицы, пока она не спросила:

– Почему твой конь не пасется на моем лугу?

– Потому что его замучила жажда!

– Да там же колодец, сразу под лугом! Пусть он напьется из него!

Парень только этого и ждал. Своего «дурака» он засунул в ее щель. От удовольствия и сильных толчков она стала пердеть.

– А это еще что за звуки? – спросила царица.

– Так, ничего особенного. Это староста разозлился.

Девица вспылила:

– Вдарь этим своим мешком для корма старосте по зубам! Какое ему дело до моего колодца?!

Когда конь стал пить воду (кончать), царица вскрикнула:

– Утопи его! Утопи его! – И затихла.

Когда конь вдоволь напился, выяснилось, что всё это ей по нраву, и на другой день она объявила кучера царем. Не исключено, что он по сию пору поит своего коня из ее колодца.

Рассказал крестьянин Петар Драгичевич из окрестностей Огулина в Лике, Хорватия.

303. Кукурузные хуи

Бедный земледелец посадил вблизи Белграда кукурузу для пропитания. Однажды на поле заявился черт и обосцал всё вокруг, после чего на стеблях вместо початков выросли хуи. Мимо поля по своим делам спешила односельчанка земледельца. Поняв, что бедолага не знает, что делать с таким урожаем, она дала ему добрый совет: «Ты, Чиро, хорошо охраняй этот урожай от воров. На нем сможешь заработать большие деньги».

И она была права. Каждую ночь к нему приходили женщины и покупали по пять хуев. После этого Чиро стал хорошо питаться, а всё благодаря хуям, потому что хуй и пизда – всё на этом свете.

Рассказал далматинец из Сараево, Босния.

304. Как крестьянину пригодились хуи

Жил в одном селе скромный крестьянин
без жены и без друзей и был трудяга-парень.
Ютился в избушке, имел троих детей,
было у него поле, а еще небольшой хлев.
С утра до вечера вдовец гнул спину,
чтоб прокормить себя, детишек и скотину.

На небольшом участке мужик растил початки.
Но как-то в поле появился дьявол гадкий,
у кукурузы бес остановился
и на все стебли помочился.

А утром, выйдя в поле, мужик глазам не верил —
на кукурузных стеблях одни хуи висели.
Глядя на это чудо, хозяин приуныл:
ведь он растил початки — зачем ему хуи?

Видали! Бабы ценят этот «фрукт»,
вместо початков одни хуи растут!
Тут неожиданно старая баба прёт,
говорит мужику, что он просто урод
и что вместе с хуями всё говно сожрет.
Она ему орет: «Эй, сосед, будь рад,
грузи, дурак, всё на телегу и вези в Белград!
Доход потом поделим пополам
за мой совет, который тебе дам:
хуи большие подороже продавай,
а маленькие за бесценок бедным дай».

На рынке Дарчале большая очередь стояла,
и бабы сразу же хуи все расхватали,
богатые, те брали по пять штук —
когда еще появится столь дивный «фрукт»?

Мужик остался бабке благодарен,
а за удачу Богу свечку он поставил.
И больше не торчит он с утра в поле —
крестьянина теперь хуи прокормят.

Kako se seljak sa kurcevi pomogao

Tako bio nekoč neki selja
i bez žene i bez prijatelja,
samo imo kućarak i štalu,
troje djece i njivicu malu.
Rano rani, svoju njivu radi,
svoju djecu da kako izrani.

Eh, putem išo gjavo arhidāba
pokraj njive selje siromaka,
i tu mu se pripišalo zdravo,
te sve geci i kuruze poli.

Rano rani selje a gle čuda!
njiva cjela kurcem nikla svuda!
A moj selje počeo da kuka,
jer u kurac sva mu ode muka!

A gle! žene što cjeniti vikli,
mjesto klipâ sve kurčevi nikli!
Tu se zdesi jedna stara baba
te predbaci selji da je žaba,
koja govna sve uz kurce glaba.
Galameći veli: «O komšija,
usmi bolan ti to sve u kola
pa oćeraj u Beograd do Darčala.
Podjelit ćmo dobit tad na pola.
One veće ti skuplje prodaji,
manje kurce jeftinije daji!»

Kada selja sa kurcevi tamo
u Darčale Beogracke stao
frajlice i žene, nuto čuda!
sve mu veća pograbiše muda.
Po pet jedna namah mu otkupi,
tko će, brate, na to da se ljuti?

Sad moj selja staru babu hvali
i svom Bogi voštenicu pali.

Više ne će sad njivu da radi
kad u Beogradu može se i kurcem da zaradi.

Рассказал хорватский торговец, услышавший это стихотворение в Белграде.

Примечание. Дарчале (Darčale), или, правильнее, Дорчол (Dorčol), – район Белграда с рыбным и овощным рынками, прилегающий к Дунаю.

305. Триппер напугал

Женщина была наслышана, что если муж подцепит триппер при ебле где-нибудь на стороне, то он может заразить им и свою жену. И она пожаловалась своей матери, что боится, как бы муж не оказался болен и не заразил ее. Мать посоветовала дочери оттолкнуть мужа в момент, когда тот будет кончать в блаженной истоме, и тогда он разрядится не в нее, а мимо. «Ах, дорогая матушка, кажется, я не смогу воспользоваться твоим советом, ведь именно в этот момент я судорожно прижимаюсь и забываю обо всем, что вокруг творится!» – с сожалением сказала дочь.

Рассказал ремесленник из окрестностей Белграда.

Примечание. Подобные же советы дают своим дочерям хорватские крестьянки, отпуская их танцевать ко́ло. Если дело дойдет до близости, девушке следует в момент оргазма оттолкнуть юношу, нажав одновременно указательными пальцами в его пах справа и слева, чтобы семя хуя пролилось мимо и она не забеременела. Поскольку, однако, для оплодотворения не требуется много семени и сопутствующего оргазма, этот совет столь же никчемен, как и приведенный в этой сербской истории.

306. История о том, как немка вошла во вкус

В Руме остановился полк гусаров. Это были бравые, красивые ребята, и каждый из них стал искать себе зазнобу. Одному гусару приглянулась немка. Он взялся приударять за ней и уговаривать, чтобы она ему дала. Девушка делала вид, что не разбирается в любовных утехах, и не поддавалась уговорам парня. Но однажды гусар взял и уперся ей между ног своим голым хуем. Она вроде бы сопротивлялась, но при

этом как бы нехотя разводила ноги, непрерывно повторяя: «Но, господин гусар, господин гусар, но, господин гусар!»

Эти три слова немка частила не умолкая, пока его хуй влезал в ее пиздушку, и потом, когда гусар стал ее накачивать. Распалившись, она перешла на одно: «Но, господин гуса, но, но, гу-сар, гу-са, гу-са, гу-сар!» Пребывая на вершине блаженства и чувствуя, как вояка извергается в нее, девица завопила: «Гу-са, гу-са, са, са!» И завершила свои вопли триумфальным: «Гу-са, гоп-са, са, гоп-са-са-са!»

Рассказал хорватский рабочий из Румы, Сирмия.

307. История о том, как турчанка повторно вышла замуж

Вдóвая турчанка из Боснии вышла замуж за некоего Мустафу, а детей от первого брака оставила одних. Когда Мустафа повалил ее и стал ебать, она от возбуждения закричала: «Вопри его, мой сладкий Муйо, в эту мохнатую блядь, которая разлучила меня с моими детьми!»

Из округа Дрины, Босния.
Распространена также и в Сербии.

Примечание. Это восклицание популярно в качестве ответа на вопрос, почему та или иная вдова снова вышла замуж. Согласно старым народным представлениям, если вдова находит себе второго мужа, это считается крайне предосудительным. Дети от первого брака остаются с родными ее бывшего мужа, и ей приходится навсегда от них отказаться. Впрочем, вдóвой женщине никто не запрещает заводить связи на стороне. В худшем случае она может прижить ребенка, который в будущем всё равно будет подспорьем в хозяйстве. Таким образом, не исключено, что у женщины появится ребенок от совершенно чужого человека. К тому же она может объявить родственникам, что ее супруг вернулся в облике вампира и обрюхатил ее. Обычно ей верят на слово. Ребенку же приписывают способность второго зрения, считая, что, повзрослев, он сможет обезвреживать вампиров без риска для себя.

308. Страдания подкаблучника

Главой семьи была жена, безвольный муж во всем подчинялся ей. Были они людьми состоятельными, имели ребенка. Поскольку семья была зажиточной, многие соседи хотели, чтобы хозяйка стала крестной матерью их детей.

Как-то раз она собралась к одному из своих крестников, зажарила цыпленка, испекла пирожки и приготовила прочие гостинцы. Переодевшись в праздничное, она сказала мужу:

— Итак, я ухожу, а ты смотри, чтобы дома всё было в порядке. Проследи за ребенком. Если обмочится, перепеленай его. Вино перелей из бочки в бутылки, наколи дров, они мне понадобятся. Смотри, чтобы цыплят не унес ястреб! Да отремонтируй ясли, я на них уже смотреть не могу! А еще намели соли помельче. В общем, чтобы к моему приходу всё было готово, а то тебе не поздоровится — ты ведь меня знаешь! Уж если я вышла за тебя замуж, я научу тебя жизни, тряпка!

Закончив на этом, она ушла.

Бедный муж не знал, с чего начать, и решил, что всё сделает скорее, если будет заниматься двумя делами одновременно. Открыв кран бочки с вином, он подставил бутыль, потом приготовил колун для колки дров, после чего взялся за другие дела. Ребенка посадил в чулане рядом с бочкой и дал ему игрушек. Как только мужик стал колоть дрова, во двор прилетел ястреб и схватил любимого цыпленка жены. Спотыкаясь о поленья, мужик погнался за ястребом, но, пока добежал до сада, хищная птица с добычей в когтях взмыла в небо. Вернувшись в чулан, он увидел, что ребенок открутил кран. Всё вино вылилось, и дитя в нем утопло.

Боясь жены, мужик от страха зарылся в кучу кукурузных листьев. В это время через это место пробегало напуганное кем-то стадо, и бык, наступив на спрятавшегося мужика, расплющил ему копытами хуй и муде. От боли и отчаяния тот залез в печь для выпечки хлеба и решил там сгореть заживо, памятуя, что по возвращении из гостей его баба собиралась напечь хлеба.

Придя домой, жена не стала искать мужа, а, переодевшись, стала разводить огонь в печи — тесто она приготовила еще с утра. Не успел огонь заняться, как из нутра печи кто-то истошно взвыл:

— Ох, как тяжело умирать!

Женщина присмотрелась и узрела своего мужа.

— О Боже! Ты что там делаешь? А я-то думала, что ты починяешь ясли. Немедля вылезай оттуда!

— Не могу, дорогая, лучше подкладывай дрова!

— Не глупи и ползи сюда!

— Не могу, ведь ястреб унес цыпленка!

— Да цыплята еще будут! Вылезай!

— Не могу, из бочки вытекло вино!

— Да и вино еще будет! Только вылезай!

— Не могу, ведь дитя утонуло!

— Ну что ж, ничего не поделаешь — Господь нам пошлет другого ребенка! Вылезай!

— Ей же богу, не могу, бык расплющил мне хуй и муде!

— Да ты что? И это?! И откуда ты такой взялся?! Уж лучше бы тебя чума унесла! Пропади ты пропадом, никудышный!

Жена раздула огонь, и горемыка сгинул в пламени.

Рассказал поденщик по фамилии Емершич из Топуско, Хорватия.

309. «Ох, бедный поп!..»
(*Пословица*)

Однажды поп и послушник отправились по делам. По пути они балакали обо всем, а также о преданности женщин. Поп твердил, что его жена ему верна и что ни с кем ему не изменит, а послушник стоял на своем, мол, все женщины, а среди них и попадья, одинаковы, и что он запросто может довести какую угодно до греха. Однако поп был упрям, и тогда побились об заклад: если послушник не соблазнит попадью, то целый год пробудет у святого отца в услужении, а коли добьется своего, тот отдаст ему кобылу.

— Ладно, дай мне свою лошадь, — сказал послушник попу, — а сам иди вслед за мной пешком, вскоре всё увидишь!

Поп уступил послушнику лошадь и поплелся следом. У са́мого поповского дома послушник стал стенать. Увидев рыдающего юношу, попадья спросила, чем он расстроен. Парень пробормотал, давясь слезами:

— Лучше не спрашивай, мой ответ тебя только опечалит!

Женщина настаивала, и послушник стал ей рассказывать:

— Мы с попом шли по дороге, и, углядев дерево с дуплом, он предложил мне поспорить, у кого из нас двоих хуй больше. Когда мы измерили пальцами, мой оказался длиннее, но батюшка стал утверждать, что у него он толще. Святой отец сказал: «Давай посмотрим, чей пролезет вон в то дупло на дереве!» Я попробовал, и мой не пролез, а потом попробовал поп.

Его вошел, но в дупле лежала змея, она его ужалила за хуй, и он тут же помер!

Теперь пришел черед попадьи сокрушаться:

— Ох, бедный поп, моя сиротинушка! (Kuku pope, moja sirotinjo!)

Потом она взглянула на послушника и спросила:

— А твой-то в порядке?

И так она его переспрашивала несколько раз, а потом сказала:

— Слава Богу, что змея не ужалила и твой! Упокой душу мертвого, а коль ты остался жив, вот и будешь мне вместо попа!

Недолго думая, послушник согласился. «Вдовушка» захотела, чтобы он немедля занялся этим делом, но парень сказал:

— Видишь ли, матушка, первый раз нельзя ебаться неоседланной, а если на тебе будет седло, это уже не считается грехом!

Попадья даже передохнуть ему не дала и распорядилась:

— На чердаке лежит старое седло нашей кобылы. Возьми его!

Послушник принес седло, чтобы навьючить его на бабу, и сказал:

— Но на седле нет подхвостника!

— Возьми кушак попа. Он ему больше не понадобится. Сделай из него подхвостник!

Парень соорудил подхвостник и сказал:

— Но ведь у тебя нет хвоста!

— Возьми ложку попа и засунь ее мне в жопу!

Стоило послушнику взять в руки ложку, как поп, наблюдавший за ними в дырку из соседней комнаты, закричал:

— Не погань ложку! Кобыла твоя — ты геройски ее заслужил!

Рассказал серб из округа Мостара, Герцеговина.

310. Турчанка и гяур у кади

Турчанка положила глаз на одного крепкого гяура[1] (серба), и ей захотелось с ним поебаться. Она поспорила с гяуром,

---

[1] Гя́ур (*тур.*) — у исповедующих ислам, главным образом в средние века, — презрительное именование всех иноверцев.

что ему не удастся поебать ее за одну ночь восемь раз кряду. Они договорились, что если он проиграет спор, то что-нибудь ей даст. Уверенный в силе своего хуя, гяур согласился и отвалял турчанку семь раз, а в восьмой вбил, но кончить не смог.

— Ты проиграл спор, а потому плати! — потребовала турчанка.

— А вот и нет! Я выеб тебя восемь раз!

— Нет! Ты проиграл, и я пожалуюсь на тебя кади!

— Ладно, пошли к кади.

У кади турчанка пожаловалась на гяура, что он не отдает ей то, на что они поспорили.

— А о чем вы поспорили? — спросил кади турчанку.

— Пусть он сам тебе скажет, уважаемый кади!

— Так вот, уважаемый кади, я с этой женщиной поспорил, что за один раз посшибаю палкой плоды на восьми участках. На семи было изобилие плодов, а восьмой оказался пустым. Разве я виноват, что восьмой участок оказался пустым?

— Нет, христианин! Ты не проиграл спор. Можете быть свободны!

А у турчанки снова зачесалось, но и проигрывать ей вовсе не хотелось. Новый спор с гяуром сводился к тому, что он должен был лечь между турчанкой и ее сестрой. Они обе всю ночь будут его возбуждать, но, если парень не выдержит и кого-нибудь из них выебет, он проиграет. Гяур согласился и с этим условием.

Вечером они легли втроем в постель: парень в середине, а турчанка и ее сестра — у него по бокам. Чтобы еще больше раззадорить гяура, турчанка привязала его хуй к ляжке. Сестры стали его возбуждать и при этом обе были нагишом. Потом они отвязали ему хуй, который уже набряк. Гяур долго маялся, но разве тут выдержишь? Он вскочил и выебал как турчанку, так и ее сестру.

— Ха-ха, ты проиграл спор! — обрадовалась турчанка.

— А вот и нет. Пойдем к кади — пусть он рассудит!

Они пришли к кади. В ответ на жалобу турчанки гяур сказал:

— Уважаемый кади! Госпожа привязала моего жеребца между двумя лужайками к одному дереву. Конь совсем изголодался. Он пощипал бы травки, но был на привязи. Наконец госпожа его отвязала, и он наелся досыта травы как на первой, так и на второй лужайке. Виноват ли я в чем-нибудь?

— Не виноват, христианин, ты выиграл спор! — сказал кади.

Турчанка никак не могла угомониться. Она снова придумала спор, в котором гяур может выиграть лишь при одном условии: если, вздрочив хуй, он разбежится и с ходу вобьет его сзади пригнувшейся турчанке. Парень согласился. Турчанка склонилась. Гяур вздрочил хуину и разбежался, но в момент, когда он должен был его вбить, турчанка немного присела, и гяур угодил прямо в жопу.

— Ха-ха! Уж в этот-то раз ты точно проиграл спор! — ликовала турчанка.

— А вот и нет! Пусть снова кади рассудит!

У кади турчанка, как и прежде, пожаловалась на гяура, что тот, проиграв спор, не хочет отдавать заклад.

— Я не согласен, уважаемый кади, — стал защищаться парень. — Прошу, выслушай меня! С этой женщиной я побился об заклад, что мой конь с налета ворвется в ее двор через ворота. Как только он подскакал к воротам, госпожа — бах и захлопнула их, и конь смог попасть во двор только через задний вход! Разве я виноват, что главные ворота оказались закрыты!

— Не виноват, христианин! Женщина проиграла и этот спор.

Рассказал турист из Старой Сербии[1].
Еще одна обстоятельная редакция из южной Сербии войдет во второй том.

311. «Пусть лишь немного подровняет...»

Жил-был мужик, пьяница, а жена у него была злющая мегера, и все деньги хранились у нее. Если мужику хотелось промочить горло в трактире, за деньгами приходилось обращаться к жене. Она всякий раз кобенилась, и мужик прибегал ко всевозможным уловкам, чтобы выклянчить у нее хоть какую-нибудь мелочь.

---

[1] Термин «Старая Сербия» («Стара Србија») возник на рубеже XVII—XVIII вв. после массового переселения сербов из Оттоманской империи в пределы христианских государств, главным образом Венгрии. Так переселенцы называли покинутые земли. Между тем, в XIX в. значение термина изменилось. Вплоть до 1912 г. Старой Сербией назывались районы средневековой Сербии, не вошедшие в состав Сербского княжества (с 1882 г. — королевства) и оставшиеся под управлением турок.

Однажды ему нестерпимо захотелось выпить, а в кармане даже гроша ломаного не было. Ничего не оставалась, как в который раз обратиться к жене. Мужик лихорадочно искал повод, чтобы выпросить деньги, и, зная, какая она похотливая, вдруг вспомнил, что в их селе появился мастер по починке мужских «достоинств». Вот мужик и попросил жену дать ему двенадцать грошей для небольшой поправки своего уда.

Жену обрадовало, что, оказывается, есть мастера, которые могут приводить в порядок и мужской «инструмент». Но жадность брала свое, и она велела мужу поторговаться, добавив, что ему хватит и восьми грошей. Пришлось тому согласиться, лишь бы побыстрее залить в горло стопку ракии.

Когда он уже выходил с восемью грошами, жена прокричала вслед: «Скажи, пусть не укорачивает его и не делает тонким, а лишь немного подровняет сверху, чтобы он стал немного плоским и притупленным, как печать у трактирщика Димитрия».

Из Сербии.

312. История о том, как валах продавал зайца

Валах пришел на ярмарку в Сене, а за спиной у него болтался заяц. Увидев тушку, торговка хлебом спросила:

— Послушай, валах, не продашь ли зайца?

— Конечно, продам. Для того и принес.

— А что ты за него хочешь?

— Дал бы мне кто-нибудь хлеба поесть!

— Возьми вон и ешь, чертов валах!

Валах передал ей зайца, а сам сел рядом с корзиной и стал есть. Умяв целых три буханки, он начал заглядывать в корзину и встряхивать ее. Торговка спросила:

— Зачем ты это делаешь?

Оказалось, он хотел понять, хватит ли ему хлеба. Баба рассердилась и швырнула ему зайца обратно со словами:

— Возьми его назад, чертов валах. Даже если ты весь мой хлеб сожрешь, тебе всё равно будет мало!

Не сказав ни слова, мужик закинул зайца на спину и отправился дальше. Наконец его увидела еще одна жительница Сеня, торговка вином, и спросила, не уступит ли он зайца. Он

ответил, что продаст его тому, кто даст ему напиться вина. Женщина дала ему вина. Он всё пил и пил, а потом стал стучать по бочкам. Торговка поинтересовалась, зачем он это делает. Валах сказал, что хочет проверить, хватит ли ему еще вина. Женщина рассердилась и запустила в него зайцем. Она не собиралась отдать всё вино за одного зайца.

Не проронив ни слова, валах двинулся дальше. Его заприметила еще одна женщина, довольно красивая и молодая, и спросила о цене зайца. Валах сказал, что отдаст его бесплатно той женщине, которая даст ему ебать. Немного подумав, женщина сказала:

— Ладно, пойдем ко мне, чертов валах!

Когда они пришли на место, бабенка легла, валах — на нее, однако он засунул только половину хуя и остался неподвижным.

— Ну, шевелись же, чертов валах!

Валах стал повторять: «Шевелись, шевелись, шевелись!», но сам при этом не двигался.

— Ведь тебе подсказывают, — настойчиво повторила женщина, — шевели жопой!

Но валах даже бровью не повел, сохраняя полную неподвижность, и только повторял:

— Шевели жопой! Шевели жопой!

Все эти дурачества рассердили бабу.

— Ты, валах, идиот и ни на что не годен! Давай оставайся внизу, а я буду сверху!

Так они и сделали. Когда вся потеха закончилась, баба спросила:

— Вот видишь, разве тебе было плохо?

— Да, мне было хорошо, но кто мне заплатит? Ведь не я тебя, а ты меня ебала!

Эта наглость возмутила женщину, и она прогнала наглеца вместе с его зайцем.

С ярмарки валах возвращался довольным. Ведь он ел, пил, еб и с зайцем остался.

Рассказал хорват из Загреба[, *Хорватия*].

313. Теперь они квиты

Крестьянин приехал в город продать зайца и увидел красивую бабенку в самом соку, стоявшую у ворот дома. Она его

спросила, почем заяц. Он назвал цену, но ей показалось дороговато.

Крестьянин был молодым и озорным, да и покупательница ему понравилась, вот он и намекнул, что мог бы уступить зайца дешевле.

— А за сколько?

Тогда крестьянин сказал, что заяц достанется ей даром, если он ее один разок «опрокинет». Да и женщина была не прочь позабавиться уже хотя бы потому, что крестьянин был пригожий и здоровый как бык. Приведя его домой, она растянулась на диване.

Когда тот сделал свое дело, бабе это понравилось, и она предложила повторить. Крестьянин согласился. Она попросила, чтобы он лег на спину, после чего взгромоздилась на него. Он и второй раз сделал свое дело, а потом взял зайца и засобирался домой.

— А зайца-то почему уносишь? — спросила она. — Разве мы с тобой не договаривались, что заяц останется у меня, если ты меня разок «опрокинешь»?

— Договаривались, но ведь и ты меня разок. Так что мы квиты.

Из Сербии.

314. Святой Илья стережет на небе яблоки

Один мужик был большим другом святого Ильи. И вот однажды святой Илья взял его к себе на небо, чтобы мужик посмотрел сверху на мир. Когда они туда пришли, мужик увидел у Ильи много яблок. Так случилось, что святой Илья должен был куда-то отлучиться.

— Смотри, чтобы никто не трогал эти яблоки, — попросил он, — но и ты к ним не прикасайся, пока я не вернусь!

Святой Илья ушел, а его приятель стал стеречь яблоки. А это было не что иное, как громы и молнии. Мужик взглянул сверху на свой дом и увидел, что его кум-сосед ебет его жену. Подумав, что их видит весь белый свет, мужик сорвал яблоко и швырнул в них. Загремел гром, и молния убила обоих. Тут появился святой Илья.

— Что же ты наделал, если в Бога веришь?! Ты зачем убил кума и свою жену?

— Но ведь я хотел всего лишь шугануть их, потому и бросил яблоко.

— Сам Бог распорядился, чтобы люди еблись, — объяснил святой Илья. — Это вовсе не грех. Так должно быть. Никакой ты мне не друг, а потому ступай прочь отсюда!

И он спустил ревнивца на землю. Говорят, что этот мужик похоронил кума и жену в одном гробу.

Рассказал крестьянин из села близ Жепче, Босния.

Примечание. Вопреки идее аскетически-монашеского воздержания, навязываемой народу и не имеющей глубоких корней в складе его души, представление о том, что половое удовлетворение не несет в себе греха, господствует у всех южных славян.

315. «Почему Бог порой не видит, что кое-где творится?»

В армии служил некий Марко́. Будучи во всем примерным и прилежным, он вскоре стал денщиком командира, а потому жил несколько лучше остальных своих друзей, обычных рядовых.

И всё же блаженствовать бедному Марко было суждено недолго. Однажды он чем-то захворал и, хотя врачи давали ему всякие снадобья, которые даже лошадь поставили бы на ноги, всё хирел и хирел, пока однажды не предстал пред Богом.

Поскольку в земной жизни Марко являлся человеком праведным, на том свете он был поощрен соответствующим образом — попал сразу в рай и был назначен посыльным самого Бога, который знал, каким порядочным и прилежным был Марко, примерный денщик на земле.

Однажды Богу понадобилось отправиться куда-то по делам. Он пригласил к себе Марко и сказал: «Марко, сын мой! Вот тебе двенадцать ключей от моих двенадцати комнат. Во все одиннадцать комнат ты можешь войти и поглазеть на богатство в них, но в двенадцатую — ни ногой. Вот тебе ключи от одиннадцати комнат и отдельно — ключ от двенадцатой, в которой, я еще раз повторяю, не смей показываться!»

Оставшись один, Марко обошел все одиннадцать комнат. Его потрясло огромное богатство — горы золота, серебра и драгоценных камней. И всё же его не покидало чувство неудовлетворенности, а также разбирало любопытство, что могло бы

находиться в запретной, двенадцатой, комнате. «Если я наведаюсь в эту комнату и ни к чему не буду прикасаться, вряд ли кто догадается, что я там был», — заключил он в конце концов.

Так он и сделал. Открыл ключом двенадцатую комнату и вошел в нее. Удивлению его не было предела — ни сокровищ в ней, ни мебели, ничего не было, за исключением стоявших посреди комнаты стула и зеркал на стенах.

Марко очень удивился, почему Бог запретил ему заходить сюда. Потом он сел на стул и предался мечтаниям. Случайно его взгляд упал на висевшее напротив зеркало, и он удивился появившимся в нем горам, рекам, городам и селам. Бывший денщик сразу же догадался, что это земной мир и что именно с этого места Бог наблюдает за всем, что в нем деется.

Догадка Марко была правильной, и ему захотелось увидеть свое село, односельчан, свой дом, жену и детей. И тут, как по мановению волшебной палочки, перед его глазами предстало родное село, здание суда, трактир и его дом. В комнатах никого не было. «Наверное, они на погосте», — решил Марко и перевел взгляд на кладбище. И там он действительно увидел свою молодую красивую жену, причитавшую и плакавшую, и двух своих детей. Ему было жаль, что он умер и покинул жену с детьми, но было и приятно, что жена еще не забыла его.

Спустя некоторое время к вдове Марко подошел сельский поп и стал ее утешать. Она утерла слезы, велела детям отправляться домой и пустилась в разговор с батюшкой. Вскоре вдовушка забыла о трауре и стала хохотать и шутить со святым отцом. Марко ясно видел, что поп утешает его жену не только речами, но и ласкает ее руками, а потом вдруг они оба направились в соседний лесок и скрылись в чаще.

Не выходили они довольно долго, и Марко пришел в ярость, врезал ногой по зеркалу, и оно рассыпалось мелкими осколками, в которых уже ничего не было видно.

Только теперь бедолага понял, какую огромную ошибку совершил, войдя в эту комнату, однако уже было поздно.

Не знаю, что было потом, когда Марко встретился с Богом, помиловал ли тот его или же обругал и покарал. Одно мне только в этой истории непонятно: почему Бог порой не видит, что кое-где творится?

Из Сербии. Это знаменитое народное сербское предание имеет широкое хождение.

316. Она тоже хотела бы умереть

Как-то два крестьянских парня рубили дрова в лесу рядом с кладбищем. Неожиданно они заметили молодую и очень красивую вдову из другого села, причитавшую над могилой. Она, бедняжка, хотела, чтобы ее услышал Бог. Из стенаний женщины было понятно только то, что она горюет по своему мужу.

— Эх, если бы я знал, что моя жена будет вот так скорбеть по мне, я без сожаления умер бы хоть завтра! Видать, эта бабенка очень его любила.

— Да брось ты восхищаться всей этой любовью, — сказал второй парень, который был неженат и слыл среди девушек и женщин большим повесой. — Готов поспорить, что, несмотря на все эти ее причитания, через полчаса она будет моей!

— Известно, какой ты бабник, и всё же я не прочь побиться об заклад, что она не станет твоей ни через полчаса, ни через полгода!

И так они ударили по рукам, и второй парень, оставив топор в лесу, двинулся лесом и вышел на кладбище с другой стороны. Он приблизился к вдове и стал причитать у соседней могилы.

Вдова немного успокоилась и спросила парня, по ком он скорбит. Тот ответил, что у него умерла жена и что с тех пор, как он остался один, еще не прошло и полугода.

— А от чего она умерла?

— Мне как-то стыдно об этом говорить, но получается так, что это я свел ее в могилу!

— Каким же это образом? Да скажи же ты, чего уж стесняться! — настаивала вдова, видя, что он мнется в нерешительности.

— Ну, как тебе сказать? — замялся парень и, подойдя ближе, перешел на шепот: — Видишь ли, у меня слишком большой уд, и он ее свел в могилу.

— Ах, да тебя мне само счастье послало! Сделай и мне так же, чтобы и я умерла и чтобы меня похоронили рядом с моим Симеуном, ведь без него мне жизни нет!

Из Сербии.

317. Не трясет хуем

Один мужик [, когда помочится,] обычно тряс своим несколько раз, чтобы последние капли не попали в штаны. Заметив это, жена спросила его:

— Зачем ты это делаешь?

— Чтобы мое «бедствие» становилось больше.

Потом они из-за чего-то повздорили и разругались. Как-то мужик справлял малую нужду, а жена на это смотрела и заметила, что он не трясет своей «мошной». Решив, что он делает это назло, раз они в разладе, она крикнула:

— Тряси его больше! Мы хоть и поссорились, но глаза друг другу не выкалывали!

Рассказал крестьянин из окрестностей Ужице, Сербия.

Примечание. В редакции такой же истории из Старой Сербии жена говорит: «Тряси его, тряси негодника, ведь это мы с тобой поссорились, а не хуй с пиздой!» («Tresni ga, tresni, rgjo; ako smo se nas dvoje posvadili, nisu oni, kurac i pička!») В третьей редакции, тоже из Сербии, совпадающей с вышеприведенной почти буквально, жена прибавляет еще поговорку: «В раздоре дома не купишь!» («Inatom se kuća ne teče!»)

318. Самосейка

Некая турецкая девушка зареклась, что не выйдет замуж. Об этом узнал один озорник и отправился к речке, где она должна была стирать белье. Он зарылся в песок и, надрочив хуй, выставил его наружу. Девушка пришла стирать белье и, заметив торчащий из песка хуй, обрадованно воскликнула: «Самосейка — благодать, самосейке надо дать! Благодати не стыжусь, без стыда на нее сажусь!» («Samonik valah, samonik bilah! Ni stramota valahi, ni stramota bilahi!»)

И она с удовольствием оседлала «самосейку».

Рассказал серб из округа Мостара, Герцеговина.

319. История о том, как вдова обманывала своих ебарей

Жила-была вдова, славная красотой. С каждым знакомым она спорила, что он не сможет ее отъебать четыре раза подряд. Мужики всегда проигрывали спор и теряли всё, на что спорили, а если бы кто-нибудь из них выиграл, он женился бы на вдове и завладел бы ее имением. Правда, находились мужики, которые и в самом деле выёбывали ее четыре раза кряду, но

они всё равно оставались с носом. Дело в том, что над ее кроватью для ведения правильного счета были подвешены табличка и губка. Всякий раз, будучи отъебана, вдова рисовала черточку, но она исхитрялась стереть одну черточку, и у каждого, кто ее еб, всегда их получалось только три. Если после обозначенных трех раз кто-нибудь ебал ее еще раз, она всё равно незаметно стирала черточку, и счет никогда не дотягивал до четырех. Говорят, что один монах всё же перехитрил ее, и ему удалось заполучить всё ее добро. За короткое время он выеб ее девять раз, но отмечены были только три, и, когда монах принялся в десятый раз, довольная его хуем вдова посоветовала ему уйти из монастыря и жениться на ней. Мужик послушался ее и в приданое получил всё ее состояние.

Рассказал спаниол[1] *из Белграда.*

Примечание. Эта история рассказана сербским горожанином, окончившим латинскую школу и научившимся там строить длинные фразы, отчего его искусство рассказчика не стало лучше. Поскольку он — образованный человек, ему невдомек, что имущество вдовы, доставшееся после брака второму мужу, нигде, в том числе и у сербов, не называется «приданым».

320. Количество ебни

Жили-были три брата. Один — сапожник, второй — портной, а третий ничего не делал и только дрочил хуй. Однажды сапожник в поисках лучшего счастья пустился странствовать. Подойдя к одной горе, он встретил там бабку, которая спросила, куда он путь держит.

— Хочу мир повидать!

— А владеешь ли ты каким-нибудь ремеслом?

— Я сапожник.

— Сотню приятных мгновений тебе! Возьми вот эту травку и положи в сумку. Когда придешь в такой-то город, ты услышишь там глашатая, который будет выкрикивать, что если кто-нибудь сошьет обувь для королевской армии за тридцать дней, тот получит от короля трех лошадей и три телеги богатства. Отправляйся к королю и потребуй, чтобы весь необходимый для этого материал снесли в один дом. Когда всё туда прине-

[1] Спаниóлы — потомки изгнанных из Испании евреев.

сут, положи сумку с травкой под голову, ложись спать и ни о чем не беспокойся. Через тридцать дней всё будет готово!

Парень положил травку в сумку и, когда пришел в указанный бабкой город, услышал, как глашатай выкрикивает:

— Кто сошьет для королевской армии обувь за тридцать дней, того его величество наградит тремя лошадьми и тремя телегами богатства, но если сапожник не справится, не сносить ему головы.

Сапожник попросил глашатая отвести его к королю. У короля он перечислил всё необходимое для пошива столь огромного количества обувки и сказал, чтобы всё это снесли в один из домов города. Вечером он положил сумку с травкой под голову и уснул. Проснувшись на другой день утром, сапожник увидел, что множество пар уже скроено. Так он в течение тридцати дней ходил по городу и каждую ночь спокойно спал, а когда после тридцатой ночи проснулся, убедился, что королевский заказ готов! Парень передал эту обувь королю и получил за работу трех лошадей и три телеги богатства. Кто мог быть радостнее его?

С этим богатством он отправился домой. На обратном пути он опять подошел к той же горе и остался ночевать на постоялом дворе. У хозяина этого постоялого двора была очень красивая дочь, и, увидев ее, сапожник захотел с ней переспать. Хозяин разрешил ему провести ночь с дочерью, но при условии, что до утра парень выебет ее девять раз. Если же не справится, то отдаст хозяину и лошадей, и все три телеги богатства. Парень согласился, но не смог выебать девушку не то что девять раз, а даже разу, поскольку всю ночь она его развлекала. На другой день бедолаге пришлось отдать хозяину лошадей и телеги с богатством. Несолоно хлебавши, он покинул постоялый двор и снова отправился бродяжничать.

Среднему брату, портному, наскучило ждать возвращения старшего брата, и он тоже пустился по белу свету в поисках счастья. Ему встретилась та же бабка, которая и ему дала травку и, как и старшему брату, велела отправиться в тот же город, где он услышит выкрики глашатая: «Кто за тридцать дней скроит и сошьет мундиры для королевской армии, тот получит три телеги богатства и трех лошадей, которые повезут это богатство!»

Портной доверился старой женщине и сделал всё, как она велела, но на обратном пути его постигла та же участь, что и

старшего брата, и он отдал хозяину постоялого двора три телеги богатства и трех лошадей.

Наконец и третий брат покинул родные края. Когда он подошел всё к той же горе, его встретила бабка.

– Ты куда направляешься, милок?

– Хочу на мир посмотреть!

– А владеешь ли ты каким-нибудь ремеслом?

– Никаким, всё время я ничего не делал, а только дрочил и холил свой хуй!

– Тысячу приятных мгновений тебе! Ступай в такой-то город. Когда туда придешь, услышишь выкрики глашатая: «Кто за тридцать дней выебет тридцать девушек, и каждая из них забрюхатеет, тот получит от короля шесть телег богатства и шесть лошадей, которые повезут это богатство!» Явись к королю и скажи, что сделаешь это, но потребуй, чтобы девушек привели в один дом. С каждой из них ты проведешь одну ночь. Всегда держи при себе вот эту травку и ни о чем не беспокойся.

Парень взял у бабки травку и отправился в путь.

Придя в указанный город, он услышал, как глашатай выкрикивает:

– Кто уверен в том, что в течение тридцати дней от него забрюхатеют тридцать девушек, тот получит от царя шесть телег богатства и шесть лошадей, которые повезут это богатство. Но если хоть одна из девушек останется пустой, ему отрубят голову!

Парень явился к королю и попросил, чтобы его с этими тридцатью девушками заперли в одном доме. Там он провел тридцать ночей и каждую девушку ебал по девять раз за ночь. По истечении месяца ни одна из девушек не пожаловалась на парня, но король оставил его у себя еще на девять месяцев, чтобы убедиться, что все девушки понесли. Через девять месяцев все тридцать родили сыновей. Король пригласил парня к себе и выдал ему всё обещанное. Он также рассказал ему о чуде с сапожником и портным, которые за тридцать дней обули и одели армию, за что каждый получил три лошади и три телеги богатства. Парень догадался, что это были его родные братья, но остался в недоумении, почему со всем этим добром они так и не появились дома.

Из этого города он тронулся в путь и приехал на постоялый двор, где его братья расстались со своим богатством. Хозяин

постоялого двора радушно его встретил, а его дочь стала обслуживать гостя. Он взялся пылко приударять за ней и пообещал много денег за ночь с ней. Но хозяин выдвинул встречное условие: если за ночь парень выебет его дочь девять раз, то получит от него шесть лошадей и шесть телег богатства, а если не выебет, то расстанется со всеми своими лошадьми и богатством в телегах.

Парень согласился, после чего подкрепился и начал ебать. Когда он загнал седьмой раз, она сказала, что было не семь, а только пять раз.

— Ладно, — махнул рукой парень. — Пусть это будет не в счет, и давай считать сызнова!

На седьмой раз девушка заявила, что насчитала только четыре. Поняв, что она будет упрямствовать и дальше и что это может продолжаться до рассвета, парень сосчитал ступеньки, которых оказалось точно девять. Он заваливал ее на каждой ступеньке, а на самой верхней — еще три раза в придачу. Так он за ночь еб дочь хозяина сорок раз и, сохранив своих шесть лошадей и шесть телег, получил вдобавок шесть лошадей и шесть телег своих братьев. После этого он стал искать по свету братьев, а когда нашел, они втроем вернулись домой и зажили припеваючи.

Рассказал серб из округа Мостара, Герцеговина.

321. Детская коленка

Один пастушок вместе с девушкой постарше пас овец, и она всё время приставала к нему, чтобы он ее отмахал. Он и слышать об этом не хотел и убегал от нее. Когда ему надоели ее приставания, мальчишка пожаловался своему дяде. Тот был молодой повеса и решил воспользоваться удобным случаем и подменить племянника в этом деле. Он попросил парнишку, чтобы тот пообещал девушке, что выебет ее, но она должна завязать глаза. Договорившись с пастушкой, малец должен был позвать дядю, и тот уладит дело, удовлетворив обе стороны. Парнишка сказал о своем условии девушке, и та согласилась. Он завязал ей глаза и знаками позвал дядю. Когда тот стал искать ее «место», девушка старалась помогать ему советом:

— Вот сюда засовывай! Где твоя коленка!

— Нет, барышня, — сказал прощелыга, — это не детская коленка, а дядин хуй!

Разумеется, позже эта родственная связь уже не играла никакой роли.

Рассказал белградский учащийся.

322. «Хорóша девка!»

Один молодой банатец пошел в соседнее село и стал там разыскивать девушку, за которой он ухаживал раньше и теперь хотел ее сватать.

Зайдя в сельский трактир и выпив пару-тройку стаканов вина, он стал расспрашивать трактирщика, не знает ли тот такой-то девушки и какова она.

— Ну, как же не знаю, — отвечал трактирщик. — Хорóша девка! Ее уже все наши парни перепробовали. Говорят, девка отменная!

Из Баната, южная Венгрия.

Примечание. Парень осведомился, хороша ли девушка в хозяйстве, однако шельмоватый трактирщик понял его заведомо в другом смысле. Так же и в поговорке: «У хорошей девушки живот до носа» («U dobre devojke trbuh vazda do nosa»), т. е. она никому не отказывает и поэтому всегда на сносях.

323. Не пробита, где следует

Ходжа женился. В первую брачную ночь он обнаружил, что брал в жены девственницу, а она оказалась пробитой. Это ему не понравилось, но когда он взглянул на ее уши, то увидел, что на них отсутствуют серьги. Он спросил невесту:

— А где твои серьги?

— У меня уши не пробиты.

— Ага, теперь понятно. Ты не пробита там, где надо, а там, где не надо, пробита.

Рассказал серб из Мостара, Герцеговина.

Примечание. Отсутствие гимена не является основанием для заключения об утрате целомудрия. Девушка часто разрывает (или ей разрывают) девственную плеву уже в юные годы при купании, прыжках, беге и особенно при вступлении в пубертатный период. В тех местностях, где в брачную ночь принято исследовать гимен, девушке обрабатывают влагалище измельченными квасцами («tipsa»), благодаря чему отверстие стягивается и жених, вводя хуй

в тесную пизду («tisna pička»), обдирает его до крови. Впрочем, в состоянии полового возбуждения мужчина вряд ли настроен доискиваться до истины. Человек, которого в брачную ночь интересует, есть ли у его жены гимен или нет, в конце концов рискует стать рогоносцем. Упрек в отсутствии ушных серег совершенно несостоятелен. Распутные женщины всегда носят длинные серьги и подвески, соблазняя мужчин, скромные же отказываются от вызывающих украшений.

324. Отомстила

Жил-был оборотистый мужик — хозяин водяной мельницы. Хотя он имел немалые доходы от остального имущества и мог жить на них без забот, мельница была для него всем, и там он проводил бóльшую часть времени. Супруг миловидной молодой жены, он был еще тот волокита и его мало волновало, удовлетворял он ее или нет. Чтобы об этом она меньше задумывалась, мужик приучил ее к тому, что спал с ней одну ночь в неделю и имел одно сношение. Тем самым он экономил силы для других женщин.

Однажды к нему на мельницу приехала вдова и привезла на телеге два мешка пшеницы. Это была очень красивая и юная женщина, у которой совсем недавно умер муж, и бедняжка маялась теперь одна с ребенком, а поскольку муж не оставил ей почти никакого наследства, вдова еле сводила концы с концами. Бедная женщина попросила мельника, чтобы он смолол ей пшеницу без платы за помол и тем совершил благое дело. Дескать, Бог и так дал ему всего вдоволь, и эта помощь вдове вряд ли введет его в убыток. Мельник долгим взором посмотрел на нее и понял, что женщина чудо как хороша. Он согласился смолоть пшеницу задаром да еще набавить мешок муки от себя, но только в случае, если вдова отдастся ему. Иначе никаких поблажек пусть от него не ждет.

Вдова была женщиной порядочной и ко всему прочему продолжала скорбеть по безвременно почившему мужу, поэтому не испытывала особого желания выполнять выдвинутое мельником условие, но и домой ей не хотелось возвращаться без муки. К тому же она понимала, что мельник хотел ее не потому, что она красивая, — вдова знала, что мельничиха тоже молодая и привлекательная, — а лишь, чтобы немного разукрасить повседневное «меню». И вдова задумалась о том, как

бы ей сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы остались целы. Наконец она пошла на хитрость и решила, что пообещает мельнику отдаться, но поставит в известность об этом его жену. Мельничиха переспит с ним вместо вдовы, а мельник смелет бесплатно пшеницу вдовы и сверх того даст ей мешок муки.

Так она и сделала, пообещав мельнику прийти к нему вечером, когда стемнеет. Дескать, в это время она вернется на телеге за мукой, а он пусть подойдет к телеге, где она и «вознаградит» его за помол. Обрадованный мужик не возражал. Он попрощался с ней и с нетерпением стал дожидаться сумерек.

Вдова же на пустой телеге поехала к дому мельника, где нашла его жену и рассказала о предложении ее супруга. Узнав, что муж изменяет ей, баба ужасно на него рассердилась и в то же время была благодарна вдове, что та ей об этом рассказала и что сумела обвести вокруг пальца ее мужа. Мельничиха сразу же согласилась помочь несчастной матери в этом деле.

Когда стемнело, мельничиха влезла в телегу вдовы и поехала к мельнице мужа, а вдова отправилась к себе домой. Мельник то и дело выглядывал в надежде увидеть знакомую телегу. Покамест на дороге были только телеги других помольщиков. Как же он обрадовался, завидев подъехавшую телегу вдовы! Не теряя времени, он устремился к телеге, стал ее ощупывать в темноте и обнаружил там женщину. Она молчала, и он решил, что стеснительная вдова не хочет разговаривать. Ему это нисколько не мешало и даже нравилось. Он влез на телегу и после коротких объятий и поцелуев сделал свое дело на достойном уровне. Вдобавок у него сложилось мнение, что вдова искуснее его жены.

Вернувшись на мельницу, мельник застал у очага семерых помольщиков, молодых и статных парней. Мельник был не только волокитой, но и хвастуном, и его подмывало рассказать помольщикам, какой он сорвал «цветочек», но он не знал, с чего бы ему начать. Наконец он стал подкручивать себе усы и похохатывать. Заметив это, парни подступили к нему с вопросами, что с ним произошло и почему он такой довольный. Немного помедлив, он рассказал, как ему удалось охмурить и поиметь вдову, которая в этот день приезжала на мельницу.

— А где? — спросил его один из парней.

— Да здесь, у мельницы, на телеге, что стоит в поле.

— Ты, я вижу, еще тот хлюст, — подмигнул один из помольщиков. — А бабенка действительно хороша. Я ее видел, когда она подъезжала.

Через какое-то время этот помольщик поднялся от очага и вышел на улицу. Где-то через четверть часа он вернулся в здание мельницы и, как и до этого мельник, стал подкручивать усы и лыбиться. Стало понятно, что он сладил с вдовой так же, как и мельник. Его примеру последовал второй помольщик, а после его возвращения — третий, и так все семеро сменили друг друга.

Перед рассветом пшеница была смолота, после чего мельник отнес два мешка с мукой и в придачу свой, третий, на телегу и еще раз «обслужил» якобы вдову, после чего вернулся на мельницу. Жена приехала на телеге с тремя мешками муки к вдове, передала ей всё это, вкратце рассказала, как она отомстила муженьку, и отправилась домой, чтобы отдохнуть от трудов праведных.

На другой день мельник вернулся домой и делал вид, что ничего не знает, будто ничего и не было. Жена тоже притворялась, что она ни о чем не догадывается, и с нетерпением ждала момента, когда сможет приподнести ему свой сюрприз. Это был как раз тот день, когда он должен был с ней спать. Исполнив свою супружескую обязанность один раз, муж повернулся на другой бок, собираясь, как обычно, уснуть.

— Давай еще! — предложила жена.

— Я больше не могу, — ответил муж. — Ты же знаешь, что я делаю это всегда только раз!

— Как это раз, притворщик ты этакий! — взвизгнула жена. — А как же прошлой ночью ты сделал это целых девять раз без особой передышки?!

— Когда ночью? — обалдел муж, подпрыгнув на кровати.

— Вот что, голубчик, меня ты не проведешь! Чтобы ты знал, на телеге была не вдова, а я! Ты хотел мне изменить с той женщиной, но она была порядочная и всё мне рассказала, вот я и приехала вместо нее на телеге. Тут-то я и убедилась, что ты способен и на девять раз!

— Ах, твоего блядского отца! — воскликнул мельник. — Получается, что тебя выебли все семь помольщиков!

Всё было именно так, но что было, то было, а помочь ему уже никто не мог.

Из Сербии.
Это народное предание было переработано выдающимся сербским писателем.

325. История о том, как теща будущего зятя объегорила

Парню приглянулась девушка, и каждый вечер он ходил к ней побалакать, приносил цветы и таким путем объяснялся ей в любви. Девушке парень тоже нравился, и ее мать была не против него, поэтому ему всё было доступно и с девушкой у него всё спорилось без каких-либо закавык. Если бы ухаживания продвигались с трудом и девушку нельзя было заполучить, он наверняка волочился бы за ней долго, но, поскольку всё было легко, парень вскоре решил попросить ее, чтобы она как-нибудь пустила его к себе на ночь. После долгих и настойчивых уговоров наконец девушка смилостивилась и назначила ему ночь.

Мать случайно услышала их разговор и решила помешать исполнению задуманного, а заодно воспользоваться удобным случаем [и переспать с будущим зятем], тем паче что сама она была еще в полном соку. У нее был такой же рост, как у дочери, и она знала, что в постели они побоятся разговаривать. В условленный день, когда парень должен был переспать с ее дочерью, баба отослала ее к своей сестре. Произошло это после обеда. Девушка отправилась в отдаленное село, поэтому мать была уверена, что к ночи дочь обратно не поспеет. Парень, не ведавший, что его возлюбленной нет дома, в потемках будет думать, что в постели именно она, а чтобы их не обнаружили, они всё сделают молча.

Наступила долгожданная ночь. Мать лежала в постели дочери, приоткрыв окошко, и ждала. Ухажер появился в условленное время. Он потихоньку влез через окно, разделся и лег, полагая, что в постели его ненаглядная. Мать девушки делала вид, что сопротивляется, чтобы парень ничего не заметил, но, когда он заключил ее в жаркие объятия, женщина от наслаждения и блаженства, охвативших ее, воскликнула: «Ах, сынок, как сладостны твои объятия для моих костей!»

Услышав это, парень вскочил будто ошпаренный и дал стрекача! Он даже не обернулся, и в этом доме его никогда уже не видели.

Рассказал хорватский солдат из села близ Дубровника[1] в Далмации, услышавший эту историю в гарнизоне в 1879 г.

Примечание. Стремясь удержать народ Далмации в узде, хорватские политики, вместо того чтобы заботиться об экономическом и духовном процветании страны, пытаются искусственно навязывать сербскому и итальянскому населению хорватские порядки, ошибочно полагая, что таким образом им удастся сформировать здесь лояльное правительству большинство. В свою очередь, народ, которому нет дела до высших национальных интересов и который видит только свои беды, относится к хорватам с нескрываемым пренебрежением и презирает их как прокаженных. Именно поэтому наш рассказчик-хорват утверждает, что в тех местах трудно заполучить невинную девушку. Вероятно, сам он попытался однажды сделать это, но его наблюдениям не стоит слишком доверять.

326. Петух потоптал курочку

У бека была старая мать. Как-то поутру она вышла из дому, чтобы помочиться. Пока она справляла нужду, петух у нее на глазах топтал курицу.

— Ох, моя курочка, — вздохнула старушка, — какая благодать, когда в тебя вливают новую силу, а вот на мою сизую голубку уже никто не позарится!

Бек, ее сын, стоял у окна и всё это слышал. Позвав слугу Белавера, он велел отвести мать в конюшню и выебать. Слугу это удивило, однако бек схватил саблю и пригрозил, что отрубит ему голову, если тот не выполнит приказ. Слуга вышел во двор, взял мать бека за руку и повел в конюшню.

— Ты куда меня ведешь, сынок?

— Я веду тебя к черту!

Он завалил ее и выеб, как кобылу. После того, как он ее поеб, женщина поднялась и сказала:

— Мой Белавер, наверно, хорошо было тебе и твоей душе, когда ты обновлял старой башне ее дверь!

---

[1] В оригинальном тексте — итальянское название города: Ragusa.

На другой день бабка встала спозаранок, приготовила кофе и, разбудив Белавера, напоила его ароматным напитком.

— Сынок мой, Белавер, — сказала она, — отведи-ка меня снова к черту!

Рассказал крестьянин с верховий реки Босны[, Босния].

Примечание. Выражение «как кобылу» означает позицию сзади, чтобы не видеть лицо старухи.

327. Отрубленный хуй

Жила-была девушка. Однажды она вошла в каморку, а соседский парень схватил ее за «гнездо» и начал ебать. Над ними на тонком гвозде висел серп, который во время их возни свалился и снес парню хуй, после чего хуй так и остался торчать в пизде.

Девушка спала в одной постели с матерью, и, когда занесла ногу, чтобы переступить через нее, хуй выпал из пизды и шмякнулся матери по зубам. Та схватила его (она не знала, что на нее свалилось), открыла окно и выбросила хуй.

Как раз была зима, и одна бабка с горящей свечой шла к заутрене. Задубевший на морозе хуй лежал на дорожке. Старушка споткнулась о него, и свеча выпала из ее руки. Она начала шарить в темноте, нащупала вместо нее хуй, подняла его и начала целовать, полагая, что это святая свеча. Потом она пришла в церковь и хотела зажечь свечу у другой бабки, но от этого хуй стал смердеть. Увидев, что именно прихожанка держит в руке, вторая бабка вытолкала ее из церкви «на хуй вместе с этим хуем!».

Рассказал директор народного училища близ Загреба[, Хорватия].

328. Сколько у нее было зубов, столько он ее и еб

Однажды старый ходжа вместе с бабкой брели через лес, и, устав, они решили передохнуть. Через некоторое время у ходжи поднялся его «шалун», и старик настолько распалился,

что предложил бабке заняться известным делом. Но бабка посмотрела на него с удивлением и решила, что ее спутник не в своем уме, но ходжа сказал:

— Пощади! Разве не видишь, что мне невмоготу?! Хотя мы с тобой далеко не молоды, но это дело можем сделать куда лучше некоторых молодых. А потому давай соглашайся!

Бабка в конце концов сдалась, а ходжа сказал, что выебет ее столько раз, сколько у нее зубов. Старуха подвигала языком во рту и насчитала всего два зуба. Ходжа, к собственной и бабкиной радости, кончил два раза, но вдруг старуха воскликнула с восторгом:

— Эй, смотри — на нижней челюсти у меня остался еще один пенек!

Рассказал крестьянин из Шамаца на Саве[, *совр. Босански-Шамац, Босния*].

329. «Бабке украшения ни к чему» (*Пословица*)

Молодой свинопас пас свиней с одной бабкой. Если какая-нибудь хрюшка терялась, он всегда разыскивал ее и возвращал в стадо. Бабка же от поисков увиливала. Парень сердился и обычно говорил:

— Старуха, я тебя выебу, если не будешь этого делать!

Однажды бабка сказала:

— Сынок, ты непрестанно грозишься, что выебешь меня, но до сих пор этого не сделал!

— Да я бы тебя выеб, бабушка, но у меня хуй больно велик!

— Да ты, сынок, засунь столько, сколько в меня войдет!

Бабка легла, а он влез на нее и запихнул.

— Осталось еще что-нибудь? — спрашивает бабка. — Если осталось, ты суй!

Парень ответил, что уже больше ничего не осталось. Бабка недоверчиво потрогала и, когда нашла яйца, спросила:

— А это что?

— Это, бабушка, муде!

— Впихивай и их туда! Бабке эти украшения ни к чему!

Рассказал крестьянин из села Врсово близ Баня-Луки[, *Босния*].

330. Бабке не до украшений

Парень влез на бабку, но, поскольку она уже давно овдовела, пизда у нее скукожилась и стала похожей на сушеную сливу. Он ей хорошо засунул. Подняв ноги и жопу так высоко, что под жопой мог пробежать заяц и не задеть ее ушами, он начал вбивать старой. Когда бабка вошла в азарт, она схватила парня за муде и спросила:

– Что это у тебя, сынок?

– Бабуля, это украшение!

– Впихни и их, сынок, своей бабуле! Даже в молодые годы я никаких украшений не носила!

Рассказал крестьянин из села близ Жепче, Босния.

331. «Драгоценности мне ни к чему!»

Богач нашел себе бедную девушку и стал ее ебать. Она потрогала его снизу и, найдя там муде, спросила:

– Что это у тебя?

– Дорогое украшение!

– Я девушка бедная, а потому драгоценности мне ни к чему, запихни и их внутрь!

Рассказал серб из округа Мостара, Герцеговина.

332. «Если опоздаю к утрене, то к вечерне поспею!»

На рассвете молодые ребята возвращались с гулянки. Быв в изрядном подпитии, они озорничали и вели себя более развязно, чем если бы это было днем. Перед тем как разойтись по домам, они увидели старую бабу, которую все считали очень набожной.

Один из парней, который был пьянее всех остальных, сказал, что мог бы уговорить старуху совершить с ним греховное дело. Остальные заявили, что ничего у него не выйдет, и он с ними поспорил.

После этого удалец пошел быстрым шагом окольным путем и лег посреди дороги, по которой должна была пройти та баба. Уже лежа, он вытащил уд и ждал наготове. Старуха в темноте споткнулась о него, поскользнулась и выронила све-

чу. Она стала ее искать, шаря в темноте, и вместо свечи ухватила нечто другое. Баба стала тормошить парня, говоря:

— Вставай, сынок!

Но он делал вид, что спит непробудным сном. Богомолица оглянулась по сторонам и, убедившись, что поблизости никого нет, задрала юбку и, когда уже уселась сверху на парня и приспособилась, сама себя успокоила:

— Ладно, если опоздаю к утрене, то к вечерне поспею!

Из Сербии.

333. «Только бы она у нее не заросла»

Мастерица-вдова жила вместе с дочерью. Та уже была на выданье, но обе они еблись с удовольствием. Дочь еб помощник, а мать — ученик. Мать с дочерью всегда спали в одной комнате, и однажды дочь стала ее спрашивать:

— Как твой всё это делает?

— Молодо-зелено! — отвечала мать. — Но этого мне вполне достаточно, чтобы пизда не заросла!

Отсюда и пошла пословица: «Мастерица даст и ученику — только бы она у нее не заросла» («Majstorica daće i šegrtu, samo da joj ne zaraste»).

Рассказал сторож виноградника из Пожеги, Славония.

Примечание. Эта пословица распространена только в районе г. Пожеги в Славонии. Пожега почему-то зовется «славной» («slavna»). Откуда это взялось — тайна за семью печатями.

334. «Глубже, волк!»

Баба очень боялась волков. Однажды шла она через поле, как вдруг хлынул дождь, и ей пришлось укрыться в стоге сена, где она и заснула. В сено она зарылась не полностью, снизу выглядывали ее пизда и жопа. В это время мимо проходил пастух и, увидев здоровенную голую жопу и пизду, пристроился и стал над ними покачиваться. Бабка проснулась, однако, боясь волка, не отваживалась высунуть голову. Ей так понравилось, как грызет волк, что она его ободрила: «Глубже, волк, глубже, нежные твои зубки!»

Рассказал серб из округа Мостара, Герцеговина.

335. Утешил старуху

Бодуланец очень изголодался по пизде и ебле и, встретив по дороге на [полуостров] Пелешац старуху, забил ей до упора. Довольная бабуся вздохнула: «Дай Боже, сынок, чтобы и тебя Бог утешил, как ты меня, старую, утешил на склоне лет, как никто другой до этого!»

Рассказал далматинец из Рата, Далмация.

Примечание. Прозвище «бодуланец» («bodulanac»), относящееся к обитателям островов у побережья Далмации, может происходить от итальянского слова «botolo» («собачка»). Известно, что уже во времена римлян и позже, в Средневековье, здесь занимались разведением домашних собачек.

336. «Пошарь, малыш, немного по краям!»

Бабе удалось найти подходящий молодой хуй. Ей очень хотелось, но ее бабья «страдалица» так стиснулась, что парень только тыкался в теплое и затверделое место. И она его подбодрила: «Пошарь, малыш, пошарь также немного по краям, там и найдешь прекрасную пизду!»

Рассказал крестьянин из Ужице, Сербия.

Примечание. К искусству расточительниц сладострастного удовольствия относятся такие способы, как «dizati» («подмахивая»), а также «stezati» или «stiskivati» («сжимая» или «стискивая» хуй), так что мужчине кажется, что его хуй будто зажат в тисках. В этом случае австрийские крестьяне говорят о «капкане». В старости, когда мышцы и связки дряхлеют, любовному искусству приходит конец. Мои познания в этом вопросе основываются исключительно на чужих наблюдениях, поскольку для собственных опытов мне не хватало чувственной склонности к объектам моего научного интереса. Мне рассказывали, что старые женщины учат молодых удерживать при себе мужчину посредством этих особых приемов совокупления, к которым, кроме перечисленных, относятся также «zezati» («резкими толчками») и «ljuljati» («качаясь»).

Глава XIX
О ЖЕНСКОЙ ИЗМЕНЕ[1]

337. Закуковала кукушка

У мужика жена была потаскуха. Он всё ее стерег, но уберечь не мог. Как-то раз она столковалась с одним мужиком о свиданиях. Он должен был влезать на росшее у родника дерево и куковать оттуда кукушкой, чтобы, заслышав его, женщина приходила туда. И так утром и вечером этот мужик куковал, а баба делала вид, что в доме нет воды. Она выплескивала на землю полную кадку и отправлялась к роднику (и там еблась). Однажды мужу показалось странным, что кукушка кукует утром и вечером на одном и том же месте, на дереве у родника, и никуда не улетает. Он догадался, что это за птица может быть, пошел за женой следом и увидел, чем она там занимается. Когда она вернулась, он стал ее укорять. А она ему:

— Кто тебе об этом сказал, кто тебе это наврал?

— Мне никто об этом не говорил и не врал — всё это я видел собственными глазами!

— Если ты что-то видел, не значит, что это было на самом деле. Если бы плотник верил своим глазам, он никогда бы не заколотил балку!

Тогда муж раскалил кочергу и опалил бабе ее «вещицу». Когда в очередной раз кукушка стала куковать над родником, женщина вышла на порог дома и прокричала:

---

[1] О нарушении супружеской верности и женской измене см. изд.: Krauss 1885: 511, 566, 570ff. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

– Горюй, кукушка, гнездо твое сгорело!

Рассказал крестьянин из горной местности Власеницы, Босния.

Примечание. Плотник работает не на глаз, он пользуется ниткой или линейкой. Обычное право не воспрещает мужу наносить жене увечье, поскольку она находится в его неограниченной власти.

338. Наказанная жена

У одного человека была распутная жена («zena raspuštena»). Стоило ему выйти за порог дома, как она зазывала к себе любовника. Однажды поздно вечером этот рогоносец отправился в сад, но вскоре вернулся обратно. Встретив его в дверях, жена спросила:

– Где ты был?

– Лучше и не спрашивай, женушка. Я был в саду, там на дубочке видел Бога, и Бог рассказал мне про тебя нечто такое, что не делает тебе чести.

Тогда жена сказала:

– Я тоже пойду в сад, мне нужно расспросить его кое о чем.

– Ну, иди, а я пока подброшу сена лошадям.

Но на самом деле муж прямиком направился обратно и влез на дубок. Скоро появилась жена и стала спрашивать:

– О Господи, как мне лучше отравить своего мужика, если я нашла для себя более подходящего?

Изменив голос, муж отвечал ей с дерева:

– Каждый день ощипывай курочку, жарь ее и подавай мужу вместе со свежим хлебцем. Корми его так в течение месяца свежей курицей, и он ослепнет.

Довольная, она повернулась и отправилась домой, муж же проворно слез с дерева и, добравшись до дома раньше, спросил:

– Ну, жена, что он тебе сказал?

– Его там уже не было, наверное, вернулся на небо до моего прихода.

На следующий день жена поднялась ни свет ни заря, испекла хлебец и зажарила цыпленка. Дней через пять-шесть муж говорит:

– Послушай, жена, уже несколько дней как я стал хуже видеть. Что мне делать?..

Она стала готовить угощение с еще большим рвением, и по прошествии тридцати дней муж сказал:

— Жена, теперь я уже ничего не вижу!

Баба очень обрадовалась, позвала к себе любовника, легла с ним в постель и стала ебаться, раз супруг ее ничего не видит. А он на это:

— Жена, подай-ка мне вон тот трезубец для ловли рыбы, я хочу подарить его твоему брату.

Баба предусмотрительно сказала незрячему супругу, что к ней придет ее брат. Взяв трезубец, муж с размаху воткнул его в любовника («švalera»), ее же только ранил, крикнув: «Не бойся, я же слепой!» («Ne boj se, da sam ja ćorav!»)

Рассказал крестьянин из села близ Сребреницы, округ Дрина, Босния.

Примечание. По негласному праву, супруг, застав любовников на месте преступления, может безнаказанно лишить жизни только одного из них.

339. История о том, как жена ослепила мужа

Женщина имела мужа и любовника. Хотя ее муж был вполне здоров, она отдавала предпочтение любовнику, с которым не могла проводить столько времени, сколько ей хотелось. Муж знал обо всем, но не придавал этому значения, поскольку не хотел скандалов в доме. Он уговорил соседку, чтобы та посоветовала жене лишить его зрения, для чего жарить для него каждый день по два цыпленка, а потом — по одной жирной утке, и вскорости он, мол, совершенно ослепнет. А придумал он это только потому, что не ее любовник, а он сам очень любил жаркое из птицы.

Соседка сделала всё так, как обещала, и жена стала жарить птицу и уговаривать мужа, чтобы он всё это ел, а то стал совсем хилым. Муж ел и ел, пока в доме не осталось никакой живности. Чтобы жена не стала покупать птицу на рынке, он сказал ей как-то поутру:

— Ах, дорогая женушка, что это со мной? Я совсем не вижу!

Баба обрадовалась, убедившись, что жаркое подействовало и, еле скрывая свою радость, стала успокаивать супруга.

Дескать, она займется хозяйством, и дядя Йово (то есть сосед) тоже ей пособит, раз уж глава дома не может.

Однако муж продолжал плакаться и стал ее упрашивать, чтобы она, по крайней мере, помогла ему умереть, поскольку он слеп и не хочет жить с этим изъяном. В ответ на повторную просьбу жена решила оказать ему эту любезность, после чего они вдвоем отправились к реке Саве. Муж остановился у обрыва. Внизу был глубокий водоворот, который жена выбрала умышленно, чтобы муженек, угодив в него, ни за что не выбрался. Муж стоял над обрывом, а жена отошла шагов на пятнадцать, чтобы разбежаться и столкнуть его вниз. Итак, для полного счастья похотливой бабе оставалось совсем немного. Чтобы наверняка столкнуть мужа, она разогналась что было сил, но, когда бегом приблизилась к нему, муж отпрянул в сторону, и жена со всего маху бухнулась в водоворот.

Рассказал хорватский служащий в поместье из Сисака, Хорватия.

340. Хитрость мужа

Грек собрался в дальнюю дорогу и боялся, как бы в его отсутствие жена не наставила ему рога. Он придумал, как проверить по возвращении, была ли она ему верна. Способ заключался в следующем: под кроватью надо было подвесить яблоко, а под ним поставить кувшин с молоком, и, если на кровати будет лежать один человек, яблоко в кувшин не опустится, а если два, то оно будет в молоке. Так он и сделал, разумеется, тайком от жены и уехал. Через несколько дней он вернулся и сразу же заглянул под кровать, чтобы посмотреть, что было в его отсутствие. Приподняв накидку, он увидел плававшее в кувшине масло, сбитое частыми ударами яблока о молоко.

Рассказано крестьянином во Вране, Сербия.

341. История о том, как хряк чесался о хуй свинопаса, словно о пень, и на это взирала хозяйка

Благополучный хозяин, уже в годах, женился на молодке и не мог ее ебать столько, сколько ей хотелось. У хозяина было достаточно скота и свиней. Однажды он вместе с молодой

хозяйкой выехал на телеге в поле, где пас свиней хозяйский парень. Лежа на спине у дороги, тот спал. Во сне у него поднялся хуй и торчал кверху, словно рог, а в это время к нему подошел трехлетний хряк и стал о хуй, как о пень, чесаться. Хуй парня оставался недвижим.

Увидев это, хозяин остановил телегу и указал хозяйке пальцем на спавшего свинопаса:

— Ты посмотри на хуину нашего слуги! Большего я в жизни не видал!

Однако хозяйка сделала вид, что смутилась, и стала ругать мужа за то, что он показывает ей весь этот срам. И они поехали дальше.

На другой день хозяйка заявила, что их кучер никуда не годится, и распорядилась, чтобы отныне он пас свиней, а хуястый свинопас стал кучером и отвез ее в соседнее имение. Когда они въехали в лес, хозяйка велела новому кучеру остановить лошадей. Стоило телеге замереть, как она сказала вознице:

— Я видела, какой у тебя большой и хороший хуй, и поэтому сделала тебя своим кучером. А теперь я хочу, и ты меня выебешь!

Он стал отнекиваться, но она сгребла его в охапку и заставила ебать ее прямо в телеге. Как только он принялся за дело, к этому месту неожиданно прискакал на лошади хозяин и, приблизившись к телеге, не понимая, что происходит, крикнул:

— Езжай дальше! Чего остановился?

Ошалев от страха, кучер выдернул хуй, который, задев ступицу, сорвал колесо с оси. Затем парень ответил:

— Не могу, дорогой хозяин! Вон, видишь — колесо сломалось!

Хозяйке стало обидно, что муж помешал ей получить удовольствие, и она велела кучеру:

— Завтра пойдешь с хозяином на охоту и, когда въедете в лес, сделай выстрел и скажи хозяину, что не можешь охотиться, поскольку утром видел в лесу попа. Только не говори, что идешь меня ебать, а то мой муженек тебя убьет!

Молодуха добавила, что переоденется в рясу, придет в лес и будет там прогуливаться. А потом они встретятся.

На другой день хозяин со слугой отправились в лес на охоту. Когда она началась, слуга сделал несколько выстрелов в воздух, а затем подошел к хозяину и сказал:

— Мне сегодня на охоте вряд ли повезет, утром я видел попа, который разгуливал вон там по лесу. Ты только прикрой меня, чтобы не было свидетелей, а я пойду и выебу его и, глядишь, удача улыбнется мне на охоте!

Мужик стал отговаривать парня, чтобы тот одумался, но слуга отправился к «попу», повалил его на землю и стал стягивать с себя портки. Увидев это, хозяин скрылся в лесу, а слуга в это время несколько раз «пронзил попа».

После этого парень поспешил на подмогу хозяину и убил двух зайцев. Прошло несколько дней, и хозяин со слугой снова отправились на охоту. Утром им перешел дорогу всамделишный поп, торопившийся в приход. В этот день хозяин сделал много выстрелов, но никакой дичи не подстрелил. Охота не заладилась, и он страшно рассердился на святого отца за то, что тот перешел ему дорогу. Вечером поп возвращался из прихода на лошади. Хозяин подошел, схватил лошадь за уздцы и велел:

— Слезай-ка, поп, я тебя выебу за то, что охота не удалась!

В ответ поп влепил ему затрещину со словами:

— Ах ты, сиктер [хуина], блядский сын! Как это ты вздумал святого человека ебать!

Однако хозяин повалил батюшку с лошади и подрался с ним. В это время мимо проходили два жандарма и, услышав вопли святого отца, арестовали задиру. Мужик целый год отсидел в тюрьме, а в это время слуга ебал хозяйку, так что всё ходуном ходило.

Рассказал крестьянин из окрестностей Жепче, Босния.

Примечание. Общераспространенным является мнение, что встреча с лицом духовного звания приносит несчастье. Если, скажем, попа на телеге повстречает хорватский крестьянин, он бросит в его сторону клочок сена или соломы (или еще что-нибудь) и пожелает: «На твою голову!» («O tvoju glavu!») Охотники особенно опасаются встречи с попом или со старой женщиной. Выебанный злой дух лишается своей мощи. См. № 1.

Своего обидчика священник обзывает «сиктером». «Сик» («sik») по-турецки — «хуй». Это заимствованное слово в сербском и болгарском языках означает «клитор», оно вытеснило славянские обозначения «секелек» («pičić») (который относится к пизде как пиздяной придаток) и «язычок» («ježičac»). Первоначальное значение слова «секелек» («pičić») затемнено столь сильно, что даже для «пизду́шки» («piča») его употребляют в уменьшительной форме. Как-то раз

князь Милош или один из его последователей как обычно появился со свитой в Стамбуле, лицемерно уверяя в своей глубочайшей преданности, благодарности, верности и готовности идти на жертвы. Бесконечно этим тронутый, (великий?) султан, тогдашнее ярко блестевшее Солнце Востока, решил в знак истинно отеческой снисходительности и доброты наградить подданных орденами, чтобы они засверкали на груди героев-посланников. Тут визирь, Хранитель Печати, заявил, что не сможет представить Источнику Справедливости список награждаемых, пока из него не исключат майора Йоксика (сына Йокла, Хансена), или пусть храбрый воин изменит свою гнусную фамилию. По-турецки «Йок сик!» («Jok sik») — «без хуя». Так как даже ради ордена Йоксик не захотел отречься от своего отца, ему ничего не перепало из неисчерпаемого, неиссякаемого рога изобилия сияющей милости.

342. История о том, как муж был отмщен за себялюбие

Жил-был молодой состоятельный хозяин, который только что женился. У него был кучер, тоже молодой парень. Не так уж много времени прошло после свадьбы хозяина, а кучер вдруг опечалился и загрустил. Заметив это, хозяин спросил парня, что с ним происходит, не заболел ли он. Тот отвечал, что не болен, но кое-что тяготит его сердце, и попросил дать ему половину годового жалованья, чтобы он мог осуществить свое желание. Хозяин был скуповатым, а потому он спросил кучера, нельзя ли ему помочь каким-нибудь другим образом. Слуга ответил, что можно и, если хозяин ничего не имеет против, пусть он предоставит ему возможность увидеть хозяйку голышом. Хозяин сказал, что это не бог весть какая трудность. Дескать, если кучер грустит только из-за этого, то он может избавиться от плохого настроения этой же ночью. Пусть незаметно придет в хозяйскую спальню и спрячется под кроватью. Парень так и сделал, а когда хозяин и хозяйка пришли в спальню и стали готовиться ко сну, хозяин бросил свой кисет для табака под шкаф. Потом он лег и сказал жене, чтобы она разделась догола и пришла к нему, достав попутно упавший под шкаф кисет, поскольку он собирался закурить. Сделал он это, чтобы парень мог всё разглядеть у его жены.

Жена сделала то, что ей велел муж, а когда легла к нему, они так бурно еблись, что кровать скрипела и ходила ходуном.

Бедный слуга с восставшим хуем страдал и потел, а когда хозяйка застонала от наслаждения, парень не выдержал и его хуек «рыгнул».

Через несколько дней после этого случая слуга загрустил снова. Это заметила хозяйка и спросила парня, что с ним. Он ответил, что грустен от того, что вынужден служить за половину жалованья. Хозяйка удивилась и стала его расспрашивать. И тогда парень рассказал обо всем, что недавно произошло. Подлость мужа рассердила женщину:

— Ладно, коль ты уже видел меня голой, то теперь можешь и выебать. Сегодня после обеда ты должен будешь отвезти хозяина на виноградник, и вы поедете мимо католического монастыря. Там ты увидишь сидящего монаха-католика. Поспорь с хозяином, что выебешь этого монаха средь бела дня. А монахом будет не кто иной, как я сама.

Когда после обеда хозяин и слуга проезжали мимо монастыря, последний спросил:

— Хозяин, сколько вы мне заплатите, если у вас на глазах я выебу этого монаха?

Хозяин смекнул, что из этого ничего не получится, и заявил, что заплатит двойную сумму годового жалованья и еще ее половину. Слуга остановил лошадь, слез с козел и направился к монаху-католику. Хозяин наблюдал за всем этим с повозки и, к своему огромному сожалению, увидел, как слуга вытащил хуину, повалил монаха и стал его ебать с такой яростью, что монах от муки скалил зубы и чуть не покусал слугу. Пришлось хозяину раскошелиться. На обратном пути он всё придумывал способ, как бы ему заполучить обратно деньги, проспоренные кучеру. Когда они проезжали мимо монастыря, хозяин подумал, что ему легко удастся то же, что и слуге, и побился с ним об заклад, что тоже выебет монаха. Слуга согласился и сказал, что если хозяин выебет монаха, то вернет себе то, что проиграл прежде, а если не поебет, то должен будет расстаться с такой же суммой, но удвоенной. Хозяин согласился, а затем слез с телеги и пошел к монаху. Но он жестоко обманулся, это был настоящий крепкий монах. Когда скупердяй приблизился к нему, держа наготове хуй, который загодя достал из штанов, и собрался задрать рясу своей жертвы, монах набросился на наглеца и так излупил и исцарапал, что на мужика было жалко смотреть. Слуге ничего не оставалось,

как поспешить хозяину на выручку и защитить его от разъяренного монаха.

Когда слуга и покалеченный хозяин вернулись домой, жена, узнав о случившемся у монастыря на их обратном пути, щедро вознаградила кучера, а позже, в отсутствие хозяина, нередко доставляла слуге и телесное удовольствие.

Рассказал сельский сапожник в Сисаке, Хорватия.

343. «Да он, негодяй, обманывает — ему просто хочется срать!..»

У пожилого мужика была молодая и красивая жена, которую он не всегда мог удовлетворить как следует, и жена, женщина от природы здоровая и страстная, всё чаще вздыхала, сама не понимая, отчего и почему. Как назло, у этого мужика работал молодой и крепкий слуга, которого как бы сам Бог создал для жены хозяина. Поэтому она часто на него поглядывала. Мужик был не бог весть какой богатый — имел дом, в котором спал вместе с женой в одной из комнат, а во флигеле ютился этот слуга. Однажды ночью мужик в который раз не смог удовлетворить жену, и она, возбужденная и раззадоренная, ворочалась в постели и никак не могла уснуть. Вот так, не находя себе места, она не раз слышала, как парень во флигеле потягивался и временами громко вздыхал.

— Что это с ним? — спросила она мужа.

— Ебаться ему хочется — вот что с ним! — объяснил муж.

Жена помолчала, а затем затихла, погрузившись в свои мысли, муж же, смекнув, какую огромную оплошность совершил, когда объяснил причину вздохов, стал подумывать о том, как поправить дело. Всю ночь он не спал и в конце концов нашел способ отвадить жену от парня.

Утром на рассвете, когда слуга погнал скот на пастбище, мужик сказал жене, что у него в городе дела, и, когда она собрала для него всё необходимое, покинул дом. Однако, вместо того чтобы отправиться в город, как он это сказал жене, мужик зашагал на пастбище, где слуга пас скот, и придумал для него работу в городе. Там же парню было велено и переночевать, а домой вернуться утром следующего дня, чтобы снова выгнать скот на пастбище.

Парень послушался и ушел, а хозяин весь день оставался со скотом и только поздно вечером пригнал стадо домой, когда жена уже легла. Поужинав тем, что хозяйка оставила для слуги, он лег в его постель во флигеле и навострил уши, чтобы понять, уснула ли баба. Вскоре под ней заскрипела кровать. Стало ясно, что жена не спит. Мужик начал ворочаться и вздыхать, как это делал слуга. Услышав потягивание, женщина вспомнила, что ей говорил муж о причинах вздохов слуги, и, сгорая от желания, вышла из комнаты и приблизилась к флигелю. Шепотом она спросила парня, почему он потягивается.

— Как мне не потягиваться, хозяйка, — тоже шепотом отвечал муж, подражая голосу слуги. — Я молодой, здоровый, и мне хочется ебаться, а женщины у меня нет!

— Это легко можно устроить. Если женщины у тебя нет, ее могу заменить я, тем паче что муж сегодня в отъезде.

С этими словами она залезла в постель слуги. Муж встал, откинул одеяло, которым она прикрылась, и, присев над ней орлом, насрал ей на «гнездо». Жена увидела, что произошло, и как ошпаренная выпрыгнула из постели, но от смущения и стыда даже не отругала парня и опрометью бросилась в свою комнату, чтобы обмыться.

На другой день утром возвратившийся слуга погнал скот на пастбище, когда хозяйка еще спала, а муж вышел из флигеля во двор и сделал вид, что он только что из города. Жена не отважилась ему пожаловаться, хотя была явно не в духе, а муж делал вид, что ничего не знает. Когда вечером слуга лег во флигеле, он снова стал потягиваться и вздыхать.

— Опять ему хочется ебаться! — сказал муж жене.

— Да он, негодяй, обманывает — ему просто хочется срать и лень выйти на улицу! — раздраженно бросила жена.

Теперь мужик был уверен, что исправил ошибку и что его жене вряд ли захочется завлекать слугу.

Из Сербии.

344. Сделали доброе дело

У бедняка была красивая жена, которая завела шашни с их богатым соседом. Однажды вечером сосед пришел, чтобы заняться с ней известным делом, но, к несчастью, застал дома мужа. Чтобы избавиться от него, сосед дал мужику немного

денег и послал за вином. Бедняк решил поскорее выполнить поручение. Он побежал в трактир, купил вина и тотчас вернулся домой. Войдя в дом, он поймал соседа и жену с поличным. Сосед как раз кончил и, увидев мужа, пустился без порток наутек, и всё же тот успел схватить его за хуй. Но хуй был скользкий, сосед легко его выдернул и дунул дальше. Хозяин выхватил из печки горящее полено и бросился вдогонку за прелюбодеем, но сосед успел открыть дверь своего дома и сразу же захлопнул ее за собой. Мужик поплелся домой. Жене он сказал: «Ей же богу, жена, мы с тобой сделали доброе дело! Ты ему дала пизду, а я вытер ему хуй и даже посветил до самой двери его дома!»

Рассказал серб из округа Мостара, Герцеговина.

345. Жена не прощает мужу

У очага сидели старик со старухой.

— Видишь, бабка, — говорит дед, — стары мы с тобой и уже ни на что не способны. Мы неплохо пожили вместе. Хочу спросить тебя кое о чем, но ты, будь добра, по правде ответь!

— Хорошо, валяй, дед, спрашивай!

— Только говори как на духу, давала ли ты за всю нашу совместную супружескую жизнь хоть один раз кому-нибудь, окромя меня?

— Ну что же, отвечу тебе, коли интересуешься. Помнишь, как паша́ за дело посадил тебя в кутузку? Я тогда пришла посмотреть, чем ты там занимаешься. Паша́ увидел меня и говорит: «Слушай, сноха, если ты мне дашь, я выпущу твоего мужика из-под ареста!» Я и дала ему пару раз, чтобы он освободил тебя, но, поверь мне, я сделала это только ради тебя!

— Ладно, бабка, ладно. Это простительно, ведь ты пожертвовала собой ради дома и семьи, — утешил старик.

— А теперь, — оживилась старуха, — твой черед. Сколько раз ты изменил мне?

— Коль ты была передо мной правдива, то и я тебе выложу всё как есть. Помнишь, однажды ты тяжело захворала, а к нам зашла соседка-вдова и отнеслась к тебе как родная сестра. Она, молодая, всё вертелась около меня, а ты лежала такая хворая, вот я из благодарности и завалил ее два разка.

— Ах ты, бабник! — взвизгнула бабка. — Как же тебе не совестно! Ведь я была совсем немощная и не могла заниматься с тобой этим делом, но ты же был моим мужем!

И старуха разревелась.

Рассказал крестьянин из Шумадии, лесного района Сербии.

346. «Пеко их прогонит, он их прогонит!»

У пожилого черногорца была молодая, кровь с молоком, женушка, которую старик никак не мог ублажить, и она, бедняжка, попросила об этой услуге молодого соседа. Однажды ночью, когда муж спал в доме с ружьем в руках, охраняя жилище от недобрых людей и злодеев, жена впустила через окно соседа и всячески его обхаживала, чтобы он возместил ей то, на что не был способен ее благоверный. В момент наибольшего блаженства она, забыв о муже в доме и вообще обо всём на свете, воскликнула:

— Да вгони же ты, сокол мой!

Муж проснулся и услышал голос жены, не устававшей вскрикивать:

— Вгони еще! Вгони еще!

Поняв, что опасность грозит не снаружи, а кроется внутри дома, он спросил через дверь:

— Что там с тобой? Ты почему кричишь?

Жена и сосед уже довели дело до конца и замерли, не понимая, как теперь быть. Но женская находчивость не знает предела. Не вставая с постели, жена отвечала мужу:

— Да это мне приснился сон, будто воевода Пеко преследует отряд турков, вот я и подбодрила его выкриками: «Гони ты их, сокол мой, гони!»

— Пеко их прогонит, он их прогонит! — успокоился гордый черногорец, повернулся на другой бок и умиротворенно уснул.

Из Сербии.

347. Индюк Ходжи Насреддина

Жена Ходжи Насреддина жаловалась соседям, что Ходжа плохо ее кормит. Слух об этом постепенно расползся по всему

городу и докатился до самого́ Ходжи, и он придумал, как уличить жену во лжи перед свидетелями. Купив толстого индюка и зажарив его в печи, он приготовил к нему подварок[1], а когда наступило время обеда, достал индюка из печи и пошел к одному из соседей, чтобы позвать в гости. В это время к жене Ходжи наведался ее любовник. Но тут во дворе дома показались Ходжа с соседом. Деваться парню было некуда.

— Что теперь? — спросил он жену Ходжи.

— Ничего. Ты сиди здесь, а я погляжу, что делать дальше. Будет так, что мы с тобой наедимся, а они останутся с пустыми животами.

В это время Ходжа появился с гостем в двери, а жена — ему навстречу.

— Итак, бесчестная, я вот привел соседа, чтобы он увидел, что я тебя кормлю, как голубку, и могу не краснеть за то, в чем ты меня обвиняешь.

— Это видно, как ты меня кормишь, — сердито оборвала Насреддина жена. — А где же твой хлеб?

— Ух, я совсем забыл! — И Ходжа протянул ей индюка. — Ты, сосед, посиди, подожди меня здесь. Я скоро вернусь!

Ходжа поспешил за хлебом, и сосед остался его ждать, а жена отнесла любовнику индюка с капустой и потом вернулась в переднюю. Пекарня находилась в глубине двора, и Ходжа там замешкался. Пока они его ждали, жена взяла пестик от ступки, хорошо его намылила и, сев на пороге, стала поглаживать. Сосед некоторое время смотрел на всё это в удивлении, а потом спросил:

— Боже, что это с тобой, женщина? Что ты делаешь?

— Ах, сосед, вряд ли следовало тебе говорить, но мне тебя жаль и не хочется, чтобы такой добрый человек, как ты, пострадал. Видишь ли, у моего Ходжи есть одна странная привычка. Пригласив кого-нибудь на обед в первый раз, он ничем не угощает его, пока не воткнет ему в жопу хотя бы половину вот этого пестика!

Сосед всё смотрел и смотрел, как жена Ходжи намыливает и гладит пестик. Пестик был довольно толстый, и, когда хозяйка отвела взгляд, сосед выскочил из дома Ходжи и пустился наутек. А через некоторое время появился вспотевший и запыхавшийся Ходжа, держа в руках хлеб.

---

[1] Подва́рок — тушеная кислая капуста.

— А где сосед? Будем обедать!

— Браво! — вспылила жена. — И когда же ты поумнеешь, старый?! Ты хоть знаешь, каких людей приглашаешь к себе на обед? Стоило мне отлучиться в комнату, чтобы взять там какую-то вещь, а он этим воспользовался, схватил противень с индюком и дал дёру! Я побежала следом, но разве его догонишь!

— Ебу я отца его, где же он теперь?

— Помчался что есть мочи вон туда. — Женщина махнула рукой в сторону улицы.

— На, подержи, — Ходжа протянул ей хлеб, — от меня он даже на краю света не скроется!

Женщина взяла хлеб, а Ходжа, злой и голодный, припустил за соседом. Покрыв приличное расстояние, он увидел наконец трусящего соседа и закричал:

— Эй, сосед, остановись! Я только намочу его! (То есть кусок хлеба в подварке!)

— О, Аллах! Ну уж нет, сосед, тебе я не дамся! — отвечал тот и прибавил ходу.

Тем временем жена Ходжи отнесла хлеб в комнату, где она и ее любовник в охотку умяли приготовленного Насреддином индюка.

Рассказал крестьянин из Вране, Сербия.

348. Испытание любви

У турка была молодая и смазливая жена, но ему уже перевалило за пятьдесят. И был у него сосед, очень красивый молодой серб. Их дома́ находились на окраине города, и поскольку серб и турок жили на отшибе, то в определенной степени они были зависимы друг от друга. Серб как самый близкий к турку сосед имел возможность часто видеть свою соседку-турчанку, а в силу молодости и пылкости ее красота доводила его до умопомрачения. Он только о ней и грезил, и ее лик стоял перед глазами парня днем и ночью. Его чувство было столь сильно, что он решил добиваться от нее взаимности даже ценой собственной гибели. При каждом удобном случае, когда они виделись, он уговаривал турчанку встретиться с ним где-нибудь наедине.

Однажды после долгих уговоров турчанка согласилась на свидание в конюшне мужа. В условленное время серб появил-

ся в конюшне. Вскоре туда пришла и турчанка, но ее сопровождал муж с фонарем в руке. Серб оказался в затруднительном положении и очень испугался, но вскоре придумал, как выкрутиться. Он стал собирать валявшиеся на земле остатки сена.

— Кто это там? — крикнул турок, не узнавший в темноте соседа.

— Это я, твой сосед!

— А что ты здесь делаешь?

— Представляешь, ко мне на ночь глядя приехали гости, а у меня нет сена, чтобы накормить их лошадей. До городского рынка далеко, да и вряд ли я бы сейчас туда доехал. Постоялые дворы наверняка тоже закрыты. Вот я и решил пойти к тебе, моему соседу, и насобирать в твоей конюшне немного сена. Я подумал, что ты вряд ли осерчаешь на меня за это.

Турок знал, что его сосед человек порядочный и зажиточный, поэтому он невозмутимо сказал:

— А чего мне сердиться?! Если сосед в чем-нибудь нуждается, кто, как не сосед, ему поможет? Только ты не собирай эти ошметки, а возьми из яслей свежего сена, сколько тебе надо. В другой раз пособишь мне чем-нибудь.

— Ну, спасибо тебе, ага! — сказал серб, взял немного сена и, еще раз поблагодарив, отправился домой. По пути он терзался мыслью о том, турчанка ли его обманула или всё произошло случайно.

На другой день серб встретил соседку, когда она возвращалась от колодца, и стал попрекать ее, что она его обманула и поставила в неловкое положение. Ханума клялась всем на свете, что нисколько не виновата.

— Поверь мне, — посмотрела она на серба, — я хотела прийти одна, но он неожиданно увязался за мной, сказав, что ему необходимо поискать в конюшне какую-то вещь, поэтому мы и оказались там вместе. Если хочешь, приходи сегодня вечером в нашу хлебопекарню — я буду тебя ждать!

Гонимый страстным желанием, которое трудно подавить, серб пришел вечером в домашнюю хлебопекарню турка и спрятался за печью. Через некоторое время блеснул фонарь, и парень увидел турчанку, и снова в сопровождении мужа. «Ну и переделка!» — подумал серб и стал размышлять о том, как ему теперь быть. И тут его осенило. Он стал измерять локтем печь вдоль и поперек.

— Это кто у нас в пекарне в столь позднее время? — вскричал турок.

— Это я, твой сосед, — отозвался серб. — Ты уж не гневись на меня!

— А что тебе понадобилось в моей пекарне?

— Видишь ли, ага, — стал объяснять серб, — я приготовил известку, кирпичи и остальные материалы, договорился с мастерами, чтобы завтра утром они пришли ко мне класть печь. Я стал думать, какой она должна быть в длину и ширину, а потом вспомнил, что хлеб, который ты печешь у себя в пекарне, самый вкусный в округе. Поэтому я решил построить печь такой же длины и ширины, как твоя, чтобы у меня получался столь же знатный хлеб. Ну, я и пришел сюда, чтобы узнать точные размеры твоей печи.

— И правильно сделал, сосед! Ты, пожалуй, прав, что мой хлеб самый лучший у нас на окраине. Чтобы добиться его хорошего пропекания, печь должна быть не слишком длинной и не совсем узкой. Измерь ее, сосед, и удачи тебе в работе. И да поможет тебе Аллах!

Серб сделал вид, что всё измерил, поблагодарил агу за совет и, попрощавшись с соседями, отправился домой. В глубине души он сомневался в искренности ханумы и на следующий день решил уличить ее в коварстве.

Когда они встретились, парень стал укорять турчанку. Дескать, он ставит на карту свою жизнь, а она, вместо того чтобы сжалиться над ним, подвергает его еще большей опасности. Турчанка стала оправдываться и утверждать, что она нисколько не виновата, что муж снова увязался за ней и сопровождал ее до самой пекарни, где они потом наткнулись на серба. Чтобы убедить соседа в своем неравнодушии к нему и желании поскорее с ним свидеться, турчанка предложила прийти к ней вечером прямо в спальню.

— Чтобы ты знал, куда идти, и не попал в щекотливое положение, я прикреплю к входной двери конец нити. Не беспокойся, — держась за нее, ты попадешь ко мне безошибочно.

Серб был всё же гораздо моложе старого турка, а потому, несмотря на оба неудавшиеся свидания, его увлечение турчанкой оставалось столь же сильным, как и прежде, и он пообещал, что обязательно явится к ней в назначенный час.

Поздним вечером он подошел к дому соседа и у входной двери действительно обнаружил конец нити. Дверь была при-

открыта. Осторожно и без шума парень пробрался в дом турка. Держась за нить, ночной гость на цыпочках дошел до самой постели. Молодой и пылкий парень сразу же ощутил тепло человеческого тела. Он нисколько не сомневался, что перед ним турчанка, и, теряя рассудок, протянул руку между ног, куда вела нить. Каково же было его удивление, когда он обнаружил, что на постели лежит не женщина, а мужчина, которого он схватил за мошонку! Что теперь делать? В этот момент турок проснулся, схватил саблю и закричал:

— Кто здесь, черт побери?

— Да это я, сосед! — отвечал обалдевший серб.

— Но что ты делаешь в моем доме, когда все спят?

— Видишь ли, сосед, все мужики в нашем трактире житья мне не дают! Я им говорю, что твои мудища вмещают по литру, а они — что по пол-литра. Ну, и я сразу прямо из трактира пошел к тебе, чтобы проверить, кто из нас прав, хотя, ясно, и всполошил тебя поздним появлением!

Турку эта похвала очень польстила, и, поставив в угол саблю, он сказал:

— Ну, сосед, теперь я вижу, что ты мне друг. Иди и передай, что каждое из них вмещает даже не по литру, а полтора литра! Можешь спокойно сказать, что такие вещи легко узнаются по величине кулака.

— Вот уж точно, ага, так я и доложу!

И серб ушел, с трудом веря, что ему удалось унести ноги.

На следующий день он даже глядеть не хотел на турчанку. Теперь ему было ясно, что она подстроила всё это умышленно, чтобы ввергнуть его в столь опасный переплет.

Однако женщина сама подошла к нему и сказала, что теперь он выдержал все испытания и проявил себя как настоящий и смекалистый мужчина, которому можно верить.

— Я и в самом деле наталкивала моего агу, чтобы он пошел со мной в конюшню и в хлебопекарню, и я же привязала второй конец нити к его «страдальцу». Прежде всего я хотела испытать твою любовь ко мне, узнать, велика ли она настолько, что ради меня ты будешь готов подвергнуть себя опасности, а также хотела проверить, насколько ты находчив и сможешь ли спасти и себя, и меня, если мы вдруг попадем в какое-нибудь рискованное положение. Ведь, изменяя мужу, а ты не можешь этого не понимать, робкая женщина должна быть начеку и иметь сто глаз. Теперь, достойно пройдя все

испытания, ты волен сам назначить место нашего с тобой свидания. Я — твоя!

Так наконец были вознаграждены все страдания и опасности, через которые прошел серб. Поскольку турчанка развеяла все его сомнения и убедила, что прежде были только испытания, он согласился на четвертое свидание с ней, о котором можно сказать только то, что не в пример трем предыдущим оно было несказанно приятнее.

Из Сербии.
Это народное предание переработано одним сербским сочинителем.

349. «А потом?»

Один аристократ отправился к другому аристократу на охоту и перед отъездом поручил слуге проследить за поведением своей молодой супруги. Вернувшись домой с охоты, он позвал слугу и стал его расспрашивать, как тот выполнил поручение.

— Итак, Мишка, говори, как было!

— Ах, господин, чтоб вы знали, хорошо было. Только один раз пришел неизвестный молодой господин и уединился с милостивой госпожой в комнате.

— А потом?

— Я присел у двери и стал смотреть в замочную скважину.

— И что же ты увидел?

— Этот молодой господин сначала целовал милостивую госпожу.

— А потом?

— Потом он отнес ее на постель.

— А потом?

— Потом он снял с нее халат.

— А потом?

— Потом стал лапать ее на постели.

— А потом? — разволновался аристократ.

— Потом у меня так хуй восстал, что я побежал на кухню и выебал повариху!

Рассказал продавец галантереи из Вратно на штирийской границе, Хорватия.

350. История о том, как доктор смазывал попадью

У старого валашского попа была красивая молодая жена. Старик уже не мог удовлетворять потребность жены в любви, и в этом деле его «подменял» местный молодой доктор. Заметив это, поп запретил доктору бывать в их доме. Тот был вынужден подчиниться, попадье же ничего не оставалось как «поститься». Разумеется, всё это не могло продолжаться долго, и женщина стала подумывать, как бы ей снова поебаться с доктором.

Однажды она притворилась хворой, сделала вид, что у нее что-то болит внутри, и попросила попа, чтобы тот пригласил врача. И поп послал за ним с тяжелым сердцем. Когда доктор пришел, он в присутствии мужа-попа осмотрел больную и сказал, что болезнь эта очень опасная и что лечить ее следует смазыванием изнутри. Дескать, святому отцу надо сначала смазать хуй лекарством, а потом уже основательно смазывать [хуем] попадье всё изнутри.

Легко это сказать, но трудно сделать, ведь хуй-то у попа совсем не стоял. Пришлось ему попросить доктора сделать это вместо него, тем паче что в таких делах доктор был куда опытнее. Кроме полагавшейся платы батюшка пообещал доплатить доктору за эту дополнительную услугу, однако при условии, что и он, поп, будет присутствовать во время процедуры. Святой отец хотел увериться, что у него на глазах доктор станет только смазывать попадью, а не ебать.

Пока молодой человек «смазывал», старик топтался у постели, зорко наблюдая за его движениями, и никак не мог отогнать тягостные мысли: «Странно всё это! Никак не пойму, смазывает он ее или нет, но по движению его жопы я бы сказал, что он скорее ее ебет!»

Эти раздумья одолевали попа при каждой «смазке». Лечение длилось долго и, не исключено, продолжается по сей день.

Рассказал хорватский священник в дружеской беседе по случаю освящения кирхи (церкви) в селе близ Винковцов, Славония[, совр. Хорватия].

351. Мастерица и ученик

Мастерица была блядью, и ей вздумалось порезвиться в постели со своим учеником. Однажды она затащила его к себе и заставила делать то, что она ему скажет. Мальчишка послушался и стал ее ебать, но не знал, какие ощущения испытывают при ебле. Почувствовав, что из него льется что-то теплое, он сказал: «Ой, хозяйка, пустите меня, а то я усрался!» Но тетка стала его успокаивать: «Ты сри, сынок! Мой муж-мастер тоже сюда срет!»

Рассказал хорватский горожанин из Вараждина, Хорватия.

Примечание рассказчика. Кто отдает своего отпрыска в ученики какому-нибудь хорватскому мастеру, тем самым подвергает ребенка всем мыслимым поползновениям, бесчестию и безграничному развращению. Ни Бог, ни судья не в состоянии защитить несчастного, ведь в Хорватии ученик («šegrt») всё равно что животное в человеческом обличье, и о нем не беспокоится ни одна живая душа. Даже его родители не смеют и пикнуть, если только они не принадлежат к правящей партии. Тогда, правда, самому мастеру впору взяться за петлю и распрощаться с жизнью.

352. «Дýжка!»

Жена турка пришла в магазин, чтобы купить себе сандалии. Ее обслуживал молодой и статный грек. Он помог ей примерить несколько пар, и в это время у нее с головы спáло покрывало. Парень успел заметить, что турчанка необыкновенно хороша, да и ножки у женщины были стройные.

Молодой и горячий грек тут же воспламенился, стал за ней ухаживать и льстить, а потом спросил, может ли прийти к ней и в какое время. Турчанке пылкий юноша тоже понравился, и она сказала, что ждет его перед ужином, а потом купила одну пару сандалий и ушла.

Грек еле дождался вечера и с наступлением сумерек поспешил к дому турчанки. Она ждала его у ворот, а потом ввела в дом и усадила за стол с богатым ужином. Только они сели за стол, как вдруг кто-то постучал в ворота.

— О Боже, это мой муж! — испуганно воскликнула турчанка и, прежде чем распахнула ворота, спрятала грека в стенной шкаф, закрыла дверцу на ключ, а ключ положила в карман шальвар.

Муж вошел в дом, поздоровался с женой и, как обычно, хотел приняться за ужин. Однако жена его остановила и сказала, что сначала расскажет ему о том, что с ней приключилось в магазине. И она во всех красках живописала, как хотела купить сандалии и как ее обслуживал молодой грек. Дескать, он увивался вокруг нее, предлагал прийти к ней домой, провести с ним ночь. Она хотела надавать ему оплеух, но во избежание неприятностей воздержалась и, чтобы отомстить этому нахалу, пригласила его на ужин.

— И он пришел? — свирепо спросил турок.

— Пришел!

— А где же он, собака? — взвизгнул ага.

— Сидит в стенном шкафу!

Турок от гнева потерял дар речи, схватил саблю и подбежал к шкафу, чтобы зарубить грека.

— Постой! — сказала жена. — Я его там закрыла на ключ! Вот он, возьми.

Муж взял ключ и подошел к шкафу, а жена выкрикнула:

— Дужка![1] Ты проиграл! — И расхохоталась.

И тут турок вспомнил, что недавно ломал с женой дужку. Рассердившись, что столь легко был проведен вокруг пальца, муж отбросил саблю в одну сторону, а ключ — в другую и, не оглядываясь, отправился в кофейню.

Как только он исчез, турчанка подняла ключ с пола, открыла шкаф и выпустила грека, который со страху чуть не умер. Потом она накормила его, напоила и стала успокаивать. Дескать, ему нечего бояться, теперь-то муж вернется домой только к полуночи.

Грек заметно оправился и почти забыл о пережитой опасности. Он снова почувствовал себя мужчиной, стал обнимать и целовать турчанку, а потом, совершенно преодолев охвативший его страх, предался любовным утехам с красавицей.

Из Сербии.

---

[1] Эта игра существует у многих европейских народов. От объеденной грудки курицы остается похожая на вилку кость, так называемая «дужка» («jadac»). Двое играющих (обычно муж и жена или брат и сестра) берут ее мизинцами и тянут — каждый в свою сторону, пока она не сломается. Кому достанется часть сломанной кости с утолщением на конце, тот спустя некоторое время должен рассказать какую-нибудь ложь. Если второй в нее поверит, первый выкрикивает «Дужка!» и считается выигравшим пари. (*Примеч. Ф.-С. К.*)

353. История о том, как черт лизал жену

Мужем женщины был простофиля, а любовником — крепкий мужик, но с ним она не могла встречаться, когда ей хотелось. Летом она вместе с мужем спала в сарае: муж лежал у стенки, а жена — с краю. Однажды она договорилась с любовником, что он придет к ней ночью. Ей надо будет повернуться к нему спиной и подставить задницу, чтобы он запихнул ей сзади.

В эту ночь муж спал отнюдь не глубоким сном, а потому ощутил толчки незваного гостя. Это вконец разбудило бедолагу. Пошарив по жопе жены, он схватил любовника за хуй, но мокрый и осклизлый хуй выскочил из ладони.

Муж стал чертыхаться и спросил жену:

— Что это там у тебя?

Жена притворилась только что проснувшейся и сказала:

— Ох, мне привиделся такой страшный сон!

— И что же тебе привиделось?

— Приснилось, что сам черт лизал мне пиздушку!

— Ты знаешь, жена, а ведь это правда! Я схватил его за язык, но он выскользнул!

Муж успокоился и уснул, а «черт» продолжил занимался «лизанием», но уже более осторожно.

Рассказал хорватский служащий из Врбани близ Винковцов[, *Славония, совр. Хорватия*].

354. История о том, как охотник еб охотника

Компания отправилась на охоту. Среди охотников-мужчин была женщина в охотничьей амуниции. Загонщики стали улюлюкать и гнать косуль, а охотники затаились по местам. Рядом с женщиной находился ее возлюбленный, и они заранее договорились, что вволю поебутся на охоте — более удобного случая у них не было.

Когда охота началась, мужчина подошел к любимой, а она спустила штаны, нагнулась и подставила ему задницу. Возлюбленный, а это был приходский священник, засадил ей сзади от души. Некоторое время они наслаждались приятным момен-

том, полагая, что за этим занятием их никто не застанет. Но они ошибались — за ними наблюдал лесник, неплохо знавший попа.

Когда охота закончилась, лесник подошел к одному именитому господину и сказал: «Ну, уважаемый, я знал, что попы блядуны, но никогда не мог подумать, что они увлекаются еще и тем, что я сегодня увидел собственными глазами в лесу!»

Именитый господин спросил лесника, что же тот увидел. И лесник сказал, что лицезрел, как приходский священник ебал в жопу охотника в зеленом костюме и шляпе, украшенной загнутыми перьями. Услышав это, господин оторопел и от досады хлопнул себя по лбу, узнав собственную жену.

Рассказал житель Копривницы, Хорватия.

355. «Подними еще малость!»

У мужика была красивая и молодая жена, а он был ужасный брюзга и постоянно высказывал подозрения, что она изменяет ему с другими мужчинами. Стоило ему увидеть супругу с каким-нибудь мужиком просто так на улице, и он тут же обвинял ее в прелюбодеянии. Жене всё это надоело, и однажды она сказала мужу:

— Слушай, дорогой, оставь меня в покое наконец! Твои упреки мне порядком опостылели, и уж если я действительно захочу иметь дело с тем, кто мне люб, то сделаю это так, что ты об этом не только не узнаешь, но еще и свечку мне подержишь.

Ревнивец, считавший, что в таких делах его никто не сможет провести, покрылся пунцовыми пятнами и сказал:

— Ладно, если ты это действительно сделаешь, да еще так, что я буду держать тебе при этом деле свечу, я тебя прошу и боле не скажу ни слова, а пока повторяю: тебе меня не объегорить!

Но жена была шельма еще та и слов на ветер не бросала. Она сама себе поклялась, что сделает всё возможное, чтобы муж подержал ей свечку, даже если бы это стоило ей жизни.

Однажды своему милому, которого она нашла на скорую руку специально для этого случая, она назначила на вечер свидание в нужнике. Сама же вернулась домой и взялась за готовку ужина. Когда муж вернулся домой, она вдруг стала корчиться и жаловаться на боли в области желудка. Она так стонала,

что муж даже испугался. Потом она пулей вылетела во двор, крикнув, чтобы муж принес свечу. Вбежав в нужник, она закрыла дверь на защелку и заняла необходимую позицию, а милый уже поджидал ее там и тотчас же принялся за дело. Тут и муж подоспел со свечой и, увидев, что сортир закрыт изнутри, остался у двери. Вдруг он услышал голос жены:

— Малость подними!

Муж поднял свечу кверху. И снова раздался голос его жены:

— Приподними еще чуть-чуть!

Муж поднял свечу еще немного.

— Хватит тебе, дурень, там дергаться со свечой! Я ведь не тебе говорю, чтобы ты свечу поднимал, а тому, кто меня здесь ублажает, чтобы он поднял мне выше ноги.

Муж смекнул, что на этот раз жена точно ему изменила, но он помнил, что обещал ей простить эту измену, а потому прикусил язык.

Из Сербии.

356. «Ты только посмотри, какая на небе луна!» (*Пословица*)

Мужик строго следил, чтобы его жена ни с кем не еблась, в то время как она, напротив, очень хотела ебаться. Однажды они вместе отправились на городской рынок. Баба уже успела столковаться с одним подмастерьем о встрече в условленном месте. По дороге она вдруг заявила супругу, что ей надо высраться. Однако бдительный муж пошел вместе с ней. Предвидя всё это, баба заблаговременно сговорилась с любовником, что тот зароется в мусорную кучу и только хуй выставит наружу. Когда муж с женой подошли к месту, где прятался подмастерье, жена протянула мужу руки, чтобы он ее держал, присела и стала восклицать: «Ты только посмотри, какая на небе луна!» («Viš, kak gree mesečinata!»)

Муж задрал голову кверху, а она в это время пристраивалась, пока не напихнула свою пизду на хуй.

Рассказал болгарский крестьянин из окрестностей Софии[, *Болгария*].

Примечание. Согласно хорватской редакции, дочь таким же образом обманывает неусыпное око матери, не выпускающей ее одну даже во двор посцать. Однажды матери показалось, что дочери нет слишком долго, и она отправилась в отхожее место, чтобы самой во всем убедиться. Увидев торчавший снизу мокрый хуй, она успокоенно сказала дочери: «Твое счастье, что этот корень действительно намок, а то бы я тебе задала!»

357. История о том, как жена обманула своего мужа

У женщины был ревнивый муж, изводивший ее упреками в измене. Но женщина есть женщина, и чем больше муж за ней следил, тем изворотливее она была, когда встречалась с возлюбленным. Однажды она дошла до такой дерзости, что договорилась с любимым поебаться на соломе в гумне, причем на глазах у мужа.

Что женщина задумает, то черт осуществит. Возлюбленный зарылся в солому и преспокойненько ее ждал. Женщина прошла не спеша мимо гумна, рассказывая мужу о каких-то делах по хозяйству. Когда на обратном пути они поравнялись с тем местом, где укрылся любовник, она сказала мужу, что ей надо посцать. Присев, она и напихнулась на стоячий хуй любимого. Сначала он втолкнул в нее «своего», а когда она вошла в азарт, то стала сама насаживаться и при этом лопотать в такт: «И так вот, муженек ты мой, шла я от хутора до хутора, от хутора до хутора...» А когда возлюбленный стал кончать, она перешла на слога: «От ху-то-ра, ух, до ху-то-ра, ух, ух!» Вскоре она тоже была готова, а муж, несмотря на всю свою проницательность, так ничего и не заметил.

Рассказал хорватский чиновник в Осиеке, Славония[, *совр. Хорватия*].

358. «Кто войдет в этот круг...»

У портного был подмастерье. Однажды в отсутствие мастера подмастерью захотелось, но в карманах у него было пусто. Тогда он нарисовал мелом круг и написал: «Кто войдет в этот круг, того выебу!»

Увидев надпись, жена мастера спешно шагнула в круг, и подмастерье ее выебал. Всё это видел маленький сын мастера.

Когда появился его отец, сын посоветовал: «Папка, ты только не становись в этот круг, а то подмастерье тебя скрутит и выебет, как он выебал нашу мамку!»

Рассказал болгарский поденщик из окрестностей Софии[, *Болгария*].

359. «Папка! Только не пролей молоко...»

Турок отправился в хадж в Мекку, а жену и маленького сына оставил на попечение имама с окраины города. В отсутствие турка имам часто наведывался в его дом и иногда оставался на обед. Однажды на обед было молоко. Жене вдруг захотелось ебаться, но имаму всё было невдомек, чего она от него ждет, поэтому инициативу взяла на себя женщина:

— Эй, осторожно! Только не пролейте молоко, ведь если кто-нибудь его прольет, того будут ебать!

Она рассмеялась и умышленно вылила молоко из ложки на свои шальвары. Имам всё понял и выебал женщину на глазах у маленького сына, полагая, что тот еще несмышленый.

Когда паломник вернулся домой из Мекки, ему на обед принесли молоко. Супруги еще не приступили к трапезе, как вдруг турок услышал предупреждение сына:

— Осторожно, папка! Только не пролей молоко, а то имам будет тебя ебать, как нашу мамку!

Рассказал серб из Герцеговины.

360. Не послушался совета

Жил-был бедняк. Целыми днями он перевозил людей и грузы на своем пароме. Однажды вечером, когда причал опустел, он собрался уже привязать паром и повесить на цепь замок, как вдруг откуда-то появился цыган и попросил переправить его на другой берег. Паромщик без особой охоты перевез его, и, когда уже причалил на ту сторону, оказалось, что цыгану нечем расплатиться.

Напрасно паромщик угрожал, что, если тот немедленно не раскошелится, его ноги не будет впредь на пароме. Но при всем желании цыган не мог заплатить. Не видя выхода, он сказал:

— Знаешь что, хозяин? Поскольку я без гроша в кармане, давай я дам тебе ценный совет! Он тебе пригодится.

Видя, что с цыгана взятки гладки, паромщик согласился и попросил никому не рассказывать, что перевез его бесплатно.

— Говори, цыган, — сказал он, — но только что-нибудь дельное!

— Никого не пускай на паром, не узнав заранее, в состоянии ли он заплатить за перевоз.

— Да я это и без тебя понял. Ты мне скажи что-нибудь поумнее!

Цыган немного пораскинул мозгами и изрек:

— Если у тебя молодая и красивая жена, не оставляй ее надолго одну!

— А что-нибудь более жизненное ты не можешь присоветовать?

— Ладно, тогда вот еще один совет. Никогда не говори жене, что у кого-то больше твоего!

— Да ну тебя, сиктер [хуина]! — сердито крикнул паромщик и отпустил голодранца на все четыре стороны. Привязав паром, он заключил привязь на замок и направился домой, где его ждала молодая и красивая жена. Повечеряв чем бог послал, он лег с ней в постель.

Как обычно, баба спросила, как прошел день, много ли он заработал и не случилось ли чего интересного. И мужик ей выложил, как его облапошил цыган, которого он задарма перевез через реку, а также о том, какие он дал ему советы. Дескать, пусть никого не перевозит, не выяснив заранее, в состоянии ли тот заплатить. Рассказал ей муж и о том, что он не должен говорить ей, жене, что у кого-то больше, чем у него.

— Бог ты мой! — оживилась женщина и рассмеялась. — Ну и глупец же этот цыган! Навряд ли существует поболе твоего.

— Ну что ты! Конечно же есть, и намного, — простодушно болтнул муж, не поняв, что тем самым похерил совет цыгана. — Вот у нашего соседа, придурковатого Петра, наверняка вдвое здоровее моего.

Жена не могла поверить сказанному и после разговора с мужем с трудом уснула.

На другой день паромщик спозаранку отправился на работу, а его баба, взбудораженная ночным разговором, пригласила соседа Петра на обед. Сосед, который действительно

был малость не в себе, с удовольствием согласился и явился вовремя. Женщина поставила на стол простоквашу и вместе с гостем и маленьким сыном стала есть. Она уже знала, что скажет придурку.

— Смотри не пролей простоквашу, ведь, если кто-нибудь это сделает, тот будет выебан! — вот что она ему сказала.

— Ладно, — ответил тот и стал есть осторожнее.

Через некоторое время она пролила несколько капель.

— Ой, ты уж на первый раз меня прости, — попросила она Петра. — Я буду более ловкой.

Сосед ей простил, но она еще закапалась и взмолилась, чтобы он ее не трогал, ведь всё было случайно. Придурок вновь проявил снисходительность. Но вскоре она облилась в третий раз.

— Что ж, теперь нет мне прощения, — сказала она. — Теперь ты меня уж точно выебешь!

Сказав это, она отвела придурка в другую комнату, где он сделал свое дело, и женщина имела возможность убедиться в том, что у этого парня намного тверже и больше мужниного. Но поскольку она никак не могла всего этого уразуметь, баба время от времени приглашала соседа на простоквашу и всякий раз убеждалась, что он и в самом деле не обижен.

Как-то вечером муж вернулся с работы, а жена выставила на ужин оставшуюся от обеда простоквашу. Муж стал есть. День выдался настолько тяжелым, что от усталости у него стала дрожать рука с ложкой, и простокваша пролилась.

— Отец, ты будь поосторожнее — только не пролей простоквашу в третий раз, — заботливо предупредил его маленький сын, — а то это может плохо кончиться!

— Это почему же, сынок?

— Придет сосед Петр и выебет тебя!

Только теперь до паромщика дошло, какую глупость он совершил, забыв о совете цыгана.

Из Сербии.

Примечание. В боснийской редакции этой истории (из Горни-Ргови в районе реки Савы) перевозчик, едущий по дороге с тремя порожними лошадьми, за три добрых совета надувает сеятеля на поле на три мешка посевной пшеницы. Первый совет: «Не сцы на ходу — так намочишь штаны, а это некрасиво выглядит». Второй совет: «Не справляй нужду на улице — прохожие увидят твою голую жопу и обругают тебя». Третий совет был такой же, как у цыгана.

Длинный хуй в деревне — у кума-зубодера. Крестьянка угощает его жареной курицей и вином. Вечером маленький сын рассказывает отцу: «Кум вытащил из маминой пизды красный зуб толщиной в руку. Она жалостно стонала от боли и закатывала глаза. Я от страха спрятался за печку».

361. Красный зуб из жопы

Муж следил за тем, чтобы его жена не бегала по мужикам. А она, наоборот, искала любой повод, чтобы поебаться на стороне, тем паче что у нее был любовник. Однажды она сказала мужу, что у нее болит зуб и что его надо вырвать, и потому пусть даст ей денег для визита к врачу. Муж дал несколько монет и отправился по делам. А она сказала сыну, чтобы позвал к ним цирюльника. Тот пришел и стал ее ебать.

Вечером муж вернулся домой, а сынок к нему подсел и говорит:

— Папка, ты бы только видел, какой огромный красный зуб вытащил парикмахер прямо из маминой жопы!

Так мужик узнал, кто ебет его жену, и больше не стал приставать к ней по этому поводу.

Рассказал болгарский крестьянин из окрестностей Софии[, *Болгария*].

Примечание. В другой редакции этой истории, за которую я благодарю одного хорватского приходского священника из района Осиека, сынок говорит отцу: «Знаешь, папка, было так больно, что ему пришлось даже задрать маме ноги, и только после того, как он вытащил большой мясистый зуб и затолкал его ей между ног, она успокоилась».

362. «Астагфиру лла!»[1]

Турок отправился паломником в Мекку. На время паломничества он оставил на попечение ходжи свой дом и жену. Ходжа быстро подружился с бабой и всякий раз, бывая в доме турка, делал с ней то же, что и со своей супругой. Однажды ходжа только успел слезть с жены паломника, как в ком-

[1] Букв.: «Господи, прости!» (*араб.*); здесь: «Боже упаси!» Оригинальное заглавие: «Estakvirula! Bože blagodarim!»

нату вбежал сынок хозяина дома, на что ходжа изумленно воскликнул:

– Астагфиру лла!

Ни ходжа, ни жена турка нисколько не опасались, что заставший их за этим делом сын в силу своего малолетства может их выдать.

Уже после возвращения из Мекки турок, поднимаясь както из-за стола, сказал:

– Астагфиру лла!

Услышав это, сынок воскликнул:

– Ей же богу, папка, ходжа вынул из нашей матери вот такую астагфируллу! – И малец показал до самого локтя, какой величины была «астагфирулла» ходжи.

Рассказал серб из округа Мостара, Герцеговина.

363. Аптекарь и пастух

Пастух пас в горах овец. Он хорошо питался и ничем другим не занимался, кроме как брел вслед за овцами. Поскольку он вырос и вступил в такой возраст[1], когда всё время стоял хуй, парень никак не мог понять, что с ним происходит, и, предположив, что это какая-то болезнь, отправился в город к врачу, о котором все говорили, что он лучший специалист по лечению таких болезней. Вместо доктора парень нашел аптекаря и рассказал, по какому делу пришел. Тот порекомендовал прикладывать холодный компресс.

Вернувшись от аптекаря, пастух стал делать холодный компресс. Немного помогало, но стоило хую нагреться, как он тут же снова вставал колом, и пастух снова шел к аптекарю за помощью. Однажды тот даже рассмеялся по этому поводу, а его жену, заслышавшую смех, разобрало такое любопытство, что она не могла угомониться, пока муж не объяснил ей причину своего веселья.

На следующий день пастух пришел в аптеку несколько раньше обычного и не застал хозяина. Он узнал, где проживает аптекарь, и отправился к нему домой. Там его встретила жена аптекаря. Муж куда-то отлучился. Она вспомнила, как накануне он потешался над недугом пастуха, и спросила,

---

[1] В оригинале: «baluk». Объяснение рассказчика: «Izaći na baluk» – «хочет пизду» («moći pičku»). (*Примеч. Ф.-С. К.*)

от какой болезни гостю нужно лекарство. Парень отвечал, что не может ей этого сказать, поскольку стесняется.

— А-а, я знаю, знаю, в чем дело. — Женщина сделала вид, что вспомнила. — Муж оставил это лекарство у меня!

Она взяла его за руку и отвела в спальню. Потом плюхнулась на постель и сказала пастуху, чтобы свою больную «штуковину» он засунул ей между ног. Парень это сделал, а когда наступил миг извержения, воскликнул:

— Ах, ах, как чу́дно!

Вот так пастух доставил наслаждение и себе, и аптекарше. Выходя из дома, он столкнулся с аптекарем.

— Ты приходил за лекарством? — спросил аптекарь гостя.

— Твое лекарство никуда не годится. Зато у твоей жены между ног снадобье верное!

Аптекарь прикусил язык, а пастух ушел, радуясь, что наконец-то нашел такое сильное средство от своей болезни.

Рассказал серб из округа Мостара, Герцеговина.

Примечание. У сербов есть поговорка: «[Лишь] каждый сотый аптекарь — честный человек!» В Сербии насчитывается семьдесят четыре аптеки. Их хозяева отличаются «избыточными» познаниями и остроумием. Они сами назначают средства от всякой болезни, которые, как видно, иногда оказываются действенными.

В схожей редакции истории из Софии место аптекаря занимает лекарь: «Когда доктор всё понял, он решил надавать тумаков своему пациенту, но тот поднял крик, призывая полицию.

— Посадите этого человека в тюрьму, он не пускает меня к своей жене за излечением!

Появившаяся полиция хватает эскулапа и, наградив изрядной порцией тумаков, заталкивает в каталажку».

Последовательно и с приятной тонкостью построена сербская редакция этой истории. Врач превращает пастуха в посмешище, но тот всё же добивается от его жены единственно действенного средства. Через некоторое время доктор и пациент снова встречаются, и пастух говорит: «Бог — свидетель, доктор, твое мастерство мне совсем не помогло. Но дай Бог здоровья лекарше, она избавила меня от болезни — недуг как рукой сняло!»

364. «У него был кривой уд!»

Девушка пришла с жалобой к попу — ее обесчестили.

— А кто это был?

— Было темно, хоть глаза выколи, и я его не видела.

— Неужели ты не узнала его по голосу?

— Не могла. Он же молчал!

— Но у него мог быть какой-нибудь отличительный признак. Он был большого или маленького роста? Во что одет? Или же у него было что-нибудь такое, чего нет у других людей.

— Ничего такого, — грустно отвечала девушка. — Он был обычного роста и одежда на нем была обычной.

Тут девушка смущенно добавила:

— Только у него был кривой уд.

Поп рассмеялся.

— Это ничего не значит, — сказал он, — по этой особенности его не найти. Уж лучше молчи и никому об этом не говори, а то стыдобы не оберешься.

Девушка ушла опечаленная и безутешная.

Вернувшись вечером домой, поп рассказал попадье о делах в приходе. Не забыл упомянуть и об обесчещенной девушке, над которой кто-то надругался в темноте, но никаких особых примет насильника она не могла сообщить, кроме одной — у негодяя был кривой уд.

— Так ты говоришь, у него кривой уд! — воскликнула попадья. — Ах, чтоб отца его, не иначе это дьякон Йеремия!

Из Сербии.

365. Мастер делать детей

Мужик стал бахвалиться в кофейне, какая у него доверчивая жена и как легко она поверила в его шутку, что, мол, из Вены несложно выписать специального мастера делать детей, который может управиться так, что она забеременеет. Услышав это, один прохиндей отправился прямо в дом выдумщика. Войдя в жилище, гость отрекомендовался как «мастер делать детей из Вены» и сказал, что торопится, поскольку его еще ждут во многих местах. Хозяйка и служанка встретили гостя с распростертыми объятьями. Сначала он ублажил на кухне служанку, велев, чтобы она завела ноги на стенку, поскольку только это ей и поможет. Следом то же самое он проделал с хозяйкой, которую настоятельно попросил оставаться с поднятыми кверху ногами в супружеской постели еще некоторое время. Дескать, и для нее в этом спасение. Засим он ушел. Вернувшись домой, муж обнаружил на кух-

не служанку с ногами на стенке. Жена пребывала в той же позе на их постели в спальне. Тогда он спросил жену:

— Как всё это понимать?

— Здесь как раз был мастер делать детей из Вены, которого я так долго ждала, — сказала жена. — Он нам обеим велел сохранять это положение и не шевелиться!

Мужик вспомнил о болтовне, которую развел в кофейне, и понял собственную оплошность, но исправить уже ничего не мог. Однако этот случай научил его не распускать впредь язык где ни попадя.

Записано со слов торговца из Белграда.

366. Мужик нормального языка не понимает

Молодая, статная и красивая женщина доила корову, а батрак держал теленка, чтобы тот не пытался сосать вымя, пока женщина доит. Она присела и высоко подобрала подол, а парень углядел между ее ног «страдалицу». Младых лет и пылкий, он попросил, чтобы хозяйка ему малость дала.

— Как же тебе не совестно! — накинулась она на него. — Ну, погоди, придет хозяин, я ему расскажу о твоем бесстыдстве. Ох и задаст же он тебе трепку!

— Мой Аллах, она не даст! Да пока я молод и хуяст, любая баба ее мне даст! (Dok je meni ped i šaka, daće meni svaka!)

Хозяйка сплошь покрылась румянцем, даже шея ее зарделась, и произнесла уже спокойнее, но с напускным гневом:

— Да я не отказываю, а нормальным языком тебе объясняю: подожди, пока я подою корову! А то заладил свое: дай, дай!

Из Сербии.

Примечание. Парень цитирует известную поговорку. Если вытянутой рукой схватить женщину за пизду и сжать, она не устоит и уступит.

367. Другой ей нужен разве что для разнообразия

Жила на белом свете одна распутная бабенка. У нее был замечательный и добрый муж, с которым она не хотела разводиться и отпускать его к другим женщинам.

Однажды за ней приударил некий молодой человек и, сделав свое дело, с гордостью спросил бог знает почему:

— А твой муж так смог бы?

Женщина взглянула на него исподлобья и, помолчав, ответила:

— Ну, милый ты мой, что касается хуя, то мой муж мог бы выебать и меня, и тебя, да так, что у нас с тобой повылазили бы на лоб глаза. Ведь меня [на это] сам черт толкает, чтоб ему говно жрать, иначе бы у тебя супротив моего мужа и шансов-то никаких не было бы.

Из Сербии.

Примечание. См. № 74.

368. «Др-мр, др-мр!»

Мужик пришел к другу в гости и остался переночевать. У хозяина была очень красивая молодая жена, в которую гость давно был влюблен. Ей он тоже нравился, а потому она давно хотела ему отдаться. Еще с вечера они договорились, что она ляжет посередине кровати и лицом повернется к мужу, а гость пристроится к ней сзади.

Когда они легли, муж сразу же уснул, а гость стал наслаждаться с его супругой. Но занятие это неспокойное, и телодвижения любовников вскоре разбудили соню. Гость заметил это и принялся усердно храпеть. Хозяин услышал только «др-мр, др-мр», но всё же засомневался и просунул руку между ног жены. Его подозрения оказались не напрасны. Хозяин дома нащупал внушительный орган его приятеля, который под корень был вбит в «страдалицу» его ненаглядной супруги.

— Ты что же делаешь, друг мой закадычный? — воскликнул хозяин.

Гость, якобы разбуженный после глубокого сна, протер глаза и, как ни в чем не бывало, сказал:

— А что я делаю? Сплю, что другое я еще могу делать?

— Ты думаешь, я не слышу? Ебу я твое «др-мр, др-мр», а залупа твоего хуя где?

Из Сербии.

369. По-итальянски она не знала

Итальянец заночевал у крестьянина. В доме была только одна кровать, и итальянец лег между хозяином и его женой. Среди ночи итальянец стал ебать бабу. Крестьянин заметил это.

— Эй, жена, кажись, он тебя ебет!

— Похоже, — откликнулась жена.

— Ну, тогда скажи, чтобы он оставил тебя в покое!

— Сам ему скажи! Я по-итальянски не знаю!

Рассказал крестьянский парень из Босута, Славония.

Примечание. У хорватов эта фабула, так же как и история о вынутом из материнского лона красном зубе, относится к числу наилюбимейших. Мне рассказывали их сотни раз. Иногда в роли гостя выступают венгр или немец, серб или краинец, но чаще всего — хорватский солдат в доме у венгра или немца. Поиздевавшись вдоволь над всеми, заняв денег и стащив что плохо лежит, он отправляется дальше в поисках новых приключений. В свою очередь, слушатели хорваты сопровождают историю одобрительными возгласами. Эти, впрочем, вполне душевные люди вследствие основательно навязанного им национально-хорватско-религиозно-патриотического воспитания остаются ребячливыми на всю жизнь и готовы верить во всё, что питает их тщеславие. Именно поэтому хорватским академикам удалось с такой легкостью навязать народу множество невообразимых, совершенно фантастических богов и целый выводок никогда не существовавших основателей хорватского государства, породив таким образом гибельное для страны духовное состояние. Того, кто выражает сомнение в этих идеях, объявляют врагом всех хорватов и могут даже посягнуть на его жизнь.

370. «Это не шутка, когда пиздушка полна мяса!»

У немца была красивая жена, и к ней иногда наведывался один серб. Так случилось, что однажды мужа не было дома и серб остался в этом доме ночевать. Немец вернулся домой раньше обычного, перед рассветом, и обнаружил, что дверь изнутри закрыта на запор. Он сразу же догадался, что его жена спит с сербом, а потому стал стучать в дверь, выкрикивая:

– Кукареку, баба уже в сливовом саду! Выходи, сосед-серб!

Серб поднялся и открыл дверь. Немец набросился на него с упреками:

– Эх, мой сосед-серб, ты не есть хороший сосед, ты мою жену ебала!

Серб ему на это:

– Да брось ты, сосед! Это была всего лишь шутка, шутка, мой сосед!

– Ничего себе шутка! Какая же это шутка, если ее пиздушка полна мяса!

Рассказал хорватский сапожник из Инджии или Румы, Сирмия.

371. Смешное окно

Как-то, проходя по улице, серб посмотрел в окно дома и увидал немца, обедавшего с красавицей женой.

– Сумасшедший, ты что это делаешь средь бела дня? – спросил серб.

– Обедаю с женой, – отвечал немец. – Ты ослеп, что ли?

– Как это обедаешь, если ты жену ебешь! Зачем же ты лжешь прямо в глаза?

Немец стал доказывать, что он обедает, а серб стоял на своем. В конце концов они договорились, что серб покажет немцу, как надо обедать, а немец будет на это смотреть через окно. Войдя в комнату, серб облокотился на молодую жену, и под ними стала трястись кровать, а немец, вперив взгляд в окно, качал головой.

«Как же смешно выглядит мое окно!» – думал он, видя только то, что происходило сверху (т. е. видно в оконный проем), но не знал, чем они занимались снизу.

Рассказал землевладелец из окрестностей Смедерево (Семендрия), [Сербия].

Примечание. Опершись на локти – это немецкий способ полового сношения, при котором мужчина ложится на обращенную к нему лицом женщину и, чтобы не придавливать ее слишком сильно, переносит вес тела с одного локтя на другой. Раннюю версию подобной истории можно найти у [Дж.] Боккаччо.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства 5
Раймонд Л. Бёрт. Фридрих Саломо Краусс (1859–1938). Автобиографические сведения и документы по биобиблиографии фольклориста, литератора и сексолога 7
Михазль Мартишниг. К 50-летию со дня смерти Фридриха Саломо Крауса (Саломона Фридриха Крауса) 136
Раймонд Л. Бёрт. Введение [к изданию «Народные предания южных славян» Ф.-С. Крауса. – Вена, 2002 г.] 221

ЗАВЕТНЫЕ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ СЛАВЯН

Ф.-С. Краусс. Предисловие. *Фрагмент* 235
Глава I. О некоторых обычаях и взглядах южных славян
1. О наготе 240
2. О ебле 241
3. О том, когда девушка считается созревшей для любовных утех 242
4. Мать и дочь 243
5. «Хуина!» 243
6. «Расти, расти, пока я снимаю пояс!» 244
7. Замужняя малолетка 244
8. О том, как способствуют повышению плодородия 245
9. Проповедь валашского [сербского] протопопа по имени Джу́ка 246
10. О том, как муж может узнать, верна ли ему жена 246

11. Колдовство против ведьмы 246
12. О том, как приворожить собственного мужа 247
13. О лишении мужской силы 247

Глава II. О словоупотреблении

14. О женщине как сожительнице мужчины 248
15. Из чего Бог создал женщину 248
16. О смысле выражения «Jebem ti...!» 249
17. Зять в гостях у родни жены 250
18. Оскорбленный цыган 251
19. Послание князя Милоша Вуку Караджичу 252
20. Турок и серб 253
21. Ебанные первого ноября 254
22. О смысле выражения «Кшас ti!» 255
23. Завещание 256
24. «Какого хуя тебе надо?» 256
25. «И такая хуйня возможна!» 257
26. Крестный отец не желал плевать 258
27. Свистеть хуем 258
28. Стеснительная девушка 259
29. «Надо, чтобы жопа три раза взопрела!» 259
30. «Этого требует вежливость!» 260
31. «А какое говно везу я?!» 261
32. История о том, как мужик осла искал 261
33. «Тяжела ли моя дочь?» 262
34. «Дисно – тисно» 263
35. Ядреные разговоры 263
36. Ядреный разговор 266
37. Залупу ему заворотила 266
38. Невоспитанность зятя и его матери 268
39. Румын не умеет, как господа! 269

Глава III. Об использовании названий половых органов в качестве имен собственных

40. Пи́здина гора, возвышенности Хуй и Секель 271
41. Дорога в Пиздовац 272
42. Эркины дочери 273
43. Настоящее имя слуги 274
44. Слуга по имени Хуйо 275
45. «Ебешь!» 275
46. Монахи 277
47. Три охотника 278

Глава IV. О чудесном зачатии без предшествующего полового сношения

48. История о том, как родился царь Константин 279
49. Святой Андрей 281
50. Об оплодотворяющей силе лунного и солнечного света 282

Глава V. О том, как добиваются любовного наслаждения

51. «Эх, моего хуя на нее не хватает!» 283
52. О том, как парень ухаживает за девушкой 283
53. Заговор парней-мусульман, которые хотят заполучить девушку 287
54. Славонский вопрос 287
55. Боснийский вопрос 287
56. О том, что девушке не хотелось называть 287
57. О том, как девушки привораживают парней 289

Глава VI. О хуе и о яйцах

58. История о том, как старик погиб от собственного хуя 291
59. «Всё это наветы пакостников!» 291
60. О том, какой бывает хуй 292
61. О том, из чего состоит хуй 292
62. Только блядь знает, какие бывают хуи 293
63. «Частый прыгун — для пиздушки самый желанный» . 294
64. «Какой хуй лучший?» 294
65. «Чей хуй лучше?» 294
66. Вот так дубина! 295
67. Большой хуй 295
68. «Ох, Тодор!» 296
69. История о том, как молодуха продавала жеребца, а поп покупал 296
70. Хуй монаха 297
71. Запуталась 297
72. Хорваты ебут лучше краинцев 297
73. Да, были члены в наше время!.. 298
74. Какой хуй лучше работает? 299
75. История о том, что растет быстрее всего 299
76. Что труднее сдирается 299
77. История о том, что бабе хуй всегда слишком короток 300

78. История о нелегкой жизни хуя и носка́ 300
79. Королевская дочь 301
80. История о поповом зяте с непомерным хуем 303
81. Когда наступает Вознесение 304
82. У дурака хуй словно железный 305
83. История о лысом слуге с твердым хуем 307
84. О пчеле, севшей на хуй 314
85. О том, что для дам 315
86. Банатец в балагане 315
87. История о том, как парень искал девственницу 316
88. Неопытная невеста 317
89. Какой женщине большой хуй в самый раз 318
90. «Пизда не изо льда!..» 319
91. О бабах, падких на хуй 320
92. История о том, как черногорец зарабатывал своим хуем 321
93. История о жене паши́ и их слуге Иване 326
94. История о том, как один слуга пользовался своим хуем для взвешивания 327
95. Ходжа и влашская [сербская] пизда 328
96. «Мы хуи свои измеряли» 329
97. У кого что на уме 330
98. Слишком длинный хуй 331
99. Почему у осла самый большой хуй 332
100. Игра с хуем 332
101. Муде 333
102. Почему лошадь никогда не бывает сытой, или Почему турки не едят свинину 333
103. История о том, как одно уповало на другое 334
104. История о том, как мужик оба муде потерял 335
105. История о том, как в гостях у родителей жены зять оседлал бочку 336
106. Монах с грыжей 337

Глава VII. О женских половых органах

107. Пизда как карман 338
108. Пизда 339
109. «Да здравствуют наши пиздушки, развеселые шалуньи!» 339
110. Прелести красивой девушки 340
111. Откуда у мужчин хуй, а у женщин – пизда 341
112. Почему у женщины внизу открыто 341
113. История о том, как бабы пиздушку кроили 342

114. Пизда и хуй 343
115. Пиздино дно 343
116. История о том, как пиздушечка, хуечек и яйца ходили за хворостом 344
117. Черт и его жена 345
118. Жаба, мышь и блоха у крестьянки 346
119. Жаба, блоха и мышь у графини 347
120. Жаба и мышь 347
121. Влажная квартира 348
122. История о том, что не поделили между собой дыра жопы и пизда 349
123. «В нашем роду у всех такие широкие!» 349
124. Хороший ответ 350
125. История о том, как он, когда ее еб, сказал: «Открой рот!» 350
126. История о том, как из одного дома чуть не вынесли два гроба 351
127. История о том, как эра со снохой ловил раков 352
128. Волк 352
129. Испугался хуя 353
130. Пострадал из-за правды 354
131. Макал лепешку в пизду 354
132. История о том, как парень научился ебле 355
133. «Как же это ему удалось попасть прямиком [в пизду]?» 355
134. «Ты присмотрись, как это делают собаки!» 356
135. «Хорошая примета!» 356
136. «В доме нашего Тричко – одни пизды» 357

Глава VIII. О срамных волосах

137. Откуда у человека волосы на теле 359
138. Срамные волосы на память 359
139. История о том, как невестка побрила пизду золовке ... 361
140. Искал без волос 362
141. Кошка между ног 363
142. Кошка на животе 364
143. «Эту штуковину даже черт не выпрямит!» 364
144. Чертова пшеница 367

Глава IX. О совершении полового акта

145. Способы ебли 368
146. История о том, как один приладил к жопе кувалду, чтобы лучше вбивать 369

147. «Тпру, лощадка!» ... 371
148. История о том, как Адам первый раз выеб Еву ... 371
149. Чудо старого ходжи ... 372
150. В первую брачную ночь надо разодрать кошку ... 373
151. История о том, как отец научил сына ебаться ... 375
152. Сколько лопат муки? ... 376
153. «Вонзи мне его, дай мне его!» ... 376
154. «Запихни всю корзину туда!» ... 377
155. «Я на небесах!» ... 377
156. Каково ей было? ... 377
157. «Отец идет!» ... 378
158. Как узнать, что корова хочет? ... 378
159. История о том, как у одного мужика была красивая жена, но ему было жаль ее ебать, поскольку он боялся погубить ее этим ... 379
160. История о том, как еблись отец и сын ... 384
161. История о мужике, поклявшемся, что не женится ни на какой другой бабе, кроме как с двумя пиздами ... 385
162. «Я их видела сотни три...!» ... 386
163. «Белый конь тоже любит жрать овес» ... 387
164. История о том, как парни искали девственниц ... 387
165. Ебать с носом ... 388
166. «Заодно и нашего Шарика!» ... 388
167. «Теперь можешь, папка! Все уже спят!» ... 389
168. Еще не просверлена ... 390
169. Как ку́му стало противно ... 390
170. Какая у цыгана работа ... 391
171. Молоко закачивает ... 391
172. «Я пошаливаю...» ... 392
173. «Только попадьи еще не было!» ... 392
174. Промашка вышла ... 393
175. История о том, как муж помогал жене во время родов ... 394
176. У всех троих одинаковый ум ... 395
177. Который наверху ... 396
178. Расходы офицера ... 397
179. Кади и три брата ... 397

Глава X. Об удовлетворении полового влечения посредством фантазирования

180. Нюхальщик пизды ... 400
181. История о том, как один мужик тер пизду и затем весь день нюхал свою руку ... 400

182. Морда 401
183. История о любителе говна и любителе подсматривать 401
184. История о том, как паша́ сцал на своих наложниц 402
185. История о том, как цыган барышень ебал 402
186. До чего додумываются бабы, когда рядом нет мужика 403
187. Возбуждение с помощью сала 404

Глава XI. Придурковатые моло́дки

188. Целомудренная жена 405
189. История о том, как отец еб свою дочь 405
190. История о царевне и цыгане 406

Глава XII. Придурковатые парни

191. Не заслужил ничего лучшего! 408
192. О фабрике по производству людей 409
193. Пизда в тыкве 410
194. «Дай малышу дырку!» 411
195. История о парне, который не представлял, как надо ебать 411
196. История о том, как один не представлял, что надо делать в брачной постели и позвал свою мать 412
197. История о том, как один хотел иметь жену с двумя [пиздами] 413
198. «Ага, я бы еще смазал!» 414
199. «Пизда не хочет пресного молока» 416
200. Пизда может и укусить! 417
201. История о том, как муж с женой пряжу наматывали .. 419
202. Пизда с зубами 419

Глава XIII. О временном браке свекра и снохи и о многомужестве

[Предуведомление] 421
203. Отец сыну — зять 421
204. О свекрах, ебущих снох 422
205–211. Снохачество 422
212. «О Боже, от страха пред Тобой даже свой своего выебет!» 429
213. Падчерица и старая корова 430
214. «Кто его знает, где я буду через год!» 431
215. История о том, как сваты выебли на свадьбе невесту 431

216. Собачья свадьба 432
217. Эрка долго не имела понятия, за кем она замужем ... 432
218. История о том, как деверь сноху насиловал 433
219. Деверь и сноха 434
220–221. История о том, как свекор сноху ебал 435
222. История о том, как свекор еб сноху 436
223. История о свекре, который еб будто пяткой 436
224. История о богоугодном поступке одного черногорца .. 437
225. История о том, как свекор учил сына ебать, а сноха пердела 438
226. История о том, что без мастера дело не сладится! 440
227. История о том, что пиздушка хочет не молока, а мяса 440
228. «Хлебай, пиздюшка, сливки!» 441
229. Как быку узнать, что корова его хочет? 442
230. История о настоящем сыне 442

Глава XIV. Гостеприимная проституция

[Предуведомление] 444
231. Гостеприимная проституция в Хорватии и Славонии 444
232. Рассказ боснийского жандарма 446
233. Монах на ночевке 447
234. Счет не сходился 448
235. Одеяло 449
236. «Если бы я его доносил, получился бы второй королевич Марко́!» 450
237. «Завтра спросим!..» 452
238. Обмен 453
239. История о том, как мо́лодец царя перехитрил 455
240. Чистюля 456
241. «Приезжай, кум, еще — хоть подержимся друг за дружку!» 457
242. История о том, как кум понятия не имел, чем был занят его хуй, когда его хозяин спал 458
243. Настино чудо 458
244. Слуга по имени Ебёшь 460
245. «Дай же ты ему!» 461
246. «Дайте ему сразу обе!» 461
247. История о том, как солдат отомстил попу 462

Глава XV. О кровосмешении

248. Безвременница 464

249. Отец еб дочь и тетю 464
250. История о том, как один еб собственную дочь и на него пожаловались кади 465
251. История о том, как цыган еб свою дочь 465
252. История о том, как дитя закачивало матери молоко .. 466
253. «Прикрой, мать, наготу!» 466
254. «Хую всё равно — мать или не мать!» 466
255. Привидение 467
256. «Разъебу!» 467
257. История о том, как отец хотел жениться на собственной дочери 467

Глава XVI. Мужчина как соблазнитель

258. Пастух и пастушка 472
259. Колдун 473
260. «Вокруг дырки, дьявол!» 474
261. Скребница 474
262. История о том, как пастушка снимала пастуху с его хуя кожу за быка из его стада 475
263. Если ему снять с хуя кожу 476
264. Уши между ног 476
265. Эра в роли поварихи 477
266. Шаловливая поповская «служанка» 478
267. История о том, как девушка засунула палец в пизду и он туда провалился 479
268. История о том, как пастух обманул пастушку 481
269. Нос отца и лекарство дочери 481
270. История о том, как один парень загонял тепло в тело девушки 482
271. История о том, как пастух и пастушка украли поросенка 484
272. История о том, как солдат нашел девичью честь 486
273. История о том, как парень и девушка отливали оловянные ложки 487
274. История о том, как девушка боялась хуя 488
275. Пиздоцеловальник 488
276. История о том, как бабка выпрямила кривую пизду ... 490
277. История о том, что Петя показывал девушке 491
278. Первый танец Лизы 492
279. История о том, как девушка берегла свою честь 494
280. Брат подмастерья и дочь сапожника 495
281. Глухонемой слуга среди монашек 496

Глава XVII. Об изнасиловании девушек и женщин

282. Чуть было не нарвались на неприятность! 498
283. Улан и краинец с его Мицкой 498
284. «Я узнаю твой хуй по его бегу рысцой!» 500
285. «Ну какая это справедливость?..» 500
286. История о том, как хорватский мелкий служащий стал окружным судьей 501
287. Суд князя Милоша 505
288. История об обесчещенной недотроге 506
289. История о девушке с редкими пальцами 506
290. Изнасилованная 507
291. История о том, как девушка жаловалась на изнасиловавшего ее парня 508

Глава XVIII. О женской похотливости

292. Когда баба не думает о ебле? 509
293. Почему женщине всегда мало 509
294. Сколько хуев она слопала? 510
295. И у них там жгло! 510
296. Дикий хуй 511
297. История о пастухе с тремя хуями 512
298. История о той, которая во что бы то ни стало хотела связать все три воедино 513
299. История о мужике с двумя хуями 514
300. «Свистнул, не свистнул — а я уже здесь!..» 515
301. Когда девка сгорает от желания 515
302. Царица и три брата 517
303. Кукурузные хуи 519
304. Как крестьянину пригодились хуи 520
305. Триппер напугал 522
306. История о том, как немка вошла во вкус 522
307. История о том, как турчанка повторно вышла замуж 523
308. Страдания подкаблучника 523
309. «Ох, бедный поп!..» 525
310. Турчанка и гяур у кади 526
311. «Пусть лишь немного подровняет...» 528
312. История о том, как валах продавал зайца 529
313. Теперь они квиты 530
314. Святой Илья стережет на Небе яблоки 531
315. «Почему Бог порой не видит, что творится кое-где?» ... 532
316. Она тоже хотела бы умереть 534

317. Не трясет хуем 534
318. Самосейка 535
319. История о том, как вдова обманывала своих ебарей ... 535
320. Количество ебни 536
321. Детская коленка 539
322. «Хоро́ша девка!» 540
323. Не пробита, где следует 540
324. Отомстила 541
325. История о том, как теща будущего зятя объегорила ... 544
326. Петух потоптал курочку 545
327. Отрубленный хуй 546
328. Сколько у нее было зубов, столько он ее и еб 546
329. «Бабке украшения ни к чему» 547
330. Бабке не до украшений 548
331. «Драгоценности мне ни к чему!» 548
332. «Если опоздаю к утрене, то к вечерне поспею!» 548
333. «Только бы она у нее не заросла» 549
334. «Глубже, волк!» 549
335. Утешил старуху 550
336. «Пошарь, малыш, немного по краям!» 550

Глава XIX. О женской измене

337. Закуковала кукушка 551
338. Наказанная жена 552
339. История о том, как жена ослепила мужа 553
340. Хитрость мужа 554
341. История о том, как хряк чесался о хуй свинопаса, словно о пень, и на это взирала хозяйка 554
342. История о том, как муж был отмщен за себялюбие ... 557
343. «Да он, негодяй, обманывает — ему просто хочется срать!..» 559
344. Сделали доброе дело 560
345. Жена не прощает мужу 561
346. «Пеко их прогонит, он их прогонит!» 562
347. Индюк Ходжи Насреддина 562
348. Испытание любви 564
349. «А потом?» 568
350. История о том, как доктор смазывал попадью 569
351. Мастерица и ученик 570
352. «Ду́жка!» 570
353. История о том, как черт лизал жену 572
354. История о том, как охотник еб охотника 572

355. «Подними еще малость!» 573
356. «Ты только посмотри, какая на небе луна!» 574
357. История о том, как жена обманула своего мужа 575
358. «Кто войдёт в этот круг...» 575
359. «Папка! Только не пролей молоко...» 576
360. Не послушался совета 576
361. Красный зуб из жопы 579
362. «Астагфиру лла!» 579
363. Аптекарь и пастух 580
364. «У него был кривой уд!» 581
365. Мастер делать детей 582
366. Мужик нормального языка не понимает 583
367. Другой ей нужен разве что для разнообразия 583
368. «Др-мр, др-мр!» 584
369. По-итальянски она не знала 585
370. «Это не шутка, когда пизда полна мяса!» 585
371. Смешное окно 586

Краусс Ф.-С.
Заветные истории южных славян: В 2 т. / Изд. подгот. Л.В. Бессмертных. – М.: Ладомир, 2009. Т. 1. – 600 с. (Русская потаенная литература)

ISBN 978-5-86218-424-2 (Т. 1)

Научное издание

Краусс Фридрих С.
ЗАВЕТНЫЕ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ СЛАВЯН

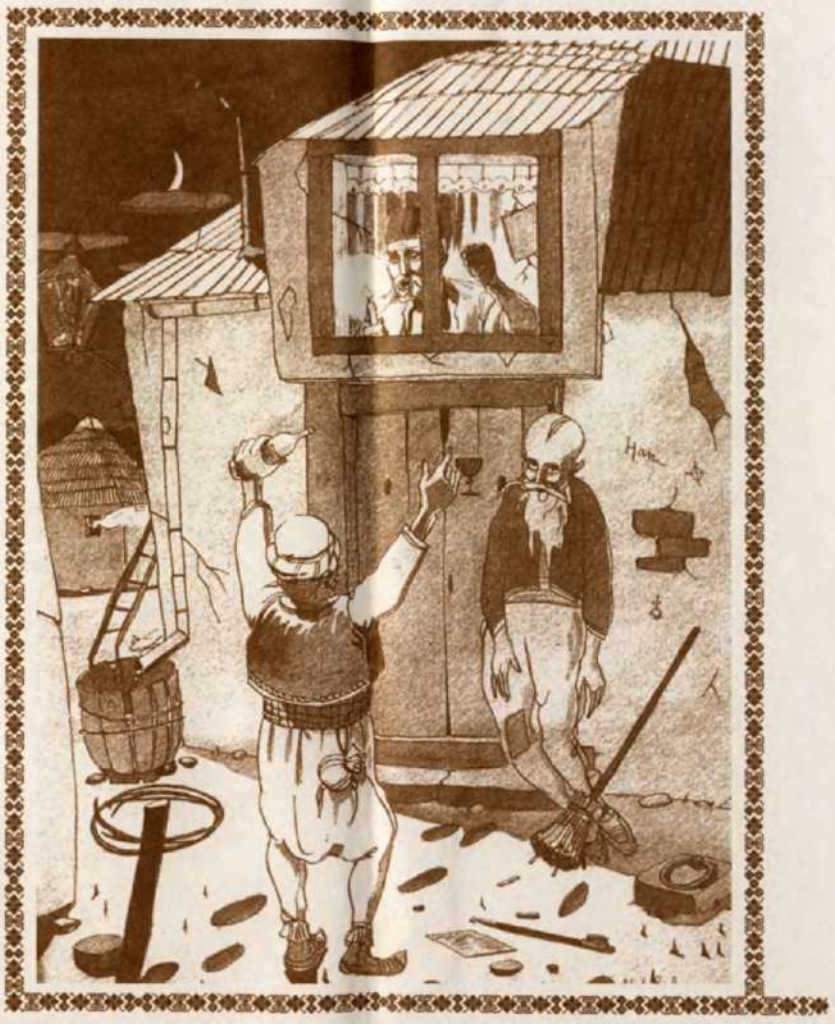
Редактор *Ю.А. Михайлов*
Корректоры *И.В. Лебедева, О.Г. Наренкова*
Компьютерная верстка *О.А. Кудрявцевой*
Препресс *В.Г. Курочкин*

ИД № 02944 от 03.10.2000 г.
Подписано в печать 30.06.2009 г.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Баскервиль».
Печать офсетная. Печ. л. 37,5.
Тираж 1000 экз. Зак. *К*-1123.

Научно-издательский центр «Ладомир»
124681, Москва, ул. Заводская, д. 6-а
Московский тел. склада (не сотовый): 8-499-729-96-70
E-mail: ladomir@mail.compnet.ru
lomonosowbook@mtu-net.ru

Отпечатано с оригинал-макета
ГУП «ИПК "Чувашия"»
428019, Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 13

ISBN 978-5-86218-424-2



Ф.-С. КРАУСС

Заветные истории южных славян

Ф.-С. КРАУСС
ЗАВЕТНЫЕ ИСТОРИИ
ЮЖНЫХ СЛАВЯН